БИБЛИОТЕКА
«ВОПРОСОВ ИСТОРИИ КАМЧАТКИ»

В. Н. АРОВ

«О КАМЧАТСКОЙ ЗЕМЛЕ НАПИСАНО...»

Исторические очерки

Петропавловск-Камчатский
Холдинговая компания
«Новая книга»
2018

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(Камч)
А79

Аров В. Н.

А79 «О камчатской земле написано...» Исторические очерки / Библиотека «Вопросов истории Камчатки». — Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2018. — 432 с., ил.

ISBN 978–5–906904–10–2

В книге собраны очерки и статьи, написанные в разные годы одним из старейших камчатских краеведов, доцентом Камчатского государственного технического университета Валерием Николаевичем Аровым (1939—2015). В них в популярной форме представлены отдельные аспекты истории Камчатки и Курильских островов от начала XVIII до начала XX в., связанные с их открытием и освоением. Включены биографические материалы об авторе и хронология основных событий из жизни нашего полуострова.

Издание предназначено для школьников, студентов, всех интересующихся историей Северо-Востока России и Камчатки.

УДК 908(571.66)
ББК 63.2(Камч)

Рецензенты:
кафедра истории и философии ФГБОУ ВО «Камчатский государственный технический университет», канд. филос. наук, доцент В. В. Агафонов

Редактор-составитель С. В. Гаврилов

На обложке: Е. Ф. Димура «Витус Беринг. Начало пути», 1991 г. Фрагмент

© В. Н. Аров, 2018
© С. В. Гаврилов, составление, 2018
© Холдинговая компания «Новая книга», 2018

ISBN 978–5–906904–10–2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга подготовлена коллегами и учениками старейшего преподавателя Камчатского государственного технического университета, замечательного камчатского краеведа и популяризатора исторических знаний Валерия Николаевича Арова (1939—2015). Её замысел сложился ещё при его жизни, но, к сожалению, с его осуществлением мы запоздали, а потому автор так и не смог подержать готовый томик в руках. Недавно он ушёл от нас навсегда, и поэтому книга является данью его памяти.

Расскажем об авторе сначала строками документов, хранящихся в его личном деле. Валерий Николаевич Аров родился 24 ноября 1939 г. в городе Сталинграде в семье служащих. В самом раннем детстве он стал свидетелем и в какой-то мере участником одного из величайших военных событий бурного двадцатого века — грандиозной Сталинградской битвы. В 1957 г. по окончании средней школы поступил на исторический факультет Саратовского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета. Окончив его в 1962 г. с квалификацией «Учитель истории средней школы, историк», в этом же году приехал на Камчатку. Трудиться начал в ноябре 1962 г. учителем средней школы старинного камчатского села Мильково, затем преподавал в школе посёлка Лазо Мильковского района. С 1964 г. жил в Петропавловске-Камчатском, был научным сотрудником Камчатского областного краеведческого музея. С 1965 г. руководил краеведческим кружком городского Дома пионеров № 1, одновременно преподавал как «почасовик» в Камчатском государственном педагогическом институте, был референтом областной организации общества «Знание». С октября 1968 г. — ассистент кафедры марксизма-ленинизма Камчатского филиала Дальрыбвтуза (впоследствии КамчатГТУ). Это был первый учебный год филиала, когда началась подготовка специалистов для рыбной промышленности полуострова по дневной форме обучения. То есть, Валерий Николаевич являлся одним из первых специалистов высшей технической школы

на Камчатке. В этом же, 1968-м, году вступил в коммунистическую партию, а с сентября 1972 г. стал старшим преподавателем кафедры марксизма-ленинизма.

К середине 1970-х гг. он опубликовал в сборнике статей молодых учёных Камчатки, газетах «Камчатская правда» и «Камчатский комсомолец» несколько краеведческих материалов, привлекших к себе внимание общественности. В 1977—1981 гг. был отмечен тремя благодарностями от руководства вуза. Часто выезжал в командировки и на стажировки по повышению политических знаний. Например, в начале февраля 1981 г. на пять месяцев был направлен в институт повышения квалификации при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. В 1982 г. командирован в Ростов-на-Дону для участия в республиканском семинаре-совещании председателей первичных организаций общества «Знание», в этом же году побывал в родном городе, теперь называвшемся Волгоградом, на всероссийском семинаре лекторов.

В октябре 1982 г. стал заместителем декана факультета общественных профессий и руководителем школы молодого лектора. Эта школа, несмотря на свойственные тому времени некоторую заорганизованность и идеологический диктат, сыграла большую положительную роль в формировании личностей многих нынешних камчатских руководителей и специалистов, общественных и политических деятелей.

В декабре 1983 г. Валерий Николаевич вновь посетил Москву, где участвовал в республиканском семинаре лекторов-общественников. В январе 1984 г. в составе лекторской группы направлен в районы Камчатской области, а в июне и августе этого года побывал в отдалённых поселках Тиличики и Корф Олюторского района. Здесь занимался «агитационной работой по набору в институт», а затем уехал на всероссийский семинар лекторов-международников в Саратове. В 1988—1990 гг. исполнял обязанности заведующего кафедрой марксизма-ленинизма.

Из служебных характеристик 1970—1980-х гг.: «Читает курс лекций и проводит семинарские занятия по научному коммунизму на уровне, отвечающем требованиям вуза, пользуется авторитетом у студентов. За время работы в филиале показал себя трудолюбивым и исполнительным работником, любящим преподавательскую работу. Много работает над повышением научно-теоретических знаний. Сдал два кандидатских экзамена, работает над диссертацией “Партийное руководство общественными организациями тру-

дящихся. 1959—1970 гг. (по материалам Камчатской областной партийной организации)"... Ведёт большую общественную работу в филиале, является членом партийного бюро, в течение ряда лет являлся пропагандистом начальной политшколы для сотрудников. Руководитель лекторской группы и школы молодого лектора, председатель первичной организации общества "Знание". Являлся активным лектором-международником областной организации общества "Знание", членом научно-методического совета по пропаганде вопросов внешней политики и международных отношений. Пользуется авторитетом у преподавателей, сотрудников и студентов филиала. Честен, принципиален».

С января 1991 г. Валерий Николаевич учился во Всесоюзной школе преподавателей истории технических вузов, военных училищ и техникумов в Ленинграде. В 1992 г. его избрали на должность доцента кафедры социально-гуманитарных наук. Из протокола заседания кафедры, посвящённого рассмотрению кандидатуры соискателя: «В. Н. Аров — ветеран нашей кафедры, стаж работы — двадцать пять лет, работает по всем направлениям. Разработал несколько новых курсов лекций по социологии, истории России, краеведению... Круг научных интересов связан в основном с исследованием проблем истории Камчатки, роли русских землепроходцев и мореплавателей в исследовании и освоении северной части Тихого океана... Как преподаватель обладает очень большим теоретическим и методическим потенциалом, при этом много и постоянно работает над его увеличением... Участвует в госбюджетной научно-исследовательской работе "Концепция гуманитарного образования в техническом вузе"». За избрание на должность доцента все присутствовавшие голосовали единогласно.

6 октября 1993 г. за двадцатипятилетнюю плодотворную работу по подготовке кадров для рыбной промышленности В. Н. Арову объявлена благодарность, он отмечен денежной премией. Спустя почти десятилетие, 13 марта 2003 г., кафедра социально-гуманитарных наук была преобразована в кафедру истории и философии. Бежали годы, продолжалась с одной стороны привычная, а с другой — постоянно требующая чего-то нового творческая работа. Настало время уходить на покой: 21 мая 2010 г., на семьдесят первом году жизни, Валерий Николаевич был уволен в связи с выходом на пенсию. Последний приказ ректора, теперь уже Камчатского государственного технического университета, вложенный в его личное дело, гласил: «Поощрить единовременным денежным вознаграждением

в размере двенадцати тысяч рублей за добросовестный труд и длительную безупречную работу».

После ухода из университета он вёл одинокую (от тяжёлой болезни умерла его супруга Нина Казимировна) скромную жизнь российского пенсионера. Почти каждый день проходил мимо учебного корпуса, где располагалась его кафедра, продолжали трудиться коллеги, встречаясь, разговаривал с ними, делился планами. Поначалу продолжал писать, но затем состояние здоровья делать это уже не позволяло...

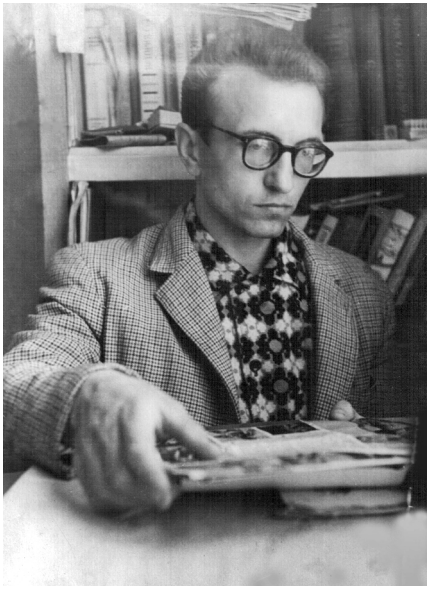
Валерий Николаевич Аров скончался 11 ноября 2015 г. на ставшей ему родной Камчатке, похоронен в Петропавловске-Камчатском.

А теперь обратимся к воспоминаниям Валерия Николаевича и рассказам его коллег. Для этого, в частности, используем статью, опубликованную в сентябре 2001 г. в газете «Жизнь Камчатского университета»:

«За полстолетия наша страна пережила разруху и восстановление хозяйства, войну и мирное созидание. Всё это отразилось в творческой деятельности доцента кафедры социально-экономических наук Валерия Николаевича Арова. Он и сам был очевидцем этих событий и перемен. Тем более что предмет, который преподаёт Валерий Николаевич, должен отражать все события и фиксировать изменения. Уж если из песни слова не выкинешь, то история оперирует только фактами. А известно, что факты — вещь упрямая.

Вот что о своём детстве и студенческих годах вспоминает Валерий Николаевич: “Родился я накануне Великой Отечественной войны... Первое впечатление в жизни — бомбардировка Сталинграда 23 августа 1942 г. Я был ранен осколком немецкой авиабомбы, который до сих пор ношу в себе. Два месяца наша семья жила в оккупированном немцами донском хуторе. В 1943—1945 гг. я вместе с родителями плавал на катере, обслуживавшем Экспедицию подводных работ особого назначения, поднимавшую затонувшие суда на Волге от Астрахани до Саратова. Плавать научился в четыре года, а до этого два раза тонул, едва откачали.

Учился в классе, в котором из тридцати человек семеро окончили школу с золотой или серебряной медалью. Мечтал стать моряком, после восьмого класса собирался с другом поступить в мореходку, но подвело зрение. Друг окончил Херсонскую мореходку и, возможно, до сих пор плавает капитаном по Дунаю.

В. Н. Аров в начале своей научной и педагогической деятельности, конец 1960-х гг.

В. Н. Аров — доцент кафедры социально-гуманитарных наук КамчатГТУ, 1990-е гг.

«Есть в море за переливами земля...» В архивном фондохранилище

ВСЕРОССИЙСКИЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО РУКОВОДСТВУ НАРОДНЫМИ
УНИВЕРСИТЕТАМИ

Дальрыбвтуз

Камчатский

(республика, край, область, город, район)

филиал

(организации-учредители)

«Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой».

В. И. Ленин

ДИПЛОМ № 24/81

Выдан Гаврилову
(фамилия, имя, отчество)
Сергею Витальевичу

который(ая) в 1980-81 обучался(ась) в народном университете
ШМЛ
(вид народного университета)
и успешно закончил(а) курс обучения
школа молодого лектора
Тов. Гаврилову С.В.
присваивается общественная профессия
лектор-общественник

Ректор народного университета

Декан факультета

«4» 06 1981 г.

З. 1535р. Т. 50 000. Тип. «Знание».

Диплом выпускника школы молодого лектора факультета общественных професиий Камчатского филиала Дальрыбвтуза

На кафедре истории и философии Камчатского государственного технического университета идёт обсуждение тематики научной работы, середина 2000-х гг.

Когда я поступал в Саратовский университет, хотел стать геологом, но не прошел медицинскую комиссию по зрению. Тогда решил посвятить себя археологии и был зачислен на исторический факультет. Из пятидесяти человек нашего выпуска — восемь докторов наук, ректор Московского института национальных и региональных проблем, проректор Пятигорского института иностранных языков".

В 1962 г. Валерий Николаевич окончил исторический факультет Саратовского университета, получив специальность учителя истории средней школы. На Камчатку он попал по собственному желанию, "сам напросился", хотя был знаком с полуостровом только по книге С. П. Крашенинникова "Описание земли Камчатки". Работал учителем истории в школе. Общение с детьми было всегда в радость. Именно поэтому Валерий Николаевич совмещал работу в краеведческом музее в должности научного сотрудника и руководство краеведческим кружком в городском Доме пионеров.

Послужной список в высшем учебном заведении, куда Валерий Николаевич пришёл по приглашению председателя общества «Знание», ректора Камчатского филиала Дальрыбвтуза Ю. А. Волкова в 1968 г., начинается с записи: ассистент кафедры марксизма-ленинизма. А в 1972 г. он стал старшим преподавателем этой же кафедры. В тот период страна строила коммунизм, но уже тогда Валерий Николаевич начал критически относиться к "правильности" выбранного страной пути. Сдав кандидатские экзамены, он работал над диссертацией...

В последующие годы командировки от общества "Знание" чередовались с преподавательской деятельностью. Но где бы ни был Валерий Николаевич, везде он зарекомендовал себя как человек, наделённый "высоким чувством ответственности, глубокой заинтересованностью, подлинной любовью к делу" (из представления на аттестацию).

"История России", "Социология", "Политология" — вот дисциплины, которые читает студентам Валерий Николаевич. Его научные статьи отличаются особым патриотизмом, любовью к Камчатке и жителям Петропавловска-Камчатского. В одной из последних работ, где подробно рассказывается о кругосветном путешествии Крузенштерна, он делает вывод, что "первое русское кругосветное плавание оказало заметное влияние на дальнейшее развитие Камчатки: Петропавловск стал её административным центром, упростилось управление краем и снабжение населения товарами. Начальник Камчатки и его помощник стали назначаться

из опытных морских офицеров, обязанных прослужить на месте не менее пяти лет".

Доцент кафедры социально-гуманитарных наук Валерий Николаевич Аров искренне тревожится за будущее полуострова. Лекции его всегда интересны. И студенты с особой теплотой отзываются о необыкновенно скромном человеке, подарившем тридцать три года своей творческой деятельности нашему вузу».

Теперь предоставим слово коллеге Валерия Николаевича — доценту кафедры истории и философии, кандидату исторических наук Наталии Владленовне Толкачёвой:

«В 1979 г., ко времени начала моей работы на кафедре марксизма-ленинизма в Камчатском филиале Дальрыбвтуза, Валерий Николаевич Аров уже преподавал там почти двенадцать лет. В последние годы работы он вспоминал о своей жизни, её отдельные эпизоды. Его детство пришлось на военное время. Мне особенно запомнился рассказ о том, что его семья жила на барже, и ребёнком он несколько раз падал в воду, в волжские волны, но каждый раз ему везло, взрослые успевали его спасти. И помню его фотографию того времени, где он снят в матросской форме и бескозырке — настоящий речник-волгарь.

Когда я познакомилась с Валерием Николаевичем, он был старшим преподавателем и читал такие дисциплины, как "История КПСС", "Научный коммунизм", "Научный атеизм". Валерий Николаевич был трудолюбивым, вдумчивым, высокопрофессиональным преподавателем, очень серьёзно и добросовестно относился к работе. Его лекции всегда насыщались интересными фактами, примерами, а так как предметы, которые он вёл, были связаны с текущей политикой, то Валерий Николаевич всегда находился в курсе событий, происходивших в мире и в нашей стране. Его эрудиция проявлялась на занятиях. Лекционный материал не заканчивался временным периодом, излагавшимся в учебниках и требовавшимся программой. Валерий Николаевич продолжал рассмотрение темы вплоть до современных событий, произошедших буквально вчера, тех, о которых средства массовой информации сообщили утром в день занятия. Связывать читаемый курс с событиями современности для талантливого преподавателя было непременным условием, поставив которое перед собой, он выполнял с блеском.

Не менее насыщенными и интересными были курсы по предметам "Политология", "Социология", "История России", которые Валерий Николаевич вёл после того, как распался Советский

Союз, и обязательное преподавание марксизма-ленинизма в вузах было отменено. В это время он уже занимал должность доцента кафедры.

Валерий Николаевич также разрабатывал спецкурс по “Истории Камчатки”, вести который, к сожалению, ему не довелось, чему препятствовала довольно большая нагрузка, так как на кафедре он долгое время оставался практически единственным специалистом по дисциплинам “Политология” и “Социология”.

В советское время В. Н. Аров являлся членом общества “Знание”, а также входил в лекторские группы городского и областного комитетов КПСС. Лекторы этих организаций вели систематическую просветительскую, пропагандистскую и агитационную работу в коллективах трудящихся, выезжая в командировки по всему полуострову. Он читал лекции по истории Камчатки на предприятиях для служащих, рабочих, колхозников, работников совхозов и в любой аудитории умел пробудить интерес людей к истории страны, родного края.

Будучи человеком науки, интересующую его тематику, как уже упоминалось — историю Камчатки, а также прошлое Дальнего Востока, историю географических исследований на Северо-Востоке Евразии — Валерий Николаевич разрабатывал в научных и популярных статьях. Некоторые из них помещены в этой книге. И вновь можно подчеркнуть высокий научный и методологический уровень, широту тематики, тщательность, даже дотошность, с которой он вёл исследования. Источниковая база его трудов всегда была представительной и разносторонней по составу. Он обязательно опирался на материалы архивов, которые были изданы, а также и на неопубликованные исторические источники, мемуары современников, скрупулёзно анализировал литературу, вышедшую в разные годы по разрабатываемой теме, и всегда вносил что-то своё, какой-то новый, необычный, неординарный аспект, открывал новую грань изучаемого. Читатели смогут также оценить форму изложения и его ясный, чёткий и добротный литературный стиль.

Знание польского языка позволило Валерию Николаевичу написать статью о враче, учёном, члене Сибирского отдела Русского Географического общества Бенедикте Дыбовском, жившем и работавшем на Камчатке с 1879 по 1883 г. Объезжая полуостров, борясь с эпидемиями оспы, тифа и проказы, Б. И. Дыбовский проводил обширную научно-исследовательскую работу, изучал флору и фауну полуострова, роль рыболовства в жизни коренного населения, собирал данные о минеральных источниках. Для обеспечения

продовольствием местного населения он завёз из Америки на Камчатку овец, коз и кроликов, купив их на свои средства, а на Командоры — оленей и лошадей. Он был одним из первых инициаторов принятия на Камчатке официальных мер по защите соболя от полного истребления. В 1881 г. Бенедикт Иванович оплатил оборудование для метеостанции. По его инициативе и на его средства был реставрирован памятник Лаперузу.

Статья о Б. Дыбовском заинтересовала польских историков, которые приезжали на Камчатку и встречались с Валерием Николаевичем.

В. Н. Аров неоднократно подчёркивал, что история Камчатки со своими особенностями и геополитической спецификой не менее интересна, чем её уникальная природа. Открытие, исследование и освоение нашего края богато событиями и именами выдающихся землепроходцев, мореплавателей, путешественников, промышленников, учёных и исследователей, известных не только в России, но и за её пределами.

Изучение истории Камчатки в теории В. Н. Аров дополнял практикой — он увлекался туризмом и посетил многие места полуострова, видел те уголки Камчатки, где побывали землепроходцы и учёные, путешественники, словом, открыватели и исследователи нашего края. Вообще Валерий Николаевич был спортивным человеком, зимой его часто можно было встретить на лыжне.

Ещё один аспект личности Валерия Николаевича — его любовь к братьям нашим меньшим, а именно — к кошкам. Одни жили у него в квартире, других — бездомных — он подкармливал возле дома и вблизи университета (жил очень близко — всего через три дома от нашего седьмого корпуса, где и ныне размещается его родная кафедра).

В нашей памяти — памяти его коллег по кафедре “История и философия” — Валерий Николаевич навсегда останется настоящим учителем, учёным, честным, порядочным человеком, очень скромным и достойным».

От редактора. В начале 1980-х гг. я был студентом Валерия Николаевича, учась на судомеханическом факультете Камчатского филиала Дальрыбвтуза. Прошёл и с благодарностью вспоминаю руководимую им школу молодого лектора. Пригодилась, да ещё как! Сам давно лектор, хотя уже немолодой.

Спустя годы, в начале 1990-х гг., мы стали коллегами, а ещё через несколько лет началось наше сотрудничество на ниве кам-

чатского исторического краеведения. Произошло это так. Весной 1999 г. в одной из аудиторий третьего учебного корпуса Камчатской государственной академии рыбопромыслового флота (так тогда назывался нынешний КамчатГТУ) пересеклись пути-дороги двух «физиков» и одного «лирика». Ими оказались доцент кафедры холодильных машин и установок, ныне покойный А. М. Фирюлин, доцент кафедры судовых энергетических установок, ваш покорный слуга и Валерий Николаевич.

В разговоре на общие темы выяснилось, что все мы работаем над материалами, так или иначе посвящёнными истории рыбопромышленной отрасли полуострова. А. М. Фирюлин поделился своим желанием написать книгу о том, как на Камчатке развивалось и совершенствовалось холодильное дело, В. Н. Аров сообщил, что давно собирается обобщить сведения о первоначальных методах освоения рыбных богатств полуострова. Я же к тому времени располагал материалами, характеризующими организацию и начало деятельности камчатского морского транспортного и рыбопромыслового флотов. Все трое столкнулись и со сложностями публикации накопленных сведений. В газетах их не напечатаешь — они достаточно своеобразные, да к тому же и объёмные. Центральные издания нас вовсе не ждут, в вузовские сборники всего не поставишь, об отдельных же книжках пока приходится только мечтать.

Так вполне естественно возникла идея объединить усилия и подготовить тематический сборник. Тут же появилось и название: «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки». Готовить сборник к публикации решили собственными силами, благо компьютеры к этому времени перестали быть диковинкой, да и нами уже был накоплен вполне приличный опыт учебной работы, заключавшийся, в том числе, и в подготовке так называемых «методичек» для учащихся. Как самому молодому в составе помянутой выше «троицы», решение технических и организационных вопросов досталось мне. Так я впервые в жизни оказался в роли «ответственного редактора».

В первые «Вопросы...» вошли шесть материалов, разделённых на четыре рубрики, позже ставшие традиционными. Первую, названную «Рыбные ресурсы Камчатки и их использование», составили очерки В. Н. Арова «Русские исследователи о рыбных богатствах Камчатки и возможностях их использования» и «Способы добычи и обработки у коренных народов Камчатки», воспроизведённые в настоящей книге. Постепенно мы стали отказываться

от сугубо «рыбной» тематики. И здесь пионером стал Валерий Николаевич, подготовивший заглавный очерк для третьих «Вопросов...» об истории бота «Святой архангел Гавриил», внёсшего огромный вклад в освоение прикамчатских вод. Очерк назывался «Патриарх камчатского мореходства» и рассказывал о первом морском судне, построенном на полуострове из местного леса в 1728 г. Впоследствии, развивая это направление, В. Н. Аров опубликовал ряд интереснейших статей, показывавших основные этапы освоения Северо-Востока России: «Камчатка и первое русское кругосветное плавание (к двухсотлетию экспедиции И. Ф. Крузенштерна 1803—1806 гг.)», «Камчатка и русские глазами спутников Джеймса Кука», «В. С. Завойко — исследователь Русской Америки».

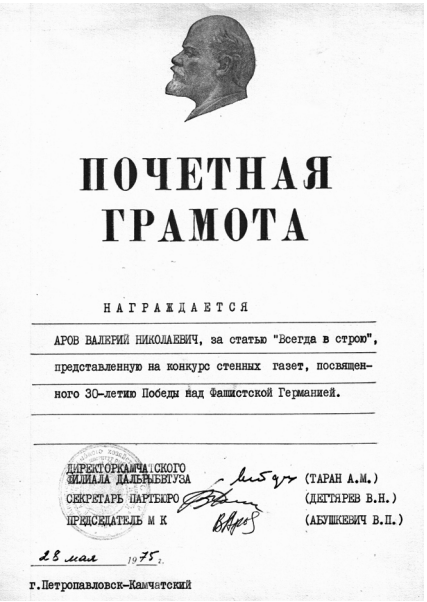
В середине 2000-х гг. началось издание другого, более солидного историко-краеведческого ежегодника — «Вопросы истории Камчатки». В трёх его первых выпусках также приведены великолепные исторические очерки Валерия Николаевича, в том числе и уникальный, впервые обобщавший ранее разрозненные сведения об административно-территориальном делении нашего края на протяжении более чем двух столетий, с момента его присоединения к России.

Рад тому, что мне посчастливилось посотрудничать с Валерием Николаевичем Аровым и поучиться у него скрупулёзному обращению с историческими материалами.

В эту книгу нами включены работы В. Н. Арова, подготовленные им в разные годы. Первая — «Камчатка и русские мореплаватели» — написана ещё в 1971 г. Её можно рассматривать как своеобразное введение, так как здесь кратко рассмотрен круг вопросов, широко развёрнутых в последующих очерках. Поскольку их тематика пересекается, то внимательный читатель обнаружит некоторое количество авторских самоповторов, в первую очередь в цитатах.

Благодарю всех сотрудников кафедры «История и философия» Камчатского государственного технического университета (заведующий кандидат философских наук Владислав Валерьевич Агафонов), в особенности доцента, кандидата исторических наук Наталию Владленовну Толкачёву и заведующую методическим кабинетом Наталью Юрьевну Максименко, за поддержку этой работы словом и делом.

Петропавловск-Камчатский,
15 ноября 2016 г.

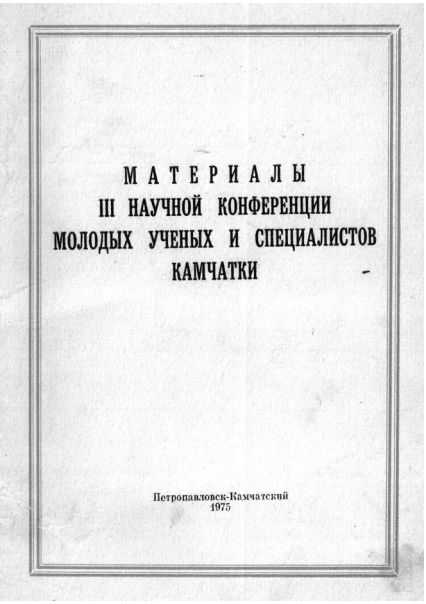
ПОЧЕТНАЯ
ГРАМОТА

НАГРАЖДАЕТСЯ

АРОВ ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ, за статью "Всегда в строю",
представленную на конкурс стенных газет, посвященного 30-летию Победы над Фашистской Германией.

ДИРЕКТОР КАМЧАТСКОГО ФИЛИАЛА ДАЛЬРЫБВТУЗА (ТАРАН А.М.)
СЕКРЕТАРЬ ПАРТБЮРО (ДЕГТЯРЕВ В.Н.)
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ М К (АБУШКЕВИЧ В.П.)

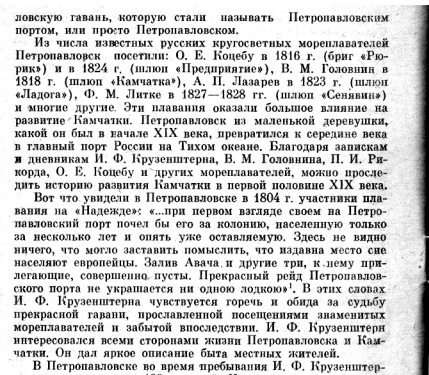
28 мая 1975 г.
г. Петропавловск-Камчатский

МАТЕРИАЛЫ
III НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ И СПЕЦИАЛИСТОВ
КАМЧАТКИ

Петропавловск-Камчатский
1975

Почётная грамота В. Н. Арова и обложка сборника материалов 3-й научной конференции молодых учёных и студентов Камчатки, 1975 г.

ловскую гавань, которую стали называть Петропавловским портом, или просто Петропавловском.

Из числа известных русских кругосветных мореплавателей Петропавловск посетили: О. Е. Коцебу в 1816 г. (бриг «Рюрик») и в 1824 г. (шлюп «Предприятие»), В. М. Головнин в 1818 г. (шлюп «Камчатка»), А. П. Лазарев в 1823 г. (шлюп «Ладога»), Ф. М. Литке в 1827—1828 гг. (шлюп «Сенявин») и многие другие. Эти плавания оказали большое влияние на развитие Камчатки. Петропавловск из маленькой деревушки, какой он был в начале XIX века, превратился к середине века в главный порт России на Тихом океане. Благодаря запискам и дневникам И. Ф. Крузенштерна, В. М. Головнина, П. И. Рикорда, О. Е. Коцебу и других мореплавателей, можно проследить историю развития Камчатки в первой половине XIX века.

Вот что увидели в Петропавловске в 1804 г. участники плавания на «Надежде»: «...при первом взгляде своем на Петропавловский порт почел бы его за колонию, населенную только за несколько лет и опять уже оставляемую. Здесь не видно ничего, что могло заставить помыслить, что издавна место сие населяют европейцы. Залив Авача и другие три, к нему прилегающие, совершенно пусты. Прекрасный рейд Петропавловского порта не украшается ни одною лодкою»[1]. В этих словах И. Ф. Крузенштерна чувствуется горечь и обида за судьбу прекрасной гавани, прославленной посещениями знаменитых мореплавателей и забытой впоследствии. И. Ф. Крузенштерн интересовался всеми сторонами жизни Петропавловска и Камчатки. Он дал яркое описание быта местных жителей.

В Петропавловске во время пребывания И. Ф. Крузенштерна насчитывалось до 180 жителей. Имелось два «приличных» дома. В одном из них жил комендант города майор Крупской, в другом — два артиллерийских офицера. Из-за отсутствия вблизи строевого леса постройка домов обходилась дорого. И. Ф. Крузенштерн сделал вывод, что удобнее и выгоднее строить кирпичные дома. Для этого он предложил построить завод на берегу Тарьинского залива. Возвратившись в Петербург, И. Ф. Крузенштерн не забыл о нуждах Камчатки. В своей книге он пишет: «Камчатку можно было бы снабжать с изобилием, если бы посылать туда ежегодно корабли из какого-либо Европейского Российского порта...»[2]. Это предложение И. Ф. Крузенштерна не осталось без внимания. Хотя не ежегодно, но довольно часто Петропавловский порт стал посещаться русскими судами из Кронштадта с товарами не только для Камчатки, но и для русских поселений на Охотском побережье.

По инициативе И. Ф. Крузенштерна и при его активном участии специальная комиссия во главе с И. Б. Пестелем представила в сенат проект о преобразовании управления Камчатским краем. Управление Камчатки было усовершенствовано. Начальник Камчатки и его помощник стали назначаться из опытных морских офицеров, обязанных прослужить на месте не менее пяти лет. Местом пребывания начальника было предложено сделать не Нижне-Камчатск, а Петропавловск. Был расформирован Камчатский батальон. Для охраны Камчатки была выделена флотская рота и 75 казаков, рассеянных по Камчатке и исполняющих полицейские обязанности. Таким образом, уже первое русское кругосветное плавание оказало значительное влияние на дальнейшее развитие Камчатки. Петропавловск стал административным центром, улучшилось управление краем и снабжение населения товарами.

Из последующих плаваний необходимо особо отметить полукругосветное путешествие В. М. Головнина на шлюпе «Диана». Это было самое драматическое плавание. Больше года экипаж «Дианы» томился в плену у англичан в Саймонстауне (мыс Доброй Надежды). Во время описи Курильских островов В. М. Головнин с группой русских моряков были захвачены японцами в плен на острове Кунашир и более двух лет находились в неволе. В. М. Головнин провел в Петропавловске три зимы (1809—1810 гг., 1810—1811 гг. и часть зимы 1813 г.). В 1818 г. он вновь посетил Петропавловск, совершая кругосветное путешествие на шлюпе «Камчатка». Первое впечатление от Петропавловска у В. М. Головнина мало чем отличалось от описания И. Ф. Крузенштерна. Второе плавание В. М. Головнина совпало со временем, когда начальником Камчатки был его верный помощник по плаванию на «Диане» Петр Иванович Рикорд (впоследствии адмирал и академик). Прибыв в Петропавловск в апреле 1818 г., В. М. Головнин с радостью отметил изменения к лучшему, вызванные энергичной деятельностью П. И. Рикорда: «Мы салютовали крепости из семи пушек и тотчас получили равный ответ. Такая исправность меня удивила, ибо я знал, что прежде всегда пушки по восемь месяцев в году лежали в сарае»[3]. П. И. Рикорд был человеком, хорошо

[1] И. Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света в 1803—1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева»., ч. 2, СПб, 1810, стр. 242—243.
[2] И. Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света в 1803—1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева»., ч. 2, СПб, 1810, стр. 250.
[3] В. М. Головнин. Сочинения. М.-Л., 1949, стр. 310.

52 53

Фрагмент статьи В. Н. Арова из «Материалов», 1975 г.

были образованы три уезда: Гижигинский, Анадырский и Нижнекамчатский. Центры уездов были названы городами во главе с городничими. Во главе уездов — земские исправники. Камчатка вновь оказ-сь в подчинении Якутска.

12 декабря 1796 г. вышел указ Павла I о новой губернской реформе. Наместничества переименованы в губернии и число их сократилось. В Сибири их осталось две: Тобольская и Иркутская.

В марте 1803 г. — новая реформа. Тобольская и Иркутская губернии вошли в состав Сибирского генерал-губернаторства. В том же году в составе Иркутской губернии была образована самостоятельная Камчатская область. Указ 11 апреля 1803 г. о преобразовании его в Положении об областном управлении на Камчатке" во главе с правителем и местопребыванием его в Верхнекамчатске. Область состояла из военного, Камчатского, Крайнего, Анадырского и Гижигинского комендантств.

В 1798 г. было принято решение создать полк для усиления обороноспособности Камчатки. Командир полка был одновременно комендантом Камчатки, подчиненным непосредственно иркутскому губернатору. Местом пребывания коменданта был определен Нижнекамчатск.

Но и эта реформа была недолговечной. 9 апреля 1812 г. Александр I утвердил "Новое положение о Камчатке", разработанное группой мореплавателей и ученых, хорошо знакомых с положением дел на Камчатке. Областное правление ликвидировалось, а начальниками Камчатки назначались опытные морские офицеры с пребыванием в Петропавловской гавани, подчиненные непосредственно сибирскому генерал-губернатору. Это положение об управлении Камчаткой оказалось долговечнее предыдущих. Называлось это Камчатское приморское управление.

Вст. 1

По инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева 2 октября 1849 г. вышел указ об образовании Камчатской области во главе с военным губернатором, подчиненным Восточно-Сибирскому генерал-губернаторству.

31 октября 1856 г. Камчатская область была ликвидирована. Вместо неё был образован Петропавловский округ в составе вновь образованной Приморской области с центром сначала в Николаевске-на-Амуре, с 1880 по 1888 г. в Хабаровке, с 1888 г. во Владивостоке.

Вст. 2

До 1884 г. Приморская область входила в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, с 1884 г. во вновь образованное Приамурское генерал-губернаторство с центром в г. Хабаровке (с 1893 г. —

Фрагмент страницы рукописи одного из исторических очерков В. Н. Арова

КАМЧАТКА И РУССКИЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ

Историческая судьба Камчатки теснейшим образом связана со многими русскими морскими экспедициями. На протяжении всего XVIII в. полуостров был не только исходным плацдармом для русских исследователей севера Тихого океана, но и непосредственным объектом их изучения. В первой половине XIX в. он стал пунктом следования большинства русских кругосветных путешествий. Морские экспедиции оказали благотворное влияние на исследование Камчати, создали предпосылки для развития её производительных сил.

Открытие, изучение и освоение Камчатки связано с могучим движением русского народа на восток, в результате которого в состав России были включены необъятные просторы Сибири и Дальнего Востока. Причины движения русских людей «встреч Солнцу» необходимо искать в конкретных условиях, сложившихся в России к XVII в. Изолированная от Западной Европы враждебными государствами, Россия вынужденно искала новые экономические связи на востоке. Существовали и иные причины, толкавшие в XVII в. русских людей на восток. Крепостной крестьянин пытался уйти от гнёта помещиков на далекие окраины государства. Это имел в виду писатель Максим Горький, когда отмечал, что русский народ «в лице Дежнева, Крашенинникова, Хабарова и массы других землепроходцев открывал новые места, проливы — за свой счёт и за свой страх» [1].

Движение землепроходцев совпало с плаваниями русских мореходов. Этому способствовали особенности речной системы Сибири и возможность плавать лишь в течение короткого времени — летних месяцев.

В XVI—XVII вв. основным двигателем колонизации являлась погоня за пушниной. В этот период в открытии новых земель Сибири особую роль сыграли промышленники и служилые люди, связанные с торговлей.

В середине XVII в. вдоль северных берегов Азии уже плавали русские суда. В 1648 г. С. И. Дежнев прошёл на «кочах» от устья

Кольмы к устью Анадыря. Этим была доказана разделённость Азиатского и Американского материков. Литературная традиция, ведущая начало от С. П. Крашенинникова, в числе первых русских, попавших на Камчатку, называет спутника С. И. Дежнева — Федота Алексеева Попова, занесённого на полуостров бурей. Федот Алексеев Попов жил на речке Никул (приток реки Камчатки), где со своими товарищами построил зимовье. Однако пребывание Попова и его спутников на Камчатке не дало никаких сведений о вновь открытом крае. Достоверные известия о нём поступали очень медленно. Но в 1672 г. река Камчатка уже изображалась на «Чертеже Сибирской земли». (Современные исследователи полагают, что Ф. Попов на Камчатке не был. — *Ред.*)

Начало освоения полуострова положили походы Луки Морозко и Владимира Атласова. В 1696—1698 гг. они прошли с двумя партиями казаков вдоль восточного и западного побережья Камчатки и достигли её южной оконечности. Атласов был чрезвычайно наблюдателен и по возвращении продиктовал приказным людям описание Камчатки и её населения. Он первым рассказал о Ключевской сопке. С полным основанием Атласова можно назвать первым географом и этнографом Камчатки.

Важное место в истории изучения Камчатки и Курильских островов занимают плавания казака И. П. Козыревского, побывавшего в 1711—1713 гг. в северной части Курил. Козыревский составил первую опись островов. Он доказал, что они в то время никому не принадлежали, и положил начало включению островов в состав России.

Открытие, начало исследования и освоения Камчатки и Курил явились завершающим этапом географических открытий русских землепроходцев на Северо-Востоке Азии. Вслед за землепроходцами двигались правительственные войска и приказные люди, устанавливавшие там государственную власть.

Превращение России в морскую державу, победы над шведами и выход к Балтийскому морю открыли новый этап в продвижении на острова Тихого океана. Окрепшее централизованное государство получило возможность проводить большие географические исследования, требовавшие крупных затрат. В этих работах принимали участие выдающиеся государственные деятели, талантливые учёные и первоклассные моряки.

Известия о Камчатке и прилегающих странах привлекали внимание царя Петра I, который интересовался восточными странами и делал попытки установить с ними связи. При этом он обратил внимание на путь через Восточную Сибирь и Камчатку, так как

дорога по Амуру оказалась закрыта для русских Нерчинским договором 1689 г. с Китаем.

Связь с Камчаткой по суше в то время была крайне затруднена. Единственно известный путь сюда из Якутска длился более полугода, сопровождаясь большими лишениями. Поэтому решили искать водный. В 1707 г. Пётр I потребовал от якутских властей срочной посылки экспедиции для разведывания пути через Охотское море [2]. Однако первая удачная экспедиция состоялась только через девять лет после первого царского указа.

В 1716—1717 гг. якутский служивый Кузьма Соколов с мореходом Никифором Треской совершил плавание на лодье (парснике) на Камчатку через Ламское (Охотское) море к устью реки Большой. Оно послужило началом морского сообщения между Охотском и Камчаткой. Время в пути из Охотска на полуостров сократилось на несколько месяцев, а между ними установилась постоянная навигация.

В правительственных учреждениях в то время появляются мысли о необходимости организации больших экспедиций для исследования восточных земель, использование которых обещало государству большие выгоды. Камчатка становится их важнейшей базой и в дальнейшем одним из центров колонизации Дальнего Востока. Руководители этих экспедиций не принимали прямого участия в делах управления, но их появление с полномочиями от русского правительства не могло отражаться на положении камчатских дел.

На первых порах сделали попытку провести исследования местными силами и средствами. В 1719 г. был снаряжен «Большой Камчатский наряд» под начальством полковника Я. А. Елчина. Но он потерпел неудачу в связи с трудностями доставки материалов, необходимых в бездорожном крае с суровым климатом.

Первой научной стала экспедиция И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина, геодезистов, посланных в 1719 г. Петром I. Геодезисты осуществили большую картографическую работу на полуострове, обследовали Курильские острова. По окончании экспедиции Евреинов представил отчёт и карту мест, в которых побывали геодезисты, в том числе западного побережья Камчатки и ряда Курильских островов. Кроме отчёта и карты, он вручил Петру I рапорт «О камчатском обхождении...» Этот документ является свидетельством гуманного отношения русских исследователей к камчатским народностям, стремлением облегчить их жизнь. И. М. Евреинов предложил царю предпринять решительные меры — послать на

Камчатку надёжных и правдивых людей, сместив с должностей воров и взяточников [3].

И. М. Евреинов и Ф. Ф. Лужин первыми произвели на Камчатке и Северных Курилах астрономические определения широт целого ряда пунктов. Они составили первую научно обоснованную карту этих земель, использовав материалы собственных съёмок, наблюдений и ценнейшие памятники самобытной допетровской картографии служилых людей. По масштабам и результатам эта экспедиция стоит между походами её предшественников — казаков и мореходов — и обширными последующими Первой и Второй Камчатскими экспедициями. И. М. Евреинов и Ф. Ф. Лужин умерли в безвестности, но их дела не забыты: на северном побережье Охотского моря есть мыс Евреинова и бухта Лужина, среди проливов Курильского архипелага имеются проливы, названные их именами.

За экспедицией Евреинова и Лужина следует поход промышленника Прокопия Нагибина в 1725 г., имевший целью достичь Америки (заморской «Большой земли»). Нагибин был убит в устье реки Анадырь чукчами. Так протягивается связующая нить от экспедиции Я. А. Елчина до экспедиции В. Й. Беринга.

Огромным научным и государственно-политическим предприятием в первой половине XVIII в. стала так называемая Камчатская экспедиция. Она продолжалась свыше двадцати лет, в ней участвовали несколько тысяч человек. На деле это было несколько экспедиций, в состав которых входило четыре морских — две Беринга: одна для исследования пролива между Азией и Америкой, другая для плавания непосредственно к берегам Северной Америки. К этому же времени относится экспедиция Фёдорова и Гвоздева, путешествие Шпанберга в Японию и совокупность работ по изучению Сибири от Вайгача до Анадыря и Камчатки.

Первая экспедиция Беринга продолжалась с 1725 по 1730 г. 13 июня 1728 г. Беринг отправился из Нижнекамчатска и прошёл проливом, отделявшим Азию от Америки, но он ни на континенте Северной Америки, ни на одном из прилегавших к нему островов не был. Результатом этого похода стала карта северо-восточной оконечности Азии и Камчатки.

В Петербурге Беринг подал проект экспедиции, имевший целью разведку берегов Северной Америки, который был одобрен. Его и назначили её начальником, а помощниками — А. И. Чирикова и М. П. Шпанберга. В обсуждении плана предстоящих работ принимали участие Сенат, Адмиралтейств-коллегия и Академия наук.

От последней для участия в ней назначили Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина, С. П. Крашенинникова, Г. В. Стеллера и других учёных.

Вторая Камчатская экспедиция продолжалась десять лет, с 1733 по 1743 г. Она охватила всю Сибирь, вплоть до Камчатки, Курильских островов, Америки. Её участники осуществили большую исследовательскую работу на полуострове. По заданию Беринга в мае 1740 г. штурман Иван Фомич Елагин описал его берега от устья реки Большой до Авачинской губы. Беринг особо интересовался Авачинской губой, как прекрасным местом для стоянки кораблей. Елагин составил план губы и нанёс на карту первый, второй и третий Курильские острова [4].

Карту Авачинской губы Елагина следует считать первой, дошедшей до нашего времени. Елагин построил летом 1740 г. на берегу одного из заливов губы пять жилых домов, три казармы и три амбара — будущий город Петропавловск-Камчатский [5].

В июне 1740 г. в Охотске были спущены на воду два пакетбота: «Св. Пётр» и «Св. Павел», которые прибыли в Авачинскую губу. Место стоянки, а позднее зимовки судов Беринг 17 октября 1740 г. (по новому стилю) назвал Петропавловской гаванью. Таким образом, эту дату следует считать днём основания города Петропавловска-Камчатского. 4 июня 1741 г. пакетботы покинули Авачинскую губу и направились в своё историческое плавание. Оба корабля под командованием Беринга и Чирикова порознь достигли Северной Америки и открыли ряд островов Алеутской гряды, а также острова, прилегавшие к Северной Америке и Азии. Среди них — остров Беринга, ставший местом его смерти.

Одной из важнейших целей Второй Камчатской экспедиции было отыскание морских путей в Японию. Для этого к её берегам плавали М. Шпанберг и В. Вальтон, нанёсшие на карту Курилы и часть Японии. Крупнейшим исследователем Камчатки является участник Второй Камчатской экспедиции С. П. Крашенинников. Он пробыл на полуострове с 1737 по 1741 г. Его интересовало всё: вулканы, климат, быт и обычаи населения, его история.

Большое внимание С. П. Крашенинников посвятил сбору сведений о вулканических извержениях, землетрясениях и горячих источниках. Он занимался метеорологическими наблюдениями, установил пост для наблюдений за приливами и отливами. Много времени С. П. Крашенинников уделял изучению условий жизни местного населения, занимался на Камчатке опытами по выращиванию овощей и ячменя. Результатом его исследований явилась научная монография «Описание земли Камчатки». Эта книга содержит

неоценимые материалы по истории и географии Камчатки. Вместе с этим описание Камчатки С. П. Крашенинниковым стало первым русским научным трудом по географии Сибири.

Видным исследователем Камчатки является Г. В. Стеллер, которому было поручено участвовать в плавании Беринга к берегам Америки. Стеллер с экипажем «Св. Петра» перезимовал на острове Беринга и в августе 1742 г. вернулся в Петропавловск. По возвращении из плавания Стеллер оставался на Камчатке два года, занимаясь здесь всесторонними географическими исследованиями. В 1751 г. Академия наук напечатала его замечательное исследование о морских животных острова Беринга, где подробно описаны морской бобр и морская корова. Стеллер оставил после себя описание Камчатки, частично основанное на данных, собранным Крашенинниковым.

Экспедиции Беринга оказали положительное влияние на жизнь коренного населения Камчатки. Ещё в 1730 г., по возращении из первой, Беринг представил правительству предложения по улучшению организации управления Камчаткой. В мае 1731 г. последовал указ об устройстве Охотско-Камчатского края с центром правления в Охотске. Возникла идея вверить управление краем Берингу, но она так и не осуществилась ввиду его занятости экспедиционными делами. Сенат назначил для Камчатки особого начальника.

Во время экспедиций Берингом были проделаны опыты по разведению на полуострове крупного рогатого скота и посеву сельскохозяйственных культур. По инициативе Чирикова, Стеллера и самого Беринга были организованы школы для обучения детей местных жителей. Они содержались на личные средства участников экспедиции и существовали недолго, но определённый результат всё же дали. С 1745 г. школы вновь были организованы правительством. Ительмены охотно отдавали в них своих детей. Но в 1783 г., ввиду прекращения выделения средств на образование, закрылась последняя [6]. Таким образом, участники экспедиций Беринга наряду с совершением величайших географических открытий приняли также живое участие в судьбах коренного населения Камчатки.

Примерно за двадцать лет после плавания Беринга русские промышленники открыли в Тихом океане большое количество островов. С 1743 по 1803 г. были созданы шестьдесят три компании, имевшие одно-два судна [7]. Перед правительством императрицы Екатерины II возник вопрос о необходимости прочного присоединения этих новых земель, устройства на них податного

аппарата. По решению правительства в 1764 г. была организована экспедиция П. К. Креницына. Она содержалась в строжайшей тайне. Указ о ней не передавался даже Сенату. Экспедиция Креницына имела большое научное и политическое значение. Впервые Алеутские острова были исследованы с научными целями. Экспедиция продемонстрировала перед всем миром решимость русского правительства закрепить успехи своих мореходов.

Достоверные сведения о природе, жителях, расположении Алеутских островов, части Аляски возбудили ещё больший интерес к ним и послужили толчком к организации новых экспедиций.

Открытые русскими людьми пространства Северной Америки и Алеутских островов становятся предметом особого внимания иностранцев, появлявшихся в русских водах. Обострились отношения России и Испании. Великобритания направила в северные воды Тихого океана знаменитого мореплавателя Джеймса Кука.

Политические соображения и научные задачи заставили правительство обратить серьёзное внимание на свои дальневосточные владения. Было принято решение об организации новой экспедиции. Её начальником назначили И. Биллингса, в прошлом участника плаваний Кука, его помощниками — лейтенантов Р. Галла, Г. А. Сарычева, Х. Т. Беринга (внука великого мореплавателя). Экспедиции предписывалось начать исследования на Алеутах, в Аляскинском архипелаге, у северо-западных берегов Америки. Её участники также приступили к описи восточного побережья Камчатки.

Большую работу проделал Г. А. Сарычев, с особой тщательностью составивший карты Авачинской губы и Петропавловской гавани, где экспедиционные суда бросили якорь. На карте губы он нанёс масштаб, глубины, отмели, а также течения [8]. Сарычев писал: «По пространству Авачинской губы с побочными её заливами может в ней стоять спокойно многочисленный флот. Жаль, что эта превосходная, от натуры устроенная гавань находиться в таких отдалённых морях, где нет российского флоту, и через то остаётся без пользы. Но может статься, со временем будет она важнейшею и нужною пристанью... ибо на здешних морях по всем берегам, принадлежащим России, нет удобнее и безопаснее сего места для пристани судам» [9].

Экспедиция И. Биллингса стала завершением вековых подвигов русских моряков, землепроходцев, промысловиков по исследованию северной части Тихого океана. Вслед за ней начался период русских кругосветных и полукругосветных морских плаваний, которые окончательно исследовали этот район. В связи с великими

географическими открытиями в северной части Тихого океана восточное побережье Камчатки приобрело особое значение. Поэтому и центр управления Камчаткой был перенесен из Большерецка в Нижнекамчатск, служивший до 1780-х гг. отправной базой для освоения русскими промышленниками Алеутских островов.

Несмотря на естественные удобства Авачинской губы, Петропавловск до конца XVIII в. оставался небольшой неукреплённой деревушкой. В конце века его стали изредка посещать русские купеческие суда, направлявшиеся на Алеутские острова и Аляску, где в 1784 г. купец Г. И. Шелихов основал постоянное русское поселение (на острове Кадьяк в заливе Аляска). Таким образом, со времени Второй Камчатской экспедиции и до конца XVIII в. Петропавловск был забыт русским правительством. Население его быстро сокращалось, в чём немалую роль сыграли эпидемии и отсутствие медицинской помощи. Если Лаперуз в 1787 г. застал в Петропавловске около ста жителей, то спустя два года Г. А. Сарычев насчитал лишь тридцать пять.

Только подозрительный интерес, проявленный Англией и Францией к Северо-Востоку России и непосредственно к Авачинской губе, посещения Кука в 1779 и Лаперуза в 1787 гг., заставили русское правительство обратить внимание на необходимость укрепления Камчатки. К 1796 г. под руководством командира Петропавловской гавани В. И. Шмалева на берегах Авачинской губы было сооружено шесть батарей с двадцатью двумя пушками и тремя фальконетами [10]. Однако для охраны русских владений на Тихом океане этого было недостаточно. Чтобы пресечь происки англичан, американцев и испанцев, привлечённых богатствами Камчатки и Русской Америки, требовались военные суда.

С большими трудностями русские поселения на берегах Тихого океана снабжались продовольствием и другими товарами. Всё это приходилось везти сухим путём через Сибирь на лошадях по бездорожью. Грузы находились в пути два-три года. Доставка их морем намного облегчила и удешевила бы снабжение русских владений.

Впервые в России мысль о кругосветном плавании была высказана ещё в 1732 г. президентом Адмиралтейств-коллегии Головиным и адмиралом Сандерсом. Они предложили организовать экспедицию на Камчатку (Беринга — Чирикова) морским путём вокруг Южной Америки, но этот проект не был принят. Тридцать два года спустя, в 1764 г., решили послать вокруг света на Камчатку экспедицию П. К. Креницына. Из-за войны с Турцией сделать этого не удалось. Не состоялась также кругосветка, которую пытал-

ся снарядить в 1781 г. вице-президент Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышев. Наконец, 22 декабря 1786 г. Сенат принял решение об организации первой русской кругосветной экспедиции, начальником которой назначили опытного и образованного офицера, капитана 1-го ранга Г. И. Муловского. Но и ей не суждено было состояться: плавание отменено указом от 28 сентября 1787 г. в связи с обострением русско-шведских отношений.

Первое русское кругосветное плавание началось лишь в 1803 г. Его история связана с возникшей в 1799 г. Российско-Американской компанией (РАК), которой было предоставлено монопольное право эксплуатировать богатства русских владений на побережье Тихого океана, торговать с соседними странами, возводить укрепления, содержать военные силы, строить флот. Правительство возложило на компанию и задачу дальнейшего расширения русских владений на Тихом океане. Компания продавала свои товары — пушнину, моржовые клыки, китовый ус и древесину — в Китае, Канаде, Америке и других странах. Немаловажную роль в организации кругосветных плаваний сыграло то обстоятельство, что вступивший на русский престол в 1801 г. император Александр I скоро стал, как и многие другие русские вельможи, пайщиком РАК. Александр I, заинтересованный в укреплении компании и охране её владений, дал согласие на организацию кругосветной экспедиции.

26 июля 1803 г. из Кронштадта вышли два шлюпа — «Надежда» и «Нева» — под общим командованием опытного моряка Ивана Фёдоровича Крузенштерна. На них возлагались проведение географических исследований в Тихом океане, установление связи с Японией и доставка различных припасов в Петропавловск и Русскую Америку. Оба судна должны были обогнуть Южную Америку и дойти до Гавайских островов. Здесь их пути на время расходились. «Неве» под командой Ю. Ф. Лисянского следовало идти к острову Кадьяк, где в то время находилась главная контора РАК, доставить туда грузы, забрать пушнину и отправиться в Кантон для её продажи. В это время «Надежда» под командой Крузенштерна должна была, разгрузившись в Петропавловске, доставить русское посольство во главе с Н. П. Резановым в Нагасаки. Затем, проведя исследования у побережья Сахалина, «Надежде» следовало взять пушнину в Петропавловске и отправиться в Кантон. Из Кантона оба судна, пройдя Индийский океан и обогнув Африку, должны были вернуться в Кронштадт и на том завершить свою кругосветку.

Экипажи «Невы» и «Надежды» состояли исключительно из русских моряков. Первое отечественное кругосветное плавание прошло успешно. Отныне дальние походы стали обычным явлением в жизни нашего флота. Всего до середины 1850-х гг. состоялось более сорока кругосветных и полукругосветных плаваний. Большинство из них совершались с заходом в Петропавловск. Кроме того, его неоднократно посетил ряд судов, выполнивших полукругосветку и оставшихся на службе РАК. Русские суда, вступившие в северо-восточные воды Тихого океана, направлялись сюда как в самую удобную в этих водах гавань. Это привело к упадку Охотского порта, который стал лишь пунктом отправки и получения почты через Сибирь.

Первое судно, совершившее кругосветное плавание — шлюп «Надежда» — прибыло в Петропавловск 3 июля 1804 г., последнее же плавание сделал фрегат «Аврора» под командованием И. Н. Изыльметьева — ровно полвека спустя, 19 июня 1854 г. Они оказали благотворное влияние на развитие Камчатки. Петропавловск из маленькой деревушки, какой он был в начале XIX в., в его середине превратился в главный порт России на Тихом океане, в самое крупное и укреплённое место в этом районе, давшее отпор англо-французской эскадре в 1854 г.

Последовавший во второй половине XIX в. упадок Петропавловска и всей Камчатки совпал с резким сокращением кругосветных плаваний. Уменьшение их числа связано с рядом различных причин. Замена парусных судов паровыми сократила дальность плавания, так как запасы топлива на судах были ограничены. Продажа Аляски в 1867 г. и открытие Суэцкого канала в 1869 г., значительно сократившее морской путь из Европы на Дальний Восток, также оказали влияние на сокращение числа кругосветок.

Благодаря запискам и дневникам русских морских путешественников И. Ф. Крузенштерна, В. М. Головина, П. И. Рикорда, О. Е. Коцебу, Ф. П. Литке, Г. И. Невельского мы можем проследить жизнь и развитие Петропавловска и всей Камчатки в первой половине XIX в. Вот что увидел здесь в 1804 г. участник плавания «Надежды»: «При первом взгляде своём на Петропавловский порт почёл бы его за колонию, поселённую только за несколько лет и опять уже оставляемую. Здесь не видно ничего, что бы могло заставить помыслить, что издавна место сие населяют европейцы. Залив Авача и другие три, к нему прилегающие (Петропавловская гавань, или ковш, Тарьинская и Раковая бухты. — *В. А.*) совершенно пусты, прекрасный рейд Петропавловского порта не укра-

шается ни одною лодкою» [11]. В этих словах Крузенштерна чувствуется горечь и обида за судьбу прекрасной гавани, прославленной посещениями знаменитых мореплавателей и впоследствии забытой. Крузенштерн интересовался всеми сторонами жизни Петропавловска и Камчатки в целом. Он дал яркое описание Петропавловска и быта его жителей, отметил, что город имеет отвратительный вид. Берег завален тухлой рыбой, нет даже удобных троп, не говоря уже о дорогах. Город состоит из полуразрушенных хижин и юрт, в которых люди гниют от «нечистоты и сырости» воздуха. Отсутствие медицинской помощи привело к тому, что и без того малочисленное население Камчатки понесло большой урон в результате эпидемий 1800—1801 гг. «Нет ни врачей, ни лекарств, ни здоровой пищи», — писал Крузенштерн [12]. Недоставало хлеба и соли. Поэтому самым ценным подарком жителям Камчатки стала соль, привезённая «Надеждой» из Японии.

В Петропавловске во время пребывания Крузенштерна насчитывалось около ста восьмидесяти жителей, из них только двадцать пять женщин. Имелось два «приличных» дома. В одном из них жил комендант города майор Крупской, в другом — два артиллерийских офицера. Из-за отсутствия вблизи строевого леса, постройка домов обходилась очень дорого. Крузенштерн сделал вывод, что удобнее и выгоднее было бы возводить их из кирпичей. Для этого он предложил соорудить завод в Тарьинской бухте, откуда в Петропавловск привозили бы готовые кирпичи для строительства. Возвратившись в Петербург, И. Ф. Крузенштерн продолжал думать о судьбе Камчатки, о том, как помочь её жителям, как улучшить управление и снабжение. Он предложил: «Камчатку можно было бы снабжать всем с изобилием, если бы посылать туда ежегодно корабли из какого-либо европейского российского порта... Места Северо-Восточной Сибири могли бы в таком случае получать из Петропавловска некоторые товары, а особливо иностранные, гораздо удобнее и дешевле» [13]. Это предложение не осталось без внимания. Хотя и не ежегодно, но довольно часто Петропавловский порт стали посещать суда из Кронштадта и транспорты РАК с товарами не только для полуострова, но и для русских поселений на Охотском побережье. Доставка товаров морем действительно оказалась намного дешевле и удобней сухопутной через Сибирь, улучшила снабжение. По инициативе Крузенштерна и при его активном участии специальная комиссия во главе с И. Б. Пестелем представила в Сенат проект о преобразовании управления краем, его упрощении и усовершенствовании. Начальника

Камчатки и его помощника стали назначать из числа опытных морских офицеров, обязанных служить на месте не менее пяти лет.

Местом пребывания начальника предложено сделать не Нижнекамчатск, а Петропавловск. Был расформирован созданный в 1800 г. камчатский батальон, являвшийся тяжёлым бременем для местных жителей. 9 апреля 1812 г. последовал указ, согласно которому для охраны Камчатки в Петропавловскую гавань были назначены флотская рота из ста двадцати двух человек и семьдесят пять казаков, рассеяно живших по Камчатке и исполнявших полицейские обязанности. Таким образом, уже первое русское кругосветное плавание оказало значительное влияние на дальнейшее развитие Камчатки. Петропавловск стал её административным центром, улучшилось управление краем и снабжение населения товарами.

Из последующих кругосветок необходимо особо отметить плавание В. М. Головнина на шлюпе «Диана», ставшее, пожалуй, самым драматичным. Дважды за его время Головнину пришлось побывать в плену. Больше года весь экипаж «Дианы» томился у англичан в Саймонстауне (мыс Доброй Надежды). Во время описи Курильских островов Головнина с двумя офицерами, переводчиком-курильцем и четырьмя матросами захватили на Кунашире японцы, более двух лет русские пребывали в неволе. Головнин зимовал в Петропавловске трижды (в 1809, 1810 г. и частью в 1813 г.). В 1818 г. Головнин вновь посетил Петропавловск на шлюпе «Камчатка». Так что у него была возможность хорошо познакомиться с краем и проследить за развитием Петропавловска на протяжении почти десяти лет. Первое его впечатление мало отличается от составленного Крузенштерном. Почти ничего не изменилось за четыре года после ухода «Надежды». Единственное новое здание, появившееся за это время — это дом РАК. Головнин отмечает, что он единственный имел в окнах стёкла [14].

Второе плавание В. М. Головнина совпало со временем, когда начальником Камчатки был его верный помощник во время пребывания на шлюпе «Диана» П. И. Рикорд (1817—1822 гг.). Прибыв в Петропавловск в апреле 1818 г., Головнин с радостью отметил произошедшие здесь изменения к лучшему благодаря энергичной деятельности Рикорда: «Мы салютовали крепости из семи пушек и тотчас получили равный ответ. Такая исправность меня удивила, ибо я знал, что прежде всегда пушки по восемь месяцев в году лежали в сараях» [15]. Головнин отметил, что назначение Рикорда на пост начальника Камчатки оказалось очень удачным. Это был человек, хорошо знавший край и его нужды, так как

провёл здесь пять лет (в 1809—1814 гг.) до назначения. Рикорд сделал многое для того, чтобы улучшить благосостояние жителей. Поскольку их основной пищей была рыба, то в случае плохого улова камчадалы часто голодали. Он добился разрешения выдавать в случае нужды муку по цене, в какую она обходилась казне, а бедным жителям — за полцены и даже дешевле. Одним из основных занятий камчадалов была охота. Доставлять же необходимый для неё порох и свинец было очень трудно, купцы продавали их по баснословным ценам. Рикорд получил разрешение увеличить выдачу казенного пороха и свинца, что, несомненно, облегчило положение охотников. В 1821 г. был утверждён представленный им план Петропавловского порта и отпущены значительные средства на его устройство. Рикорд учредил в Петропавловске лазарет для военнослужащих и больницу для гражданского населения, выписал для них все необходимые медикаменты и оборудование. Он не оставил без внимания и экономику края. Для развития ремёсел в 1817 г. в Петропавловске открылось училище с кузнечным, плотничьим и слесарным отделениями. Благодаря деятельности П. И. Рикорда, изменился в лучшую сторону внешний вид города. «Теперь уже жители не могут ставить своих домиков где и как попало, но обязаны строиться на показанных местах и соблюдать около них чистоту» [16].

О. Е. Коцебу, в третий раз посетивший Петропавловск в 1824 г. на шлюпе «Предприятие», отметил перемены, происшедшие после его предыдущих плаваний: «Жители Петропавловска начали возделывать картофель, а цены на различные товары и жизненно необходимые припасы уже не так несоразмерно высоки, как прежде, когда их перевозили сушей до Охотска и только оттуда отправляли морем. Теперь они перевозятся от начала до конца морским путём» [17]. Но, судя по описанию Петропавловска, сделанному Коцебу в 1824 г. и отзывам моряков, посещавших его гораздо позднее, видно, что хорошие начинания Рикорда не были поддержаны его преемниками.

И дело здесь не только в том, что они не желали проводить какие-либо преобразования, сколько в том, что их благие намерения наталкивались на непробиваемую бюрократическую стену царских «рыцарей зелёного сукна». По малейшему поводу необходимо было получать разрешение властей. Переписка же не только с Петербургом, но даже с иркутским губернатором, которому непосредственно подчинялись начальники Камчатки, длилась годами, так как несоблюдение какой-либо пустой формальности вызывало

в канцеляриях множество запросов. Просьба Рикорда — построить госпиталь по присланному им плану — рассматривалась более двадцати лет. Было задано множество пустых вопросов о значении сделанных на плане особых приспособлений к местным условиям. Между тем лес и другие материалы, приготовленные для постройки, сгнили, и когда через двадцать два года пришло, наконец, разрешение строить, то делать это было уже не из чего.

Это приводило к тому, что начальники Камчатки предпочитали отказываться от всякой инициативы, направленной на какие-либо преобразования, и только проводили здесь свои пять лет, необходимые для получения следующего чина, пенсии и более выгодного назначения.

К середине XIX в. Петропавловск внешне мало изменился, хотя к 1850 г. его населяли около девятисот человек, то есть впятеро больше, чем во время Крузенштерна. В городе имелось около трёхсот деревянных домов (Головнин в 1809 г. и Коцебу в 1824 г. насчитывали около пятидесяти).

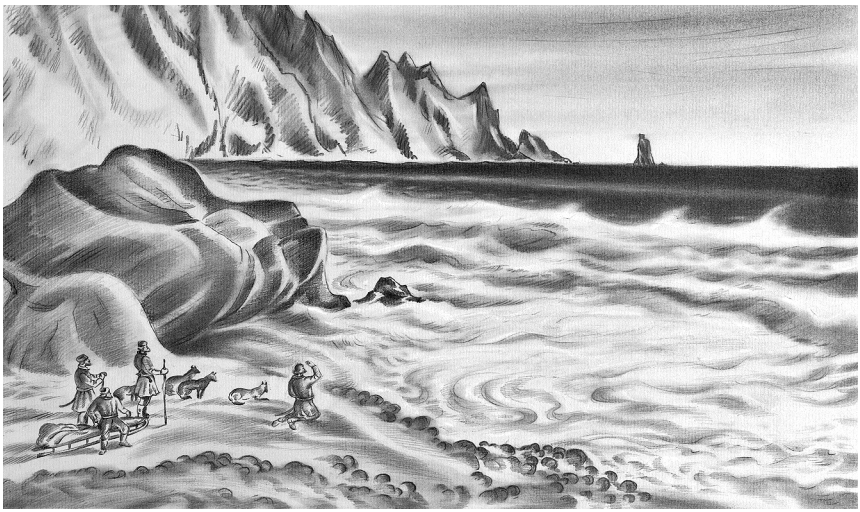
В 1828 г. Петропавловск был объявлен порто-франко, то есть местом с правом беспошлинной торговли. Однако она не получила большого развития, так как Камчатка ничего не производила и могла продавать лишь пушнину. Тем не менее, к середине XIX в. среди мореплавателей, посещавших Петропавловск, сложилось мнение, что в будущем он, благодаря превосходной гавани, должен стать крупной морской базой на Тихом океане. Это мнение разделяли многие правительственные чиновники. Особо ратовали за развитие Петропавловска министр государственных имуществ А. А. Зеленой и генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв. Принимая в расчёт трудности снабжения Петропавловска продовольствием в случае роста его населения, некоторые мореплаватели предлагали занять какой-нибудь ближайший к Камчатке тропический остров и превратить его в продовольственную базу. Но у проектов преобразования Петропавловска в крупный морской порт было немало изъянов, на которые уже тогда обращали внимание наиболее дальновидные мореплаватели. Г. И. Невельской, посетивший его в 1849 г., отмечал, что затраты на содержание города и Камчатки слишком велики и не оправдывают себя. Он указывал, что в случае войны с морской державой потребуется большая эскадра для охраны путей снабжения от нападения вражеских кораблей. Поскольку же серьёзное экономическое развитие Камчатки — дело отдалённого будущего, то и содержание большой постоянной эскадры, по его мнению, было бы очень обременительно. Поэтому, предлагал Невельской,

целесообразно оставить Петропавловск как станцию для русских судов, плававших в Тихом океане, и как административный центр Камчатки. Базой же русских судов и главным портом на Тихом океане он предлагал сделать устье Амура.

Его доводы впоследствии подтвердились, предложения были приняты, но лишь через несколько лет, когда власти убедились, что избрание Петропавловска главной морской базой на Тихом океане было ошибкой. Случилось это лишь после нападения англо-французской эскадры в 1854 г. События же конца 1840-х гг. предвещали Камчатке большое будущее.

Летом 1849 г. Петропавловск посетил генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв. По возвращении в Иркутск он сделал представление в Петербург о перенесении Охотского порта, бывшего до того времени главным русским портом на Тихом океане, в Петропавловск. Было решено укрепить гарнизон, доставить из Кронштадта орудия и материалы, образовать особую Камчатскую область во главе с военным губернатором. На пост камчатского военного губернатора по представлению Н. Н. Муравьёва был назначен капитан 1-го ранга В. С. Завойко, служивший в то время начальником Аянской фактории.

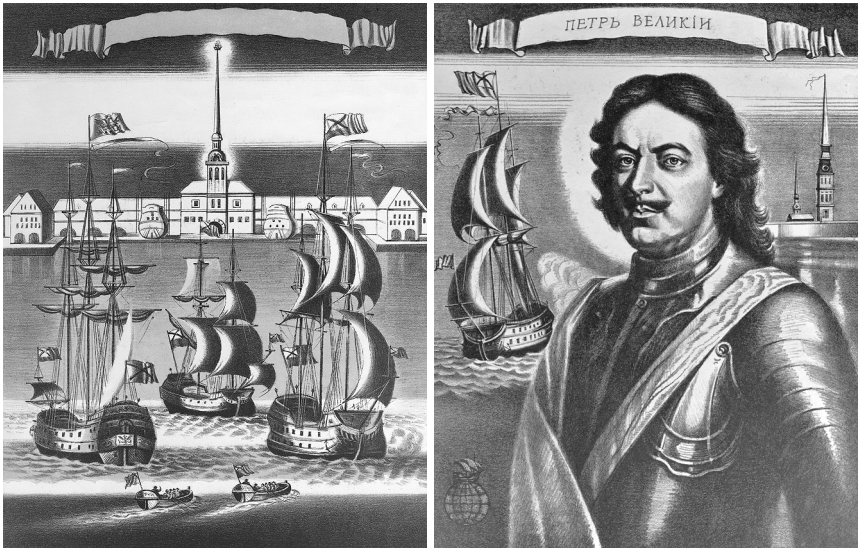
Выделялись значительные средства на развитие края. Губернатору предписывалось развить по возможности земледелие и скотоводство, создать пути сообщения, как посредством устройства сухопутных дорог, так и постройкой новых судов, чтобы сделать доступными отдалённые районы. Завойко лично объехал все долины рек в бассейне Авачинской губы в поисках строительного леса. В Тарьинской бухте изготовили необходимое количество кирпича. В течение 1850—1851 гг. соорудили две казармы, одиннадцать флигелей и два склада — магазина, отстроили пристань, заложили гостиный двор, чтобы с помощью торговли увеличить доход города. Осенью 1850 г. началось строительство судов. В течение двух лет были построены бот, шхуна, плашкоут и двенадцативёсельный катер. Кроме того, у иностранных китобоев купили за дрова шесть вельботов. Отремонтировали транспорты «Байкал» и «Иртыш», тендер «Камчадал». По ходатайству Завойко был увеличен медицинский штат, устроены больницы в ряде населённых пунктов, построены лечебницы на Паратунских и Малкинских горячих источниках. В 1851 г. проложена первая на полуострове дорога длиной двенадцать вёрст (12,72 километра), соединившая Петропавловск и село Авачу. В следующем году на берегу бухты Сероглазки появились два первых дома.

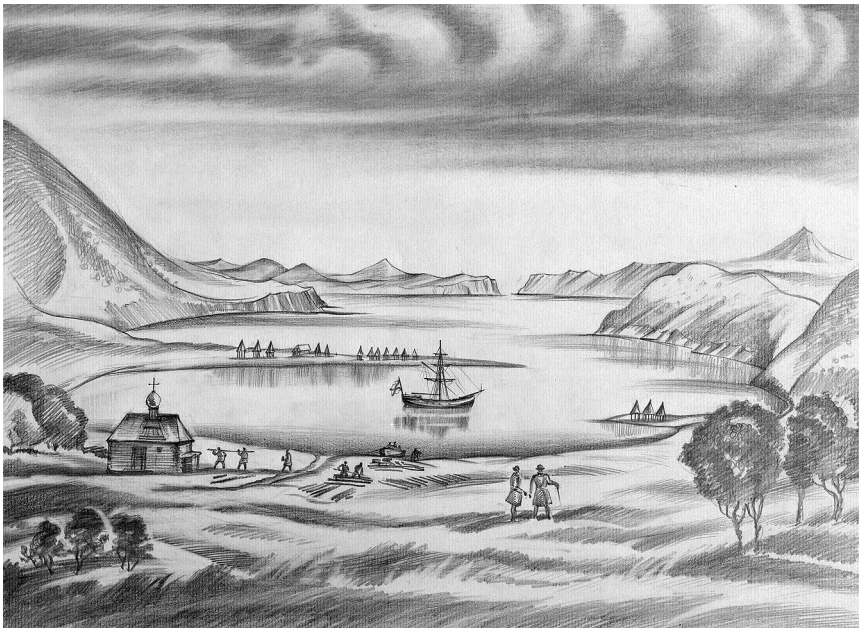
Отряд И. Москвина вышел к Тихому океану. Е. Ф. Димура, 1997 г. (из фондов Камчатского краевого объединённого музея, ККОМ)

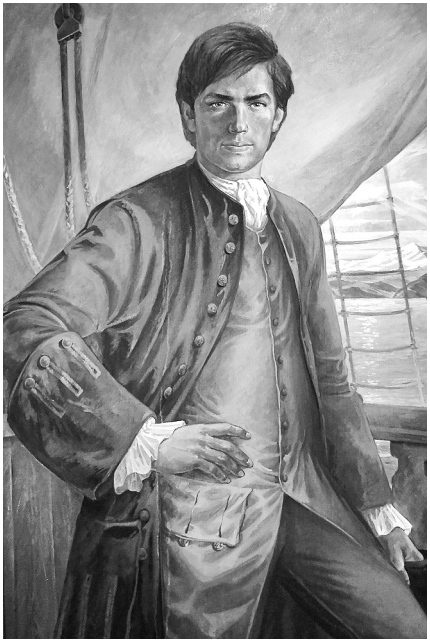
Ф. Алексеев и С. Дежнев у берегов Чукотки. Е. Ф. Димура, 1997 г. (из фондов ККОМ)

Адмиралтейство. Пётр I. Е. Ф. Димура, 1994 г.
(из фондов ККОМ)

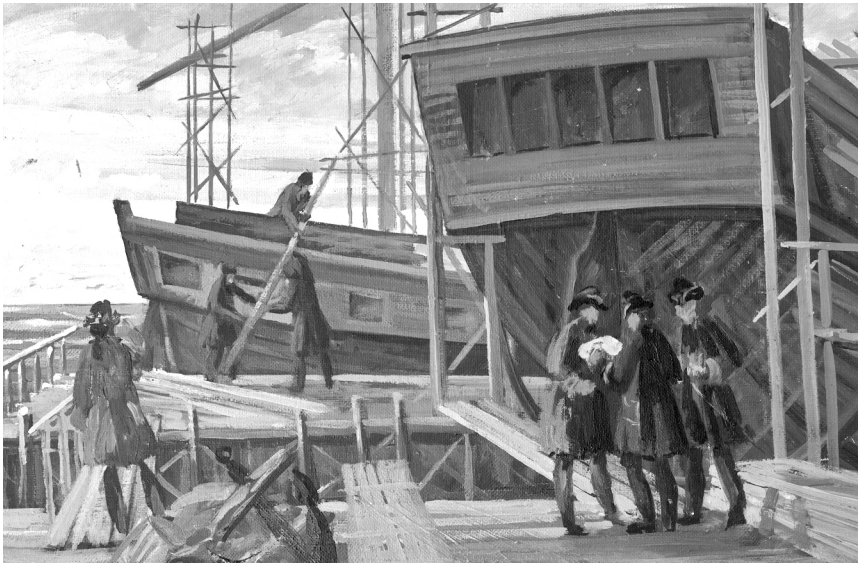
Бот «Св. Гавриил» в Авачинской губе. Е. Ф. Димура, 1997 г.
(из фондов ККОМ)

Алексей Ильич Чириков

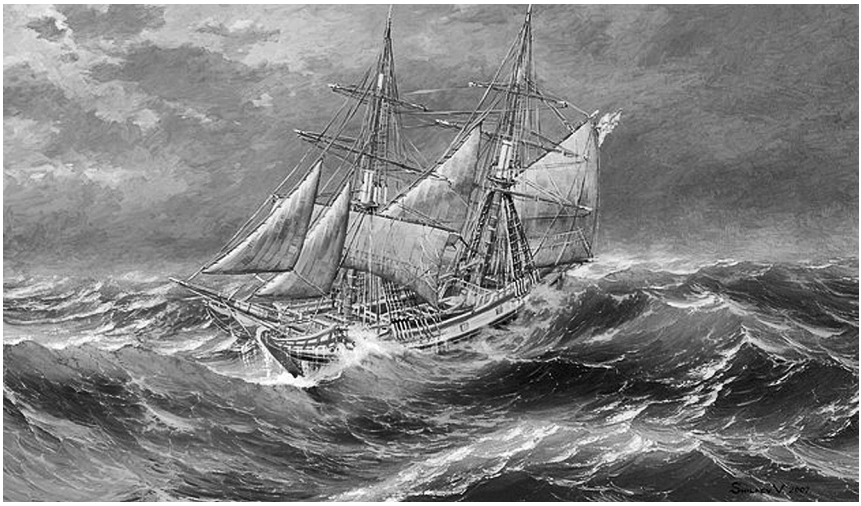
Витус Йонассен Беринг

Строительство пакетботов. Портреты и эскиз В. Н. Ефимова, 1987 г. (из фондов ККОМ)

На палубе пакетбота. Эскиз В. Н. Ефимова, 1987 г. Фрагмент
(из фондов ККОМ)

Пакетбот «Св. Пётр» командора В. Беринга. В. И. Шиляев, 2007 г. Фрагмент

В результате деятельности В. С. Завойко город приобрёл признаки планировки и благоустройства. Дома стали строить не где попало, а правильными рядами, в центре появилась площадь. Вместо брусьев, переброшенных через ручьи, пересекавших город, построили мостики. Казённые здания покрыли железом. Много домов возвели в 1852—1854 гг. Значительно выросло население города: в 1852 г. насчитывалось 1 594 жителя (1 178 мужчин и 416 женщин) [18]. Помимо офицеров, чиновников, матросов и казаков с их семьями, здесь жили два священника, небольшой персонал РАК, купцы и несколько американцев. Снабжение города в это время оставляло желать лучшего. В связи с ростом населения резко возросла потребность в продовольствии. Значительную часть его приходилось доставлять сухим путём из Иркутска, так как редкие суда из Кронштадта не могли привезти сюда всё необходимое. Русские купцы в Петропавловске занимались лишь скупкой пушнины и торговали только товарами, необходимыми для охоты. Поэтому часть товаров доставляли американские торговцы.

В связи с широким развитием промысла китов и других морских животных в северной части Тихого океана, Петропавловск часто посещали китобои, но русских среди них не было. Лишь в 1852 г. прибыло первое русское китобойное судно «Суоми», построенное в Финляндии и принадлежавшее акционерной компании из города Або. Это был первый опыт отечественного китобойного промысла в Тихом океане, но он не получил широкого развития.

В. С. Завойко приложил немало усилий для развития земледелия и скотоводства. Зимой 1850 г. по его просьбе из Петербурга прислали семена овощей, которые раздавали всем желающим, причём им давались и агрономические советы. С 1851 г. ежегодно осенью стали проводиться выставки овощей. За лучшие результаты выдавались премии. Эти меры привели к тому, что жители Петропавловска стали обеспечивать себя на зиму капустой, картофелем и другими овощами. На берегу реки Халактырки появилась небольшая молочная ферма, и по распоряжению Завойко молоко распределялось среди многодетных семей.

Таким образом, выделение самостоятельной Камчатской области во главе с военным губернатором и энергичная деятельность В. С. Завойко способствовали бурному развитию края и обещали ему большое будущее. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв проектировал более широкие меры в этом направлении. Среди них такие, как открытие регулярного пароходного сообщения Камчатки с побережьем Охотского моря, переселение на полу-

остров семейств крестьян-земледельцев, а также развитие русского китобойного промысла. Но этим проектам не суждено было сбыться.

Уже в 1853 г. внимание русского правительства в связи с открытием Невельским судоходности устья Амура привлёк Амур и Уссурийский край. Окончательно же все проекты относительно будущего Камчатки были забыты после нападения англо-французской эскадры в 1854 г. Хотя его успешно отразили, оно показало правоту доводов Невельского о том, что в случае войны с морской державой снабжение Камчатки и её гарнизона будет чрезвычайно трудным. Поэтому решили, не дожидаясь нового прихода врагов, эвакуировать Петропавловский порт, гарнизон и всю администрацию в Николаевск-на-Амуре.

Одновременно покинуло Петропавловск и большинство жителей, переселившись вглубь полуострова. Всё построенное Завойко в 1850—1854 гг. было уничтожено во время нового нападения англо-французской эскадры летом 1855 г. Петропавловск снова оказался забытым ещё на полстолетия. Главным портом России на Дальнем Востоке сделался сначала Николаевск-на-Амуре, а после 1860 г. — только что основанный Владивосток. Камчатка из области превратилась в округ с подчинением приморскому генерал-губернатору. Петропавловск до конца века оставался небольшой деревушкой. Лишь в 1909 г. было решено вновь образовать Камчатскую область с центром в Петропавловске, и только в 1914 г. население города достигло уровня 1853—1854 гг.

Регулярные посещения Камчатки русскими мореплавателями, большая исследовательская работа, осуществленная ими, были одной из побудительных причин организации ряда сухопутных экспедиций в этот отдалённый край. К ним можно отнести путешествие в 1851—1855 гг. К. Дитмара, поездки В. П. Маргаритова, Н. В. Слюнина, В. Н. Тюшева. Исследования становятся специализированными. Появляются научные статьи о горнорудных месторождениях, минеральных водах, вулканах, рыбных богатствах. В 1895—1898 гг. на Камчатке работала Охотско-Камчатская экспедиция Министерства земледелия и государственных имуществ, возглавляемая К. И. Богдановичем. Она уделила большое внимание изучению вулканизма и геологическому строению территории.

Важным этапом в изучении Камчатки явились работы комплексной экспедиции Русского Географического общества (1908—1910 гг.), снаряжённой на средства предпринимателя Ф. П. Рябушинского. Экспедиция проводила на полуострове геологические, зоологические, метеорологические и другие исследования. В её составе

находился известный учёный В. Л. Комаров, изучавший растительность Камчатки. Во время поездки по полуострову он интересовался условиями жизни коренных обитателей, их обычаями, промыслами. Следует отметить особую теплоту, с которой Комаров относился к местному населению. Итогом его работы явился труд «Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг.», где дана объективная картина природы и жизни края. Одновременно с экспедицией Рябушинского на Камчатке находилась экспедиция Переселенческого ведомства. Она производила агроэкономические исследования. Известно, что её участники ставили в разных местах агрономические опыты.

Завершение деятельности экспедиций Рябушинского и Переселенческого ведомства знаменовало собой окончание научных исследований Камчатки в дореволюционное время. Работы сухопутных экспедиций явились логическим завершением деятельности русских мореплавателей по изучению природы, возможности использования богатств Камчатки и её заселения.

Таким образом, деятельность русских мореплавателей оказала большое влияние на изучение и освоение Камчатского полуострова. Русские мореплаватели, русская географическая наука в деле исследования Северо-Востока Азии, в том числе и Камчатки, сделали огромный вклад в мировую науку. В пределах только нашего отечества ими положена на карту, исследована и описана площадь, равная одной шестой поверхности суши. Все берега Европы и Азии от Варангер-фиорда и до Кореи, а равно берега значительной части Аляски нанесены на карту русскими моряками. Важным объектом исследования явился Камчатский полуостров. В конце XVII в., благодаря подвигам землепроходцев и мореходов, началось его первое освоение и заселение. В течение XVIII в. Камчатка становится исходной базой русских морских экспедиций, направленных на исследование северной части Тихого океана. В свою очередь она явилась объектом их изучения. Периодическое размещение на Камчатке участников морских экспедиций сыграло, несомненно, большую роль в освоении отдалённого полуострова и упорядочении управления им.

С русскими кругосветными плаваниями связана целая эпоха в истории Камчатки. Благодаря И. Ф. Крузенштерну было реорганизовано управление Камчаткой, обращено внимание правительства на Петропавловск, как важнейший для России порт в дальневосточных водах и административный центр края. Последующие экспедиции сыграли немалую роль в снабжении края необходи-

мыми товарами. Был представлен ряд проектов его развития, на основе которых принято решение об образовании самостоятельной Камчатской области и переводе в Петропавловск главного тихоокеанского порта из Охотска. Делались первые шаги по развитию экономической жизни на полуострове. Но его отдалённость от европейских районов страны, невнимание царского правительства к использованию именно тех богатств, которые могли резко поднять его экономическое значение, привели к тому, что искусственное и ограниченное развитие экономики не дало желаемого результата.

Деятельность русских мореплавателей, русские географические открытия происходили в ходе колонизационного движения на Восток. В этих условиях шло сближение разных народов, что имело большое экономическое и культурное значение. Закрепление русскими землепроходцами обширных территорий Сибири и Дальнего Востока, в том числе и Камчатки, за Россией, начало их хозяйственного освоения создали ту основу, на которой сейчас живёт и развивается наше великое государство.

Источники

1. *Горький А. М.* История русской литературы. — М., 1939. — С. 188.

2. *Рябов Н. И., Штейн М. Г.* Очерки истории русского Дальнего Востока (XVII — начало XX в.). — Хабаровск, 1958. — С. 61.

3. *Евтеев О. А.* Первые русские геодезисты на Тихом океане. — М., 1950. — С. 65.

4. *Зубов Н. Н.* Русские мореплаватели — исследователи океанов и морей / Русские мореплаватели. — М., 1953.

5. *Берг Л.* Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. — М. : Л., 1946. — С. 188.

6. *Каманин Л. Г.* Первые исследователи Дальнего Востока. — М., 1951. — С. 59.

7. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг. — СПб., 1869.

8. *Алексеев А. И.* Гавриил Андреевич Сарычев. — М., 1966. — С. 157.

9. *Сарычев Г А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. — М., 1952. — С. 129—130.

10. *Алексеев А. И.* Братья Шмалевы. — Магадан, 1958. — С. 69.

11. *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805, 1806 годах на кораблях... Ч. 2. — СПб., 1810. — С. 242—243.

12. Там же. С. 257.

13. Там же. С. 250.

14. *Головнин В. М.* Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку, совершённое в 1807. — М. : Л, 1949. — С. 116.

15. Там же. С. 310.

16. Там же, С. 313.

17. *Коцебу О. Е.* Новое путешествие вокруг света в 1823—1826 гг. — М., 1959. — С. 170.

18. *Дитмар К.* Поездки и пребывание на Камчатке в 1851—1855 гг. Исторический отчёт по путевым дневникам. — Ч. 1. — СПб., 1901. — С. 133.

ПАТРИАРХ КАМЧАТСКОГО МОРЕХОДСТВА

История Камчатки богата именами судов, прославивших российский флот и науку, являвшихся участниками великих географических открытий и исторических событий. Это — «Восток», проложивший морской путь из Охотска на Камчатку в 1716 г., участвовавший в плавании вдоль Курильской гряды в 1721 г. в составе первой в России научной экспедиции; «Св. Пётр» и «Св. Павел», плававшие в 1741 г. к берегам северо-западной Америки; «Слава России», в 1790—1791 гг. исследовавшая Алеутскую гряду и Аляску; «Юнона» и «Авось», ходившие в 1806—1807 гг. в Калифорнию и разгромившие японские военные посты на Южных Курилах и Сахалине; корабли — участники русских кругосветных плаваний в 1803—1850-х гг. (их около сорока); «Аврора», сыгравшая решающую роль в отражении нападения англо-французского десанта на Петропавловск в 1854 г.; «Витязь», проводивший в 1860-е гг. океанографические исследования в северной части Тихого океана; «Таймыр» и «Вайгач», в 1911—1914 гг. прокладывавшие Северный морской путь, и десятки других.

Но особое место в ряду этих знаменитых российских кораблей занимает бот «Святой архангел Гавриил» — первое морское судно, построенное в 1728 г. на Камчатке из местного леса. До «Св. Гавриила» лишь два российских судна плавали в Охотском море, но построены они были в Охотске: «Восток» в 1716 г. и «Фортуна» в 1727 г. В XVIII в. были построены несколько кочей, способных ходить по морю вблизи берегов, на которых плавали С. Дежнев, Ф. Попов, М. Стадухин и другие.

«Св. Гавриил» служил на Тихом океане двадцать семь лет, до 1755 г. В документах того времени его называли по-разному: «Святой Гавриил», «Гавриил» и даже «Гаврила» или «Гаврил». С ними связаны многие открытия и славные исторические события. Такие, например, как плавание первого европейского судна за Северный полярный круг в Чукотском море в 1728 г., открытие

Аляски в 1732 г., участие в обследовании юго-западного побережья Охотского моря, Шантарских островов в 1730 г., участие в подавлении восстания ительменов и основании нового Нижнекамчатского острога, первое посещение русскими Японии в 1739 г., исследование Авачинской губы и основание в 1740 г. одного из старейших городов на русском Дальнем Востоке — Петропавловска-Камчатского.

На «Св. Гаврииле» плавали такие известные русские мореплаватели, как В. Й. Беринг, А. И. Чириков, М. П. Шпанберг, П. А. Чаплин, К. Мошков, Я. Генс, И. Фёдоров, М. С. Гвоздев, В. Вальтон, И. Ф. Елагин и другие.

Документы Первой (1725—1730 гг.) и Второй (1733—1743 гг.) Камчатских экспедиций, а также походов А. Ф. Шестакова и Д. И. Павлуцкого (1727—1746 гг.) позволяют проследить основные этапы деятельности «Св. Гавриила» с момента его закладки до окончания Второй Камчатской экспедиции. К сожалению, дальнейшую его судьбу по доступным нам документам проследить не удаётся.

«Святой Гавриил» в Первой Камчатской экспедиции

23 декабря 1724 г. император Пётр I подписал указ Адмиралтейств-коллегии об организации Первой Камчатской экспедиции, а две недели спустя, 6 января 1725 г., незадолго до своей смерти, он написал инструкцию о её задачах. В ней говорилось: «...надлежит на Камчатке... сделать один или два бота с палубами. 2. На оных ботах [плыть] возле земли, которая идёт на норд... 3. И для того искать, где оная сошлася с Америкою, и чтоб доехать до какого города европейских владений; или ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной куст называют, и взять на письмо, и самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюды» [1].

Идея экспедиции возникла у Петра I в последние месяцы жизни как часть грандиозных географических исследований. Император замыслил установить непосредственные морские отношения с Индией, для чего собирался послать экспедицию для исследования морского пути из Архангельска в Тихий океан. Но для этого необходимо было ответить на вопрос: существует ли пролив, разделяющий Азию и Америку?

Сохранился рассказ «механика и токарного искусства учителя» А. К. Нартова: «В начале генваря 1725 г., в самый тот месяц,

когда судьбою Всевышнего определён был конец жития Петра Великого, и когда уже его величество чувствовал в теле своём болезненные припадки, всё ещё неутомимый дух его трудился о пользе и славе отечества, — ибо он сочинил и написал собственною рукою наказ Камчатской экспедиции, которая долженствовала проведывать и отыскивать мореходством того, не соединяется ли Азия к северо-востоку с Америкою... Я, будучи тогда беспристанно при государе, видел своими глазами, как его величество спешил сочинять наставления такого важного предприятия, будто бы предвидя скорую кончину свою, и как он был спокоен и доволен, когда окончил. Призванному к себе генерал-адмиралу, вручив наставление, говорил следующее: «Худое здоровье заставило меня сидеть дома; я вспомнил на сих днях то, о чём мыслил давно и что другие дела предпринять мешали, то есть о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию» [2].

Начальником экспедиции был назначен сорокатрёхлетний капитан Витус Йонансен Беринг, а его помощниками — лейтенанты Мартын Петрович Шпанберг и Алексей Ильич Чириков. В её составе насчитывалось шестьдесят нижних чинов. Штурманом был определён гардемарин Пётр Чаплин, произведённый во время плавания в мичманы. В состав экспедиции вошли геодезист Григорий Путилов, ботового и шлюпочного дела мастер Федот Федотович Козлов.

К 1727 г. экспедиция добралась до Охотска, где построила одномачтовый шитик «Фортуна» (на нём десять лет спустя на Камчатку прибыл С. П. Крашенинников. — *В. А.*). 22 августа 1727 г. экспедиция вышла из Охотска на «Фортуне» под командованием Беринга и на старой ладье «Восток», построенной в 1716 г., которой руководил Чириков. 4 сентября она прибыла в Большерецкий острог, где решили зазимовать. В то время ещё никто не плавал вокруг мыса Лопатка, тем более штормовой осенью.

Беринг насчитал в Большерецке четырнадцать дворов русских поселенцев. Отсюда было решено осенью отправить имущество экспедиции в Нижнекамчатский острог по рекам Большой, Быстрой и Камчатке, а зимой — сухопутьем на собаках. К весне 1728 г. все грузы были переправлены в Нижнекамчатск.

11 мая 1728 г. Беринг сообщил в Адмиралтейств-коллегию: «...сентября 4 дня поутру прибыли в устье реки Большой и желали по намерению нашему исполнять, чтоб иттить кругом Носу (мыса Лопатка. — *В. А.*), но токмо препятствовало жестокие ветры противные с дождём. И рассуждали, что время по здешнему состоя-

нию позднее и место неизвестное, понеже прежде сего никто такими судами не бывал. А сыскали способ для перевоски материалов и правианту по реке Быстрой. И 18-го дня лейтенанта Шпанберха и при нём нагруженные материалов и правианту тридцать лодок однодеревных, которые по-здешнему называются баты, отправили вверх по означенной реке. И не дошед оной лейтенант до вершины реки Камчатки вёрст за шестьдесят, материалы и правиант выгрузив из батов, оставил, при котором содержался караул до весны, а лейтенанту Шпанберху приказал иттить в Нижнекамчадальский острог для изготовления лесов к ботовому строению.

Генваря 13-го дня 728 году сам с немногими людьми из Большерецка поехал на собаках до Верхнего Камчадальского острогу и некоторая часть со мною ж правианту. А при Большерецком оставил для отправления остального правианту зимним временем до Верхнего лейтенанта Чирикова... 10-го дня (марта. — *В. А.*), прибыв в урочище Ушки, не доезжая до Нижнего острогу вёрст за шестьдесят, где команды моей мастеровые люди готовят лес к строению...

Апреля 4-го дня заложен один бот... А к строению судна сыскали сидеть смолу у здешних лесов и надеемся оною смолою удовольствоваться, а также надеемся на Божею милость и достанем рыбных припасов, то изготовимся иттить в море нынешнем летним временем» [3].

О закладке бота сообщает и мичман Чаплин: «Апрель. Четверг 4-е. Прибыли к строению. И репортовал ботового дела ученик (Ф. Ф. Козлов. — *В. А.*), который при работе, что лес к закладыванию бота весь готов. В девятом часу пополуночи, собрав всех служителей и мастеровых людей, учиня молитву и заложили бот; а потом господин капитан жаловал всех вином довольно» [4].

Судно строилось по чертежам лучших военных кораблей, детали скреплялись железными гвоздями. В его создании принимали участие шестнадцать енисейских и иркутских плотников, четыре кузнеца и два конопатчика. 9 июня, то есть через два месяца после закладки, бот был спущен на воду без палубы и окрещён в честь святого архангела Гавриила, день которого праздновался. Второе судно (галиот «Фортуну». — *В. А.*) решили не строить, а по весне прислать из Большерецка. «Фортуна» с остатками снаряжения экспедиции под командой морехода К. Мошкова прибыла из Большерецка 6 июня. Это было первое плавание морского судна вокруг Камчатского Носа (мыса Лопатка). В связи с недостаточностью

времени для подготовки «Фортуны» к дальнему походу, решено было второе судно не брать.

Достройка «Св. Гавриила» закончилась 6 июля. Судно имело длину по килю 18,3, ширину — 6,1 и осадку 2,3 метра, трюм для грузов, кубрик для команды, офицерские каюты и камбуз.

Мичман Чаплин сообщает о готовности к плаванию: «Служителей на боту: господин капитан 1, лейтенант 1, лекарь 1, штюрман 1, мичман 1, квартирмейстер 1, матросов 13, барабанщик 1, солдат 6, плотничий десятник 1, плотников 4, конопатчик 1, парусник 1, толмачей 2. Всего 35 человек. Слуг офицерских 6 человек. Провианту положено: муки 458 пуд 29 фунтов, сухарей 116 пуд 25 фунтов, круп 57 пуд, мяса 70 пуд, рыбы солёной 10 бочек 21 вязка, жиру рыбьего 2 бочки, соли 2 пуда, сала говяжьего 7 пуд 20 фунтов, пороху 7 пуд 27 фунтов, воды 35 бочек, квасу 2 бочки, гороху 2 пуда, дров сажен с 5 или 6» [5].

13 июля 1728 г. «Св. Гавриил» вышел из устья реки Камчатки в море и взял курс на север. Плавание длилось до 2 сентября. Моряки не имели никаких навигационных карт, ни у одного из них не было опыта нахождения в приполярных водах. Шли вдоль берега, определяли своё место с помощью магнитного компаса. 30 июля бот находился в Анадырском заливе, где открыл залив Св. Креста. 8 августа участники похода впервые увидели чукчей, разговаривали с ними и выяснили, что против их земли в море есть острова.

«В седьмом часу по полуночи, — записал А. И. Чириков, — увидели лотку, гребущую от земли к нам, на которой сидят людей восемь. И, пригребши близко к боту нашему, спрашивали, откуда мы пришли и чего ради. А о себе сказали, что они чукчи. А как мы стали их призывать к судну на недолгое время, пристать не смели. Потом высадили одного человека на пузыри, сделанные из нерпичьей кожи, и прислали к нам для разговора» [6].

На вопрос: «Где река Анадар?» — чукча ответил: «Реку Анадар прошли и далеко позади. Как де вы зашли сюда далеко? Прежде сего сюда никаких судов не бывало». «Знаете ли реку Колыму?» — «Реку Колыму не знаем, только слышали мы от аленных чукчей, что ходят оне землею на реку и сказывают, что на той реке живут русския люди; а оная река — Колыма ли или другая, про то не знаем». «От земли вашей не протянулся ли какой Нос в море?» — «Нос никакой в море от земли нашей не протянулся, всё наша ровная земля». «Нет ли в море каких островов или земли?» — «Есть острова недалеко от земли, и ежели б не туманно, то б можно видеть. А на том острову есть люди, а больше земли не знаем, только всё

наша чюкоцкая земля» [7]. 10 августа действительно открыли остров, получивший имя Святого Лаврентия.

По морскому уставу штурман «должен держать верный журнал, записывая курс, расстояние плаванное, дрейф корабля, разные случаи, прибавление и убавление ветров и парусов, склонение компаса, течение моря и грунты» [8]. В вахтенный, или шканечный, журнал полагалось записывать астрономические определения местоположения в океане не реже, чем раз в сутки, а при плавании в виду берегов — точные пеленги на приметные ориентиры. Для этого использовались примитивные приборы: компас, песочные часы, лаг в виде дубовой дощечки, утяжелённой свинцом, укреплённой на конце тонкого линя, размеченного узелками через равные промежутки. Скорость определяли по тому, сколько узлов размотывается на лаглине, брошенном за борт, за полминуты. Глубина измерялась лотом. Поправка на ветер делалась на глаз.

Все эти измерения на «Св. Гаврииле» делали штурманы Чаплин и Чириков. Они же вместе с геодезистом Путиловым составили карту плавания. Полвека спустя, в 1778 г., в этих местах, пользуясь картами, составленными штурманом «Св. Гавриила», плавал великий мореплаватель Джеймс Кук. Он пишет: «Я должен сказать, что он (Беринг. — *В. А.*) очень хорошо обозначил этот берег, а широты и долготы его мысов определил с такой точностью, которую трудно было ожидать, учитывая те способы определений, которыми он пользовался» [9].

Когда азиатский берег круто повернул на запад, Беринг нарушил инструкцию, предписывавшую ему плыть вдоль берега, не теряя его из вида. 13 августа Беринг собрал совет для решения вопроса о том, куда идти дальше. Шпанберг предложил трое суток подниматься на север до 66° северной широты, а затем повернуть назад. Чириков же советовал плыть на запад вдоль берега до устья Колымы: «А ежели земля будет наклоняться ещё *N*, то надлежит по 25-е число сего настоящего месяца в здешних местах искать место, где можно было бы зимовать, а наипаче против Чюкоцкого Носу на земле, на которой по полученной скаске от чюкоч через Петра Татаринова имеется лес» [10].

Чириков подразумевал сведения об Аляске, сообщённые чукчами, приходившими в Анадырский острог в 1718 г. Они рассказали, что недалеко от Чукотского Носа расположен остров, а от «того острова за морем есть земля большая, которую с помянутого острова видеть можно... На сию землю перегребают чукчи в байдарах в тихую погоду с оного острова в один день», леса там «великие»,

а живут люди «зубатые» (то есть эскимосы. — *В. А.*). Подобные сведения ещё в 1711 г. представил в Анадырский острог якутский служилый человек П. И. Попов. Местные жители сообщали ему о том, что «и прежде русские люди у них, чукочь, кочами морем бывали» (видимо, речь идёт о кочах Ф. А. Попова и С. И. Дежнева в 1648 г.). От «носовых» чукчей Макачкиных он узнал, что против «Анадырского Носу с обеих сторон с Колымского моря и с Анадырского есть де значитца остров», который называли «Большой Землей», на нём большие леса, разнообразные животные, «люди зубатые, а веры де, и иной всякой обыкности, и языку не их, чюкоцкова, особый» [11].

Беринг принял предложение Шпанберга: «Исследовав я поданных мнений, положил свою резолюцию: ежели больше ныне будем мешкать в северных краях, опасно, чтоб в такия тёмные ночи и в туманы не прийтить к такому берегу, от которого неможно будет для противных ветров отойтить, и росуждая об обстоятельстве судна... трудно нам искать в здешних краях таких мест, где зимовать, понеже иной земли, кроме Чюкоцкой, на которой народ немирный, и лесу нет. А, по моему мнению, лучше возвратиться назад и искать гавани на Камчатке к прозимованию» [12].

В рапорте в Адмиралтейств-коллегию 10 марта 1730 г. Беринг писал: «15-го дня (августа 1728 г. — *В. А.*) дошли до северной ширины 67°19' и длины от устья реки Камчатки 30°14', а в правой стране по курсу нашему от острова земли не видал, и земля больше к северу не простирается и накланяется к западу, и потом россуждал, что данный мне указ исполнил, и возвратился назад» [13].

К этому времени экспедиция находилась в семидесяти милях от мыса Дежнёва. На обратном пути она открыла остров Диомида. 2 сентября моряки вошли в устье реки Камчатки. Во время зимовки в Нижнекамчатске они получили указ Адмиралтейств-коллегии от 2 декабря 1728 г. о необходимости описания и составления подробной карты Камчатки: «...велено вам Камчатский Нос как внутрь, так и берег с показанием городов и знатных мест и урочищ описать вновь и, учиня ланткарту, прислать в Коллегию» [14].

После зимовки 5 июня 1729 г. бот вышел в море и пошёл «к востоку для искания земли, понеже слышали от камчатских жителей, что есть земля против камчатского устья в близости» [15].

Не найдя земли (Командорских островов), о которой Беринг предполагал, что это Америка, бот повернул на юг и, зайдя 3 июля в Большерецк, прибыл в Охотск 23 июля 1729 г., где «Св. Гавриил» был сдан командиру порта на хранение под расписку.

На этом закончилось участие «Св. Гавриила» в Первой Камчатской экспедиции. 1 марта 1730 г. Беринг, Шпанберг и Чириков вернулись в Петербург. Хотя экспедиция и не решила окончательно вопроса о существовании пролива между Азией и Америкой, не нашла Америки, её географические открытия и богатый этнографический материал имели большое научное значение. На карту положили северо-восточное побережье Азии от мыса Лопатка до мыса Кекурного в Беринговом проливе, описали его и острова Св. Лаврентия и Диомида.

Это была первая в истории научная экспедиция в высокие широты. Её основная научная деятельность длилась всего три месяца, а четыре года и девять месяцев заняли подготовка и завершение: переход из Санкт-Петербурга на Камчатку, заготовка провианта и строительных материалов, сооружение экспедиционного судна, возвращение обратно.

Историк А. А. Сопоцко подсчитал, что участники Первой Камчатской экспедиции на «Св. Гаврииле» совершили сто пятьдесят пять территориальных и восемнадцать океанографических открытий, нанесли на карту шестьдесят шесть географических объектов [16].

Все участники экспедиции были повышены в звании. Беринга наградили одной тысячей рублей и вне очереди 14 августа 1730 г. произвели в капитан-командоры. М. П. Шпанберг получил звание капитана 3-го ранга, А. И. Чириков — капитан-лейтенанта, а в 1732 г. — капитана 3-го ранга, П. А. Чаплин — унтер-лейтенанта. По представлению Беринга 7 сентября 1730 г. были повышены в чинах двадцать пять других участников плавания на «Св. Гаврииле».

К берегам «Большой Земли»

Дальнейшая судьба «Св. Гавриила» связана с экспедицией А. Ф. Шестакова — Д. И. Павлуцкого, организованной в 1727 г. для поиска и освоения новых земель и островов. В донесении Сената Екатерине I об экспедиции говорилось о необходимости окончательного утверждения российских владений на Камчатке и на островах: «...разведав об них подлинно, какие на таких островах народы и под чьими владениями, и торг с кем имеют ли, и чем, о том о всём писать к сибирскому губернатору и в Сенат» [17].

В указе от 10 апреля 1727 г. экспедиции предписывалось «...отправить из Адмиралтейской коллегии геодезистов, которые бы в бытность их на море и на которых островах будут [составили] основательную

ланткарту. Да для морского ходу из Адмиралтейства же отправить штурмана, подштурмана да матрозов добрых десять человек, выбрав из сибиряков, и с ними компасов десять или пятнадцать с принадлежностьми, чтоб могли оные штурманы и матрозы в западном и восточном морях в потребных случаях на судах, кои там ныне есть или впредь зделают, со означенными служилыми людьми ходить...» [18].

В состав экспедиции входили четыре отряда: анадырский, камчатский, охотский и морской. В морской отряд (адмиралтейскую группу) были направлены геодезист Михаил Спиридонович Гвоздев, штурман Якоб Генс, подштурман Иван Фёдоров, ботовых дел подмастерье И. Г. Спешнев, мореходы А. Я. Буш, И. И. Бутин, К. Мошков, Н. М. Треска и десять матросов.

В 1730 г. «Св. Гавриил» передали в распоряжение экспедиции, руководство которой после гибели А. Ф. Шестакова, последовавшей 14 марта 1730 г. в сражении с чукчами неподалеку от реки Пенжины, принял майор Дмитрий Иванович Павлуцкий. «Св. Гавриил» играл головную роль в морских исследованиях. Летом 1730 г. под командой И. Шестакова (племянника А. Ф. Шестакова) «Св. Гавриил» плавал из Охотска в Большерецк, затем для описания западного побережья Охотского моря, заходил в устья рек Уды, Амура, на Шантарские острова, где проводили гидрографические измерения, сделали чертежи.

Осенью 1730 г. Д. И. Павлуцкий приказал Я. Генсу и И. Фёдорову «с имеющимися служилыми с Камчатки на морском судне-боте, которое построено морского флоту капитаном господином Берингом («Св. Гавриил». — *В. А.*)... к анадырскому устью для проведывания морских островов... взять с собою подмастерья Спешнева и геодезиста Гвоздева» [19].

После зимовки в реке Большой «Св. Гавриил» 9 июля 1731 г. прибыл в устье реки Камчатки. В связи с болезнью Генса и Фёдорова ботом во время перехода фактически командовал М. С. Гвоздев. Намечалось немедленно, пополнив запасы продовольствия и взяв на борт толмачей, отправиться к анадырскому устью, как приказывал Д. И. Павлуцкий. Выход в море был назначен на 20 июля. Но в этот день началось восстание ительменов под предводительством еловского тойона Фёдора Харчина. Восставшие сожгли Нижнекамчатск и убили много русских.

Экипажу «Св. Гавриила» пришлось принимать участие в подавлении восстания и устранении его последствий. Зимовать пришлось в разрушенном остроге в тяжелейших условиях, о чём сооб-

щал И. Фёдоров: «А ныне у меня в зимнее время рыбного корму и никакого не имеетца ни малого чего. Также ныне ещё я живу на боту “Гавриле” вельми тяжко, болен правою ногою, сам собою ещё и ныне владеть и ходить не могу, а ныне приходит студеное зимнее время, и такой стужи и мразов в болезни своей без тёплого покою и без фатеры терпеть не могу, от чего наипаче болезни моей вред и пущей чинитца, а служилые люди и протчия фатеры все и позаняли» [20].

11 февраля 1732 г. Д. И. Павлуцкий прислал Я. Генсу новое распоряжение о передаче командования экспедицией геодезисту М. С. Гвоздеву, «понеже известно нам, что ты ныне весьма слеп и ногами болен, и врученное тебе дело отправлять невозможно». Гвоздеву предписывалось идти «...на боте Гавриле к анадырскому устью и против Анадырского Носу, которая называется Большая Земля, проведаны острова, коликое число оные, и на тех островах люди какие имеются ль осмотреть и вновь приискивать, и ясак брать с таких, с которых ясаку в сборе не бывали» [21].

23 июля 1732 г. «Св. Гавриил» вышел из устья реки Камчатки. Больной Генс остался на берегу. На борту находились М. С. Гвоздев, И. Фёдоров, мореход К. Мошков, четыре матроса, тридцать два служилых человека и толмач Егор Буслаев. 5 августа моряки подошли к Чукотскому Носу и до 15 августа ходили вдоль берегов, высаживаясь в нескольких местах, пытаясь вступать в общение с местными жителями. Они искали острова.

Только 17 августа экспедиция увидела остров (ныне Ратманова), но подойти к нему не смогла из-за сильного ветра и вернулась к чукотскому берегу. Через два дня она сумела подойти к северной оконечности острова. М. С. Гвоздев с матросом Петровым и десятью служилыми людьми высадился на берег, где произошла стычка с местными жителями. Гвоздев осмотрел две деревянные юрты, видел еловый и сосновый лес и «с того де острова видели и Большую Землю» [22].

Так русские люди впервые увидели Аляску. Затем «...пошли подле оного же острова к южному концу... и тут имелось юрт блиско двадцати... а остров в длину версты на полтретьи, в ширину на версту». Утром 20 августа «стали на якорь против второго острова (ныне Крузернштерна. — *В. А.*), и между первым и вторым островом расстояние версты с полтары увидели остров, не большей первого острова, меньше» [23]. Высаживались и на него. Таким образом, моряки «Св. Гавриила» были первыми русскими людьми, которые посетили острова Ратманова и Крузернштерна.

Следующий день — 21 августа 1732 г. — можно считать историческим. Первые европейцы достигли северо-западного побережья Америки. Это случилось за девять лет до плавания Беринга. М. С. Гвоздев сообщает об этом так: «Августа де 21-го дня пополудни в третьем часу стал быть ветр пособной, и пошли к Большой Земли и пришли к оной земли и стали на якорь от земли в верстах четырёх». От южного конца к западной стороне моряки видели юрты — жилья версты на полторы, «и ко оным де юртам за ветром блиско подойти было нельзя, и пошли подле земли по южную сторону, и стало де быть мелкое место. Бросили лот, глубины семь и шесть сажен, и с того места возвратились назад и стали лаверить подле Большой Земли, чтоб к земле подойтить, и стал де быть ветр велик от земли противной... И от оной Большой Земли таким великим ветром отнесло, а ветр де был норд-нордвест. А с четвертого де острова (Кинга. — *В. А.*) пригрёб к боту чюкча в малом ялыче, по их называется кухта...» На вопросы о Большой Земле чукча отвечал, что «...на ней де живут их же чюкчи, и лес де имеетца, также и реки, а про зверей сказывал, что имеетца алень дикий, куницы, и лисицы, и бобры решные» [24].

Несколько иначе рассказывал об этом бывший в плавании на «Св. Гаврииле» служилый Илья Скурихин, допрошенный 8 апреля 1741 г. в канцелярии Охотского порта. Подойдя к Большой Земле «...рассмотрели, что не остров, но земля великая, берег жёлтого песку, жилья юртами по берегу и народу ходящаго по той земли множество; лес на той земле великий лиственничной, ельник и топольник. И пошли де подле ту землю в левую сторону. Шли дней с пять, однако ж до конца той земли не дошли» [25].

Земля, к которой подходил «Св. Гавриил», — это мыс Принца Уэльсского на полуострове Сьюарда. Сильный северный ветер относил судно на юг. С провизией было плохо, пресная вода кончалась, команда устала, едва успевала откачивать просачивавшуюся в корпус судна морскую воду. Служилые подали Гвоздеву и Фёдорову прошение, «которым, объявя многие свои нужды, просили, чтоб для тех их нужд и поздности времени из того вояжа возвратиться на Камчатку» [26]. 28 сентября 1732 г. «Св. Гавриил» вернулся на зимовку в Нижнекамчатск.

К сожалению, подробности этого исторического плавания остаются неизвестными, так как подлинные документы — вахтенный журнал и карты — не сохранились. 19 декабря 1732 г. Гвоздев отправил в Анадырский острог Д. И. Павлуцкому подробное донесение о походе и «надлежащие описи», но Павлуцкого в это

время там не было, он находился в Якутске. К рапорту прилагалась копия вахтенного журнала (лагбуха). Подлинный лагбух был отправлен летом 1733 г. в канцелярию Охотского порта, но без карты. Гвоздев объяснял, что карта похода не была составлена из-за отсутствия согласия с подштурманом Фёдоровым, который считал, что его дело — сочинение морской карты, а геодезиста — ландкарты, то есть суши.

Сам Фёдоров скончался в Нижнекамчатске в феврале 1733 г., а М. С. Гвоздев оставался до лета 1735 г. на Камчатке, выполняя поручения «при строении вновь острогов». В 1735—1738 гг. он пребывал под следствием по ложному доносу, а после освобождения выполнял различные обязанности во время Второй Камчатской экспедиции.

Неизвестно, почему ни Павлуцкий, ни канцелярия Охотского порта не доложили в Адмиралтейств-коллегию, тобольскую губернскую и иркутскую провинциальную канцелярии об итогах плавания «Св. Гавриила» к Большой Земле. Видимо, они не придали им особого значения.

Лишь в 1738 г. сведения о ней дошли до Адмиралтейств-коллегии. Случилось это так. В 1735 г. участник плавания на «Св. Гаврииле» матрос Л. Петров обвинил руководителей экспедиции Я. Генса, М. С. Гвоздева и И. Г. Спешнева в государственных преступлениях, за что всех их арестовали и посадили в тюрьму в Тобольске. Донос оказался ложным, теперь сам Петров попал в кронштадскую тюрьму. Здесь он подал донесение командиру Кронштадского порта о плавании к берегам Америки в 1732 г. и о необыкновенном пушном богатстве открытой ими земли. Это сообщение заинтересовало Адмиралтейств-коллегию. 14 февраля 1738 г. она вынесла решение об освобождении из заключения М. С. Гвоздева и Я. Генса и о немедленной отправке Генса в Петербург с журналами, описями и картами. Но Генса уже не было в живых, — он умер в тюрьме 23 октября 1737 г.

22 апреля уже сибирская губернская канцелярия направила указ о немедленной присылке в Адмиралтейств-коллегию всех материалов плавания «Св. Гавриила» в 1732 г., так как в имуществе Я. Генса после его смерти никаких бумаг, относящихся к плаванию, не обнаружили. В декабре 1738 г. последовал новый указ Адмиралтейств-коллегии сибирским властям о розыске и присылке в Петербург описей, журналов и карт плавания. Их снова не нашли. Лишь в 1743 г. М. П. Шпанберг обнаружил журнал, который во время плавания неофициально вёл И. Фёдоров. По приказанию

Шпанберга М. С. Гвоздев в октябре 1743 г. составил карту плавания 1732 г. Её оригинал был доставлен Шпанбергом в Иркутскую канцелярию и также утерян. Сохранилась лишь копия, посланная в Адмиралтейств-коллегию.

Позднее составлялись и другие карты, основанные на устном описании плавания.

Вопрос об открытии М. С. Гвоздева возникал в 1741 г. в связи с показаниями участника плавания И. Скурихина, данными им в апреле 1741 г. в канцелярии Охотского порта. Там же был допрошен в 1743 г. и сам Гвоздев. Командир Охотского порта А. М. Девиер в 1741 г. предлагал направить на небольших судах экспедицию Беринга для исследования островов против Чукотского Носа. В 1743 г. предполагалось послать туда Гвоздева, но в этом же году Вторая Камчатская экспедиция завершила свою деятельность.

В 1791 г. Г. А. Сарычев, обследуя острова Диомида (Ратманова и Крузернштерна), присвоил им название «Острова Гвоздева».

К берегам Японии

Русские моряки были представителями пятой европейской страны, достигшей берегов Японии. Впервые европейцы узнали о Японии в конце XIII в. из дневника Марко Поло: «Народ острова Дзипангу очень богат. Очень богат золотом. Крыша императорского дворца покрыта золотыми листами. Потолки дома, а также окна отделаны золотом, внутри комнат стоят столы из чистого золота» [29].

В 1459 г. на итальянской карте появился остров Дзипангу, одиноко стоящий где-то в восточном море. В 1542 г. португальцы достигли острова Танегасима (в ста сорока восьми километрах южнее острова Кюсю). В 1584 г. в Японию прибыли испанцы, начавшие распространять среди жителей островов христианство. В 1600 г. берегов Японии достигли голландцы, которые в 1609 г. открыли торговлю с Японией. В 1613 г. сюда добрались англичане. В 1638 г. европейцев изгнали, лишь голландцам удалось сохранить дружеские отношения и право торговли с Японией. В 1639 г. был издан закон, запрещавший контакты с иностранцами (произошло «закрытие Японии», действовавшее более двухсот двадцати лет).

В России первые сведения о Японии появились в конце XVII в. В «Космографии» 1670 г. приводятся сведения о её географическом положении, климате, природных богатствах, нравах и обычаях жителей, их религии и занятиях.

Идея поиска морского пути из Камчатки в Японию родилась у Петра I в 1702 г. после беседы с японцем Денбеем Татэкава, привезённым В. Атласовым в Москву с Камчатки. В том же 1702 г. Сибирский приказ от царского имени повелел якутской воеводской канцелярии послать на Камчатку «охочих людей» для проведывания пути в Японию через Курильские острова, чтобы «учинить с Японским государством... торги немалые».

В октябре 1705 г. при петербургской навигацкой школе началось обучение японскому языку. Учителем назначили того же Денбея, которого крестили и нарекли Гавриилом.

В 1712 г. Сибирский приказ вновь поручил якутскому воеводе собрать сведения о Японии, узнать, «какими путями в сию землю проезд, могут ли жители оной иметь дружбу и торговлю с русскими». Однако путь туда удалось проведать лишь в 1739 г. Сделал это морской отряд Второй Камчатской экспедиции под руководством М. П. Шпанберга. В его состав в числе четырёх судов входил и «Св. Гавриил», отличившийся тем, что его моряки стали первыми русскими людьми, ступившими на японскую землю 19 июня 1739 г.

Отряд М. П. Шпанберга был одним из восьми отрядов Второй Камчатской экспедиции. Пять сформировали для обследования побережья Северного Ледовитого океана, академический — для всестороннего изучения Камчатки и два морских: В. Й. Беринга для открытия пути из Камчатки в Америку и М. П. Шпанберга.

Отряду Шпанберга указом Сената от 28 декабря 1732 г. предписывалось: «Ради обсервации и изыскания пути до Японии... построить на Камчатке ж реке один бот с палубою и две дупельшлюпки о двадцати четырёх вёслах каждою с палубою и, построя и вооружа, следовать в показанном вояже капитану Шпанберху... Буде же оставшейся от прежней экспедиции бот найдётся в таком состоянии, что на оном в вояж идти будет можно и безопасно (речь идёт о «Св. Гаврииле». — *В. А.*), то вновь показанного бота не делать...» [27].

Бот, «оставшийся от прежней экспедиции», оказался исправным. После возвращения из плавания к Большой Земле в 1732 г. он до сентября 1733 г. находился в Нижнекамчатске при «постройке нового острогу». В 1733—1735 гг. по распоряжению командира Охотского порта Г. Г. Скорнякова-Писарева «Св. Гавриил» под командованием Я. Генса совершал рейсы в роли «перевозочного судна» между Камчаткой и Охотском, доставляя людей и различные грузы. Так, в октябре 1733 г. он привёз на

Камчатку походную розыскную канцелярию во главе с майором В. Ф. Мерлиным и Д. И. Павлуцким, посланную для наказания виновных в восстании ительменов в 1731 г.

4 августа 1735 г. «Св. Гавриил» отправился в свой последний рейс в качестве головного судна экспедиции Шестакова — Павлуцкого. На нём отбыли и участники плавания 1732 г. к Большой Земле — М. С. Гвоздев, ботовых дел подмастерье И. Г. Спешнев, матрос Л. Петров, которых вместе с Я. Генсом вызвали в Иркутск «по важному делу». Перед отправкой в Иркутск Я. Генс передал «Св. Гавриил» М. П. Шпанбергу для плавания в Японию в составе Второй Камчатской экспедиции.

Указ Сената М. П. Шпанбергу далее предписывал: «И, в-первых, идти к тем островам, кои пошли от Камчатского полуденного носу к Японии... а ежели далее к самой Японии острова ж или земли найдутся подвластные хана японского или иных азиатских владетелей, также осмотреть же и искать с народами, живущими на тех островах и землях, дружелюбного обхождения... И между тем проведывать о их состоянии и о прочем, о чем мочно... и, побыв тут, следовать до самых японских берегов и там по тому ж разведывать в владетельстве, о портах, могут ли обходиться в том дружески» [29].

Инструкция Адмиралтейств-коллегии от 28 февраля 1733 г. ставила перед отрядом Шпанберга те же задачи [30].

В 1737 г. была сформирована Охотская флотилия Второй Камчатской экспедиции. В неё вошли «Св. Гавриил» и шитик «Фортуна», отремонтированные в 1736 г., а также построенные под наблюдением М. П. Шпанберга бригантина «Архангел Михаил» и трёхмачтовый дубель-шлюп «Надежда». Бригантину спустили на воду 7 июля 1737 г., а дубель-шлюп — 19 июля. Из-за недостатка провианта экспедицию пришлось отложить до весны 1738 г.

16 июня 1738 г. Шпанберг докладывал в Адмиралтейств-коллегию: «А с начала сея весны три морских судна, которые приготовлены строением и починкою к показанному мне вояжу, а именно: бригантин “Архангел Михаил”, дубель-шлюпку “Надежду” и бот “Гавриил” конопатил, скоблил, смолил и протчими мелочными поделками исправил и надлежащим такелажем оснастил» [31].

18 июня 1738 г. отряд вышел из Охотска и 6 июля прибыл в Большерецк. Здесь полностью укомплектовали команды, пополнили запасы продовольствия и пресной воды. 15 июля из Большерецка суда вышли в плавание к Японии. «Архангелом Михаилом» командовал М. П. Шпанберг, «Надеждой» — лейтенант

Вилим (Вильям) Шельтинг. Через четыре дня от отряда отстал «Св. Гавриил», а 24 июля — «Надежда». Шпанберг один дошёл до пролива Фриза, обогнул остров Уруп и 18 августа вернулся в Большерецк. Шпанберг дошёл до 45° северной широты: «А далее того градуса иттить мне одному... не посмел... из российского народу нет ещё, кроме нас, никто не бывал».

В. Вальтону удалось дойти 11 августа 1738 г. до 43°19' северной широты: увидели землю от *NNW* к *WtN*, «которая показалась семью островами, севернейшая часть весьма с высокими горами...» [32].

Это была северная оконечность острова Матсмай (Хоккайдо). «Св. Гавриил» вернулся в Большерецк 6 августа, «Надежда» — 24 августа. В начале сентября по причине отсутствия «перевозочного судна» (шитик «Фортуна», на котором в октябре 1737 г. прибыл на Камчатку С. П. Крашенинников, в том плавании «у большерецкого устья изломало всё без остатку». — *В. А.*) решили послать «Св. Гавриила» в Охотск для доставки команд походной розыскной канцелярии В. Ф. Мерлина и ясашной пушнины. «Гавриил» должен был вернуться той же осенью назад, но сел на мель против Крутогоровского острога и вынужден был зимовать там под охраной караула из восьми человек.

Поскольку в экспедиции после гибели «Фортуны» не было лёгкого судна «для выезда на острова», решили соорудить из леса, заготовленного по рекам Большой и Быстрой, шестнадцативесельный шлюп «Большерецк». Это было второе морское судно после «Св. Гавриила», построенное на Камчатке. «Большерецк» имел длину 17,5, ширину — 3,9, глубину трюма — 1,6 м. Он плавал до 1744 г., пока не был выброшен на берег в районе реки Большой. Для сравнения: «Архангел Михаил» имел размеры, соответственно, 21, 6,3 и 2,6 м; «Надежда» — 24,5, 6 и 1,8 м; «Св. Гавриил» — 18,3, 6,1 и 2,3 м. (Размерения пакетботов Беринга составляли: 24,4, 6,7 и 2,9 м.) «Архангел Михаил» и «Надежда» разбились в 1753 г.

23 мая 1739 г. флотилия из четырёх кораблей вновь отправилась в путь к Японии. Во время следования Шпанберг поменял командиров «Надежды» и «Гавриила». Ботом стал командовать В. Вальтон. Командиром «Большерецка» назначен мичман Василий Эрт.

14 июня, на подходе к острову Хонсю, «Св. Гавриил» отстал и дальше продолжал плавание самостоятельно. К японскому берегу все четыре судна подошли в один день — 16 июня. Корабли Шпанберга курсировали вдоль него до 22 июня, достигнув 37° северной широты (современного города Иваки). «Св. Гавриил»

находился у берегов Японии до 24 июня и прошёл до 34°30', то есть до Токийского залива.

Шпанберг не решился высадить людей на берег, «опасаясь от них, японцев, нечаянного нападения или лестию не обманули б». 22 июня моряки принимали множество японцев у себя на борту. Шла бойкая меновая торговля. Японцы предлагали русским рыбу, рис, фрукты, овощи, табак, принимали от них подарки и угощения.

В своих отчётах Шпанберг приводит любопытные наблюдения о японских судах, природе, поселениях, земледелии и рыболовстве, описывает внешний облик японцев, их одежду. На «Архангел Михаил» приезжали «знатные люди», которых Шпанберг одарил российскими монетами. В книге японского историка С. Накамуры «Японцы и русские» уточняется, что это происходило в бухте Тисирохами у деревни Исомура. Из города Сендай в Исомура был отправлен чиновник Тиба Канситиро, который в сопровождении трёх местных чиновников прибыл на борт «Архангела Михаила». Японцев сопровождали трое айнов-переводчиков, но они не знали русского языка, поэтому встреча закончилась безрезультатно. Японцы вежливо кланялись. Шпанберг угостил их водкой, подарил меха и монеты, показал на карте Россию и другие страны. Он разрешил осмотреть судно и сделать записи об увиденном.

О своем визите на русские корабли Тиба Канситиро сообщил в княжество Сендай. Это вызвало беспокойство властей, и те приступили к мобилизации воинских подразделений, начали готовить оборону побережья от порта Исиномаки до полуострова Одзика. Японский рыбак Кисабээ, первым встретивший русских моряков, получил от них в подарок игральные карты, которые передал старосте Дзембээ. Серебряные монеты и игральные карты были доставлены в столицу. Правительство обратилось за консультацией в голландскую факторию в Нагасаки. Голландцы разъяснили, что бумажные карты — это не банкноты, как думали японцы, а игральные принадлежности, а монеты отчеканены в «государстве Московии» (Оросии, то есть России).

Шпанберг сообщает об устройстве японских судов: «А приезжали они, японцы, на лотках остроносых, а кормы тупые, а сверху доски спущены фута на четыре, островаты, длиною около четырёх сажен, а носы у тех лоток обиты у многих медью зелёною. Да и большие у них лотки строены тако ж, как и малые, а рули у тех лоток имеютца, по два весла кривые, гребут стоя, наискось, положа весла на уключины, а рукоятки привязывают верёвкою; а шиты оные лотки медью, а дречи (якоря. — *В. А.*) у них четырёх-

рогие, железные. И те лотки с палубами, и поделаны на них ящики для воды, а на палубе складены печи, в которых у них имеются котлы для варения каш, и начюют на море. И всех вышереченных лоток было вокруг кругом брегандина семьдесят девять, а людей на них было на каждой человек по десять, по двенадцать и более» [33].

Сообщает Шпанберг и о рыболовстве у японцев: «...прошли милю нашева судна две японские лотки, и, спустя парусы, ловили рыбу и приезжали к нам, и, побывши у судна малое время, поехали ловить паки рыбу... И мы також в то время послали от своего судна шлюпку, на ней служителей трёх да толмача одного для промыслу рыбы, которую оный толмач по курильскому обыкновению ножом и заколол, и буксировал к нам, и, прибуксировав, подняли её на судно... и тогда она была ещё жива, а какая званием оная рыба, того описать за неведением невозможно, только великая и плоская, глас круглой, блис головы два больших ластов, по верхнею и нижнею стороны с круглыми выемками. А весом оная рыба более девяти пудов, телом оная рыба белая, кожа на ней толстая, ещё розовая и шиповатая. Також от 43 до 37° тем местом, где мы ходили, видели много играющих разных рыб, которых в нашем море не видать» [34].

Любопытные сведения приводит Шпанберг о внешнем облике японцев. «Оные японцы росту среднева и малова. Платья у них много схожа на татарское. Ходят босыя, штанов и портков ни на ком не имеетца. С полуголовы по лбу волосы стрижены и подклеяны клеям, назади завязывают кустиком, который торчит кверху. Шляпы у них великия, тровяные, плоския, некоторые носят те шляпы, привязав под бороду, а у которых шляп нет, те голову повязывают плотками. Вместо епончь имеют вощанки (ткань, пропитанная воском. — *В. А.*), зделаны из бумаги... А телом оные японцы некоторые из бела, а более смуглы, глаза малые, волосы чёрные, бороды бреют. А ещё сверх тех японцев подгребала к нашим судам вблизости японская же лотка, на которой было шесть человек, и видно по платью и по персонам, что они знатных отцов дети. И в руках они у себя имели веэры от солнца, токмо из каковой материи, про то неведомо, а только видно, что колеру белову. И оные японцы собою белые и молодые люди» [35].

Похоже, то же самое видели и моряки «Св. Гавриила», который прошёл вдоль побережья острова Хонсю от 38°29' до 34°30'. Лейтенант Вальтон отмечает, что им попадалось множество японских судов, и они принимали японцев на борту своего. Дважды,

19 и 22 июня, русские высаживались на берег, на что не решился М. П. Шпанберг.

В. Вальтон сообщает, что 16 июня заметили землю в 38°29' северной широты, 17 июня подошли ближе к берегу, «увидели, что пошло от берегу в море тридцать девять судов японских без флагов, ис которых каждое было величиною против галеры нашей или больше, а парусы на них были на каждом судне по одному, и те прямые, зделанные из матереи китайчетыя (китайка — бумажная ткань. — *В. А.*) синя, с белыми полосатыя, а на иных все белые, за которыми судами следовал я на боту вдоль берегу для сыскания их гавану, но токмо оные суда разделились по деревням, а в гавану они не стоят. И с 18-го дня легли на якорь близь их судна... Июня 19-го дня поутру пригребло к нам японское судно... а людей было на нём восемнадцать человек, с которыми мы никаких разговоров не имели, за неимением толмача на их языке, только имели между собою расуждение руками, и знатно, что звали нас на берег, чего ради и послал я бот и на нём штюрмана Казимерова, да квартирмейстера Черкашенина, да шесть человек солдат для привозу воды на наш бот, которому дано было от меня несколько подарочных вещей, чтоб с ними дружески можно было обойтитца. И того ж дня штюрман Казимеров з берегу возвратился благополучно и привёз полторы бочки воды» [36].

Казимеров рассказал, что когда они стали приближаться к берегу, то им навстречу направились около полутораста небольших гребных судов, «на которых де людей было человек по пятьдесят и больше (? — *В. А.*) в долгом китайском платье... А гребцы де были на тех судах все наги, токмо стыд их завязан, и так де гребли близко от ялбота, что с нуждою нашим гребцам гресть было можно» [37].

Японцы показывали русским золотые монеты, выражая желание торговать. Казимеров же сделал вывод, что в Японии много золота: «...показали они с судов нам золота, ис чево де признается, что имеют они у себя довольное число золота... А как де он стал приставать ялботом на берег... на берегу было народу мужска полу многое число и жители... были мне весьма рады и кланялись по их обыкновению, и увидя ж на ялботе порожние две бочки, и взяли оные жители и понесли к одному двору, и налили полторы бочки водою, и отнести возвратно на ялбот» [38].

По свидетельству С. Накамуры, всё это происходило в деревне Амацумура (уезд Нагасаки, провинция Ава, префектура Тиба), расположенной на 35°10' северной широты. Казимеров далее рассказывает:

«...пришед в тот же дом, где воду наливали, и хозяин того дому встречал ево у дверей изрядно со всякой учтивостью и ввёл в свои покои и, посадя, потчивал ево и бывших с ним служителей виноградным вином из фарфоровой посуды. И поставил им закусок на фарфоровой же посуде — шепталу (сушеные абрикосы или персики. — *В. А.*), моченою бутто в патоке, и редис резаной. Потом поставил перед ним табак и трубки китайские, и он де, Казимеров, посидя в том доме и благодаря хозяина, пошёл в другой дом, и хозяин дому того привёл его таким же образом и посадил его подле себя, и поставил им закусок и подчивал виноградным вином, и принесли пшена сорочинскова (риса. — *В. А.*) варенова... И посидя де во означенному дому, пошёл вон и ходил по слободе, в которой, например, дворов около полутора тысяч, а строения де в оной слободе деревянные и каменные палаты, и устроено вдоль берегу близь моря... версты на три. И жители той слободы имеют в домах чистоту и цветники в фарфоровых чашках, также и лавки в домах с товарами, в которых де видел он посреди бумажныя и шёлковыя, а парчи де он видел... Скота де имеют у себя лошадей и коров, и куриц, а хлеба де, по-видимому, кроме пшена и гороху, у них нет; из овощей де имеют они виноград, помаранцы (апельсины. — *В. А.*), шептулу и редис» [39].

«Увидев на берегу двух человек при саблях, ис которых один имел две, то де он на берегу не стал медлить ни часу и, пришед на ялбот, отвалил прочь от берегу, и погребли к боту. Тогда де и оных судов отвалило от берегу множество за ними. И с тех де судов подошло одно судно и взяли с ялбота буксир, которые буксировали наш ялбот до нашего боту, а протчие де суда все за ними следовали для смотрения... И с ним, Казимеровым, поехал японской знатный человек на таком де малом судне... которого мы признавали за воеводу, потому что провожали ево от берегу больше ста судов, а на каждом судне было много людей, человек по пятнадцать, которого я принял со всякой приятностью и потчевал ево и бывших при нем людей воткою и камчатским вином, кои безотговорно пили. Также и помянутой японской знатной человек привёз с собою к нам на бот ренскова (рейнского вина. — *В. А.*) белова около четверти ведра, которым и нас он потчивал равномерно, токмо разговоров и с ним не было. И хотя оные люди казались нам благоприятными, однако ж я долго там стоять не смел, ибо окола нашева бота великое множество судов их обстало и сверх того ещё от берегу отвалило и без числа. Того ради я стал сыматься с якоря, а помянутой знатный человек, между тем простясь с нами дружески, и пошёл на своё судно и погрёб к берегу...

А июня 20-го пришли мы к острову и легли на якорь для сыскания воды, токмо видели, что ялботом к берегу пристать негде, понеже валы великия ходили. Того ж июня 21-го дня подняли якорь и пошли между островами до японского берегу, где встретили нас два малыя судна. И как оные суда близь к нашему боту пригребли, то я чрез рассуждение с теми людьми руками, понеже говорить с ними некому за незнанием их языку, указал им, что надобно нам на судно дров и воды, и как то оные увидели, тотчас как дружелюбные люди, не отговариваясь нимало, погребли на берег и привезли воды и дров. И за их работу подал я им бисеру один фунт да бумажку игол, и кои звали нас в гавань, и понеже в том месте такая была глубина, что на якоре стоять невозможно было, также и ветер мал, того ради оные два судна взяли наш бот на буксир и буксировали.

Между тем, не допустя до гавану (порт Симода. — *В. А.*), встретилось судно, на котором было людей пятнадцать человек при саблях, и приказали означенным двум судам, чтоб буксировать наш бот перестали, и я, опасаясь, ибо чтоб нам не показать к ним противности, то поворотились от берегу и пошли в море от северной ширины 34° и 30', имели курс меж *OtZ* и *ZO*.

Того ж июня 22-го дня пришли мы к острову и стали на якорь на глубине двенадцать саженей и послали ялбот для сыскания воды, но токмо воды там достать невозможно было, потому что вода от берегу в дальнем разстоянии. Точию подлекарь Дягилев съехал с боту, привёз оттуда разных трав и при том объявил, что де видел он на означенном острову жителей японских в белом холстинном платье и скота, а именно — лошадей, шерстью бурых и каурых и коров чёрных. Да он же, Дягилев, привёз ветвь древа ореховаго... да ветвь сосновую, да две жемчуженные раковины... Июня 23-го дня выходили на берег жители означенного острова и кричали к нам, и знатно, что звали нас на берег, но за великим волнением ялбота послать туда было не можно, и к тому же берег был каменист и на якоре стоять было неспособно. Июня 24-го дня, подняв якорь, следовали назад в море, но держались более восточной стороны для того, чтоб осмотреть — нет ли в той стороне ещё какой земли, имели курс меж *N* и *O*, но токмо земли никакой не видали, покамест уже пришли близь Аваченской губы и стали быть в ширине 52°28', а оттуда следовали меж Лапаткою и первым Курильским островом до Большой реки. Июля 23-го дня вошли в устье Большой...» [40].

26 июля туда же прибыл бот «Большерецк», отставший 3 июля от Шпанберга у острова Кунашир. Запасы провианта на судах

кончались и, прождав в устье реки Большой до 7 августа, решено было идти в Охотск, полагая, что Шпанберг уже там. К тому же отправки в Охотск требовали В. Ф. Мерлин и Д. И. Павлуцкий, застрявшие в Большерецке с прошлого года.

Через неделю после ухода «Св. Гавриила» и «Большерецка» в устье реки Большой прибыл «Архангел Михаил» и тоже вскоре отправился в Охотск. «Надежда» пришла в Большерецк только 31 августа и вынуждена была здесь зимовать. Плавание «Надежды» сопровождалось жертвами: одиннадцать человек умерли, а «остальные едва ходили». «Св. Гавриил» и «Большерецк» потеряли по одному человеку.

Так закончилось это историческое плавание, открывшее морской путь с Камчатки в Японию и на Южные Курильские острова. Рапорт Шпанберга и материалы плавания, но почему-то без журнала и карты Вальтона, были получены в Адмиралтейств-коллегии. 19 ноября 1739 г. Шпанбергу приказали ехать в Петербург «со всяким поспешанием денно и ночно... не заезжая никуды явиться в кабинет её императорскаго величества не отменно». Но этот указ Шпанберг получил лишь 10 апреля 1740 г. в самую распутицу. Он смог выехать из Якутска лишь 13 июня, но вскоре пришёл новый указ, в котором предлагалось ехать в Петербург Берингу, а Шпанбергу принять командование над Камчатской экспедицией.

Инструкция, составленная для Шпанберга, предписывала весной 1740 г. Чирикову и Ендогурову на двух судах отправиться к Америке, а Шпанбергу, Вальтону и Чихачеву — в Японию. Но подготовка новой экспедиции к берегам Японии затянулась до сентября 1741 г., поэтому удалось только описать устье реки Уды и Шантарские острова. Лишь 23 мая 1742 г. отряд из четырёх судов (вместо «Св. Гавриила» шёл «Св. Иоанн») двинулся из Большерецкого устья.

В пути корабли потерялись, и к берегам Японии (41° 15' северной широты) подошёл лишь один «Св. Иоанн» под командованием Шпанберга. Не имея малых судов для обследования японского побережья, обнаружив течь, Шпанберг, достигнув 30 июня широты 39°35', решил возвратиться на Камчатку, так и не увидев Японии. «Надежда» под командой Шельтинга побывала в этом плавании у берегов Сахалина до пролива Лаперуза (45°34' северной широты).

О плавании русских мореплавателей в 1739 г. к берегам Японии и открытии ими Южных Курил в Европе стало известно в начале 1740 г.: 13 января 1740 г. амстердамский журнал опубликовал письмо нидерландского резидента в Петербурге Шварца,

сообщавшего, что Шпанбергу удалось достичь восточного побережья Японии.

В России же появилась версия, что Шпанберг и Вальтон дошли только до берегов Кореи. Была создана специальная комиссия, которая в рапорте от 20 мая 1746 г. «без всякого сумнения» признала, что «капитан Вальтон по всем обстоятельствам был подлинно у восточных берегов острова Япона, а не у земли Кореи». Г. Ф. Миллер, который также сначала сомневался, впоследствии пришёл к следующему выводу: «Стали умножаться доказательства, что наши мореплаватели... не ошиблись; и ныне о том никто уже не сумневается, ибо славные французские географы д'Анвиль, Буаш и Беллин на картах своих полагают между Камчаткою и Японией столько же или ещё более разности в долготе, нежели Шпанберг и Вальтон» [41].

Исследование Авачинской губы и основание Петропавловска

Летом 1740 г. «Св. Гавриил» ещё раз напомнил о себе. Он стал первым в истории морским судном, вошедшим в Авачинскую губу. Его экипаж под командованием штурмана мичманского ранга Ивана Фомича Елагина составил карту губы, определил место для строительства и заложил первые строения одного из старейших городов российского Дальнего Востока.

Первые русские люди прибыли в окрестности Авачинской губы в 1703 г. Это был отряд сборщиков ясака под началом Родиона Преснецова. В 1707 г. губу посещали Иван Таратин и Афанасий Поповцов, в 1711 и 1715 гг. — И. П. Козыревский, в 1712 г. — Д. Я. Анциферов. Известно и о первом морском походе отсюда. В 1715 г. И. П. Козыревский отправил на байдарах для сбора ясака на Курильских островах отряд Фёдора Балдакова. В 1726 г. Козыревский встречался в Якутске с Берингом и передал ему собственный «Чертёж Камчадальского Носу и морским островам», на котором впервые были изображены очертания Авачинской губы. Видимо, от Козыревского Беринг мог узнать о ней и более подробно.

Находясь в 1727 г. в Большерецке, Беринг собирал сведения о камчатском побережье. Он обратился с запросом к заказчику Большерецкого острога А. Еремееву: «...кругом Носу (мыса Лопатка. — *В. А.*) байдарами или сухим путём по берегу до устья реки Камчатки имеютца ли такие люди, которые бывали, и сколько времени хаживали, и какие там имеютца места, и судам морским

можно ли обойти кругом Носу до устья реки Камчатки». Ереемеев отвечал: «Из Большерецкого устья до Лопатки пешему ходу пять дней землею, и земля мяхкая, а байдарами грести столько ж, от Лопатки до Авачи реки байдарами грести десять дней, а пешего ходу нет, для того, что залегли губы и шерлопы (скалы. — *В. А.*), и утёсы великие, а со Авачи до Кроноцкого Носу пешего ходу десять дней, а от того Носу до камчатского устья ходу пять дней... А до Лопатки бывал служилой человек Андрей Тарамыгин, а по другому морю бывали байдарами до Авачи служилые люди Андрей Воронин, Пётр Горнастаев, а с Авачи до Кроноцкого Носу бывал служилый человек Федот Слободчиков, а от Кроноцкого Носу до камчатского устья бывал служилой человек Григорей Кударинский» [42].

В июне 1728 г. из Большерецка в устье реки Камчатки впервые прошёл вокруг мыса Лопатка шитик «Фортуна» под командой морехода К. Мошкова, доставивший Берингу остававшиеся в Большерецке грузы Первой Камчатской экспедиции. Это было первое морское судно, проследовавшее вблизи входа в Авачинскую губу. А в июне 1729 г. Беринг дважды — 27 и 29 июня — прошёл на малом расстоянии от её ворот. 27 июня в полдень морякам «Св. Гавриила» открылась высокая гора. 29 июня штурман «Гавриила» дважды пеленговал Авачинскую сопку. Беринг и его спутники видели побережье Камчатки (от нынешнего мыса Маячного до мыса Налычева, то есть Халактырский пляж. — *В. А.*), находясь от берега в пятнадцати милях. Хорошо был виден и мыс Поворотный — юго-западный входной мыс Авачинского залива [43].

На итоговой карте плавания в 1729 г. достаточно точно определено местоположение Авачинской губы, обозначены входные мысы Авачинского залива — Шипунский и Поворотный, река Авача и Авачинская сопка. Однако Беринг не мог видеть внутренней акватории губы. Но в июле этого же года, во время стоянки в устье реки Большой, Беринг посылает в эти места первостроителя «Св. Гавриила» ботового подмастерья Ф. Козлова, который побывал на каком-то «малом острову близь Авачина».

Но лишь Вторая Камчатская экспедиция приступила вплотную к исследованию Авачинской губы. В 1737 г. М. П. Шпанберг направил из Охотска на Камчатку на шитике «Фортуна» подпоручика геодезиста И. Свистунова и подштурмана Е. Родичева для отыскания рек Большой и Камчатки, а также Авачинской губы и для постройки там маяков. Беринг сообщает об этом: «А подпорутчик, управляющий геодезическую должность, Иван Свистунов (который для вымеривания оной губы был с подштурманом

Родичевым ещё прошлого 737-го году)... репортом объявил, что оную де губу описывал и вымеривал он, Свистунов, собою один... при котором репорте и описание той губы приложено» [44].

Но Беринга не удовлетворило описание Свистунова, «ибо оной Свистунов имел описание з берегу». Причина этого заключалась в том, что осенью 1737 г. «Фортуну», на которой Свистунов и Родичев должны были проводить исследования Авачинской губы, шторм выбросил на берег устья реки Большой и разбил. При этом потерялись многие инструменты. Поэтому Свистунов ограничился геодезическими наблюдениями. Была составлена карта губы и выбрано место для строительства пристани при устье реки Авачи. В 1738 г. там началось строительство маяка, казарм и жилья для офицеров. Но из-за отсутствия достаточного количества леса соорудили только маяк и амбар.

Зимовавший в 1738—1739 гг. в Большерецке М. П. Шпанберг собирался сам ехать сюда для ускорения строительных работ, но из-за занятости подготовкой к плаванию в Японию решил послать своего сына Андрея: «...ехать тебе на ту реку Авачю для снятия плана и тамошнего ситуацион и для осмотру Оваченской морской губы и надлежащего описания удобных и безопасных мест, где можно быть гавану, и протчих знатных мест... А для вспоможения надлежащего тебе дела определены от нас салдаты Василий Спирин да Пётр Копотилов, а для толмачества иноземных речей толмач Алексей Мутовин» [45].

Однако через месяц, 16 апреля 1739 г., Шпанберг составил новую инструкцию уже одному солдату Копотилову, ограничив его задачи лишь заготовкой леса и постройкой жилья на Аваче. О том, был ли А. М. Шпанберг на Аваче, а также о деятельности Копотилова в документах экспедиции не сообщается.

В дальнейшем исследовании Авачинской губы и подготовке базы для зимовки экспедиции Беринга принимал участие «Св. Гавриил». По возвращении из плавания в Японию бот 22 августа 1739 г. прибыл в Охотск. Командир Охотского порта Г. Г. Скорняков-Писарев потребовал его в своё распоряжение для перевозки на Камчатку ясачных сборщиков и «купецких людей». Однако Беринг, совещаясь с Чириковым и лейтенантом Вакселем (Шпанберг отбыл с отчётом о плавании в Японию в Якутск), решил: «Бота “Гаврила” к охоцкому правлению не отдавать, а отправить оной бот от экспедиции, и командиром определить штюрмана Елагина, которой и отправлен того же сентября 29-го дня, а при нём штюрман Василей Хметевской, гардемарин... Яган Синт

(Иоганн Синдт. — *В. А.*), матрос и прочих чинов — девять, всего двенадцать человек» [46].

В рапорте в Адмиралтейств-коллегию 10 сентября 1793 г. Беринг так определил цель экспедиции: «...понеже, как известно, что на Камчатке, кроме Авачинской губы, к отстою морским судам безопасных мест нет, да и о той подлинного известия не имеетца, а в какой она глубине состоит, и можно ль построенными для нашего вояжу пакетботами в тое губу с моря судами вхаживать... К тому ж при оной губе надлежит быть для жилья служителям строение, також и для клажи, правианта магазейнам, да и от Большой реки до означенной губы морской берег и поныне ещё не описан» [47].

«А вышереченному штюрману Елагину... чтоб прибыти к Большой реке, порученный в ево команду бот "Гаврил" поставил в удобное место... иттить ему зимним временем от Большой реки по берегу до Авачинской губы, и тот берег описать, и ежели явятца против берегу острова, те положить на карту... А ему, Елагину, по описанию того берега от Авачинской губы возвратитца паки к Большой реке... и иттить на боту к Аваченской губе и ту губу вымереть и описать со обстоятельством, можно ли в тое губу пакетботами войтить и в зимнее время без опасности зимовать» [48].

И. Ф. Елагин, прибыв осенью 1739 г. в Большерецк, начал выполнять инструкцию Беринга. Он отправил штурмана В. Хметевского «для вымеривания устья реки Камчатки, а он, Елагин, от большерецкого устья по морскому берегу до Лопатки... берег описывал. И от того Камчатского угла (Лопатки. — *В. А.*) до Авачинской губы подле моря по восточному берегу сухим путём описи сочинить никак невозможно, понеже де подлегли тамо великия горы и каменные утёсы, которые ни пешему человеку и по здешнему обычаю на собаках пройти невозможно.

Вторым репортом от него ж, Елагина, сентября 20-го числа объявлено: отправился де он, Елагин от Большой реки на боту маия 16-го дня того же 740-го году к Овачинской губе и прибыв в тое губу июня 10-го числа благополучно. При которой губе построено камчатскими служилыми и ясашными иноземцами жилых покоев в одной связке пять, да казарм три, да три ж анбара в два апартамента. Також и в означенной губе глубину воды вымерел. И при том рапорте приложил карту, в которой положен берег камчацкой земли от устья Большой реки, лежащей к зюйду до Курильской Лопатки или до южного Камчатского угла мерою с Курильскими ж первым, вторым и третьим островами и со имеющимися меж ними проливами, которыя де в означенном ево пути

мимоходно случилось видеть, и положен на карту с пеленгов. И от Курильской Лопатки по восточному берегу Камчацкой земли до Авачинской губы и со внутренном в ней гаваном, которой гавани и при ней строению, и какой при Авачинской губе имеетца лес приложил карту ж... А вышереченная гавонь к отстою в зимнее время морских судов весьма способна, и для того и прибыли в оную гавонь в двух пакетботах со всею командою того ж 740-го году октября 6 дня благополучно, где и зимовали. И оная гавань названа нами Святых Апостол Петра и Павла» [49].

К этим словам Беринга из его рапорта Сенату от 22 апреля 1741 г., то есть за полтора месяца до отплытия к берегам Америки, трудно что-либо добавить. Из рапорта видно, что Елагин в точности выполнил инструкцию, данную ему Берингом.

Следует отметить, что «Св. Гавриил» стал первым морским судном, вошедшим в Авачинскую губу. Случилось это 10 июня 1740 г. Переход же бота из Большерецка вокруг Лопатки в Авачинскую губу был шестым в истории мореплавания в камчатских водах. Первый из них совершил шитик «Фортуна» в 1728 г., остальные пять — «Св. Гавриил» (в 1729, 1731, 1733 и 1739 гг.).

О дальнейшей судьбе «Св. Гавриила» документы Второй Камчатской экспедиции, к сожалению, не упоминают. Вероятно, до конца своей долгой жизни (разобран в 1755 г.) он служил перевозочным судном при охотской канцелярии, доставляя грузы и людей из Охотска на Камчатку и обратно.

У «Св. Гавриила» были достойные преемники. В 1758 г. богатый иркутский купец Иван Бечевин разработал план исследования морского пути с Камчатки в полярную часть Сибири и поисков новых островов в Восточном океане. На собственные средства он построил в Охотске самое большое в то время промысловое судно — «Святой архистратиг Гавриил» — длиной в шестьдесят два фута, то есть около двадцати метров. На нём могли разместиться шестьдесят промысловиков. Обычно подобные суда того времени вмещали тридцать пять — сорок человек.

В 1759 г. против Бечевина было начато следствие, а «Гавриил» оказался в распоряжении камчатской администрации и был послан в 1760 г. на Алеутские острова. Командовал судном квартирмейстер Гавриил Пушкарёв, ходивший в 1741—1742 гг. с Берингом на «Св. Петре» к берегам Америки, переживший зимовку на острове Беринга.

Зиму 1760—1761 гг. «Гавриил» провёл на острове Атха, а весной «отправились мы с оного Атха острова на второй, по названию

Аляска, мая 26-го», — писал в рапорте Пушкарёв. Таким образом, «Гавриил» был первым русским судном, достигшим после Беринга и Чирикова берегов американского континента. На обратном пути «Гавриил» потерпел крушение возле камчатского берега в бухте у основания Шипунского полуострова, получившей название Бечевинской по фамилии его бывшего владельца [50].

В 1766 г. для экспедиции П. К. Креницына — М. Д. Левашова в Охотске были построены четыре судна, в том числе бот «Гавриил». 10 октября отряд вышел из Охотска. Но лишь «Гавриил» благополучно достиг устья реки Большой, остальные суда потерпели крушение, а одно погибло. Но на следующий год при переходе из Большерецка в Нижнекамчатск бот дал течь, его признали непригодным для дальнейшего плавания на Алеутские острова и Аляску [51].

Источники

1. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. — М., 1984. — С. 35—36.
2. *Пасецкий В. М.* Витус Беринг. — М., 1982. — С. 14.
3. Русские экспедиции... С. 65—66.
4. *Голубев Г. Н.* Колумбы росские. — М., 1989. — С. 66.
5. Там же. С. 66—67.
6. Там же. С. 75.
7. Русские экспедиции... — С. 84.
8. *Голубев Г. Н.* Колумбы росские. — М., 1989. — С. 71.
9. *Дж. Кук.* Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. — М., 1971.
10. Русские экспедиции... — С. 85.
11. *Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга (1725—1742). — М. : Л., 1946. — С. 50—54.
12. Русские экспедиции... — С. 86.
13. Там же. С. 88.
14. Там же. С. 87.
15. Там же. С. 88.
16. *Сопоцко А. А.* История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан. — М., 1983. — С. 55.
17. Русские экспедиции... — С. 55.
18. Там же. С. 60.
19. Там же. С. 91.
20. Там же. С. 100—101.
21. *Ефимов А. В.* Из истории русских экспедиций на Тихом океане. — М., 1948. — С. 245.
21. Русские экспедиции... — С. 109.
22. Там же. С. 109.

23. Там же. С. 109.
24. Там же. С. 109.
25. Там же. С. 107.
26. *Ефимов А. В.* Из истории... — С. 248.
27. Русские экспедиции... — С. 128.
28. *Накамура С.* Японцы и русские. Из истории контактов. — М., 1983. — С. 23.
29. Русские экспедиции... С. 128.
30. Там же. С. 144—148.
31. Там же. С. 162.
32. Там же. С. 295.
33. Там же. С. 190.
34. Там же. С. 191.
35. Там же. С. 191.
36. Там же. С. 180—181.
37. Там же. С. 181.
38. Там же. С. 181.
39. Там же. С. 181.
40. Там же. С. 181—182.
41. *Дивин В. А.* Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII в. — М., 1971. — С. 140.
42. Русские экспедиции... — С. 63.
43. *Сопоцко А. А.* История плавания В. Беринга... — С. 166—168.
44. Русские экспедиции... — С. 185.
45. Там же. С. 168.
46. Там же. С. 185.
47. Там же. С. 185.
48. Там же. С. 186.
49. Там же. С. 212—214.
50. *Мартыненко В. П.* Камчатский берег. Историческая лоция. — Петропавловск-Камчатский, 1991. — С. 59—61.
51. *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. — М., 1968. — С. 144.
52. *Алексеев А. И.* Сыны отважные России. — Магадан, 1970. — С. 111.

КУРИЛОРОССИЯ

Курильские острова, протянувшиеся на тысячу двести километров от Камчатки до острова Хоккайдо, ныне составляют два района Сахалинской области. Интерес к их истории ныне всеобщий. Он связан с проблемой так называемых «северных территорий» — притязаниями Японии на южную часть островов. Для жителей Камчатки интерес к Курилам особый. Их история — часть камчатской. Именно с Камчатки русские землепроходцы и морепла-

ватели в XVIII в. открыли, исследовали, положили на карту и начали освоение островов. С 1711 и до 1875 г., когда был подписан Санкт-Петербургский договор, по которому Курильские острова передавались Японии в обмен на её отказ от претензий на Сахалин, то есть более ста шестидесяти лет, Курилы административно подчинялись Камчатке. В 1877 г. последние жители с островов, прежде принадлежавших России, были вывезены в Петропавловск.

Уже к 1739 г. русские исследовали и положили на карту все острова Большой и Малой Курильской гряды. С 1743 г. русские люди постоянно жили там, аборигены практически всех островов выплачивали ясак, большинство их было обращено в христианство. Во второй половине XVIII в. наши купцы основали на Курилах постоянные поселения, завезли алеутов и эскимосов с острова Кадьяк в Русской Америке. Приоритет русских в изучении Курил признаётся многими японскими исследователями. Хотя японцы издавна торговали с жителями Курил и даже Камчатки, первая официальная японская экспедиция высадилась на острове Кунашир лишь в 1785 г., а первые японские крепости появились на Кунашире и Итурупе лишь в начале XIX в. Оценивая заслуги первооткрывателя островов И. П. Козыревского, японский историк Тосиюки Акидзуки писал: «В то время о Курилах в Японии не имели почти никаких сведений. Более того, в период, когда в Японии не в состоянии были ещё составить описания каждого из этих островов, отчёт о них И. Козыревского имел поистине огромное значение». Большой вклад в исследование Курил внесли И. М. Евреинов и Ф. Ф. Лужин, В. А. Шестаков, участники Второй Камчатской экспедиции, И. Чёрный, И. М. Антипин, Ф. Я. Шабалин и другие.

Ниже рассматривается деятельность русских экспедиций XVIII в., но исследования продолжались и в XIX в., в основном силами участников кругосветных плаваний.

Курильские острова до XVIII в.

По мнению учёных, Курилы заселены недавно. С конца первого тысячелетия нашей эры айны с Японских островов эпизодически бывали здесь, занимаясь промыслом морского зверя. В 1601 г. на южной оконечности острова Хоккайдо японцы основали крепость Мацумяэ, и айны, теснимые ими, стали селиться на островах и достигли южной части Камчатки. В. Атласов называет шесть курильских острожков (русские именовали айнов курильцами, япон-

цы — едзо), которые он разорил в Южной Камчатке. Некоторые исследователи считают, что в южной части полуострова имелось до двадцати айнских поселений, а их влияние (в языке, обычаях местных жителей) распространялось на западном побережье до реки Опалы, а на восточном — до реки Жупановой. Но с приходом русских на Камчатку большинство айнов покинули полуостров, а часть смешалась с ительменами.

И. П. Козыревский называет жителей северных островов «курилами», а южных, начиная с Урупа, — «гых курила». Впоследствии русские называли жителей северных островов «ближние курильцы» или просто «курильцы», а южных — «дальние» или «мохнатые». Курильцы ближних островов мало отличались от камчадалов. С. П. Крашенинников пишет об обитателях Шумшу: «Жители сего острова, так как жители на Курильской Лопатке, не прямые курилы, но камчатского поколения, которые по причине некоторых бывших между ими несогласий, особливо же по вступлении в сию землю русских людей, отделились от прочих и поселились на острову и на Лопатке. А курилами прозваны они по жителям второго острова (Парамушира. — *В. А.*), с которыми они, вступая в сродство чрез взаимное брачное совокупление, не токмо некоторые их обычаи приняли, но и знатно от предков своих видом переменились...»

Ко времени появления русских заселены были далеко не все острова, причем курильцы часто переселялись с одного на другой. Жители южных имели значительные отличия от северных в языке, облике, одежде. Они испытали и японское влияние. Козыревский пишет, что они «головы свои бреют до затылку» и «кланяются на коленках». Наиболее полное описание южных айнов даёт М. П. Шпанберг во время первого посещения русскими Шикотана и других островов Малой Курильской гряды в 1739 г.: «И те жители носят долгое платье, порток и штанов не имеют, ходят босые, на платье у них нашиты лоскутки камчатые разных цветов. По ногам у них и по всему телу шерсть, бороды у них великия, продолговатые, чёрные, а которые престарелые, у тех с сединою белою как бороды, так и на теле волосы. Також у некоторых имеютца в ушах кольцы серебряные. Лотки у них, так же, как у наших курильских мужиков, — бойдары. Язык у оных жителей находит на курильский».

Задолго до прихода русских японцы вели меновую торговлю с жителями Курил, а через них и с камчадалами. В. Атласов сообщает о поступлении японских товаров на Камчатку: «А с тех де

островов курильским иноземцам приходит цениная посуда и платье даб (хлопчатобумажная ткань. — *В. А.*) полосатых и пёстрых китаек и лензовые озямы (длинные халаты). Да иноземцы ж сказывали, что в камчадальской стороне повыше Камчатки к Каланской Бобровой реке (Явиной) приходят по вся годы бусы (небольшие суда) и берут у иноземцев нерпичей и каланский жир... А иная посуда у них левкашеная (лакированная) и олифляная, а сказывают они, что идёт к ним с острова».

И. П. Козыревский сообщает о торговле на Шумшу и Парамушире: «...из дальних островов приходят ради покупки бобров и лисиц, и орлов, и орлового перья»; «...из дальних островов приходят иноземцы с товарами шёлковыми и бумажными, також привозят котлы и сабли, а у сабель круги медные, обогнуты края кованым серебром, и всякую посуду левкашеную».

С. П. Крашенинников отмечает, что торговля у камчадалов с японцами была «ещё ста за полтора лет», «японцы меняли им на мягкую рухлядь (пушнину) всякие железные и медные инструменты, особливо ножи и иглы», а приезжали японцы «из острова Курильские».

Атласов, Козыревский, Крашенинников приводят много случаев, когда японские бусы разбивало у берегов Камчатки. Кстати, очень подробные сведения о Японии Козыревский получил именно от японцев, потерпевших кораблекрушения возле полуострова.

Первыми европейцами, видевшими Курильские острова, были спутники голландского мореплавателя Мартина Герртиса де Фриза. В 1643 г. он отправился на корабле «Кастрику» с Явы в поисках мифических «золотых» и «серебряных» островов к северу от Японии и оказался вблизи Итурупа и Урупа. Сильный туман не дал возможности рассмотреть берега, и на карте появились таинственные «Земля Компании» и «Земля Штатов». Позднее здесь побывал португальский мореплаватель Жуан да Гама — теперь на картах возникла таинственная земля Жуана да Гамы, которую в 1741 г. безуспешно пытался найти Беринг.

Кто же из русских мореходов первым увидел Курильские острова? С. П. Крашенинников считал, что это был Федот Алексеев (Попов), который после зимовки на реке Камчатке в 1649 г. обогнул на своём коче полуостров Камчатку и не мог не видеть острова Шумшу. Русский историк XIX в. капитан 1-го ранга А. С. Сгибнев утверждает, что «казак Михайло Стадухин... построил на устье реки Анадырь шитики и в 1656 г. отправился на них с товарищами к югу, обогнул полуостров Камчатку и вошёл

в Охотское море, на берегу которого построил Тауйский острог». Документы, которыми пользовался Сгибнев, не сохранились, поэтому большинство современных историков подвергают сомнению это плавание, как и поход Ф. Попова. Тем не менее, некоторые зарубежные исследователи считают М. Стадухина первооткрывателем Курил. Во время похода на Камчатку в 1695—1696 гг. Лука Морозко Старицын слышал от местных жителей об островах в море.

Но первое документальное упоминание о Курилах и Японии — это строки отчёта В. Атласова о походе на Камчатку в 1697—1699 гг., написанного в 1700 г. :«А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы (то есть курильцы. — *В. А.*) сказывают, что там острова есть, а на тех островах городы каменные и в них люди живут царственные, а какого государства и какие люди, про то сказать не умеют. А с тех де островов курильским иноземцам приходит ценая посуда и платье даб полосатых и пестрых китаек и лензовые азямы». Первой Курильской рекой казаки называли реку Озерную на юге Камчатки, а иноземцами — курильцев.

После Атласова видел острова казак Михайло Наседкин, посланный в 1702 г. камчатским приказчиком В. Колесовым в «Курильскую землю на немирных людей». Наседкин доносил, что «от того де места далее земли... нет, пришло море, только видеть в море за переливами земля, а проведывать де той земли не на чем».

Открытие Курильских островов. И. П. Козыревский — первый исследователь Курил

В 1702 г. Пётр I, заинтересованный рассказом о Японии японского моряка Денбея, доставленного Атласовым с Камчатки в Москву, повелел якутскому воеводе организовать поиск пути с Камчатки в Японию для налаживания торговли. Исполнение этого распоряжения в 1710 г. поручено камчатскому приказчику Миронову, но во время бунта казаков в Нижнекамчатском остроге в 1711 г. он был убит вместе с В. Атласовым. Возглавившие бунт Данила Яковлевич Анфицеров и Иван Петрович Козыревский, желая оправдаться перед властями, взялись исполнить этот приказ. В том же году они ходили с Большой реки до мыса Лопатка, откуда на байдарках переправились на Первый Курильский остров (Шумшу) и собрали ясак с его жителей. Это стало первым посещением русскими Курил. День возвращения отряда в Боль-

шерецк — 29 сентября 1711 г. — считается официальной датой их открытия.

В 1713 г. Козыревский (Анфицеров погиб на реке Аваче в 1712 г.) во главе пятидесяти пяти служивых и одиннадцати камчадалов снова отправился «для проведывания морских островов и Японского государства». Якутский воевода полковник Я. А. Ельчин доносил об этом походе Петру I: «Ходили они, Иван с товарыщи, от Камчатки на морские острова, которые на восточную сторону прилегли к Японскому государству. От Камчатской земли морем до первого острова парусом бежали день, на второй остров половину дня гребли, на третей день парусом бежали, на четвёртой — половину дня парусом же бежали. А на том острову людей множество, и за их многолюдством на остров не ходили и бою с ним не дали... И ходили они, казаки, по многим островам недели с четыре, и находили на островах людей множество, и взяли у них двух человек и японское платье, котлы, сабли и посуду».

Сам Козыревский сообщает об этом так: «В прошлом 1713 г. по указу его императорского величества... посылан был я... с служилыми людьми для проведывания морских островов и новых землиц и всяких народов и Апонского государства против Камчацкого Носу за переливы мелкими судами без мореходов и якорей, и канатов, и без снастей. И был на ближних островах, и на оных островах живут иноземцы самовласно, и на розговор (переговоры) нам они не дались, и бой с нами дали, и к воинскому делу зело жестоко поступают, в куяках с трёх бьют, имеют они у себя сабли, копья со стрелами. И я... оных иноземцев в полон имал и брал платье шёлковые, и дабинные, и крапивные, и золото, и сабли. В том числе полонил одного иноземца из дальних островов, с Итурупы острова... И сказывал он про дальние большие острова... С Матманского де острова приходят иноземцы (японцы) на Кунашир остров и привозят товары шёлковые, ис китайки, дабы, и сабли, и котлы, табак и всякую посуду левкашеную... А на Кунашир остров приходят де они со оного Итурупы острова и с кунаширцы торгуют и покупают у них оные товары, выменивают на бобры и на лисиц, и на орлы и орловые перья, а мы де, итурипицы, со оными товары ходим по островам к Каменской (Камчатской) земле для покупки бобров и лисиц, и бобрового перья».

По результатам своих походов и по расспросам местных жителей Козыревский собрал ценные сведения не только о землях, где побывал сам, но также обо всех Курильских и Японских островах Хоккайдо и Хонсю. На основании этих сведений им составлен

«Чертёж Камчадальского носу и морским островам... от Камчадальского носу до Матмайского и Нифона (Хонсю) островов». К чертежу приложены тексты, которые поражают разносторонностью сведений о двадцати одном острове Курильской гряды и описанием Матмая и Японского государства. В текстах — айнские названия, сохранившиеся до настоящего времени, ширина проливов, размеры островов, сведения о населении, занятиях жителей, их языке, обычаях, растительности, животном мире, реках, местах для отстоя судов и т. д.

Козыревский сожалел, что самому ему не удалось побывать на всех описанных им островах: «...за осенним поздним временем морского пути без больших судов и без мореходов, и без компасов, и без якорей и снастей, и без кормовых припасов, и без военного снаряду, и за малолюдством вперёд было мне ни которым делы невозможно». По словам же курильцев, казаки «до японского первого города Матмая не доходили де за семь дней».

В качестве примера ценности сведений, данных Козыревским в текстах к чертежам островов, приведём его сведения о двадцать первом, последнем в Курильской гряде: «Остров Кунашир. Живут иноземцы те ж, что и на Итурупе и Урупе; и вера одна, а язык один или свой имеют, и о том не уведомился; и на Матмайский остров ходят, на котором стоит город Матмай, и с Матмайского к ним приходят с городовыми товарами и торгуют. И сей остров больше Итурупы и Урупа и многонароден. А в подданстве ли оные кунаширцы к Матмаю городу или нет, и о том в достаток не уведомился. А итурупцы и урупцы самовластно живут и не в подданстве и торгуют повольно. А с Кунашира на Матмайский остров о перелевной ширине (ширине пролива) не уведомился забвением. На сих трёх островах многое число камчадальной земли уроженцев обретается у них в холопстве, також и в Матмае городе есть...»

Наиболее значимым свидетельством является сообщение Козыревского, что жители Курильских островов «самовластно живут и не в подданстве».

После Козыревского на Курилах побывала по указу Петра I первая государственная научная экспедиция, направленная на русский Дальний Восток. Её руководители — геодезисты, досрочно выпущенные из Морской академии, первые русские морские офицеры на Тихом океане — Иван Михайлович Евреинов и Фёдор Фёдорович Лужин. В 1720 г. они прибыли на Камчатку и в 1721 г. прошли из Большерецка на судне «Охота» (бывшем «Востоке», открывшем морской путь на Камчатку) вдоль западных берегов

Курил до острова Симушир, положив на карту четырнадцать островов и составив чертёж остальных по расспросам курильцев. Особое внимание было обращено на определение координат географических пунктов. Командовал судном опытный мореход Кондратий Мошков — участник первого плавания «Востока», впоследствии ходивший с Берингом на боте «Св. Гавриил».

В 1730 г. В. А. Шестаков с мореходами Н. М. Треской и А. Я. Бушем (также участниками плаваний на «Востоке») на боте «Фортуна» совершили плавание из Большерецка до пятого острова и собрали ясак, то есть расширили русские владения на Курилах, начало которым положили И. П. Козыревский и Д. А. Анфицеров.

Вторая Камчатская экспедиция и исследование Курильских островов

Первая Камчатская экспедиция (1725—1730 гг.) их изучением не занималась, зато в составе второй (1733—1743 гг.) был создан специальный морской отряд под командой капитана полковничьего ранга Мартына Петровича Шпанберга для поиска морского пути в Японию. М. П. Шпанберг, датчанин, на русской службе с 1720 г., был помощником Беринга в Первой Камчатской экспедиции. Отряду Шпанберга предписывалось «ради обсервации и изыскания пути до Японии» построить на Камчатке суда. «На трёх судах... идти вам к тем островам, кои пошли от Камчатского полуденного носу к Японии... О тех о всех и что сверх явится островов жилых и пустых учинить опись и осмотр, сколько возможность допустить, а ежели далее к самой Японии острова ж или земли найдутся, подвластные хана японскаго или иных азиятских владений, такие осмотреть же и искать с народами, живущими на тех островах и землях, дружелюбнаго обхождения...»

В 1738 г. Шпанберг на бриге «Архангел Михаил» плавал из Большерецка до острова Уруп, в 1739 г. на чётырех судах — из Большерецка в Японию. На обратном пути были обследованы и положены на карту острова Малой Курильской гряды — Шикотан (назван Шпанбергом Фигурным), Зелёный и ряд более мелких, из группы островов Хабомаи. Были определены координаты острова Зелёный — 43°15' северной широты.

Шпанберг приводит очень ценное свидетельство, полученное им от местных айнов: «...под властью епонского хана только один Матмай остров, а протчие острова неподвластны» и предлагает: «И ежели повелено будет, то... можно большие и малыя острова

привести в подданство ея императорскаго величества от 43-х и 46°, а от 46° (на этой широте лежит остров Уруп) до последнего острова (Шумшу) без всякого опасения можно привести в самой скорости». Кстати, Шпанберг ошибался, что остров Матмай (Хоккайдо) был под властью «епонского хана». До 1785 г. власть княжества Мацумяэ распространялась лишь на южную часть Хоккайдо, прилегавшую к Сангарскому проливу.

К сожалению, привести все острова в российское подданство тогда не удалось, так как в 1740—1742 гг. отряду Шпанберга было поручено заняться обследованием юго-западного побережья Охотского моря и Сахалина, а в 1743 г. работа Второй Камчатской экспедиции была прекращена. Заслугой же экспедиции Шпанберга явилось то, что на карту были положены все острова, включая Малую Курильскую гряду, о которых ранее русским не было известно.

Кстати, идею морского плавания в Японию и к Южным Курилам предложил В. Беринг по возвращении из Первой Камчатской экспедиции. В 1730 г. он представил в Сенат свои предложения по устройству жизни и быта населения Камчатки, в которых сообщает, что в 1729 г. на полуострове видели японцев и близ Авачи нашли японские вещи. Он предложил: «...надлежит тех людей (японцев) отправить на нашем судне в их землю и проведать путь, и можно ли с ними иметь торг... понеже до самые японские земли от Камчатского Угла имеются острова, и не в дальнем расстоянии острова от острова».

Во Второй Камчатской экспедиции, помимо морских отрядов Беринга и Шпанберга, действовал отряд академиков Г. Ф. Миллера и А. Г. Гмелина, в задачу которых входило изучение истории, этнографии, природы Камчатки и прилегающих к ней земель. В составе отряда на Камчатке работали С. П. Крашенинников, Г. В. Стеллер и А. П. Горланов. Сами академики на Камчатку не поехали, как предполагалось, а ограничились сбором сведений о ней и Курилах. В результате Миллер составил работу «География и устройство Камчатки на основании различных письменных и устных сообщений, собранных в Якутске в 1737 г.» и передал её Крашенинникову для руководства в его полевой работе. Работу завершал раздел «О соседних с Камчаткой странах», в основном посвящённый описанию Курильских островов. Большинство сведений о них, особенно о дальних островах, Матмае и Японии заимствовано у Козыревского. Крашенинников использовал материалы Миллера в своем труде «Описание земли Камчатки», внеся в них немало исправлений и дополнений. Использовал он и сведения

экспедиций М. П. Шпанберга и Г. В. Стеллера. Островам в книге Крашенинникова посвящены главы «О Курильских островах», «О Курильском народе», где он приводит краткий словарь курильского языка. Много сведений об островах приводится в рапортах академику Миллеру, посылаемых им с Камчатки. Кроме того, им составлено «Описание Курильских островов по сказыванию курильских иноземцов и бывалых на оных служивых людей, сочиненные через студента Степана Крашенинникова» и написана работа «О курилах, живущих на Поромусир и Оннекута островах, которые от русских другим и третьим Курильским островом называются».

Крашенинников даёт очень подробное описание ближних островов, их природы, населения, обычаев местных жителей. Сам он там не был, но посылал туда в 1738 г. вместе со сборщиком ясака Андреем Фурманом помогавшего ему в метеорологических наблюдениях на Камчатке Степана Плишкина и толмача Михайло Лепихина с подробной инструкцией. Плишкин выполнил все задания Крашенинникова и привёз с собой «двух человек курильских мужиков для разговору». «Через привезённых им, Плишкиным, иноземцев написал я их языка слова и спрашивал об их вере и обычаях, также спрашивал об островах дальних Курильских, сколь они велики, какие на них места — гористые или ровные, жилые или пустые и прочая. И сочинил реэстр зверям, птицам и рыбам, около островов находящимся...»

Крашенинников признаёт, что опрошенные им курильцы сами дальше четвёртого острова (Онекотана) не бывали, а сведения о дальних он заимствовал у Миллера и Шпанберга. Он поправляет Миллера, что острова простираются не в южную сторону от Камчатки, а в юго-западную. Замечает, что не может назвать их точного количества: по известиям от дальних курильцев и от японцев — двадцать два, а по сведениям Шпанберга — больше (на его карте — тридцать один). Крашенинников не мог знать, что курильцы считали лишь острова, протянувшиеся между Камчаткой и Хоккайдо, (то есть Большую Курильскую гряду), а Шпанберг исследовал и Малую Курильскую гряду (Шикотан, Хабомаи). Вслед за Миллером Крашенинников повторяет ошибку Козыревского, поменяв местами острова Итуруп и Уруп.

Интересны его замечания о том, что язык курильцев второго острова (Парамушира) и кунаширских жителей почти не различается (об этом сообщил Стеллеру курилец с Парамушира Липага, бывший толмачом во время плавания Шпанберга). Отсюда он делает вывод, что, несомненно, жители Урупа и Итурупа говорят

на том же языке. Крашенинников отмечает, что слово «курилы» — искажённое казаками камчадальское слово «куши». (На самом деле название «курилы» происходит от слова «куру», то есть «человек».) Интересны описания Крашенинниковым курильцев: «Сей народ ростом средней, волосом чёрен, лицем кругловат и смугл, но гораздо пригоже других народов. Бороды у них большие, окладистые, тело мохнатое, в чём состоит знатная разность от камчадалов. Мужеский пол волосы напереди бреет до самой верхушки, а назад ростят, в чём с японцами имеют сходство... Они несравненно учтивее других народов, а притом постоянны, праводушны, честолюбивы и кротки. Говорят тихо, не перебивая друг друга речи, как сидячие коряки. Старых людей имеют в великом почтении. Между собой живут весьма любовно, особливо же горячи к своим сродникам». «Курилы... народ всех народов добронравнее, осторожнее, правдивее, постояннее, обходительнее и честолюбивее».

Крашенинников пишет: «Откуда сей народ имеет происхождение, о том столь же мало известно, как и о других камчатских народах». Но, отмечает он, «...разделяют некоторые и курильцов на дальних и ближних. Под именем дальних разумеются курильцы, на дальних и на втором Курильском острову живущие, потому что они выежжие с других островов, а под именем ближних — первого Курильского острова и Курильской Лопатки. Но сие разделение несправедливо. Ибо хотя объявленные первого острова и Курильской Лопатки жители в языке своём, в обрядах и в телесном виде несколько от камчадалов и разнствуют, однако заподлинно известно, что они происходят от камчадалов, которых я называю южными; а помянутая разность происходит от соседства, обхождения и взаимного супружества с прямыми курилами».

В 1740 г. прибыл на Камчатку и провёл здесь также более трёх лет, включая плавание с Берингом к Америке и зимовку на Командорских островах, Г. В. Стеллер. В мае 1743 г. он свершил поездку на Курилы, собрав много сведений об их природе и населении. Возвращаясь с Камчатки, Стеллер умер в 1746 г. в Тобольске. Его труд о Камчатке был издан в 1774 г. на немецком языке, на русский, к сожалению, не переводился. Но многие его материалы о Камчатке и Курилах были использованы Крашенинниковым, работавшим по поручению Академии наук с бумагами Стеллера после его смерти. Так, о цунами 1737 г. на ближних островах Крашенинников собрал сведения сам, а о цунами в ноябре 1742 г. он сообщает по записям Стеллера. Описывая остров Алаид, Крашенинников пишет: «В Стеллеровом описании находится об Алаиде следующая

басня, которую ему рассказывали курильцы, живущие около великого Курильского озера: будто помянутая гора стояла прежде сего посреди объявленного озера; и понеже она вышиною своею у всех прочих гор свет отнимала, то оные непристанно на Алаид негодовали и с ней ссорились, так что Алаид принуждена была от неспокойства удалиться и стать в уединении на море; однако в память своего пребывания на озере оставила она своё сердце, которое... по-русски Сердце-Камень называется, который стоит посреди Курильского озера, и имеет коническую фигуру. Путь её был тем местом, где течёт река Озерная, которая учинилась при случае оного путешествия; ибо как гора поднялась с места, то вода из озера устремилась за нею и проложила себе к морю дорогу».

Видимо, Крашенинников использует сведения, собранные Стеллером, подробно описывая ближние острова: реки и ручьи, растительность, местоположение поселений, размеры островов (Шумшу — пятьдесят на тридцать вёрст, Парамушир — вдвое больше), ширину проливов (Первый Курильский — пятнадцать вёрст, Второй — две версты). Сведения о дальних островах менее обширны: Крашенинников не имеет чёткого представления о положении островов Малой Курильской гряды, открытых Шпанбергом (тем более, что Шпанберг дал свои названия и уже известным островам, назвав Шикотан — Фигурным, а Итуруп принял за два — Цитронный и Трёх Сестёр). Но важен его вывод о том, что жители всех южных островов (Кунашира, Итурупа и Урупа) не признают никакого иного правительства. Он приводит слова Стеллера: «Государя над собою они не знают, хотя и не в дальнем расстоянии от Японии». В то же время Крашенинников делает ошибочный вывод о принадлежности острова Матмая (Хоккайдо) Японии: «...как по европейским описаниям путешествий, так и по объявлению японцов известно, что оной остров из древних лет под японским владением». Ошибка связана с тем, что японцы называли Матмаем не весь остров Хоккайдо, а лишь его юго-западную часть — княжество Мацумаэ. Это подтвердили русские, побывавшие на Хоккайдо в 1778 г. Фактически японцы овладели всем островом лишь к началу XIX в. Если же верить «Японской исторической энциклопедии», выпущенной в 1964 г., то «до конца 60-х гг. XIX в. национальной территорией страны к северу от острова Хонсю являлась лишь узкая прибрежная полоса острова Хоккайдо» (кстати, название Хоккайдо за островом закрепилось с 1869 г.).

Верно отмечает Крашенинников путь японских товаров на ближние острова и Камчатку. Японцы с Матмая доставляли товары на

Кунашир, куда приезжали со своими товарами жители Итурупа и Урупа и они же привозили на своих байдарах японские товары на Парамушир.

Таким образом, в результате деятельности Второй Камчатской экспедиции, материалы которой обобщил С. П. Крашенинников, было получено достаточно полное представление обо всех островах Курильской гряды: все они положены на карту, определены координаты многих, получены сведения о жизни, быте, обычаях, хозяйстве, вере аборигенов, а главное, русские побывали на Южных Курилах и убедились, что они «неподвластны» Японии. Это открыло путь дальнейшему исследованию и освоению островов нашими соотечественниками.

Деятельность русских промышленников по освоению Курильских островов во второй половине XVIII в.

После Второй Камчатской экспедиции русское влияние на Курильских островах стало усиливаться. По предложению Г. В. Стеллера туда допускались только сборщики ясака. Но в 1743—1750 гг. И. Кириллов промышлял там бобров и лисиц. С 1743 г. казаки стали плавать ежегодно за ясаком на ближние острова, почти ежегодно курильцев для обращения их в христианство навещали священники из Большерецка и Петропавловской гавани. В 1744 г. сборщик ясака Матвей Новограбленный привёз с острова Маканшури известие о том, «что живущий на острове Кунашире, на мысе, обращённом к острову Мамаю, знатный японец с Матмая желает, чтобы русские привозили свои товары прямо на Кунашир, а не дозволяли бы ближним курильцам торговать ими».

Позднее Сысой Слободчиков нашёл на Онекотане японца Юсанчая, который рассказал о Японии, порте Нагасаки, островах Кунашире и Аткисе (Аткис не остров, а бухта на северо-востоке Хоккайдо), куда приходили торговать японцы. Японский историк Гэнузо Сарасина пишет: «В 1750 г., когда клан Мацумаэ только начал направлять торговые суда на остров Кунашир, русские, которые к тому времени продвинулись по Курильским островам к югу... обратили в свою веру местных жителей и стали взимать с мужского населения ежегодную подать по одной лисьей шкуре».

В 1750 г. сын М. П. Шпанберга инженер-прапорщик Андрей Шпанберг представил Адмиралтейств-коллегии рапорт с новым проектом установления торговых отношений с Японией и приве-

дения в российское подданство населения открытых его отцом Южных Курильских островов, но этот план не был поддержан.

В 1752 г. несколько семей курильцев с острова Парамушир под предводительством Якрупа, боясь разорения от ясака, ушли на дальние острова и поселились на острове Матуа, где ещё в 1770 г. насчитывалось до двухсот человек с Парамушира. Там они завели торговлю с «мохнатыми» курильцами южных островов, выменивая у них японские товары. Этот род русские стали называть «сошлым». Тойон (староста) Парамушира Сторожев дважды ездил к «сошлым курильцам», уговаривая их вернуться, но оба раза безуспешно. Зато он побывал на всех островах от Симушира до Матмая и привёз описание «мохнатых» курильцев: «Они природою весьма мохнаты: губы, руки и ноги для красы чёрною краскою расписывают; платье у них — японские азямы и из птичьих кож; в житии весьма необиходны; язык их мало походит на язык ближних, так что без толмача не понять. К приезжим весьма благосклонны, хвосты орловые покупают весьма дорого. Владелец их, которому они оказывают честь и покорство, живёт на двадцать первом острове» (Кунашире).

Новым толчком к изучению Курильских островов послужил выход в 1755 г. книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» и сведения Сторожева о южных островах. В 1759 г. сибирский губернатор Ф. И. Соймонов, изучив рапорт А. М. Шпанберга, представил в Сенат записку «О позволении купцам собственным их иждивением открывать Курильские острова». В 1761 г. Соймонов поручил главному командиру Анадырского, Охотского и Камчатских острогов полковнику Ф. Х. Плениснеру более подробно разузнать о Курилах и приказал немедленно начать подготовку к плаваниям. В августе того же года (1761-го) последовал указ Сената, разрешавший русским купцам вести промысел на Курильских островах. Плениснер несколько раз снаряжал тойонов первого и второго островов к «мохнатым... для замечания всех подробностей о тамошних народах».

С 1765 г. начались плавания русских промышленников на Курилы. Одним из первых туда отправился опытный мореход Андреян Толстых. Он достиг Кунашира. Когда судно Толстых «Пётр» стало на якорь возле него, «через четверть часа пригребли с этого острова к судну в одной курильской байдаре из тамошних людей одиннадцать человек, роду называемых мохнатых курильцев, которых тела, руки и ноги мохнатые». Курильцы знаками показывали на свои трубки и произносили единственное понятное

слово «табак», который Толстых распорядился им дать. Не решившись остаться здесь на зиму, он отправился обратно на Камчатку. Из-за густого тумана «Пётр» прошёл мимо Авачинской губы и разбился у Шипунского мыса. Из шестидесяти трёх промышленников спаслись только трое, которые и сообщили обо всём. В числе погибших был и Андреян Толстых (в честь него группа островов в центре Алеутской гряды называется Андреяновскими).

Одновременно продолжались и попытки камчатских властей собирать ясак с жителей Курильских островов. В 1766 г. для сбора ясака, приведения населения в христианство, а также для «описания и разведывания тамошних жителей» командир Камчатки капитан И. С. Извеков послал на острова казачьего сотника И. Чёрного. В течение трёх лет он приводил в подданство мохнатых курильцев, возвратил многих «сошлых». Чёрный составил черновой журнал с описанием девятнадцати островов, включая Итуруп. Он стал первым из русских, побывавших на этом острове. По возвращении Чёрный был направлен в Иркутск для подготовки отчёта, но по дороге умер от оспы, не успев начертить карту и оставив «тот журнал без надлежащего изъяснения». Но и без этого его журнал представляет огромную ценность. Его можно поставить в один ряд с описаниями Курильских островов, составленными И. П. Козыревским и С. П. Крашенинниковым. Чёрный дал местные названия островов, сохранившиеся в основном до наших дней. В описании подробно рассказывается об их географии, размерах, особенностях растительного и животного мира, ширине проливов, примечательных горах, реках, озёрах, бухтах, о жителях и их занятиях и прочем.

Наибольший интерес представляет свидетельство трёх лучших князцов (тойонов) Итурупа о связях «мохнатых» с японцами: «Имеют-де они (курильцы с Итурупа) на восемнадцатом острове (Урупе) ловлю морских бобров в летнее время гоньбою, и с упромышленными бобрами в другое лето перегребают в байдарах на двадцатый остров Кунасыр и даже до двадцать второго, Аткиса (бухта на острове Хоккайдо), куда приходят два судна японския. А ныне, в недавних годах, и на двадцатый остров стало одно судно японское ходить. Суда против российских промышленных, кои они видали (видимо, «Петра» А. Толстых), не весьма велики, а на судне у них людей бывает человек по шестнадцать работных, да кроме их, первый, главный над всем, хозяин судна, или командир, называемый тоно, по нём другой — тонтойно, третий — мендо (штурман), четвёртый толмач — тунчи, итого двадцать человек,

а на иных судах бывает людей и более. Живут японцы на тех островах судами месяца по два и ожидают мохнатых курильцев с разных островов, и когда по приходе поторгуются, тогда и отходят обратно; а покупают японцы у мохнатых жиры, тресковую юколу, бобров, орловые хвосты, молодых нерп чёрных, а продают им от себя вино, табак листовой, хлебные припасы, азямы, тумикамеи (сабли) серебряные и зелёной меди, котлы чугунные на ножках, сабли, ножи, топоры; а из других зверей никаких не покупают, и для того курильцы, кроме бобров и хвостов орловых, никаких больше зверей и не промышляют».

9 января 1767 г. у седьмого острова потерпел крушение галиот «Св. Павел» под командой А. И. Дудина-Меньшего из экспедиции Крецина — Левашова. До этого с октября судно носило штормами вдоль берегов Камчатки и Курильских островов. Погибли более тридцати человек, спаслись тринадцать. Лишь в августе 1767 г. с помощью курильцев они добрались до Камчатки и приняли участие в дальнейшем исследовании экспедицией Алеутов.

В 1768 г. компания купцов И. Попова и Е. Пелопонисова направила на промысел к Курилам судно «Иоанн Предтеча» под командой Д. Бочарова. Плавание оказалось неудачным: выйдя из Нижнекамчатска, судно попало в шторм и было выброшено на берег у Кроноцкого мыса.

В 1770 г. из Большерецка с небольшой командой из восемнадцати человек отплыл к Курилам тюменский ямщик И. Никонов. В отчётном рапорте Никонов писал, что отправился «для взятия со вновь приведённых... сотником Черных в ясак мохнатых курильцев ясаков», приведения в подданство курильцев, переселившихся с двух первых островов, и «описания всяких примечаниев... а при том ко изысканию пристойности на пустых морских островах промысла и с платежа в казну её императорского величества...»

Никонов доплыл до восемнадцатого острова (Урупа). Здесь у него возникли столкновения с мореходом А. Сапожниковым, который в 1771 г. привёл судно «Прокопий» купцов Протодиаконовых и Оконишникова. Сапожников, оставив на шестнадцатом острове (Симушире) артель промышленников, отправился на семнадцатый и восемнадцатый. Он переманил у Никонова семь промышленников-камчадалов, после чего Никонов не решился плыть дальше и вернулся в 1772 г. на Камчатку. В сентябре 1772 г. пришёл в Петропавловск и Сапожников. Известно, что промышленники с «Прокопия» настроили против себя курильцев грабежами и насилиями, несколько из них были убиты.

В 1771 г. в Большерецке взбунтовались ссыльные во главе с М. Беневским, сбежавшие с Камчатки. Они на галиоте «Св. Пётр» проплыли вдоль Курильской гряды до острова Симушир, где жили десять дней. Беневский оставил на острове участников заговора против него — штурманского ученика Г. Г. Измайлова (впоследствии участвовал в исследовании Алеутских островов) и камчадала Поранчина с женой, которые были спасены русскими промышленниками (вероятно, Никоновым или Сапожниковым) и доставлены обратно на Камчатку.

В 1773 г. Иван Никонов, уже как купец, «сообща с камчадалами» вторично снарядил байдару на дальние Курильские острова. Вернулся он в 1774 г.

В 1774 г. судно «Прокопий» под командой Д. Бочарова снова отправилось на острова, зимовало на Шумшу, но в 1775 г. пошло не на Курилы, а к Командорам.

Русское правительство, заинтересованное в налаживании торговли с Японией и закреплении за Россией всех Курильских островов, поручило вновь назначенному сибирскому губернатору А. И. Брилю предпринять более действенные меры. В 1772 г. Бриль приказал командиру Камчатки премьер-майору М. К. Бему «отправить секретно одно партикулярное небольшое судно, на нём идти под видом промыслов до последнего Курильского жилья Аткис, а если возможно, и до Матмая, японского города, и других берегов соседних курильских...» Исполнить это предписание взялись предприимчивые купцы П. С. Лебедев-Ласточкин и Г. И. Шелихов. В 1774 г. Лебедев-Ласточкин снарядил для этой цели транспорт «Екатерина», но тот потерпел крушение у берегов Камчатки. В 1775 г. он вместе с Шелиховым послал новое судно «Св. Николай», во главе которого поставил сибирского дворянина И. М. Антипина, знавшего японский язык, помощником у него был переводчик И. Очередин, мореходом — Ф. Путинцев. Перед отходом «Св. Николая» из Петропавловской гавани туда из Большерецка прибыл М. К. Бем, вручивший Антипину инструкцию. Главные задачи экспедиции состояли в приведении в русское подданство «дальних мохнатых курильцев» и «в установлении с японцами знакомства и восстановлении торгу». Антипину предписывалось, чтобы «он по приезде на дальние Курильские острова обошёлся с курильцами ласково и дружески». Он должен был «чрез посредство их стараться, естьли возможно, увидеть с японцами, переговорить благоприятным образом и завести выгодной для короны и общества торг».

Плавание оказалось не вполне удачным. Во время зимовки на острове Уруп судно разбилось. Весной 1776 г. двадцать человек на байдарах ушли в Большерецк за помощью. В 1777 г. из Петропавловской гавани были отправлены две байдары на Уруп под командованием Ф. Я. Шабалина, сменившего Антипина, а из Охотска на помощь ушла бригантина «Св. Наталья» под командой штурмана Петушкова. Шаблин прибыл на Уруп позже Петушкова, так как зимовал на шестнадцатом острове. В мае 1778 г. Шабалин пошёл на трёх байдарах на Итуруп, Кунашир, Шикотан и бухту Аткис на Хоккайдо. Жителей этих островов он привёл в подданство, подробно записывая, с кем они торгуют, какое имееют оружие, чем питаются, откуда получают необходимые товары. С северного мыса острова Кунашир Шабалин видел Сахалин и выяснил у местных обитателей, что там живут такие же «мохнатые». 19 июня 1778 г. Шабалин прибыл в Аткис (ныне залив Аккес на Хоккайдо).

Антипин, Очередин и Шабалин в журналах своих плаваний называли Аткис островом. Но в описании к составленной ими карте они правильно указали, что Аткис — место на острове Матмай. В «Месяцеслове историческом и географическом на 1785 г.» опубликовано «Описание Курильских островов», составленное секунд-майром М. Татариновым, где говорится, что, по словам японцев, потерпевших крушение у Камчатки в 1744 г. и живших в Иркутске, «острова Аткис нет, а есть на Матмае острове место, именуемое Аткис, куда приезжают японцы для заготовления лесов на строение морских судов». Здесь же происходила меновая торговля между японцами и «мохнатыми курильцами». Татаринов указывает, что японцы и сами не имели чёткого представления о величине и природных условиях Мамая, где застал японское судно, «вышел на берег, дал знать японцам, что он и товарищи его, россиане, пришли к ним для свидания и заведения дружества; напротив чего японцы отвечали, что они тому радуются и просили жить с ними без всякой опасности и быть в дружестве». По приглашению японцев Шабалин с переводчиком Очередным побывали на японском судне «Танги-мару», обменялись любезностями и подарками и условились с японцами встретиться через год, 20 июня 1779 г., в одной из гаваней Кунашира для торговли и продолжения переговоров. Русские были в Аткисе пять дней, 24 июня 1778 г. японцы пришли на берег провожать их. Подарками обменялись и команды русских и японского судов.

10 июля Шабалин со своими людьми вернуться на Уруп, откуда все на «Св. Наталье» отправились в Охотск. Таким образом,

Шабалин возобновил контакты с японцами, начатые в 1739 г. М. П. Шпанбергом, и сделал попытку завязать торговые отношения с Японией. Кроме того, было объясачено на восемнадцатом — двадцать втором островах триста пятьдесят четыре «мохнатых курильца» (иркутский губернатор Немцов называет полторы тысячи человек). Было вывезено как ясак шкур: морских бобров — 970, чернобурых лисиц — 45, сиводушек — 70 и голубых песцов — 195.

Лебедев-Ласточкин отправился в Петербург с материалами о плавании, которые были доложены Екатерине II и одобрены ею. Лебедева-Ласточкина наградили золотой медалью с надписью: «За полезные обществу труды. 1779-го апреля 18-го». Екатерина II издала повеление: «Приведённых в подданство мохнатых курильцев оставить свободными и никакого сбора с них не требовать, да и впредь обитающих там народов к тому не принуждать...»

10 сентября того же 1779 г. «Св. Наталья» вновь отправилась на Уруп под командой Ф. Путинцева. Руководил экспедицией снова Шабалин, переводчиком и представителем камчатской администрации «для привода мохнатых курильцев и подданство» плыл Антипин. На судно погрузили разные российские и немецкие товары, «как-то голландские сукна, бархаты, атласы, тафты, гарнитур, съестных припасов на тысячу восемьсот рублей».

Перезимовав на Урупе, 30 мая 1779 г. Шабалин, Антипин и Путинцев отправились на семи байдарах с сорока пятью работными людьми на Кунашир, но японцев там не оказалось. Собравшиеся в это время с разных островов курильцы, прибывшие для торга с японцами, сообщили, что японское судно ещё не приходило. Прождав до 23 июня, Шабалин и Антипин отправились на двадцать второй остров в гавань Коткоме, где узнали, что японцы в заливе Аткис ожидают судно из Матмая, которое задерживается из-за непогоды. Только 26 августа прибыло японское судно в Аткис. Японский начальник (даикван) приказал зачитать Шабалину и Антипину «повеление» матмайского губернатора о том, что японцы против того, «чтобы иностранные люди ходили» до острова Аткиса, так как здесь живут курильцы, с которыми японцы обмениваются разными товарами, а «хорошева ничево не имеется». Даикван сказал русским: «Если хотите торговаться, то есть место Нагасаки их же государства, где со всех сторон собираются и торги производят, куда можете ходить и вы».

9 сентября русских приняли три чиновника, прибывших с Матмая. Как и даикван, они отвергли предложение о торговле, объяснив: «Есть блиско государя место Самур. Там есть наш бог, кото-

рый запрещает с русскими знакомиться и торговаться; а есть ли допустит матмайский начальник, то ему худо будет... В будущем же, если что понадобится, то посылайте с острова Уруп мохнатых курильцев, и мы с ними передадим потребное, а сами не ходите, ежели станете ходить, то худо будет: мешать нам станете торговаться». (Отказ связан с проводимой с 1631 г. по 1869 г. политикой самоизоляции, запрещавшей японцам выезжать за пределы страны, а иностранцам въезжать в неё. Лишь голландцам разрешалось торговать через порт Нагасаки на крайнем юге Японии.)

Несмотря на отказ установить торговые отношения с русскими, обе стороны расстались дружественно: японцы пришли провожать русских, а Шабалин «палил из пушек» в честь остающихся. Перед отъездом Шабалин подарил японским чиновникам пять голов сахара, а те в свою очередь дали русским пятнадцать мешков риса (около трёх пудов в каждом), пуд табаку и одну флягу вина. 13 сентября русские покинули Аткис, пробыв на Хоккайдо почти три месяца.

Очередная зимовка на Урупе была тяжёлой. Несколько человек, в том числе мореход Путинцев, умерли. 8 января 1780 г. началось «земли трясение», пишет Антипин в своём журнале, почти беспрерывно продолжавшееся до 18 июня. Накануне ухода с острова пришло цунами, много людей погибло, «Св. Наталью» выбросило на берег, все жилища разрушились. Своими силами судно стянуть в воду не удалось. 30 июня Антипин с четырнадцатью промышленниками отправился на Камчатку за помощью. Шабалин и ещё пятьдесят два человека остались на острове при судне. В 1781 и 1783 г. на Уруп посылались суда, но снять «Св. Наталью» не удалось.

Известие о страшном землетрясении и гибели двух судов на Урупе («Св. Николай» в 1775 г. и «Св. Наталья» в 1780 г.) напугали другие купеческие компании, и они не решились после этого посылать свои суда на дальние Курильские острова. Малая выгодность промысла пушнины на Курилах (всего состоялось восемь экспедиций промышленников) вынудила русских купцов сосредоточить в дальнейшем своё внимание на Алеутах и побережье Северной Америки, где в 1798 г. появилась РАК, инициатором создания которой был Г. И. Шелихов.

Тем не менее, экспедиции Лебедева-Ласточкина и Шелихова на Курилы имели огромное значение в освоении русскими южных Курильских островов и в зарождении русско-японских торговых отношений и дружественных связей.

В 1790 г. штурманы экспедиции Биллингса — Сарычева А. Гилёв и О. Худяков описали первые восемь островов Курильской гряды, провели на них перепись населения, определили положение гор, промерили фарватеры и прочее.

На основании сведений, привезённых Антипиным и Шабалиным (Антипин и Очередин составили наиболее подробную карту и сделали «Описание шестнадцати Курильских островов»), а также в результате исследований, проведённых экспедицией Биллингса — Сарычева, русское правительство предприняло ряд мер по закреплению Курил и Сахалина за Россией и налаживанию дипломатических и торговых отношений с Японией. В числе этих мер были основание постоянного поселения на острова Урупе во главе с В. К. Звездочётовым (он участвовал в экспедиции Шабалина и Антипина в 1777—1780 гг.) и плавание первого официального посольства в Японию в 1792—1793 гг. на судне «Св. Екатерина» под командой морехода В. М. Ловцова. Начальником экспедиции и послом был назначен А. К. Лаксман. Переводчиком-мореходом шёл уже известный Ф. Я. Шабалин. Лаксман получил у японцев «Лист о позволенном ходе в Нагасакскую гавань», то есть право на заход в порт Нагасаки одного русского судна для продолжения переговоров о торговле, «где будут находиться японские чиновники, долженствующие с русскими договориться о сем предмете». К сожалению, Екатерина II, занятая европейскими делами, не воспользовалась этим. Лишь в 1804—1805 гг. в Нагасаки было направлено русское посольство во главе с Н. П. Резановым на шлюпе «Надежда» под командой И. Ф. Крузенштерна. В результате экспедиции Лаксмана и Ловцова было также сделано подробное описание острова (порты Немуро, Хакодате и Матмай на Хоккайдо), а также составлена «Меркарторская карта, представляющая часть Российской Империи и Китайского государства и известных Курильских и Японских островов, по которой плавание совершал на казённом бригантине, именуемом “Св. Екатерины”, штурман Василий Ловцов за препровождением японцев в своё отечество» (на «Св. Екатерине» были доставлены из Охотска в Японию японские моряки, потерпевшие крушение у берегов Камчатки).

Последним событием в истории исследования и освоения Курильских островов Россией в XVIII в. было основание постоянного русского поселения. В 1788 г. Г. И. Шелихов и купец И. И. Голиков написали прошение. Они предлагали построить гавань и крепость «на двадцать первом или двадцать втором из Курильских островов для заведения торговли с Китаем и Японией».

Но Екатерина II отказала в этом. В 1794 г. Г. И. Шелихов приказал своему помощнику А. А. Баранову отправить из данных ему для поселения в Русской Америке «хлебопашцов» несколько семей на восемнадцатый остров (Уруп), «ибо и там было и есть моё намерение завести помаленьку Русь».

Судьба поселения, получившего название Курилороссия, оказалась трагической. В том же 1794 г. судно «Св. Алексей» с промышленниками и поселенцами-хлебопашцами, знающими кузнечное, слесарное и литейное дело, прибыло на Уруп, где на восточном берегу в бухте Тавано было основано селение. В 1795 г. поселенцы высеяли рожь, пшеницу, овес, горох и лён. Хлеба не вызрели, а горох и лён дали хороший урожай (кстати, земледелием на Урупе пытались заниматься ещё Антипин и Шабалин). Руководитель экспедиции Звездочётов оказался человеком жестоким и властным. Его пытался образумить штурман Олесов, но был арестован, высечен и отправлен в Охотск как бунтовщик. После неудачи с хлебопашеством Звездочётов приказал прекратить земледельческие опыты. Староста поселения Иван Свешников пытался возразить, но был засечён до смерти. Поселенцы взбунтовались, связали Звездочётова и отправили его на семнадцатый остров (Чирпой), чтобы местные курильцы отвезли его на Камчатку. Звездочётов склонил курильцев на свою сторону, вернулся на Уруп, заковал в кандалы нового старосту Кошечкина, а также трёх «главных бунтовщиков» — Крюкова, Скачкова и Стасова — и отправил их под охраной курильцев на Камчатку. По дороге трое из них умерли, и только Стасову удалось на одном из судов уйти в Русскую Америку. Не доверяя оставшимся поселенцам, Звездочётов выслал пятнадцать человек на Камчатку и потребовал прислать ему взамен русских промышленников и алеутов с байдарами для бобрового промысла. Высланные с Урупа поселенцы на острове Шумшу застали зимовавшего там американского шкипера Баннера и вместе с ним ушли в Америку. От них историю Курилороссии узнал зять Г. И. Шелихова Н. П. Резанов.

На Урупе кроме Звездочётова остались двенадцать мужчин и три женщины. Их дальнейшая судьба неизвестна. Когда в 1807 г. на Урупе побывали лейтенанты Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов, они не нашли там никого из русских. По некоторым сведениям, поселенцы перешли на Итуруп и прожили там около десяти лет, торгуя с японцами с Матмая. Известно, что после смерти Звездочётова на Камчатку вернулись семеро из них, зарыв в землю все орудия труда и снаряжение. Лишь в 1828 г. на Урупе на том же месте

мичман Этолин построил базу РАК, также получившую название Курилороссия.

Попыткой Г. И. Шелихова «завести помаленьку Русь» на Курилах заканчивается период исследования и освоения русскими островов в XVIII в. (сам Г. И. Шелихов вскоре, в 1795 г., скончался).

В XIX в. на островах побывали многие кругосветные мореплаватели. С начала века началась японская экспансия на Южные Курилы, где были созданы военные крепости. В 1855 г. между Россией и Японией заключён Симодский трактат о торговле и границах, по которому Россия признала за Японией острова к югу от Урупа. А в 1875 г. по Санкт-Петербургскому договору все острова отошли к Японии.

Тем не менее, история исследования и освоения Курил в XVIII в. показывает, что именно русские первыми описали, положили на карту, побывали на всех островах, привели в российское подданство всех их жителей, включая обитателей северо-восточной части Хоккайдо.

Источники

1. *Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. — М., 1982.

2. *Алексеев А. И.* Сыны отважные России. — Магадан, 1970.

3. *Берг Л. С.* История русских географических открытий. — М., 1962.

4. *Головнин В. М.* Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. — Хабаровск, 1972.

5. *Голубев Г.* Колумбы росские. — М., 1989.

6. *Греков В. И.* Очерки истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. — М., 1960.

7. *Дивин В. А.* Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII в. — М., 1971.

8. *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических исследований. — М., 1971.

9. История и культура ительменов. Историко-энографический очерк. — Л., 1990.

10. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — М. : Л., 1949.

11. *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света. — Владивосток, 1976.

12. *Лебедев Д. М., Есаков В. А.* Русские географические открытия и исследования. — М., 1971.

13. *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. — М., 1968.

14. *Мархинин Е.* Цепь Плутона. — М., 1965.

15. *Накамура С.* Японцы и русские. Из истории контактов. — М., 1983.

16. *Полевой Б. П.* Первооткрыватели Курильских островов. — Южно-Сахалинск, 1982.

17. *Рудич К. Н.* Вдоль огненной гряды. — М., 1972.

18. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. — М., 1984.

19. Русская тихоокеанская эпопея. — Хабаровск, 1979.

20. *Сергеев М. А.* Курильские острова. — М., 1947.

21. *Соловьёв А. И.* Курильские острова. — М. : Л., 1947.

22. *Файберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. — М., 1960.

Приложение

Основные события, связанные с исследованием и освоением русскими Курильских островов в XVIII в.

1697 г. — В. Атласов сообщает о замеченных в море островах.

1702 г. — М. Наседкин видел в море землю.

1711 г. — поход Д. Я. Анфицерова и И. П. Козыревского на остров Шумшу, приведение населения в российское подданство.

1713 г. — И. П. Козыревский побывал на трёх островах, привёл жителей в подданство, собрал сведения обо всех островах и Японии, составил их чертёж, выяснив, что Уруп и Итуруп не находятся под японским владением.

1712 г. — геодезисты И. М. Евреинов и Ф. Ф. Лужин побывали и положили на карту четырнадцать островов и составили чертёж остальных.

1730 г. — В. А. Шестаков обследовал девять островов и привёл их жителей в подданство.

1737 г. — академик Г. Ф. Миллер составил труд «О соседних с Камчаткой странах».

1738 г. — М. П. Шпанберг обследовал острова до Урупа.

1739 г. — М. П. Шпанберг плавал в Японию, обследовал острова Малой Курильской гряды и другие южные, убедился, что они не подвластны Японии.

1737—1741 гг. С. П. Крашенинников собирал сведения о Камчатке, в 1738 г. посылал на острова С. Плишкина.

1743 г. — Г. В. Стеллер посещает ближние Курильские острова, составляет описание всех островов.

1755 г. — вышла книга С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» с главами о Курилах.

1765 г. — А. Толстых на судне «Пётр» плавал на Кунашир — первое посещение русскими этого острова.

1766—1769 гг. — поход сотника И. Чёрного до Итурупа, описание им девятнадцати островов, приведение в российское подданство жителей всех островов, включая часть жителей двадцатого (Кунашира).

1770—1772 гг. — плавание на байдарах И. Никонова на Уруп с целью промысла морского зверя.

1771—1772 гг. — А. Сапожников на боте «Прокопий» вёл промысел на Симушире, Чирпое и Урупе.

1771 г. — посещение Симушира участниками побега с Камчатки во Францию на галиоте «Св. Пётр» во главе с М. Беневским.

1774 г. — Д. Бочаров на судне «Прокопий» зимовал на Шумшу.

1775—1780 гг. — И. М. Антипин, Ф. Я. Шабалин и И. Очередин впервые побывали на Хоккайдо (в 1778 и 1779 гг.), привели в российское подданство полторы тысячи жителей Итурупа, Кунашира, Шикотана и Хоккайдо.

1790 г. — штурман А. Гилёв и О. Худяков провели обследование первых восьми островов.

1792—1793 гг. — плавание А. К. Лаксмана и А. М. Ловцова в Японию. Составление Ловцовым карты Курильских и Японских островов.

1794 г. — основание первого постоянного русского поселения на Урупе.

КАМЧАТКА И ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКИМИ ЮЖНЫХ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ в XVIII в.

Каждый раз, когда готовится очередной визит российского руководителя в Японию, активизируется обсуждение проблемы принадлежности Южных Курильских островов. Так было перед визитом М. С. Горбачёва в 1991 г. и Б. Н. Ельцина в 1993 г. В 2005 г. должен был состояться визит в Японию президента В. В. Путина, что он подтвердил 9 мая 2005 г. на встрече в Москве с японским премьер-министром.

Японские газеты в связи с этим писали, что, наверняка, Путин едет в Японию, чтобы вернуть Курилы. То же самое они писали перед визитом Ельцина: «Ельцин за рюмкой водки непременно отдаст острова» [1]. Но Ельцин не решился на это, предложив свой план решения проблемы из пяти этапов. Пятый этап предполагает, что окончательное решение о принадлежности островов должно принять следующее поколение политиков через пятнадцать-двадцать лет. Пока прошло двенадцать...

Одним из аргументов японской стороны в пользу нужного Японии результата визита Путина является заявление министра иностранных дел России С. Лаврова 14 октября 2004 г. о том, что «Москва признаёт декларацию 1956 г. и, таким образом, два острова Южной Курильской гряды могут быть переданы Японии» [2]. О серьёзности этого заявления свидетельствует тот факт, что именно в этот день, 14 октября 2004 г., в ходе визита президента Путина в Китай, было подписано дополнительное соглашение о российско-китайской границе, предусматривавшее передачу Китаю островов на Амуре площадью восемьсот квадратных километров.

В Японии Южные Курилы называют «северными территориями». Это — группа островов к северу от Хоккайдо: Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи. Хабомаи (в переводе «Пляшущие зубы») представляет собой архипелаг из пяти небольших островов: Зелёный, Полонского, Юрий, Анучина, Танфильева и мелких рифов: Демина, Лисьи, Шишки и Сигнальный [3, с. 343].

Вместе с островом Шикотан архипелаг Хабомаи образует Малую Курильскую гряду. Именно её Советский Союз был готов вернуть в 1956 г. в случае заключения мирного договора с Японией. Общая площадь «северных территорий» составляет 4 996 кв. км. Это третья часть всех Курильских островов (15,6 тыс. кв. км). Для сравнения: совокупная территория семи европейских государств-карликов — Андорры, Ватикана, Лихтенштейна, Люксембурга, Мальты, Монако и Сан-Марино равна 3 663 кв. км. Острова и окружающая акватория богаты природными ресурсами.

Япония считает, что СССР в 1945 г. незаконно оккупировал «северные территории». Их возвращение стало своеобразной объединяющей национальной идеей. Все сорок семь японских политических партий имеют специальные отделы и особые программы «возвращения северных территорий». Дальше всех идёт коммунистическая партия, требующая возвращения всех Курильских островов вплоть до Камчатки. На японских картах Южные Курилы обозначены как японская территория.

С 1981 г. ежегодно 7 февраля (день подписания Симодского трактата «О торговле, мореплавании и определении границ» в 1855 г.) в Японии отмечается как «День северных территорий». В этот день по всей стране проходят митинги с траурными флагами. Кстати, уже шестьдесят лет в бывшие японские посёлки на Южных Курилах, где до 1945 г. проживало более шестнадцати тысяч человек, назначаются японские мэры и начальники полиции, которые не могут прибыть к месту службы на «оккупированной» территории. Правда, мэр города Немуро, что на севере Хоккайдо иногда посещает архипелаг Хабомаи с «инспекцией». В детских садах на Хоккайдо детей с трёхлетнего возраста учат показывать на карте «северные территории». В Немуро на здании городской администрации реет бледно-голубое полотнище с надписью на русском языке: «Северные территории — земля Японии». Неподалеку находится восьмидесятиметровая смотровая башня с чёрной вывеской: «Дальше — тоже Япония» [1].

К сожалению, и в России встречаются представители политической элиты, считающие, что мы не обеднеем, отдав Японии эти

«пять скал в океане», как назвал Южные Курилы А. Козырев, глава Министерства иностранных дел России в начале ельцинской эпохи. Кстати, «Комсомольская правда» в 1993 г. так назвала одну из статей о курильской проблеме: «Козыревский открыл Курильские острова, а Козырев хочет их закрыть». Аргументом этих людей является миф о том, что после урегулирования территориальной проблемы на Россию прольётся «золотой дождь» инвестиций из Японии. И ради этого, якобы, стоит пожертвовать Южными Курилами, иными словами, продать их Японии.

Но аппетиты Японии постоянно растут. Она действует по принципу: «Требуй больше, чтобы получить хотя бы малое». Если в декларации 1956 г. речь шла о двух спорных островах — Шикотане и Хабомаи, то во время визита Ельцина в Японию в 1993 г. была принята декларация, в которой предметом дальнейших переговоров названы уже четыре — плюс Кунашир и Итуруп.

А накануне нынешнего визита российского президента японский парламент принял специальную резолюцию в связи со стопятидесятилетием Симодского трактата, в которой говорится, что развитию российско-японских отношений сегодня мешают нерешенные территориальные вопросы и, прежде всего, «проблема принадлежности Хабомаи, Шикотана, Кунашира, Итурупа и других северных территорий» [4]. То есть сегодня японский парламент трактует понятие «северные территории» шире, чем Южные Курилы. Что стоит за «другими северными территориями»? Вся Курильская гряда до Камчатки, Сахалин, а может, и Камчатка? Ведь в 1905 г. японский лейтенант Гундзи Наритада устанавливал в захваченных камчатских селениях доски с надписью «Сей земля есть японский».

Кстати, 2005 г. являлся юбилейным в российско-японских отношениях не только для Симодского трактата. Сто тридцать лет исполнилось Санкт-Петербургскому договору 1875 г., по которому Япония получила все Курилы за отказ от притязаний на Сахалин, сто лет исполнилось Портсмутскому договору 1905 г., по которому к Японии отошёл Южный Сахалин. И, наконец, шестьдесят лет назад Япония была разгромлена, и СССР получил права на владение всеми Курилами по решению Ялтинской и Потсдамской конференций.

Откуда же взялись «нерешённые территориальные проблемы»? Япония выдвигает топонимические, юридические и исторические аргументы для доказательства «незаконности оккупации» Советским Союзом «северных территорий» в 1945 г. В решениях Ялтинской и Потсдамских конференций речь идёт о передаче СССР

Курильских островов, а «северные территории», по японской версии, никогда не считались в Японии их частью, а являются отрогами острова Хоккайдо. Этот аргумент легко опровергается тем фактом, что на довоенных японских картах все острова Большой и Малой Курильских гряд имели единое название — Тисима («Тысяча островов»), и все они составляли единую провинцию с тем же названием [5, с. 6].

Юридические аргументы Японии следующие:

— Япония не была участницей Ялтинской и Потсдамской конференций, и их решения не имеют для неё юридической силы;

— Сан-Францисский мирный договор 1951 г. не даёт СССР никаких прав на Курилы, так как он его не подписал, а в договоре не определено, к какой стране переходят эти острова;

— до 1945 г. Россия, а затем СССР добровольно признавали Южные Курилы японской территорией, что подтверждается Симодским трактатом, Санкт-Петербургским и Портсмутским договорами.

Но Япония не имеет права ссылаться на эти договоры, так как она сама их фактически разорвала, начав русско-японскую войну 1904—1905 гг., оккупировав российский Дальний Восток в 1918—1922 гг. (а Северный Сахалин до 1925 г.), развязав агрессивные действия на советских границах в 1930-е гг.;

— 19 октября 1956 г. в совместной декларации о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений СССР согласился на передачу Японии после заключения мирного договора островов Хабомаи и Шикотана.

Но в 1960 г. СССР фактически денонсировал эту декларацию, заявив о невозможности передачи островов в связи с подписанием японо-американского договора «О взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности», который давал вооружённым силам США — в то время потенциальному противнику СССР — право использовать японскую территорию для своих целей.

Остаётся последний аргумент японской стороны — исторический: «северные территории» должны принадлежать Японии по праву приоритета в их открытии и освоении. С этим нельзя согласиться, и мы попытаемся это несогласие обосновать.

Несомненно, японцы узнали о Южных Курилах почти на сто лет раньше русских. Но первооткрытием считается получение достоверных сведений о неизвестной ранее земле в результате её посещения и исследования, а также объявление об этом цивилизованному миру. Мир же получил первые достоверные сведения о них от

русских — И. П. Козыревского и М. П. Шпанберга. Японцы вели активную торговлю с коренными жителями северного Хоккайдо и ближайших к нему островов — айнами — уже в XVII в. Но это нельзя считать первоосвоением этих земель. Первоосвоением является создание собственных поселений на вновь открытой земле, либо признание аборигенами власти над собой открывшей их страны посредством уплаты налогов. В этом русские опередили японцев на тридцать лет. Эти факты признают многие японские историки.

Так, Тосиюки Акидзуки высоко оценивает роль И. П. Козыревского в открытии Курильских островов: «В то время о Курилах в Японии не имели почти никаких сведений. Более того, в период, когда в Японии не в состоянии были ещё составить описания каждого из этих островов, отчёт о них И. Козыревского имел поистине огромное значение» [6, с. 128]. Японский историк Куно Еси указывает: «В 1766 г. Россия распространила свою власть на Итуруп — самый большой из Курильских островов... В 1785 г. в результате официального обследования сегунского (сегун — верховный правитель Японии. — *В. А.*) правительства было установлено, что русские создали свои поселения на Урупе, Итурупе и на других Курильских островах» [7, с. 501]. Об этом же свидетельствовал и Кондо Морисигэ, который в 1804 г. в своём сочинении «Исследование пограничных районов и их карты» отмечал, что «в 1768 г. красноволосые (так в Японии называли русских. — *В. А.*) поставили на Южных Курильских островах столбы, вырезали на них название “Курилы”, стали взимать ясак с айнов» [8, с. 37].

В России ещё во второй половине XVIII в. не вызывало сомнений, что все Курильские острова до самой Японии, то есть включая Южные Курилы, являются российскими владениями. Сегодня не стоял бы вопрос о притязаниях Японии на «северные территории», иначе могла бы сложиться судьба Русской Америки, да и Камчатки тоже, на семьдесят лет раньше могло начаться освоение Россией Приамурья, Приморья и Сахалина, если бы был исполнен указ Екатерины II от 22 декабря 1786 г. [9, с. 232].

Этот указ гласил об организации первой русской кругосветной экспедиции, целью которой было закрепление прав России на все земли на берегах Тихого океана, открытые русскими людьми. Поводом к нему послужила записка Екатерине II президента Коммерц-коллегии графа А. Р. Воронцова и члена Коллегии иностранных дел графа А. А. Безбородко о необходимости объявить морским державам о правах России на острова и земли в Тихом океане: «Северо-западный берег Америки с островами, около онаго

находящимися, и другими грядами, оттоле до Камчатки и от сего полуострова до Японии простирающимися, открыт из давних времён одними российскими мореплавателями... Но как по общепринятому правилу на неизвестныя земли имеют право те народы, которые первое открытие оных учинили, как то в прежния времяна и по сыскании Америки обыкновенно делалось, что какой-либо европейский народ, нашедши неизвестную землю, ставил на оной свой знак... в чём и все доказательства права к завладению заключались, то вследствие сего неоспоримо должны принадлежать России: ...гряда Курильских островов, касающаяся Японии, открытая капитаном Шпанбергом и Вальтоном» [9, с. 229].

Поводом для написания этой записки послужило объявление Дж. Куком владениями английского короля ряда территорий в Америке, открытых ранее В. Й. Берингом и А. И. Чириковым. К тому же в Петербурге стало известно об отправке в 1786 г. кругосветной экспедиции Лаперуза. Ещё не было известно, что в том же году Япония впервые предъявила свои претензии на Южные Курилы, направив туда экспедицию Могами Токунаи.

Далее авторы записки предлагают: «...чтобы о присвоении Россиею тех островов с высочайшего вашего повеления объявлено было чрез российских министров при дворах всех морских европейских держав, что сии открытыя земли Россией не могут иначе и признаваемы быть, как империи вашей принадлежащими» [9, с. 229].

На это предложение Екатерина II в тот же день, 22 декабря 1786 г., издала соответствующий указ Коллегии иностранных дел [9, с. 232].

Но поскольку одного такого объявления казалось недостаточно, Воронцов и Безбородко предложили завести в русских тихоокеанских владениях несколько военных морских судов. Для этого «отправить из Балтийского моря два вооружённыя небольшия судна, подобныя употреблённым капитаном Куком, а при них две вооружённыя морския шлюбки... коим и назначить объехать мыс Доброй Надежды, а оттоль... иттить на Камчатку... Сии суда, пришед к северному краю Японии, могут, разделясь надвое, приступить к новейшим открытиям... Первая из сих флотилий может обстоятельнее осмотреть острова, от Японии к Курильской Лопатке простирающияся...» [9, с. 231].

Предложения Воронцова и Безбородко легли в основу указа Екатерины II об отправке военной эскадры в Тихий океан для охраны российских владений и наставления Адмиралтейств-коллегии начальнику первой русской кругосветной экспедиции,

которым был назначен капитан 1-го ранга Г. И. Муловский. Главной целью экспедиции было «утверждение российского права на все доныне учинённые российскими мореплавателями или вновь учинёнными быть могущие открытия» [10, с. 183].

Для этого изготовили двести чугунных гербов с надписью на русском и латинском языках «Земля Российского владения», которые предписывалось укрепить на крестах или столбах на возвышенных местах или «по утёсам, выдолбив гнездо», тысячу семьсот золотых, серебряных и медных медалей, которые следовало зарыть в землю, вложив в каменный засмоленный сосуд с запиской, когда и кем из российских мореплавателей данная земля открыта. Часть медалей предписывалось вручать знатным аборигенам для ношения на шее как представителям российской власти.

В случае обнаружения иностранных пришельцев в русских владениях предписывалось принудить их «по праву первее учинённых открытий к Российской державе принадлежащих мест, наискорее удалиться и впредь ни о поселениях, ни о торгах, также о мореплавании не думать, а ежели какие укрепления или поселения есть, то имеете вы право разорить, а знаки и гербы срыть и уничтожить. Равно поступать вам и с судами сих пришельцев... В случае же сопротивления... употребить вам силу оружия...» [10, с. 184—185].

Кстати, именно так поступили на Южном Сахалине, Кунашире и Итурупе двадцать лет спустя командиры российских судов «Юнона» и «Авось» Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов, которые по приказу главы Российско-Американской компании Н. П. Резанова уничтожили здесь японские военные крепости.

В отношении же туземцев предписывалось: «...должно быть первое старание посеять в них хорошее понятие об россиянах... Весьма запрещается вам употреблять не только насилия, но даже за какие-либо со стороны звериные поступки отмщения» [10, с. 185].

Учёный отряд экспедиции был весьма авторитетен. Его возглавлял академик П. Паллас, а входили в него известные учёные того времени: астроном У. Бейли (участник третьего плавания Дж. Кука), естествоиспытатель Г. Форстер, ботаник Соммеринг и другие.

Г. И. Муловский получил подробную инструкцию: «Чтоб назначил истинное положение и описал состояние полуденнейших Курильских островов и острова Матмая (Хоккайдо. — *В. А.*). Обойти плаванием и описать все малые и большие Курильские острова от Японии до Камчатской Лопатки, положить их наивернее на карту и от Матмая до той Лопатки все причислить формально ко владе-

нию Российского государства... Осмотреть берега, заливы, гавани, описать их состояние, местоположение, качество земли, леса и другие произведения, изобилие или недостаток пресной воды... Наиболее примечать должно, нет ли хорошей гавани и удобного места для заложения крепости и селения, для хлебопашества и скотоводства, и есть ли тут довольно пресной воды и лесу для построения и починки впредь морских судов» [9, с. 273]. Кстати, почти дословно такая же инструкция была дана участнику Второй Камчатской экспедиции М. П. Шпанбергу почти за полвека до этого.

Экспедиции Г. И. Муловского предписывалось также обследовать остров Сахалин и устье Амура.

4 октября 1787 г. пять кораблей Муловского с пятьюстами членами экипажей в полной готовности к отплытию встали на кронштадтском рейде. Но срочная депеша из Константинополя о начале войны с Турцией перечеркнула все планы и труды. Лишь через шестнадцать лет состоялась первая русская кругосветная экспедиция под руководством И. Ф. Крузенштерна, но перед ней стояли более скромные задачи, и в плавании участвовали лишь два корабля.

Так кто же и когда «учинил первое открытие» Курил? По японской версии — самурай Мураками Хиронори из княжества Мацумаэ. В 1635—1644 гг. он посетил Южный Сахалин и, предположительно, остров Кунашир и даже составил чертёж островов к северу от Эдзо (так в Японии называли Хоккайдо) [3, с. 345]. Но в мире об этом открытии стало известно лишь через триста лет. В Европе первые сведения о наличии островов к северу от Японии были получены в те же годы. В 1643 г. с Явы на поиски мифических «золотых» и «серебряных» островов отправился голландский мореплаватель Мартин Горритс де Фриз на корабле «Кастрику». Он видел три острова: Кунашир, который принял за продолжение Хоккайдо, Итуруп и Уруп. Два последних он положил на карту под названиями «Земля Штатов» (в честь Нидерландских Штатов) и «Земля Компании» (в честь голландской Ост-Индской компании) [11, с. 33].

Де Фриз не мог знать, что эти острова являются частью гряды, протянувшейся от Японии до Камчатки. Но в честь этого открытия пролив между островами Уруп и Итуруп носит его имя. Позднее здесь побывал португальский мореплаватель Жуан де Гама, который на целое столетие ввёл в заблуждение учёный мир, нанеся на карту к северо-востоку от Японии таинственную «Землю Гамы». Многие, включая Петра I, считали, что де Гама видел западный

берег Америки, и только плавание В. Й. Беринга в 1741 г. доказало, что никакой «Земли Гамы» не существует.

Первые достоверные сведения о Курильских островах мир получил лишь от русских в начале XVIII в. Они впервые появились на берегах Тихого океана в 1639 г. Это был отряд Ивана Москвитина, вышедший к Охотскому морю. В 1640—1650-е гг. по Амуру прошли до его устья и, возможно, видели остров Сахалин отряды Василия Пояркова, Ерофея Хабарова и Ивана Нагибы. В 1648 г., обогнув Чукотский полуостров, в Беринговом море плавали кочи Семёна Дежнева и Федота Попова.

Первое документальное упоминание о Курильских островах появилось 10 февраля 1701 г. В этот день в Москве в Сибирском приказе была записана вторая «Скаска» Владимира Атласова о его походе на Камчатку в 1697—1699 гг. Южную часть Камчатки Атласов называет Курильской землей, потому что в то время здесь жили курильцы (так русские называли айнов). Реку Озерную, вытекающую из Курильского озера, Атласов именует Первой Курильской [5, с. 110]. Камчатским курильцам было известно, что острова от Камчатки тянулись до Японии, где есть каменные города и живут люди под властью царя, и оттуда к ним приходила различная одежда и посуда.

Атласов привёз с Камчатки японца Денбея Татэкава, найденного на реке Иче. Пётр I расспрашивал Денбея в Преображенском под Москвой в январе 1702 г., и тот показал, что «а наперёд де сего в курильскую и камчадальскую землю из их японские земли никто не езживал» [5, с. 504].

По поручению Петра I Сибирский приказ в том же 1702 г. повелел Якутской воеводской канцелярии «проведывать острова близ Камчатки» и путь в Японию. В 1706 г. на мысе Лопатка побывал сборщик ясака Михайло Наседкин и видел, что «в море за переливами земля, а проведывать де той земли не на чем. Судов морских и судовых припасов нет и взять негде, потому что-де лесу близко нет, и снастей и якорей взять негде» [11, с. 26].

9 сентября 1710 г. якутский воевода Д. А. Траурнихт, узнав о походе М. Наседкина, приказал построить суда и послать их для обследования острова против Камчадальского носа, а его жителей привести в русское подданство, взять с них ясак, «и той земле учинить особый чертёж» [11, с. 26].

Первооткрытием Курильских островов принято считать 26 сентября 1711 г., когда была написана челобитная Петру I от имени Данилы Яковлевича Анциферова и Ивана Петровича Козыревского

об их походе с Большой реки на острова против Камчадальского Носу (мыса Лопатки). Они посетили два острова — Шумшу и Парамушир, описали их жителей. Обитатели второго острова рассказали, что они промышляют бобров (каланов), «и те де бобры испроданы иной земли иноземцам, которую де землю видите вы с нашего острова в полуденной стороне, и привозят де к нам железо и иные товары...» [12, с. 33]. То есть жители второго острова рассказывали о своей торговле с жителями южных островов. В той же челобитной Анциферов и Козыревский со слов «апонского государства жителей», отбитых в 1710 г. у камчадалов на реке Жупановой, сообщают о том, что земли, которые они видели со второго острова в полуденной (южной) стороне, находятся «близ де Матмайского города и Апонского государства» и обещали царю проведать эти земли.

Первые достоверные сведения обо всей Курильской гряде, об острове Матмае и самой Японии собрал И. П. Козыревский (Д. Я. Анциферов погиб на реке Аваче в начале 1712 г.) во время второго похода на Северные Курилы в 1713 г. Позднее Козыревский составил «Чертёж Камчадальского Носу и морским островам», который в 1726 г. передал В. Й. Берингу в Якутске, где произошла их встреча. На чертеже Козыревский изобразил восемнадцать островов в порядке их очередности от Камчатки до Матмайского острова, привёл их айнские названия, сохранившиеся, в основном, до наших дней, и сообщил основные сведения о каждом из них.

Сам Козыревский посетил лишь три северных острова. Сведения об остальных сообщил ему пленённый на Парамушире уроженец острова Итуруп Шитанай, а о Японии — японец Санимо, отбитый в 1710 г. на реке Жупановой у камчадалов.

Нас интересует, что же поведал Козыревский о «северных территориях». Об островах Малой Курильской гряды ему ничего не было известно, а об Итурупе и Кунашире он пишет: «Остров Итурпу. Живут иноземцы, свой род званием гых курила... На сем острову людей многое число, и язык, и вера своя, и всякие звери — и лесные медведи и другие, и всякой лес большой, и реки, и на устьях у рек отстои морским судам можно быть. А по показанным островам (то есть от Камчатки до Итурупа) лесов больших и рек, и добрых отстоев большим судам нет до сего острова. А к воинскому делу жестоки: поступают о трёх же боях, что и на первых островах (имеются в виду три вида оружия: луки со стрелами, копья и сабли. — *В. А.*), но токмо жесточае и искуснее. А на разговор (переговоры. — *В. А.*) больше даются...

Остров Кунашир. Живут иноземцы те ж, что и на Итурупе и Урупе; и вера одна, а язык один или свой имеют, и о том не уведомился; и на Матмайский остров ходят... и с Матмайского к ним приходят с городовыми (промышленными. — *В. А.*) товарами и торгуют... А в подданстве ли оные кунаширцы к Матмаю городу или нет, и о том в достаток не уведомился. А итурпинцы и урупцы самовластно живут и не в подданстве, и торгуют повольно. А с Кунашира на Матмайский остров о перелевной ширине не уведомился забвением.

На сих трёх островах многое число камчадальной земли уроженцов обретается у них в холопстве, також и в Матмае городе есть де мужеска полу и женскаго. И называл... Шитанай на Нифоне острове (Хонсю. — *В. А.*) большого владетеля Камуй. И оной де Камуй матмайскому владетелю велит с нами повольно торговать, а ясаку де по-вашему с нас не берут» [13, с. 50].

Тексты И. П. Козыревского к «Чертежу...» поражают разносторонностью сведений. В них указаны размеры островов, ширина проливов, приводятся сведения о населении, занятиях жителей, их языке, обычаях, торговле, религии, растительном и животном мире, реках, местах стоянки для морских судов и т. д. Козыревский сожалел, что «на вышеписанные острова за осенним поздним временем морского пути без больших судов и без мореходов, и без компасов, и без якорей и снастей, и без кормовых припасов, и без военного снаряду, и за малолюдством вперёд итти было мне ни которым делы невозможно». По словам же курильцев, казаки «до японского первого города Матмая не доходили де за семь дней» [13, с. 28].

Главный же вывод Козыревского состоит в том, что на дальних островах люди «самовластные живут и не в подданстве».

После И. П. Козыревского исследованием островов по указу Петра I занималась первая государственная научная экспедиция, которую возглавили досрочно выпущенные из Морской академии геодезисты И. М. Евреинов и Ф. Ф. Лужин. Целью экспедиции было проверить «сошлася ли Америка с Азией». В 1721 г. они прошли из Большерецка на судне «Охота» вдоль западных берегов Курил до Симушира, положив на карту четырнадцать островов и составив чертёж остальных по расспросам курильцев.

В 1730 г. В. А. Шестаков совершил плавание на боте «Фортуна» из Большерецка до пятого острова и собрал на них ясак, то есть привёл их жителей в российское подданство. Но эти экспедиции не принесли никаких новых сведений о Южных Курилах.

Настоящее же первооткрытие Южных Курильских островов, включая Малую Курильскую гряду, совершили участники Второй Камчатской экспедиции. В её составе был создан специальный морской отряд для поиска пути в Японию под командой капитана полковничьего ранга Мартына Петровича Шпанберга. Шпанберг, датчанин, на русской службе с 1720 г., был помощником Беринга в Первой и Второй Камчатских экспедициях.

Инструкция Адмиралтейств-коллегии от 28 февраля 1733 г. предписывала ему «построить на Камчатке реке один бот с палубою и две дубель-шлюпки... на тех судах... итти вам к тем островам, кои пошли от Камчатского полуденного носу к Японии» [13, с. 145—146].

Если же на островах обнаружатся жители, то «буде же самоизвольно пожелают кто итти в подданство, которых наипаче приласкивать и в потребном случае охранение чинить и ничем не отягощать... Подле земель и островов прилежнее осматривать удобных мест для пристаней... и какие где растут ли леса, к починке морских судов годныя... также... велеть осматривать, не найдутся ли где богатые металы и минералы» [13, с. 147].

Более определённо о целях отряда Шпанберга пишет обер-секретарь Сената И. К. Кирилов: «От Камчатки же до Японии... сыскивать новых земель и островов, и неподвластных, сколько можно в подданство приводить... Все острова до самой Японии подлинно никому не подвластные... — утверждает Кирилов. — Тож и о Ессе (так русские называли Эдзо — Хоккайдо. — *В. А.*) и названной Земли Компании (Уруп) рассуждать надлежит, что всё не может миновать российского владения...» [13, с. 154].

К сожалению, Шпанбергу не удалось полностью исполнить инструкцию — он не смог привести в подданство жителей южных островов, но смог осмотреть их, положить на карту, описать аборигенов и убедиться в том, что они неподвластны Японии. Всего Шпанберг совершил три плавания на Курилы — в 1738, 1739 и 1742 гг. В первом участвовали три судна, но, выйдя из Большерецка, уже у ближних островов они потеряли друг друга из вида из-за густого тумана. Сам Шпанберг на бригантине «Архангел Михаил» достиг 45° северной широты (остров Итуруп), нанёс на карту тридцать один остров — больше, чем их было на самом деле (Итуруп русские называли девятнадцатым островом). Объяснялось это тем, что разные части одного острова, открывавшиеся им среди тумана, принимались за отдельные острова. Шпанберг признает, что «на видимой нами земле... самобытно я не был».

До конца Курильской гряды в плавании 1738 г. добрался лейтенант В. Вальтон на дубель-шлюпке «Надежда». Дойдя до широты 43°19', он видел землю с высокими горами [13, с. 295—296]. Это был остров Хоккайдо. Вальтон нанёс на карту двадцать шесть островов. В этом плавании русские моряки впервые прошли вдоль всей Большой Курильской гряды, впервые увидели и положили на карту самые южные острова — Итуруп и Кунашир, но никаких сведений об их природе и жителях они получить не смогли. Не видели они и островов Малой Курильской гряды.

Второе плавание в 1739 г. имело целью «изыскание пути в Японию». Впервые русские люди побывали там, общались с японцами. Восемь моряков с бота «Св. Гавриил» посетили японское селение, где были доброжелательно встречены. На обратном пути и состоялось, наконец, первооткрытие Южных Курил. Шпанберг сообщает об этом в рапорте в Адмиралтейств-коллегию от 19 ноября 1739 г.: «...июля третьего числа дошли до ширины северной 44°24' к лежащим от японской земли островам, ис которых прозвали мы один Фигурной, другой Трёх Сёстр, третьей Цыдронной, а на которые румбы они лежат, значет оной компании по журналу и карте (журналы и карты плавания 1739 г. в Японию были получены в Петербурге уже в феврале 1740 г. В том же году французские и английские газеты сообщили о плавании русских моряков с Камчатки в Японию и об открытых ими островах к северу от Японии. — *В. А.*). А 4-го числа посылал шлюпку на наречённой Фигурной остров (Шикотан. — *В. А.*) и на ней пробирных дел мастера Гордебола (Симона Гардеболя. — *В. А.*) для обыскания на том острову металов и менералов и с ним и служителей четырёх, квартирмейстера одного да толмача, итого семь человек (это первое документальное свидетельство посещения Малой Курильской гряды иностранцами. — *В. А.*). С того острову привезли они жимолостнику, наподобие вереса, да слаткой травы, да виноградную ветвь с виноградными зелёными ягадами, да из разных цветов несколько. На том же острову нашли они в малых речках раковины, в которых находитца жемчюг... А лес на оном Фигурном острову растёт большей березник, ольховник, еловой и пихтовник, довольное число, ис которого можно строить для нужды мелкия суда...» [13, с. 191].

6 июля Шпанберг посылал на тот же остров штурмана Матвея Петрова для обследования губы. Петров детально осмотрел её и отметил, что в ней «глубокости воды от шести до двенадцати сажен... в длину две версты, в ширину одна верста, грунт во оной губе местами песок и чёрной ил, и от северных ветров на судах

к якорному стоянию быть угодна». Шпанберг делает вывод: «И оная губа, по мнению моему, удобна быть наперво порту нашему, и ко отстою наших судов без всякого опасения» [13, с. 192].

Так что С. Гардеболь и М. Петров осмотрели Шикотан достаточно тщательно, в соответствии с требованиями инструкции Адмиралтейств-коллегии. Не были найдены только металлы и минералы, да не удалось встретить аборигенов. М. Петров отыскал селение из пяти барабар (хижин), но их жители убежали вверх по реке.

«И лавировали мы по морю к западной стороне меж вышеозначенных островов. И 7-го числа того ж июля пришли ко островам в туманное время и, как туман прочистился, усмотрели место низменное, глаткое и зелёное, на котором только растёт трава, а лесу не имеетца, и для того назвали ево Зелёным (название острова Зелёный в Малой Курильской гряде к юго-западу от Шикотана сохранилось до наших дней. — *В. А.*). И посылали на него на шлюпке штюрмана да подпорутчика, управляющего геодезискую должность... И оные усмотрели чрез инструмент: лежит оной остров в ширине 43° и 15'» [13, с. 122].

Далее Шпанберг рассказывает о первой встрече русских моряков с аборигенами и даёт первое описание айнов южных островов, которых позднее русские стали называть «мохнатыми курильцами» или просто «мохнатыми».

«А от восьмого числа... пришли мы ко острову тамошнему, называетца Нуцкам (видимо, один из островов Малой Курильской гряды. — *В. А.*), и усмотрели на нём жилые места... И с того жилого места приезжала к нашему судну байдара и на ней людей пять человек, и звали нас на берех, а сами они к нам на судно ехать не смели. И для того... послал я шлюпку к берегу и на ней мичмана Шхельтинга (Шельтинга. — *В. А.*) да солдат с толмачами двенадцать человек... И привёс оной Шхельтинг на байдаре тамошних жителей к нам на судно восемь человек, которые сходны по персонам с курильским народом. И те жители носят долгое платье, порток и штанов не имеют, ходят босые, на платье у них нашиты лоскутки камчатные разных цветов. По ногам у них и по всему телу шерсть, бороды у них великия, продолговатые, чёрные, а которые престарелые, у тех с сидиною белою, как бороды, так и на теле волосы. Также у некоторых имеютца в ушах кольцы серебреные. Лотки у них так же, как у наших курильских мужиков — бойдары. Язык у оных жителей находит на курильской» [13, с. 192].

Прибывшие на судно айны сообщили Шпанбергу, что из всех островов «под властью епонского хана только один Матмай остров

(видимо, они имели в виду княжество Мацумаэ, занимавшее небольшую территорию на южной оконечности острова Хоккайдо на берегу Сангарского пролива. Известно, что на остальной территории острова японцы стали распространять свою власть лишь с 1785 г., а до этого торговали с айнами Хоккайдо и острова Кунашир, где в 1754 г. появилась японская торговая фактория. — *В. А.*), а протчие острова неподвласны... и что те все острова с Матмайским имеют торги великии разными товарами» [13, с. 192].

Далее Шпанберг сообщает: «А кругом того места имеется лежащих островов довольно (приводит названия двенадцати. — *В. А.*) и людей также, и на тех островах лесу, свежей воды, зверей, рыбы, ягод множество. И ежели повелено будет, то... можно большия и малыя острова привести в подданство ея императорскаго величества от 43-х и до 46°, а от 46° до последнего острова без всякого опасения можно привести в самой скорости» [13, с. 192].

Почему же Шпанберг не сделал этого сам, как предписывалось ему инструкцией Адмиралтейств-коллегии? Он объясняет это тем, что из-за «великих туманов и дождей» потерялись два судна — «Надежда» и бот «Большерецк», хотя непрестанно палили из пушек и били в барабан. На самом «Архангеле Михаиле» половина команды была больна, да и остальные «едва могли судном исправлять». Иначе приведение жителей Южных Курил в российское подданство, то есть первоосвоение островов, могло произойти на тридцать лет раньше, чем это случилось.

Шпанберг намеревался повторить плавание в следующем году для завершения исследования южных островов. Но ему поручили обследовать юго-западное побережье Охотского моря, Сахалин и устье Амура. Лишь в 1742 г. Шпанберг смог вновь отправиться к дальним островам, но плавание оказалось неудачным — на двух судах обнаружилась течь, и пришлось вернуться в Большерецк. А в 1743 г. деятельность Второй Камчатской экспедиции была прекращена.

Кстати, сама идея морского плавания в Японию и к дальним Курильским островам была предложена В. Й. Берингом по возвращении из Первой Камчатской экспедиции. В 1730 г. он представил в Сенат свои предложения по устройству жизни и быта населения Камчатки, в которых сообщал, что в 1729 г. близ Авачи были найдены японские вещи и «видели подле берегу ходящих людей иностранных, а признаваемо, что подлинно японского народу». Беринг предложил: «Надлежит тех людей отправить на нашем судне в их землю, и проведать путь, и можно ли с ними иметь торг

или каким другим образом к пользе нашему государству что присмотреть, понеже до самые японские земли от Камчатского Угла имеютца острова, и не в дальном растоянии остров от острова» [13, с. 96].

Во Второй Камчатской экспедиции, помимо морских отрядов В. Й. Беринга и М. П. Шпанберга, действовал отряд академиков Г. Ф. Миллера и А. Г. Гмелина, в задачу которого входило изучение истории, этнографии, природы Камчатки и сопредельных с ней земель. В составе отряда работали С. П. Крашенинников, Г. В. Стеллер, А. П. Горланов и другие учёные. Сами академики до Камчатки не доехали, хотя С. П. Крашенинников построил для них дом в Большерецке, а ограничились сбором сведений о полуострове и Курилах в Якутске. В результате Г. Ф. Миллер составил работу «География и устройство Камчатки на основании различных письменных и устных сообщений, собранных в Якутске в 1737 г.» и передал её С. П. Крашенинникову для руководства в его полевой работе. Работу Миллера завершал раздел «О соседних с Камчаткой странах», посвящённый, в основном, описанию Курильских островов. Большинство сведений о Курилах, особенно о дальних островах, Матмае и Японии, заимствованы у Козыревского.

Крашенинников использовал материалы Миллера в своём капитальном труде «Описание земли Камчатки», внеся в них исправления и дополнения. Использовал он и материалы экспедиции М. П. Шпанберга и Г. В. Стеллера, который лично посетил ближние острова. В книге Крашенинникова есть главы «О Курильских островах», «О курильском народе», где он приводит краткий словарь курильского языка.

Много сведений о Курилах приводится Крашенинниковым в рапортах, посылаемых им с Камчатки академику Миллеру в Якутск. Кроме того, им составлено «Описание Курильских островов по сказыванию курильских иноземцов и бывалых на оных островах служивых людей, сочинённые через студента Степана Крашенинникова» и написана работа «О курилах, живущих на Поромусир и Аннекута островах, которые от русских другим и третьим Курильском островом называются». Крашенинников очень подробно описывает ближние острова, их природу, обычаи местных жителей. Сам Крашенинников там не был, но посылал туда в 1738 г. вместе со сборщиком ясака Андреем Фурманом помогавшего ему в метеорологических наблюдениях на Камчатке Степана Плишкина и толмача Михайло Лепехина с подробной инструкцией. Плишкин выполнил все задания Крашенинникова и привёз

с собой «с Курильских островов двух человек курильских мужиков для разговору».

«Через им привезённых Плишкиным иноземцов я их языка слова и спрашивал о их вере и обычаях, также спрашивал об островах дальних Курильских, сколь они велики, какие на них места гористые или ровные, жилые или пустые и прочая. И сочинил реэстр зверям, птицам и рыбам, около островов находящимся» [14, с. 578].

Крашенинников признает, что опрошенные им курильцы сами дальше четвёртого острова не бывали, и сведения о дальних островах он заимствовал у Миллера и Шпанберга. Он поправляет Миллера, что острова простираются не в южную сторону от Камчатки, а в юго-западную. Признается, что не может назвать их точного количества: по известиям от дальних курильцев их двадцать два, включая Матмай, а по сведениям Шпанберга — много больше. Вслед за Миллером Крашенинников повторяет ошибку Козыревского, поменяв местами острова Итуруп и Уруп, и утверждая, что самый большой из островов — Кунашир, а не Итуруп.

Интересны замечания Крашенинникова о том, что языки курильцев второго острова (Парамушир) и кунаширских жителей почти не различаются. Об этом сообщил Г. Стеллеру курилец с Парамушира Липага, бывший толмачом в плавании Шпанберга. Отсюда он делает вывод, что жители Урупа и Итурупа говорят на том же языке. Крашенинников считал, что название народа «курилы» — это искажённое казаками камчадальское название айнов «куши». На самом деле название «курилы» происходит от айнского слова «куру» — человек.

Вот как описывает Крашенинников курильцев: «Сей народ ростом средней, волосами черён, лицом кругловат и смугол, но гораздо пригоже других народов. Бороды у них большие окладистые, тело мохнатое, в чём состоит знатная разность от камчадалов. Мужеский пол волосы напереди бреет до самой верхушки, а назад ростят, в чем с японцами имеют сходство... Они несравненно учтивее других народов, а притом постоянны, праводушны, честолюбивы и кротки. Говорят тихо, не перебивая друг друга речи, как сидячие коряки. Старых людей имеют в великом почтении. Между собой живут весьма любовно, особливо же горячи к своим сродникам...

Платье носят из кож морских птиц, также лисье, бобровое и из других морских зверей... распашное... шьют из чего прилучится, так что... редкую курильскую парку увидишь, которая бы не из лоскутья разных зверей и птиц была зделана... Питаются наиболь-

ше морскими зверями, а рыбы промышляют мало» [15, с. 179—184]. Детально описывает Крашенинников жилища, бытовые обряды и религию курильцев.

Многие сведения Крашенинников заимствовал у Г. Стеллера, который посетил ближние острова в мае 1742 г. После смерти Стеллера в Тобольске в 1746 г. Академия наук поручила Крашенинникову работу с его бумагами. Крашенинников приводит слова Стеллера о жителях южных островов: «Государя над собою они не знают, хотя и не в дальнем расстоянии от Японии». Верно описывает Крашенинников путь японских товаров на ближние острова и на Камчатку. Японцы с Матмая доставляли их на Кунашир, куда приезжали жители Итурупа и Урупа, и они отвозили те на своих байдарах на Парамушир.

Таким образом, в результате деятельности Второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг., материалы которой обобщил С. П. Крашенинников, было получено достаточно полное представление о всех островах Курильской гряды: все они положены на карту, определены координаты многих пунктов, получены сведения о жизни, быте, обычаях, хозяйстве, вере аборигенов, а главное, — русские посетили Южные Курилы и убедились, что они «неподвластны епонскому хану». Это открыло путь их дальнейшему исследованию и освоению.

В 1750 г. сын М. П. Шпанберга инженер-прапорщик Андрей Шпанберг, плававший с отцом в Японию в 1739 г., представил в Сенат рапорт с проектом приведения в российское подданство жителей открытых его отцом Южных Курильских островов и установления торговых отношений с Японией. Проект был поддержан, но по неизвестным причинам экспедиция не состоялась.

В 1752 г. около двухсот курильцев с острова Парамушир под предводительством Якрупа, боясь разорения от ясака, ушли на шестнадцатый остров Матуа. Этот род русские стали называть «сошлым». «Сошлые» вели торговлю с «мохнатыми» южных островов. Тойон (староста) Парамушира Сторожев дважды ездил к «сошлым», уговаривая их вернуться, но безуспешно.

Зато он побывал на всех южных островах до Матмая и привёз описание «мохнатых» курильцев: «Они природою весьма мохнаты; губы, руки и ноги для красы чёрною же краскою расписывают; платье у них — японские азямы и из птичьих кож; в житии весьма необиходны; язык их мало походит на язык ближних, так что без толмача не понять; к приезжим весьма благосклонны; хвосты орловые покупают весьма дорого; владелец их, которому

они оказывают честь и покорство, живёт на двадцать первом острове (Кунашире. — *В. А.*)» [16, с. 118].

28 декабря 1753 г. вышел указ Сената «О возобновлении Камчатской экспедиции и изыскании через оную неизвестных мест и народов и склонении оных под высочайшую ея иимепаторского величества власть и в подданство» [9, с. 44].

Предполагалось построить порт в устье Амура, из которого проводить исследования в Тихом океане. Но из-за напряжённых русско-китайских отношений и отказа китайского правительства в установлении судоходства по Амуру деятельность экспедиции была прекращена. Она ограничилась лишь исследованием верхних притоков Амура и вошла в историю под названием Нерчинской.

Новым толчком к изучению Курил послужил выход в 1755 г. книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». В 1759 г. сибирский губернатор Ф. И. Соймонов, изучив рапорт А. М. Шпанберга, представил в Сенат записку «О позволении купцам собственным их иждивением открывать Курильские острова» [9, с. 58—59]. В феврале 1761 г. он поручил главному командиру Анадырского, Охотского и Камчатских острогов подполковнику Ф. Х. Пленеснеру (кстати, участнику плавания В. Й. Беринга в 1741 г.) более подробно разузнать об островах и предписал немедленно начать подготовку к плаваниям [17, с. 38]. Пленеснер несколько раз снаряжал тойонов первого и второго Курильских островов к «мохнатым... для замечания всех подробностей о тамошних народах».

24 августа 1761 г. последовал указ Сената, разрешивший русским купцам вести промысел на Курилах (до этого посещать их разрешалось только сборщикам ясака) [9, с. 58—59].

Одним из первых на дальние острова отправился в 1765 г. из Петропавловской гавани опытный мореход Андреян Толстых, только что (в 1760—1764 гг.) открывший центральные Алеутские острова, названные в его честь Андреяновскими. Когда судно Толстых «Пётр» стало на якорь у Кунашира, «чрез четверть часа пригребли с этого острова к судну в одной курильской байдаре из тамошних людей одиннадцать человек, роду называемых мохнатых курильцев, которых тела, руки и ноги мохнатые». Русские подарили им табак, который просили кунаширцы. Промысел был небогатый, и Толстых решил вернуться на зимовку в Петропавловскую гавань. Но из-за густого тумана «Пётр» прошёл мимо ворот Авачинской губы и разбился у Шипунского мыса. Из шестидесяти трёх промышленников спаслись лишь трое. Толстых среди них не было... [18, с. 88].

Неудачными оказались и плавания в 1768—1774 гг. И. Попова, И. Никонова, А. Сапожникова. Русские купцы-промышленники потеряли интерес к Курилам.

Одновременно продолжались и попытки камчатских властей собирать ясак с жителей дальних островов. В 1766 г. для этого и приведения в подданство населения, а также для «описания и разведывания тамошних жителей» командир Камчатки капитан И. С. Извеков послал на Курилы казачьего сотника И. Чёрного. В 1767—1768 гг. он приводил в подданство мохнатых курильцев, возвратил многих «сошлых», составил черновой журнал с описанием девятнадцати Курильских островов, включая Итуруп, который посетил первым из русских. К сожалению, он не смог составить отчёт и карту, скончавшись от оспы по дороге в Иркутск (в 1768 г. эпидемия оспы унесла две трети населения Камчатки). Но его черновой журнал можно поставить в один ряд с описаниями Козыревского и Крашенинникова. Здесь подробно рассматривается география всех островов, кроме первого и второго (Шумшу и Парамушира, детально описанных Крашенинниковым), приводятся их размеры и ширина проливов между ними, характеризуется растительный и животный мир, реки, озёра, бухты, примечательные горы, жители и их занятия.

Вот что сообщает И. Чёрный об Итурупе — самом крупном из Курильских островов: «Девятнадцатый остров Эторпу в длину... вёрст с триста с прибавою». Он приводит сведения и об островах, до которых сам не дошёл, но на которые плавали жители Итурупа. Сообщает, что в Аткис (бухта Аккеси на Хоккайдо) «приходят два судна японския; а ныне, в недавних годах, и на двадцатый остров (Кунашир. — *В. А.*) стало одно судно японское ходить (по японским сведениям, в 1754 г. на Кунашире появилась торговая фактория. — *В. А.*)... Живут японцы на тех островах судами (то есть не сходят на берег. — *В. А.*) месяца по два и ожидают мохнатых курильцов с разных островов... А покупают японцы у мохнатых жиры, тресковую юколу, бобров, орловые хвосты, молодых нерп чёрных, а продают им от себя вино, табак листовой, хлебные припасы, азямы, тумикамеи серебреные и зелёной меди, котлы чугунные на ножках, сабли, ножи, топоры» [9, с. 139].

Таким образом, И. Чёрный был первым, кто начал приведение в российское подданство жителей Южных Курил, будучи официально послан с этой целью камчатскими властями. Ему удалось собрать ясак не только с жителей Итурупа, но и с нескольких кунаширацев, прибывших в это время на Итуруп. Поэтому 1768 г. можно

считать началом первоосвоения русскими Южных Курил. Японцы к этому времени лишь торговали с айнами на Хоккайдо и Кунашире и не делали попыток распространить на них свою власть.

Указ Сената 1761 г. не привёл к активному российскому промыслу на Южных Курилах. Промышленники обычно дальше восемнадцатого острова (Урупа) не плавали. Причина в том, что, как свидетельствует И. Чёрный, «по прочим островам уже бобров (каланов. — *В. А.*), кроме восемнадцатого острова, нигде не имеется» [9, с. 140].

Поэтому 28 ноября 1772 г. иркутский губернатор А. И. Бриль предписал главному камчатскому командиру М. К. Бему организовать экспедицию на дальние острова для их изучения, приведения жителей в русское подданство и установления торговых отношений с Японией [9, с. 142]. Бему предлагалось найти купцов, желающих снарядить плавание на юг.

Организовать такую экспедицию за свой счёт взялись предприимчивые купцы П. С. Лебедев-Ласточкин и Г. И. Шелихов (позднее он вышел из дела). 3 марта 1775 г. последовал указ большерецкой канцелярии об организации экспедиции [9, с. 143].

Руководителем экспедиции был назначен выпускник Иркутской школы японского языка, сибирский дворянин И. М. Антипин, а его помощником — ученик той же школы И. Очередин. Перед отходом судна «Св. Николай» из Петропавловской гавани в июне 1775 г. туда прибыл М. К. Бем и лично вручил И. М. Антипину подробную инструкцию, которой предписывалось «следовать под видом для звериных промыслов в предписанные Курильские острова, даже и до последнего двадцать второго, называемого Аткиса, а смотря по обстоятельству, и до японского Матмая... Старатца показанных дальних мохнатых курильцов... живущих доныне в своей воле, приводить в подданство ея императорскаго величества» [9, с. 146].

24 июня 1775 г. Антипин и мореход Ф. Путинцов вышли из Петропавловской гавани прямо к Урупу. Здесь Антипин рассчитывал перезимовать, а следующим летом продолжить плавание. Но вскоре после прибытия на Уруп судно разбилось о скалы во время шторма. Только два года спустя из Охотска пришло новое судно — бригантина «Св. Наталья» под командой штурмана М. Петушкова. Руководителем экспедиции вместо Антипина был назначен Дмитрий Шабалин. 31 мая 1778 г. Шабалин на трёх байдарах отправился на Итуруп, Кунашир, Шикотан и в Аткис. Жителей этих островов он привёл в подданство, а их «атаманов» (родовых старейшин) одарил подарочными вещами.

Шабалин подробно расспрашивал островитян, с кем они торгуют, какие есть ещё земли, какое у них оружие, чем питаются, откуда получают необходимые товары. На Кунашире «атаманы» рассказывали Шабалину, что к северу от них есть «земля, которую они называют Короска (речь идёт о Сахалине. — *В. А.*), и людей на ней множество, и язык имеют один» [9, с. 165]. «И оная земля в проезде и нам видна была», — пишет Шабалин, что маловероятно.

На Аткисе Шабалин пробыл шесть дней, с 19 по 24 июня 1778 г. В рапорте в канцелярию Охотского порта Шабалин называет Аткис двадцать вторым островом, но в описании к составленной им карте он правильно указал, что Аткис — место на острове Матмай.

Первые семнадцать островов описал И. М. Антипин. Участник плавания на Аткис в 1778 г. в качестве переводчика с японского языка унтер-офицер И. Очередин составил в том же году описание пяти дальних островов: с восемнадцатого по двадцать второй. Вот какую характеристику даёт Очередин южным:

«18. Уруп, на котором бывают мохнатыя курилцы с других островов, с девятнадцатого и двадцатого в апреле месяце для промыслу бобров, нерп, китов, а иногда и зимуют. Лес — березняк, ольховник, камышник (бамбук. — *В. А.*), кедровник, сланец и прочей мелкой лес на оном бывает. Горящая горы и два озера. Остров длиной до ста пятидесяти вёрст, шириной до двадцати пяти вёрст.

19. Итуруп. На оном острове живут мохнатыя курилцы. Лес такой же, как на восемнадцатом острову, а изредка есть и лиственицы. Морского зверя всякого довольно. В длину остров до трёхсот вёрст, в ширину до двадцати пяти вёрст.

20. Кунашири. На оном острову живут мохнатыя курилцы. Лес такой же, кроме лиственицы. Морского зверя всякого довольно, по берегам устрицы более фута. Кругом есть озёра рыбны. В длину до ста тридцати вёрст, в ширину до тридцати вёрст. На оной остров со временем приезжают в морских судах, именуемых буса, японцы для торговли с курилцами и меняют всякаго зверя на японския мелочи.

21. Чикота (Шикотан. — *В. А.*), положен со скасок (то есть по рассказам, отсюда неверные сведения о его размерах. — *В. А.*), длиной сто тридцать вёрст, шириной пятьдесят вёрст, на котором есть живущие мохнатыя курилцы.

22. Назван островом Аткисом, а точно ж находится, что остров Матмай, а Аткис сим то место именующее, где был ундер-офицер и японский ученик Иван Очередин тогда, где видел японцев на

бусах у мохнатых курилцов для торгу японских мелочей, напитошное нерпичье и вялкое сало» [16, с. 129; 19, с. 178].

Кстати, в «Месяцеслове историческом и географическом на 1785 г.» опубликовано «Описание Курильских островов», составленное секунд-майором М. Татариновым, где говорится, что, по словам японцев, потерпевших крушение у Камчатки в 1744 г. и живущих в Иркутске, «острова Аткис нет, а есть на Матмае-острове место, именуемое Аткис, куда проезжают японцы для заготовления лесов на строение морских судов» [9, с. 355]. Здесь же происходила меновая торговля между японцами и «мохнатыми курильцами».

На Аткисе Шабалин застал японское судно «Танги-мару». Вместе с переводчиком Очерединым он дважды посетил японцев. Те в свою очередь навещали русских. Японцы рассказывали, что прибыли они из города Нагасаки, шли сюда пятнадцать дней. На встрече 21 июня Шабалин завёл разговор о возможности установления торговых отношений между Россией и Японией. Но японцы отказались вести переговоры без разрешения своих властей. Они предложили Шабалину встретиться на следующий год в японской фактории на Кунашире.

2 августа 1778 г. Д. Шабалин прибыл в Охотск на бригантине «Св. Наталья», где получил разрешение от командира Охотского порта на продолжение переговоров с японцами. В начале октября 1778 г. «Св. Наталья» вновь пришла на Уруп. Вновь прибыл и И. М. Антипин в качестве переводчика и представителя камчатской администрации «для привода мохнатых курильцев в подданство».

Перезимовав на Урупе, Шабалин, Антипин и штурман Путинцев 30 мая отправились на семи байдарах с сорока пятью работными людьми на Кунашир, куда добрались 19 июня, но японцев там не оказалось. Здесь же собрались с разных островов курильцы для торга. Прождав здесь японцев некоторое время, русские отправились в бухту Аткис на Хоккайдо. Но и сюда японское судно пришло лишь 26 августа. На нём прибыл японский чиновник — даикван. Он привёз повеление матмайского начальника, чтобы русские впредь не ходили до Аткиса, так как здесь живут курильцы, с коими японцы ведут торговлю. А 9 сентября состоялась встреча с вновь прибывшими тремя чиновниками из Матмая. Они отвергли предложение русских о торговле, заявив: «...наш Бог запрещает с русскими знакомиться и торговаться; а есть ли допустит матмайский начальник, то ему худо будет... В будущем же, если что понадобится, то посылайте с острова Уруп мохнатых курильцев, и мы с ними передадим вам потребное, а сами не ходите, ежели

станите вперёд ходить, то худо будет: мешать нам станите торговаться (имеется в виду торговля с курильцами. — *В. А.*)» [18, с. 94].

Так закончилась вторая попытка завязать торговые отношения России с Японией (первая — это плавание М. П. Шпанберга в Японию в 1739 г.). Японцы к тому же дали понять, что они не желают распространения влияния русских южнее Урупа. Отказ в торговле с русскими японские чиновники объяснили довольно примитивно: «...у нас товарного нет, кроме пшены и вина, и то употребляем в пути для продовольствия себя» [9, с. 197].

Экспедиция И. М. Антипина — Д. Я. Шабалина 1775—1780 гг., несмотря на неудачу в установлении торговли с Японией, имела важное политическое значение. Было выяснено, что в конце 70-х гг. XVIII в. княжество Мацумаэ ещё не распространяло своего правления на север острова Хоккайдо, что подтверждает и японский историк Окамото Рюносукэ [9, с. 13]. А из «Японской исторической энциклопедии» 1964 г. и учебников по истории Японии того времени следует, что «до конца 60-х гг. XIX в. национальной территорией страны к северу от острова Хонсю являлась лишь узкая прибрежная полоса острова Хоккайдо, ограниченная с северо-запада, севера и северо-востока тремя оборонительными линиями айнских городищ — "тяси"» [5, с. 437].

На остальной территории японцы лишь торговали с айнами. Такая же ситуация была и с Южными Курилами. Уже упоминалось, что с 1754 г. здесь появилась лишь одна японская торговая фактория — на южном берегу Кунашира, — да и ту японцы посещали, видимо, не каждое лето (на зиму они не оставались, о чем свидетельствует А. К. Лаксман, руководитель третьей русской экспедиции для установления торговых отношений с Японией, зимовавший в 1792—1793 гг. в Немуро на Хоккайдо) [7, с. 457].

Знания японцев об островах были весьма скудными. И. М. Антипин приводит свой разговор 30 августа 1779 г. со старым японцем — переводчиком с языка айнов: «...я спрашивал наперво о островах: много ли у вас островов. На то сказал: что де мы знаем только четыре острова, именами Кунашир, Шигодан, Иторпу, да ваш восемнадцатый остров, называемый Уруп» [9, с. 190].

Экспедиция И. М. Антипина — Д. Я. Шабалина завершила обращение в российское подданство жителей всех Южных Курильских островов и части северо-восточного побережья Хоккайдо. В общей сложности было объясачено полторы тысячи «мохнатых курильцев» (взрослых мужчин) [20, с. 123]. Антипин и Шабалин сумели восстановить с местными жителями добрые отношения,

осложнившиеся после жестокого обращения с ними предшествующих сборщиков ясака, в том числе И. Чёрного. Многие курильцы были обращены в христианскую веру.

Можно сделать вывод, что первооткрытие русскими Южных Курильских островов состоялось в 1739 г. во время «отыскания морского пути в Японию» отрядом М. П. Шпанберга, а первоосвоение начато в 1768 г. И. Чёрным и завершилось в 1778—1779 гг. И. М. Антипиным — Д. Я. Шабалиным. Все эти экспедиции отправлялись с Камчатки.

К сожалению, русские не смогли закрепить своё влияние и присутствие на южных островах в последующие годы. Их посещение казаками и промышленниками прекратилось. Промышленников больше привлекали Алеуты и Аляска, богатые морским зверем. В 1790-е гг. Г. И. Шелихов предпринял неудачную попытку «завести Русь» на Курилах, но выбрал для этого опять же остров Уруп. Кроме того, промышленников напугало известие о страшном землетрясении 7 января 1780 г. на Урупе и цунами 18 июня 1780 г., когда погибли многие члены экспедиции Антипина — Шабалина и бригантина «Св. Наталья» (первое судно — «Св. Николай» — разбилось о скалы в 1775 г.), а все жилища и постройки на Урупе были разрушены.

У камчатских казаков отпала необходимость посещать Южные Курилы после указа Екатерины II от 30 апреля 1779 г. Наградив организатора экспедиции 1775—1780 гг. П. С. Лебедева-Ласточкина медалью «За полезные обществу труды», императрица издала указ: «Приведённых в подданство на дальних Курильских островах мохнатых курильцов оставить свободными и никакого сбору с них не требовать, да и впредь обитающих тамо народов к тому не принуждать...» [9, с. 182].

Именно в эти годы, в середине 1780-х гг., когда русские перестали посещать Южные Курилы, началась японская экспансия на север Хоккайдо, а затем японцы обратили внимание на соседние острова. На мысе Носяппу, самой северо-восточной точке Хоккайдо, есть памятник японцам, погибшим в сражении с айнами в 1785 г. [21, с. 35]. На северном побережье появились японские гарнизоны, айнов стали привлекать к принудительным работам. Это отметил А. К. Лаксман, посетивший северный Хоккайдо в первые годы японской колонизации. Он сообщает, что в каждом селении «мохнатых курильцев» на побережье находились японские чиновники со служителями для сбора податей и торговцы. Но японцы жили здесь только летом. Японский чиновник сообщил Лаксману:

«...всегда уезжаем нынешним временем (дело было в октябре. — *В. А.*) в Матмай, а сюда приходим с первыми судами в майе месяце» [7, с. 457].

Правда, в связи с прибытием русского судна с посольством, японцам пришлось остаться на зиму в Немуро и соседних селениях. Лаксман также отметил, что курильцы находились в полной зависимости от японцев и были настолько ими запуганы, что не смели сами взять от русских мелкие подарки за услуги. При них всегда был японский надсмотрщик, который распределял эти подарки (обычно табак) среди айнов. «Японцы с ними весьма поступали свирепо и всё, что только курильцы промыслить могли, у них отбирали, даже... их к промыслу и ко всяким тяжким работам принуждали... Сверх того, рассказывали японцы, что мохнатые курильцы по северному берегу сего острова... верны, а далее против двадцатого острова (Кунашира. — *В. А.*), равно как и на западной стороне живущие, весьма непостоянны и сумнительны» [7, с. 459—460].

Но этой покорности айнов северного побережья японцы добились лишь в последние годы перед приходом русских: «788 года в майе месяце пришло японское судно с разными... товарами... Здешние и двадцатого острова курильцы, сговорясь между собою, сделали нападение и побили семьдесят пять человек японцев, а товары по себе разделили». Когда известие об этом дошло до княжества Мацумаэ, «был прислан из оного чиновник во ста пятидесяти человеках для разбирательства и усмирения по делу сего бунта и, собравши тех курильцев... казнил начинщиков оного бунта и из их тойнов и старшин тридцать пять человек, коих головы... осоливши, увёз в Матмай, а тела приказал разбросать...» Но и после этого, по словам японских служителей, «...курильцы в разных около здешних мест в пристанях и их стойбищах живущих по пяти и по семи, смотря по селению, оное число японских служителей побили» [7, с. 459].

В эти же годы японские власти начинают проявлять интерес и к ближним к Хоккайдо Курильским островам. В 1786—1787 гг. на Кунашире, Итурупе и даже Урупе побывала первая японская научная экспедиция во главе с Могами Токунаи. Были собраны подробные сведения об этих островах и составлена их карта. Кстати, на Итурупе М. Токунаи обнаружил поселение, где жили трое русских. По их словам, они находились здесь уже семь лет, то есть с 1779 г. Видимо, это были участники экспедиции Антипина — Шабалина. Старший из русских, Идзюё (возможно, Зуев) рассказал Токунаи,

что примерно шестьдесят человек прибыли на Уруп, чтобы заняться охотой и рыболовством, но рассорились, и они перебрались на Итуруп.

М. Токунаи встречал на Итурупе православные кресты, многие айны молились на них, то есть были крещёными. Перед домом русских стояло трёхметровое распятие, перед которым молились и курильцы. Подробно встречу Токунаи с русскими описывает японский историк С. Накамура в книге «Японцы и русские». Во время встречи (кстати, переводчиком между японцами и русскими был тойон из бухты Аккеси на Хоккайдо Икотои, служивший проводником у Токунаи) состоялся любопытный разговор между Токунаи и Идзюё о принадлежности Южных Курил. Приведём выдержки из него. По ним видно, с каким достоинством и как аргументированно простой русский промышленник отвергает заявления японского офицера о принадлежности Южных Курил Японии.

Токунаи: «Знаете ли вы, что японским правительством запрещён въезд иностранцев в страну?».

Идзюё: «Знаем. Однако здесь не Япония. Ни на Итурупе, ни на Урупе, кажется, нет никаких японских правительственных органов».

Токунаи: «Нельзя утверждать, что это не японская территория, исходя лишь из того, что здесь нет правительственных органов. В Японии есть почитаемое божество, и это божество управляет государством. Посмотрите на небеса. Именно золотой диск солнца, светящийся на небесах, является японским божеством. Одновременно с японской территорией оно создало северные острова (речь идёт о богине солнца Аматэрасу в синтоистской религии, потомками которой считаются императоры Японии. — *В. А.*)».

Идзюё: «Солнце — это не что иное, как светящийся круг, существующий во Вселенной. Бог — это что-то особое, отличное от солнца, гор, рек, а путь божественный нам указал Сын Божий Иисус Христос. Именно этот Бог проявляет к человечеству безграничную любовь. Даже жители этого острова в настоящее время верят в учение Иисуса...»

На следующий день, 6 мая 1786 г., разговор продолжился.

Токунаи: «Вчера вечером вы сказали, что остров Итуруп и остров Уруп не являются японской территорией. В таком случае — это территория России?»

Идзюё: «Нет, пока ещё не территория России. Хотя в ближайшем будущем, думаю, будет таковой».

Токунаи: «Айны, которые живут на этом острове, одного происхождения с айнами, проживающими на северо-востоке исконной

японской территории, и ещё много веков назад платили день императорскому двору и нередко удостаивались родовых титулов. Значит, то, что здесь проживает племя айнов, и означает, что этот остров относится к японской территории».

Идзюё: «Здесь даже спорить не о чем. Айны этого острова не считают себя подданными Японии, и на острове нет ни одного японца, который бы управлял этими айнами. Что касается острова Итуруп, то я никогда не слышал о том, чтобы хотя бы один японец побывал здесь. С тех пор, как тридцать лет назад у Итурупа потерпело крушение японское судно (имеются в виду рыбаки из Ураги, префектура Канагава, выброшенные на берег Итурупа в 1756 г. [22, с. 74]), вы, по-видимому, впервые прибыли на этот остров. Даже если представить, что айны этого острова являются представителями японской нации, то сегодня это никакого значения уже не имеет. Япония сама отказалась от прав на владение этой территорией, и она стала русской, и этого вы не опротестуете ни перед Богом, ни перед людьми».

Токунаи: «Я являюсь уполномоченным японского правительства. Здесь сейчас же я объявляю, что остров Итуруп является территорией Японии».

Идзюё: «Можно провозглашать сколько угодно. Однако вопрос заключается не в провозглашении, а в настоящей силе. Ведь уже Козыревский семьдесят с лишним лет тому назад, отправившись с Камчатки, высадился на острове Шумшу и обследовал затем северную часть Курильских островов. С того времени люди нашего государства каждый год приезжают сюда большими группами, и на островах Итуруп и Уруп уже давно построены русские поселения. Через несколько лет эти острова станут русскими».

Аргументы у японца закончились. «Взяв в левую руку большой меч, Токунаи встал и, пристально глядя в голубые глаза Идзюё, решительно сказал: “От имени японского правительства заявляю, что вы трое арестованы”» [22, с. 76].

Таким образом, экспедиция М. Токунаи совершила «открытие» Японией Южных Курил в 1786 г., то есть на сорок семь лет позже М. П. Шпанберга. Но и оно было не полным. Токунаи не посещал острова Малой Курильской гряды. Кстати, сам Токунаи признавал, что он был первым японцем, посетившим Итуруп и Уруп.

Но и это открытие могло не состояться. Диктатор Танума Окицугу, правивший Японией в 1767—1786 гг., прочитал трактат врача из княжества Сендай Кудо Хэйскэ, написанный в 1783 г. Трактат назывался «Размышления о красноволосых Эдзо» (так

японцы называли русских). Упоминая о посещении русскими Аккеси в 1778—1779 гг., он пишет: «Если мириться с тем, что происходит, то вся земля Эдзо станет русской территорией» [22, с. 70]. Танума встретился с автором и вскоре распорядился организовать экспедицию для обследования Эдзо. В 1787 г. после смерти сегуна Иэхару диктатор Танума был отстранен от власти, и она была приостановлена.

Некоторые зарубежные историки (японец С. Накамура, американец Д. Кин и другие) называют ещё один повод к возросшему в эти годы в Японии интересу к северным территориям — так называемое «предостережение Беневского».

Мориц Август Беневский, руководитель «Большерецкого бунта» 1771 г., во время побега с Камчатки во Францию на галиоте «Св. Пётр» трижды заходил в японские порты. В своих мемуарах он приводит письмо, направленное в голландскую факторию в Нагасаки, с просьбой о помощи бедствующим беглецам с Камчатки. Но в голландских архивах хранятся шесть его писем, в том числе четвёртое, получившее название «предостережение Беневского». В нём говорится, что «...в этом году два русских галиота и один фрегат, выполняя тайный приказ, совершили плавание вокруг берегов Японии и занесли свои наблюдения на карту, готовясь к наступлению на Мацума и прилегающие к нему острова... намеченному на будущий год. С этой целью на одном из Курильских островов, находящихся ближе других к Камчатке, построена крепость и подготовлены снаряды, артиллерия и провиантские склады» [19, с. 145].

По мнению большинства историков, все письма Беневского, кроме первого, — подделка. Голландия, имевшая монополию на торговлю с Японией, желала вызвать недоверие и подозрительность к России, считая её своим соперником.

После экспедиции М. Токунаи Япония более десяти лет не делала попыток обосноваться на «северных территориях». Россия же пыталась это сделать дважды, но неудачно. Если бы состоялась кругосветная экспедиция Г. И. Муловского, то уже в 1788 г. Россия закрепила бы свои права на все острова к северу от Японии. К сожалению, две начавшиеся на западе войны — со Швецией и с Турцией — не позволили этого сделать. Вторую попытку в том же 1788 г. предприняли купцы-промышленники Г. И. Шелихов и братья Голиковы, основавшие в 1781 г. Северо-Восточную компанию. В 1788 г. они написали прошение Екатерине II с предложением построить гавань и крепость «на двадцать первом или

двадцать втором острове для заведения торговли с Китаем и Японией» [9, с. 251].

За год до своей смерти, 9 августа 1794 г., Г. И. Шелихов пишет о своих планах освоения Курил: «...обязан я отправить из данных мне хлебопашцов несколько семей на Курильской восемнадцатый остров, ибо и там было и есть моё намерение завести помаленьку Русь» [9, с. 329]. Судьба поселения, получившего название Курилороссия, сложилась трагически. В 1795 г. судно «Св. Алексей» с промышленниками и поселенцами-хлебопашцами, знавшими кузнечное, слесарное и литейное дело, прибыло на Уруп, где на восточном берегу в бухте Тавано было основано поселение.

Поселенцы высеяли рожь, пшеницу, овёс, горох и лён. Зерновые не вызрели, а горох и лён дали хороший урожай. Кстати, земледелием на Урупе пытались заниматься ещё участники экспедиции Антипина — Шабалина. Руководитель поселения, или передовщик, Василий Звездочётов оказался жестоким и властным самодуром. Часть поселенцев он замучил до смерти, часть недовольных отправил на Камчатку. К концу 1790-х гг. в Курилороссии осталось двенадцать мужчин и три женщины. Когда в 1807 г. Уруп посетили лейтенанты Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов на «Юноне» и «Авось», они не застали здесь никого из русских. По некоторым сведениям, после смерти В. Звездочётова поселенцы перебрались на Итуруп и прожили там около десяти лет, торгуя с японцами [9, с. 365]. По другим данным, семеро сразу вернулись на Камчатку.

В 1828 г. на Урупе, на том же месте, служащий Российско-Американской компании мичман Этолин построил базу компании, где поселили алеутов с дальних Алеутских островов. Вторая Курилороссия просуществовала до 1877 г., когда её жителей вывезли на Камчатку, так как Уруп и вся северная часть Курильских островов в 1875 г. оказалась под властью Японии.

Попытка Г. И. Шелихова «завести помаленьку Русь» здесь стала последним шагом России в стремлении закрепиться на Южных Курилах. Создание Курилороссии ограничило японские аппетиты на севере островом Итуруп. В 1798 г. появились японские военные посты на Кунашире, а в 1800 г. — и на Итурупе. Распространить свою власть на Уруп японцы не решились, хотя Токунаи в 1786 г. исследовал и его и считал, как и более южные острова, японским владением. И только наличие на Урупе возобновлённой Этолиным Курилороссии привело к тому, что, подписывая Симодский договор в 1855 г., японцы на Уруп не претендовали.

Бригантина «Архангел Михаил». Первые русские у берегов Японии.
В. И. Шиляев, 2013 г.

Лейтенанты Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов атакуют японцев (из фондов ККОМ)

Путешествие В. М. Головнина на шлюпе «Диана», исследование Курильских островов. В. И. Шиляев, 2013 г.

Национальный герой Японии Такадай Кахей (из фондов ККОМ)

Таким образом, исторический аргумент Японии в её требовании возвращения «северных территорий» по праву японского приоритета в их открытии и освоении, несостоятелен. Русское первооткрытие Южных Курильских островов состоялось в 1739 г., на сорок семь лет раньше японского, а первоосвоение русскими этих островов началось на тридцать лет раньше японского. Для нас, жителей Камчатки, важно ещё и то, что все русские экспедиции на Курильские острова начинались на Камчатке, и с 1711 по 1875 гг. острова находились в подчинении камчатской администрации. И в возвращении всей Курильской гряды в 1945 г. в состав нашего государства наибольший вклад внесли камчатцы. Камчатский десант освобождал большую часть островов, понёс огромные потери. Четверть его участников не вернулась в Петропавловск, так как полегла там. Многие десантники умерли от ран в городских госпиталях.

Южные острова освобождал десант с Сахалина, который не встретил ни одного выстрела с противной стороны — японцы капитулировали, не желая повторить судьбу своих соотечественников на северных островах.

Даже переговоры с Японией о передаче ей «северных территорий» в год шестидесятилетия их освобождения оскорбляли память о тысячах наших земляков-камчатцев, отдавших свои жизни за возвращение Курильских островов стране, которой они принадлежат по праву их первооткрытия.

Источники

1. Аргументы и факты. — 2005. — № 15.
2. Камчатское время. — 2004. — 17 нояб.
3. *Бондаренко О.* Неизвестные Курилы. — М., 1992.
4. Вести.— 2005. — 11 марта.
5. Русская тихоокеанская эпопея. — Хабаровск, 1979.
6. *Черевко К. Е.* Экономическое освоение Сахалина: история и современность // Проблемы Дальнего Востока. — 1979. — № 4.
7. *Головин В. М.* Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о японском государстве и народе. — Хабаровск, 1972.
8. *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. — М., 1960.
9. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. — М., 1989.
10. *Финнов М.* Российского владения земля. — Южно-Сахалинск, 1989.
11. *Дивин В. А.* Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII в. — М., 1971.

12. Землепроходцы. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
13. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. — М., 1984.
14. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — М. : Л., 1949.
15. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. В 2 т. — СПб. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
16. *Алексеев А. И.* Сыны отважные России. — Магадан, 1970.
17. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1759—1772 гг. // Морской сборник. — 1869. — № 6.
18. *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. — М., 1968.
19. *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Облик далёкой страны. — М., 1973.
20. *Полевой Б. П.* Первооткрыватели Курильских островов. — Южно-Сахалинск, 1982.
21. *Таксами Ч. М., Косарев В. Д.* Кто вы, айны? Очерк истории и культуры. — М., 1990.
22. *Накамура С.* Японцы и русские. Из истории контактов. — М., 1983.

«КАМЧАТСКИЕ» ЯПОНЦЫ

В 1702 г. Сибирский приказ от царского имени повелел Якутской воеводской канцелярии послать на Камчатку «охочих людей» для проведывания пути в Японию [18, с. 435]. Поводом к этому явилась «скаска» японца Денбея Татэкава, доставленного В. Атласовым с Камчатки, записанная в Сибирском приказе в январе 1702 г. [18, с. 502—508], и упоминание самим Атласовым об островах, которые он видел, будучи на Первой Курильской реке (Озерной) [4, с. 29].

С этого момента русские власти стремились найти морской путь с Камчатки в соседнюю страну, тщательно собирали сведения о ней с целью установления дружеских отношений и торговли. Эти усилия завершились через сто пятьдесят лет подписанием 7 февраля 1855 г. Симодского трактата.

До этого было предпринято несколько попыток установления добрых отношений с Японией, не удавшиеся по разным причинам:

— первое посещение четырьмя русскими кораблями под командованием М. П. Шпанберга в 1739 г. в рамках Второй Камчатской экспедиции;

— в 1778 и 1779 гг. экспедиция И. М. Антипина и Д. Я. Шабалина вела переговоры с японцами в Аккеси на острове Хоккайдо об установлении торговых отношений, но те ответили отказом;

— в 1792—1793 гг. Хакодате посетило посольство А. К. Лаксмана, получившее согласие на заход одного русского торгового судна

в год в порт Нагасаки, но Россия, к сожалению, не воспользовалась этим;

— в 1804—1805 гг. состоялось посольство Н. П. Резанова, закончившееся отказом японцев установить торговлю с Россией.

Последние две экспедиции в качестве повода для посещения «закрытой» в то время Японии использовали доставку на родину японских моряков, потерпевших крушение у камчатских берегов. Все попытки установления отношений с Японией совершались с Камчатки: Шпанберг плавал туда из Большерецка, Антипин и Резанов — из Петропавловска. Да и экспедицию 1792 г. Екатерина II первоначально предполагала отправить с полуострова во главе с камчатским комендантом. Все известия о загадочной стране в Россию приходили с Камчатки. Первые сведения о ней сообщил упомянутый японец Денбей Татэкава, в 1713 г. ценные данные собрал И. П. Козыревский из расспросов пятерых спасённых им японцев. В 1791 г. новые данные сообщил в Иркутске профессору Лаксману привезённый с Камчатки Кодаю Дайкокуя, а затем он подробно рассказывал о Японии самой императрице, в 1812—1813 гг. в Петропавловске Такадая Кахэй много поведал о своей родине П. И. Рикорду.

На протяжении ста десяти лет в России существовала школа японского языка, с 1705 по 1753 г. — в Петербурге, а с 1754 по 1816 г. — в Иркутске. Преподавали в ней японские моряки, доставленные с Камчатки. Лишь один из учителей этой школы — Андрей Богданов — родился в России, но отцом его был японский моряк Санима, привезённый с Камчатки в Петербург в 1714 г.

Всего за сто пятьдесят лет (до 1850-х гг.) на Камчатке побывали десятки потерпевших крушение японцев. Несколько человек попали на полуостров насильно: их захватили русские на Курильских островах и Южном Сахалине и доставили в 1806 г. на судах «Юноне» и «Авось» Н. А. Хвостовым и Г. И. Давыдовым и в 1812 г. П. И. Рикордом на шлюпе «Диана». По-разному сложились их судьбы. Многие погибли в стычках с местными жителями, умерли от голода, холода и болезней, некоторым посчастливилось вернуться на родину, часть спасённых приняла православие и осталась в России. Были среди них и чистокровные самураи, и купцы, но большинство являлось простыми моряками.

Те, кому довелось вернуться в Японию, много сделали для изменения представлений о России и русских к лучшему. Они расставались с русскими людьми со слезами на глазах, рассказывали об их доброжелательном отношении к ним. Искренне дружеские отно-

шения сложились у Кодаю Дайкокуя с камчатским чиновником Т. Ходкевичем, комендантом Нижнекамчатска Орленковым, профессором К. Г. Лаксманом и его сыном Адамом, у Такадая Кахэя — с командиром «Дианы» П. И. Рикордом, захватившим его в плен, но относившимся как к равному.

Почти все японцы, попавшие на Камчатку, стали жертвами стихии. Некоторых из них доставили на полуостров с Курильских и даже с Алеутских островов. Ни одно из потерпевших крушение судов не плавало к берегам Камчатки специально, они были приспособлены лишь для прибрежного мореходства. Русские называли их «бусами». Буса — это большая лодка с одной мачтой и одним парусом, без надстроек и кают, на ней имелся лишь трюм для грузов.

Вот какое описание бусы даёт Денбей: «...японские суды делаются без крышек, только для бережения товаров делается на всяком судне по чюлану с покрышкою. А как на море бывает дождь, тогда дерево щогольное (щоголь — мачта. — *В. А.*) снимают и положат вдоль по судну и покрывают от дождя бумагою, которая держана в рыбьем жиру. А как великими волнами судно станет бить, и в судно воду плескать, и по самой нужде то судно лехчат (облегчают. — *В. А.*) — бочки с вином и иные тяжёлые товары бросают в море, а как-то их судно лехко будет, тогда воды в него плескать не станет, и то судно по морю носит многие месяцы» [18, с. 506]. Экипаж бусы обычно составляли пятнадцать-двадцать человек.

Законами Токугавы, «закрывшими» Японию от внешнего мира в 1637—1639 гг., не разрешалось строить более крупные суда, так как японцам запрещалось покидать пределы страны. Мореходство в Японии было развито с древнейших времён. Море для японцев всегда было кормильцем, по нему же шла основная торговля между прибрежными городами и княжествами. Навигация проходила круглогодично. Известно, что в гавани Эдо (Токио) и Осаки ежедневно заходили до ста и более судов с разными товарами. Многие из них не достигали цели: они либо гибли в пути, либо их выбрасывало на побережье Китая, Филиппин и даже Америки.

Американский историк Д. Кин пишет, что в 1685 г. португальцы доставили в Нагасаки двенадцать японских моряков, выброшенных близ Макао в Южном Китае [5, с. 51].

На первом заброшенном таким образом на Камчатку судне, о котором сохранились достоверные свидетельства, плыл Денбей Татэкава. Его в 1697 г. нашёл В. Атласов в ительменском селении

в районе реки Ичи. «И... пошёл он, Володимер, вперёд подле Пенжинское (Охотское. — *В. А.*) море на Ичю реку. И услышал он, Володимер с товарищи, у камчадалов: есть де на Нане реке у камчадалов же полоненик... И он де, Володимер, велел его привесть к себе... И сказался тот полоненик ему, Володимеру, он де Узакинского государства, а то де государство под Индейским царством» [4, с. 23].

Это первое сообщение В. Атласова об иноземце, найденном им на Камчатке, было записано в Якутске 3 июня 1700 г. Из слов пленника Атласов понял, что он из Индии и называет его «индейцем». Эта ошибка Атласова вызвана созвучием названий «Индия» и «Эндо» (Эндо или Эдо — так прежде называли город Токио). А Узакинское государство — княжество и город Осака. Вот как передаёт Атласов рассказ Денбея о его странствиях: «Шли де они из Узакинского государства в Индею на двенадцати бусах, а в бусах де у них было — у иных хлеб, у иных вино и всякая цениная (фарфоровая. — *В. А.*) посуда. И у них де на одной бусе дерево (мачту. — *В. А.*) сломило и отнесло их в море, и носило шесть месяцев, и выкинуло к берегу двенадцать человек, и взяли де их, трёх человек, курильского народа мужики, а остальные де подле того же морского носу в стругу угребли вперёд, а где девались — того он им не сказал. И товарищи де ево два человека, живучи у курилов, померли, потому что они к их корму не привычны: кормятся де они, курилы, гнилою рыбою и кореньем. И тот индеец им... сказал про себя, что он по-своему грамоте умеет, и был подьячим и объявил книгу индейским письмом, и ту книгу привёз он, Володимер, в Якутской» [4, с. 23].

В. Атласов из-за плохого перевода не совсем точно излагает некоторые сведения о приключившемся с Денбеем. Атласов привёз пленника в Анадырский острог и хотел его сам доставить в Якутск. «И тот полоненик шёл с ними пять дней и ногами заскорбел, потому что ему на лыжах ход не за обычей (непривычен. — *В. А.*) и итти было ему невмочь, и он де, Володимер, того полоненика с дороги с провожатыми возвратил в Анадырской» [4, с. 24].

Через восемь месяцев после первой, 10 февраля 1701 г. в Москве в Сибирском приказе записали вторую «скаску» Атласова. Он ещё не знал, что найденный им «полоненик» — японец: «А полоненик, которого на бусе морем принесло, каким языком говорит — того не ведает. А подобием кабы гречанин: сухощав, ус невелик, волосом черн... У иноземцов жил он до него, Володимера, два ж годы. А сказывался индейцом, и золото де у них родится много,

палаты цениные (мраморные. — *В. А.*), а у царя де индейского палаты сребряные и вызолочены» [4, с. 30].

Со «скаской» Атласова ознакомился Пётр I. По его требованию в Якутск было послано указание: срочно доставить иноземца в Москву. Якутский воевода Дорофей Траурнихт отправил Денбея в сопровождении казачьего пятидесятника Софронеева. В конце декабря иноземца благополучно доставили в столицу, и в начале января 1702 г. в селе Преображенском с ним беседовал сам царь, а в Сибирском приказе со его слов записали «скаску». В ней он впервые назван японцем. Денбей приводит множество интересных сведений о государственном устройстве, географическом положении, климате, религии, хозяйстве, торговле, занятиях жителей, быте, мореплавании, вооружении армии Японии. Из этого документа в наше время стало известно точное имя и фамилия Денбея — Дэмбэй Татэкава. Его подпись под «скаской» в 1968 г. расшифровал японский археограф С. Хаттори.

Рассказ Денбея о его приключениях уточняет пересказ Атласова: «А тот полоненик... сказался: Денбеем зовут, Дисаев сын, родом Японского острова города Осакка... А он де, Денбей, с товаром хозяина ево с наемными людьми, всего пятнадцать человек на судне, да с ними на иных на тридцати судах — на бусах, или на кораблях... Пошли было парусами по морю-окиану того ж Японского острова (Хонсю. — *В. А.*) в город Енду (Эндо — Токио. — *В. А.*), который стоит на взморье, разстоянием от Асакка с семьсот вёрст. А товары с ними были: пшено сорочинское да вино пшонное (сакэ. — *В. А.*), да камки (шёлковая ткань с рисунком. — *В. А.*) и китайки (бумажная светло-жёлтая ткань. — *В. А.*), бумага хлопчатая, сахар белой мелкой, что мука, и леденец, да дерево сандал, да железо — для мены на шёлк и на дощатое железо, и на полотна крапивные, и на золото, и на серебро, для того, что серебро и золото печатают только в двух городах — в Меаке (дословно — столица, имеется в виду город Киото. — *В. А.*) и в Енде, и владетель их (император. — *В. А.*) в тех двух городах, переезжая, живёт.

И на окиане де море их суды волнами рознесло... А их де судно носило по морю великим ветром двадцать восемь недель, и они де, избывая от ветру, щоглу с парусами срубя, опустили в воду, а с теми парусами потонуло у них два человека. А в том судне была с ними пресная вода, взятая из Осакка города, и той воды стало им на два месяца, а как воды не стало, тогда они пшено варили в вине и, то вино выцедя, подсычивали пшено сахаром, леденцом и понемногу питались. И как де ветры престали, тогда

они по матошнику (компасу. — *В. А.*) усмотрели, что их далеко в море занесло, стали вымышлятца, как бы им назад возвратитца? И нашли на море небольшое дерево с коренем, и то дерево вместо щоглы на судне они поставили и сшили из камок парусы.

И теми парусами принесло их к Курильской земле (так Атласов назвал южную часть Камчатки, населённую курильцами-айнами. — *В. А.*), и они, увидя реку, пошли тою рекою вверх, и дошли до курильского народу (впоследствии И. П. Козыревский писал, что это была река Опала. — *В. А.*). И от тех курильских народов пришёл к ним один человек, и он де, Денбей, с товарищи своими, хотя уведомитца, стали для познавания земель и языка писать на бумаге, и то письмо отдали тому курилу, чтоб он также по своему языку написал. И курил де тое бумагу положил в пазуху, потому что де камчадальские и курильские земли у народов никакова письма нет, — и пошёл от них прочь. А наутро де пришло их в четырёх лодках человек с двадцать и, посмотря на них, пошли прочь. А в ночи де пришло их в сорока лодках человек с двести, и почали на судно по них, Денбею с товарищи, стрелять из луков и топорами каменными и костяными судно их рубить, и его, Денбея, из лука у левые руки по персту ранили. И они де, Денбей с товарищи, видя их многолюдство, стали из судна выносить камки и китайки, и железо и отдавать им, чтобы их не убили. И курильские де люди те камки и китайки, и железо у них взяли. А пшено и сахар нюхали, и что запаху никакова оттого нет, також и вино, которого с ними было с пятьсот бочек, — понюхав, бочки розсекли и пометали то пшено и сахар и вино вылили в воду, а бочки оставили себе класть рыбу, для того, что де в Курильской и в Камчадальской земле никакой посуды у иноземцев нет, а рыбу кладут в ямы, а поверх накрывают деревьем и травою. И та рыба вся измыловеет, и они тое рыбу кладут в корыта и наливают водою и разогревают горячим каменьем, да к тому прибавляют грибов мухоморов, и то пьют, и гостей, свою братью, подчивают, и бывают оттого пьяны.

А он де, с товарищи Денбей, того их питья пить не могли, а ели корение и рыбу, которая не больно залежалась.

Да и оне ж, курильские люди, двух человек из них, которые, будучи на судне, на море от великих слёз ослепли, — убили до смерти. А ево де, Денбея, взял один человек и свёз на Камчатку реку (видимо, на Ичу. — *В. А.*). А товарищи ево десять человек остались у тех курилов (Атласов говорит о трёх пленниках. — *В. А.*). А вместе он с товарищи своими жил у тех курилов с месяц.

А на Камчатке реке жил он, Денбей, до приходу Володимера Отласова с товарищи близко году (Атласов говорит — два года, то есть, по Денбею их выбросило на камчатский берег в 1696 г., по Атласову — в 1695 г. — *В. А.*), и по их камчадальскому языку немногие слова стал познавать и слышал от тех камчадальцов, бутто к той Курильской земле приходили люди на бусах, или на кораблях, и тех товарищев ево десять человек взяли с собою, а их ли Японские земли или китайские люди были, про то он не ведает (скорее всего, это были айны с южных Курил, которые торговали с японцами и привозили японские товары на север и на Камчатку в обмен на каланов, орлиные хвосты и перья. — *В. А.*).

И как Володимер Отласов с казаками в Камчадальскую землю пришли, и он де, Денбей, видя у них в естваx чистоту, приехал к ним, чтоб ево от голоду не покинули, и Володимер де с товарищи взяли ево, Денбея, к себе, а камчадальским иноземцам не отдали и вывезли в Сибирскую землю.

А как он, Денбей, из города Асакка на море пошёл — тому ныне седьмой год (то есть он вышел из Осаки в 1695 г. — *В. А.*). И в городе Осакка есть у него, Денбея, жена да двое детей» [18, с. 504].

«А из дому он, Денбей, пошёл зимою... А та Курильская земля, как оне от востоку шли, была у них в правой стороне... А в Камчатской земле до зимы жил он, Денбей, шесть месяцов (можно понять, что к Камчатке их принесло где-то летом 1695 г. — *В. А.*)» [18, с. 506].

Ещё одну интересную деталь приводит Денбей из своей жизни на Камчатке: «А в Курильской де земле тамочные народы взяли у них, Денбея с товарищи, меньших золотых (монет. — *В. А.*) два ящика, пуда по два, и тех золотых они, камчадальские народы, не знают, роздали играть детям своим» [18, с. 507].

Дальнейшая судьба Денбея сложилась так, что вернуться на родину ему уже не довелось. Пётр I приказал обучить его русской грамоте «и ему, Денбею, дать в научение из русских робят человека три или четыре — учить повыкнет и русских робят своему языку и грамоте научит, и ево отпустить в Японскую землю» [12, с. 9].

Но это обещание не было выполнено. Известно, что в 1710 г. Денбей обращался к Петру с просьбой отпустить его на родину, но получил отказ, так как путь туда в то время был неизвестен. По приказу царя его крестили, дав имя Гавриил. Пётр I распорядился содержать Денбея за счёт казны. Известно, что в октябре 1705 г. он приказал генерал-майору Я. В. Брюсу выяснить, выучился ли он русскому языку и «своему языку и грамоте робят сколько человек выучил, и ныне учит ли?» [9, с. 55].

Денбей преподавал сначала в школе для изучения иностранных языков при Посольском приказе в Москве, а когда в 1705 г. при Петербургской мореходной математической школе открылась школа японского языка, Денбея назначили преподавать в ней.

В 1714 г. в помощь Денбею с Камчатки был прислан японец Санима, также попавший в плен к камчадалам и освобождённый приказчиком Чириковым. Неизвестно, хорошим ли учителем японского языка был Денбей, его ученики никак себя не проявили. Но от него в России были впервые, из первых рук, от жителя самой Японии, получены достоверные данные об этой стране. До этого о ней имелись очень скудные сведения. Они содержались в книге «Космография», написанной в 1670 г. в Холмогорском монастыре. В ней есть глава, посвящённая Японии, «О Иапонии или Япон-острове», где приводятся некоторые не совсем достоверные данные о географическом положении, климате, флоре и фауне, природных ресурсах, системе управления, занятиях, религии, нравах и обычаях. Например: «Иапония — большой остров, лежит в семистах верстах к востоку от Китая, богат золотом, серебром и другия сокровища». Отмечалось, что японские обычаи и письменность схожи с китайскими, что японцы — «люди свирепые», «казнили многих португальских и испанских иезуитов» [9, с. 30—32].

После Денбея в первые годы русского правления на Камчатке были найдены ещё несколько потерпевших крушение японских моряков, но имеющиеся о них данные очень скудны, кроме одного — Санимы. Об остальных японцах мы встречаем сведения у С. П. Крашенинникова в его «Описании земли Камчатки» и в тексте «Чертежа Камчадальского Носу и морским островам» И. П. Козыревского. Последний упоминает, что приказчик Тимофей Кобелев, собиравший ясак в 1700—1704 гг., вывез в Якутск японца с бусы, разбившейся на восточном побережье в районе реки Асача, и что он сам «лес видел бусеной в строении у иноземцов» [19, с. 48]. Крашенинников пишет о том, что в 1710 г. приказчик Пётр Чириков спас на Бобровом море (так русские называли Кроноцкий залив) четверых японцев с разбитой бусы. «И понеже японцы полонены были немирными камчадалами, которые близ оной бусы жили, то Чириков имел случай четырёх бывших у них японцев выручить; ибо изменники, увидев служивых, в бой с ними вступить не отважились, но, оставя японцов, разбежались по лесу» [6, с. 204—205].

Об этом случае есть запись у Козыревского на «Чертеже...» против рек Шемячик (Семячик) и Берёзовых: «Меж сими реками,

оставя бусу, в шлюпке нифонцы выехали на землю, и в то время неприятельские иноземцы в полон взяли и одного убили». А рядом следующая запись: «Калигерская губа (Калыгирь. — *В. А.*). На сем носу в прошлом 710 году в апреле месяце бусу разбило пустую, понеже что было у них, то всё в море сами, они иноземцы, сбросали. И носило четыре месяца. А бусу на море видели ещё в марте месяце, как носило» [19, с. 47].

Из этой записи на «Чертеже...» можно понять, что японская буса в декабре 1709 г. потерпела крушение у берегов Японии, её четыре месяца носило по морю, а в марте прибило к берегам Камчатки, где оставшиеся пять моряков (а, возможно, девять, считая, что четверо, спасённых П. Чириковым, это не Кист и Китара) пытались уберечься на берегу, но были захвачены камчадалами.

В следующем упоминании Козыревского о японцах год, когда они были найдены, не ясен, а место — район Шипунского полуострова: «Шипун. В сих урочищах двух человек нифонцов, Киста, Китара, служилые люди взяли, а я в то время морем шёл и якори четыре (видимо, японские. — *В. А.*) из моря вынял и на земле в удобное место положил. А ныне где оные: или иноземцы нашли и взяли — и о том не ведаю» [19, с. 48].

Возможно, Кист и Китара — это японцы, спасённые П. Чириковым от «немирных» камчадалов в 1710 г., но Крашенинников сообщает о четверых, найденных в этом районе.

Ещё троих моряков с того же судна И. П. Козыревский нашёл в 1711—1713 гг. на западном побережье в районе реки Явиной: «Да с разбойной же (разбившейся. — *В. А.*) бусы иноземцов трёх человек: Ширюкея, Тиски, Сана — по разным рекам брал в показанных годах (1711—1713. — *В. А.*), в том же числе и выкуп дал за одного» [19, с. 47]. Одного из них, Сана (он же Сак, Санима), Козыревский брал с собой во второй поход на Курильские острова в 1713 г. в качестве переводчика на случай встречи там с японцами. Это именно тот Санима, который в 1714 г. стал помощником Денбея в школе японского языка в Петербурге.

Эти пять японцев (двое — на восточном побережье, трое — на западном) прибыли на Камчатку на одном судне: «Из Кинокуни города ходили в государство (так Козыревский называет столицу Японии Эдо — Токио. — *В. А.*) оные иноземцы Кисть, Китара, Ширюкей, Тиски, Сан — всех четырнадцать человек с торгом, а именно с лесом. И, продав лес, купили вина, табаку, гороху и, возвратясь, своего городу недошед дни за три, и отнесло ветром в море, а хозяин из государства горою (сушей. — *В. А.*) в свой город

уехал. А как их отнесло от земли и стало на море бить волнами, и они дерево (мачту. — *В. А.*) и со снастьми опустили и якорь с шеймою потеряли. А оные люди были работные по найму. Особливое владение (княжество. — *В. А.*) — город Кинокуни. А владетель — узакинский царь... родственник ближной (императору? — *В. А.*)... И сего города жителей в прошлом 710 году в апреле месяце в Калигерной губе морем к земле разбило, а носило их на море, сказывали, четыре месяца» [19, с. 52]. Получается, что эти пять японцев и четверо, спасённых П. Чириковым, приплыли на одном судне и были земляками Денбея.

От найденных им японских моряков Козыревский получил очень подробные сведения об их стране. Это особенно важно, потому что первый капитальный труд о Японии издан в Европе Кемпфером в 1728 г., то есть через пятнадцать лет после Козыревского.

Козыревский, правда, ошибался в том, что от Камчатки до Японии не так далеко: «И по скаске их, иноземцев (итурупца Шитаная. — *В. А.*), до японского первого города Матмая не доходили де за семь дней, да они ж, иноземцы, сказывали, что... от последнего острова (Кунашира. — *В. А.*) до Матманского японского города проезжают судами дни в три и в четыре, а как они поехали от островов и приехали в пять дней к Камчатской земле» [19, с. 28].

Козыревский был первым, кто предположил, что японские острова являются продолжением Курильской гряды. Он называет Матмайский остров (Хоккайдо) двадцать вторым, а Нифон остров (Хонсю) — двадцать третьим от Камчатки [19, с. 34]. Уроженец южного Курильского острова Итуруп Шитанай, пленённый Козыревским в 1713 г. на Парамушире, сообщил ему о Курильской гряде до Матмайского острова, а о Нифоне рассказали японские пленники.

«Матмайский остров. На сем концу стоит Матмай-город (Мацумаэ. — *В. А.*) по край проливы, а по скаскам полоненных иноземцов Кистя, Ширюкея, Сана и других построен вновь не из давних лет (княжество Мацумаэ основано в 1601 г. — *В. А.*); а которые люди явятца в каких винностях, и тех с Нифона острова ссылают в Матмай город в ссылку» [19, с. 50].

Множество сведений о географии, политическом устройстве, быте, обычаях, армии и вооружении, торговле, промышленности, религии, сельском хозяйстве Японии сообщает И. П. Козыревский со слов спасённых им японцев. Так, он говорит, что «народ острова сего Нифона на пищу себе коров не бьют и мяс их не едят, и ружья при себе держать им не повелено, кроме сабель, и то у знатных людей,

также и торговым людям не велено, которые ходят и морем (поэтому японские моряки не оказывали сопротивления нападавшим на них аборигенам. — *В. А.*). А в службу де выбирают великовозрастных людей и обучают по своей обыкности в особливом городе и тогда приводят в государство. А к воинскому делу весьма неискусны и боязливы. Которые у меня в полону были, когда увидят человека кровава, и тогда падут на землю или руками глаза закроют, и про других своих людей тако ж сказывали» [19, с. 51].

«А войны из давних лет у них на Нифоне острове меж большими и другими владельцами, и нифонским и узакинским, не сказывали, но токмо мир меж собою имеют и торги водят. В полуденной — в подданстве узакинскому, а во востоке и севере — нифонскому. А все ли владельцы (князья. — *В. А.*) в подданстве или не все ко оным большим государствам, о том в достаток не уведомился, понеже полонённые мною и служилыми людьми нифонцы русскому языку в достаток не навыкли; також и я большим разговором и поступками не заобыкновенен прежде того иностранных государств людей не видал...

Иные полонённые нифонцы сказывали: всех де особливых владельцов (княжеств. — *В. А.*) у них на Нифоне острове близ седмидесять, у которых городы каменные и малые пригородки под ними. Да у них же, на Нифоне острове, обретается великой властитель (император. — *В. А.*)... и оному поклоняются большие их цари и владельцы, и весь народ... что богу» [19, с. 51].

«А хлеб у них родится по трижды в год, а овощ и всякой земляной плод — безпрестанно; а табак сеют, и множество родится, и делают; а шёлковые и бумажные товары делают, ткут мужики и бабы, и оттого одежду имеют торговую.

Государство стоит в великой губе морской над рекою, званием их Эдо, общим называют Нифонское, а люди называются нифонцы. А... морские суды... приходят и отходят безпрестанно, понеже зимы нет, в полдень — в Узаку, а в сивер — к камчатской стороне, к Матмаю и в другие городы...

И царя своего не видают. А когда бывает ему ход, и в то время падут на землю, и смотреть не смеют, и именем вслух назвать меж собою при других людях не смеют же» [19, с. 52].

Вот такие и много других свидетельств о своей неведомой в то время в России, да и в Европе тоже, родине поведали пленённые Козыревским японцы, несмотря на то, что они с трудом понимали друг друга («нифонцы русскому языку в достаток не навыкли», как выразился И. П. Козыревский).

К сожалению, их дальнейшая судьба, кроме Санимы, неизвестна. Он в Петербурге женился на русской. Его сын Андрей Богданов работал в библиотеке Академии наук, а затем, как и его отец, стал преподавать в школе японского языка. С его именем связывают создание первых в России японских словаря, разговорника и грамматики [13, с. 39].

Следующий эпизод, связанный с «камчатскими» японцами, произошёл у берегов полуострова в 1729 г. Он имел трагические последствия. Его описание можно найти у С. П. Крашенинникова и А. С. Сгибнева. А впервые о нём сообщает В. Й. Беринг. В декабре 1730 г., вернувшись из Первой Камчатской экспедиции, он представил в Сенат предложения о мерах по устройству жизни и быта населения Сибири и Камчатки. В числе прочих событий, случившихся в его бытность на полуострове, он сообщает: «Прошлого 1729 года... по прибытии моём в Большеретцкий острог репортовал подмастерья Козлов (строитель бота «Святой архангел Гавриил». — *В. А.*), что видели подле берегу ходящих людей иностранных, а признаваем, что подлинно японского народу, и показал мне железа, трости и бумагу, что они нашли на малом острову близ Авачина...

Того ради приказал я тамошнему управителю, чтоб послать служивых искать, где оные люди обретаютца, и привесть их под охранением, а ежели впредь вышеписанный японской народ (найдётся), то, по моему мнению, надлежит тех людей отправить на нашем судне в их землю и проведать путь, и можно ли с ними иметь торг или каким другим образом к пользе нашему государству что присмотреть, понеже до самые японские земли от Камчатского Угла имеются острова, и не в дальном растоянии остров от острова» [19, с. 96].

В последующем предложение Беринга о возвращении потерпевших крушение у берегов Камчатки японских моряков на родину, как предлог для установления торговых отношений с Японией, использовалось неоднократно (миссия Лаксмана, посольство Резанова и прочие).

Подробности о появлении этих японцев на Камчатке и об их трагической судьбе сообщает С. П. Крашенинников: «В том же 1729 году летним временем принесло к камчатским берегам между Курильскою Лопаткою и Авачею японскую бусу, на которой было семнадцать человек и несколько товаров; но оные нещастливые люди побиты от случившегося в тех местах пятидесятника Штинникова, кроме двух человек, которые в Санкт-Петербург

высланы и имели без сумнения случай к удовольствию своему слышать о казни сего злодея за неповинные убийства земляков своих» [7, с. 222—223].

Крашенинников имел в виду то, что в 1739 г. походная розыскная канцелярия во главе с майорами Василием Мерлиным и Дмитрием Павлуцким, завершив расследование по делу о восстании камчадалов в 1731 г., приговорила к повешению двух приказчиков за неправильные поборы с камчадалов и пятидесятника Штинникова за убийство пятнадцати японцев [20, с. 54].

Далее Крашенинников пишет, видимо, пересказывая самих японцев: «Оное судно по-японски называлось “Фаянк-мару”, было из города Сацмы, отправлено с сорочинским пшеном, с камками, полосином, пищею бумагою и другими вещами в город Азаку (Осаку. — *В. А.*) и, следуя к оному окияном, сперва бежали благополучным ветром, потом претерпело противную жестокую погоду восемь дней, которою отнесло их в открытое море, где уже пути своего не узнали. В море носило их так, как веяли ветры, шесть месяцов и восемь дней... Между тем принуждены они были выметать все свои товары, снасти, якори и срубить мачту, а руль отбило погодою, вместо которого употребляли они долгия брёвна, привязав их за корму... Наконец принесло их к камчатским берегам близ Курильской Лопатки, где они от берегу верстах в пяти, брося остальные свои якори, остановились и начали свозить нужныя вещи на берег. Потом и все съехали на землю... и поставя шатер двадцать три дни покой имели, не видав никого из камчатских обывателей, и между тем большее их судно унесло погодою.

После того нашёл на них казачей пятидесятник Андрей Штинников с камчадалами. Японцы обрадовались людям, хотя языку не разумели. Начали им оказывать всякую склонность к приветствию, дарить платьем, и что у них было; напротив чего и с другой стороны приятствовали, только под видом (делали вид. — *В. А.*), и Штинников стоял в десяти саженях от стану целые два дни; наконец он с камчадалами скрылся от японцов в ночное время к немалому их сожалению. Следующаго дня собрались японцы в малое своё судно, погребли близ берега с тем, чтобы сыскать жильё какое, и отъехали вёрст с тридцать, нашли на берегу большее своё судно, которое Штинников ломал с камчадалами и обирал железные припасы. Японцы, несмотря на гибель своего судна, продолжали далее путь свой стороною; но как увидел их Штинников, тотчас приказал камчадалам перенять и побить их. Японцы, видя лёгкое судно, за ними гонящее, и предвидя свою

погибель, вначале стали ублажать и умилостивлять поклонами, но как вместо склонности увидели пускаемыя стрелы, то инные пометались в воду, а остальные отчасти копьями переколоты, отчасти собственными своими саблями, которые подарили Штинникову в знак своей покорности, перерублены и в море помешаны; токмо в живе оставлены двое, именем Гонза (Гондзо. — *В. А.*), который был при отце своём штурмане для обучения мореплавания, но и тот в руку раненой; а другой старой (тридцать пять лет. — *В. А.*), именем Соза (Содзо. — *В. А.*), который взят был от купечества для провожания помянутого судна, и которой, было, бросился в море.

Штинников, получа малое их судно, всё, что на оном было, себе взял: большое судно для железа сжёг, японцов захолопил и со всею тою корыстью в Верхней острог (Верхнекамчатск. — *В. А.*) поехал, надеясь пользоваться варварством приобретённою добычею» [7, с. 222—224].

Некоторые детали к рассказу Крашенинникова добавляет А. С. Сгибнев [20, с. 41]. Прибывший в Верхнекамчатск приказчик Иван Новгородов посадил Штинникова в тюрьму, а японцев отвёз в Нижнекамчатск и передал штурману Якову Генсу. Отсюда по приказу майора Д. И. Павлуцкого их отправили в Якутск, оттуда в Тобольск, затем в Петербург, где их представили императрице Анне Иоанновне. В 1734 г. их крестили. Гондзо стал именоваться Дамианом Поморцевым, а Содзо — Козьмой Шульцем. Их направили в Академию наук для обучения русскому языку, а в 1736 г. они стали учителями в школе японского языка. Но работать им пришлось недолго: в том же 1736 г. на сорок третьем году жизни умер Содзо — К. Шульц, а в 1739 г. — двадцатиоднолетний Гондзо — Д. Поморцев. С. П. Крашенинников пишет: «Для памяти сего случая, что из толь отдалённого места были люди в России, приказала Академия срисовать их и снять с лиц алебастровыя формы, которыя в Императорской кунсткамере поныне находятся» [7, с. 225].

В 1744 г. на курильском острове Маканруши русские встретили японца по имени Игач и доставили его на Камчатку. Неизвестно, каким образом он попал на Курилы. Игач советовал русским отправлять суда в порты Эдзо (Матмая — Хоккайдо) с сукном, кожами, китовым жиром и вяленой рыбой [13, с. 62].

Весной 1745 г. судно, шедшее с острова Эдзо в Эдо (Токио) с грузом леса, вяленой рыбы и рыбьим жиром, было занесено далеко на север и разбилось у пятого курильского острова Онекотана. Капитан и шесть моряков погибли, а десятерых обнаружил сбор-

щик ясака Матвей Новограбленный и привёз в Большерецк. Японец Юсончей, назвавшийся старшим, передал русским два меча, документы погибшего судна и подписал ландкарту, составленную по его рассказу о плавании и посещённых им островах. Все это отослали в Петербург. Сенат и Адмиралтейств-коллегия предписали местным властям отобрать из спасённых пять «умных и способных» и отправить их в Петербург в качестве учителей японского языка. К этому времени в школе японского языка преподавал лишь один Андрей Богданов. Сначала всех японцев отправили в Иркутск.

Известно, что в Петербург был направлен лишь один из них — Токубай [13, с. 39, 60—61]. А вскоре, в 1753 г., закрылась школа японского языка в Петербурге и открылась в 1754 г. в Иркутске, где и просуществовала до 1816 г. Видимо, и в 1750-е гг. японцы попадали в Россию, но сведений о них найти не удалось. Известно лишь, что в Иркутской школе в 1761 г. работали семеро японских учителей, было пятнадцать учеников [9, с. 57].

Самую большую известность и в России, и в Японии получил Дайкокуя Кодаю. Он внёс самый значительный вклад в развитие взаимопонимания между нашими странами, что привело к согласию Японии на торговлю с Россией, выразившееся в том, что японские власти выдали в 1793 г. руководителю русской миссии в Японию А. К. Лаксману, доставившему Кодаю на родину, «Лист о позволенном ходе в Нагасакскую гавань». Впервые Япония разрешила русским торговым судам посещать их страну. До этого таким правом пользовались только голландцы. К сожалению, Россия не воспользовалась этой возможностью, а двенадцать лет спустя посольству Н. П. Резанова, в 1805 г. также доставившему на родину японских моряков с Камчатки, было отказано и в торговле.

О Кодаю и его спутниках написано много и в России, и в Японии. Довольно подробно сообщал о нём посланник Лаперуза Лессепс, встречавшийся с ним в 1787 г. в Нижнекамчатске.

13 декабря 1782 г. (К. Г. Лаксман называет 1783 г.) тридцатидвухлетний Дайкокуя Кодаю в качестве капитана судна «Синсемару» с грузом риса и других товаров вышел из гавани Симодо с экипажем в семнадцать человек. Только двоим из них посчастливилось через десять лет вернуться на родину: самому Кодаю и девятнадцатилетнему матросу Исокити. Судно попало в шторм, сломался руль, пришлось срубить мачту. Более семи месяцев их носило по океану. Когда кончилась питьевая вода, приходилось собирать дождевую, подставляя все имевшиеся на судне ёмкости:

бочки, тазы, миски. На «Синсе-мару» находилось пятьсот мешков риса, поэтому они не голодали. Тем не менее, один матрос умер.

20 июля 1783 г. (у Лаксмана — 1784 г.) их прибило к незнакомому острову, на котором не росло ни деревца. Это был алеутский остров Амчитка. Здесь они встретили семерых алеутов и группу русских промышленников, старшим у которых Кодаю называет некоего Невидимова. В первую же ночь японское судно штормом выбросило на камни, поэтому японцам пришлось остаться на острове. С русскими у них сложились дружеские отношения, но от сурового климата и непривычной пищи за время пребывания здесь умерли семь человек.

В 1785 г. за русскими промышленниками пришло судно, но и оно разбилось, а команда высадилась на остров. По словам Невидимова, русские суда заходили сюда не чаще, чем раз в пять лет. Лаксман пишет, что японцы «принуждены были остаться на сем острове чрез три года и один месяц, в которое время руские промышленники построили из своего разбитого лиственнишнаго судна и из остатков японскаго, из красного и канфарного дерева состоявшего, буса, новое судно, и на оном вывезли в сентябре месяце 787 года в Нижнекамчатск оставшихся девять человек японцев...» [19, с. 285].

В русских документах впервые об этом 28 января 1788 г. сообщает в рапорте вице-президенту Адмиралтейств-коллегии графу И. Г. Чернышёву участник Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева капитан-лейтенант Р. Р. Галл, который, командуя кораблём «Слава России», заходил в 1787 г. в Петропавловск: «В 783-м ис простирающихся от Камчатки, клонящихся к северо-востоку островов, на одном, имянуемом Амчитке, на коем жительствуют алеуты, разбило ж японское судно, с котораго спаслось девять человек японцов, и оныя в 787-м на компанейском же судне вывезены в Камчатку» [19, с. 248].

Кстати, в том же году, по сообщению Роберта Галла, компанейское судно «Св. Георгий» доставило в Нижнекамчатск ещё двух иностранных моряков с разбившегося в октябре 1786 г. у острова Медного английского судна Ост-Индской компании под командой капитана Петерса. Р. Галл называет одного из спасшихся и зимовавших на острове Медном бенгальцем, то есть индийцем, а другого — арапом (негром). Этих моряков затем доставили в Петербург для отправки их в Англию. В Большерецке с ними встречался посланник Лаперуза Ж. Б. Лессепс, который называет одного из них португальцем, а другого бенгальским негром [16, с. 121].

В Нижнекамчатске японцы прожили десять месяцев, до июня 1788 г., русские относились к ним дружелюбно. Зимой через Нижнекамчатск проезжал Лессепс, направлявшийся из Петропавловска в Петербург и далее в Париж. В своей книге «Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири», изданной на русском языке в 1801 г., он оставил любопытное описание жизни японцев в Нижнекамчатске на восьми страницах. Так как это издание на Камчатке имеется лишь в одном экземпляре в малодоступной библиотеке Института вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения Российской Академии наук, приведём это описание достаточно полно. В нём имеется немало любопытных деталей:

«Примечания достойнейшим показалось мне в Нижнекамчатске, и о чём умолчать не могу: девять японцев, которые прошедшим летом занесены были в Алеутские острова, [доставлены] на русском судне, назначенном для торгу выдрами...

Говоривший со мною, по-видимому, имел приметное преимущество пред прочими осмью: известно, что он был купец, а те — матросы, служившие ему. Они ему оказывают отменное уважение и любовь: печалятся и весьма безпокоятся, естьли он когда бывает болен или чем-нибудь огорчён, всякой день по два раза посылают одного наведываться к нему. Можно сказать, что и он с своей стороны не менее дружества оказывает им, ибо не проходит ни одного дня, в который бы он не побывал у каждого, и старается о том, чтобы они ни в чём недостатка не имели; имя его Кодаил (Кодаю. — *В. А.*), видом не странен, но более приятен, глаза не так малы, как обыкновенно у китайцев, нос продолговатой, бороду часто бреет. Ростом около пяти футов и довольно статен. Он носил волосы по-китайски, то есть по средине головы оставлял один клочок волос во всю их длину, а прочие брил, но склонили его наконец отростить и завязывать по-нашему. Чрезмерно боится стужи... (далее идёт подробное описание его одежды. — *В. А.*). Несмотря на суровость климата, у него всегда руки голы и шея открыта; только повязывает ему на шею платок, когда он выходит на стужу...

Преимущество его перед своими соотечественниками долженствовало бы отличить его; но он более заслужил оное своим благоразумием и кротостию. Живёт у господина Орленкова (коменданта Нижнекамчатска. — *В. А.*). Вольность, с какою он входит к коменданту или к другому кому, почли бы в другом месте невежеством; поступает совершенно по своей воле, садится на первый стул, какой попадётся, просит подать того, чего ему угодно, или сам берёт,

естьли близко. Табак курит безпрестанно... Он чрезвычайно проницателен, понимает с удивительною скоростию всё, что ему изъясняют; сверх того очень любопытен и примечателен. Меня уверили, что он ведёт вседневную записку всего, что видит и случается с ним. (Лессепс не ошибся, Кодаю действительно вёл подробный дневник. — *В. А.*).

Буквы показались мне такими же, как и китайския, но иначе пишутся; сии пишут, начиная с правой руки к левой, а японцы сверху вниз; говорит по-русски так хорошо, что понимать можно... Обхождением приятен, нравом постоянен, но очень подозрителен... Я удивлялся его трезвости, что совершенно не сходствует со свойством сея страны...

Я спросил его о товарах, которые были сбережены по разбитии его корабля... Они состояли из чайных чашек, ящиков и прочих тому подобных мелочей; был также очень хороший лак, часть оных уже продал в Камчатке» [11, с. 1—8].

Японские моряки жили в Нижнекамчатске в доме писаря, а сам Кодаю — в доме коменданта Орленкова. Зимою трое японцев умерли от голода, так как отказывались есть говядину и пить молоко. Остальным пришлось питаться мясом, а весной они стали ловить рыбу.

В июне 1788 г. шестерых оставшихся в живых японцев отправили в Иркутск, куда они прибыли 7 февраля 1789 г. От Якутска до Иркутска ехали в разгар сибирской зимы, что явилось причиной смерти по прибытии в Иркутск ещё одного матроса, а другому пришлось ампутировать обмороженную ногу.

В Иркутске двое японцев, окончательно потеряв надежду на возвращение на родину, приняли православие. Одного их них, Седзо, окрестили Фёдором Степановичем Ситниковым, а другого, Синдзо, — Николаем Петровичем Колотыгиным. Они стали преподавать в школе японского языка.

«Из семнадцати японцев в восемь лет умерли двенадцать, — пишет К. Г. Лаксман, — что чрезвычайным показаться может. Однако сие наипаче приписать должно необыкновенным трудностям и заботам, суровому климату, также переменной и худой пище на островах Алеутских и в Камчатке, почему необходимо нужно об отправлении их в отечество помышлять неукоснительно и предохранять их от подобных затруднений» [19, с. 287].

В Иркутске Кодаю познакомился с жившим там профессором, почётным членом Петербургской Академии наук, известным путешественником и естествоиспытателем Кириллом (Эриком

Густавом) Лаксманом, который много сделал для возвращения Кодаю в Японию.

С Лаксманом Кодаю познакомил камчатский чиновник Тимофей Ходкевич, с которым они подружились в Нижнекамчатске. Лаксман называл Кодаю «человеком из первейших в Японии купцов, от коего можно получить довольныя сведения о японской торговле и вообще о его отечестве» [19, с. 285].

На основании бесед с Кодаю, К. Г. Лаксман 26 февраля 1791 г. направил президенту Коммерц-коллегии графу А. Р. Воронцову письмо об оказании помощи японским морякам и о возможности установления торговых отношений с Японией. Сообщая, что у Кодаю есть план возвращения на родину с помощью голландских моряков, он, как когда-то шестьдесят лет назад В. Й. Беринг, предлагал доставить японцев на русском судне и использовать это как предлог для переговоров о торговле. В тот же день К. Г. Лаксман направил А. Р. Воронцову представление «О японском торге», где, ссылаясь на сведения единственного оставшегося в живых и пребывающего в Иркутске участника Второй Камчатской экспедиции девяносточетырёхлетнего Якоба Линденау, обследовавшего по указанию Г. Стеллера устье Амура, говорит о возможности постройки там пристани (порта), куда могли бы приходить японские торговые суда. Другой вариант создания такой пристани и русского селения при нём для торговли с Японией он предлагает «на южных наших Курильских островах» [19, с. 288].

Отправляясь 15 января 1791 г. в Петербург, Лаксман взял с собой Кодаю. В Петербурге они пробыли семь месяцев. Состоялось несколько встреч Кодаю с императрицей Екатериной II. Первая произошла в Царском селе 28 июня 1791 г., последняя — 20 октября 1791 г. Екатерина II внимательно слушала рассказы Кодаю о перенесённых японскими моряками невзгодах, о Японии, задавала много вопросов. Она согласилась вернуть японцев на родину. 13 сентября 1791 г. императрица направила указ иркутскому губернатору И. А. Пилю об организации экспедиции для возвращения японцев. Главой миссии в Японию сначала намеревались назначить командира Камчатки, но затем Екатерина II решила «для препровождения тех японцев в их отечество употребить одного из сыновей означенного профессора Лаксмана... имеющих познания астрономии и навигации, поруча ему как в пути, так и в бытность в Японских областях делать на водах, островах и на твёрдой земле астрономические наблюдения и замечания, равно и о торговых тамошних обстоятельствах» [19, с. 304].

Японцев, помимо того, что в России они были на казённом содержании, Екатерина II распорядилась наградить: «Начальнику их Кооадаю — сто пятьдесят червонных и золотая медаль, и сверх того ея императорское величество пожаловать изволила золотые часы (вручены на последней встрече с Кодаю 20 октября 1791 г. — *В. А.* [13, с. 98]). Трём купцам (здесь ошибка — третий умер в Иркутске. — *В. А.*), с ним возвращающимся, каждому — по пятьдесят червонных и по серебряной медали. Двум японцам, принявшим веру православного исповедания и здесь остающимся, каждому — по двести рублей» [19, с. 305].

В отношении последних (Седзо — Ф. С. Ситникова и Синдзо — Н. П. Колотыгина) в указе сказано: «Как из числа помянутых японцов двое приняли христианский наш закон и, следовательно, в отечество своё уже возвратиться не могут, то употребить их у нас для обучения японскаго языка, который при установлении торговых с Япониею сношений весьма нужен будет» [19, с. 304].

Руководителем экспедиции назначили второго (из трёх) сына К. Г. Лаксмана двадцатишестилетнего поручика Адама Лаксмана, служившего до того в Гижиге. Получив в Охотске инструкции от отца, А. К. Лаксман вышел из Охотска на судне «Екатерина» 13 сентября 1792 г. Командиром «Екатерины» был назначен штурман В. М. Ловцов. На борту находились тридцать девять членов экспедиции и три японца: Кодаю, Коити, Исокити. 7 декабря прибыли в Немуро на севере острова Хоккайдо, где пришлось зазимовать. Во время зимовки, 30 марта 1793 г. умер от цинги один из трёх возвращавшихся на родину японцев — Коити. А. К. Лаксман пишет, что японцы не знают цинготной болезни, а лечил его японский лекарь из Немуро собственными средствами. Коити похоронили сами японцы по своим обычаям [10, с. 467—468].

Лишь 4 июля 1793 г. «Екатерина» прибыла в порт Хакодате, где А. К. Лаксман заявил, что ему предписано передать сопровождаемых им японцев правителю Японского государства в городе Эдо. Местные чиновники ответили, что путь в Эдо «затруднителен» и предложили направить их в Хакодате. При передаче Лаксман заявил: «...имею честь и подданных ваших представить в покровительство и призрение ваше, соболезнуя о третьем, умершем в Нимуро, что не достиг сего щастия» [10, с. 485].

20 июля «ввечеру сдал пришедшему... старшему чиновнику препровождаемых японцев Кодая и Исокича... для препровождения их в столицу Эдо. По сдаче же упомянутых нами привезённых

японцев уже более не видали. 21-го числа принесли от начальствующих чиновников в принятии ими своих подданных, Кодая и Исокича, расписку» [10, с. 486]. Кодаю было сорок три года, Исокити — двадцать девять лет.

О дальнейшей судьбе Кодаю и Исокити сообщает С. Накамура. 18 сентября 1793 г. в «Павильоне любования фонтанами» в замке Эдо их принял одиннадцатый сегун (правитель Японии) Иэнари в присутствии членов правительства, где их подробно расспрашивали о России. Им была назначена ежемесячная выплата на содержание: Кодаю — три, а Исокити — две рё (японская золотая монета). Затем их отправили на поселение на плантацию лечебных трав, приказав ничего не рассказывать о России. Правда, Кодаю разрешили встречаться с японскими учёными и обучать их русскому языку. Кодаю женился, его сын стал учёным, известным под именем Дайкоку Байин. Умер Кодаю 15 апреля 1828 г. в возрасте семидесяти восьми лет. Исокити дожил до семидесяти лет и умер в 1834 г. [13, с. 117—118].

На основании записей Кодаю японский писатель Иноуэ Ясуси создал роман «Сны о России», где рассказывает о дружелюбном отношении русских к японцам, о жизни в России в XVIII в. [9, с. 64].

Из оставшихся в Иркутске японцев Накамура сообщает лишь о Синдзо (Колотыгине), что он опубликовал в России сочинение «О Японии и японской торговле», обучал своему языку учёного Генриха Клапрота, женился на русской и имел троих детей, скончался в Иркутске в 1810 г. [13, с. 119]. Другой японец, Сёдзо (Ситников), которому ампутировали обмороженную ногу, видимо, умер раньше.

В том же 1793 г., когда миссия А. К. Лаксмана передала японским властям Кодаю и Исокити, на один из Андреяновских островов (самые южные в Алеутской гряде) после нескольких месяцев дрейфа в Тихом океане выбросило судно «Вакамия-мару» с шестнадцатью моряками на борту. Оно вышло из Сёндая в январе. Судьба этих моряков похожа на судьбу Кодаю и его спутников. В 1797 г. их доставили в Иркутск, возможно, через Камчатку. К 1803 г. шестеро из них умерли, шестеро приняли православие, а четверо пожелали вернуться на родину [13, с. 131].

Этих четверых в 1803 г. доставили в Петербург, где их принял император Александр I. Решено было отправить их на родину вместе с посольством Н. П. Резанова на шлюпе «Надежда» под командой И. Ф. Крузенштерна, совершавшего первое русское кругосветное плавание. Н. П. Резанов надеялся, что возвращение этих

несчастных, более десяти лет разлучённых со своим отечеством, увеличит его шансы на успех предстоящих переговоров [8, с. 35].

Судьба этих японцев сложилась нелегко. После одиннадцатимесячного перехода из Кронштадта в Петропавловск они вынуждены были два месяца пробыть на Камчатке, ожидая отплытия в Японию. Затем ещё месяц провели в плавании до Нагасаки, куда прибыли в начале октября 1804 г. Вскоре после прихода в Нагасаки японский губернатор просил Резанова отдать ему доставленных, но тот не согласился, надеясь лично представить их императору. Через несколько недель губернатор повторил свою просьбу, но снова получил отказ. Лишь после того, как 16 января 1805 г. один из японцев попытался лишить себя жизни (шёл восемнадцатый месяц после отправления из Кронштадта), Резанов сам обратился к губернатору с просьбой забрать у него привезённых японцев, но теперь в этом отказал губернатор.

И. Ф. Крузенштерн пишет: «...сии бедные люди по преодолении трудного пути, продолжавшегося четырнадцать месяцев, хотя и прибыли в своё отечество, однако не могли тотчас наслаждаться полным удовольствием, которое они в отчизне своей обрести надеялись, но вместо того принуждены были семь месяцев находиться в неволе и заключении. Да и не известно, возвратятся ли они когда-либо на свою родину, которая была единственной целью их желания, понудившего их оставить свободную и малозаботную жизнь, каковую препровождали они в России» [8, с. 168].

Крузенштерн предполагал, что причиной покушения моряка на свою жизнь мог быть дошедший до него слух, будто привезённые Лаксманом японцы осуждены на вечное заключение (что не соответствовало действительности). Более вероятным поводом к покушению Крузенштерн считал угрызения совести этого японца, передавшего японским чиновникам клеветническое письмо, «в котором жаловался не только на жестокие с ним в России поступки, но и на принуждение их к перемене веры, прибавив к тому, что и посольство сие предпринято главнейше с намерением испытать, нельзя ли ввести в Японию христианского исповедания» [8, с. 169].

Лишь перед самым отходом на Камчатку, в апреле 1805 г., удалось передать японских моряков на родину. По окончании переговоров Резанову были вручены бумаги, «содержащие запрещение, чтобы никакой российский корабль не приходил никогда в Японию... Если вперёд случится, что японское судно разобьётся у берегов российских, то спасшихся японцев должны россияне

отдавать голландцам для доставления оных через Батавию (Яву. — *Ред.*) в Нагасаки» [8, с. 170].

Из оставшихся в Иркутске японцев с «Вакамия-мару» известно имя лишь одного — Дзенроку. Он получил фамилию Киселёв, и после смерти в 1810 г. Колотыгина оставался единственным учителем в школе японского языка [13, с. 158].

В октябре 1804 г. у Курильских островов потерпело крушение японское судно, моряков с которого доставили в Петропавловск. И. Ф. Крузенштерн упоминает о своей беседе со шкипером этого судна, состоявшейся в Петропавловске в июне 1805 г., где тот сообщил ему некоторые сведения о японской экспансии на Южные Курилы [8, с. 200].

В 1786 г. на Южных Курильских островах побывала экспедиция Могами Токунаи и обнаружила на Итурупе лишь троих россиян и пустующие базы русских промышленников на Урупе. В 1798 г. на Итуруп прибыл японский отряд из ста восьмидесяти человек во главе с Кондо Сигэтоси. Японцы уничтожили русские кресты и поставили свои столбы с надписью «Эторофу — владение великой Японии». В 1801 г. то же самое они сделали на Урупе, где имелось русское поселение, основанное в 1795 г. по распоряжению Г. А. Шелихова. В 1801 г. из тридцати восьми русских поселенцев — сибирских крестьян — здесь оставалось семнадцать человек, а в 1807 г. Н. А. Хвостов не обнаружил никого из них, но зато нашёл японского чиновника, тридцать солдат и трёх переводчиков [13, с. 122—126].

То же самое происходило и в заливе Анива на Сахалине. В этом убедились И. Ф. Крузенштерн и Н. П. Резанов, когда в мае 1805 г. они на обратном пути из Японии посетили Южный Сахалин, где встретили небольшую японскую факторию, в которой жили несколько японцев, в том числе два офицера. «Мы могли заметить, что японцы поселились здесь недавно, потому что дома офицеров, а особенно амбары были совсем новы, некоторые ещё не окончены», — пишет Крузенштерн [8, с. 200].

Японцы чувствовали себя как дома. На них безропотно работали до четырёхсот айнов. О причинах японского присутствия на Сахалине Крузенштерн пишет, что официально японские офицеры обязаны были только смотреть за торговлей с айнами, чтобы не допустить злоупотреблений. «Но если сообщённые мне одним японским шкипером (о котором мы упоминали выше. — *В. А.*)... в Камчатке в июне 1805 г. известия справедливы, в чем я не сомневаюсь, то виды японского правительства не столь благонамеренны» [8, с. 200].

Моряки «Надежды», убедившись, что японцы, в нарушение законов Токугавы, запрещавших им покидать пределы своей империи, стали незаконно осваивать южное побережье Сахалина и южные Курилы, пришли к единодушному мнению, что надо удалить их из русских владений. Все острова в Тихом океане к северу от Хоккайдо, как открытые русскими людьми, по указу императора Павла I от 1799 г. о создании Российско-Американской компании (РАК) были отданы в её распоряжение.

И. Ф. Крузенштерн предлагал для защиты Южного Сахалина от японцев установить там русскую батарею, но после получения на это согласия русского правительства. Но Н. П. Резанов не желал ждать так долго и приказал офицерам, находившимся на службе РАК, лейтенанту Н. А. Хвостову и мичману Г. И. Давыдову, командирам фрегата «Юнона» и тендера «Авось», изгнать японцев с Сахалина и Южных Курил.

В октябре 1806 г. Н. А. Хвостов уничтожил японскую базу в заливе Анива, взял в плен четырёх японцев и отправился на «Юноне» на зимовку в Петропавловск, где уже находился «Авось». Летом 1807 г. Хвостов и Давыдов ещё раз побывали на Сахалине, затем уничтожили японские посты на Урупе, Итурупе и Кунашире, взяли в плен ещё нескольких японцев. Восьмерых пленных они высадили на Хоккайдо, а двоих — Сахээ и Накагава Городзи — взяли с собой в качестве переводчиков и доставили их в Охотск.

Действия русских моряков в 1806—1807 гг. были единственным случаем насилия по отношению к японцам, приведшим к обратному результату. Япония стала укреплять своё присутствие на Южных Курилах и Сахалине. На Южных Курилах с 1808 г. Япония стала держать не менее тысячи солдат. Отношения с ней окончательно испортились.

В 1811 г. японцы вероломно захватили на острове Кунашир руководителя второй русской кругосветной экспедиции на шлюпе «Диана» В. М. Головнина. Более двух лет он и шесть моряков «Дианы» провели в плену. Пребывание в неволе не прошло для В. М. Головнина даром. Он смог составить одно из наиболее полных описаний Японии. Его труд «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах» был опубликован в 1816 г. и переведён почти на все европейские языки. В книге содержатся ценнейшие сведения об укладе жизни и государственном устройстве японцев, их культуре, вероисповедании и обрядах, промышленности и торговле, народонаселении и военных силах.

Выручил Головнина и его товарищей из плена и доставил их в Петропавловск его друг и помощник, будущий начальник Камчатки, принявший командование «Дианой», Пётр Иванович Рикорд. Рикорд считал, что можно было бы обменять пленников на равное количество спасённых японцев. Такой обмен между европейскими странами был обычным делом. В том же 1811 г. у берегов Камчатки затонуло японское судно, с которого спаслись шестеро моряков. «18 июля 1812 года, быв в совершенной готовности к отплытию, принял я на шлюп шесть человек японцев, спасшихся с разбитого на камчатских берегах японского судна, для отвоза их в отечество... Что всего удивительнее, как будто определением самого провидения из всего экипажа японского судна спаслось ровно то самое число людей, сколько японцы захватили наших» [17, с. 380].

С. Накамура сообщает, что эти японцы были из города Сэтцу (префектура Осака). Из шестнадцати человек десять умерли от голода. Среди живых находился некий Кудзо, которого отправили в Иркутск учителем японского языка, но его вернули обратно, так как школа закрылась. Он привёз с собой вакцину от оспы. Кудзо написал «Заметки о дрейфе у берегов России», в которых много рассказывается о русских обычаях, приводится около двухсот шестидесяти русских слов и даже помещены тексты русских песен [13, с. 155—156]. Седьмым оказался захваченный в плен в 1807 г. Н. А. Хвостовым японец Городзи (Рикорд называет его Леонзаймо, второй — Сахээ — умер), доставленный из Иркутска в качестве переводчика.

Плавание 1812 г. оказалось неудачным. Японцы заявили, что Головнина с товарищами нет в живых, переводчик Городзи, отправленный на берег, не вернулся, и Рикорд отпустил на волю остальных японских моряков. (Кстати, Городзи изучал в России медицину, и, вернувшись в Японию, был первым, кто начал делать прививки от оспы).

Когда Рикорд собирался уже уйти с Кунашира, не добившись достоверных сведений о судьбе своего командира и его товарищей, оставшись без переводчика, ему повезло. Спасаясь от непогоды, в бухту зашло японское судно «Кансэ-мару», на котором находился владелец целой флотилии из десяти судов — Такадая Кахэй. Он возвращался с Итурупа в Хакодате на юге Хоккайдо. Это был тот самый купец, которому управитель Итурупа Кондо Сигэтоси ещё в 1799 г. поручил быть поставщиком товаров из Японии на Итуруп. Такадая Кахэй, как понял Рикорд, был известным в Японии человеком, а не простолюдином, как предыдущие японцы. Рикорд

решился взять его в заложники, а вместе с ним ещё четверых матросов, не пожелавших расстаться со своим хозяином.

От Такадая Кахэя Рикорд узнал, что русские пленники живы и содержатся в Хакодате. В Петропавловске Рикорд поселил Такадая Кахэя в своём доме. Они постоянно общались, и к весне прекрасно понимали друг друга и подружились. Одно огорчало их обоих: не выдержав тяжёлой камчатской зимы, умерли двое японских матросов.

Летом 1813 г. «Диана» снова была на Кунашире. При посредничестве Такадая Кахэя переговоры прошли успешно. Японцы разрешили «Диане» зайти в Хакодате, где 1 октября 1813 г. Головнина и его товарищей передали русским, и «Диана» вернулась в Петропавловск.

После эпопеи с вызволением из плена В. М. Головнина, в котором немаловажную роль сыграли доставленные с Камчатки японские моряки и пленники, сведения о найденных на Камчатке японцах довольно скудны. Эти случаи упоминаются в книгах Л. Н. Кутакова «Россия и Япония» и С. Накамура «Японцы и русские». Так, Кутаков сообщает, что в 1815 г. штурман Средний, плававший на «Диане» с Головниным и Рикордом, должен был доставить на судне «Св. Павел» трёх спасенных японских моряков с письмом иркутского губернатора Н. И. Трескина из Петропавловска на Итуруп, так как посещение японских портов для русских кораблей было закрыто. Но из-за штормовой погоды высадка не удалась, и «Св. Павел» с японцами вернулся в Петропавловск. В 1817 г. с тем же письмом Трескина были отвезены на Итуруп уже шестеро японцев [9, с. 93—94].

Видимо, к трём добавились моряки, привезённые из Русской Америки, о которых сообщает С. Накамура. В ноябре 1813 г. судно «Токудзё-мару», шедшее из Нагоя в Эдо, попало в шторм. Пятнадцать месяцев оно дрейфовало в Тихом океане, два новых года моряки встретили в открытом море. Лишь в начале 1815 г. их спасло английское судно, доставившее их на Аляску. Управляющий РАК А. А. Баранов отправил их на Камчатку, куда добрались лишь двое оставшихся в живых, среди которых был капитан Сигаёси. Из Петропавловска их и доставили на Итуруп. Сигаёси впоследствии составил в Японии «Русский разговорник» и написал сочинение «Русская одежда и утварь». В 1822 г. в Японии вышла его книга «Дневник капитана судна “Токудзё-мару”» [13, с. 157].

В 1836 г. с Камчатки на Итуруп доставили троих, а в 1843 г. — шестерых японцев на бриге РАК «Промысел» под командованием

штурмана Гаврилова [9, с. 94]. В 1850 г. спасли семерых моряков, потерпевших крушение у берегов Камчатки. Император Николай I распорядился отправить их домой на судне РАК. Транспорт «Князь Меньшиков» под командой Линденберга доставил их в порт Симодо, но местные власти отказались принять соотечественников без разрешения центрального правительства. Поэтому Линденберг высадил японцев на пустынный берег недалеко от Симодо.

Все приводимые нами факты говорят о том, что Россия всегда стремилась к дружбе и добрососедству с Японией. Главнейшей целью в отношениях с этой страной Россия считала установление торговых отношений. Все действия русских в отношении потерпевших крушение японских моряков соответствовали указанию Сената, данному В. Й. Берингу ещё 28 декабря 1732 г.: «А хотя и после случится таких же занесённых японских людей на берегах взять, или во время оного вояжу в море погибающия японские суда найдутся, тем всякое вспоможение чинить дружески и потом отсылать спасённых людей или судны их, буде мочно, при своих судах к японским же берегам и отдавать или на берег людей спускать... дабы своею дружбою перемогать их застарелую азиятскую нелюдность, и что чаще посылано будет, то больше известия получать мочно» [19, с. 128—129].

Источники

1. *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. — Хабаровск, 1958.

2. *Бондаренко О. Я.* Неизвестные Курилы. — М., 1992.

3. *Головнин В. М.* Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах... — Хабаровск, 1972.

4. Землепроходцы. — Петропавловск-Камчатский, 1994.

5. *Кин Д.* Японцы открывают Европу. 1720—1830. — М., 1972.

6. Колумбы земли русской. Сб. док. — Хабаровск, 1989.

7. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — Т. 2. — Петропавловск-Камчатский, 1994.

8. *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». — Владивосток, 1976.

9. *Кутаков Л. Н.* Россия и Япония. — М., 1988.

10. *Лаксман А. К.* Описание путешествия из Иркутска с возвращением спасённых при кораблекрушении // Головнин В. М. Указ. соч.

11. Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири. Пер. с фр. — Ч. 2. — М., 1801.

12. *Мартыненко В. П.* Путешествие в страну Уйкоаль. — Петропавловск-Камчатский, 1987.

13. *Накамура С.* Японцы и русские. Из истории контактов. — М., 1983.
14. *Невельской Г. И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. — М., 1969.
15. *Петров В.* Русские в истории Америки. — М., 1991.
16. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
17. *Рикорд П. И.* Записки флота капитана Рикорда // Головнин В. М. Указ. соч.
18. Русская тихоокеанская эпопея. — Хабаровск, 1979.
19. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. — М., 1984.
20. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский, 2005.

КАМЧАТКА И РУССКИЕ ГЛАЗАМИ СПУТНИКОВ ДЖЕЙМСА КУКА

На фоне таких ярких юбилеев в камчатской истории, отмечавшихся в 2004 г., как двухсотлетие первого (их было три) пребывания в Петропавловске первой русской кругосветной экспедиции, сто пятидесятилетие героической обороны Петропавловска от нападения англо-французской эскадры и столетие обороны Камчатки в русско-японской войне, это событие не кажется столь значительным. Но это было первое посещение Петропавловска после его основания Берингом, притом всемирно известной иностранной кругосветной экспедицией. Для истории нашего края важен не только сам факт почти трёхмесячного пребывания здесь ста восьмидесяти спутников Кука, но и их ценные свидетельства о нашем крае, о жизни, быте, занятиях его обитателей, климате и природе полуострова, о взаимоотношениях, сложившихся у англичан с русскими. Фактически это были первые сведения о Петропавловске и жизни обитателей Камчатки после Второй Камчатской экспедиции. Особый интерес представляют личные впечатления участников экспедиции о нашем крае и встречах с его жителями, изложенные в их дневниках.

Что привело корабли Кука на Камчатку? Каковы были цели их захода в Петропавловск, причем дважды: с 29 апреля по 12 июня и с 24 августа по 8 октября 1779 г.? Ведь сами названия «Камчатка» и «Петропавловская гавань» едва только появились на картах европейских картографов.

В 1775 г. английский парламент принял билль о новых поисках северо-западного прохода вокруг Северной Америки. С конца

XV в. было организовано около пятидесяти экспедиций в поисках северного пути из Атлантики в Тихий океан. На этот раз решили искать путь с востока на запад, из Тихого океана в Атлантический.

Руководителем новой экспедиции назначили сорокавосьмилетнего Джеймса Кука, только что вернувшегося из своего второго кругосветного плавания. 6 июля 1776 г. Кук получил из Британского Адмиралтейства секретные инструкции, согласно которым он должен был пройти через пролив между Азией и Америкой (названный Куком Беринговым) и искать проход в море Баффина или Гудзонов залив. Если в первый сезон найти проход не удастся, Кук должен был перезимовать в Петропавловской гавани и снова предпринять поиски. В состав экспедиции входили два корабля: «Резолюшн» водоизмещением четыреста шестьдесят две тонны с экипажем сто двенадцать человек под командой самого Кука и «Дискавери» водоизмещением триста тонн с семидесятью членами экипажа, которым командовал Чарльз Кларк, участвовавший в первом и втором кругосветных плаваниях Кука в качестве его третьего, а затем второго помощника.

Тридцатипятилетний Кларк болел туберкулёзом, но вынужден был пойти в плавание, стоившее ему жизни, так как в Англии ему грозила долговая яма. Ростовщики преследовали его за обязательства, взятые им, чтобы выручить из беды старшего брата. После гибели Кука на Гавайских островах 14 февраля 1779 г., Кларк возглавлял экспедицию в течение шести месяцев до своей смерти 22 августа 1779 г. Он умер на подходе к Авачинской губе и похоронен в Петропавловске. Кроме Кларка, в плавание пошли ещё двадцать пять участников первого и второго плаваний Кука.

В новой экспедиции участвовало немало ярких личностей. Например, мидшипмен (младший офицер, звание, соответствующее мичману. — *В. А.*) Джордж Ванкувер впоследствии стал выдающимся исследователем северо-западного побережья Америки, его именем назван крупнейший тихоокеанский порт Канады. Матрос Джозеф Биллингс в 1783 г. поступил на русскую службу и в чине капитана возглавил секретную Северо-Восточную экспедицию 1785—1793 гг., более известную как экспедиция Биллингса — Сарычева. На русскую службу поступил также мидшипмен Джеймс Тревенен. Он погиб во время русско-шведской войны под Выборгом в июле 1790 г. Своеобразной личностью был капрал морской пехоты Джон Ледьярд, уроженец США. Именно его послал Кук на первую встречу с русскими на острове Уналашка 8 октября 1778 г. По окончании плавания Ледьярд вернулся в Америку и в 1787—

1788 гг. отправился в Сибирь, чтобы разведать торговый путь через Камчатку и Аляску в Америку. Он смог добраться до Якутска, но по указанию Екатерины II был задержан и выслан из России. Нельзя не упомянуть ещё одного участника плавания — штурмана Уильяма Блая. Он вошёл в историю тем, что, командуя десять лет спустя бригом «Баунти», довёл его экипаж до бунта. Блая с восемнадцатью сторонниками посадили в шлюпку и оставили в открытом море.

Главным свершением третьего плавания Кука стало открытие 18 января 1778 г. Гавайского архипелага. Затем, проследовав вдоль западного побережья Северной Америки и сделав ряд важных открытий, корабли Кука прошли Берингов пролив и в Чукотском море наткнулись на сплошные ледяные поля за 70° северной широты. Им пришлось вернуться назад, в Берингово море (названное так тоже Куком), где, пройдя какое-то время вдоль чукотского берега, возвратиться к берегам Аляски. 2 октября корабли вошли в Капитанскую гавань самого крупного острова Алеутской гряды — Уналашки, где простояли почти месяц, до 26 октября. Именно на Уналашке Кук впервые встретился с русскими и решил отказаться от зимовки в Петропавловской гавани. Вот что пишет сам Кук об этом в своём дневнике 8 октября 1778 г.: «Я получил из рук одного индейца... весьма необычный подарок — ржаной каравай, или пирог, в форме сахарной головы с начинкой из отличной лососины с перцем. Он вручил такой же дар капитану Кларку и передал каждому из нас записку, написанную на непонятном языке. Мы, однако, не сомневались, что этот дар исходит от русских, живущих по соседству, и тем же путём послали нашим неизвестным друзьям несколько бутылок рома, вина и портера, полагая, что эти напитки будут для них отраднее всего, и дальнейшие события показали, что мы не ошиблись.

Я отправил... капрала морской пехоты Ледьярда, человека смышлёного, для сбора дальнейшей информации и приказал ему в случае, если он встретит каких-либо русских людей... передать им, что мы, англичане, их друзья и союзники» [1, с. 389].

Почему Кук решил, что подарок и записку на далёком от цивилизованного мира острове ему передали именно русские, а не испанцы или французы? Ответ прост. Во-первых, «непонятным» язык был потому, что записки оказались написаны не на латинице, а на кириллице, неизвестной англичанам. Во-вторых, отправляясь в плавание, Кук располагал информацией о том, что именно русские активно осваивали эти территории после открытий Беринга.

В распоряжении Кука имелись основные результаты Первой и Второй Камчатских экспедиций, которые были частично опубликованы в Англии, а также отрывочные сведения об открытиях русских промышленников на Алеутских островах, полученные через английское посольство в Петербурге.

10 октября Джон Ледьярд вернулся с тремя русскими промышленниками. «Все трое были людьми весьма смышлёными и охотно давали мне сведения, в которых я нуждался, но из-за отсутствия переводчика мы понимали друг друга с трудом», — пишет Кук [1, с. 389]. Эти русские пробыли на борту «Резолюшн», а затем и «Дискавери» почти двое суток и отбыли, обещая вернуться и привезти карту островов, лежащих между Уналашкой и Камчаткой.

Вечером 14 октября «здесь высадился русский, которого я счёл главным среди своих соотечественников на этом и соседних островах. Его имя было Ерасим Грегорев Син Измайлов (Герасим Григорьевич Измайлов. — *В. А.*)» [1, с. 390].

Измайлов был выпускником Иркутской навигацкой школы, в 1760-е гг. участвовал в экспедициях И. Синдта и Креницына — Левашова. (Возможно, он был сыном участника плавания Беринга на пакетботе «Св. Пётр» к берегам Америки — солдата Якутского полка Григория Измайлова). Во время «Большерецкого бунта» 1771 г. Г. Г. Измайлова взял в заложники М. Беневский и за организацию заговора против себя высадил его на пустынном острове Курильской гряды Симушир. В 1775 г. Измайлов проводил съёмку камчатского побережья, а в 1776 г. был назначен командиром промыслового судна «Св. Павел», отправлявшегося на пять лет на дальние Алеутские острова, где и произошла его встреча с Дж. Куком. Кук, отмечая прекрасное знание Измайловым Берингова моря и Алеутских островов, просил того снять копии с его карт. «Мистер Измайлов... также сказал нам, что на всём восточном побережье Камчатки имеются лишь две гавани, куда могут заходить корабли, — Авачинская бухта и река Олюторка, впадающая в залив того же названия. На западном берегу Камчатки нет ни одной гавани...» [1, с. 392].

Далее Кук пишет: «Я убедился, что он отлично знает географию этих мест и что ему известны все открытия, совершённые русскими, причём он сразу же указал на ошибки на новых картах... Этот мистер Измайлов по своим дарованиям достоин более высокого положения, чем то, которое он занимает. Он в достаточной мере сведущ в астрономии и в других насущно необходимых областях математики. Я снабдил его октаном Хедли, и... он

освоился с ним так, что мог пользоваться спустя короткое время» [1, с. 395—396].

На соседнем с Уналашкой острове Умнак зимовало другое промысловое судно — «Евпл» под командой известного морехода, крепостного князей Долгоруких Якова Ивановича Сапожникова. Кук отзывается о нём также с похвалой: «Он был гораздо выдержаннее прочих русских и отличается большой скромностью; крепких напитков он не пил в отличие от всех других, питающих к ним неумеренную склонность. Он лучше мистера Измайлова знал, что можно получить в гавани Петропавловска и каковы там цены на разные товары... Этот человек сказал нам, что в мае собирается побывать в Петропавловске... и я послал (командиру Камчатки премьер-майору Бему. — *В. А.*)... маленькую подзорную трубу...» [1, с. 396].

Именно Сапожников и Измайлов, сообщив Куку, что на Камчатке зима длится долго, провианта мало и он чрезвычайно дорог, заставили его отказаться от зимовки в Петропавловской гавани. В рапорте в Адмиралтейство от 20 октября 1778 г., отправленном с Я. И. Сапожниковым, Кук так объясняет отказ от зимовки в Петропавловске: «Я потому не намерен заходить в гавань Св. Петра и Св. Павла на Камчатке и там проводить зиму, что крайне для меня нежелательно стоять в бездействии шесть или восемь месяцев, когда осталась ещё неисследованной столь значительная часть Северного Тихого океана» [1, с. 577].

Во время пребывания на Уналашке английские офицеры несколько раз посетили поселение русских промышленников и детально описали их быт, причины присутствия на островах и отношения с алеутами. Хирург Д. Самвелл пишет: «Между нами и русскими установились дружественные отношения. Наши джентльмены нанесли несколько визитов в русскую факторию, всякий раз захватывая с собой ром и бренди, и эти напитки нашли у русских полное признание, русские отлично принимали наших джентльменов и подарили им сапоги. Прощаясь с гостями, они дали салют из всех своих ружей» [1, с. 564].

Штурман Т. Эдгар сообщает: «На острове Наван Алашка (Уналашка. — *В. А.*) — шестьдесят русских и двадцать камчадалов, а на различных близлежащих островах — около пятисот русских и камчадалов» [1, с. 563]. Д. Самвел добавляет, что у русских есть «фактории на всех островах Анадырского (Берингова. — *В. А.*) моря и во многих местах вдоль американского берега, и цель этих факторий состоит в том, чтобы скупать у индейцев шкуры... мор-

ских бобров, у которых красивый и дорогой мех. Меха пересылают на Камчатку, а оттуда они идут в Китайскую землю» [1, с. 564].

Кук подтверждает: «Русские живут на всех главных островах между Уналашкой и Камчаткой... Я не спрашивал их, когда они впервые осели на Уналашке и соседних островах, но, судя по тому, в какой зависимости от них находятся индейцы, можно предположить, что произошло это довольно давно» [1, с. 397]. Это Кук писал за двадцать один год до основания Российско-Американской компании. Известно, что уже через двадцать лет после плавания Беринга русские промышляли на дальних Алеутских островах и на полуострове Аляска, а также на острове Кадьяк [2, с. 183].

Интересно описание русской фактории на Уналашке, составленное штурманом Томасом Эдгаром. Видимо, все поселения были устроены подобным образом. Экспедиции длились обычно от пяти до десяти лет, и надо было позаботиться о своём быте. Эдгар пишет: «Место, на котором построена фактория, представляет собой ровный участок овальной формы протяжённостью в две или три мили (английская морская миля равна 1,853 км. — *В. А.*), и у домов протекает река с очень хорошей водой. Гавань мала и приспособлена только для небольших судов, она хорошо защищена от ветров с моря, так как со всех сторон окружена высокими холмами.

Жилой дом в длину имеет семьдесят или семьдесят пять футов, в ширину — двадцать — двадцать четыре фута, а в средней части его высота около восемнадцати футов (фут равен 0,305 м. — *В. А.*). Построен он сводообразно из американского леса и тщательно покрыт сухой травой и соломой, и, кроме того, крыша сверху затянута сетью из бечевы, идущей на лаг-лини и основательно закреплённой, чтобы кровлю не сорвало ветром и чтобы от ветра не повредился дом. Концы сети оттянуты к земле. Дом по оси вытянут с востока на запад, дверь находится с южной стороны, ближе к западной стене, и у двери всегда стоит часовой с обнажённой саблей или заряженным мушкетом.

Самые важные люди живут в восточном конце дома, и эта часть с окном, забранным слюдой, выглядит довольно сносно. Потолок здесь низкий, но пол устлан шкурами крупного морского зверя, что также очень приятно на вид. Ближайшее к этому концу дома помещение занимают некоторые русские люди и камчадалы рангом повыше. Русские рангом пониже и камчадалы растягивают шкуры прямо на полу, подстелив под них сухую траву. Пищу готовят в большом медном котле в средней части дома, из-за чего сон на рассвете не слишком приятен, ибо дом наполняется дымом; топят

сухой травой и дёрном, так как дров на острове нет, и весь лес завозят с материка.

Дом делится на две части деревянной перегородкой; западная часть имеет в длину примерно четырнадцать — пятнадцать футов, и в ней находится кладовая или склад. Неподалёку от жилого дома есть три больших склада, в которых хранят сушёную рыбу, провиант и прочее. Один из этих складов опечатан несколькими печатями, и нам не удалось узнать, что в нём содержится, но мы полагаем, что там хранятся меха. Есть также одно складское помещение и большой дом под кровлей, но я не знаю, жилой он или назначен под склад. Есть несколько индейских домов, заселённых целыми семействами, и вероятнее всего, что обитатели этих домов всё своё время отдают новым хозяевам, сплетая для них сети, тачая обувь и т. д.

Стоят тут два креста друг против друга: один восточнее, другой западнее, и дистанция между ними около четверти мили. Оба высотой десять-двенадцать футов, и оба выкрашены белой краской. В десяти-двенадцати ярдах (ярд равен трём футам, то есть 0,915 м. — *В. А.*) от дома пришвартован шлюп, глубина там два фута. Он построен на образец лихтера, с виду неуклюж, но очень крепок и под грузом имеет осадку около семи футов; его водоизмещение — шестьдесят тонн, днище плоское, мачта короткая и расположена ближе к корме, чем к носу, бак и квартердек (квартердек — приподнятая до линии фальшбортов кормовая палуба. — *В. А.*) длиной около семи футов. Каюта маленькая, с двумя койками. Лаг и линь (лаг — инструмент для измерения скорости судна, линь — трос тоньше 25 мм в окружности. — *В. А.*) на квартердеке такие как у нас. Нактоуз (подставка для компаса. — *В. А.*) расположен на средней палубе; оба корабельных компаса очень хорошие. На левом борту, на вертлюге (шарнирное устройство. — *В. А.*) длиной полтора фута установлена полуфунтовая пушка. На берегу — несколько каноэ и большая открытая кожаная лодка... У русских много прекрасных ружей с нарезными стволами длиной от трёх до пяти футов» [1, с. 562—563].

В этой пространной цитате важна каждая мелочь. Эти детали дают нам представление о жизни русских промышленников, бивших морского зверя на Алеутских островах вахтовым методом, многие из которых были жителями Камчатки. «Св. Павел», шлюп, который описал Т. Эдгар, был на промысле под командой Г. Измайлова пять лет, с 1776 по 1781 г., а следующая экспедиция Измайлова на судне «Св. Симеон» длилась целых десять лет (1783—1793 гг.) [2, с. 186].

Длительное плавание к месту промысла (Эдгар пишет, что путь из Охотска до Уналашки занял у русских восемьдесят дней), тяжёлые условия плавания в тесноте на небольшом судне (Эдгар сообщает, что в артели Измайлова было шестьдесят русских и двадцать камчадалов), восполнялись возможно более лучшим устройством быта на берегу. Из плаваний возвращались далеко не все. Д. Самвелл приводит свидетельство командира Камчатки Бема, что, «когда русские отправляют... к берегам Америки и на прилегающие острова шлюпы с командами в шестьдесят человек, только двадцать или тридцать возвращаются обратно, остальные гибнут от цинги и других болезней» [1, с. 508]. Относительно удобств во время плавания можно привести следующее сравнение: на трёхсоттонном английском «Дискавери» плавало семьдесят человек и примерно столько же на шестидесятитонном русском промысловом судне.

Можно предположить, что описанное Эдгаром русское поселение существовало не менее десяти лет, так как возвести столько построек при отсутствии древесины на островах из привозного леса с Аляски за короткое время невозможно. Но произошло это не ранее 1761 г., когда Аляски достигло первое после плавания Беринга и Чирикова в 1741 г. русское судно «Св. Гавриил» купца Бечевина под командой морехода Пушкарёва [2, с. 183, 187].

Как видно из описания Эдгара, порядок в фактории был полувоенным (часовой у входа, распорядок дня и ранжирование обитателей). Это объяснялось непростыми отношениями русских с аборигенами. Эдгар пишет: «Русские нам сказали, что некоторые из них были убиты индейцами... Первые русские поселенцы на этих островах отобрали у туземцев луки, стрелы, копья и всё прочее оружие и таким путём совершенно подчинили их себе и заставили платить подать» [1, с. 563].

Об этом же пишет Самвелл: «Обитатели этих островов подчинены русским, и, судя по нашим наблюдениям, они платят своим хозяевам подать, и всё оружие русские у них забрали. Русские забирают у туземцев их детей, когда те ещё совсем малы, и используют молодых островитян на различных работах в своей фактории. Их учат русскому языку и, вероятнее всего, крестят и наставляют в начатках христианской религии» [1, с. 564].

О взаимоотношениях русских с алеутами пишет и сам Кук, сообщая, что в русском селении, помимо русских и камчадалов, проживают и «туземцы в качестве слуг или рабов. В этом же месте находятся и другие туземцы, которые принадлежат русским, —

мужчины, их взяли или купили у их родителей, должно быть, ещё в детском возрасте. Там было примерно двадцать туземцев, не вышедших из детского возраста». Далее Кук пишет об алеутах, что «они по всем признакам самые мирные и спокойные люди из всех мне известных, а честность их может служить образцом для более цивилизованных народов Земного шара... Я склонен думать, что эти качества отнюдь не природные, и я полагаю, что обладают они ими благодаря общению с русскими или, скорее, вследствие подчинения последним. Русские говорили некоторым нашим джентльменам... что они вынуждены были преподать туземцам суровые уроки, после чего и удалось навести среди местных жителей порядок. Если это делалось на первых порах, то такое поведение можно оправдать, поскольку всё это привело к весьма счастливым последствиям...» [1, с. 396—397].

Вернёмся к описанию Т. Эдгаром быта русских на Уналашке. Об одежде: «Видя, что мы промокли до костей, они предложили нам раздеться и нарядили в свои очень тёплые и удобные одежды, состоявшие из голубой шёлковой рубахи, хлопчатых рубах с шёлковым воротом, синих штанов из нанки, куртки из лисьего и куньего меха и плаща из тонкой кожи... Эти куртки застегивались на крючки» [1, с. 561]. Примерно так же описывает одежду русских и сам Кук, отмечавший, что одежда делается преимущественно из шкур морских животных. «Верхняя одежда шьётся наподобие накидок наших кучеров, и она доходит до колен; кроме того, они носят ещё один или два жилета, штаны, меховую шапку и сапоги, голенища которых делаются из русской кожи, а головки — из крепких кишок. У обоих начальников (Измайлова и Сапожникова. — *В. А.*) были синие коленкоровые куртки, и как у них, так и у прочих русских людей имелись шёлковые рубахи» [1, с. 397].

О русской пище Кук пишет: «Русские обладают искусством из посредственной снеди изготовить вкусные блюда. Мне очень понравилось приготовленное ими китовое мясо; недурной заменой хлеба им служит пудинг или пирог из лососиной икры, тщательно взбитой и обжаренной. Русские имеют склонность к хлебу и к блюдам, в которых мука является составной частью, но, вероятнее всего, мука здесь редкость. Если исключить ягодный сок, который они добавляют в пищу, единственный их напиток — чистая вода, и для них большое счастье, что под рукой нет ничего более крепкого» [1, с. 396].

О любви русских к крепким напиткам не раз упоминает и сам Кук, и его спутники. Эдгар рассказывает, как их принимали в рус-

ской фактории: «Мы раскупорили бутылку рома и пригубили её, закусив хлебом, чтобы оправиться от тягот этого сырого и утомительного дня (им пришлось пройти более двадцати вёрст от места стоянки кораблей экспедиции до русской фактории, было 15 октября. — *В. А.*), и угостили ромом наших друзей; ведь мы слышали, что они склонны к этому, и слух этот оправдался на деле, так как бутылку они прикончили очень быстро и ром не разбавляли водой...

Примерно в семь часов подали на стол ужин. Были поданы варёная рыба (очень грубый сорт палтуса) и суп из китового мяса, очень наваристый, а также две бутылки сока из крупных синих ягод; каждому дали по деревянной ложке. Суп и рыбу ели одновременно, и русские каждые два-три глотка запивали полной ложкой сока. Китовое мясо было слишком жирным, и с палтусом мы его не ели, но нашли, что оно очень приятно в горячей похлёбке. После ужина русские нас угостили нюхательным и обыкновенным табаком и во всём проявляли к нам большое внимание. Они задали нам много вопросов, но мы понимали друг друга с большим трудом.

В восемь часов, чувствуя себя крайне утомлёнными долгой прогулкой, мы высказали желание отправиться спать. Ложе, приготовленное для нас, представляло собой помост, приподнятый над полом дюймов на четырнадцать-пятнадцать и похожий на наши солдатские нары (дюйм равен 2,54 мм. — *В. А.*). На этом помосте были разостланы волчьи, оленьи и медвежьи шкуры, а одеялами служили шкуры бобров, лисиц и других зверей, сшитые грубыми нитками на манер наших стёганых одеял. Ложе это было чрезвычайно тёплым, и мы проспали на нём до утра, когда нас разбудил призыв повара, который приготовил для всей фактории завтрак» [1, с. 561—562].

В своих дневниках Кук и его спутники приводят много интересных этнографических наблюдений о жизни и быте алеутов, а также сведений о природе Алеутских островов.

26 октября 1778 г. корабли Кука покинули Уналашку. Кук благоразумно принял решение отказаться от зимовки в Петропавловске: «Отсюда я намерен пройти к Сандвинчевым (Гавайским. — *В. А.*) островам... Пополнив там запасы, я намерен вернуться на север через Камчатку и следующим летом предпринять ещё одну попытку отыскать северный проход...» [1, с. 577]. Именно так экспедиция и продолжила свою деятельность. Но в Петропавловск её корабли привёл новый руководитель — Чарльз Кларк.

Джеймс Кук трагически погиб 14 февраля 1779 г. в стычке с аборигенами Гавайских островов.

Какими сведениями о Камчатке располагали участники экспедиции, направляясь в Петропавловскую гавань? В распоряжении Кука находилась копия карты участника Первой Камчатской экспедиции мичмана П. Чаплина, составленной в 1729 г. и попавшей в 1730-е гг. в Западную Европу. Имелась также карта русских открытий, составленная в 1758 г. участником Второй Камчатской экспедиции академиком Г. Ф. Миллером. Имелся труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» в английском переводе 1764 г. и карта петербургского академика Я. Штелина, начерченная в 1773 г., в которой содержались сведения о русских открытиях между Камчаткой и Америкой в 1750—1760-е гг. Но они были значительно искажены, в чём убедился сам Кук, и на что указал ему Г. Г. Измайлов.

С помощью Измайлова Кук внёс ряд исправлений в свои карты и получил от него две новые. На одной были изображены Камчатка и Курильские острова, а на другой — все русские открытия к востоку от Камчатки до Америки.

Итак, первым из русских, кто узнал о намерении англичан посетить Петропавловск, был Г. Г. Измайлов. Он передал с Куком письмо и рапорт в «контору над Петропавловским портом», а с другим рапортом — «в камчатскую Большерецкую канцелярию», в которых сообщал, что два пакетбота «с острова Лондону», один из которых называется «Разулушан», командир которого «в ранге полковника, именем Демерскук, а на другим корабле “Эскавре” командир в ранге майора Чир Тлярк. Всего комплекту на обеих кораблях сто восемьдесят человек... А отсюдова поимели плавание в 22°00' в северную ж ширину, где, прозимовав, намерены паки итьти к Чукоцкому Носу и дале и хотели зайти в Петропавловскую гавонь в маие месяце... В знак своего милосердия господин командор пожаловал по должности моей для усмотрения высоты солнца квадрант, а также и своей шпагой» [3, с. 181].

Во втором рапорте Измайлов пишет, что, узнав о намерении англичан зайти «в Петропавловскую гавань, то я им представил, чтоб по прибытии в гавань отправили елбот с поручением им сим репортом, а потом и кораблем. А естли кораблём пойдут без всякого знания, то будут по ним стрелять ис пушек» [1, с. 572].

29 апреля 1779 г. «Резолюшн» и «Дискавери» бросили якорь на рейде Авачинской губы и пробыли в Петропавловской гавани до 12 июня. Главной целью пребывания англичан на Камчатке явля-

лось пополнение запасов продовольствия и такелажа, а также отдых экипажа перед арктическим плаванием. Они стали первыми иностранцами, посетившими Камчатку, а их свидетельства о Петропавловске являются фактически единственными за тридцать шесть лет, прошедших после окончания Второй Камчатской экспедиции.

В Петропавловске англичане застали небольшой гарнизон из сорока человек под командой сержанта Сургуцкого и шестьдесят матросов и промышленников с зимовавшего здесь судна купца Панова «Св. Николай» под командой Дмитрия Полутова, направлявшегося на промысел на остров Кадьяк. Больше всего англичан поразил зимний пейзаж в преддверии мая. Кларк пишет, что в заливе сохранился «твёрдый и плотный ледяной припай у берегов; кое-где лёд, однако, вдавался в воды залива на одну или полторы мили. Земля везде по берегам залива высокая и густо поросшая лесом, но сейчас она была покрыта обильными снегами» [1, с. 486].

Лейтенант Кинг, посланный Кларком на берег с письмом Измайлова для представления русским, был так же поражён увиденным: «Вся страна покрыта снегом, и трудно себе вообразить более мрачную картину. На *NNO* мы приметили несколько бревенчатых домов и конусовидные хижины на столбах, но их жалкий вид и малочисленность не позволяли нам допустить, что это и есть селение Св. Петра и Св. Павла... Мы осмотрели все берега залива, но не увидели больше хижин или лодок, нигде не было видно ни одной живой души, только небольшие стаи уток нарушали это торжественное и необъятное безмолвие... Сама мысль о вынужденной зимовке здесь вызывала у нас содрогание» [1, с. 489—490]. Позднее Кинг даст Камчатке ещё более жёсткую оценку: «Самая дикая и тоскливая страна Земного шара» [1, с. 501].

Но, снова оказавшись в Петропавловске четыре месяца спустя, 24 августа 1779 г., англичане в корне изменили своё мнение. Лейтенант Джеймс Барни напишет: «Местность теперь выглядела очаровательнейшим образом; право же, кажется, что летняя и зимняя Камчатка — это две разные страны» [1, с. 516]. А хирург Самвелл, будучи ещё и поэтом, нашёл более выразительные слова: «Нас больше всего поразил сейчас контраст между нынешним видом местности и тем, который нам открылся, когда мы сюда пришли в мае, когда всё было в снегу. Теперь холмы и долины были покрыты зеленью, и такой роскошной картины мы никак не ожидали встретить в подобной стране... И нигде ещё я не встречал такого прекрасного вида — вершина далекой горы, убелённая снегами, вздымалась над ближними холмами, а долина

была сплошь покрыта зеленью, так что одновременно страна являла величественным и впечатляющим образом картины зимы и лета» [1, с. 518].

Тот же Самвелл даёт наиболее полное описание Петропавловска того времени и его окрестностей, а также жителей: «Страна вокруг залива (Авачинской губы. — *В. А.*) скалистая и гористая, но, кроме горных вершин, она вся покрыта лесом, преимущественно берёзовым, и лес этот идёт и на постройки, и на топливо. Селение, или острог Св. Петра и Св. Павла, стоит на узкой песчаной косе, которая образует гавань и отделяет её от залива Авача, и в эту гавань ведёт узкий проход между скалами. Селение состоит из пяти или шести русских бревенчатых домов, примерно пятнадцати балаганов и трёх или четырёх юрт. Балаганы имеют форму конуса на широком основании и поддерживаются столбами высотой около четырёх ярдов. В них поднимаются по лестницам из толстых брусьев, в которых врезаны ступеньки. Юрты частично углублены в землю и покрыты землей. Раньше в них входили сверху, но с тех пор, как здесь поселились русские, в юртах сбоку делаются двери. В этом селении юрты совсем заброшены, и камчадалы живут в балаганах. Перед балаганами устроены помосты, на которых сушат много рыбы для собак, а под балаганами висит и сушится рыба для собственного употребления.

В селении масса собак, и везде (в частности, и в самих домах) сильно воняет рыбой. В верхнем конце гавани Петра и Павла находится барак для солдат и склад, и это самые большие здешние здания. В селении около сорока солдат и шестьдесят матросов со стоящего здесь шлюпа. Русские женятся на камчадалках, и многие из русских живут в балаганах. Большинство русских — подряженные люди, и им платят по тринадцать рублей в год (англичане платили по сорок рублей за голову рогатого скота и два рубля двадцать копеек за пуд, то есть за 16,38 килограмма муки. — *В. А.*). Эти люди в летнее время питаются икряным хлебом и рыбой, в их рацион входят ягоды. Большинство из них — казаки. Многие одеты в собачьи шкуры, подобно камчадалам, и все ходят в сапогах» [1, с. 512—513].

Русские поначалу отнеслись к гостям настороженно. Это объясняется тем, что после «Большерецкого бунта» 1771 г. и побега во Францию М. Беневского власти ожидали нападения на Камчатку французской эскадры. На Камчатке только что сменилась власть. Премьер-майор Магнус Бем, бывший главным командиром Камчатки с 1773 г., в марте 1779 г. передал полномочия новому коман-

диру — капитану Василию Ивановичу Шмалеву. Но в общении с англичанами главную роль по-прежнему играл Бем, видимо, как старший в чине. Бем находился в Большерецке в ожидании судна для отплытия с Камчатки. Бем и Шмалев, получив сообщение сержанта Сургуцкого и рапорт Г. Г. Измайлова, поначалу распорядились усилить Петропавловский гарнизон, приказав командиру Нижнекамчатского острога прапорщику Брокману направить в Петропавловскую гавань двадцать солдат и казаков. Но, убедившись в мирных намерениях англичан, русские оказали им радушный приём и всемерную помощь.

Уже 4 мая Кларк пишет в своём дневнике: «Утром прибыли на борт русский купец и немец (Василий Фёдорович Посельский, владелец судна «Св. Николай», стоявшего в Петропавловске, и Иоганн Даниэль Порт, камердинер Бема. — *В. А.*), посланные губернатором из Большой реки с письмами, в которых он весьма любезно обещал снабдить нас в изобилии всем, в чём мы испытываем нужду, в той мере, в какой это позволяют возможности этой страны, а также прислал очень приветливое приглашение, призывающее меня и моих офицеров оказать ему честь и пожаловать с визитом в Большую реку» [1, с. 489].

Ввиду своей болезни, Кларк сам поехать не смог, а отправил в Большерецк небольшую делегацию: своего помощника капитана Гора, лейтенанта Кинга и художника Иоганна (Джона) Веббера в качестве переводчика с английского языка на немецкий, который был родным для М. Бема, прибалтийского немца. Путешествие из Петропавловска в Большерецк и обратно, занявшее четырнадцать дней, с 7 по 21 мая, включая четырёхдневное пребывание в Большерецке, подробно описал Кинг. До острога Каратчин (вероятно, Коряки. — *В. А.*) добирались по реке Аваче от устья на батах (долблёных из тополя лодках. — *В. А.*). В селении англичане насчитали три бревенчатых дома и девятнадцать балаганов.

Кинг подробно описывает устройство типичного камчатского дома: «В домах очень тепло благодаря большим печам... Бревенчатые дома все на один фасон, в них одна квадратная комната и вдоль одной или двух стен стоят широкие скамьи. Окон два, они маленькие, и вместо стекол в них (пропуск. — *В. А.*)... В одной из стен прорублена дверь, ведущая на кухню: последняя вдвое уже комнаты и вдвое короче её, поскольку половину этого помещения занимает печь. Из главной комнаты — дверь в широкую пристройку, в которой хранятся сани и прочие домашние вещи. Из пристройки поднимаются по приставной лестнице на чердак, расположенный

над комнатой и кухней. Стены сложены из брёвен, пазы между брёвнами хорошо проконопачены мхом, внутри помещения брёвна стесаны. Стропила и потолочные балки также стёсаны настолько гладко, насколько это можно сделать топором... Верхняя часть комнаты черна от дыма, как блестящий агат. В одном из углов помещается... картина духовного содержания (икона. — *В. А.*), и вокруг неё воткнуты маленькие восковые свечки. Глядя на этот угол, люди всегда крестятся перед тем, как сесть за общий стол» [1, с. 494—495]. Угощение в доме тойона (старосты) Каратчина англичанам очень понравилось.

Из Каратчина путешественники отправились на собачьих упряжках и 9 мая прибыли в Начикинский острог. «Натчикин стоит на маленькой, шириной не более десяти ярдов, речке, впадающей в Большую реку... здесь только один бревенчатый дом — резиденция тойона — и пять балаганов» [1, с. 496]. Кинг описал Начикинские термальные источники, отметив, что в них излечиваются такие болезни, как опухоли, ревматизм и другие.

Из Начик сплавлялись на батах по реке Плотниковой. 12 мая утром прибыли в Опачинский острог (Апача). «По величине Опачин примерно равен Каратчину». В тот же день вечером путешественники достигли Большерецка, где их встретили Бем и Шмалев. Принимали англичан в камчатской столице сердечно и с почестями. Им отвели «очень чистый и достойный дом... К нам были приставлены эконом и повар, и повару приказано было подчиняться распоряжениям Порта в части приготовления пищи соответственно английским кулинарным традициям» [1, с. 489—499].

Несмотря на нехватку продовольствия на Камчатке, Бем обещал снабдить англичан всем, что они просили. «Майор сказал нам, что он, несомненно, окажет услугу своей повелительнице, оказывая всемерную поддержку англичанам — её друзьям и союзникам, и что ей доставит удовольствие узнать, какая помощь нам оказана в столь отдаленной части её владений... Он в скором времени намерен покинуть эти места навсегда, и желает поэтому показать не только камчадалам, но и русским, как должно в будущем вести себя по отношению к иностранцам» [1, с. 499]. Англичане передали Бему серию карт второго плавания Кука и показали карту последних открытий, которая его очень заинтересовала.

Большерецкий острог располагался на острове при слиянии рек Плотниковой и Гольцовки. «Дома здесь все на один образец — бревенчатые и крытые соломой... Основная масса местных жителей обитает в двух или трёх связанных между собой длинных

домах. Посередине в этих домах есть проход, и по обе стороны его располагаются жилые помещения. Здесь есть два больших здания, где размещаются солдаты. Все дома строятся вразброс. На окраине селения стоит несколько балаганов» [1, с. 500]. Кинг отмечает, что вокруг селения сплошное низменное болото, единственное место, где земля возделана — сад Бема. Из домашних животных жители разводят лишь коров и лошадей. Причина — множество собак, от которых достаётся даже быкам. Из-за собак, без которых жители не могут обходиться, невозможно разводить кур и мелкий скот. Лишь у Бема имелось несколько кур.

В честь иностранных гостей были приглашены лучшие танцоры, исполнившие камчадальские и русские песни и танцы, а супруга Бема продемонстрировала свои наряды и танцы, принятые в «изящной» части империи. Кинг с удивлением отметил, что мадам Бем, прожив шесть лет в Большерецке, по-русски не могла произнести ни слова. Бемы оставили двух дочерей в Петербурге, а на Камчатке у них родились мальчик и девочка. «То обстоятельство, что вся семья Бемов пребывала в добром здравии... свидетельствует о том, что это место, скверное во всех других отношениях, было весьма здоровым» [1, с. 502].

16 мая делегация отправилась в обратный путь. Провожало англичан всё селение. Дамы в шёлковых платьях и ценных мехах исполняли для отъезжающих русские песни. От дома Бема к реке в две шеренги выстроилось мужское население. Из двух полевых пушек был дан салют. В Петропавловскую гавань делегацию сопровождал сам Бем и трое купцов с товарами для английских матросов. Бем и Шмалев из личных запасов собрали для капитана Кларка двадцать голов отличного сахара и много чая, свежее масло, мёд, инжир, рис и другие мелочи, а также четыреста фунтов табака для матросов (русский фунт равен 409,5 г. — *В А.*).

За двухнедельное отсутствие вид Петропавловской гавани приятно изменился, отметил Кинг. «Снег почти везде сошёл, и его совсем не было в той части берега, где стоит селение, и гавань предстала теперь перед нами в совсем ином свете» [1, с. 503].

22 мая Бему устроили торжественную встречу на борту «Резолюшн». Так как Бем собирался в начале июня отбыть в Петербург, Кларк передал с ним документы предшествующей части экспедиции, включая дневник капитана Кука, для передачи английскому посланнику.

Кинг пишет: «Майор Бем в ответ на все добрые услуги, оказанные нам, только и попросил у нас, что порох и свинец для камчадалов,

и им (камчадалам. — *В. А.*) он внушил, что в воздаяние они должны будут всегда оказывать помощь иностранцам, и что таков обычай всех цивилизованных наций... Он дал нашим капитанам письма ко всем своим соотечественникам, с которыми мы могли встретиться, и попросил их оказывать нам всемерную помощь» [1, с. 505—506].

26 мая Бем попрощался со всеми и отбыл в Большерецк. «Мы сожалели, что расстаёмся с этим человеком, которого нам вряд ли удастся когда-либо увидеть, и чье бескорыстное поведение нам крепко запомнилось. Если в любой стране, посещаемой иностранцами, дела ведутся такими людьми, как Бем, то это в высшей степени способствует приумножению славы её государей, самой этой страны» [1, с. 505].

Д. Самвелл пишет: «Чтобы хоть как-нибудь отблагодарить его (Бема. — *В. А.*) за гостеприимство, которое он проявил, снабдив наши корабли всем, что в его власти было дать нам, капитаны и офицеры обоих кораблей подарили ему ром и вино, четыре квадранта, подзорную трубу и некоторые предметы, приобретённые нами на различных островах, которые мы посетили в Южном море. Этот последний дар очень был ему по вкусу, и он намерен был преподнести его императрице» [1, с. 509].

Бем исполнил своё обещание: этнографическую коллекцию с островов Океании он привёз в Петербург за свой счёт, и она более двух столетий украшала экспозицию Кунсткамеры Российской Академии наук (ныне Музей антропологии и этнографии имени Петра I).

По возвращении в Англию капитан Гор представил в Адмиралтейство отчёт, в котором очень хорошо отозвался о Беме. Бем же, прибыв в Петербург, передал английскому посланнику Джеймсу Гаррису документы экспедиции Кука. Гаррис заявил, что Бем, оказавший огромные услуги английским мореплавателям, может рассчитывать на любую награду британского правительства, и подарил ему от себя золотую табакерку. А в 1781 г. Британское Адмиралтейство прислало Бему вазу с серебряным подносом и чашей. На вазе — благодарственная надпись по-латыни: «Выдающемуся мужу де Бему, который под верховным руководством августейшей Екатерины II... возглавил суровые берега Камчатки, оказав британским кораблям и морякам гостеприимство... спас от несчастий попавших в беду во время путешествий... Морское британское руководство с благодарностью и в знак памяти, с величайшей дружественностью и душевной благодарностью твоему Отечеству и твоему имени... дарит и посвящает. 1781» [4, с. 183].

Ваза эта Бему не досталась. Князь Потёмкин распорядился передать её в музей как «собственность русской нации». Впрочем, это было в какой-то мере справедливо. Бем был щедр с англичанами не за свой счёт, а за казённый, то есть «русской нации». Англичане получили от него в свой первый приход двадцать голов скота и двести тридцать пудов муки, за что Бем не установил никаких цен и не взял с Кларка расписки, отложив «расплату до того времени, когда дело будет решено лондонским и петербургским дворами», — сообщает Самвелл [1, с. 514]. Кларк не заплатил за это ни копейки, а впоследствии Британское адмиралтейство рассчиталось с русским правительством.

Во второй приход англичан В. И. Шмалев взял у них за восемнадцать голов скота и разные припасы расписку на 2 256 рублей 97 копеек [1, с 574—575], но цены были занижены примерно втрое против рыночных. Так, муку англичанам отпустили по два рубля двадцать копеек при рыночной цене от восьми до десяти рублей за пуд, а голову скота — по сорок рублей при рыночной цене сто рублей (цены в Петропавловске назвал Кингу сержант Сургуцкий при их первой встрече) [1, с. 487]. Причем в этих продуктах имелась большая нужда у самих жителей Камчатки. Как отмечали англичане, русские употребляли летом икряной хлеб вместо ржаного, а мясо в основном добывали на охоте.

В. И. Шмалев доносил генерал-прокурору А. А. Вяземскому о прибытии английской делегации в Большерецк: «И оныя с нами с господином пример-майором Бем с надлежащим познаниям их почтением оказыванием благоприятности приняты и на собственном нашем коште содержаны и по здешнему месту сколько возможно были довольствованы и во всех их надобностях, то есть чаем, сахаром и табаком... снабжены из нашего кошта безнедостаточно, в чём они весьма довольными и оказались.

О снабдении ж их по крайнему недостатку скотом и провиантом... посланными от меня повелениями велено верхнекамчатскому командиру из состоящего там казённого скота годных на убой быков больших... выбрать до двадцати, в то число (по слабости главнокомандующего на “Резелюционе” командира здоровья на пропитание молоком) две коровы дойных с телятами... А сержанту Сургутскому велено ж из ымеющагося... там казённого провианта... до двухсот пятидесяти пуд... отпустить... Все же те вышеписанныя припасы отпущены им по общему нашему с господином пример-майором Бем совету безденежно...» [2, с. 184—185].

Недостаток скота на Камчатке, действительно, был ощутим. Как писал в «Кратком описании о Камчатке...» в 1773 г. бывший тогда командиром Камчатки брат В. И. Шмалева капитан Тимофей Иванович Шмалев, «во всей Камчатке рогатого скота пятьсот восемьдесят семь скотин» [5, с. 34].

Уйдя в отставку, Бем жил в своём прибалтийском имении в бедности. По некоторым сведениям, он, вспомнив обещание Гарриса, ездил в Лондон хлопотать о пенсии, был принят первым лордом Адмиралтейства. Пенсию ему назначили, но от неё он по каким-то причинам отказался.

Много добрых слов англичане посвятили священнику Паратунской церкви Роману Фёдоровичу Верещагину, который ежедневно снабжал больного капитана Кларка молоком, хорошим хлебом, свежим маслом и прочим. Паратунская церковь являлась единственной на юго-востоке Камчатки. Верещагину исполнилось сорок четыре года, родился он в Большерецке. Отец его был русский, мать — камчадалка.

Д. Самвелл пишет, что «он обратил в христианство жителей четырнадцати Курильских островов. У камчадалов пользовался большим уважением и говорил на языках Верхней и Нижней Камчатки, Пенжинской земли (то есть западного побережья. — *В. А.*) и Курильских островов. Это был умный, щедрый и мыслящий человек... Поведение его было очень общительным, и к людям он хорошо был расположен, и эти качества создали ему доброе имя и известность у многих обитателей Камчатки» [1, с. 511].

На свои восемьдесят рублей в год он содержал семью, в которой насчитывалось пятеро или шестеро детей. Крузенштерн, посетивший Камчатку двадцать пять лет спустя, отмечает: «Не могу я умолчать также о семействе Верещагиных, известных читателям из путешествий Кука и Лаперуза. Оба брата, происшедшие из камчадалов, сделали величайшую честь своему состоянию. Старший из оных — достойнейший священник, умевший приобресть к себе почтение англичан, о коем говорит капитан Кинг многократно с чрезвычайною похвалою, умер скоро по отходе из Камчатки “Резолюции” и “Дисковери”. Его преемником сделался младший брат, исполнявший должность свою двадцать лет, и приобретший общую любовь. Во время прибытия нашего в Камчатку находился он на Курильских островах для проповедания христианского учения. По возвращении своём оттуда умер он в скорости; итак, я не мог, к сожалению, узнать его лично; однако посетил вдову его, которая помнит очень хорошо корабли английские и французские.

Её сын, бывший дьячком в Петропавловске, утонул, к несчастию, в реке Аваче во время нашей здесь бытности. Теперь остался один только Верещагин — дьячок в Верхнекамчатске.

Селение Паратунка, родина семейства Верещагиных, известное довольно из путешествия Кука, сделалось ныне обиталищем медведей. В 1768 году считалось жителей в оном триста шестьдесят человек, но в 1779-м только тридцать шесть. Повальная болезнь, свирепствовавшая в 1800 и 1801 годах, истребила и последних» [6, с. 264].

Во время пребывания англичан Паратунка была самым крупным поселением на юго-востоке Камчатки и располагалась в низовьях реки Паратунки, примерно там, где ныне находится посёлок Николаевка. Самвелл описывает Паратунку: «Расположена на берегу реки того же названия, примерно в двадцати милях от гавани Св. Петра и Св. Павла. Там есть церковь, шесть русских домов, шестнадцать камчадальских балаганов, которые построены на высоких столбах, и нескольких юрт, или хижин, наполовину врытых в землю. Церковь построена Берингом и, как все русские дома, она деревянная с куполом вверху. Она очень ветхая и запущенная, но здесь считается достойным местом отправления культа. Её украшает много икон, и среди них имеются иконы с изображениями Св. Петра и Св. Павла, принадлежавшие Берингу и Чирикову. Эти иконы, на которых запечатлены изображения святых патронов, были взяты в плавание к западному берегу Америки, и по возвращении кораблей они были принесены в дар этой церкви. Под навесом, который стоит близ здания церкви, подвешено четыре небольших колокола. Здесь помимо священника живёт лишь один-единственный русский — служка священника. За камчадалами надзирает, как и во всех прочих селениях, их вождь-соотечественник, который носит титул тойона.

Тойонов назначает губернатор Камчатки, который может сместить любого их них по своему усмотрению, и они свои обязанности исполняют под контролем русских. В балаганах живёт обычно человек шесть — десять. Священник сказал нам, что в приходе Паратунка насчитывается 962 камчадала, а в Большерецком — 1 460. Как велик приход, мы не установили, но узнали, что страна эта не столь населена, как в недавние годы. Во время прогулки мы набрели на развалины большой деревни, но там не осталось никаких следов от фундаментов жилых зданий. Русские говорили нам, что в 1769 году более десяти тысяч человек умерли от оспы, занесённой из Сибири через Охотск. Этот слабый народ скоро вымрет,

и, вероятно, никого из камчадалов не останется спустя несколько поколений» [1, с. 510—511].

Прогнозы Самвелла, к счастью, не оправдались, хотя камчадалов за двести двадцать пять лет и не стало больше. Ещё во время поездки в Большерецкий острог лейтенант Кинг был поражён малонаселённостью Камчатки. Объяснялось это тем, что «в прошлых 1767 и 1768 годах от оспенного поветрия померло по всей Камчатке ясашных 1 706, а всех разных званий обоего пола, как то по метрическим книгам известно, 5 368 человек» [5, с. 34].

Чёрная оспа была завезена из Охотска солдатами. Большое количество жертв (почти половина населения Камчатки) связано с полным отсутствием медицинской помощи.

Д. Самвелл сообщает в своих дневниках и некоторые этнографические сведения об ительменах. Он приводит доказательства в подтверждение гипотезы Г. Стеллера о родстве народностей Камчатки и Северо-Западной Америки: «Хотя нет признаков родства между языками камчадалов и жителей Американского материка в области залива Нортон и обитателей Наваналашки (Уналашки. — *В. А.*), имеется всё же заметное сходство в этимологии, манере произношения, тоне и акценте и в характере твёрдых гуттуральных звуков» [1, с. 511].

О камчадалах тот же Самвелл говорит: «Они коренасты, и рост у них средний, лица весьма широкие, скулы выдающиеся и красноватые, волосы и глаза чёрные, очень маленькие. Кожа у камчадалов цвета светлой меди. В целом это не очень красивый, но хорошо сложенный люд. Летом они занимаются ловлей и сушкой рыбы, зимой — охотой. Огнестрельное оружие у них в ходу, и они меткие стрелки. Говорят они и по-русски, и на своём языке, крещены, наставлены в вере и обучены письму. Мужчины одеты в собачьи шкуры, женщины переняли русские моды и носят платья из русской или китайской материи. Как все порабощенные народы, камчадалы скромны и покорны» [1, с. 513].

Наконец, 6 июня прибыли двадцать голов скота и двести тридцать пудов муки, обещанные Бемом. 13 июня корабли покинули Авачинскую губу и вышли в море. Они уходили под салют, устроенный Авачинским вулканом: началось извержение. Лейтенант Кинг пишет в дневнике 15 июня: «Перед рассветом услышали шум, подобный отдалённым раскатам грома, а на рассвете обнаружили, что палуба и борта покрыты тонкой пылью, похожей на наждачный порошок. Пыль эта висела в воздухе, и из-за неё стояла мгла. В направлении вулканической горы (Авачи. — *В. А.*) сгустилась

такая тьма, что мы не смогли разглядеть очертаний горных гряд. Около полудня и после полудня извержение вулкана всё ещё продолжалось, создавая звуки, подобные отдалённому грому, и сопровождаясь тучами золы; в общем, частицы её были величиной с горошину, но на палубе подбирали кусочки размерами с грецкий орех... Ближе к вечеру стало ужасно греметь и сверкать, и глубокая тьма, рассеянная в воздухе, создавала небывало гнетущее впечатление» [1, с. 515].

Поиски северо-западного прохода и во второй раз оказались тщетными. Выше 70° северной широты опять встретились сплошные льды. Решено было вернуться. Утром 22 августа на подходе к Шипунскому мысу в возрасте тридцати восьми лет скончался капитан Кларк, просивший похоронить его у Паратунской церкви и завещавший ей сто рублей.

24 августа корабли вошли в Петропавловскую гавань. 27 августа новый руководитель экспедиции капитан Джон Гор встретился со священником Р. Ф. Верещагиным, который предложил предать тело Кларка земле в Петропавловске, в месте, где в следующем году должны были построить церковь, и где похоронено много русских, а также участник плавания А. И. Чирикова к берегам Америки профессор Делиль де ля Кройер.

29 августа тело капитана Чарльза Кларка предали земле с воинскими почестями, достойными его ранга, по церемониалу, принятому англиканской церковью. С кораблей дали по двенадцать пушечных залпов, а солдаты трижды салютовали из мушкетов у могилы. На погребении присутствовали все офицеры с кораблей, священник Верещагин, сержант Сургуцкий. Было много русских и большинство английских матросов.

Капитан Гор отправился с плотником в Паратунку, чтобы установить в церкви гербовый щит капитана Кларка, написанный Веббером. Двадцать шесть лет спустя, в 1805 г., И. Ф. Крузенштерн нашёл щит в сенях дома коменданта Петропавловска майора Крупского. Церкви в Паратунке и самого селения к тому времени уже не существовало.

На могиле Кларка насыпали земляной холм, огороженный частоколом, вокруг могилы офицеры посадили несколько ив. В изголовье гробницы прибили доску с надписью, составленной капитаном Гором: «У подножия этого дерева покоится прах капитана Чарльза Кларка, который принял командование его британского величества кораблями “Резолюшн” и “Дискавери” по смерти капитана Джеймса Кука, который умерщвлён был на одном острове Южного

моря 14 февраля 1779 г. Умер в море от легочной чахотки 22 августа того же года в возрасте тридцати восьми лет» [1, с. 524].

Восемь лет спустя Лаперуз нашёл доску с надписью сильно повреждённой временем и приказал перенести текст с неё на медный лист. На нём сделали приписку по-французски: «Эта копия с английской подлинной надписи сделана по приказу командора Лаперуза в 1787 г.».

В сентябре 1805 г. участники первого русского кругосветного плавания под командой И. Ф. Крузенштерна во время своего третьего пребывания в Петропавловске соорудили вместо деревянной гробницы на могиле Кларка пирамиду. На одной её стороне прибили медный лист Лаперуза, на другой — нарисованный естествоиспытателем русской экспедиции Вильгельмом Тилезиусом герб Кларка, а на третьей — надпись по-русски: «Английскому капитану Кларку. Усердием общества фрегата “Надежды”. В первую экспедицию россиян вокруг света под командою флота капитан-лейтенанта Крузенштерна, 1805 года, сентября пятнадцатого дня» [6, с. 262].

Вокруг памятника вырыли глубокий ров и установили высокую ограду из частокола с дверью, которая запиралась на замок. Ключ от замка вручили коменданту Петропавловского порта майору Крупскому. Руководил постройкой обелиска будущий адмирал, а тогда капитан-лейтенант Макар Иванович Ратманов.

Два года спустя, в июле 1807 г., этот памятник видели соотечественники Кларка во главе с капитаном Арчибалдом Кемпбеллом. Они описывают его как «монумент около шестнадцати — восемнадцати футов высоты, высечен из камня с корабликом на вершине. Имеются надписи с каждой стороны, которые очень пострадали от погоды и влаги. Из-за ограды, которая его окружает, мы не смогли понять, на каком языке она была сделана» [7, с. 172].

В 1805—1814 гг. в Петропавловске неоднократно бывал один из руководителей Российско-Американской компании К. Т. Хлебников. Он пишет, что в январе — феврале 1811 г. у «пьедестала Кларкова» появились ещё два памятника: коллежскому асессору и кавалеру Коху и лейтенанту Кортавцову со шлюпа «Диана», совершавшему второе русское кругосветное плавание под командой В. М. Головнина [7, с. 197—198].

В 1818 г. начальник Камчатки Пётр Иванович Рикорд (будущий адмирал и академик) распорядился перенести прах Кларка на главную улицу Петропавловска. В. М. Головнин, совершавший своё второе кругосветное плавание на шлюпе «Камчатка», писал

об этом: «Остаток гроба и прах были положены в другой ящик и пристойною церемонией в сопровождении всех нас (моряков шлюпа «Камчатка». — *В. А.*) и стоявшей в ружьё экипажной роты был перенесён к намеченному месту и опущен в могилу, причём память покойника гарнизон почтил семью пушечными выстрелами» [8, с. 9].

В 1826 и 1827 гг. Петропавловск дважды посетил английский мореплаватель Фредерик Бичи. Он пишет: «С особым удовольствием мы заметили, что в саду губернатора находится памятник нашему соотечественнику капитану Кларку, который в хорошей сохранности и был сюда перенесён бывшим губернатором (Рикордом. — *В. А.*). Он находился на одной стороне широкой дорожки, покрытой гравием, в конце аллеи. На другой стороне дорожки стоит памятник в честь Беринга. Первый из упомянутых сооружён офицерами корабля Крузенштерна, а последний прислали из Петербурга. Этот знак уважения со стороны русских к нашему соотечественнику вызвал у нас горячую благодарность и усиливает хорошее взаимопонимание... Памятник этот должен рассматриваться как памятник величайшего интереса, так как он отмечает места захоронения спутников знаменитых Кука и Беринга, и знак уважения к широко оплакиваемому Лаперузу, медная пластинка о котором помещена над могилой нашего покойного соотечественника капитана Кларка. И знаменитый адмирал Крузенштерн, создавший памятник, отметил также на памятной табличке де ля Кройера. Такие славные имена, собранные вместе, рождают жалость, что материалы, из которых они нанесены, не столь уж прочны, как сама память о них» [7, с. 217—218].

В 1913 г. Петропавловск посетила делегация британского парламента и Адмиралтейства. Она установила над могилой Ч. Кларка четырёхгранный обелиск с надписями по-английски. На западной фасадной стороне высечено: «Памяти капитана королевского флота Чарльза Кларка, который скончался 22 августа 1779 г. в возрасте тридцати восьми лет и чьё тело покоится под этим камнем». На северной стороне грани обелиска начертано: «Этот офицер совершил несколько путешествий, посвящённых открытию новых земель, под командою капитана Кука, всемирно известного мореплавателя, и доставил его прах после того, как капитан был убит дикарями. Он умер в море после отважной, но безуспешной попытки пробиться сквозь льды, лежащие перед Беринговым проливом. Он был человеком высокого достоинства и беззаветной отваги, верный своему руководителю и безоговорочно преданный долгу».

На южной стороне написано: «Этот памятник установлен в 1913 г. офицерами, членами парламентской комиссии Адмиралтейства Великобритании, Ирландии и прочая в знак высокой оценки смелой и честной службы отважного британского офицера» [8, с. 9—10].

Этот обелиск сохранился до наших дней и стоит в центре города на улице Ленинской. В 2003 г. он был реконструирован.

Во второй приход англичане пробыли в Петропавловской гавани до 8 октября. Из заметных событий этого периода можно отметить прибытие 3 сентября из Большерецка прапорщика И. И. Синдта с письмом от капитана В. И. Шмалева, сменившего на посту командира Камчатки уехавшего премьер-майора Бема. Шмалев сообщал, что из Верхнекамчатска в Петропавловск идут шестнадцать голов скота и переводчик. Сам Шмалев обещал прибыть в Петропавловск, как только из Охотска придут шлюпы. Шлюп зашёл в Петропавловскую гавань 9 сентября, доставив обещанные Бемом муку и различный такелаж для английских кораблей. На нём находились также пятьдесят солдат во главе с подпоручиком и купец с различными товарами, а также канаты и смола. 16 сентября прибыл переводчик. Им был Пётр Матвеевич Ивашкин, политический ссыльный.

В свободное время английские офицеры охотились на уток и медведей в окрестностях Петропавловска. 22 сентября англичане отмечали годовщину коронации его величества. В полдень каждый шлюп салютовал двадцатью одним залпом.

С новым начальником экспедиции капитаном Гором обедал капитан Шмалев, прибывший утром из Большерецка. Его приветствовали одиннадцатью выстрелами. На следующий день В. И. Шмалев посетил шлюп «Дискавери», где его приветствовали также одиннадцатью выстрелами. Кстати, и капитан Гор, и капитан Кинг встречались со Шмалевым в Большерецке в мае 1779 г. Гор подарил Шмалеву золотые часы, винтовку, набор ножей в футляре и «некоторое количество рома» [1, с. 523]. П. М. Ивашкину Гор подарил набор верхней одежды, рубахи и прочее, а капитан Кинг вручил ему винтовку и разные вещи. Вскоре капитан Шмалев отбыл в Большерецк. Наконец 30 сентября прибыли шестнадцать голов скота и две лошади, предназначенные для офицеров на время стоянки. 2 октября офицеры обоих кораблей постановили, что обратный путь должен был пролегать вдоль восточных берегов Японии. Корабли вышли из гавани на рейд Авачинской губы.

На следующий день русские отмечали годовщину коронации императрицы Екатерины II. На берегу гремели залпы из ружей,

а в полдень с «Резолюшн» дали залп из двадцати пушек, затем с кораблей прозвучали залпы с долгими интервалами. Английские офицеры отпраздновали с русскими это событие на берегу.

4 октября офицеры с обоих кораблей присутствовали на обеде на борту «Резолюшн», а затем приняли участие в вечерних танцах в честь священника Р. Ф. Верещагина с женой и дочерью. На борт пришли все женщины-камчадалки и жена сержанта Сургуцкого. Под аккомпанемент скрипки Ивашкина они исполняли русские, камчадальские и курильские танцы. Всё повторилось на следующий день.

Нельзя не отметить ещё два события, которые произошли во время пребывания англичан в Петропавловске. Первое — печальное: 17 мая умер от дизентерии плотник с «Резолюшн» — Джон Макинтош. Его похоронили по морскому обычаю: опустили в море у входа в гавань. Второе событие — курьёзное. Ещё в первое пребывание в Петропавловске пропал молодой барабанщик с «Дискавери» Джереми Холлоуэй. Нашли его перед самым выходом в море. Оказалось, он влюбился в местную девушку-камчадалку и жил с ней в шалаше на берегу ручья в окрестностях Петропавловска. Под конвоем его доставили на корабль. Неизвестно, как они объяснялись, не зная языка друг друга. Во время второго захода в Петропавловск эта история повторилась. Самвелл пишет, что эта женщина-камчадалка пожелала отправиться с барабанщиком в Англию [1, с. 526].

За день до ухода экспедиции с Камчатки, 6 октября, англичане стали свидетелями ещё одного извержения Авачи. Вулкан словно устроил гостям прощальный салют.

Англичане спешили, опасаясь застрять на Камчатке на зиму. Д. Самвелл 7 октября пишет в своём дневнике: «Зима наступила здесь очень быстро. Листва облетела, травы завяли, и страна, такая зелёная в момент нашего прибытия (24 августа. — *В. А.*), снова приняла печальный и пустынный облик. Горы внутри страны покрылись снегом, и стало очень холодно» [1, с. 526].

Об этом же сообщает мидшипмен Дж. Гилберт: «Лето здесь очень короткое и продолжается немного больше четырёх месяцев. В октябре страна принимает совершенно зимний облик: деревья и кусты теряют листву, дни становятся холодными. Я не сомневаюсь, что в конце ноября и в начале декабря земля здесь покрывается снегом» [1, с. 526].

Ещё 2 октября корабли вышли из гавани в Авачинскую губу, а 7 октября с берега на борт доставили палатки и всё прочее

имущество. Утром 8 октября «Резолюшн» и «Дискавери» снялись с якорей и со свежим северным ветром вышли из Авачинской губы. Хорошая погода в первые дни плавания позволила провести съёмку восточного побережья Камчатки до мыса Лопатка, определив его координаты в 50° северной широты и 155°30' западной долготы. Дальше путь экспедиции пролегал вдоль восточных берегов Курильской гряды, но ни одного острова из-за непогоды ей увидеть не удалось. Пройдя вдоль берегов Японии и Китая, сделав остановку в Макао, корабли обогнули Африку и 7 октября 1780 г., то есть спустя ровно год после выхода из Петропавловска, вошли в устье Темзы.

Так закончилось третье кругосветное плавание Кука, длившееся четыре года и три месяца. Три месяца из них английские моряки провели в Петропавловской гавани, да ещё почти три недели они находились на острове Уналашка, общаясь с русскими. Из-за болезней, несчастных случаев и стычек с аборигенами Гавайских островов экспедиция потеряла пятнадцать человек, в том числе двух своих руководителей. Экипажам выплатили жалование за время плавания в шестикратном размере, все офицеры и многие матросы получили повышение в чине. Все члены экипажей (кроме солдат морской пехоты) были освобождены от военной службы, что было немаловажно, так как Англия в это время одновременно воевала с Францией и со своими североамериканскими колониями.

Экспедиция не выполнила своей главной цели — не нашла северо-западный проход. Самым значительным её вкладом стало открытие Гавайских островов, значительные открытия были сделаны в северной части Тихого океана: заливы Нортон и Бристольский на западных берегах Аляски. Экспедиция уточнила контуры южного побережья Аляски, открытого Берингом и Чириковым за тридцать семь лет до Кука; корабли Кука дважды проходили через Берингов пролив в Северный Ледовитый океан и положили начало исследованию северного побережья Аляски.

Надо сказать, что карты и описания берегов Аляски и северной части Тихоокеанского бассейна, переданные Кларком Бему, были высоко оценены в России и нашли отражение на русских картах. Так, уже в 1779 г. в Иркутске на основании карты Кука, отобранной у Бема иркутским губернатором Ф. Н. Кличкой, секунд-майор М. Татаринов составил «Карту около Северного Полюса всему Северному океану с показанием в Ледовитом океане також в Тихом море господ офицеров морских российских, английских и гишпан-

ских». Материалы экспедиции Кука облегчили русским промышленникам дальнейшее освоение западных берегов Аляски.

Огромное значение для мировой науки имели также этнографические, геологические, зоологические и ботанические наблюдения участников третьей экспедиции Кука. Дневники Кука были опубликованы уже в 1784 г. К настоящему времени напечатаны свидетельства около тридцати его участников. В русском переводе материалы третьего плавания Кука, на которые мы ссылаемся, вышли в 1971 г. Наиболее полно пребывание экспедиции на Камчатке освещается в дневниках Дж. Кинга и Д. Самвелла.

Русские источники немногословно, но достаточно полно рассказывают о пребывании англичан на Камчатке и их встречах с русскими на Уналашке. В них поражает точность изложения целей и хода экспедиции, несмотря на то, что общение происходило без знания языка друг друга, особенно на Уналашке. Русских источников не так много — это два рапорта Г. Г. Измайлова о посещении английской экспедицией Уналашки (в контору над Петропавловским портом и в Большерецкую канцелярию, переданные им с англичанами); два рапорта главного командира Камчатки В. И. Шмалева генерал-прокурору А. А. Вяземскому; рапорт М. Бема иркутскому губернатору Ф. Н. Кличке; письмо Ф. Н. Клички А. А. Вяземскому с изложением второго рапорта В. И. Шмалева.

И на Камчатке, и на Уналашке русские гостеприимно и с радушием встречали англичан, между ними сложились дружеские отношения, несмотря на незнание языка. Об этом свидетельствуют и английские, и русские источники. Англичане с почестями принимали у себя на борту обоих главных командиров Камчатки: прежнего — М. Бема и нового — В. И. Шмалева, священника Ф. Р. Верещагина. Русские также с большими почестями встречали делегацию английских офицеров в Большерецке. Русские и англичане вместе торжественно отмечали годовщины коронации английского короля и русской императрицы. О добрых отношениях свидетельствуют и бережное отношение русских к могиле Ч. Кларка, и многое другое.

Посещение Петропавловска экспедицией Кука, можно сказать, открыло Камчатку миру. Петропавловскую гавань стали регулярно посещать иностранные корабли с научными и торговыми целями (уже упоминались экспедиции Лаперуза, Кемпбелла, Бичи). Оно подтолкнуло русское правительство к организации собственных кругосветных экспедиций (к сожалению, не состоялось грандиозное плавание Г. И. Муловского в 1787 г., но в первой половине XIX в.

Петропавловск посетили десятки русских кораблей, совершавших кругосветные походы). Больше внимания стало уделяться охране русских владений на Тихом океане, и вскоре административный центр Камчатки был перенесён в Петропавловск.

Источники

1. Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. — М.: Мысль, 1971.

2. *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. — М.: Наука, 1968.

3. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сб. док. — М.: Наука, 1989.

4. Норд-Ост. — Петропавловск-Камчатский, 1980.

5. «Пойдём ныне по своему Отечеству...» — Усть-Камчатск, 1993.

6. *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». — Владивосток, 1976.

7. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994.

8. *Мартыненко В. П.* Памятники Петропавловска-Камчатского. — Петропавловск-Камчатский, 1989.

«ЛИША ЧИНОВ... СОСЛАТЬ В КАМЧАТКУ»

Примерно такими словами заканчивались приговоры по многим политическим делам в 30—60-е гг. XVIII в. Камчатка, как часть Сибири, длительное время была официальным местом ссылки. Соборное Уложение 1649 г. предписывало отправлять в Сибирь «изменников и преступников» из крестьян, посадских людей, стрельцов, гулящих людей, старообрядцев, а также пленных поляков и шведов. В XVIII в. стали ссылать в Сибирь также участников дворцовых переворотов и заговоров, принадлежавших к высшим слоям общества. На Камчатку ссыльные попадали морем из Охотска, в административном подчинении которому Камчатка находилась в XVIII в. Население самого Охотска состояло в основном из ссыльных. Даже первые командиры Охотского порта Г. Г. Скорняков-Писарев и А. М. Девиер, известные деятели петровской эпохи, были ссыльными. В Охотске отбывал каторгу на солеваренном заводе видный государственный деятель из окружения Петра I, учёный гидрограф Ф. И. Соймонов, впоследствии ставший губернатором Сибири. Все они сыграли важную роль в организации деятельности Второй Камчатской экспедиции.

В документах XVIII в. часто упоминаются «ссылошные» или «присыльные» на Камчатку из Охотска матросы, крестьяне инородцы. В 1730-е гг. появляются ссыльные из высших сословий. Ссыльные сыграли заметную роль в истории нашего края, а некоторые события, связанные с ними, вошли в российскую историю. Они участвовали в научных экспедициях. Участники «Большерецкого бунта» 1771 г., организованного группой ссыльных офицеров, были первыми россиянами, побывавшими в южном полушарии и совершившими морское путешествие из Камчатки во Францию через три океана.

Среди отбывавших ссылку на Камчатке были и малоизвестные лица, и талантливые исследователи, внёсшие значительный вклад в науку, и участники важных событий в русской истории. О некоторых ссыльных сведения очень скудны, о других известно достаточно много. Например, о П. М. Ивашкине писали участники экспедиций Дж. Кука и Ж. Ф. Лаперуза, И. Ф. Крузенштерн, В. И. Штейнгель и другие.

Обширная литература имеется о руководителе «Большерецкого бунта» М. Беневском. О. Батурине, Степанове, Панове и других писали многие камчатские историки и краеведы. Много интересных сведений о причинах, приведших в камчатскую ссылку участников дворцовых заговоров, приводится в трудах известного русского историка С. М. Соловьёва.

Исследователь Камчатки К. Дитмар, посетивший полуостров в 1851—1855 гг., даёт такие сведения: «Авача не составляет старокамчадальской деревни, а основана только в конце прошлого века для поселения ссыльных» [1]. «На Паратунке в начале нынешнего столетия стояла большая деревня с церковью, населённая преимущественно ссыльными якутами и их потомством» [2].

Первые ссыльные на полуострове появились в 30-е гг. XVIII в., а после амнистии 1762 г. остался, видимо, один П. М. Ивашкин, освобождённый лишь в правление Александра I. Как правило, сюда отправляли наиболее опасных политических преступников, некоторым из них ссылкой на Камчатку заменяли смертную казнь.

Н. В. Слюнин, участник Охотско-Камчатской экспедиции 1896—1898 гг. К. И. Богдановича, пишет: «Правительство, заботясь о заселении пустынных мест Сибири, направляло туда массу лиц по разным преступлениям. Эта невольная колонизация, переполнив города и остроги других мест, достигла Охотска, а потом Камчатки (примечание Н. В. Слюнина: «Из множества ссыльных здесь были: флота капитан-поручик Казанцев, дворянин И. Монтин, несколько

распопов и купцов»), куда по преимуществу ссылались более важные преступники. Первым таким пионером, кажется, был сержант Семёновского полка Ал. Шубин. Он сослан (1731 г.) за то, что, любя цесаревну Елизавету, хотел тайно освободить Долгоруких и с помощью их возвести её на престол. За это он предварительно подвергся пытке, наказан кнутом и с вырезанным языком отправлен в Камчатку, где его заставили жениться на камчадалке. Потом следовали: капитан Азовского полка П. Калачёв; колодники — камер-лакей Анны Иоанновны Турчанинов, прапорщик Ивашкин и сержант Сновидов. Первому из них был отрезан язык, всем троим вырваны ноздри. По отчёту Большерецкой канцелярии, в царствование Екатерины II сюда сосланы были: Гурьев (1762 г.); капитан гвардии Хрущов (1763 г.) и лекарь Мейдер (1765 г.), в 1770 г. на казённом галиоте “Св. Пётр” сюда доставлены поручик гвардии Панов, армии капитан Степанов, артиллерии полковник Батурин и с ними два иностранца: Мориц-Август Беневский и швед Винблан. Последние два по указу императрицы должны были сами “снискивать содержание своими трудами”» [3].

Н. В. Слюнин называет далеко не всех ссыльных, о некоторых, упомянутых им, сведений нам найти не удалось.

Первым известным ссыльным, оставившим заметный след в истории Камчатки, был Андрей (Генрик) Яковлевич Буш — выходец из Голландии. Он принимал участие, по крайней мере, в четырёх экспедициях на Камчатку. Буш в молодости служил матросом на кораблях различных европейских стран, а в начале XVIII в. нанялся в рейтары (наёмные конные войска) в Швецию. Участвуя в Северной войне, он в 1706 г. под Выборгом попал в русский плен и был сослан в Сибирь. В 1714 г. Буша направили в Охотск матросом в экспедицию К. Соколова, организованную по указу Петра I для поиска морского пути из Охотска на Камчатку. Он участвовал в строительстве первого русского морского судна на Тихом океане «Восток». Вместе с Н. М. Треской и Я. В. Невейцыным летом 1716 г. он привёл «Восток» на Камчатку, открыв тем самым морской путь из Охотска [4]. По возвращении с Камчатки в 1717 г. «матрос Андрей Яковлев сын Буш» снова значится первым в списке Большого Камчатского наряда — вновь организованной экспедиции под руководством полковника Я. А. Ельчина [5]. В 1720—1721 гг. А. Я. Буш — снова на Камчатке в составе первой русской научной экспедиции геодезистов И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина, организованной Петром I для поисков Америки. Он командует судном «Восток» в плавании из Большерецка вдоль Курильской

гряды. Экспедиция дошла до острова Симушир, положив на карту четырнадцать Курильских островов. Позднее Буш неоднократно плавал на Камчатку в составе экспедиции А. Ф. Шестакова — Д. И. Павлуцкого.

О большом опыте Буша и прекрасном знании им западного побережья Камчатки свидетельствует подштурман И. Фёдоров (будущий первооткрыватель Аляски) в доношении штурману Я. Генсу о плавании бота «Восточный Гавриил» из Охотска на Камчатку осенью 1730 г.: «Сентября 25-го дня... дошли мы до камчацкого берега против устья Воровской реки, которое место опознал мореход Андрей Буш... 28 сентября... подошли мы к камчацкому берегу, и мореход Андрей Буш опознал на оном берегу устья реки Крутогоровой» [6].

О дальнейшей судьбе А. Я. Буша известно очень мало. 7 августа 1735 г. он просил уволить его за старостью. Отставка была дана. Ивестно, что в 1736 г. его видели в Якутске, ходившим по миру, то есть нищенствующим [7].

Н. В. Слюнин называет «пионером» политической ссылки на Камчатке прапорщика лейб-гвардии Семёновского полка Алексея Яковлевича Шубина, сосланного в 1731 г. по указу Анны Иоанновны якобы «за то, что любя цесаревну Елизавету, хотел тайно освободить Долгоруких и с помощью их возвести её на престол». Русский писатель А. Печерский называет другую причину. Анна Иоанновна боялась тайного брака влюблённой в Шубина Елизаветы с красавцем-гвардейцем, «...поелику кровь царскую с мелкой помещичей мешать негоже». А. Шубин происходил из мелкопоместных дворян Вятской губернии. Кроме того, императрица, при которой, как писал В. О. Ключевский, «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении» [8], видимо, боялась усиления популярности цесаревны Елизаветы среди патриотически настроенных русских гвардейцев, в которых «злоба на немцев расшевелила национальное чувство». Все, казавшиеся немецкому окружению Анны опасными или неудобными, очутились в ссылке. «Всех сосланных при Анне в Сибирь считалось свыше двадцати тысяч человек, из них более пяти тысяч было таких, о которых нельзя было сыскать никакого следа, куда они сосланы» [9].

Среди последних значился и А. Я. Шубин, отбывавший одиннадцать лет ссылки в Верхнекамчатском остроге, где он женился на русской женщине Анастасии (а не на камчадалке, как пишет

Н. В. Слюнин), сосланной на Камчатку за убийство барыни, повелевшей беспричинно запороть её сына [10].

Об освобождении Шубина пишет А. Печерский в повести «Княжна Тараканова»: «Вступив на престол, Елизавета Петровна вспомнила о своём любимце, сосланном за неё в дальнюю Камчатку. С великим трудом отыскали его не ранее 1742 г. в одном камчадальском селении. Посланный объездил всю Камчатку и спрашивал, нет ли где Шубина, но не смог ничего разузнать. Когда его ссылали, то не объявили его имени, а самому ему было запрещено называть себя кому бы то ни было под страхом смертной казни. В одной юрте посланный отыскивать ссыльного спрашивал несколько бывших тут арестантов, не слыхивали ли они чего-нибудь про Шубина? Никто не дал положительного ответа. Потом, разговорясь с арестантами, посланный упомянул имя императрицы Елизаветы Петровны. “Разве Елизавета царствует?” — спросил тогда один из ссыльных. “Да вот уже другой год, как Елизавета Петровна восприяла родительский престол”, — отвечал посыльный. “Но чем вы удостоверите в истине?” — спросил ссыльный. Офицер показал ему подорожную и другие бумаги, в которых было написано имя императрицы Елизаветы. “В таком случае Шубин, которого вы отыскиваете, перед вами”, — отвечал арестант. Его привезли в Петербург, где 2 марта 1743 г. произвели “за невинное претерпение” прямо в генерал-майоры и лейб-гвардии Семёновского полка майоры и наградили Александровской лентой. Императрица пожаловала ему богатые вотчины, в том числе Работки на Волге, что в нынешнем Макарьевском уезде Новгородской губернии» [11].

В 1744 г. уже генерал-поручик Шубин из-за подорванного в одиннадцатилетней камчатской ссылке здоровья ушёл в отставку и поселился в имении Работки, где вскоре и умер.

В 1732 г. был послан на Камчатку для «составления описаний местности и острогов» капитан-лейтенант В. И. Казанцев. Его отправили в Сибирь по указу малолетнего императора Петра II от 5 января 1728 г. за «непристойные» слова в защиту опального князя А. Д. Меншикова и тем же указом прикомандировали к Первой Камчатской экспедиции. Но он начал писать в Сенат доносы о непорядках в управлении Охотским краем его начальником Г. Г. Скорняковым-Писаревым и о злоупотреблениях в Камчатской экспедиции. Составленное им географическое и этнографическое описание Охотского края и Камчатки было оставлены без внимания [12].

Одним из первых политических ссыльных на Камчатке можно считать известного полярного исследователя, командира одного из семи отрядов Второй Камчатской экспедиции Дмитрия Леонтьевича Овцына. Д. Л. Овцын, род которого происходит из муромских князей, в 1721 г. поступил в Навигацкую школу в Москве, затем был переведён в Петербург в Морскую академию, где в это время преподавал А. И. Чириков. Служил на Балтике, принимал участие в походе русских кораблей в Испанию. В 1733 г. в чине «лейтенанта майорского ранга» Овцын назначен командиром Обь-Енисейского отряда Второй Камчатской экспедиции, пользовался особым доверием Беринга. В 1734—1738 гг. он прошёл на судах из Оби в Енисей. Карты побережья, составленные им, почти двести лет оставались единственными для этого района Арктики. В 1738 г. Д. Л. Овцын, прибывший в Тобольск с отчётом о работе экспедиции, был арестован по обвинению в дружеских отношениях с опальной семьёй князей Долгоруких, отбывавших ссылку в Берёзове. Овцына разжаловали в матросы и под конвоем доставили в Охотск. Беринг назначил его своим адъютантом. Вместе с Берингом на пакетботе «Св. Пётр» он прибыл в октябре 1740 г. в Петропавловскую гавань, участвовал в плавании к берегам Америки, зимовал на острове Беринга.

Вернувшийся 27 августа 1742 г. в Петропавловск «матроз первой статьи Дмитрий Овцын» узнал, что ещё полтора года назад, по указу от 19 февраля 1741 г., ему возвращено звание лейтенанта. Впоследствии Д. Л. Овцын вместе с А. И. Чириковым, И. Ф. Елагиным, Д. П. и Х. П. Лаптевыми, С. Ф. Хитрово, С. Г. Малыгиным участвовал в составлении «Карты Генеральной Российской империи, северных и восточных берегов, прилежащих к Северному Ледовитому и Восточному океанам, с частью вновь найденных чрез морское плавание западных американских берегов и острова Япона». За заслуги в работе экспедиции Овцын был произведён в капитаны 2-го ранга. Участвуя в Семилетней войне, Овцын заболел и умер в 1757 г. Его именем названы мыс и пролив в Карском море, гидрографическое судно.

Вместе с Овцыным был осуждён князь Алексей Алексеевич Долгорукий. Его отец, князь А. Г. Долгорукий, член Верховного Тайного Совета, сумел посадить на престол после смерти Екатерины I двенадцатилетнего внука Петра I — Петра II (1727—1730). Пётр II скорпостижно умер в день намеченной свадьбы с дочерью Долгорукого Екатериной. Новая императрица Анна Иоанновна (1730—1740 гг.) сослала семейство Долгоруких в Берёзов на Оби.

А. Г. Долгорукий и его жена вскоре умерли, а дети (четыре сына и три дочери) и братья по ложному обвинению в заговоре были осуждены. Старший сын Иван и два его дяди были казнены, два других сына сосланы на каторгу, сёстры — в монастырь, а младший сын Алексей, «дабы более ему в даче кормовых денег не происходило, и оттого бы интересу напрасной траты не было, и праздно бы не жил», направлен во Вторую Камчатскую экспедицию в отряд М. П. Шпанберга. Известно, что он участвовал простым матросом во втором (неудавшемся) плавании кораблей Шпанберга в 1742 г. из Большерецка к Японии.

Н. В. Слюнин упоминает также о том, что во время Второй Камчатской экспедиции в Большерецке была открыта первая на Камчатке школа, учителем в которую назначили ссыльного — бывшего поручика Пражевского. За что он был сослан, Слюнин не упоминает [13].

Тридцать лет спустя после А. Шубина на Камчатке оказался Пётр Матвеевич Ивашкин, которого некоторые источники также называют фаворитом Елизаветы Петровны. П. М. Ивашкин — самый известный из камчатских ссыльных. Первое упоминание о нём встречается в дневниках участников третьего кругосветного плавания Дж. Кука. Корабли Кука дважды в 1779 г. посетили Петропавловскую гавань. В первый приход англичан весной 1779 г. роль переводчика исполнял Иоганн Порт, камердинер тогдашнего начальника Камчатки (1773—1779 гг.) премьер-майора Магнуса фон Бема. Во время второго захода английских кораблей для похорон умершего руководителя экспедиции капитана Кларка Бем и Порт уже покинули полуостров. Исполняющий обязанности начальника Камчатки капитан-исправник В. И. Шмалев вынужден был нарушить правила содержания ссыльных, которые запрещали покидать определённое им место пребывания. В переписке запрещалось называть настоящее имя ссыльных — опасных государственных преступников. Поэтому в рапорте начальству о своём решении он называет ссыльного Ивашкина Квашниным: «Нынешнее вторичное тех англичан в Петропавловскую гавань прибытие по необходимой надобности учинился потребен к разговариванию с ними перевотчик, но его здесь в Камчатке сыскать было негде, кроме находящегося здесь в Верхнекамчатском остроге ссылочного Петра Квашнина... То в рассуждение сей необходимости... велено его, Квашнина, к Петропавловской гавани отправить. Куда по прибытии как при мне, так и без меня, при тех господах англичанах в переводе состоял» [14].

В дневниках участников английской экспедиции приводятся некоторые сведения из его биографии. Так, хирург экспедиции Д. Самвелл пишет в своём дневнике 16 сентября 1779 г.: «Сегодня прибыл переводчик, которого мы ожидали, и нам его представил капитан... Он был русским дворянином, сослали его сюда лет тридцать назад. Звали этого человека Петром Матвеевичем Ивашкиным. Он родился в 1723 г., был прапорщиком в лейб-гвардии императрицы Елизаветы и её фаворитом, но за преступление (а какое именно, ему неведомо) его сослали в эту страну (можно предположить, что как раз за то, что он был в интимной связи с императрицей). Но как бы то ни было, преступление его оказалось такого характера, что последующие государи России не считали нужным отослать его из ссылки, хотя о его деле неоднократно докладывали двору многие правители Камчатки. Перед ссылкой он был бит кнутом и у него разрезаны ноздри, и знак этого наказания остался у него навсегда. Отец его был генералом русской армии. Он рассказал нам, что, находясь здесь, испытал великие лишения, тридцать лет не пробовал хлеба и питался одной лишь рыбой до тех пор, пока майор Бем не заинтересовался им и не сделал его жизнь более сносной.

Это был высокий и крепкий человек и, видимо, в молодости он был красив. Он хорошо играл на скрипке и был отлично воспитан, понимал французский и немецкий языки, в юности ездил в Париж, Амстердам и, видимо, тяжко переживал свою злую судьбу, которая обрекла его на прозябание в этой дикой стране» [15].

Восемь лет спустя Петропавловскую гавань посетила французская экспедиция Лаперуза. Ивашкина вновь доставили в Петропавловск в качестве переводчика. Лаперуз пишет: «Я выразил удивление... обнаружив старика Ивашкина на Камчатке, тогда как, по сообщению англичан, он получил право поселиться в Охотске. Мы не преминули проявить большой интерес к этому несчастному старику, узнав, что его единственная вина состояла в том, что непочтительно отозвался об императрице Елизавете, сидя за столом, когда его разум помутился от вина. Тогда ему было чуть более двадцати лет» [16].

Много строк посвятил Ивашкину в своей книге «Путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири» курьер Лаперуза, посланный им из Петропавловска в Париж с документами экспедиции, Жан-Батист Бартелеми Лессепс. Он провёл с Ивашкиным несколько месяцев, проехав вместе по Камчатке сначала до Большерецка, а затем до Верхнекамчатска, где постоянно проживал Ивашкин. Лессепс с большим сочувствием пишет о судьбе Ивашкина, которому

к этому времени было около шестидесяти пяти лет, приводит подробности жизни его среди камчадалов, сообщает, что Екатерина разрешила ему обосноваться в Якутске, но он предпочёл «жить с камчадалами и в покое препроводить остатки дней своих между теми, которые знали его честность и которые по смерти будут его почитать и уважать как друга» [17]. Лессепс посетил Ивашкина в его доме в Верхнекамчатском остроге.

Последние упоминания об Ивашкине относятся к 1805 г. Первый русский кругосветный мореплаватель И. Ф. Крузенштерн пишет, что Ивашкин получил свободу и хотел, чтобы его взяли с собой в Петербург на шлюпе «Надежда», но передумал. Ему было в это время восемьдесят два года (Крузенштерн ошибочно называет восемьдесят шесть лет). «О вине и ссылке его многим рассказывал он следующее: что по ложным доносам в заговоре против императрицы Елизаветы был он лишён чинов и дворянства, высечен кнутом и сослан в ссылку. Он... поныне клятвенно уверяет, что не имел во мнимом заговоре ни малейшего участия. Ему поручено было после смотрения над якутами, за угнетение коих сослан он, наконец, в Камчатку. Его обвиняют даже в смертоубийстве» [18].

В том же году (1805) получил указание доставить Ивашкина в Охотск Владимир Иванович Штейнгель — будущий декабрист, проведший детские годы на Камчатке, где его отец в 1784—1790 гг. служил капитаном-исправником Нижнекамчатского округа. После окончания Морского кадетского корпуса, где он учился вместе с Ф. Ф. Беллинсгаузеном и П. И. Рикордом (будущим начальником Камчатки), в начале 1800-х гг. В. И. Штейнгель служил на судах Охотской флотилии, часто бывал на Камчатке. Он пишет: «В Камчатке в то время было интересное лицо, любимое всеми камчадалами, под именем Матвеича: это Ивашкин, крестник Петра Великого... Лет двадцать он прожил в Якутске и сорок — в Камчатке. Я вскоре познакомился с этим интересным человеком» [19].

Штейнгель пишет, что ему в 1805 г. было поручено доставить Ивашкина в Охотск. Ивашкину даровали свободу, возвратили чин прапорщика и дворянство, назначили пенсию. Но он уезжать с Камчатки отказался. В 1806 г. в возрасте восьмидесяти трёх лет он скончался, пробыв в ссылке в общей сложности шестьдесят три года.

Кто же такой на самом деле П. М. Ивашкин? За что он оказался в ссылке? У известного русского историка С. М. Соловьёва в его капитальном труде «История России с древнейших времен» читаем о событиях июля 1742 г.: «Дело состояло в следующем: камер-лакей Александр Турчанинов, Преображенского полка прапорщик

Пётр Ивашкин, Измайловского полка сержант Иван Сновидов составляли заговор с целью захватить и умертвить Елизавету и племянника её, герцога Голштинского и возвести на престол свергнутого Иоанна Антоновича. Они говорили, что Елисавета и сестра её Анна прижиты вне брака, и потому незаконные дочери Петра Великого. Дело тянулось до декабря, когда виновных высекли кнутом и сослали в Сибирь, у Турчанинова вырезали язык и ноздри, а у двоих товарищей его только ноздри» [20].

Известный камчатский краевед С. И. Вахрин нашёл в Центральном государственном архиве древних актов документы о рассмотрении вопроса о помиловании П. М. Ивашкина в декабре 1801 г., вскоре после восхождения на престол Александра I. В заключении о помиловании говорится: «...преступление Ивашкина столь велико и столь важно, что он не токмо помилования, но даже и никакого облегчения во участи своей не заслуживает...» [21]. И это почти через шестьдесят лет после ареста! В чём же состояло преступление, за которое четыре императора не желали помиловать виновника, и только пятый сделал это на его восьмидесятом году жизни?

«Ивашкин по восшествии на престол... Елизаветы Петровны имел... намерение, чтоб, собрав партию ночным временем, придти ко дворцу и, захватя караул, войти в покои и её, государыню и его высочество умертвить, лейб-кампанию заарестовать, кто будет противиться — колоть до смерти...» [22].

Таким образом, мы теперь знаем, что П. М. Ивашкин происходил из древнего дворянского рода, родился в 1723 г. в семье петровского генерала, был крестником Петра I, в юности обучался в Париже и Амстердаме, будучи прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка, в июле 1742 г. был ложно обвинён в заговоре против императрицы Елизаветы Петровны, приговорён к смертной казни, заменённой ссылкой в Сибирь. Около двадцати лет он отбывал ссылку в Якутии, а с восшествием на престол Екатерины II был сослан на Камчатку, где провёл более сорока лет и умер в 1806 г.

Оба его товарища — Александр Дмитриевич Турчанинов и Иван Кириакович Сновидов, также сосланные сначала в Восточную Сибирь, затем отбывали ссылку на Камчатке. Первый — в Большерецком остроге, второй — в Нижекамчатске. «А сей Гурчанин (Турчанинов. — *В. А.*)... и сам с ним Ивашкиным к тому злому намерению согласился... вымышлено от себя произносил напечатанные манифесты...» [23]. Турчанинов отбывал ссылку сперва в Охотске, а в начале 1760-х гг. оказался в Большерецке, где подружился

с командиром Камчатки капитан-поручиком И. С. Извековым и стал главой компании пьяниц, прижившихся при начальнике. Извеков установил в остроге свои законы, и с друзьями терроризировал жителей, тратил казённые деньги. Все жалобы на него в Охотск и Петербург оставались без ответа.

В 1768 г. на Камчатку обрушилась эпидемия чёрной оспы, унесшая шесть тысяч жизней — половину населения полуострова. Это переполнило чашу терпения местных жителей. 2 мая 1769 г. матросы, казаки, чиновники, промышленники, купцы и камчадалы, объединившись, силой сместили Извекова. Его арестовали, отправили в Охотск и после суда разжаловали в матросы. Турчанинов, оставшись без покровителя, был вынужден вести жизнь обычного ссыльного. В 1770 г. он примкнул к заговору Беневского, участвовал в побеге с Камчатки и умер от лихорадки в Макао в 1771 г.

Иначе сложилась судьба третьего участника этого заговора — И. К. Сновидова. «Сновидов в вышеназначенном злодейском умысле явился сообщником, пообещался к тому сыскать себе друзей и партию, а притом многие склонные к тому злодейскому намерению слова говорил, и тем Турчанинова поощрял, по принцессе Анне и муже её, по сыне их принце Иоанне сожалительные слова говорил же» [24].

Ж. Б. Лессепс посетил Нижекамчатск по пути из Петропавловска в Париж. «Я был у несчастного изгнанника Снафидова (Сновидова. — *В. А.*), который в одно время почти с Ивашкиным имел несчастную участь, но не по одинаким причинам, он сослан в Камчатку в 1744 г.» [25]. Видимо, Сновидов не хотел признаваться Лессепсу, что он был осуждён по одному делу с Ивашкиным. Известно, что он, как и Ивашкин, навсегда остался на Камчатке, но до помилования не дожил. Сновидов завёл в устье реки Камчатки солеваренное дело, снабжая солью промышленников, отправлявшихся на Алеутские острова, женился на камчадалке, вырастил двоих сыновей, один из которых стал купцом, другой — священником. И сейчас в долине реки Камчатки живёт немало Сновидовых и Снафидовых — потомков И. К. Сновидова.

Кстати, год спустя после ареста Ивашкина, в июле 1743 г. был раскрыт ещё один заговор в пользу Иоанна Антоновича. Возглавил его подполковник Иван Степанович Лопухин, приговорённый к смертной казни, но затем разжалованный и сосланный матросом на Камчатку. Лопухин говорил: «Государыня ездит в Царское Село и напивается, любит английское пиво... Ей наследницею и быть было нельзя, потому что она незаконнорожденная» [26].

Восемь человек по делу Лопухина были приговорены к смертной казни, заменённой отправкой в Сибирь. Самым ярким событием в истории Камчатки, связанным со ссыльными, явился «Большерецкий бунт» 1771 г. Его организатором и руководителем являлся Мориц Август Беневский — одна из ярких фигур в истории XVIII в. В двадцать семь лет он был генералом в армии польских конфедератов, позднее — бригадным генералом французской армии, едва не стал генералом в северо-американской армии во время войны за независимость (он трижды посетил Америку и был знаком с Б. Франклином и Дж. Вашингтоном). Беневский был незаурядным шахматистом: в теории шахмат есть так называемый «мат Беневского». Более десяти лет Беневский был «королём Мадагаскара». На Камчатке он пробыл около девяти месяцев, но память о себе оставил долгую. О нём писали Лессепс в 1787 г. и Ю. Копэть в 1796 г. Даже В. М. Головнин в 1811 г. встречал в Большерецке людей, помнивших события сорокалетней давности и самого Беневского.

С мемуарами Беневского связана длительная подозрительность Японии в отношении России. Впервые русские люди (беглецы с Камчатки во главе с ним) совершили плавание через три океана с Камчатки в Европу, побывали в южном полушарии. Побег ссыльных в 1771 г. заставил Екатерину II отказаться от Камчатки как надёжного места политической ссылки. Лишь двадцать три года спустя, в 1794 г. сюда сослали Ю. Копэтя — бригадного генерала армии Т. Костюшко.

В «Большерецком бунте» и побеге с Камчатки приняли участие восемь из девяти ссыльных офицеров, отбывавших наказание в Большерецком остроге за серьёзные политические преступления. Перед уходом с Камчатки они составили политический документ — «Объявление» для Сената, в котором объясняли причины бунта и обвиняли императрицу.

Мориц Август Беневский, венгерский барон и французский граф, родился в 1741 г. в Словакии в селении Вербово в семье австрийского генерала. Получил военное образование в Вене и в четырнадцать лет поступил на службу. Участвовал в Семилетней войне (1756—1763 гг.). Потеряв отцовское имение из-за ссоры с родственниками, бежал в Польшу, где унаследовал от дяди имение в Литве. Затем отправился в Германию, где изучал морское дело в Гамбурге. В 1767 г. готовился отплыть в Индию, но события в Польше помешали этому. В 1768 г. в чине полковника сражался на стороне Барской конфедерации против короля Станислава

Понятовского, ставленника Екатерины II, поддержанного русскими войсками. В Кракове попал в плен к русским, был отпущен под честное слово. Но вскоре снова угодил в плен, уже в чине генерала, командующего артиллерией конфедератов.

Вместе с другим пленным — шведским наёмником майором Адольфом Винбландом отправлен в Казань, откуда они бежали, но были арестованы уже в Петербурге и в декабре 1769 г. сосланы в Камчатку «навечно». Во Владимире к ним присоединили ещё троих ссыльных офицеров, отправленных на полуостров: гвардии поручика Василия Панова, ротмистра Ипполита Степанова и «полковника артиллерии» Иоасафа Батурина. В пути узники составили план побега, договорившись захватить в Охотске судно и уйти на нём в Японию или Китай. В Охотске заговорщики приобрели оружие, нашли сообщников среди экипажа галиота «Св. Пётр», который должен был доставить их в Большерецк. Но по пути на Камчатку судно получило серьёзное повреждение во время шторма, и им пришлось отказаться от задуманного.

12 сентября 1770 г. ссыльные прибыли в Большерецк, к тому времени уже полвека бывшим административным центром полуострова. Большерецк являл собой жалкое зрелище: казённый командирский дом, церковь Успения Богородицы, четыре кладовых амбара, двадцать три купеческие лавки, сорок один обывательский дом на девяносто постояльцев и семьдесят человек гарнизона. Зимой селение оживлялось за счёт экипажей казённых судов, зимовавших в устье реки Большой, и промышленников, направлявшихся на Алеутские острова.

В Большерецке в то время отбывали ссылку четверо русских офицеров: уже известный нам А. Д. Турчанинов, поручик лейб-гвардии С. Гурьев, капитан-поручик гвардии Измайловского полка П. Хрущов, адмиралтейский лекарь Магнус Мейдер. Беневский поселился вместе с Хрущовым, который задумал побег с Камчатки на байдарах вдоль Курильской гряды в Японию ещё задолго до его прибытия. Он заявлял, что у него есть человек двадцать, готовых принять участие в побеге. В заговор вступили все ссыльные офицеры Большерецка. Впоследствии С. Гурьев из него вышел, за что 19 ноября 1772 г. был освобождён за «неприятие участия в бунте» и возвратился в своё имение в Калужской губернии.

Кто же участвовал в заговоре, и за какие преступления они оказались в ссылке? О Турчанинове, Беневском и Винбланде говорилось выше. М. Мейдер отправлен в ссылку в 1765 г. за отказ принимать присягу императрице-цареубийце.

Хрущов и Гурьев были сосланы в 1762 г. О причине этого подробно пишет С. М. Соловьёв [27]. Их обвиняли в заговоре с целью возвести на престол Иоанна Антоновича (как за девятнадцать лет до них Ивашкина с товарищами, а затем Лопухина). Оба вели активную агитацию в партию заговорщиков, в которую, по их словам, входили около тысячи человек, среди коих называли очень влиятельных людей. «Екатерина поручила исследовать дело без пыток, — пишет С. М. Соловьёв. — Из приведённых показаний открыто было оскорбление величества и умысел к общему возмущению. Сенат в полном собрании вместе с президентами коллегий приговорил: Петру Хрущову и Семёну Гурьеву отсечь головы, Ивану и Петру Гурьевым — каторжную работу, а имения их оставить детям и наследникам. Императрица переменила смертную казнь на вечную ссылку в Камчатку, а каторжную работу — на вечную ссылку в Якутск». Они оказались первыми политическими ссыльными в царствовании Екатерины II.

В 1767 г. Екатерина II созвала комиссию для составления нового свода законов взамен устаревшего Соборного Уложения 1649 г. В работе Уложенной комиссии принимали участие депутаты, представлявшие различные сословия российского общества. В качестве руководства Екатерина представила комиссии свой «Наказ» — теоретическое обоснование политики просвещённого абсолютизма. Комиссия работала более года, но зашла в тупик и была распущена в 1768 г. под предлогом начала войны с Турцией. Два депутата Уложенной комиссии от дворянства — отставной ротмистр, дворянин Верейского уезда Московской губернии Ипполит Семёнович Степанов и капитан кавалергардов Василий Алексеевич Панов — сосланы на Камчатку «за сопротивление “Наказу”... и за резкое столкновение с графом Григорием Орловым», но, скорее всего, за критику политики Екатерины II.

С. М. Соловьёв пишет: «...Панов говорил о состоянии народном: во всех местах чувствуют неудовольствие, война начата со вредом, выведены из государства деньги и переведены в чужие государства миллионов с восемь. Екатерина умна, да упряма, на что наладит, то и делает, и кому вверится, тому и верит...» и т. д. [28].

Этими мыслями он делился со Степановым. Сам Степанов в «Объявлении» в Сенат, составленном им на Камчатке, пишет о фиктивной роли Уложенной комиссии: «Новые законы сочинять депутаты хотя и собраны, с тем, чтобы пояснять об тягощениях обществу и полагать свои мнения. А как собрались, тогда дали наказ и обряды. И всего посмотрите: какое депутаты имеют право на себя законы

полагать, когда недалее велят трактовать, как то единое, что в наказе написано, следственно не сами они на себя полагают закон и велят повиноваться тому, что пристрастию угодно, требуют, что дела продолжают, и чрез того отягощение чувствуют, а наказ повелевает оные неторопно решать. Народ от того не получает правосудия. Что апелляций много и до государя доступу не имеют: а наказ ещё больше прибавляет судебных мест, а полновластие не мало не ограничивается» [29].

За эти вольные мысли Панова и Степанова, пишет С. М. Соловьёв «...для суда... назначена была комиссия...», которая приговорила виновных к смерти, но Екатерина распорядилась: «Оставляю я остальную их жизнь им на раскаяние, и учинить с ними следующее: ...Степанова да Панова, лиша чинов и дворянства, сослать в Камчатку на житьё, где им питаться своими трудами» [30].

Наиболее примечательной личностью среди участников заговора был Иоасаф Андреевич Батурин, называвший себя «полковником артиллерии». Он происходил из старинного дворянского рода, в 1740 г. окончил сухопутный шляхетский корпус, где воспитывался вместе с известными деятелями екатерининской эпохи А. Н. Сумароковым, А. В. Олсуфьевым, М. Н. Волконским. В 1748 г. прапорщика Батурина за «оговор» командира полка приговорили к смертной казни, заменённой ссылкой в Сибирь с определением в солдаты. За представленный им некий проект о Сибири, заинтересовавший Сенат, он был освобождён. В 1749 г. служил подпоручиком Ширванского полка (Екатерина II в своих «Записках» называет его капитаном Бутырского полка), расквартированного под Москвой у деревни Раево, где в это время жил будущий Пётр III с супругой. Был арестован по обвинению в заговоре с целью государственного переворота.

Вот как описывает его вину сама Екатерина II: «Тогда в Москве стоял Бутырский полк. В этом полку был некто капитан по имени Яков Батурин, игрок, весь в долгах, прославший негодяем, но, впрочем, человек очень решительный... Он свёл знакомство с егерями великого князя (Петра Фёдоровича. — *В. А.*); егеря стали говорить великому князю, что в Бутырском полку есть один капитан, чрезвычайно преданный его императорскому высочеству, и что, по его словам, весь полк разделяет это чувство преданности... Наконец Батурин, всё через егерей, испросил позволения представиться великому князю во время охоты... Великий князь поехал на охоту, и Батурин дожидался его в уединённом месте. Как скоро они поравнялись, Батурин бросился на колени и произнёс клятву, что

он кроме его не признаёт над собой другого государя, и сделает всё, что он прикажет. Великий князь рассказывал мне, что эта клятва испугала его до чрезвычайности, что он в ту же минуту пришпорил лошадь и оставил Батурина на коленях в лесу, и что обогнавшие его егеря не слыхали клятвы. Великий князь уверял, что не имел с этим человеком никаких других сношений и даже предупреждал егерей, чтобы они остерегались этого человека, который может завести их в беду. Но в настоящее время его очень тревожило полученное через егерей известие, что Батурин схвачен и отвезён в Преображенское, где тогда находилась тайная канцелярия, ведавшая государственные преступления. Великий князь трепетал за егерей своих и боялся, чтобы самому не быть замешану. Относительно егерей опасения его скоро подтвердились; их через несколько дней арестовали и увезли в Преображенское. Я старалась ободрить его и говорила, что ему ничего не будет, если только действительно его сношения с Батуриным ограничивались тем, что он мне рассказал, и что, по-моему, вся вина его заключается в том, что он неблагоразумно связался с людьми такого дурного общества. Я не знаю наверно, действительно ли во всём он мне открылся. Должно быть, тут было что-нибудь ещё...

Что касается до Батурина, то замыслы его дела вовсе не шуточны. Я не читала после и не видела его дела, но мне сказывали наверное, что он хотел лишить жизни императрицу, поджечь дворец и, воспользовавшись общим смущением и сумятицею, возвести на престол великого князя. После пытки он был осуждён на вечное заточение в Шлиссельбурге, откуда в моё царствование пытался бежать, и был сослан в Камчатку, а из Камчатки убежал вместе с Беневским, по дороге ограбил остров Формозу и был убит в Тихом океане» [6, с. 87—89].

Екатерина II не совсем точна не только в том, что Батурин не грабил остров Формозу, но и в том, что он не был убит в Тихом океане, а умер в Индийском. Русский историк XIX в. И. Сельский пишет, что он «пытался привлечь к участию в дворцовом перевороте мастеровых людей, за двадцать пять лет до Пугачёва поднимал народный бунт. Во время пребывания Елизаветы в Москве летом 1749 г. Батурин, офицер полка, вызванного для усмирения рабочих людей суконной фабрики Болотина, задумал с помощью солдат и восьмисот бастующих мастеровых заточить Елизавету, убить Разумовского и возвести на престол Петра Фёдоровича. «Его высочество мог бы всякому бедному против сильных защищение иметь», — говорил Батурин» [10, с. 71].

Арестовали его по доносу в тайную канцелярию прапорщика Выборгского полка Тимофея Ржевского и вахмистра Урженевского, чистосердечно покаявшихся в том, что Батурин подбивал их, заручившись поддержкой и денежной помощью великого князя Петра Фёдоровича, поднять фабричный работный люд и Преображенских батальонов лейб-гвардию, заявляя: «Все мы, совокупясь, заарестуем весь дворец... Алексея Григорьевича Разумовского, где не найдём, и его единомышленников — всех в мелкие части изрубим за то, что де от него, Алексея Григорьевича, долго коронации нет его императорскому высочеству, а государыню де императрицу до тех пор из дворца не выпускать, пока его высочество коронован не будет» [2, с. 241].

Четыре года велось следствие, затем Батурин шестнадцать лет провёл в одиночной камере в Шлиссельбурге. С. М. Соловьёв пишет: «При Петре III Сенат хотел сослать его в Нерчинск на работу, но император велел оставить его в Шлиссельбурге и даровать лучшее содержание» [17, с. 132].

В 1768 г. Батурин пытался передать через солдат охраны записку Петру III, не веря, что того нет в живых. «В 1768 г. солдат Сорокин... говорил: «Я был в Шлюсине (Шлиссельбурге) у одного колодника, который называл себя полковником, у Иосафа Андреевича Батурина; он отдал мне эти две бумажки и просил, чтобы я одну маленькую подал государыне, а другую Петру Фёдоровичу...» [17, с. 132].

Екатерина II объявила его сумасшедшим и велела сослать в Большерецкий острог «навечно, и пропитание же ему тамо иметь работою своею, а притом накрепко за ним смотреть, чтоб он оттуда уйтить не мог».

Так И. Батурин в 1770 г. оказался в одном обозе с Беневским, Винбландом, Пановым и Степановым по пути в камчатскую ссылку. Вот такие яркие и разные люди собрались в Большерецком остроге осенью 1770 г. и составили заговор.

Командир Камчатки капитан Григорий Нилов, которого документы характеризуют как человека малограмотного, добродушного и вечно пьяного, предоставил ссыльным большую свободу, а Беневскому, Панову и Хрущову доверил обучение своего сына и детей местных жителей. Число заговорщиков постоянно росло. Священник Ичинского прихода Алексей Устюжанинов даже предложил свой план побега. Он отправится на байдаре на Курильские острова якобы для проповеднической деятельности. На мысе Лопатка его будут ждать остальные заговорщики. На байдаре они

смогут добраться до Японии. Примкнувшие к заговору работники купца Холодилова вместе со своим приказчиком Чулошниковым предложили захватить судно хозяина и бежать на нём. Но, побывав в Чекавинской гавани, где зимовали суда, Беневский решил, что это судно не годится для длительного плавания. Лучше захватить зимовавший там же казённый галиот «Святой Пётр» и на нём добраться до ближайшей европейской колонии.

За зиму заговорщики смогли привлечь на свою сторону значительную часть жителей Большерецка. Склоняли к побегу разных людей, используя посулы и обман. Так, Беневский читал малограмотным людям «Город Солнца» Т. Кампанеллы, убеждая их в существовании такого государства социальной справедливости и даже показывая его на карте. Но обычно заговорщики внушали обывателям, что попали в ссылку и страдают за законного наследника престола великого князя Павла Петровича. «Беневский в особенности показывал какой-то зелёный бархатный конверт, будто бы за печатью его высочества с письмом к императору римскому о желании вступить в брак с его дочерью, и утверждал, что, будучи сослан за сие тайное посольство, он, однако, умел сохранить у себя столь драгоценный залог высочайшей к нему доверенности, который и должен непременно доставить по назначению» [2, с. 300].

До Нилова доходили слухи о заговоре, но он не хотел этому верить. К весне в число заговорщиков вошли, помимо ссыльных, люди разных сословий и национальностей, зимовавшие в Большерецке. В ночь с 26 на 27 апреля 1771 г. они захватили большерецкую канцелярию, убили Нилова, всех, кто оказал сопротивление, арестовали. 28 апреля все участники заговора приняли присягу на верность государю Павлу Петровичу (за четверть века до его восшествия на престол). 11 мая, перед выходом в море, было зачитано и отправлено в Сенат написанное Ипполитом Степановым «Объявление», которое все подписали. В «Объявлении» сказано: «...мы выбрали себе в предводительство достойного человека барона Морица, который нашу заслугу показать имеет, и как он, так и желающие законному нашему государю его императорскому величеству Павлу Петровичу присягу учинили, и отправиться намерены, куда предводителю нашему разсудится, взяв судно казённое, денег, провианту, оружейных припасов... Все мы единственно и на всякое время усердны нашему отечеству и законному нашему государю, его императорскому величеству Павлу Петровичу, и покажем ему единому свою подданнейшую должность и вернейшую заслугу... Виват и слава Павлу Петровичу, россиян обладателю!

Ему прямо люди усердны и в отдалённых местах, а не беззаконному владению... а мы желаем соотечественникам нашим всякого добра...» [2, с. 312—313].

Захватив денежную казну, пушнину, оружие, боеприпасы, провиант из казённых складов и даже большерецкий архив, заговорщики спустились на плоту в Чекавинскую гавань, где зимовали суда, 12 мая, погрузившись на галиот «Св. Пётр», вышли в море.

Беневский говорит, что на судне было сто человек, но по другим документам их насчитывалось семьдесят.

Всем ссыльным офицерам на судне расписали должности. Август Беневский — капитан, генерал-поручик, кавалер и тайный советник, Адольф Винбланд — подполковник, Василий Панов — майор, Ипполит Степанов — корабельный комиссар, Пётр Хрущов — аудитор, Магнус Мейдер — лекарь, Александр Турчанинов — подлекарь [2, с. 322].

Об этом плавании беглецов во Францию имеется обширная литература. Не все завершили это путешествие через три океана. В. Панов погиб в стычке с местными жителями на острове Формоза (Тайвань), в Макао умер от лихорадки А. Турчанинов, в Индийском океане умер И. Батурин.

В июле 1771 г. «Св. Пётр» трижды заходил в японские порты. Это было второе (после М. П. Шпанберга в 1739 г.) посещение русскими Японии. Оно не осталось без последствий. Именно это посещение явилось причиной подозрительности Японии к действиям России на Курильских островах и отказа японцев развивать торговлю с Россией. Приложили к этому руку голландцы, имевшие монопольное право на торговлю с Японией через свою факторию в Нагасаки. Беневский в своих мемуарах упоминает письмо, переданное им японцам для пересылки в голландскую факторию, в котором содержится просьба о помощи беглецам с Камчатки. О других письмах он не упоминает. Но в голландских архивах хранится шесть посланий Беневского, в том числе четвёртое, получившее название «Предостережение Беневского», где говорится, что «...в этом году два русских галиота и один фрегат, выполняя тайный приказ, совершили плавание вокруг берегов Японии и занесли свои наблюдения на карту, готовясь к наступлению на Мацума (Хоккайдо — *В. А.*) и прилегающие к нему острова... намеченному на будущий год. С этой целью на одном из Курильских островов, находящемся ближе других к Камчатке, построена крепость и подготовлены снаряды, артиллерия и провиантские склады» [4, с. 145].

Большинство историков, в том числе японский исследователь С. Накамура и американец Д. Кин, считают все письма, кроме первого, подделкой...

Голландцы, передавшие содержание этого письма японским властям, не хотели иметь конкурентов в своей монополии на торговлю с Японией. Именно оно подтолкнуло Японию к укреплению своих северных границ, началу освоения острова Хоккайдо и Южных Курил.

Нас интересуют политические мотивы «Большерецкого бунта», которые изложены в «Объявлении». Это — объёмный документ на десяти листах, где даются резкие, но не очень связные оценки русской политической жизни 60-х гг. XVIII в. Все деяния Екатерины II представлены в чёрном свете, она обвиняется в лишении престола законного императора Павла Петровича. Много говорится о бедствиях российского народа, гнёте самодержавия и бюрократизма, о власти денег и несправедливости: «А российский народ трудолюбив, наклонен к промыслам... Народ коснеет в невежестве и страдает, и никто за истинные заслуги не награждается... Камчатская земля от самовластия начальников разорена». Пишут авторы и о себе: «Мы все присланы в Камчатку... на своё содержание, где всегда зима и хлеба нет, а покупают дорогой ценой, и питаемся все рыбой. И привыкшие люди в работе сносить того не могут».

Приведём ещё несколько выдержек из «Объявления», некоторые из которых напоминают предвыборные выступления современных политиков: «А в России начальники единое только имеют право делать людям несчастие... Должно с сожалением сказать, сколько нещастлив народ российский... не получает облегчения, а всего больше усиливается начальник, а не закон... Народ российский терпит тиранство. Понеже в России не только крестьяне, но и дворянства малейшая часть обучается наукам... Вот причина рабства, что богатый человек имеет случай угнетать бедных людей. Ежели он и мало знает законов, то судьи ему за деньги помогают растолковать сему бедному народу в пользу богатого указы, а богачи их исходатайствуют от Сената в свою пользу».

«...Теперь, когда дворянство мало просвещено, не имеет сил и не позволено пещися (заботиться — *В. А.*) о своём отечестве, а каждый старается только в том сделать подлым образом от начальника милость и чин. А получа оный, быть вредом народным, понеже в сем чине жалование самобеднейшее, кто вышней у нижнего отнять властен и отрешить от должности... Грабя народ и из общественной казны богатящиеся, из-за неправосудия наказания не получающие,

оканчивают жизнь благоденственно... невзирая на то, что отечеству вредно... Всякий знает, что в России за истинную заслугу отечеству ни о ком ещё народу не известно. И кто награждён был, кроме как Шуваловы проекты об гнании вина и соли... Да за убийство государей своих и нарушение присяги прославлены. И из таких людей, которые не только делом, но и мыслями отечеству не доказали полезного и к высоким делам допущены... есть самым доказательством Камчатская земля, какое попечение имеет правительство о народе. Народ данный натуральную наклонность имел к добру, и никаких обманов между ним не было, а еже непорядочные законы и самовластие начальников не только к злым обычаям вредным интересам сами приучены. Поморены оспою в 768 году. Понеже о сих болезнях они никаковых понятиев не имели, а правительство не предуведомлено, ни лекарей никаких в таком отдалённом месте не заведено, и о том им не растолковано. Когда не сохранять их, то зачем же тратить государственные интересы, но и более терять национальных (то есть русских. — *В. А.*) людей для сыскания и завладения дикого народу, а оставить лучше с их обычаями» [2, с. 252—253].

То есть автор, или авторы, открыто обвиняют Екатерину II и её окружение и в цареубийстве, и в преступлениях против собственного народа.

Каков же был ответ властей на «Большерецкий бунт» и побег Беневского? Через месяц, 13 июня 1771 г., в Большерецке был составлен рапорт в Сенат. 9 июля его привезли в Охотск, где документ почему-то застрял на полтора месяца. За это начальника Охотского порта полковника Ф. Х. Плениснера (участника плавания В. Беринга в 1741—1742 гг.) сняли с должности и назначили над ним следствие. В Петербург рапорт попал лишь 7 февраля 1772 г., когда беглецы пересекли экватор. Но в столице о побеге уже было известно.

Ещё 1 января 1772 г. иркутскому губернатору Брилю был направлен рескрипт Екатерины II: «Уведомились мы по стороне, что бутто находящиеся в Камчатке ссылошные люди прошедшего апреля учинили возмущение и, составя самопроизвольную присягу, убили тамошнего воеводу и весь город разграбили; а потом спустя несколько дней, сев на звероловные тамошние лодки, отправились в море числом до семидесяти человек...

Мы хотя не имеем еще никакова о том известия ни от вас прямо, ни через другие наши правительства. Однако ж... на всякой случай мы рассудили... вам предписать нижеследующее: 1) естьли в тамош-

нем столь отдалённом крае по сие время замешательство не пресеклось и спокойствие и повиновение не восстановлено, то вам надлежит употребить все удобо возможные средства и способы... восстановления порядка и повиновения... 2) естьли же ссылочных заводчиков бунта и убийства инако невозможно будет вам достать в свои руки... что каждый, ково из них приведёт живым или мёртвым, в награждение получит двести рублей, и оное действительно исполнить... из наличных сумм нашей казны, 3) но естьли они, как выше сказано, в море отправясь... не возвратились... надлежит их оставить собственному их жребию, а старайтесь... разграбленный ими город привести в порядок...» [13, с. 24—25].

Получается, побег не на шутку испугал Екатерину. Расследовать бунт поручили капитану 3-го ранга В. А. Хметевскому, который одновременно исполнял обязанности начальника Камчатки до 1773 г. (в 1740 г. Хметевский вместе с Елагиным по приказу Беринга обследовали Авачинскую губу и заложили Петропавловск).

31 августа 1772 г. иркутский губернатор Бриль направил Екатерине II реляции «о ушедших из Камчатки в море злодеях», в которых сообщал, что беглецов видели в Макао прошлым летом: «...капитан говорит по-латыни, всех с ним людей около ста человек, и сказывают о себе, что они... прибежали на том судне от реки Амура для торгования... Будучи в Макао, из них тот капитан и с ним шестнадцать человек померли... Почитаю вышеописанных людей за тех самых злодеев, которые учинили побег из Камчатки» [4, с. 147]. Бриль упоминает об умершем капитане. Скорее всего, это был штурман М. Чурин.

По-разному сложилась судьба беглецов — ссыльных, добравшихся до Европы. Винбланд уехал в Швецию. Степанов ещё во время четырёхмесячного пребывания в Макао разошёлся с Беневским и поступил на службу в Ост-Индийскую компанию, затем перебрался в Лондон, вёл переписку с Екатериной II через русского посланника. Екатерина простила его, просила вернуться в Россию, но Степанов отказался, став, видимо, вторым известным после князя А. М. Курбского, политическим эмигрантом. Хрущов и Мейдер поступили на службу во французскую армию. Туда же в чине лейтенанта записался и адъютант Беневского, «ссылошный» из крестьян Григорий Кузнецов, который под именем Грегора Ковача впоследствии воевал в американской армии и погиб в сражении с англичанами в 1779 г.

Беневский представил французам проект завоевания Формозы, Алеутских и Курильских островов. Вместо этого ему предложили

во главе полка волонтёров в чине полковника французской армии отправиться на завоевание Мадагаскара, куда с ним последовали двенадцать камчатских беглецов. На Мадагаскаре он пробыл три года, получил чин бригадного генерала. 10 октября 1776 г. вождями острова был признан королём Мадагаркара, но больше времени проводил в Европе и Америке, где побывал трижды. Был знаком с американским послом в Париже Б. Франклином, в Америке принят главнокомандующим и будущим первым президентом Дж. Вашингтоном, ему был обещан чин генерала американской армии, но война за независимость к тому времени завершилась. В начале 1785 г. Беневский вернулся на Мадагаскар, где провёл последние полтора года своей жизни и погиб в бою с французами 23 мая 1786 г., сорокапятилетним, не дожив трёх лет до Великой Французской революции, которая могла бы многое изменить в его судьбе.

В течение двадцати трёх лет после «Большерецкого бунта» Екатерина II не решалась ссылать на Камчатку своих политических противников. Лишь в последние годы её правления был направлен в Нижнекамчатский острог участник восстания Т. Костюшко бригадный генерал Юзеф Копэть (Копец), попавший в русский плен в 1794 г. После восшествия на престол в 1796 г. императора Павла I была объявлена амнистия, и Копэть вернулся на родину в своё имение в Белоруссии. Там он написал книгу «Дневник путешествия Юзефа Копэтя через всю Азию», предисловие к которой подготовил его земляк, знаменитый польский поэт Адам Мицкевич. Копэть считается первым, кто после Крашенинникова и Стеллера исследовал жизнь и быт коренных жителей Камчатки — ительменов, среди которых он прожил два года. Он детально описал их быт и хозяйственные занятия в конце XVIII в. Благодаря ему, можно судить об изменениях, произошедших в жизни коренных жителей полуострова, о которых он отзывается очень доброжелательно. Интересны его описания природы Камчатки, землетрясений и извержений вулканов, свидетелем которых он стал. Копэть даёт и свою объективную оценку деятельности Беневского на Камчатке [3].

Можно сделать вывод, что политические ссыльные внесли заметный вклад в участие в научных экспедициях, по собственной инициативе исследовали природу и жизнь коренного населения, обучали детей местных жителей, приняли участие во многих исторических событиях на полуострове. Благодаря им, Камчатка стала известна миру, а русское правительство было вынуждено обра-

тить внимание на развитие нашего края и усиление его защиты. Уже в 1786 г. Екатерина II подписала указ об отправке на Камчатку эскадры для охраны российских владений. К сожалению, эта экспедиция не состоялась, но в первой половине XIX в. Камчатку почти ежегодно посещали корабли и транспорты, совершавшие кругосветные плавания.

Источники

1. *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. — Хабаровск, 1958.

2. *Вахрин С. И.* Встреч солнцу. — Петропавловск-Камчатский, 1996.

3. *Гринкевич В.* Записки ссыльного бригадира // Камчатская правда. — 1982. — 6 февр.

4. *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Облик далёкой страны. — М., 1973.

5. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке. 1851—1855 гг. — Ч. 1. — СПб., 1901.

6. Записки императрицы Екатерины II. — М., 1990.

7. *Ключевский В. О.* О русской истории. — М., 1993.

8. *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». — Владивосток, 1976.

8. Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири. — СПб., 1801.

9. *Мартыненко В. П.* Путешествие в страну Уйкоаль. — Петропавловск-Камчатский, 1987.

10. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994.

11. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. док. — М., 1984.

12. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1759—1772 гг. // Морской сборник. — 1869. — № 6.

13. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. — Т. 1. — СПб., 1900.

14. *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён. — Т. 11. — М., 1963.

15. Там же. Т. 13. — М., 1965.

16. Там же. Т. 16. — М., 1965.

17. Там же. Т. 15. — М., 1966.

18. Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. — М., 1971.

19. *Фёдоров М.* «В Камчатку» сослан за любовь // Новая Камчатская правда. — 2001. — 15 февр.

20. *Штейгель В. И.* Сочинения и письма. — Т. 1. — Иркутск, 1985.

КАМЧАТКА И ПЕРВОЕ РУССКОЕ КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ

История нашего края связана с множеством русских морских экспедиций XVIII—XX вв. Но особое место среди них занимают кругосветные плавания парусных кораблей. Русские моряки стали совершать их позже других европейских морских держав. Ко времени организации первой русской кругосветки четыре европейские страны совершили уже пятнадцать подобных плаваний, начиная с Ф. Магеллана (1519—1522 гг.) и кончая третьим плаванием Дж. Кука. Больше всех кругосветок на счету английских моряков — восемь, в том числе три под командованием Кука. Пять совершили голландцы, по одному — испанцы и французы. Россия стала пятой страной в этом списке, но по количеству кругосветок превзошла все европейские страны вместе взятые. В XIX в. русские парусные корабли совершили более тридцати полных кругосветных вояжей и около пятнадцати полукругосветных, когда прибывшие с Балтики на Тихий океан корабли оставались нести службу на Дальнем Востоке и в Русской Америке.

О возможности и необходимости дальних плаваний впервые в России задумался Пётр I. Он намеревался организовать экспедицию на Мадагаскар и в Индию, но не успел осуществить свой замысел. Мысль о кругосветном плавании с заходом на Камчатку впервые высказали флагманы русского флота, члены Адмиралтейств-коллегии адмиралы Н. Ф. Головин и Т. Сандерс в связи с организацией Второй Камчатской экспедиции. В октябре 1732 г. они представили в Сенат своё мнение о целесообразности отправления экспедиции «из Петербурга на двух фрегатах чрез Большое море-окиян кругом капа (мыса) Горна и в Зюйдное море, и между Японских островов даже до Камчатки» [1].

Такие походы они предлагали повторять ежегодно, заменяя одни корабли другими. Это должно было позволить, по их мнению, в более короткие сроки и лучше организовать снабжение экспедиции В. Беринга всем необходимым, быстрее установить торговые отношения с Японией. Кроме того, длительное плавание могло стать хорошей морской практикой для офицеров и матросов российского флота (приложение 1). Головин предлагал самого Беринга отправить на Камчатку сухим путём, а руководство плаванием двух фрегатов просил поручить ему. Однако идеи Головина и Сандерса Сенат не поддержал, и возможность организации первого русского плавания в 1733 г. была упущена.

В 1764 г. решили послать вокруг света на Камчатку экспедицию капитан-лейтенанта П. К. Креницына, но из-за готовящейся войны с Турцией осуществить её не удалось. Не состоялось также плавание, которое пытался снарядить в 1781 г. вице-президент Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышёв. В 1786 г. руководитель «Северо-Восточной... экспедиции» капитан-лейтенант И. И. Биллингс (кстати, участник третьего плавания Кука) представил Адмиралтейств-коллегии мнение своих офицеров о том, чтобы по окончании экспедиции обратный путь её судов лежал вокруг мыса Доброй Надежды в Кронштадт. Ему также отказали.

Но 22 декабря того же 1786 г. Екатерина II подписала указ Адмиралтейств-коллегии об отправке эскадры на Камчатку для охраны российских владений: «...по случаю покушения со стороны английских торговых промышленников на производство торгу и промыслов звериных на Восточном море, о сохранении права нашего на земли, российскими мореплавателями открытые, повелеваем нашей Адмиральтейской коллегии отправить из Балтийского моря два судна, вооружённыя по примеру употреблённых капитаном английским Куком и другими мореплавателями для подобных открытий, и две вооружённые же шлюбки морския или другия суда, по лучшему ея усмотрению, назнача им объехать мыс Доброй Надежды, а оттуда, продолжая путь через Сондский пролив и, оставя Японию в левой стороне, итти на Камчатку» [2].

Адмиралтейств-коллегии предписывалось незамедлительно заготовить надлежащие наставления экспедиции, назначить начальника и служителей, желательно из добровольцев, сделать распоряжения о вооружении, снабжении и отправке судов. Такая спешка была связана с докладом Екатерине её статс-секретаря генерал-майора Ф. И. Соймонова о нарушении неприкосновенности российских вод иностранцами. Поводом для доклада послужил заход в Петропавловскую гавань летом 1786 г. судна английской Ост-Индской компании под командованием капитана Вильяма Питерса с целью установления торговых отношений. Это был не первый случай появления иностранцев в русских владениях на Тихом океане, что вызывало тревогу властей об их судьбе.

Ещё 26 марта 1773 г. генерал-прокурор Вяземский в письме к камчатскому коменданту допускал возможность появления у берегов полуострова французской эскадры в связи с делом М. Беневского. В Петербурге было получено известие о том, что во Франции снаряжается флотилия и полторы тысячи солдат для Беневского. Речь шла о подготовке колониальной экспедиции

Беневского на Мадагаскар, в которой приняли участие и двенадцать бежавших с ним камчатцев. Но в Петербурге подозревали, что, поскольку Беневский хорошо знал бедственное состояние обороны Камчатки и путь туда, эта экспедиция могла отправиться на полуостров.

В 1779 г. иркутский губернатор сообщал о появлении в районе Чукотского носа нераспознанных иностранных судов. Это были корабли Кука, направлявшиеся из Петропавловска на поиски северо-западного прохода вокруг Америки. Губернатор предлагал привести Камчатку в «оборонительное положение», поскольку путь к ней стал известен иноземцам. Заход кораблей Кука в Петропавловскую гавань в 1779 г. не мог не встревожить русское правительство, особенно после того, как стало известно о том, что англичане наносили на свои карты давно открытые русскими мореплавателями американские берега и острова и давали им свои названия. К тому же в Петербурге стало известно об отправке в 1786 г. в кругосветное плавание французской экспедиции Ж. Ф. Лаперуза. Но ещё не знали о плавании в том же году Токунаи Могами на Южные Курилы, которые после сбора там ясака Иваном Чёрным в 1768 г. и экспедицией Лебедева — Ласточкина в 1778—1779 гг. Россия считала своими.

Всё это заставило Екатерину II повелеть президенту коммерц-коллегии графу А. Р. Воронцову и члену коллегии иностранных дел графу А. А. Безбородко представить свои соображения по вопросу о защите российских владений на Тихом океане. Именно они и предложили отправить в кругосветное плавание эскадру и объявить морским державам о правах России на острова и земли, открытые русскими мореплавателями в Тихом океане (приложение 2).

Предложения Воронцова и Безбородко легли в основу упоминавшегося указа Екатерины II от 22 декабря 1786 г., а также наставления Адмиралтейств-коллегии начальнику первой кругосветной экспедиции от 17 апреля 1787 г. После обсуждения различных кандидатур её начальником назначили двадцатидевятилетнего капитана 1-го ранга Григория Ивановича Муловского, родственника вице-президента Адмиралтейств-коллегии И. Г. Чернышёва. После окончания Морского кадетского корпуса в 1774 г. он двенадцать лет служил на различных кораблях на Средиземном, Чёрном и Балтийском морях, командовал на Балтике фрегатами «Николай» и «Мария», а затем придворным катером, ходившим между Петергофом и Красной Горкой. Он знал французский, немецкий, английский и итальянский языки. После похода с эскадрой

Сухотина в Ливорно Муловский получил в командование корабль «Давид Сасунский» в эскадре Чичагова в Средиземном море, а по завершении кампании стал командиром «Иоанна Богослова» в эскадре Круза на Балтике.

О грандиозности задуманной экспедиции, которая почти не уступала по масштабам поставленных перед ней задач Второй Камчатской, можно судить по наставлению её начальнику, данному Адмиралтейств-коллегией (приложение 3).

Экспедиция должна была решить различные задачи: военные (закрепление за Россией и охрана её владений на Тихом океане, доставка крепостных орудий для Петропавловской гавани и других портов, основание русской крепости на Южных Курилах и т. д.), экономические (привоз необходимых грузов в русские владения, домашнего скота для разведения, семян различных овощных культур, заведение торговли с Японией и другими сопредельными странами), политические (утверждение российского права на земли, открытые нашими мореплавателями на Тихом океане, путём установки чугунных гербов и медалей с изображением императрицы), научные (составление точнейших карт, проведение разнообразных исследований, изучение Сахалина, устья Амура и других объектов).

Если бы эта экспедиция состоялась, то сейчас не стоял бы вопрос о принадлежности Южных Курил, на семьдесят лет раньше Россия могла бы начать освоение Приамурья, Приморья и Сахалина, иначе сложилась судьба Русской Америки. Кругосветных плаваний с таким размахом не было ни прежде, ни потом. У Магеллана в экспедиции участвовали пять судов и двести шестьдесят пять человек, из которых обратно вернулся всего лишь один корабль с восемнадцатью моряками. В третьем плавании Кука находилось два корабля и сто восемьдесят два члена экипажа [3].

В эскадру Г. И. Муловского были включены пять судов: «Холмогор» («Колмагор») водоизмещением в шестьсот тонн, «Соловки» — пятьсот тридцать тонн, «Сокол» и «Турухан» («Турухтан») — по четыреста пятьдесять тонн и транспорт «Смелый». Корабли Кука были значительно меньше. Экипаж флагмана «Холмогор» под командованием самого Муловского насчитывал сто шестьдесят девять человек, «Соловков» под командой капитана 2-го ранга Алексея Михайловича Киреевского — сто пятьдесят четыре, «Сокола» и «Турухана» под командой капитан-лейтенантов Ефима (Иоакима) Карловича фон Сиверса и Дмитрия Сергеевича Трубецкого — по сто одиннадцать [4].

Офицерам (их было около сорока) Адмиралтейств-коллегия обещала внеочередное производство в следующий чин и двойное жалование на время плавания. Екатерина II лично определила порядок награждения капитана Муловского: «Когда пройдёт он Канарские острова, да объявит себе чин бригадира; достигши мыса Доброй Надежды, возложить ему на себя орден Св. Владимира 3-го класса; когда дойдёт до Японии, то и получит уже чин генерал-майора».

На флагманском судне был оборудован лазарет на сорок коек с учёным лекарем, на другие суда определены подлекари. Также назначен священник с причтом на флагман и иеромонахи на другие корабли.

Научная часть экспедиции была поручена академику Питеру Симону Палласу, произведённому 31 декабря 1786 г. в звание историографа российского флота с жалованием семьсот пятьдесят рублей в год. Для «ведения обстоятельного путешественного чистым штилем журнала» пригласили секретаря Степанова, обучавшегося в Московском университете и в Англии. В учёный отряд экспедиции вошли также участник плавания Кука астроном Уильям Бейли, естествоиспытатель Георг Форстер, ботаник Соммеринг и четыре живописца. В Англии предполагалось закупить астрономические и физические приборы: секстаны Годлея, хронометры Арнольда, квадранты, телескопы, термометры и барометры, для чего Паллас вступил в переписку с гринвичским астрономом Мескелином.

Библиотека флагманского корабля насчитывала свыше пятидесяти названий, среди которых были: «Описание земли Камчатки» С. П. Крашенинникова, «Генеральная история путешествиям» Прево Лагарпа в двадцати трёх частях, труды Энгеля и Дюгальда, выписки и копии всех журналов российских плаваний в Восточном океане с 1724 по 1779 гг., атласы и карты, в том числе «Генеральная карта, представляющая удобные способы к умножению российской торговли и мореплавания по Тихому и Южному океанам», сочинённая Ф. И. Соймоновым.

Экспедиция готовилась очень тщательно. Через месяц после указа, 17 апреля, были собраны экипажи, все офицеры переселились в Кронштадт. Корабли подняли на стапели, работа на них кипела дотемна, доставлялись продукты: капуста, по двести пудов солёного щавеля на каждый, по двадцать — сушёного хрена, по двадцать пять — лука и чеснока. Из Архангельска по особому заказу привезли шестьсот пудов морошки, заготовили тридцать бочек сахарной патоки, более тысячи вёдер сбитня, восемьсот восемьдесять восемь вёдер сдвоенного пива и прочее. Мясо, масло, уксус, сыр решили

закупить в Англии. Кроме двойной мундирной амуниции, нижним чинам и служителям полагались по двенадцать рубах и по десять пар чулок (восемь шерстяных и две нитяных) [5].

«Для утверждения российского права на все, доныне учинённые российскими мореплавателями, или вновь учинёнными быть могущие открытия» изготовили двести чугунных гербов, которые предписывалось укрепить на больших столбах или «по утёсам, выдолбив гнездо», тысячу семьсот золотых, серебряных и чугунных медалей с надписями по-русски и на латыни, которые следовало зарыть в «пристойных местах».

Экспедиция была хорошо вооружена: девяносто пушек, сто девяносто семь егерских и шестьдесят одно охотничье ружьё, двадцать четыре штуцера, шестьдесят один мушкетон и столько же пистолетов, а также сорок офицерских шпаг. Применять оружие дозволялось только для охранения российских прав, но не к туземцам вновь обретённых земель: «...должно быть первое старание посеять в них хорошее понятие об россиянах... Весьма запрещается вам употреблять не только насилия, но даже за какие-либо со стороны зверские поступки отмщения» [6].

Зато в отношении иностранных пришельцев предписывалось принудить их «по праву первее учинённых открытий к Российской державе принадлежащих мест наискорее удалиться, и впредь ни о поселениях, ни о торгах, также о мореплавании не думать; а ежели какие укрепления или поселения есть, то имеете вы право разорить, а знаки и гербы срыть и уничтожить. Равно поступать вам и с судами сих пришельцев, в тех водах, гаванях или на островах повстречаться могущими для подобных же покушений, принудив их оттуда потому же удалиться. В случае же сопротивления или, паче, усиливания, употребив вам силу оружия, так как и суда ваши на сей конец столь достаточно вооружены» [7].

4 октября 1787 г. суда экспедиции Муловского в полной готовности к отплытию вытянулись на кронштадском рейде. Русским министром-послом в Англии уже были заказаны лоцманы, дожидавшиеся эскадру в Копенгагене для проводки её в Портсмут.

Но срочная депеша из Константинополя о начале войны с Турцией перечеркнула все планы и труды. Последовало высочайшее повеление: «Приготовляемую в дальнее путешествие под командою флота капитана Муловского экспедицию по настоящим обстоятельствам отложить, и как офицеров, матросов и прочих людей, для сей эскадры назначенных, так и суда и разные припасы для неё заготовленные, обратить в число той части флота нашего, которая

по указу нашему от 20-го числа нынешнего месяца Адмиралтейств-коллегии данному, в Средиземное море отправлена долженствует» [8].

Но и в Средиземное море Муловский не ушёл: началась война со Швецией, и его назначили командиром фрегата «Мстислав», где под его командой служил юный мичман Иван Крузенштерн, которому суждено было через пятнадцать лет возглавить первое состоявшееся русское кругосветное плавание. Муловский отличился в знаменитом Гогландском сражении, за что 14 апреля 1789 г. был произведён в капитаны бригадирского чина. Такой же чин во время русско-шведской войны получили Киреевский и Трубецкой. Через три месяца, 18 июля 1789 г., в сражении у острова Эланд Муловский погиб. Его смерть и начавшаяся французская революция резко изменили ситуацию. О возобновлении кругосветного плавания забыли на целое десятилетие.

Организация первой, наконец состоявшейся, русской кругосветки связана с именем Ивана Фёдоровича (Адама-Иоганна-Фридриха) Крузенштерна. В 1788 г., когда «по недостатку в офицерах» решено было досрочно выпустить гардемаринов Морского корпуса, которые хотя бы раз выходили в море, Крузенштерн и его друг Юрий Лисянский попали на Балтику. Воспользовавшись тем, что Крузенштерн служил на фрегате «Мстислав» под командой Г. И. Муловского, они обратились к нему с просьбой разрешить им после окончания войны принять участие в кругосветном плавании и получили согласие. После гибели Муловского о плавании стали забывать, но Крузенштерн и Лисянский продолжали мечтать о нём. В составе группы русских морских офицеров в 1793 г. их командировали в Англию для изучения опыта иностранных флотов и получения практических навыков плавания по просторам океана. Около года Крузенштерн провёл в Индии, посетил Кантон, полгода прожил в Макао, где ознакомился с состоянием торговли в бассейне Тихого океана. Он обратил внимание на то, что иностранцы привозили меха в Кантон морем, а российские меха доставлялись сухим путём.

Во время отсутствия Крузенштерна и Лисянского в России в 1797 г. возникла Американская Соединённая компания, в 1799 г. переименованная в Российско-Американскую (РАК). Пайщиком РАК была и императорская семья. Поэтому компания получила монопольное право эксплуатировать богатства русских владений на побережье Тихого океана, торговать с соседними странами, возводить укрепления, содержать военные силы, строить флот. Правительство возложило на неё задачу дальнейшего расширения

и укрепления русских владений на Тихом океане. Деятельность РАК осложнялась доставкой грузов и товаров на Камчатку и в Русскую Америку. Сухопутный путь через Сибирь занимал до двух лет и был сопряжён с большими затратами. Грузы часто прибывали подпорченными, продукты становились баснословно дорогими, а снаряжение для судов (канаты, якоря и прочее) приходилось разделять на части, и на месте их сращивать. Ценные меха, добываемые на Алеутских островах, нередко попадали в Петербург подпорченными и продавались с убытком. Торговля же с Китаем, где имелся большой спрос на меха, шла через Кяхту, куда пушнина попадала из Русской Америки через Петропавловск, Охотск, Якутск. Качество мехов, привозимых на азиатские рынки таким путём, уступало доставляемым в Кантон и Макао американскими и английскими кораблями в неизмеримо меньшие сроки.

По возвращении в Россию Крузенштерн подал Павлу I две докладные записки с обоснованием необходимости организации кругосветных плаваний. Он также предлагал новый порядок подготовки морских кадров для торговых судов. К шестистам кадетам Морского корпуса, по его мнению, следовало добавить ещё сотню из других сословий, в основном из корабельных юнг, которые учились бы вместе с кадетами-дворянами, но назначались бы служить на коммерческие суда. Проект принят не был [9].

С приходом в 1801 г. к власти Александра I сменилось руководство Коммерц-коллегии и Морского министерства (бывшей Адмиралтейств-коллегии). 1 января 1802 г. Крузенштерн направляет письмо вице-президенту ещё Адмиралтейств-коллегии Н. С. Мордвинову. В нём он предложил свой план кругосветного плавания (приложение 4). Крузенштерн показал меры по налаживанию русской торговли на международном рынке, охране русских владений в Северной Америке, обеспечению их и русского Дальнего Востока всем необходимым. Много внимания в этом письме уделяется необходимости улучшения положения жителей Камчатки. Письмо Крузенштерна было направлено также министру коммерции и директору водяных коммуникаций и комиссии об устроении дорог в России графу Николаю Петровичу Румянцеву. Проектом заинтересовался и глава РАК Николай Петрович Резанов. Ходатайство Резанова поддержали Мордвинов и Румянцев.

В июле 1802 г. было принято решение направить в кругосветное плавание два корабля. Официальной целью экспедиции являлась доставка в Японию русского посольства во главе с Резановым. Расходы по организации этого плавания покрывали совместно

РАК и правительство. Начальником экспедиции 7 августа 1802 г. был назначен И. Ф. Крузенштерн. Основными её задачами были определены:

— доставка в Японию первого русского посольства;

— завоз провианта и снаряжения в Петропавловск и Ново-Архангельск;

— географические изыскания по пути следования;

— опись Сахалина, лимана и устья Амура (положение которых не было определено, так как исследованиями Ж. Ф. Лаперуза и У. Б. Броутона были перечёркнуты более ранние, верные, сведения об островном положении Сахалина, полученные русскими мореходами, и он был «сделан» полуостровом на целых семьдесят лет).

И. Ф. Крузенштерн считал, что удачное плавание поднимет авторитет России в мире. Но новый глава Морского министерства П. В. Чичагов не верил в его успех и предлагал идти на иностранных судах с наёмными иноземными матросами. Он добился того, чтобы корабли экспедиции были куплены в Англии, а не построены на русских верфях, как предлагали Крузенштерн и Лисянский. Для приобретения судов Лисянского послали в Англию, он за семнадцать тысяч фунтов приобрёл два шлюпа водоизмещением в четыреста пятьдесят и триста семьдесят тонн и потратил ещё пять тысяч фунтов на их ремонт. В июне 1803 г. суда прибыли в Россию.

И вот наступил исторический момент. 26 июля 1803 г. из Кронштадта вышли два шлюпа — «Надежда» и «Нева» — под общим предводительством И. Ф. Крузенштерна. Они должны были обогнуть Южную Америку и дойти до Гавайских островов. Дальше их пути на время расходились. В задачу «Надежды» под командованием Крузенштерна входили доставка грузов в Петропавловскую гавань и затем отправка миссии Н. П. Резанова в Японию, а также исследование Сахалина. «Нева» под руководством Ю. Ф. Лисянского должна была идти с грузом в Русскую Америку. Прибытие сюда военного корабля должно было продемонстрировать решимость русского правительства защищать приобретения многих поколений своих мореходов, купцов и промышленников. Затем оба корабля, загруженные пушниной, отправлялись в Кантон, откуда они, пройдя Индийский океан и обогнув Африку, должны были вернуться в Кронштадт и на том завершить кругосветное плавание. Этот план был полностью выполнен.

Командиры обоих кораблей приложили немало усилий к тому, чтобы превратить длительный поход в школу для офицеров и мат-

росов. Среди офицеров «Надежды» находилось немало опытных моряков, впоследствии прославивших русский флот: будущие адмиралы Макар Иванович Ратманов и первооткрыватель Антарктиды Фаддей Фаддеевич Белинсгаузен, будущий руководитель двух кругосветных плаваний (1815—1818 и 1823—1826 гг.) Отто Евстафьевич Коцебу и его брат Мориц Коцебу, Фёдор Ромберг, Пётр Головачев, Ермолай Левенштерн, Филипп Каменщиков, Василий Сполохов, артиллерийский офицер Алексей Раевский и другие. Кроме них, в экипаж «Надежды» входили доктор Карл Эспенберг, его помощник Иван Сидгам, астроном И. К. Горнер, естествоиспытатели Вильгельм Тилезиус фон Тиленау, Георг Лангсдорф. В свите камергера Н. П. Резанова присутствовали майор Ермолай Фредерици, граф Фёдор Толстой, надворный советник Фёдор Фос, живописец Степан Курляндцев, медик и ботаник Бринкин (приложение 5).

На «Неве» находились офицеры Павел Арбузов, Пётр Повалишин, Фёдор Коведяев, Василий Берх (впоследствии историк русского флота), Данило Калинин, Федул Мальцев, доктор Мориц Либенд, его помощник Алексей Мутовкин, приказчик РАК Николай Коробицын и другие. Всего в плавании участвовали сто двадцать девять человек. Крузенштерн, проведший шесть лет на английских судах, отмечает: «Мне советовали принять несколько иностранных матросов, но я, зная преимущественные свойства российских, коих даже и английским предпочитаю, совету сему последовать не согласился» [10].

Незадолго до отхода, 25 апреля 1803 г., Крузенштерн был избран членом-корреспондентом Академии наук. Видные учёные Академии приняли участие в разработке инструкций по различным отраслям научных исследований. Корабли были снабжены лучшими по тем временам мореходными инструментами и пособиями, новейшими научными приборами.

Обогнув мыс Горн, корабли разлучились. Проведя исследования в Тихом океане, «Надежда» 3 июля 1804 г. прибыла в Петропавловск, а «Нева» 1 июля пришла в Павловскую гавань на острове Кадьяк.

Вот каким увидели Петропавловск моряки «Надежды»: «...при первом взгляде своём на Петропавловский порт почёл бы его за колонию, поселённую только за несколько лет и опять уже оставляемую. Здесь не видно ничего, чтобы могло бы заставить помыслить, что издавна место сие населяют европейцы. Залив Авача и другие три, к нему прилегающие (Петропавловская гавань, Тарьинская и Раковая бухты. — *В. А.*), совершенно пусты.

Прекрасный рейд Петропавловского порта не украшается ни одною лодкою» [11].

Пребывание в Петропавловске затянулось: ожидали начальника Камчатки генерал-майора П. И. Кошелева, находившегося в Нижнекамчатске. Петропавловский комендант майор Крупский оказывал экипажу всяческую помощь. «Корабль расснащён был немедленно, и всё отвезено на берег, от которого стояли мы не далее пятидесяти саженей. Всё принадлежащее к корабельной оснастке по таком долговременном плавании требовало или исправления, или перемены. Припасы и товары, погруженные в Кронштадте для Камчатки, были также выгружены», — пишет Крузенштерн. Наконец из Нижнекамчатска прибыл генерал Кошелев со своим адъютантом, младшим братом поручиком Кошелевым, капитаном Фёдоровым и шестьюдесятью солдатами. В Петропавловске в составе посольства Н. П. Резанова в Японию произошли изменения. В Петербург сухим путём отправились поручик Толстой, доктор Бринкин и живописец Курляндцев. В посольство были включены капитан камчатского гарнизонного батальона Фёдоров, поручик Кошелев и восемь солдат. На Камчатке остались японец Киселёв — толмач (переводчик. — *В. А.*) посольства и «дикий француз» Иозеф Кабрит, которого русские нашли на острове Нукагива в Тихом океане.

После ремонта и пополнения запасов «Надежда» 27 августа 1804 г. отправилась с посольством Н. П. Резанова в Японию, где более полугода простояла в порту Нагасаки. 5 апреля 1805 г. «Надежда» ушла из Нагасаки. По пути на Камчатку она описала южное и восточное побережья Сахалина. 23 мая 1805 г. «Надежда» снова прибыла в Петропавловск, где Н. П. Резанов со своей свитой покинул корабль и на судне РАК «Св. Мария» отправился в Русскую Америку на остров Кадьяк. Об итогах плавания Резанова в Японию начальник Камчатки П. И. Кошелев сообщал сибирскому губернатору Селифонтову.

С 23 июня по 19 августа Крузенштерн плавал в Охотском море, у побережья Сахалина, в Сахалинском заливе, где производил гидрографические работы и, в частности, исследование лимана реки Амур — занимался решением «Амурского вопроса». 23 сентября 1805 г. «Надежда» окончательно покинула Камчатку и с грузом пушнины отправилась в Макао, где намеревалась встретиться с «Невой» и, загрузившись чаем, вернуться в Кронштадт. Из Макао шлюпы вышли 30 января 1806 г., но у мыса Доброй Надежды разлучились. «Нева» прибыла в Кронштадт 22 июля, а «Надеж-

да» — 7 августа 1806 г. Так завершилось первое кругосветное плавание русских моряков.

Оно ознаменовалось значительными научными результатами. На обоих кораблях велись непрерывные метеорологические и океанологические наблюдения. Крузенштерн описал: южные берега островов Нукагива и Кюсю, Вандименов пролив, острова Цусима, Гото и ряд других, прилегающих к Японии, северо-западные берега островов Хонсю и Хоккайдо, а также вход в Сангарский пролив. На карту был положен Сахалин почти на всём его протяжении. Но Крузенштерну не удалось завершить исследования в лимане Амура, и он сделал неверный вывод о полуостровном положении Сахалина, на сорок четыре года продлив ошибочное заключение Лаперуза и Броутона. Лишь в 1849 г. Г. И. Невельской установил, что Сахалин является островом.

Большую историко-географическую ценность представляют описания природы посещённых мест и их жителей, особенно Камчатки. Крузенштерн интересовался всеми сторонами жизни Петропавловска и полуострова. Он дал яркие картинки местного быта. В Петропавловске во время пребывания Крузенштерна насчитывалось около ста восьмидесяти жителей, из них только двадцать пять женщин. Отсутствие медицинской помощи привело к тому, что и без того малочисленное население Камчатки понесло большой урон в результате эпидемий 1800 и 1801 гг. «Нет ни врачей, ни лекарств, ни здоровой пищи», — писал Крузенштерн. Недоставало хлеба и соли. Поэтому самым ценным подарком жителям Камчатки стала соль, привезённая из Японии в качестве подарка морякам «Надежды»: «...японское правительство подарило нам при отбытии из Нагасаки около тысячи пудов соли. Всё сие количество, включая около двухсот пудов, удержанных мною для нашего продовольствия, оставлено в Камчатке, так что каждый житель снабжен через то достаточно почти на три года... Кроме такового знатного количества соли, оставлено мною в Камчатке около семидесяти пяти пудов крупы сарачинской (риса. — *В. А.*)» [13].

Крузенштерн отмечает, что Петропавловск представляет собой местечко отвратительного вида. Берег завален тухлой рыбой, нет даже удобных троп, не говоря уже о дорогах. Селение состоит из полуразрушенных хижин и юрт, в которых люди от нечистот и сырости воздуха гниют. Имелось лишь два «приличных дома». В одном из них жил комендант порта майор Крупский, в другом — два артиллерийских офицера. Из-за отсутствия вблизи строевого леса постройка домов обходилась очень дорого. Крузенштерн сделал

вывод о том, что удобнее и выгоднее было бы строить дома из кирпичей, для чего надо соорудить кирпичный завод в Тарьинском заливе, откуда в Петропавловск привозили глину для возведения печей (приложение 6).

Возвратившись в Петербург, Крузенштерн не забыл о нуждах Камчатки. Он пишет: «Камчатку можно было бы снабжать всем с изобилием, если бы посылать туда ежегодно один корабль из какого-либо европейского российского порта... Места Северо-Восточной Сибири могли бы в таком случае получать из Петропавловска некоторые товары, а особливо иностранные, гораздо удобнее и дешевле» [14]. Это предложение не осталось без внимания. Хотя и не ежегодно, но довольно часто Петропавловский порт стал посещаться русскими судами из Кронштадта с товарами не только для Камчатки, но и для поселений на охотском побережье. Доставка товаров морем улучшила снабжение края.

По инициативе Г. И. Лангсдорфа и при активном участии Крузенштерна специальная комиссия во главе с Б. И. Пестелем представила в Сенат проект о преобразовании управления Камчатским краем. Благодаря Крузенштерну оно было упрощено и усовершенствовано. Начальник Камчатки и его помощник стали назначаться из опытных морских офицеров, обязанных прослужить на месте не менее пяти лет. Начальник Камчатки подчинялся иркутскому губернатору. Местом его пребывания предлагалось сделать не Нижнекамчатск, а Петропавловск. Был расформирован Камчатский батальон. Согласно положению от 9 апреля 1812 г. о преобразовании управления Камчаткой, для охраны полуострова в Петропавловский порт назначалась флотская рота из ста двадцати двух человек и семидесяти пяти казаков, рассеянно живших по полуострову и исполнявших полицейские обязанности. Таким образом, уже первое русское кругосветное плавание оказало заметное влияние на дальнейшее развитие края: Петропавловск стал его административным центром, упростилось управление и снабжение населения товарами.

Крузенштерн оставил прекрасное описание своего плавания, первая часть которого вышла в свет в 1809, а вторая — в 1810 г. Вскоре оно было переиздано в Англии, Франции, Италии, Голландии, Дании, Швеции и Германии. К описанию путешествия прилагался атлас карт и рисунков, среди которых имелись «Карта северо-западной части Великого океана» и «Карта островов Курильских». Они стали существенным вкладом в изучение географии северной части Тихого океана. Среди рисунков, выполненных Тилезиусом

и Горнером, есть великолепные виды Петропавловской гавани, Нагасаки и других мест.

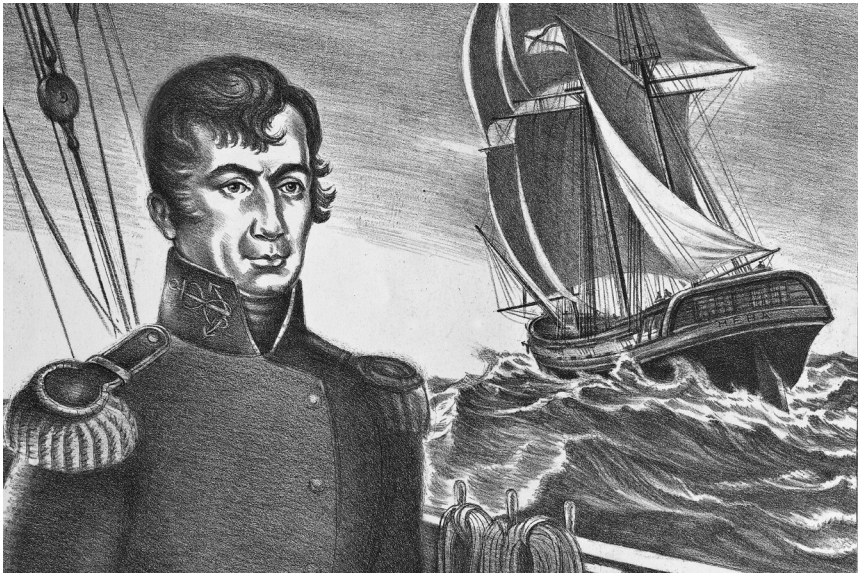
По окончании плавания Крузенштерн удостоился многих почестей и наград. Так, в честь первого русского кругосветного плавания выбили медаль с его изображением. В 1805 г. Крузенштерна наградили орденами Св. Анны и Св. Владимира третьей степени, он получил чин капитана 2-го ранга и пенсион в три тысячи рублей в год.

До 1811 г. Крузенштерн занимался подготовкой и изданием описания своего путешествия, отчётами и рассчётами по экспедиции. Официально он в 1807—1809 гг. числился при Петербургском порте. В 1808 г. стал почётным членом Адмиралтейского департамента, 1 марта 1809 г. произведён в капитаны 1-го ранга и назначен командиром корабля «Благодать» в Кронштадте.

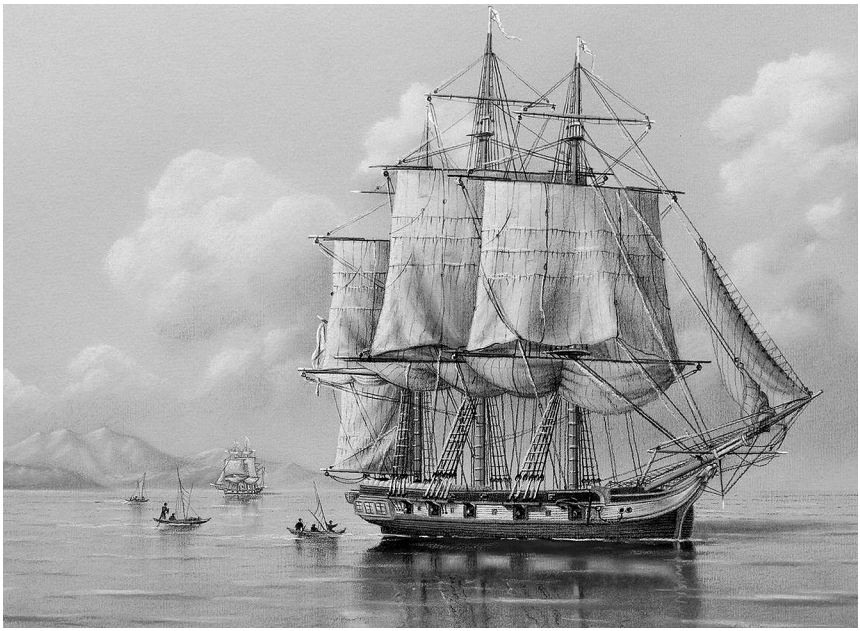
С 1811 г. Крузенштерн начал службу в Морском кадетском корпусе инспектором классов. Здесь он служил с перерывами до 1841 г., став его директором. 14 февраля 1819 г. его произвели в капитан-командоры, в 1823 г. назначили непременным членом Адмиралтейского департамента, а 9 августа 1824 г. — членом Главного правления училищ. 8 января 1826 г. в чине контр-адмирала Крузенштерн становится помощником директора Морского кадетского корпуса, а с 14 октября того же года — его директором. На этом посту он находился пятнадцать лет, основал библиотеку и музей, создал офицерские классы для дальнейшего обучения наиболее способных гардемаринов, с отличием окончивших корпус (впоследствии эти классы были преобразованы в Морскую академию). В 1827 г. он стал непременным членом Учёного комитета Морского штаба и членом Адмиралтейского совета, в 1829 г. произведён в вице-адмиралы, а в 1841 г. стал полным адмиралом.

Его заслуги были высоко оценены и в учёном мире. Его избрали почётным членом Российской Академии наук, членом-корреспондентом академий Парижа, Лондона и Геттингена. В 1842 г. И. Ф. Крузенштерн вышел в отставку и поселился близ Ревеля (современный Таллин), где и скончался в 1846 г. Его имя увековечено на картах мира в названиях многих географических объектов.

Первое кругосветное плавание 1803—1806 гг. открыло новую эпоху в развитии русского мореплавания. В дальнейшем такие походы стали обычным явлением для отечественного флота.

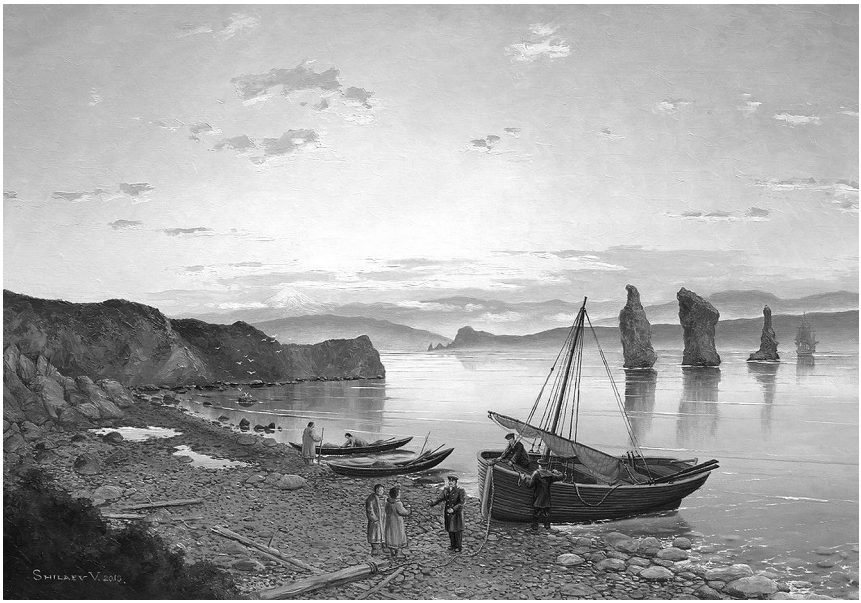
И. Ф. Крузенштерн на шлюпе «Надежда». Е. Ф. Димура, 1994 г.
(из фондов ККОМ)

Шлюп «Надежда» в кругосветной экспедиции. В. И. Шиляев, 2013 г.

Фрегат «Аврора» и военный транспорт «Двина» на рейде Петропавловска в 1854 г. В. И. Шиляев, 2013 г.

Встреча с камчадалами. В. И. Шиляев, 2013 г.

Представление генерал-инспектора флота вице-адмирала графа Н. Ф. Головина императрице Анне Иоанновне о дальнейшем развитии русского флота и содействии экспедиции В. Й. Беринга. 12 октября 1732 г. (выдержки)

...3. Ваше императорское величество соизволила ныне повелеть отправить на Камчатку в Сибирь сухим путём господина капитана-командора Беринга... Но понеже оной путь чрез Сибирь и там пустые места весть столько людей, правианту и материалов весьма труден и казне вашего императорскаго величества убыточен будет... и за такими трудностями пока оной может дойтить до Камчатки со всеми при нём людьми и материалы, и того времени пройдёт не меньше двух лет, а когда и туда приедет, то надлежит ему готовить лес и суды делать зачинать. И пока те суды готовы будут, то надобно времени не меньше положить как два года, а когда он будет с судами ево готов, то надлежит ему ходить для изыскания земель и островов по малой мере целое лето. И когда что изыщет и отправит с подлиною ведомостью к вашему императорскому величеству в Санк-Питербурх, которой куриэр по малой мере имеет быть в пути от Камчатки до Санк-Питербурха восемь месяцов, итого пройдёт бес четырёх месяцов шесть лет...

Однако я ныне за потребно нахожу другой способ... чтобы в будущую весну отправить отсюда на Камчатку чрез море два фрегата военные российские с ластовым (гребным. — *В. А.*) судном, на которых положить всякого правианту и запас на год или больше... Иттить отсюда чрез Большое море-окиян кругом капа Горна и в Зюйдное море, и между японских островов даже до Камчатки. И оной путь оные фрегаты могут учинить во время одиннадцать месяцов или и меньше... А сверх положенного их правианту на тех фрегатах возможно погрузить морского ещё провианту, кроме их комплекту на триста человек на два года... А когда те фрегаты в Камчатку прибудут, тогда оные могут снабдить командора Беринга и его команду материалами и довольною амуницией, и протчими нужнейшими припасами, и по прибытии тех оные способнее без всякого опасения везде ходить и выискивать всякие земли и острова будут.

Когда же те суды возвратятся благополучно, то надлежит тогда по всякой год отсюды оных в Камчатку посылать по два фрегата, а прибывшим оставаться здесь и для изыскания вновь земель, островов и проходов, морских гаваней, заливов и протчего, а более для морской практики, и что повелено будет, и от сего может произойти следующая государственная польза:

1. Сим способом сыщется случай быть непрестанной и преизрядной школе... ко обучению молодых офицеров и матрозов, которые и оные моря знать будут... и всё то, что потребно будет знать доброму морскому офицеру, и тако в один такой путь могут офицеры и матрозы обучиться более, нежели при здешнем море в десять лет.

2. В изыскании же Америки может быть следующая великая государственная польза, ибо имеются там мины (рудники. — *В. А.*) пребогатые, как серебряные, так и золотые, о которых ещё неведомо... А наипаче с разными народами может действительная коммерция основаться... Також и изыскать блиско тех некоторые гавани и морские порты, где бы возможно некоторую фортецию учинить и поселить несколько из российского народа, и войско посадить...

3. Наиважнейшая же польза... будет, что подданные вашего императорскаго величества будут непрестанно обучаться морской практике, и оттого всегда... флот будет снабдён добрыми и искусными людьми, с которыми... в случае войны выйтить противу неприятеля будет несумнительно и не так, как ныне есть.

4. ...возможно на Камчатке или в Сибири ис тамошних народов несколько человек из молодых в матрозы на те два фрегата... определить, которые могут в шесть месяцов матросского дела обучиться...

5. Отправление тех двух фрегатов вашему императорскому величеству в великой кошт стать не может, ибо и ныне корабли... при всех портех содержатся непрестанно... а офицеры и матрозы содержатся на жалованье и получают мундир и правиант...

6. И понеже ныне... без действия корабли военные в гаванах здесь гниют и ни к какой государственной пользе не употребляются...

8. И ежели вскоре сей предложенный способ не примется... может и то статься, что впредь такого благополучного времени, как ныне настоит, и не найдётся... [1, с. 113—116].

Приложение 2

Записка А. Р. Воронцова и члена Коллегии иностранных дел действительного тайного советника графа А. А. Безбородко. Не позднее 22 декабря 1786 г.

Северо-западный берег Америки с островами, около онаго находящимися, и другими грядами, оттоле до Камчатки и от сего полуострова до Японии простирающимися, открыт из давних времён одними российскими мореплавателями, в чём и свидетельствуют поданные их записки... Но как по общепринятому правилу, на неизвестныя земли имеют право те народы, которые первые открытие оных учинили, как то в прежния времена и по сыскании Америки обыкновенно делалось, что какой-либо европейский народ, нашедши неизвестную землю, ставил на оной свой знак, а римского исповедования государям римские папы к большего онаго утверждению щедро давали свои на то буллы, в чём и всё доказательство права к завладению заключалось, то вследствие сего неоспоримо должны принадлежать России:

1-е. Берег американский, от 55°21′ широты на север простирающийся, обойдённый капитанами Берингом, Чириковым и другими российскими мореходцами.

2-е. Все острова, около сея матерыя земли и полуострова Аляски находящиеся, как то: найденный Берингом и Куком названный Монтагю, Свят. Стефана, Св. Далматия, Евдокийския, Шумагины и другия, заключающиеся между курсом сих мореходцев и матерою землею.

3-е. Все острова, оттуда к западу грядою лежащия, под названием Лисьих и Алеутских, и другия, к северу простирающиеся, ежегодно российскими промышленниками посещаемыя.

4-е. Гряда Курильских островов, касающаяся Японии, открытая капитаном Шпанбергом и Вальтоном.

И посему делаемое англичанами под начальством капитана Кука присвоение реки, по имени его названной, открытой прежде его капитаном Чириковым, которую он взял во владение на имя аглинскаго короля, и, выставя флаг, велел зарыть в землю несколько аглинских денег, равномерно вход Принца Вильгельма и острова Ке, основательности не имеет, что подробно доказывается морскими поденными записками капитанов Беринга и Чирикова, что яснее усмотрится из карты, сочинённой генерал-майором Соймоновым. Но как всех оных в неизвестности бывших островов к державе вашего величества принадлежности, основанная на праве перваго их россиянами открытия, произведённаго с великими иждивениями как со стороны казённой, так и частных подданных ваших... доселе ещё никоим образом от правительства явственно не учинена, то и нужно, по мнению нашему, чтобы о присвоении Россиею тех островов с высочайшаго вашего повеления объявлено было чрез российских министров при дворах всех морских европейских держав, что сии открытыя земли Россией не могут иначе и признаваемы быть, как империи вашей принадлежащими, а потому не может здешнее государство допустить чужих туда мореходцов и судов... Для большаго же объяснения доставить им помянутую карту, исправя, и напечатать её под смотрением означенного генерала-майора Соймонова.

Но как такое объявление без существенного подкрепления едва ль достаточным будет... не благоугодно ли будет высочайше повелеть:

1-е. Чтоб в близости сей части, державе вашей принадлежащей, заведено было несколько военных морских судов...

2-е. Чтобы на берегу матерой американской земли каждого из тех островов утверждён был герб российский для виду и знания каждому туда приезжающему, и, по примеру других народов, зарыты были близ их российские деньги с уведомлением названия судов и времени открытия.

3-е. ...отправить из Балтийского моря два вооружённыя небольшие судна... а при них две вооружённыя морские шлюбки... и назначить объехать мыс Доброй Надежды, а оттоль, продолжая путь их чрез Сондский пролив, и, оставя Японию в левой стороне, иттить на Камчатку. Таковым образом, в один год по отправлении сих судов... может иметь в тех морях флотилию, довольно достаточную для удержания естли не военных сил, по малой мере частных промышленников морских держав от покушения на звериной промысел, по всем правам России принадлежащий...

Сии суда, пришед к северному краю Японии, могут, разделясь надвое, приступить к новейшим открытиям... Первая из сих флотилий может обстоятельнее осмотреть острова, от Японии к Курильской Лопатке простирающиеся, кои, естли теперь большой важности в себе не заключают, но, по заведении на Охотском море удобнейшаго порта, может быть по времени источником новыя отрасли торговли с Япониею, поелику полуденное сих островов положение подаёт удобности ко всякому для подкрепления его заведения. Другая часть тех судов, зайдя на Камчатку и снабдя себя переводчиками, язык островитян знающими, и другими потребностями, посетит не довольно описанныя из Алеутских и Лисьих островов и откроет американский берег, между 60° и 64° широты лежащий, или обозрит полуденный берег полуострова Аляски до входа Принца Вильгельма, который ещё и доныне не довольно описан...

При отправлении сей экспедиции нужно снабдить её для делания в том путешествии наблюдений, касающихся до астрономии и натуральной истории, учёными людьми, дав их как из здешних училищ, так и позволив взять из немецкой земли или Англии... [2, с. 229—232].

Приложение 3

Из наставления Адмиралтейств-коллегии начальнику первой кругосветной экспедиции Г. И. Муловскому о её задачах. Не ранее 17 апреля 1787 г. (выдержки)

Ея императорскаго величества наставления из Государственной адмиралтейской коллегии господину флота капитану 1-го ранга Григорью Муловскому, начальствующему над ескадрою, назначенною чрез Индийское море в Восточный океан для плавания между Камчаткою, Япониею и западными американскими берегами.

Ея императорское величество высочайше повелеть соизволила: вооружить и отправить из Балтийского моря небольшую ескадру, состоящую из четырёх вооружённых судов, какие бы в состоянии были в сохранении права на земли, российскими мореплавателями открытыя на Восточном море, утвердить и защитить торги по морю, между Камчаткою и западными американскими берегами лежащему, яко собственно и единственно к Российской державе принадлежащие...

1. Ескадра... состоять будет из судов «Колмагора», «Соловка», «Сокола» и «Турухтана», к коим присоединится ещё пятое, транспортное, имянуемое «Смелой», нагруженное пушками, снарядами, такелажем, парусиною, свинцом для мелкого ружья и другими вещами, нужными для Охотского и других тамошних портов. Суда сии изготовлены, оснащены и вооружены под собственным вашим смотрением и наставлением, снабдены людьми по вашему избранию и по их собственному желанию, лучшим всякаго роду запасом и провиантом в таком достатке, поколику вмещение судна позволило; также всеми противуцынготными вещьми и одеждою в избыточном

довольствии. А сверх всего того отпустится вам денежная сумма для ескадры вашей в натуре и кредитивами.

Для исполнения препорученных вам наблюдений и других учёных примечаний, получите вы частию здесь, частию в Англии нарочно на сей конец заказанные в довольном количестве и самые лучшие астрономические и другие инструменты и морские часы, равным образом книги и карты, до вашего путешествия касающегося, не упустите вы сами заготовить там...

Сверх того, снабдены будут для наблюдений, касающихся до астрономии и натуральной истории, учёными людьми, как-то: астрономами, гисториографами и естествоиспытателями, из которых вам некоторыя здесь уже известны, а других позволяется взять в Англии или иных местах... Сии учёныя останутся до совершения експедиции или до возвращения в Петербург...

Для сведения вашего и поколику можно руководства в той наипаче части Восточного океана, коея владычество вам имянно утвердить препоручается, даются вам со всех доселе российскими мореплавателями в тех морях, между Камчаткою, Япониею и Америкою содержанных журналов, сколько их ни есть, выписки и копии, начиная от 1724 по 1779 годы, равным образом разных четырнадцать карт с приобщённым при том каталогом и из них генеральная, при коллегии сочинённая... на коих означены учинённые доселе по сим морям плавания и открытия, с тем, чтоб вы по вашим собственным наблюдениям могли дознать и поверить, что в оных справедливо, что сомнительно или ложно, и по окончании путешествия сочинить одну вернейшую и обстоятельнейшую сих новопокорённых Российской державе берегов и моря карту...

Для утверждения российского права на все доныне учинённыя российскими мореплавателями или вами вновь учинёнными быть могущия открытия, даётся вам довольное количество литых чугунных Российской империи гербов и битых на случай сей експедиции золотых, серебряных, медных и также чугунных медалей с грудным ея императорскаго величества изображением...

3. ...Весьма б было полезно, если вы с мыса Доброй Надежды взяли с собой по нескольку пар молодой и к разведению способной дворовой скотины... То же самое можете приказать и находящимся при вас естествоиспытателям, дабы они как в Англии, так и на мысе Доброй Надежды запаслись довольным количеством всяких семян: хлебных, конопляных, льняных, разных дерев и огородных овощей, особливо земляных яблоков (картофеля. — *В. А.*) и корневых семян, кои бы с климатом Курильских островов и других земель, далее к северу лежащих, сходствовали...

7. Будучи в соседстве Японии, не упущайте ни малейшего случая получить достоверные известия о сей земле, а наипаче о северной ея части и лежащие близ её в северную сторону больших островов, кои, без сомнения, мнимую землю Езо представляют (остров Хоккайдо. — *В. А.*), и сверх того во всех случаях с японцами и курильцами, на ближайших островах

жительствующими, обходиться дружеским образом и стараться завести с ними торги...

11. ...при северном конце Японии надлежало бы вам... по разделении ескадры вашей надвое, как-то: отрядив старшего по вас капитана с двумя судами для осмотру островов, к Курильской Лопатке простирающихся, самому с другими судами зайти на Камчатку для получения толмачей и других потребностей... Но как... будет с вами пятое судно для отводу в то место пушек и протчаго груза, то... отправить оное удобнейшим путём к Камчатке в Петропавловскую гавань, куда и часть дворового скота для разведения там послать можете...

Прочия же суда ескадры разделите вы так, что старшей по вас капитан останется при Курильских островах для исследования оных, а сами с протчими судами пойдете к берегам американским.

12. При отделении старшего по себе капитана по вышеписанному для описания Курильских островов в наставлении ему следующее предписать имеете:

1) обойти плаванием и описать все малые и большие Курильские острова от Японии до Камчатской Лопатки, положить их наивернее на карту, и от Матмая до той Лопатки всё причислить формально ко владению Российского государства, поставя или укрепя гербы и зарыв медали в пристойных местах с надписью на российском и латинском языках, означающею ево путешествие или приобретение... Осмотреть берега, заливы, гавани, описать их состояние, местоположение, качество земли, леса и другие произведения, изобилие или недостаток пресной воды и разстояние до оной от берега... А наипаче на острове Урупе, иль осьмнадцатом из Курильских островов, или же где способнее откроется... наиболее примечать должно, нет ли хорошей гавани и удобнаго места для заложения крепости и селения, для хлебопашества и скотоводства, и естьли тут довольно пресной воды и лесу для построения и починки впредь морских судов. Ежели таковая гавань где-либо на тех островах откроется, то... описать оную во всей точности... и имянно: вход во оную, глубину, грунт, какими ветрами входить и выходить можно и от каких ветров оная закрывается...

О всём, что тут изыскано будет или по возвращении на Камчатку... долженствует он обстоятельно уведомить иркутскаго генерал-губернатора, которой может восприять меры к заведению тамо поселения... А оставляя сии острова, может он выпустить на землю привезённого им скота...

2) предписать ему, чтоб назначил истинное положение и описал состояние полуденнейших Курильских островов и острова Матмая... и внутреннее разстояние от сих берегов до матерой земли, с тем чтоб не было больше сумнения о мнимой земле Езо, приняв при последнем острове (Матмае, современном Хоккайдо. — *В. А.*) возможныя предосторожности, показывая дружественное обхождение и употребя, буде надобно, и подарки.

При плавании же между Курильскими островами осторожность иметь в разсуждении сильных промеж островами и опасных течений, во время

отлива и прилива бывающих, также и частью продолжающихся в тех местах туманов...

4) обойтить лещажий против устья Амура большой остров Сахалин... описать его берега, заливы и гавани, равно как и устье самого Амура... Приставая к острову, наведаться о состоянии его населения, качестве земли, лесов и протчих произведений. То ж самое может учинить... с Шантарскими островами и наипаче с предложенным по мнению господина генерал-майора Соймонова для заведения новой гавани при устье реки Уда...

17. На всех землях и островах, которые вами будут открыты впервыя, торжественно поднять российский флаг... и при том вышеуказанные гербы... укрепить на возвышенном месте подле поставленного в землю креста либо столба с высеченной надписью и, сверх того, положив в каменной высмоленной сосуд по одной серебрянной и медной медали, также вложив в крепкую засмоленную бутылку надпись на российском и латинском языках... зарыть всё в землю... [2, с. 233—242].

Приложение 4

Письмо И. Ф. Крузенштерна Н. С. Мордвинову с обоснованием необходимости организации русских кругосветных плаваний (выдержки) [9, с. 356—368]

...Имел я случай быть в европейских селениях восточной и западной Индии, положивших основание знаменитости некоторых европейских земель... и составляющих главный источник их богатства, имел случай видеть обширный океан, покрытый необозримым множеством судов, употребляемых к перевозу то обильных произведений восточных и западных селений, то изделий европейского трудолюбия и изобретения, одним словом, был очевидцем удивительной торговли, в коей все европейские народы более или менее участвуют. Одна только Россия исключена из оной... Для чего ж Россия, столь удобствующая для коммерции, изобилующая всеми материалами к постройке и вооружению кораблей и славящаяся богатыми товарами, необходимо нужными для других народов... не пользуется она сама трудолюбием и неусыпностью своих собственных граждан, которые произведения и изделия служат к толикому изобилию некоторых иноземцев, обогащающихся на щёт России?

Есть ещё другая ветвь коммерции, могущая соделаться чрезмерно важною... Оная производится от Охотска и камчатских портов к восточным островам и к северо-западной части Америки... Суда, плавающие по сим бурным морям, должны быть лучшаго построения... Никто, кроме смелаго россиянина, не отважился бы вверять оным своей жизни... Канаты, верёвки, паруса, железные вещи... нужные к построению и оснастке судов, привозят на лошадях из Якутска. Сверх того, не имеют суда ни октанов, ни хороших компасов, ни карт, ни навигационных книг, словом, никаких пособий, служащих к усовершенствованию безопасного и общеполезного

отчизне мореплавания... Камчатка или весьма мало или совсем почти не может доставлять им вещей, к тому необходимых. Тамошние жители и сами претерпевают великую нужду, даже и губернатор подвержен бывает иногда оной; часто не имеет он много нужного, без чего мы бы почли жизнь невозможною. Один из моих приятелей... нашёл камчатских жителей в таком состоянии, что редко кто согласился бы провести сим образом часть своей жизни, не презирая оной. Естьли бы сии смелые промышленники были в состоянии строить и оснащивать суда свои с большею и лучшею удобностью... тогда увидели бы мы их в Японии и Китае, заботящихся о распространении торговли... Они посещают уже северо-западную часть Америки, где... завели они селение и приобрели такое преимущество пред тамошними жителями, что скоро и удобно могли бы не только соделаться соперниками американцам и англичанам в меховой с Китаем торговле, но даже и овладеть всею оною богатою коммерциею, что по причине близости Камчатки к северо-западным берегам Америки и отдалённости от оных всех других наций непременно могло бы последовать. Самые дорогие меха можно бы, как и прежде, отправлять сухим путём в Кяхту, меха же нижняго разбора отвозить в Японию или, естьли зависть оной преградит путь к достижению такового намерения, в Кантон, где всегда продавать можно с великою выгодою... Российские корабли по продаже мехов в Китае могут и грузиться тамошними товарами, и снабдевать Охотск и Камчатку сахаром, чаем, китайкою, шёлковыми материями и фарфором... гораздо с большею дешивизною, нежели доставление оных сухим путём... Сие одно, сверх прочих, обстоятельство может довольно быть важным к побуждению нас послать корабли свои прямо в Кантон из Европы...

Весь полуостров Камчатка, или, по крайней мере, те места, в коих мы завели селения, а уповательно также и Охотск, имеют нужду в поправлении. Все их жилища могли б быть сделаны гораздо лучше и, следовательно, здоровее. Жители оных мест никогда не могли иметь недостатка в вещах, к жизни служащих; даже туда могли б быть введены европейския роскоши, дабы чрез то более прельстить жителей тех мест, сносить неприятности жестокого климата, великаго разстояния и долгой со своим домом разлуки. Естьли бы с камчадалами поступаемо было с большим человеколюбием... то их можно бы сделать полезнейшими общества членами...

По ужасному разстоянию от Камчатки или Охотска до ближайших европейских Российского государства провинций, по жестокости климата, неудобности и затруднению в необитаемой почти земле дорог... ясно видно, что в упомянутые места перевоз всякого звания вещей, во всяком количестве, совсем неудобен и что между нашими краями не должно бы быть никакому сухим путём сообщению, кроме в случае посылки штафетов (эстафет. — *В. А.*). Морское между ними сообщение несравненно удобнее; путешествие не столь продолжительно и опасно, как обыкновенно себе представляют. Корабль, в надлежащее время из Кронштадта отправленный, может поспеть в Камчатку в шесть или семь месяцев, и все выгоды

от морского путя будут весьма велики. Правда, едва можно вычислить, как дешевле и сколь в меньшее время припасы и товары могли б быть доставляемы в Камчатку водою, нежели сухим путём. Превосходные выгоды водяной в сем случае коммуникации столь явны, что никакого против того не можно сделать возражения. Опытность наших морских офицеров и матрозов, которую они в таковом долговременном вояже приобрести неминуемо имеют... На сей конец следовало бы послать одно или два больших хороших транспорта под прикрытием одного фрегата и катера, нагрузив оные разного рода припасами, способствующими к построению и приготовлению надежных судов; притом надобно также отправить одного или двух знающих корабельную архитектуру и нескольких других мастеровых, присоединя к ним и учителя навигации, который кажется быть очень нужным, ибо занимающиеся тамошним мореходством не имеют никакого сведения ни о сочинении карт, ни об определении широты и долготы мест по астрономическим правилам. Таковые люди удобно согласились бы отправиться в Камчатку, ежели предоставлена им будет надежда к поправлению их состояния вместе с позволением возвратиться в Россию по своей воле. Груз состоять должен из товаров, потребных для жителей восточных островов и северо-западного американского берега, а имянно из полосного железа около двух или трёх дюймов шириною и полдюйма толщиною, простых топоров, больших синих и красных бусов; надобно также взять с собою кузнецов и запастися угольями для обрабатывания железа по вкусу американцев. Жители же Камчатки снабдеваемы быть должны всем тем, что к удобной и приятной жизни служить может. Сие могло бы весьма нужно для Камчатки, как для такой земли, где таковыя вещи необходимы, которых избыток мог бы вознаградить жестокость климата и лишение удовольствий общежития. Всё, что на сих кораблях имеет быть посылаемо, может, да и должно быть российских мануфактур... Сахар, вино и ром можно брать на Канарских островах, в Бразилии или на мысе Доброй Надежды, ибо вино и водка, без чего в таком суровом климате нельзя обойтися, продаётся, как я слышал, в Камчатке чрезмерно дорого.

Извещают также, что жители той страны терпят великую нужду в лекарях и лекарствах. Многие не только из камчадалов, но даже и из россиян были жертвою запущенного недостатка в лечебном спомоществовании. Венерическая болезнь страшна в каждой земле, но несравненно более в жестоком климате; она была туда ввезена и произвела великия опустошения. Малолюдство в Камчатке столь велико, что должно употребить все средства к предупреждению совершеннаго искоренения народа...

Корабли, которые имеют быть отправлены с вышеупомянутыми материалами и другими вещами, могут на возвратном своём пути, вместо того, чтобы грузиться балластом, зайти в Китай, Манилу, Батавию или Бенгал для взятия товаров. Выгода от оных или плата за один провоз таковаго груза вознаградит издержки целой экспедиции, которые не могут быть важны, как потому что матрозы наши содержатся всегда на полном жало-

вании, так и потому что все корабельные припасы в России очень дёшевы. Смотря по надобности Камчатки, имеющия возрастать вместе с успехом ея торговли, можно одно или два судна посылать ежегодно и содержать безпрестанно в тамошних морях два небольших фрегата, которые могут быть сменяемы каждые два или три года. Сии фрегаты должны быть обязаны пещися о благосостоянии и спокойствии наших селений, о безопасности торговли и заниматься дальнейшим разысканием величайшего (восточного. — *В. А.*) архипелага, столь мало известного ещё доныне...

Капитан-лейтенант *Крузенштерн*.

Генваря 1-го числа 1802-го года.

Приложение 5

Экипаж шлюпа «Надежда»

Капитан-лейтенант, начальник экспедиции Иван Крузенштерн.

Старший лейтенант, произведённый во время путешествия в капитан-лейтенанты и кавалер Макар Ратманов.

Лейтенанты: Фёдор Ромберх, Пётр Головачев, Ермолай Левенштерн.

Мичман, произведённый во время плавания в лейтенанты, барон Фаддей Беллинсгаузен.

Штурман Филипп Каменщиков.

Подштурман Василий Сполохов.

Доктор медицины Карл Еспенберг.

Помощник его Иван Сидгам.

Астроном Горнер.

Естествоиспытатели Тилезиус, Лангсдорф (сей оставил корабль «Надежду» 25 июня 1805 г. в Камчатке и перешёл на судно Американской компании «Марию» для предпринятия путешествия к северо-западному берегу Америки).

Артиллерии сержант, пожалованный во время путешествия в офицеры, Алексей Раевский.

Кадеты сухопутного кадетского корпуса Отто Коцебу, Мориц Коцебу.

Клерк Григорий Чугаев.

Парусник Павел Семёнов.

Плотничий десятник Тарас Гледианов.

Плотник Кирилл Щекин.

Конопатный десятник Евгений Паутов.

Конопатчик Иван Вершинин.

Купор Пётр Яковлев.

Бомбардиры Никита Жегалин, Артемий Карпов.

Слесарь Михаил Звягин.

Подшкипер Василий Задорин.

Квартирмейстеры Иван Курганов, Евдоким Михайлов, Михаил Иванов, Алексей Федотов.

Боцман Карп Петров.

Матросы: Егор Черных, Иван Елизаров, Федосей Леонтьев, Егор Мартюков, Василий Фокин, Филипп Биченков, Фёдор Филиппов, Матвей Пигулин, Куприян Семёнов, Иван Михайлов 1-й, Дмитрий Иванов, Клим Григорьев, Иван Логинов, Резеп Баязитов, Даниил Филиппов, Николай Степанов, Нефёд Истреков, Мартимиян Мартимиянов, Иван Михайлов 2-й, Алексей Красильников, Григорий Конобеев, Спиридон Ларионов, Эммануил Голкеев, Перфилий Иванов, Филипп Харитонов, Сергей Иванов, Ефим Степанов, Егор Григорьев, Иван Щитов.

Деньщики Степан Матвеев, Иван Андреев.

Принадлежащие к свите посланника камергера Николая Петровича Резанова: свиты его императорского величества майор Ермолай Фридерици, гвардии поручик граф Фёдор Толстой, надворный советник Фёдор Фос, живописец Степан Курляндцев, доктор медицины и ботаники Бринкин, приказчик Американской компании Фёдор Шемелин [9, с. 40—42].

Приложение 6

Замечания И. Ф. Крузенштерна о состоянии Камчатки

О камчатском климате и земледелии. Климат Камчатки нельзя сравнить с климатом нового южного Валлиса (австралийский штат Новый Южный Уэльс со столицей в Мельбурне. — *В. А.*), но в Европейской России есть много областей, климат которых ничем не лучше камчатского, однако населены и благоустроены. Одни только места, лежащие близ моря, признаются не совсем бесплодными по причине частых туманов и мелких дождей... Жившие же многие годы во внутренности Камчатки единогласно уверяют, что климат северной Камчатки, а наипаче средней, гораздо преимущественней климата южной её части. Близ Верхнекамчатска и по берегам реки Камчатки почва земли вообще очень плодоносна. Продолжительная зима не может препятствовать землепашеству...

В средней Камчатке растёт хлеб и многоразличные огородные овощи... Даже и около Петропавловска климат не так суров... Частые туманы, препятствующие, будто бы, рощению огородных овощей, служат только предлогом, к коему прибегают нерадивые, сделавшиеся неспособными к трудам от неумеренного потребления горячего вина. Офицеры Петропавловского гарнизона имеют огороды, в коих, кроме гороху и бобов, родятся разные нужные для стола овощи...

Проведя в Камчатке в 1804 и 1805 гг. весь июнь, часть июля, целый август и сентябрь, могу с достоверностью утверждать, что в сии четыре месяца было там столько же ясных дней, сколько и в других местах, имеющих подобное положение. Туманы случались, правда, нередко, но оным подвержены бывают и прочие северные области Европейской России. Через весь июнь продолжалась хорошая и тёплая погода, каковая только быть может в странах лучшего климата. В сем месяце обнажились даже и горы

от снега, земля везде растаяла, однако живущие в Петропавловске всё думали ещё, что рано приниматься за заступ.

В Камчатке можно бы жить столь же хорошо или ещё лучше, нежели во многих других провинциях России [9, с. 268—269].

Об образе жизни россиян на Камчатке. Офицеры, духовные, купцы и солдаты не различествуют почти ничем между собою в образе их жизни. Имеющий более других денег не может ничего купить за оные, а потому и принужден жить одинаково с прочими... Российский солдат, привыкший ко всем трудностям, переносит равнодушно камчатский во всем недостаток... некоторые из солдат владеют даже собственными домами... Им позволяют во время зимы... перевозить казённые и партикулярные тяжести, ходить на звериную ловлю, посредством коей приобретает один солдат в зиму от трёхсот до пятисот рублей. Жалко, что при таковых деньгах не могут они ничего купить, кроме вина горячего, на которое по дороговизне и неумеренному употреблению скоро истощевают приобретённое. Холостая их жизнь много к сему способствует [9, с. 270].

О торговле и снабжении товарами. Камчатку можно было бы удобнее снабжать всем с изобилием, если бы посылать туда ежегодно один корабль из какого-либо европейского российского порта. Цены всех нужных вещей понизились бы многими сотнями процентов. По прибытии нашем вдруг упала цена кизлярской водки с двадцати на шесть рублей за штоф, сахара с семи на полтора рубля за фунт. Места Северо-Восточной Сибири могли бы в таком случае получать из Петропавловска некоторые товары, а особливо иностранные, гораздо удобнее и дешевле, нежели как то производится ныне доставлением оных столь дальним и трудным сухим путём...

Жители Камчатки... часто не имеют ни хлеба, ни соли... Только в одной водке недостатка никогда не бывает... Ром, французская водка, виноградное вино, кофе, пряности, уксус, горчица, деревянное масло, сарачинское пшено, хорошая пшеничная мука, коровье масло и другие сим подобные вещи, которые и в самом беднейшем городке России продаются, не привозятся никогда в Камчатку для продажи. Сукна и других материй для платья, включая толстый холст, шёлковые платки и синюю китайку, нет вовсе... Чёрный хлеб и рыба без всякой приправы, без уксуса, хрена, перца и даже без соли составляют всё, что как офицер, так и солдат ставят на свой стол [9, с. 270—271].

О медицинском обслуживании. Ныне присылают в Камчатку лекарств довольное количество, но оные столь худы, и находящийся тут лекарь столь же не искусен, что только крайность может понудить прибегать к оным. Жители Петропавловска долго не забудут доктора Еспенберга, сделавшего им великую пользу во время трёхкратного нашего там пребывания. Он снабдил, сверх того, петропавловского подлекаря некоторыми нужными лекарствами, но сей не умел их беречь, а, может быть, и употребление их было ему худо известно. Хотя при камчатском батальоне и находится

хороший лекарь, которого привозил губернатор в Петропавловск с собою, но он живёт всегда в Нижнекамчатске, а потому и может быть полезен только для тамошнего места. В прочих городах Камчатки определены подулекари...

Определяемых для Камчатки врачей надобно отправлять туда водою потому, чтобы можно было им удобно взять с собою всякое платье, мебель, книги, пособия, инструменты... вещи, которые необходимы для сохранения в тамошней стране здоровья... [9, с. 273—275].

О жилье в Петропавловске. Во всём Петропавловске находятся только два дома, отличающиеся несколько от прочих. В одном жил при нас майор Крупский, комендант крепости, а в другом — два артиллерийских офицера. Каждый из домов сих состоит из двух жилых покоев, кухни, кладовой и прочее... Мебель гостинного покоя — одна деревянная скамья, стол и два или три разломанных стула. Нет ни каменной посуды, ни стаканов, ни бутылок, ни других подобных тому столовых приборов. Две или три пары чайных чашек, один стакан, несколько изломанных ножей и вилок и малое число ложек составляли всё имущество сих добрых людей, которые были женаты. Более всего было для меня жалко смотреть на их окна, которые не только не двойные... но и очень худы. Стёкла малые, из разных разбитых кусков составленные. Худо защищают от снега и холода...

Дома прочих жителей построены вообще худо, и все так низки, что зимою вообще покрываются снегом; перед дверьми только прорывают дорогу и одни окна очищают для света. Снежная толща должна, правда, защищать от холода, но оная, препятствуя свободному проходу воздуха вокруг дома, причиняет весьма нездоровую атмосферу в покоях...

Построение дома в Петропавловске обходится весьма дорого. Вблизи нет вовсе строевого леса, оный доставлять надобно из внутренности Камчатки вёрст за шестьдесят или семьдесят... Строить дома из кирпичей было бы удобнее и выгоднее. У залива Тарейна (Тарьинского. — *В. А.*) находится в изобилии лучшая глина, которая употребляется ныне на делание печей в Петропавловске... Неосновательно было бы утверждать, что каменные дома могут быть опасны по причине замлетрясения. В близости Петропавловска хотя бывают землетрясения, но не случалось никогда столь сильного, чтобы можно было опасаться разрушения каменного дома [9, с. 275—277].

Источники

1. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. — М., 1984. — С. 116.

2. Русские экспедиции... во второй половине XVIII в. — М., 1989. — С. 232—233.

3. *Кук Джеймс*. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. — М., 1971. — С. 26.

4. Русская тихоокеанская эпопея. — Хабаровск, 1979. — С. 541.

5. *Финнов М.* Российского владения земля. — Южно-Сахалинск, 1989. — С. 184.
6. Там же. С. 185.
7. Там же. С. 184—185.
8. Там же. С. 187.
9. *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». — Владивосток, 1976. — С. 26.
10. Там же. С. 40.
11. Там же. С. 267.
12. Там же. С. 134.
13. Там же. С. 272.
14. Там же. С. 270.

В. С. ЗАВОЙКО — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОЙ АМЕРИКИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Василий Степанович Завойко вошёл в историю как первый губернатор Камчатской области, руководитель обороны Петропавловска в 1854 г., а после эвакуации Петропавловского порта, гарнизона и администрации Камчатской области в 1855 г. — как «начальник морских сил при устьях Амура». Менее известна его исследовательская деятельность в Русской Америке в 1830-е гг. и на юго-западном побережье Охотского моря в 1840-е гг.

В 1834 г. двадцатипятилетний лейтенант В. С. Завойко отправился в кругосветное плавание на морском транспорте «Америка» под командованием капитан-лейтенанта Ивана Ивановича Шанца. Летом 1835 г. он впервые ступил на камчатскую землю, а 14 сентября того же года Василий Степанович прибыл в столицу Русской Америки — Ново-Архангельск на острове Ситха. Главным правителем Русской Америки в это время был Фердинанд Петрович Врангель — знаменитый кругосветный мореплаватель и полярный исследователь. Вторую кругосветку Завойко совершил в 1837—1839 гг. на судне «Николай» под командованием капитан-лейтенанта Евгения Андреевича Беренса, также с заходом в Русскую Америку.

После возвращения В. С. Завойко издал в Петербурге две небольшие книжки под общим названием «Впечатления моряка во время двух путешествий кругом света (сочинение лейтенанта В. З.)». Сведения В. С. Завойко о Русской Америке представляют определённый интерес, так как источников о жизни этих русских владений сохранилось немного, и значительная часть их хранится за пределами России, в основном в США, а основной архив РАК погиб.

Завойко сообщает множество любопытных фактов о российских владениях в Америке, даёт оценку деятельности главных правителей Русской Америки в те годы: Ф. П. Врангеля (1829—1835 гг.) и И. А. Купреянова (1835—1840 гг.). Он описывает жизнь и занятия обитателей «столицы» Русской Америки и калифорнийской колонии Росс, природу и климат острова Ситхи, хозяйственную деятельность РАК, высоко оценивает миссионерскую и научную деятельность «апостола Севера» И. Вениаминова.

Завойко пишет: «Первое впечатление, которое сделал на меня в Ситхе ея осенний климат, не расположило меня в её пользу... Она сходна с нашей родимой северной осенью, так же сурова и так же мрачна, и солнце своими лучами редко согревает кровь, зато камельки с радушным приёмом здешних хозяев заменяли нам солнечные лучи. Отогревшись у них, я пошёл осматривать все здешние заведения, и не мог не порадоваться, что в этом отдалённом крае под благотворной сенью нашего правительства общество частных людей, устроив свои заведения для польз торговых, не забывает польз края и человечества. Надобно удивляться, в каком стройном порядке текут здесь дела, как ясно видно во всех заведениях попечение и искусство руки, которая управляет всем краем с истинным расположением к добру и пользам человечества» [4, с. 348].

Под «рукой, которая управляет всем краем» Завойко имеет в виду Ф. П. Врангеля, ставшего ко времени издания книги его родственником. Вскоре после возвращения из второго плавания В. С. Завойко женился на Юлии Егоровне Врангель — племяннице Фердинанда Петровича. Этим объясняется восторженный тон описания основных объектов на Ситхе.

Вот такую оценку деятельности Ф. П. Врангеля на посту главного правителя Русской Америки даёт В. С. Завойко: «Здесь, в американских владениях России, его просвещённая благонамеренность все дела американской компании быстро продвинула к улучшению. Истинный филантроп, он при содействии компании её капиталами улучшил в колониях благотворительные для человечества заведения, которые порядком и пользою поспорят с лучшими в этом роде заведениями внутри России» [4, с. 348].

Кстати, самому Завойко в начале 1850-х гг. правление РАК предлагало занять пост главного правителя Русской Америки. Но он, являвшийся в это время начальником Петропавловского порта и военным губернатором Камчатской области, предпочёл остаться на полуострове.

Описание Ново-Архангельска Завойко начинает с адмиралтейства: «Все мастерские устроены удобно и красиво, содержатся в чистоте и порядке. Кроме столярных, токарных здесь даже есть литейная, оружейная, компасная. Мастерства по этим искусствам доведены, можно сказать, до совершенства, чему служит лучшим доказательством отделка судов нашей компании, которыя по своей чистоте и красоте не уступают ни английским, ни американским военным судам... Все суда вооружаются здесь по методе американцев, и все железные вещи выковываются в своих мастерских с таким искусством, что в прочности и чистоте не уступят иностранным. В здешней литейной отливают рулевые петли, отделываются разные вещи, служащие для морского щегольства, так чисто и красиво, что можно залюбоваться... На здешнем эллинге построено несколько прекрасных судов в полном смысле этого слова, и флаги их развеваются на славу русских у берегов Охотска, Сандвичевых островов, Калифорнии и Южной Америки. Бриг американского купца Френча, обновлённый на здешнем эллинге, унёс славу его в свою родину под именем "Леди Врангель" (назван в честь Елизаветы Васильевны Врангель — жены Ф. П. Врангеля. — *В. А.*)» [4, с 348—350].

«Из адмиралтейства мы перешли в училище, преобразованное в 1832 г. для воспитания юношества. Комплект его состоит из сорока пяти человек. В училище принимаются дети здешних служителей, креолы и преимущественно сироты. Оно помещается в довольно обширном здании; спальни детей просторны и опрятны, снабжены приличной, можно сказать, роскошной мебелью, классы не уступают спальням, а библиотека имеет все нужные пособия для образования малюток, свежих, здоровых, полных жизни и подающих множество прекрасных надежд в будущем. Курс, здесь преподаваемый, заключается в нравственном образовании, в познании православной веры, русского языка и математических наук, собственно относящихся до мореходного искусства и ремесла. Способнейшие из воспитанников выпускаются в помощники штурманов, остальные размещаются в разные должности по управлению и по мастерствам в порте» [4, с. 350].

Об оборонительных сооружениях Ново-Архангельска Завойко пишет: «...здешняя крепость... удовлетворяет потребностям и служит непреодолимою оградою от нападения туземцев, колош (в 1804 г. восемьсот индейцев-тлинкитов — колошей уничтожили русские укрепления на острове Ситха, и только приход военного корабля «Нева» под командованием Ю. Ф. Лисянского,

совершавшего первое русское кругосветное плавание, помог тогдашнему правителю Русской Америки А. А. Баранову усмирить восставших. — *В. А.*).

Укрепление её состоит из стен, сложенных из брёвен, и нескольких деревянных построек в виде бастионов и башен, искусно расположенных для обороны, и внутренних строений и рейда. Укрепления вооружены пушками разного калибра: от трёх до двадцатичетырёхфунтового. Всех орудий до сорока. Этих мер слишком достаточно для обороны не только против туземцев, но даже и против сильнейших неприятелей, которые захотели бы попытаться завладеть тем, что русские называли своим. Дух жителей и порядок, наведённый для защиты, служит верной порукой, что никто не застанет здесь наших врасплох ни днём, ни ночью, и дерзкий дорого заплатит за свою попытку» [4, с. 352].

С таким же восторгом В. С. Завойко оценивает деятельность Ф. П. Врангеля в организации медицинской помощи: «Здесь есть также госпиталь, которую не стыдно перенести в любой из городов Европы. Госпиталь получила также усовершенствование при нынешнем главном правителе и помещается в прекрасном доме на тридцать кроватей, размещённых в палатах хорошей отделки, светлых, просторных и опрятных до возможной степени. С изобильной аптекой, одежда больных, продовольствие и прислуга вполне отвечают другим частям, а внимательность и попечение, с каким обходятся с больными, довершает совершенство этого прекрасного заведения» [4, с. 351].

Окрестности Ново-Архангельска произвели на Завойко приятное впечатление. Здесь «всего замечательнее горячие серные источники. Температура их простирается до пятидесяти градусов. Этим благодательным даром природы здесь умели вполне воспользоваться. Тут устроены ванны и помещение для желающих воспользоваться водами. Для чиновников есть прекрасный домик со всеми удобствами для жизни, для нижних служителей есть казармы. Отсюда отправились мы в Озерский редут. Это небольшое укрепление в тридцати верстах от Ново-Архангельска находится при соединении большого озера с Ситхинским заливом. Здесь прежде заготовлялась рыба для зимних запасов посредством заколов и была мукомольная мельница. При нынешнем правителе эти заведения усовершенствованы и к ним прибавлена пильная водяная машина. На мельнице перемалывается весь хлеб, привозимый из Калифорнии в зёрнах для продовольствия колоний, а пильная мельница снабжает адмиралтейство досками в таком изоби-

лии, что оно может отпускать часть их за границу, чему уже были примеры» [4, с. 352].

Интерес представляет и описание жителей столицы Русской Америки и их быта. Завойко пишет: «Здесь, как и везде, они разделяются на особенные общества: высший круг составляют главный правитель со своим семейством, его помощник, правитель конторы и наши моряки, семейные и холостые. К среднему кругу принадлежат все должностные лица купеческого сословия. В обществе этих людей мы делили часы нашего досуга с большим удовольствием. Остальное народонаселение состоит из креолов и промышленников, переселившихся сюда из разных областей русских; они служат на жалованье компании» [4, с. 352].

Первое пребывание В. С. Завойко здесь длилось около месяца. 11 октября 1835 г. транспорт «Америка» взял курс с острова Ситха на Гавайи.

Во время кругосветки на «Николае» В. С. Завойко в 1838 г. дважды посетил Ново-Архангельск, где провёл около четырёх месяцев и совершил плавание в Калифорнию, в залив Бодего, где находилась колония — форт Росс. Здесь он пробыл около полутора месяцев.

К этому времени главным правителем Русской Америки уже третий год был И. А. Купреянов, также участник двух кругосветок. На этот раз в описаниях Завойко уже нет прежнего восторга. В довольно мрачных тонах он описывает вход в Ново-Архангельский порт. В период отсутствия Завойко в Русской Америке случилась эпидемия оспы, унёсшая множество жизней. В. С. Завойко приводит данные о численности коренного населения Русской Америки: «Колош (тлинкитов. — *В. А.*)... теперь считается не более шести тысяч (до 1835 г., или эпохи появления здесь оспы, их было десять тысяч), а постоянных жителей колош подле крепости в Ситхе — до 750, на Алеутских островах алеутов до 2 200, на Кадьяке — до 2 300, то в Чугаче кинайцев и других живущих на Аляске (в те годы Аляской называли лишь узкий полуостров, простирающийся в сторону Алеутских островов, севернее острова Кадьяк. — *В. А.*) не более 3 500» [4, с. 354—355].

Зима 1837—1838 гг., предшествующая приходу «Николая», была в Ново-Архангельске голодной, так как лето 1837 г. в форте Росс оказалось неурожайным. Поэтому 1 июля сам главный правитель И. А. Купреянов отправился на «Николае» в Калифорнию, чтобы лично проследить за отгрузкой продовольствия в Ново-Архангельск. Так Завойко впервые попал в Калифорнию. В окрестностях

форта Росс находились три ранчо: Черных (уроженца Камчатки, вывезенного П. И. Рикордом в 1822 г. в Московскую земледельческую школу. В 1836 г. Черных поступил на службу в РАК агрономом), Хлебникова и Костромитинова. Вот как он их описывает: «Знаменитое село Костромитиновка состоит из одного домика... и из трёх соломенных шалашей, в которых живут трое русских». Завойко сообщает, что селение и пашню обслуживают двести пятьдесят индейцев, которые за работу вознаграждаются весьма скупо. «Корм состоит из разболтанной в кипятке муки, а по воскресеньям — в фунте мяса на человека. По окончании работ им раздают по рубашке, по платку или несколько бисеру». Тем не менее, пишет Завойко, индейцы всем этим были довольны [4, с. 355—356].

Форт Росс Завойко описывает так: «Оно (селение. — *В. А.*) расположено на самом взморье. Это крепость, в которой дом правителя, контора и домы чиновника, сельских хозяев, конторщиков и приказчика. Крепость внутри и снаружи содержится в чистоте и порядке. Она выстроена из досок чаги. Число пушек не помню, потому что их не считал. Вне крепости находится селение, которого жители — женатые промышленники. Избы их построены из чаги. Есть у них большой скотный двор с принадлежностями, ветряная мельница» [4, с. 356].

По подсчётам Завойко, в Россе проживало сто двадцать русских промышленников с детьми и жёнами, тридцать алеутов, завезённых ещё при А. А. Баранове, то есть более двадцати лет назад. Местных индейцев было восемь мужчин и тридцать одна женщина. Хотя Завойко пробыл в Россе всего два дня, его сведения весьма интересны для историков, так как через три года, в 1841 г., форт Росс был продан американцу Джону Суттеру.

8 ноября 1838 г. «Николай» с грузом пушнины отправился в обратное плавание в Кронштадт. На нём возвращался в Россию И. Вениаминов, с которым В. С. Завойко познакомился ещё в 1835 г., а позднее встречался в Охотске и Аяне. Выдающийся миссионер, просветитель, учёный-этнограф и лингвист Иоанн Евсеевич Вениаминов впоследствии стал под именем Иннокентия первым епископом учреждённой в 1840 г. епархии Камчатской, Курильской и Алеутской, а с 1850 г. — архиепископом Камчатским и Якутским. С 1868 г. и до кончины в 1879 г. И. Вениаминов фактически возглавлял Русскую Православную Церковь в сане митрополита Московского и Коломенского.

Во время первого пребывания Завойко в Ново-Архангельске в 1835 г. по настоянию Врангеля И. Вениаминова перевели туда

протоиереем церкви Св. Михаила. До этого Вениаминов десять лет прожил на Уналашке и написал свой знаменитый трёхтомный этнографический труд «Записки об островах Уналашкинского отдела». Во время плавания в Кронштадт Завойко подружился с И. Вениаминовым — «очень хорошим человеком, сведущим во всём». Завойко пишет о нём: «Он прожил в колониях пятнадцать лет и ныне возвращается с нами, хотя и после пятнадцатилетнего отсутствия, но не прямо на свою родину, в Иркутск, куда он уже отправил всё своё семейство; он ещё хочет объехать свет и видеть Петербург, где намерен напечатать свои полезные сочинения, составленные им для того края и для нас о том крае. Он первым перевёл на алеутский язык краткую священную историю, Катехизис, Евангелие от Матфея и составил поучение на алеутском и русском языках касательно христианских обязанностей человека. Сверх того, у него есть обстоятельная записка об Уналашкинском отделе островов, о колошах, колошенском и алеутском языках, нравах, обычаях и происхождении этого народа. Это будет первая книга в своём роде, которая разольёт большой свет для учёных и вообще образованных людей на тот отдалённый край наших владений» [4, с. 356].

Кстати, десять лет спустя И. Вениаминов сыграл важную роль в судьбе самого В. С. Завойко. Во время посещения Петропавловска генерал-губернатором Восточной Сибири Н. Н. Муравьёвым в июле 1849 г. решился вопрос о переносе Охотского порта в Петропавловск и образовании особой Камчатской области. Как сообщает И. Барсуков — биограф Н. Н. Муравьёва-Амурского, тот колебался в выборе военного губернатора Камчатки между тогдашним командиром Охотского порта И. В. Вонлярлярским и В. С. Завойко. И. Вениаминов, с которым Муравьёв ежедневно встречался в Петропавловске, однажды сказал ему: «За Лярского (Вонлярлярского. — *В. А.*) я руки не подставлю, а за Завойко я постою обеими руками, всем телом и всею душою» [3, с. 232].

Так и решился вопрос о первом камчатском губернаторе.

В. С. Завойко даёт характеристики и другим обитателям Ново-Архангельска. Среди них — А. В. Голенищев, бывший в 1829—1835 гг. начальником Камчатки: «Он был неисчерпаем насчёт Камчатки и жестоко нас смешил» [4, с. 353].

В. С. Завойко прекрасно понимал, что своими успехами в проведении кругосветных плаваний русский флот обязан не только образованным талантливым офицерам, но и простым матросам. С большой теплотой он пишет о них: «В заключение скажу ещё

о команде, что какая бы ни была погода, если только она будет так обмундирована, на такой пище и с таким расположением, то с русским матросом можно быть круглый год под парусами. Он тих, скромен и бодр. Ласковое слово офицера для него утешение во всех крайностях: от одного такого слова он ободряется и забывает всё, а если к этому да чарочку винца, чего он не перенесёт... Не могу говорить без удовольствия о русском матросе, особенно как вспомню иностранных» [4, с. 357].

В 1840 г. В. С. Завойко поступил на службу в РАК и был назначен управляющим её факторией в Охотске (РАК имела также факторию в Петропавловске). Охотский порт с самого своего основания в 1731 г. признавался всеми мореплавателями как неудачный. За сто с лишним лет было предложено множество проектов его переноса, но ни один из них не был осуществлён. Этим пришлось заняться В. С. Завойко. Недостатки Охотского порта состояли в отсутствии вблизи питьевой воды, мелководье и непостоянстве реки Охоты, открытом всем ветрам рейде, нездоровом и суровом климате, отсутствии поблизости леса для постройки и ремонта судов.

Особенно незавидным было положение фактории РАК, располагавшейся на самом конце Тунгусской кошки, ширина которой под действием штормов уменьшалась на три сажени в год. После осенних штормов 1841 г. от фактории до берега моря оставалось лишь три сажени, до берега реки чуть больше. В. С. Завойко сообщает: «В конце ноября (1841 г. — *В. А.*) начались снова крепкие ветры, а штормом в декабре морскою водою, нагнанною в реки, сломало лёд, вынесло его в море и бурунами нагоняло с неимоверною силой. Этого же числа замечено новое обстоятельство, ещё более убеждающее в ненадежности настоящего местонахождения фактории, а именно: от ударов льдин, нагоняемых бурунами на кошку, все здания фактории приходили в сотрясение, как от действия землетрясения, и это продолжалось три часа» [1, с. 124—125].

Поэтому в следующем году вместе со служащим РАК Дмитрием Ивановичем Орловым, бывшим поручиком корпуса флотских штурманов, сосланным по суду в Сибирь на поселение и впоследствии оправданным, В. С. Завойко решил внимательно осмотреть западное побережье Охотского моря. Его особое внимание привлекли заливы Аян и Алдома. Он пришёл к выводу, что Аянский (Аян — по эвенски и означает «залив») — лучший на побережье. Единственный его недостаток — открытость юго-восточным ветрам. Ширина входа в залив — около трёх кабельтовых. Вход ограничен с одной сто-

роны банкой Лорга-Ангра, с другой — небольшим островом-скалой Чаячий. Поблизости расположено обширное озеро, в которое во время прилива возможен вход морских судов. Сама бухта длиной более полумили лежит между мысами Жёлтым на юге и Безымянным на севере. Глубина при входе в бухту четырнадцать-пятнадцать, а в самой бухте — пять метров, грунт — ил с песком. В бухте хорошая якорная стоянка, только при юго-восточных ветрах волнение мешает разгрузке судов. Место очень живописное, в отличие от Охотска. В северную часть бухты впадает небольшая речка Аянка, текущая в распадке между отрогами хребта Джугджур, в восточную — речка Уй. По долинам рек раскинулись обширные луга. Дорога от Аяна до Якутска оказалась не хуже Охотского тракта [1, с. 125].

Все эти обстоятельства окончательно решили вопрос о выборе нового места для порта в пользу Аяна. Но чтобы проверить условия жизни на новом месте, В. С. Завойко оставил на зимовку в заливе Д. И. Орлова с пятью служащими компании и двадцатью якутами. Подпоручику корпуса флотских штурманов Петру Фёдоровичу Гаврилову на бриге «Промысел» Завойко поручил провести съёмку залива и прилегающего к нему побережья. Д. И. Орлов построил за зиму всё необходимое для переноса фактории: «Дом для управляющего и приезжающих, длиною три и шириною две с половиною сажени, о четырёх окнах и трёх комнатах с сенями, кладовою, кухнею и прочими службами (пол в доме был выстлан струганным тесом и в нём поставлена железная печь. — *В. А.*), казарма на тридцать человек с русскою печью и всеми службами, баня, кузница и юрта для прикащика с выстланным полом. Все эти постройки были обложены дёрном. Старый дом был обращён в пакгауз» [1, с. 126].

В 1844 г. Завойко прислал в Аян временного управляющего Савина, а Орлова отправил для осмотра рек Маи и Алдана на новом тракте. Орлов доставил в Аян первый транспорт с грузами из Якутска, причём значительно дешевле, чем обходилась доставка грузов по старому охотскому тракту.

В. С. Завойко официально предложил правлению РАК перенести факторию в Аян, что и было сделано в 1845 г. Указом правительства от 27 июля 1845 г. поселение в заливе Аян было названо Аянским портом РАК. Одновременно начальник Охотского порта капитан-лейтенант Транковский сделал представление генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьёву о переводе Охотской флотилии в Аян.

Но стать главным русским портом на Тихом океане Аяну не довелось. В 1849 г. Охотск, Петропавловск и Аян посетил Н. Н. Муравьёв. Окончательный выбор он сделал в пользу Петропавловска. 2 декабря 1849 г. последовал именной указ императора Николая I об образовании Камчатской области и упразднении Охотского порта. Первым начальником Петропавловского военного порта и военным губернатором Камчатской области был назначен капитан 1-го ранга В. С. Завойко, вступивший в должность 2 августа 1851 г.

Источники

1. *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. — Хабаровск, 1958.

2. *Алексеев А. И.* Сыны отважные России. — Магадан, 1970.

3. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994.

4. Русская Америка. По личным впечатлениям миссионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и других очевидцев. — М., 1994.

Б. ДЫБОВСКИЙ — КАМЧАТСКИЙ ЭТНОГРАФ И ЯЗЫКОВЕД

Среди исследователей Камчатки можно встретить не только русских учёных, но и представителей многих европейских народов. Достойное место среди них занимает польский учёный-энциклопедист Бенедикт Дыбовский. Он внёс заметный вклад в науку как зоолог, ботаник, орнитолог, эколог, препаратор, историк науки, антрополог, этнограф и языковед. Мировую известность он получил своими исследованиями фауны озера Байкал. Почти двадцать лет своей долгой жизни он отдал всесторонним исследованиям Сибири и Дальнего Востока, в том числе более четырёх лет изучал Камчатку и Командорские острова.

Если в Сибири Дыбовский оказался не по своей воле — его приговорили к двенадцати годам каторги на Нерчинских рудниках в Забайкалье за участие в польском восстании 1863 г., то на Камчатку он прибыл добровольно, добившись назначения на должность окружного врача Петропавловского и Командорского округов Приморской области. Будучи единственным врачом на полуострове и Командорских островах, живя и работая в сложнейших бытовых условиях, он всё свободное время посвящал научным

исследованиям. Их главной целью был сбор доказательств для подтверждения гипотезы об обособленности фауны Байкала и Сибири. Наша задача — показать его вклад в исследование жизни и быта народов Камчатки и их исчезающих языков.

Опыт этнографических исследований у Дыбовского уже имелся. До прибытия на Камчатку он изучал даурских бурятов, амурских гольдов, айнов на Сахалине, корейцев.

Б. Дыбовский прожил долгую жизнь — почти девяносто семь лет. На Камчатку он прибыл в возрасте сорока шести лет, здесь встретил своё пятидесятилетие. Родился Б. Дыбовский 30 апреля 1833 г., недалеко от Минска, умер 30 января 1930 г. во Львове.

По окончании Минской гимназии с 1853 по 1860 гг. он изучал медицину в университете Дерпта (ныне Тарту в Эстонии), Вроцлавском и Берлинском университетах. В 1860 г. в Берлине защитил диссертацию и получил звание доктора медицинских наук и хирургии. Был страстным сторонником теории Дарвина. Успешно начал карьеру профессора зоологии в Варшавской главной школе, но вскоре был арестован и приговорён к двенадцати годам каторги. В 1866 г. из каторжан переведён в поднадзорные и назначен врачом на молодом курорте Дарасун под Читой, а в 1868 г. отправлен на поселение в местечко Култук на берегу озера Байкал. В 1869 г. принял участие в экспедиции в Амурский и Уссурийский края, в 1872—1875 гг. снова побывал на Дальнем Востоке.

В 1877 г. Дыбовского освободили из ссылки. За получившие широкую известность работы о фауне Байкала его наградили золотой медалью. Он получил ряд заманчивых предложений: возглавить кафедру зоологии Петербургского университета или вновь создаваемого первого в Сибири Томского университета, должность профессора в Варшавском, Краковском или Львовском университетах. Но у Дыбовского были другие планы. Он предложил проект организации комплексной экспедиции для всестороннего исследования Камчатки силами польских учёных-ссыльных. Однако Академия наук отказала в выделении средств на экспедицию, а вице-президент Русского географического общества П. П. Семёнов-Тян-Шанский согласился дать тысячу рублей только на орнитологические исследования (кстати, Дыбовскому в качестве признания его заслуг предлагалась приставка к фамилии — «Байкальский», но он отказался).

Запрет экспедиции не остановил Дыбовского. Он решил провести исследования Камчатки самостоятельно, в одиночку, за свой счёт, сочетая их с деятельностью окружного врача. Тщательно

подготовился к поездке — закупил врачебные инструменты, лекарства, фотоаппараты и фотопластины, тёплую одежду, научное оборудование, подарки для камчатских аборигенов, игрушки, буквари и книги с рисунками для детей. В помощники взял семнадцатилетнего сына крестьянина из-под Варшавы, отличного стрелка-охотника Яна Калиновского, который неотлучно сопровождал учёного, выполнял его поручения, добывал и выделывал шкуры камчатских животных и чучела птиц.

Шесть месяцев длился их путь на Камчатку: по железной дороге до Нижнего Новгорода, далее на санях и на пароходе по Шилке, Амуру и Уссури, а затем из Владивостока до Камчатки. 5 июля 1879 г. Дыбовский прибыл в Петропавловск и находился на Камчатке до осени 1883 г.

Деятельность Дыбовского на Камчатке известна по его трудам, опубликованным после возвращения с полуострова и, к сожалению, не переведённым на русский язык: «О Сибири и Камчатке», «Путешествие из Варшавы на Камчатку», «Командорские острова», «Удачный опыт переселения северных оленей с Камчатки на остров Беринга» и прочим. Кроме того, в варшавском журнале «Вшехсвят» («Весь мир») регулярно публиковались «Письма доктора Дыбовского из Петропавловска-на-Камчатке», а к организованной им в 1884 г. этнографической выставке были отпечатаны пояснительные материалы.

За четыре года пребывания на Камчатке он пять раз объехал весь полуостров, преодолев пять тысяч вёрст по бездорожью в разное время года на собачьих упряжках, лодках, верхом на лошадях, пешком. Трижды побывал на Командорских островах, посетил все камчатские селения. Занимаясь врачебной деятельностью, боролся с эпидемиями тифа и оспы, основал больницы для больных проказой и сифилисом, часто сам готовил лекарства, никому не отказывал в помощи, бесплатно раздавал семена овощей и злаков, привезённых из Сибири, завёз на Камчатку кроликов, овец, коз, а на Командоры — оленей и лошадей, обращался к властям с предложениями об улучшении условий жизни коренных народов Камчатки. Всё свободное время он отдавал научной деятельности: пополнял коллекцию фауны, собирал этнографические материалы — одежду, предметы быта, оружие, много фотографировал, изучал умирающие языки народов Камчатки.

В то время на Камчатке проживало около четырёх с половиной тысяч человек, в основном представители народов Севера: камчадалы (ительмены), коряки, алеуты, ламуты (эвены). Жили они

в крайней нужде, голод, эпидемии и болезни уносили множество жизней, население вымирало.

Дыбовский даёт характеристику народов Камчатки, иногда не совсем справедливую. Так, он называет камчадалов «флегматичными и всегда добродушными», коряков — «подвижными и энергичными», а ламутов — жадными, хищными и имеющими ряд других «кошачьих пороков». Кстати, он был первым из камчатских исследователей, который наблюдал быстринских ламутов, переселившихся за тридцать лет до его приезда с западного побережья Охотского моря. Он пишет: «На Камчатке появилось кочующее племя ламутов, отличающихся особой хищностью, хитростью, отсутствием привязанности к оседлой жизни и подвижностью. Ламуты стали на Камчатке истребителями всего живого и вместе с казаками вытеснили из охотничьих угодий коренных камчадалов, немилосердно, по-варварски причиняя природе полуострова непоправимый ущерб. Денежной единицей у них был соболь. В обмен на соболя они собирали в своих юртах множество различных предметов, платили российским либо американским ловкачам, например, за винчестер двадцать соболей, за медный котёл — восемь-десять соболей. Охотно приобретали, также дорого заплатив, расшитые бисером украшения и пёструю одежду».

Дыбовский описывает варварские способы охоты ламутов и приводит такие факты: «С середины 1879 г. до конца зимы 1880 г. на Камчатке было добыто: 2 883 соболей, 700 выдр, 1 000 лис, 1 300 горностаев, 1 300 медведей, 22 росомахи, 1 900 котиков, 19 моржей, 900 диких оленей, 300 диких баранов... Этот хищнический промысел может привести к тому, «что лет через десять, максимум двадцать, соболь на Камчатке полностью исчезнет».

А ведь охота на соболя была для камчадалов важной частью их благополучия. От жадных и жестоких угнетателей-чиновников туземцы откупались ценной пушниной, особенно соболиной. Пушниной платили государственные налоги, смягчали немилость чиновников, за пушнину же приобретали у нечестных торговцев по неслыханно высокой цене предметы первой необходимости.

О тяжёлой участи обитателей Камчатки он пишет: «Все эти народы проживали в землянках или примитивных шалашах, сделанных из щепы и веток и покрытых дёрном. Жители занимались рыбной ловлей, разводили ездовых собак, охотой на соболя, медведей и тюленя... Большой урон приносили множество болезней, а особенно принесённые сюда царскими урядниками, торговцами и сбродом разных проходимцев из глубин России проказа,

сифилис, оспа и тиф; дегенерировали также от разврата и алкоголя. Эпидемии и алкоголизм вместе со всеобщей нищетой поглощали ежегодно сотни жертв».

Дыбовский приводит сведения о крайне низком экономическом положении населения Камчатки. Скота приходилось тридцать голов на сотню жителей, одна лошадь на восьмерых, двадцать четыре оленя на одного жителя, для транспортных целей имелось девять тысяч собак. Дыбовский доставил на полуостров по несколько овец, коз, свиней и кроликов, но их разведению мешали стаи собак. Земледелие развивалось крайне слабо, хотя климатические условия были не хуже, чем в Сибири. Дыбовский считал, что причиной тому — беспечность и нежелание камчадалов. Но главная причина заключалась в том, что сельхозработы выпадали на то время, когда всё население занималось заготовкой лососей. Дыбовский пытался исправить положение, бесплатно раздавая семена овощей и злаков и давая агрономические советы, но это не помогло.

Главным богатством Камчатки считалась пушнина, основными объектами охоты — соболи и медведи. Ещё в начале XIX в., пишет Дыбовский, камчадалы и оседлые коряки считались законными хозяевами охотничьих угодий, и только они охотились на соболя, соблюдая вековые традиции и неписаные охотничьи правила. Горожане, крестьяне и казаки занимались животноводством, торговлей, транспортом и военной службой, охотились изредка. Но со временем они изменили свои интересы и начали варварскую добычу соболя с помощью капканов и различных ловушек, не соблюдая сроков и мест промысла, убивая беременных самок.

Дыбовский беспощадно боролся с таким опустошением природы, ведшим к обнищанию коренных жителей. Уже в первые месяцы своего пребывания на полуострове он сообщал об этом положении губернатору, рекомендовал ограничить промысел до трёх месяцев в году (с ноября по январь), запретить капканы, а также организовать заповедники, в которых промысел был бы полностью запрещён. Он предлагал также разделить Камчатку на охотничьи участки и передать их под контроль коренных жителей.

Другим ценным промысловым животным был медведь — основа жизни камчатских аборигенов. Они использовали его вкусное мясо и жир, кишками стеклили окна, из шкур делали кукули (спальные мешки) для охотников, подкладки под сёдла, стельки, ошейники для собак. Солёное, вяленое и свежее медвежье мясо считалось деликатесом. На медвежьем жиру жарили рыбу, оленину, из него делали светильники, топлёный жир применяли для

смазывания тела во время болезни. Взрослый медведь весил около двадцати пудов (пуд — 16,38 кг), на жир приходилось до трети веса. Медвежью желчь охотно покупали китайцы и японцы, использовавшие её как лекарство. Камчадалы с помощью собак и лошадей охотились на медведей осенью и ранней весной, когда те выходили из берлоги.

Несколько в лучшем положении Дыбовский застал алеутов на Командорских островах, особенно на Медном. Острова ещё за пятьдесят лет до того были необитаемы. В конце 1820-х гг. РАК заселила их алеутами с Лисьих — самых дальних Алеутских островов. Долгое время они жили в крайней нужде в домах, построенных из плавника, без окон, больше похожих на шалаши. Добытую пушнину продавали за бесценок. С 1871 г. наступили перемены к лучшему. Командоры арендовала американская компания «Гутчинсон, Коль и Ко». Алеутам построили красивые домики с разными удобствами, стали лучше платить.

В 1879 г. на островах проживало около пятисот человек, в том числе на Медном — около сотни. На Беринге из трёхсот пятнадцати человек чистокровных алеутов было шестьдесят восемь, остальные — креолы.

Дыбовский отмечает разницу между жителями этих островов. На Медном жители заботились о порядке в своих жилищах и около них, были жизнелюбивы и лучше одевались. Жители же Беринга по-прежнему обитали в нищете и грязи, не умели хозяйствовать, их дома приходили в негодность. Но общее впечатление об алеутах у Дыбовского сложилось положительное: «На первый взгляд алеуты не производят приятного впечатления. На их лицах всегда написано какое-то беспокойство, не было весёлости, которая отличает камчадалов и коряков. Несмотря на это они были добродушны, довольно ловкие, рассудительные, способные к ремеслам, не склонны к пьянству».

«Камчатка с камчадалами и коряками и Командорские острова с алеутами — это две крайние противоположности. Первые погружены в нищету, находятся экономически и политически в поистине отчаянном положении, в котором не светит ни один лучик лучшего будущего; у вторых дело обстоит иначе. Там находим достаток, заметный прогресс в материальном и моральном отношении, а также большие перспективы для развития в будущем».

Глубоко озабоченный положением народов Камчатки, Дыбовский направил руководству Приморской области обращение, в котором, описав плачевное положение жителей полуострова в сравнении

с благополучием алеутов острова Медный, предложил заключить государственный контракт с американской компанией также в отношении Камчатки. Он внёс ряд предложений в сфере просвещения и быта: допуск девочек в начальные школы, открытие ремесленных училищ, организация вечерних посиделок, чтобы ограничить разложение и пьянство, увеличение числа врачей и фельдшеров, строительство больниц, а в каждом селении — бани, прачечной, удобных домов, запрет труда детей в возрасте до пятнадцати лет.

Стремление Дыбовского приносить помощь и облегчение несчастным людям привело его к мысли провести смелый эксперимент по переселению с Камчатки на Командоры диких оленей. Главный агент американской компании Джозеф Лугебиль выделил на их закупку триста рублей, остальные затраты, которые оказались вдвое больше, взял на себя Дыбовский.

Командоры стали для оленей идеальным местом. Здесь не водились волки и оводы, в тундре было много ягеля, которым питались животные. Они играли огромную роль у народов Севера. Оленье мясо считалось лакомством, из шкур изготовляли одежду, ими утепляли пол и стены, из копыт делали превосходный клей, использовался даже не переваренный в желудке ягель. Заправленный желудочным соком для избавления от горечи и с добавлением крови ягель был любимой пищей ламутов. Высушенные оленьи кишки служили емкостями для запасов продовольствия.

Акклиматизация оленей на острове Беринга дала успешные результаты, она принесла его жителям огромную пользу и облегчила их существование. В июле 1882 г. было доставлено пятнадцать диких оленей, а посетивший Командоры в 1903 г. польский геолог профессор Юзеф Морозевич застал там стадо в несколько тысяч голов. Он сообщал, что местные алеуты с большим уважением и благодарностью вспоминают своего благодетеля Б. Дыбовского, отождествляя его с «добрым белым богом», который сжалился над ними и подарил им оленя, тем самым спас их от нищеты и голода. В том же 1882 г. Дыбовский отправил на остров Беринга лошадей, купив на свои сто восемьдесят рублей кобылу, жеребца и упряжь.

Благодарные алеуты в 1903 г. прислали в дар Дыбовскому в Львов по случаю его семидесятилетия и сорокапятилетия научной деятельности полный скелет морской коровы, который он очень хотел найти во время своего пребывания на Командорах.

Разносторонняя деятельность Дыбовского способствовала тому, что в последующие годы уровень жизни и состояния здоровья камчадалов и алеутов улучшились.

Дыбовский добивался также политических свобод коренным жителям, уважения их культуры, обычаев и языка. Его врачебно-социальную и научную деятельность российские власти оценили. В 1881 г. его произвели в действительные статские советники и наградили орденом Св. Станислава. В 1882 г. он получил приглашение возглавить кафедру зоологии и сравнительной анатомии Львовского университета, ответил согласием, но только после завершения своих дел на Камчатке. Осенью 1883 г. он покинул полуостров, увозя с собой в шестидесяти ящиках около одиннадцати тонн ценных научных материалов, в том числе этнографических. Обратный путь проделал морем через Владивосток, Сингапур, Суэц до Одессы.

В Варшаве его встречали восторженно. Там он устроил обширную выставку, посвящённую Камчатке. Выставка разместилась в двух больших залах. В первом из них показывались образцы камчатской фауны и флоры, оружие, промысловые принадлежности, в основном рыболовные, одежда, домашняя утварь, модели жилищ, зимних и летних юрт, а также изделия из дерева, кости, камня и корней, свидетельствующие о самобытном художественном вкусе камчатских аборигенов, которых ещё не коснулась европейская цивилизация. Была представлена также богатая коллекция шкур пушных животных, составляющих главное богатство Камчатки, великолепно расшитая одежда, платья и пелерины алеутов, изготовленные из кишок молодых котиков и птичьих шкур, куклы туземцев в праздничном убранстве, колыбели и прочее. В другом зале на стенах размещались несколько сот фотографий, представлявших различные сцены из жизни камчадалов, алеутов, коряков, предметы домашнего обихода, детские игрушки, жилища, изделия из кремня первобытных людей. Выставка стала сенсацией для Варшавы, о ней много говорили и писали, её посетили тысячи варшавян, она работала несколько месяцев. Затем подобная выставка была организована в Кракове.

Вот что сообщал в «Варшавском курьере» от 20 января 1884 г. известный польский писатель Болеслав Прус: «На днях через Варшаву проезжал действительно незаурядный человек — Бенедикт Дыбовский. Он является одной из достопримечательностей. Замкнутая жизнь его стала легендой и является образцом для всего народа. Он находился в тяжёлых условиях, но, несмотря на это, занял заметное место в истории естественных наук; жил среди чужих, но оказался для них столь полезен, что на долгие годы создал основу для их благополучия. Сегодня он имеет право

называться филантропом и пионером культуры, что является наивысшей честью, какая только возможна для человека. Достигнуть таких результатов ему помогли наряду с большой силой воли знание природы, тесная связь с цивилизацией и доброжелательность к человеческому роду. Дыбовский поставил себя на такое место, что ему уже не нужен комплимент, даже в форме пожеланий».

Многие этнографические материалы из коллекции Дыбовского попали в музеи Варшавы, Санкт-Петербурга, Кракова, Львова, Вены. Часть фотографий Б. Дыбовского находится в Камчатском краевом объединённом музее.

Нельзя не отметить и заслуги Дыбовского в области языковедения. «С помощью камчадальских женщин, — писал он, — я смог собрать сохранившиеся слова и выражения наречия, на котором говорил один из крупнейших народов полуострова, теперь постепенно исчезающий в результате алчной, эгоистичной, недоброжелательной деятельности власти». Глубоко сочувствуя трагической судьбе камчадалов, Дыбовский пытался спасти от забвения хотя бы память об их вымиравшем языке и составить словарь наречий камчатских народов, ни один из которых не имел письменности. Он записывал отдельные выражения, слова, обозначающие предметы повседневного быта, названия животных и растений, физиологических функций человека и важнейших недомоганий, физических патологий. Он собрал три камчадальских диалекта, два алеутских, корякский и курильский. Каждое слово записывал фонетически сначала латинским алфавитом, затем кириллицей, переводя их на соответствующие польские и латинские названия. По возвращении на родину передал эти материалы известному филологу-востоковеду профессору Игнатию Радлинскому, который на их основе в 1892—1894 гг. выпустил в издательстве Краковской академии наук «Словарь диалектов камчатских народов» из четырёх частей, включавших диалекты айнов — курильцев и камчадалов. По мнению Радлинского, собранный Дыбовским материал «представляет исключительную научную ценность», так как является «единственным следом исчезающего народа».

Впоследствии Б. Дыбовский двадцать два года, до 1906 г., работал профессором Львовского университета, был избран почётным профессором Виленского университета, членом нескольких Академий наук, в том числе в 1928 г. стал иностранным членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В архиве Зоологического института Польской академии наук в Варшаве была обнаружена рукопись неопубликованной статьи

Дыбовского, датированной 28 апреля 1886 г., под названием «Добродетели и верования камчадалов». По ней можно судить, с каким сочувствием и симпатией относился автор к аборигенам Камчатки.

«Среди народов, с которыми я встречался в жизни, одним из самых наисимпатичнейших для меня является тот, который заселяет Камчатский полуостров, называемый этнографами камчадалами. Они пробуждают к себе симпатию своими моральными качествами: покладистостью, своей семейной любовью, искренней привязанностью к родным местам, жаждой знаний и невероятным гостеприимством. Некогда они были очень многочисленными, сегодня их число сократилось до неполных трёх тысяч, то есть они стоят, так сказать, одной ногой в гробу.

Каждый беспристрастный человек, посещающий полуостров, если сумеет войти в близкие отношения с местным населением, не может остаться к ним равнодушным, познакомившись с их высокими моральными качествами, а вместе с тем задать себе вопрос: где следует искать источник этой нравственности? Народ, который называют "диким", ещё недавно был идолопоклонником, но однако более нравственным, чем любой из христианских народов.

Любовь родителей к детям и наоборот истинно трогательная. Я часто был свидетелем таких глубоких и волнующих проявлений этого чувства с обеих сторон, такого самопожертвования, такой сентиментальности в знаках привязанности и деликатной нежности, что без колебаний мог бы поставить камчадалов как образец родительской любви. Никогда грубые угрозы либо оскорбительная брань не оскверняли уст матери, никогда отцовская рука не поднималась на ребёнка, и в то же время я не встречал там ни непослушных детей, ни капризных, если они не были больны.

Такой же искренней и глубокой является у них и супружеская любовь. Они не знают ревности, для которой не должно быть места при настоящей любви. Супружеских ссор, грубого обращения с женщиной мне не пришлось нигде не только видеть, но и слышать о них. Женщина-мать является домашним полубожеством, окружённым уважением, почётом и всеобщей любовью.

В общении между собой камчадалы исключительно деликатны. Их галантное обхождение с чужими вызвало восхищение профессора Эрмана. Брань, клевета, проклятия у них неизвестны, и в камчадальском языке нет соответствующих выражений. В играх детей и взрослых мы никогда не наблюдали, чтобы кто-либо докучал другому. Воспитанные в духе взаимной любви, они далеки от всякого низкопоклонства; приветствие, прощание, поцелуи совершаются

без признаков угодливого почтения. Целование рук им неизвестно. Начальников приветствуют поклоном, священников — скрещиванием рук одна на другую ладонями вверх, изображая ими подобие креста.

Они сочувствуют любому человеческому несчастью, сострадают мучениям не только человека, но и животных, всегда помогают пострадавшим от наводнений, пожара, делятся последним с голодающими, считая всё это естественным и обычным делом. Послушание старшим и местным властям образцовые; любые приказы исполняются добросовестно и аккуратно.

В семейном кругу главное место принадлежит женщине, она управляет семьёй и домом. Это управление не опирается на деспотизм и не добывается скандалом, но достигается терпимостью и справедливостью.

С семейной любовью у камчадала сочетается глубокая привязанность к родным местам. Ни один из них не покинет по собственной воле селения, в котором появился на свет. Только любовь к женщине, к невесте могла стать причиной самопожертвования мужчины. Камчадалы считают наибольшим для себя несчастьем, если власти принуждают их оставить старое место жительства и поселиться где-нибудь ещё. Переселённые, они вскоре умирают от тоски.

Гостеприимство камчадалов искренне и бескорыстно. Рассказывают, что камчадалы отдают гостям всё, что имеют, вместе со своим сердцем. Заботливость о госте, услужливость, стремление угадать его желания и мысли — вот их черты.

Устойчивый прогресс в интеллектуальном развитии камчатского населения может быть легко достигнут. Однако ничего в этих целях не сделано до сих пор. Крайне редко, точнее никогда, камчадалы не совершают преступлений, которые обычны в иных местах: убийства, кражи, нарушение клятвы, ложь, клевета. Телесные наказания у них были вообще неизвестны, а введены только русскими. Эти наказания вызывали неприятие у всех жителей. Главной наградой для них были любовь и всеобщее уважение.

Хотя сегодня все камчадалы считаются христианами, это весьма условно. Особенности этого народа не исчезли с принятием христианства, но уважительно сохраняются как традиции предков, созданные и последовательно закреплённые в языческих верованиях. Все живые существа и неживые предметы они наделяют душой, которая после смерти тела, остающегося на земле, переселяется на небо. Ада они не признают. Почитают одно главное

божество и множество второстепенных божеств. Они не знают злых духов-искусителей. Эта первобытная религиозная система находилась в удивительном единстве с высокоразвитой нравственностью народа. Не в этом ли надо искать источник, из которого родились нравственные качества камчадалов? Его надо искать и в высокоразвитой любви всех к каждому и каждого ко всем, но не в искусственно введённой системе наказаний и наград. Не угрозы и приказы улучшили нравы жителей Камчатки. Причина этого благороднейшего свойства — любовь».

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАМЧАТСКИМ КРАЕМ (1697—1917 гг.)

1 июля 2007 г. начался новый этап в истории Камчатки, связанный с образованием Камчатского края, а 23 июля исполнилось триста десять лет со дня вхождения Камчатки в состав России. В этот день в 1697 г. В. Атласов поставил на берегу реки Камчатки при впадении в неё реки Крестовой, почти в точном географическом центре полуострова, свой знаменитый крест, явившийся символом российского владения этой землёй.

За эти годы Камчатка перенесла множество перемен в управлении и административном подчинении и устройстве. В разное время под Камчаткой понималась территория от собственно полуострова с прилегающими островами до всего Северо-Востока России, включая несколько нынешних субъектов Российской Федерации. Камчаткой управляли чиновники из разных отдалённых городов России: Якутска, Охотска, Анадырска, Иркутска, Тобольска, Николаевска-на-Амуре, Владивостока, Хабаровска. Многие решения по управлению ею принимались в столицах: в Сибирском приказе, Сенате, лично императорами. Эти реформы и частые перемены в управлении нашим краем, имевшие благие цели, принесли больше вреда, чем пользы, что особенно проявилось в многократном сокращении численности коренного населения. Перемены в управлении Камчаткой были связаны с реформами в административном устройстве Сибири, которые проходили часто и нередко хаотично, непродуманно. Один их перечень говорит о многом.

В XVIII в. российские владения стремительно расширялись на восток, что приводило к необходимости образования всё новых и новых административных единиц. В 1720—1730-е гг., то есть за неполные двадцать лет, были присоединены обширные территории от Енисея до Охотского моря. Основной единицей административно-

го деления в России XVII в. являлся уезд. К концу XVII в. их насчитывалось около ста сорока. Самым обширным по территории являлся Якутский уезд, частью которого в 1697 г. стала Камчатка, находившаяся в его составе до 1731 г.

В XVII в. стали создаваться и более крупные административно-территориальные единицы — разряды, объединявшие несколько уездов. В начале XVII в. в Сибири имелся один Тобольский разряд. В 1629 г. из него выделился Томский, а из Томского в 1639 г. — Ленский, в состав которого вошли два уезда — Илимский и Якутский. Позднее Илимский уезд отошёл к Томскому, а в Ленском к концу XVII в. появились Иркутский и Нерчинский уезды.

До образования губерний в 1708 г. сибирские уезды управлялись сначала приказом Казанского дворца, а 19 февраля 1637 г. был образован Сибирский приказ, просуществовавший с перерывом (с 1708 по 1730 г.) до 1763 г. Во главе приказа стоял судья, которому подчинялись дьяки и подьячие — канцелярские служители. Судьями назначались представители высшей знати.

До 1708 г., то есть за семьдесят лет, во главе Сибирского приказа сменились семь судей: Н. И. Одоевский, А. Н. Трубецкой, Р. М. Стрешнев, И. Б. Репнин, А. А. Виниус, Ф. Ю. Ромодановский, М. П. Гагарин.

18 декабря 1708 г. указом Петра I «Об учреждении губерний и о росписи к ним городов» были образованы первые восемь губерний. Якутский уезд с Камчаткой вошёл в состав самой обширной из них — Сибирской с центром в Тобольске. Первым губернатором Сибирской губернии был назначен последний судья Сибирского приказа князь Матвей Петрович Гагарин. В 1711 г. губерний стало девять, а в 1714 г. — одиннадцать.

Сибирские губернаторы:
1708—1719 гг. — князь Гагарин Матвей Петрович.
1719—1724 гг. — князь Черкасский Алексей Михайлович.
1724—1730 гг. — князь Долгоруков Михаил Владимирович.
1730—1736 гг. — тайный советник Плещеев Алексей Львович.
1736—1741 гг. — бригадир Бутурлин Пётр Иванович.
1741—1742 гг. — генерал-майор Шишов Иван Афанасьевич.
1742—1752 гг. — генерал-майор Сухарев Алексей Михайлович.
1752—1757 гг. — генерал-лейтенант Мятлев Василий Алексеевич.
1757—1763 гг. — тайный советник Соймонов Фёдор Иванович.

(Здесь и далее сведения о губернаторах даны по справочнику: «Губернии Российской Империи. 1708—1917. — М., 2003.)

В 1719—1724 гг. Пётр I провёл вторую административную реформу. Губернии разделили на сорок пять провинций. В Сибирской губернии образовали три провинции: Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую. Во главе провинции стоял воевода с подчинённой ему провинциальной канцелярией. Якутский уезд находился в числе семи уездов, вошедших в состав Иркутской провинции. Всего в России было образовано более двухсот пятидесяти уездов. Управление стало трёхступенчатым: уездный воевода подчинялся провинциальному, провинциальный — губернатору. На Камчатке эта реформа не сказалась, лишь в 1731 г. в составе той же Иркутской провинции она была переподчинена вновь образованному Охотскому приморскому управлению, выделенному из Якутского уезда.

Охотские главные командиры [1, с. 42, 56, 60, 73]:
1731—1739 гг. — Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич.
1739—1742 гг. — Девиер Антон Мануйлович.
1742—1760 гг. — премьер-майор Зыбин Афанасий.
1760—1764 гг. — капитан 3-го ранга Ртищев Василий.

В 1764 г. Сибирская губерния разделена на две: Тобольскую и Иркутскую во главе с губернаторами. В том же году на Камчатку прибыл первый командир, независимый ни от Охотска, ни от Якутска, подчинённый непосредственно иркутскому губернатору.

Иркутские губернаторы:
1765—1767 гг. — генерал-майор Фрадендорф Карл Львович.
1767—1776 гг. — генерал-поручик Бриль Адам Иванович.
1776—1779 гг. — бригадир Немцов Фёдор Глебович.
1779—1783 — генерал-майор Кличка Франц Николаевич.

В 1775—1784 гг. Екатерина II провела новую губернскую реформу, в результате которой вместо губерний было образовано сорок наместничеств во главе с губернаторами. Два-три наместничества объединялись под управлением генерал-губернатора. В Сибири реформа прошла в 1783 г. Здесь образовали три наместничества: Тобольское, Колыванское и Иркутское. Последние два управлялись иркутским генерал-губернатором.

Иркутские генерал-губернаторы:
1783—1787 гг. — генерал-поручик Якоби Иван Варфоломеевич.
1787—1793 гг. — генерал-поручик Пиль Иван Алферьевич.
Губернаторы — правители Иркутского наместничества:
1783—1786 гг. — генерал-майор Ламб Иван Варфоломеевич.
1786—1791 гг. — генерал-майор Арсеньев Михаил Михайлович.
1791—1797 гг. — генерал-майор Нагель Илларион Тимофеевич.

В том же 1783 г. вышел указ Екатерины II «О составлении Иркутской губернии из четырёх областей»: Иркутской, Якутской, Нерчинской и Охотской. Во главе Охотской области стоял комендант.

Охотские коменданты [1, с. 92, 95]:
1784—1789 гг. — полковник Козлов-Угренин Григорий Алексеевич.
1788 г. — премьер-майор Шмалев Тимофей Иванович.
1789—179? гг. — совестный судья Кох Иван.

В составе Охотской области образовали четыре уезда: Охотский, Гижигинский, Акланский и Нижнекамчатский. Центры уездов назвали городами во главе с городничим. Во главе уездов стояли земские исправники. Камчатка вновь оказалась в подчинении Охотска.

12 декабря 1796 г. вышел указ Павла I о новой губернской реформе. Наместничества переименованы в губернии, число которых сократилось. В Сибири их осталось две: Тобольская и Иркутская.

Иркутские военные губернаторы:
1797—1798 гг. — генерал-лейтенант Трейден Христофор Андреевич.
1798—1800 гг. — генерал от инфантерии Леццано Борис Борисович.
1800—1803 гг. — генерал-лейтенант Лебедев Николай Петрович.

В 1798 г. для усиления обороны Камчатки было принято решение создать полк. Его командир являлся одновременно и комендантом Камчатки, подчинённым непосредственно иркутскому военному губернатору.

В марте 1803 г. прошла новая административная реформа. Тобольская и Иркутская губернии вошли в состав Сибирского генерал-губернаторства.

Генерал-губернаторы Сибири:
1803—1806 гг. — действительный тайный советник Селифонтов Иван Осипович.
1806—1819 гг. — тайный советник Пестель Иван Борисович.
1819—1822 гг. — тайный советник Сперанский Михаил Михайлович.

В том же 1803 г. 11 августа вышел указ «Об устройстве областного правления на Камчатке». В составе Иркутской губернии была образована самостоятельная Камчатская область во главе с военным комендантом, который одновременно именовался «правителем области Камчатской».

Но и эта реформа оказалась недолговечной. Правительство считало, что областное правление для Камчатки слишком громоздко. 9 апреля 1812 г. Александр I утвердил «Новое положение о Кам-

чатке», разработанное группой мореплавателей и учёных, хорошо знакомых с положением местных дел. Областное управление ликвидировалось. Начальники Камчатки из опытных морских офицеров подчинялись сибирскому генерал-губернатору. Эта система управления оказалась удобнее и долговечнее других, просуществовав почти сорок лет. Теперь край назывался «Камчатское приморское управление».

В 1822 г. по предложению генерал-губернатора М. М. Сперанского Сибирь разделили на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске. В состав последнего вошли две губернии — Енисейская и Иркутская, Якутская область, а также два приморских управления — Охотское и Камчатское. В том же году Александр I утвердил также разработанное М. М. Сперанским «Учреждение для управления Сибирских губерний», имевшее ряд приложений, в том числе «Об управлении инородцев», которое упорядочило ведение дел аборигенов.

Генерал-губернаторы Восточной Сибири:
1822—1833 гг. — действительный тайный советник Лавинский.
1833—1834 гг. — генерал-лейтенант Сулима Николай Степанович.
1834—1837 гг. — генерал-лейтенант Броневский Семён Богданович.
1837—1847 гг. — генерал-лейтенант Руперт Вильгельм Яковлевич.
1847—1861 гг. — генерал от инфантерии, генерал-адъютант Муравьёв Николай Николаевич.

В эти годы в управлении Камчаткой произошли серьёзные перемены. По инициативе Н. Н. Муравьёва 2 декабря 1849 г. вышел указ об образовании самостоятельной Камчатской области в составе двух округов — Петропавловского и Гижигинского — во главе с военным губернатором, подчинённым генерал-губернатору Восточной Сибири. Но в ранге области Камчатке пришлось существовать недолго. 31 октября 1856 г. область ликвидировали. Вместо неё был образован Петропавловский округ во главе с исправником, который с 1888 г. стал именоваться окружным начальником. Округ вошёл в состав вновь созданной Приморской области с центром сначала в Николаевске-на-Амуре, с 1880 по 1884 гг. — в Хабаровке (с 1893 г. — Хабаровск), а с 1888 г. — во Владивостоке. В 1858 г. из Примор-ской области выделилась Амурская с центром в Благовещенске.

Военные губернаторы Приморской области:
1856—1865 гг. — контр-адмирал Казакевич Пётр Васильевич.
1865—1870 гг. — контр-адмирал Фуругельм Иван Васильевич.
1870—1875 гг. — контр-адмирал Кроун Александр Егорович.

1875—1880 гг. — контр-адмирал Эрдман Густав Фёдорович.
1880—1881 гг. — генерал-майор Тихменев Михаил Петрович.
1881—1888 гг. — генерал-майор Баранов Иосиф Гаврилович.
1888—1897 гг. — генерал-лейтенант Унтербергер Павел Фёдорович.
1897—1898 гг. — генерал-лейтенант Субботич Деан Иванович.
1899—1903 гг. — генерал-лейтенант Чичагов Николай Михайлович.
1903—1905 гг. — генерал-майор Колюбакин Алексей Михайлович.
1905—1910 гг. — генерал-майор Флуг Василий Егорович.

До 1884 г. Приморская область входила в состав генерал-губернаторства Восточной Сибири, а 6 июня 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство с центром в городе Хабаровке в составе Амурской и Приморской областей.

Приамурские генерал-губернаторы:
1884—1893 гг. — генерал от инфантерии, генерал-адъютант барон Корф Андрей Николаевич.
1893—1898 гг. — генерал-лейтенант Духовской Сергей Михайлович.
1898—1902 гг. — генерал от инфантерии Гродеков Николай Иванович.
1902—1903 гг. — генерал-лейтенант Субботич Деан Иванович.
1903—1904 гг. — адмирал, генерал-адъютант Алексеев Евгений Иванович.
1904—1905 гг. — генерал от кавалерии Хрещетитский Ростислав Александрович.
1905—1910 гг. — генерал-инженер Унтербергер Павел Фёдорович.
1910—1917 гг. — тайный советник Гондатти Николай Львович.

17 июля 1909 г. был утверждён указ об образовании Камчатской области во главе с губернатором, подчинённым Приамурскому генерал-губернатору. Область состояла из шести уездов, включавших в себя весь Северо-Восток России.

Губернаторы Камчатской области:
22.07.1909—18.06.1912 — действительный статский советник Перфильев Василий Власьевич.
18.06.1912—18.11.1916 — действительный статский советник Мономахов Николай Владимирович.
Вице-губернаторы:
1909—1913 гг. — коллежский асессор фон Бодунген Евгений Фёдорович.
1913—1917 гг. — статский советник Чаплинский Александр Гаврилович.

Административные *центры управления* Камчаткой также неоднократно менялись. До 1740 г. назначаемые сюда приказчики, комиссары и командиры сами выбирали место своего пребывания один из камчатских острогов: Верхнекамчатский, Нижнекамчатский или Большерецкий:

1740—1785 гг. — Большерецк.

1785—1812 гг. — Нижнекамчатск, город до 1803 г. Хотя в указе «Об устройстве областного правления на Камчатке» от 11 августа 1803 г. было сказано: «Местопребыванием коменданта назначить Верхнекамчатск», но правители Камчатской области — коменданты генералы Кошелев и Петровский — управляли областью из Нижнекамчатска, что подтверждают И. Ф. Крузенштерн в 1804 и 1805 гг. и В. М. Головнин в 1810 г. [3, с. 290; 8, с. 134].

1812—1917 гг. — Петропавловск (с 1822 г. — город).

Территория, подвластная администрации края, также неоднократно менялась. До 1772 г. власть камчатских правителей распространялась только на полуостров и Курильские острова (северными границами территории, подвластной Камчатке, Крашенинников называет бухту Подкагерную на западном побережье и реку Карагу — на восточном) [7, с. 249—257].

Указом 30 апреля 1772 г. о назначении главного камчатского командира ему поручалась команда, помимо Камчатки и Курильских островов, над Гижигинской крепостью с округой и над вновь объясаченными островами, то есть Алеутскими [19, с. 5].

Реформа 1783 г. вновь ограничила Камчатку полуостровом — Нижнекамчатским уездом.

В 1803 г., с образованием Камчатской области, в подчинение правителю Камчатской области возвращён Гижигинский округ.

В 1812 г. область ликвидирована, и в Камчатском приморском управлении остался полуостров и Курильские острова. Гижигинский округ подчинён Охотскому управлению, а Алеутские острова отошли под власть правителей Русской Америки.

В 1849 г., с образованием Камчатской области, в её состав вошли два округа: Петропавловский и Гижигинский [13, с. 235].

С ликвидацией области в 1856 г. образован Петропавловский округ в составе полуострова и Курильских (без южных) и Командорских островов. В 1875 г. все Курильские острова отошли к Японии.

В 1909 г. образована Камчатская область в составе шести уездов. Впервые в состав области были включены Анадырский, Чукотский и Охотский уезды. Территория области превысила 1 млн 360 тыс. кв. км.

Население. Динамика численности населения края является важным критерием эффективности управления. Данные о численности туземного населения весьма относительны. Они базируются первоначально на ясачных книгах, в которые заносилось лишь взрослое мужское население, и на количестве собранного ясака.

Но от уплаты ясака уклонялось большинство кочевого населения и значительная часть оседлого. В первые сто тридцать лет коренное население сокращалось по разным причинам: стычки со сборщиками ясака, подавление восстаний, насильственное переселение, голод, вызванный недоловом рыбы из-за отвлечения населения на различные работы, эпидемии. Первоначальная численность аборигенов различными исследователями оценивается по-разному.

Посетивший Камчатку в 1808—1809 гг. доктор Шпер писал: «Когда-то в Камчатке считалось до пятидесяти тысяч туземцев, а теперь едва наберётся полторы» [19, с. 54]. Шпер не совсем точен в определении численности коренного населения Камчатки. Большинство исследователей считают, что оно на рубеже XVII—XVIII вв. составляло примерно двадцать — двадцать пять тысяч человек. Атласов сообщает о многолюдности долины реки Камчатки: «А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцев гораздо много — посады великие, юрт ста по три и по четыре, и по пять сот, и больше есть» [5, с. 22]. Юртами он называл, видимо, семейные балаганы для сушки рыбы. Скорее всего, Атласов умышленно завышает их количество, чтобы повысить значимость приобретённой им земли: «...по Камчатку (реке. — *В. А.*) камчадальских иноземцов от Еловки речки до моря сто шестьдесят острогов. А в остроге в одной зимной юрте, а в иных острогах в двух юртах живёт людей человек по двести и по сто пятьдесят» [5, с. 29].

Сам же он собрал ясак с трёх тысяч четырёхсот плательщиков (то есть взрослых мужчин). Он признаёт, что многие ясаку платить не стали. Не был Атласов и на восточном побережье от устья реки Камчатки до Авачинской губы. Принято считать, что соотношение ясачных плательщиков к общему числу жителей составляет 1 : 4. Первые ясачные книги были составлены в 1704 г. В них значилось 5 138 человек. Доверять этой цифре тоже нельзя. Г. Стеллер считал, что до трети местного населения укрывались от ясака и, следовательно, не попадали в ясачные книги. Тот же Стеллер считал, что казаки в «течение сорока лет низвели численность туземцев до одной двенадцатой или пятнадцатой части первоначального их количества»[11, с. 10].

Это явное преувеличение. Ближе к истине был Крашенинников, когда писал, что «казаки... бывшие при прежних прикащиках, всех родов иноземцов, в Камчатском Носу обретающихся, тысяч около двенадцати или пятнадцати считали, а ныне... меньше трёх тысяч осталось» [7, с. 249—258].

По записям в ясачных книгах 1738 г. Крашенинников называет 2 716 плательщиков, да еще около ста курильцев на мысе Лопатка и ближних островах.

По различным косвенным источникам можно проследить, как менялась численность коренного населения Камчатского полуострова (табл. 1). Точность данных весьма относительна [11, с. 10—17].

Таблица 1

Год	Число жителей	Год	Число жителей
1700	более 20 000	1818	3 424
1715	более 14 000	1829	2 899
1735	11 500	1835	Более 3 000
1740	10 500	1876	3 669
1763	7 500	1889	4 300
1768	8 800	1897	5 600
1769	3 000	1901	4 800
1790	6 000	1912	5 361
1800	4 000	1926	5 300
1812	3 200		

Спад численности населения в первой половине XVIII в. связан с жестоким подавлением непокорных аборигенов. Например, Крашенинников так описывает покорение камчадалов на реке Большой в мае 1711 г., после того, как они сожгли в 1706 г. Большерецкий острог и перебили русский гарнизон: «На сражении побито и перетонуло изменников такое великое множество, что трупами их Большая река запрудилась, а с российской стороны три человека убито, да несколько ранено» [7, с. 108].

И таких сражений было немало. Наибольшие же потери понесло население Камчатки во время эпидемии оспы в 1768—1769 гг., унёсшей жизни 5 767 камчадалов и 315 русских, то есть две трети населения [18, с. 90].

Вторая эпидемия в 1799—1800 гг. скосила 1 682 камчадалов и более трёхсот русских [16, с. 36]. Кроме того, голод и массовую гибель вызвало отвлечение людей на транспортную повинность для перевозки грузов экспедиции Беринга в 1727—1728 гг. и инспекционной поездки охотского коменданта Козлова-Угренина с огромной свитой в 1787—1788 гг., а также перевозка Сомовского полка и его грузов в 1800—1802 гг.

Изменение численности русского населения Камчатки показано в табл. 2 [11, с. 23—25].

Таблица 2

Год	Число жителей	Год	Число жителей
1711	150	1834	2 072
1741	700	1854	3 444*
1762	1 618	1861	2 354
1774	1 700	1897	2 584
1818	1 346	1912	3 321
1829	1 632	1915	4 500

* В том числе «войск с семействами» 1 107 человек.

Главная беда Камчатки — её правители. В рассматриваемый период их побывало здесь более сотни. А если добавить к ним руководителей многочисленных экспедиций, работавших в XVIII в. на полуострове и тоже вмешивавшихся в управление краем, то около ста двадцати.

Из этого числа лишь единицы оказались людьми порядочными, управлявшими во благо края, стремившимися облегчить положение его жителей. Но и они мало что могли сделать, будучи вынуждены каждый свой шаг согласовывать с начальством в Охотске, Иркутске или Петербурге. А переписка длилась годами. Большинство же правителей, как бы они ни назывались — приказчики, комиссары, командиры, городничие и исправники, комендanты, начальники и губернаторы — использовали своё положение для личной наживы, вели себя как самодуры, пользуясь отдалённостью от своего начальства обращались с подчинёнными и подвластным населением, как со своими холопами. Им было с кого брать пример. Не случайно, что первый сибирский губернатор князь Гагарин был повешен за злоупотребление властью.

Не отставали от него и непосредственные начальники камчатских правителей — якутские воеводы, охотские командиры. Многих из них отдали под суд. И судьба других камчатских руководителей оказалась незавидной. Одни погибли от рук туземцев, а некоторые, как Атласов, и своих сослуживцев, другие умерли, не перенеся тяжёлых лишений, или в тюрьме, третьих казнили за их деяния или разжаловали в рядовые и отправили в ссылку.

Кстати, сами власти долго относились к Камчатке как к источнику пушнины, базе для географических исследований да как к месту надёжной ссылки для опасных преступников, не прилагая никаких усилий для развития края. Лишь в XIX в. они стали обращать внимание на его нужды.

В управлении Камчаткой первые двести двадцать лет её нахождения в составе России можно выделить следующие периоды:

— «якутский» (1697—1731 гг.);
— «охотский» (1731—1764 гг.);
— «иркутский» (1764—1785 гг.);
— «нижнекамчатский» (1785—1812 гг.);
— «петропавловский» (1813—1856 гг.);
— «приморско-камчатский» (1856—1917 гг.).

Якутский период (1697—1731 гг.)

Якутский период начался с похода Атласова в 1697—1699 гг. В 1695 г. он был направлен якутским воеводой Траурнихтом приказчиком в самый отдалённый острог Якутского уезда — Анадырский, основанный С. И. Дежневым в 1649 г.

Сами якутские воеводы, под управлением которых Камчатка находилась более тридцати лет, назначались Сибирским приказом. Определённого порядка назначения воевод не было. Они находились в должности от двух до семи лет. Снимали воевод чаще всего из-за большого количества доносов на них, доходивших до Сибирского приказа. Расследование преступлений обычно поручалось их преемнику и тянулось годами. Со времени образования Якутского уезда в 1639 г. и до 1701 г. в нём сменились около двадцати воевод.

Воеводы управляли уездом по наказам, полученным в Сибирском приказе, в которых регламентировалась их деятельность. Воеводы выполняли судебно-административные, полицейские, финансово-податные, военные и другие функции. На них лежали обязанности защиты уезда, сбора ясака с туземного населения, содействия торговле и промыслам русских купцов, развития хлебопашества для снабжения хлебом служилых людей, борьбы с корчемничеством, курением табака и азартными играми, производства суда и расправы. В воеводстве была тюрьма, «пытошная изба» и палач. Правда, в 1695 г. воеводам было запрещено выносить смертные приговоры.

Ведением делопроизводства занималась воеводская канцелярия — приказная или съезжая изба. Якутская приказная изба делилась на столы: денежный, ясачный, хлебный и разрядный. Символом воеводской власти служила круглая государева печать, отлитая из серебра. На якутской воеводской печати в центре размещался герб — орёл, держащий в когтях соболя, под гербом надпись: «Новые сибирские земли на великой реке Лене».

В своей деятельности воевода опирался на военный гарнизон из служилых людей — казаков, охранявших уезд от набегов

«немирных людей», выполнявших обязанности сборщиков ясака и сопровождавших «государеву казну» из отдалённых острогов в Якутск и затем в Москву. Отряды служилых людей возглавляли боярские дети, казачьи головы, сотники, пятидесятники, десятники. Штаты служилых устанавливал Сибирский приказ. Людей постоянно не хватало, а территория уезда расширялась за счёт присоединения новых земель, строились новые остроги.

К концу XVII в. в распоряжении якутского воеводы находилось до тысячи казаков. В 1701 г. был образован Якутский полк, где в 1720-е гг. служило не более полутора тысяч человек, рассеянных по огромной территории края. Казаки несли большие потери. С. П. Крашенинников сообщает, что с 1703 по 1716 г. на пути в Камчатку их погибло более двухсот [7, с. 219].

Воеводы направляли в окраинные остроги отряды казаков во главе с приказчиками, которым давались наказные памяти с предписанием помимо сбора ясака вести «прииск новых землиц неясачных людей» и «приводить их под царскую высокую руку». Приказчики в свою очередь отправляли из острогов отряды казаков во главе с заказчиками для сбора ясака. Казаки строили временные укреплённые опорные пункты — зимовья, на месте многих из которых впоследствии вырастали новые остроги. Так, например, из зимовий возникли Нижнекамчатский и Большерецкий остроги.

Хотя Сибирским приказом предписывалось в сборщики ясака посылать «людей добрых» и аборигенам «никаких обид не творить», большинство приказчиков, заказчиков и рядовых казаков не были ангелами. Пользуясь отдалённостью острогов от Якутска и зимовий от острогов, они творили произвол, брали в заложники-аманаты не только мужчин, но нередко женщин и детей, больше думали о собственном обогащении, чем о пополнении царской казны. Это приводило к постоянным волнениям туземного населения. Деятельность камчатских приказчиков сопровождалась частыми бунтами: ительменов в 1731 г., коряков в 1730—1750-е гг.

Приказчиков на Камчатку («в камчатские остроги») стали назначать после возвращения Атласова с богатым ясаком. Такого в Якутске прежде не видели: восемьдесят сороков соболей (три тысячи двести штук), десять морских бобров, четыре выдры, семь бобровых лоскутов. Учитывая, что ясак были обязаны платить мужчины от пятнадцати до шестидесяти лет, его заплатили более трёх тысяч четыреста человек [7, с. 194].

Такого количества плательщиков ясака прежде не знали в землях Якутского уезда — ни на Колыме, ни на Яне, Индигирке или

Анадыре. Кроме ясака, Атласов привёз собственной пушнины, выменянной на различные товары, одиннадцать сороков соболей (четыреста сорок штук), немало привезли с собой и его казаки. Камчатский соболь оказался очень высокого качества, уступая лишь баргузинскому. Теперь Камчатка надолго получила славу «пушного цеха» Сибири.

По приказу Атласова был основан в 1697 г. первый камчатский острог — Верхнекамчатский. В последующие десять лет возникли ещё два — Нижнекамчатский и Большерецкий. Первый камчатский приказчик прибыл в 1700 г. Им был Тимофей Кобелев. Он сменил оставленный в Верхнекамчатском остроге Атласовым отряд Потапа Серюкова. Отряд из пятнадцати казаков не дошёл до Анадырского острога, все погибли от рук «немирных» коряков. Это были первые ощутимые потери русских землепроходцев на камчатской земле. Кобелеву, в отряде которого находились известные в истории Камчатки отец и сын Козыревские, пришлось ждать смены три года, в 1703 г. его сменил Михайло Зиновьев, а в 1704 г. на замену ему пришёл Василий Колесов.

Всего с 1700 по 1733 гг. на Камчатке побывало более шестидесяти приказчиков (в 1720-е гг. их стали называть комиссарами), присланных из Якутска.

Дорога из Якутска на Камчатку до открытия в 1716 г. морского пути из Охотска пролегала через побережье Северного Ледовитого океана и Нижнеколымский острог до Анадырского острога, а оттуда по реке Пенжине до Парапольского дола и далее либо морем вдоль восточного побережья, либо сушей по западному берегу до реки Камчатки.

Эта дорога в один конец занимала от шести месяцев до года. Приходилось продвигаться по незнакомой местности, преодолевая дикую тайгу, топкие леса, бурные реки, горные хребты. Транспортные средства (оленей, собак, лодки), тёплую одежду и продукты приходилось забирать у местных жителей, отчего с ними складывались непростые отношения. Нередко казакам и самим приходилось впрягаться в нарты. В поход брали «государев запас»: пищали, порох, свинец, даже пушки, а также «железную рухлядь» — котлы, топоры, ножи, посуду, олово, медь, железо для разных нужд, рыболовные снасти. Шли по глубоким снегам, в морозы и пургу, летом страдали от гнуса, гибли от болезней, голода и холода, в стычках с «немирными» аборигенами.

Достигнув места, казаки приступали к постройке жилья. Зимовья и остроги часто переносились на новое место. Так, Т. Кобелев в 1700 г.

начал с того, что перенёс возведённый П. Серюковым Верхнекамчатский острог в более удобное место, в полуверсте от прежнего (тот был сожжён ительменами. — *Ред.*), и заложил Нижнекамчатское зимовье, а В. Колесов укрепил Верхнекамчатск, построил острог в Нижнекамчатске и заложил зимовье на реке Большой.

Остроги становились центрами освоения нового края. Казаки жили в избах, в амбарах хранились припасы, оружие и пушнина, имелись специальные постройки для аманатов — заложников. Острог окружался высокой «козельчатой» оградой — частоколом из брёвен с заострённым верхом. Над избами и амбарами сооружались «нагородни» — надстройки для обороны от нападений аборигенов.

Приказчикам предписывалось собирать ясак «перед прошлыми годами с прибавкою», составлять поимённые списки плательщиков ясака, для чего в каждом отряде имелись писарь и толмач — переводчик. Предписывалось также «иноземцам ясашным людям держать ласку и привет и ничем их не изобижать». Первые списки плательщиков ясака (то есть «ясачные книги») завёл в 1704 г. М. Зиновьев, они включали пять тысяч сто тридцать восемь имён.

В обязанности приказчиков также входила организация «соболиных и звериных промыслов», сбор пошлины с торговых и промышленных людей, которые часто добровольно отправлялись с казаками в новые земли. Так, ещё в походе С. И. Дежнева в 1648 г. участвовал торговый человек Федот Алексеев Попов. Приказчики имели право чинить суд над местным населением и подчинёнными им служилыми людьми.

Судьба приказчиков складывалась по-разному. Немногим из них удалось благополучно вернуться в Якутск с собранным ясаком. Уже в 1705 г. на реке Караге по пути на Камчатку был убит с семью казаками четвёртый камчатский приказчик Василий Протопопов (Верхотуров), направленный на смену В. Колесову. В том же году погибли десять казаков и приказчик Василий Шелковников.

Всего же в якутский период погиб каждый четвёртый камчатский приказчик. Наиболее трагические события произошли в 1711 г., когда казаки, не дождавшись ответа якутских властей на свои челобитные с жалобами на притеснения В. Атласова, вновь назначенного камчатским приказчиком в 1706 г., подняли бунт, во время которого, кроме Атласова, погибли ещё два приказчика: Пётр Чириков и Осип Миронов (Липин). Избранный самими казаками атаманом и приказчиком Данила Яковлевич Анциферов через год, в 1712 г., пал от рук авачинских ительменов на реке Аваче вместе со всем своим отрядом из двадцати пяти казаков.

В 1714 г. приказчики Иван Енисейский (1713—1714 гг.) и Василий Колесов (1712—1714 гг.) погибли в Акланском остроге на реке Пенжине, сопровождая собранный за несколько лет ясак. Его разграбили напавшие на них коряки. Пали от рук туземцев также приказчики Иван Панютин с десятью казаками на реке Олюторе в 1709 г., Иван Харитонов на реке Палане в 1719 г. Скончался от болезни в 1724 г. в Нижнекамчатске Андрей Жирков. В 1732 г. умерли в Охотске, возвращаясь с Камчатки в Якутск с ясачной казной, Степан Бобровский и Никита Лосев.

Двое приказчиков — Иван Новгородов и Михаил Шехурдин — были казнены по приговору походной розыскной канцелярии под руководством полковника Василия Мерлина за жестокое обращение с камчадалами, приведшее к бунту 1731 г.

Многие приказчики были смещены или отозваны по доносам и отданы под следствие: в 1716 г. Петриловский смещён руководителем первой морской экспедиции на Камчатку Кузьмой Соколовым, его имущество конфисковано; в 1720 г. приказчик Максим Лукашевский отстранён по доносу Алексея Шестакова; в 1721 г. сам Шестаков отстранён руководителем экспедиции геодезистов И. М. Евреиновым, а в 1727 г. Яков Мохначевский отозван по доносу В. Беринга. В 1733 г. Эверстова — последнего комиссара, назначенного из Якутска в 1731 г., арестовали в Охотске по приказу главного командира Охотского порта Г. Г. Скорнякова-Писарева, а его имущество конфисковали.

Мало кто из приказчиков избежал доносов. При конфискации у них имущества, личной пушнины нередко оказывалось больше, чем собранного ими ясака. Так, у Эверстова морских бобров отобрали больше, чем их имелось в казне, которую он сопровождал.

До 1706 г. отношения между русскими и камчадалами складывались относительно мирно. Но в 1706 г. началась череда бунтов. Воспользовавшись временным отсутствием на Камчатке приказчиков (после отъезда В. Колесова и до прибытия Семёна Ломаева), ительмены сожгли Большерецкий острог и перебили всех бывших там казаков. Лишь в 1711 г. Д. Я. Анциферову и И. П. Козыревскому удалось покорить большерецких камчадалов. В том же 1706 г. авачинские ительмены уничтожили отряд ясачных сборщиков из шести человек. Прибывший летом 1707 г. Атласов послал на усмирение семьдесят казаков во главе с Иваном Таратиным.

На берегу Авачинской губы в ноябре 1707 г. разгорелось настоящее сражение с восемьюстами камчадалами. Казаки одержали победу, потеряв шесть человек. Но и после этого камчадалы не

были покорены, о чём говорят события 1712 г. на Аваче, где погиб Д. А. Анциферов. Сопротивление камчадалов завершилось лишь после подавления самого крупного бунта 1731 г., когда был уничтожен Нижнекамчатский острог. Сто лет спустя об этом бунте А. С. Пушкин намеревался написать повесть.

О причинах непокорности ительменов в 1706 г. Крашенинников писал: «Причина бунту их была, может быть, та, что им ясашный сбор, который уже был и с принуждением показался тягостен, тем наипаче, что у них тогда прежняя вольность из памяти ещё не вышла, которую они надеялись возвратить убийством российских людей; ибо по объявлению тамошних старожилов камчадалы думали, что российские казаки какие-нибудь беглецы; для того, что всегда почти одни к ним приходили, а вновь не прибывало; чего ради не сомневались они всех их перевесть без остатку, а в непропуске вновь из Анадырска надеялись на коряк и олюторов, будучи известны, что они двух приказчиков Протопопова и Шелковникова с командами на дороге побили. Однако они в том весьма обманулись: ибо вместо приобретения прежней вольности многие потеряли живот свой, отчего и число их умалилось против прежнего» [7, с. 197—198].

Причины же камчатского бунта 1731 г. были гораздо глубже. Одна их главных — расстройство хозяйства камчадалов в связи с распоряжением Беринга доставить грузы Первой Камчатской экспедиции из Большерецка в Нижнекамчатск через весь полуостров (восемьсот тридцать три версты). Из всех селений собрали для этого камчадалов с собачьими упряжками. Было потеряно время для зимних промыслов, большая часть собак не вынесла тяжёлой и продолжительной работы. Не успела завершить работу экспедиция Беринга, как на Камчатку в 1729 г. прибыл отряд новой во главе с Афанасием Шестаковым. Шестаков прислал своими уполномоченными сына Василия и племянника Ивана, которые считали себя начальниками Камчатки и занялись сбором ясака.

Одновременно в 1729—1731 гг. взымали ясак присланные из Якутска комиссары Иван Новгородов и Михаил Шехурдин, отличавшиеся особой жестокостью. Их деятельность считается главной причиной камчатского бунта 1731 г.

Об их методах сбора ясака и обращения с камчадалами, численность которых со времен М. Зиновьева уменьшилась вдвое (в ясачных книгах Зиновьева в 1704 г. значилось 5 138 плательщиков ясака, у Новгородова в 1730 г. — 2 527, у Шехурдина в 1731 г. — 2 634), А. С. Сгибнев пишет следующее: «Хотя Беринг и не велел

брать ясаков с тех камчадалов, которые находились в экспедиции, но комиссары для своих выгод взыскали с них ясаки, а в книгах писали под их именами, что зачтено за перевозку экспедичных материалов. В особенности же отличались взяточничеством и жестокостью комиссары Новогородов и Шехурдин и подьячии их Мухоплев и Свешников. Они брали с каждого камчадала в один год по два и даже по три ясака и для себя по три и четыре лисицы или соболя, а у кого не оказывалось требуемого, брали в холопство жён и детей. Кроме того, летом собирали с каждого человека по три и по четыре вязки юколы и по полтора пуда сладкой травы, кипрею и сараны, по пятьдесят уток и несколько штук гусей и зайцев. По неимению же этих предметов, по лисице с души. Служилые, посылаемые за этими поборами, брали ещё и для себя по лисице, кроме продовольствия. Все эти поборы камчадалы должны были доставлять за свой счёт, летом на батах, а зимою на собаках. Прибывших же с этими вещами камчадалов прикащики посылали в лес за дровами для себя и команды, а иногда держали их для работы по полугоду» [18, с. 43]. Скорее всего, такими же методами действовали и предыдущие приказчики и комиссары.

Таким образом, последствия первых трёх десятилетий российского правления на Камчатке оказались плачевными. Коренное население притеснениями приказчиков и комиссаров было доведено до восстания 1731 г., охватившего практически весь полуостров. Население края сократилось в несколько раз.

Единственным положительным результатом этого периода явились географические открытия. Но они никак не связаны с деятельностью камчатских приказчиков, кроме открытия Курильских островов, сбора сведений о Японии и составления «Чертежа Камчадальского Носу», но это, в основном, заслуга И. П. Козыревского, а он приказчиком не был, совершал открытия по собственной инициативе. Остальные же открытия: морского пути из Охотска на Камчатку, составление карты Курильских островов, плавание Беринга для выяснения «сошлась ли Азия с Америкой» — были сделаны правительственными экспедициями, и не являлись результатами управления Камчаткой из Якутска.

Охотский период (1731—1764 гг.)

В 1731 г. состоялась первая административно-территориальная реформа, впрямую коснувшаяся Камчатки. Поводом к ней явилась записка вернувшегося из Первой Камчатской экспедиции

Беринга в Сенат «О мерах по устройству жизни и быта населения Сибири и Камчатки», представленная в декабре 1730 г. Беринг подверг критике сложившуюся систему управления Камчаткой из далекого Якутска.

29 апреля 1731 г. из состава Якутского уезда Иркутской провинции было выделено самостоятельное Охотское приморское управление во главе с главным командиром, подчинённым непосредственно Иркутской провинциальной канцелярии. Одновременно указом от 10 мая 1731 г. Охотский острог был объявлен портом — первым на русском Тихоокеанском побережье. Охотскому правлению подчинялись русские владения на Северо-Востоке: побережье Охотского и Берингова морей, Анадырский край и Камчатка с Курильскими островами. То есть правительство ещё до получения известия о камчатском бунте 1731 г. сочло необходимым изменить существующий порядок управления территорией. Теперь не якутский воевода назначал сюда правителей, а охотский главный командир определял просто командиров, «понеже Охотск стал быть от Якутска к Камчатке самый близкий порт».

Первыми охотскими главными командирами оказались люди непростые. В 1731—1739 гг. эту должность занимал Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев: в 1719—1722 гг. директор Морской академии, в 1722—1727 гг. — генерал-майор, обер-прокурор Синода. За участие в 1727 г. в заговоре против всесильного А. Д. Меншикова его лишили чинов и наград и сослали в Сибирь. Именно Скорняков-Писарев и стал первым охотским главным командиром. Основная его деятельность на этом посту заключалась в организации практической помощи Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.). Именно в Охотске строились суда, здесь находились её участники. По многочисленным доносам М. П. Шпанберга, отряд которого прибыл раньше Беринга, и его офицеров, в 1739 г. Скорнякова-Писарева отстранили от должности.

Новым охотским главным командиром указом от 13 апреля 1739 г. был назначен также сосланный в Сибирь по одному со Скорняковым-Писаревым делу Антон Мануйлович Девиер — португалец, встреченный Петром I в Голландии, дослужившийся в России до обер-полицмейстера Санкт-Петербурга и ставший зятем А. Д. Меншикова.

Деятельность первых охотских главных командиров совпала по времени со Второй Камчатской экспедицией, решение об организации которой было принято в апреле 1732 г. Девиер оставался командиром Охотска почти до прекращения её деятельности

в 1743 г. В июне 1742 г. он вместе со Скорняковым-Писаревым выехал в Петербург. Обоих реабилитировали указом Елизаветы Петровны от 1 декабря 1741 г. Одновременно с Девиером в Охотске с 1740 по 1742 гг. отбывал каторгу видный учёный-гидрограф петровской эпохи, в 1730-е гг. вице-президент Адмиралтейств-коллегии Фёдор Иванович Соймонов. После освобождения в 1742 г. он остался в Сибири, руководил в 1753—1757 гг. возобновлённой Камчатской экспедицией, которой из-за обострения отношений с Китаем пришлось ограничиться описью Шилки и Амура. В 1757—1763 гг. Соймонов был сибирским губернатором и также принимал участие в камчатских делах. В 1763—1766 гг. он был сенатором и ушёл в отставку в возрасте восьмидесяти четырёх лет.

В инструкции из тридцати трёх пунктов, данной Скорнякову-Писареву 29 апреля 1731 г., содержались и указания относительно Камчатки. В двенадцатом пункте сказано: «Тебе Писареву смотреть и за камчатскими прикащиками, и кои будут посылаться из Охотска офицеры с служилыми людьми для исправления дел и содержания острогов, чтобы они с тамошним народом поступали порядочно, и ежели про них будут жалобы, или по слуху сам уведаешь о каких непорядках и обидах, то как возможно унимать и штрафовать, по силе государственных прав».

В тринадцатом пункте предписывалось: «Для лучшаго содержания острогов определять в них командиров не так, как ныне, каждогодно переменных; но на несколько лет, или пока какой в вину или подозрение войдут, дабы для своего житья лучше рачили и хлеб размножали, и народ приласкали» [18, с. 55].

Но и в Охотске отсутствовали качественные кадры командиров, которые можно было направить на Камчатку. Они были ненамного лучше, чем якутские приказчики и комиссары. Ведь население Охотска в основном составляли, как и его командиры, ссыльные. И офицеры, и чиновники попадали в Охотск не самые лучшие. Отсюда продолжались те же беды, что и прежде. Да и занимались они в основном тем же — сбором ясака. Мешало и многовластие.

В первое десятилетие подчинения Камчатки Охотску на роль главных начальников претендовали руководители и уполномоченные трёх экспедиций, работавших в 1730—1740-е гг. на Камчатке. С 1729 по 1740 г. действовала так называемая «Партия» — экспедиция сперва под началом Афанасия Шестакова, затем майора, а позднее полковника Д. И. Павлуцкого. Его основная резиденция располагалась в Анадырском остроге, но отряды действовали и на Камчатке, принимали участие в подавлении

камчадальского бунта 1731 г., в постройке нового Нижнекамчатского острога, в сборе ясака. Сам Павлуцкий неоднократно бывал на Камчатке и вмешивался в управление краем.

Вторая Камчатская экспедиция, три отряда которой работали с 1737 по 1743 г. непосредственно на полуострове, внесла свою лепту. Распоряжения камчатским командирам давали и сам Беринг, и Шпанберг, и Стеллер, и Крашенинников. Третья экспедиция — это походная розыскная канцелярия во главе с Василием Мерлиным, с 1733 по 1739 г. проводившая следствие по делу о камчатском бунте. Всё это сводило к нулю роль первых камчатских командиров, которым предписывалось оказывать всяческое содействие названным экспедициям.

Первым камчатским командиром Скорняков-Писарев, ещё находясь в Иркутске, назначил в 1732 г. иркутского дворянина Бейтона, а его помощником — капитана Княжинкина. Но Бейтон отказался от этой должности, и вместо него в октябре 1733 г. на Камчатку прибыл другой иркутский дворянин — Добрынский. Он принял дела у последнего комиссара Эверстова (1731—1733 гг.). Кстати, Эверстов десять лет перед этим провёл в ссылке в Якутске по делу казнённого цесаревича Алексея Петровича, у которого он некогда служил.

Добрынский не отличался особым усердием. Поручение провести перепись камчадалов он выполнил недобросовестно: вписал в старые ясачные книги новых плательщиков, но не исключил из них умерших. В сентябре 1735 г. Добрынский умер, не успев выполнить поручения Скорнякова-Писарева о заготовке провианта для экспедиции Беринга.

Должность Добрынского принял Иван Шестаков, бывший прежде в экспедиции Шестакова — Павлуцкого. Но он в основном исполнял приказания В. Мерлина, а в 1734 г. и сам попал под следствие походной розыскной канцелярии, но был оправдан.

Третьим командиром Скорняков-Писарев назначил подпоручика Максима Латышева, которого за злоупотребления Мерлин отдал под суд, и тот по приговору розыскной канцелярии был бит кнутом.

После отстранения Латышева в 1738 г. и до прибытия в 1740 г. нового командира на Камчатке образовалось междувластие. А. С. Сгибнев приводит забавный факт, случившийся во время зимовки в Большерецком остроге отряда Шпанберга между его плаваниями к Японии в 1738 и 1739 г. «В это время в Большерецке находился для следствия по камчатскому бунту майор Павлуцкий. Беспокойный и грубый Шпанберг постоянно ссорился с ним, за

что неоднократно был бит Павлуцким, который отличался своею силою и представительною наружностию» [18, с. 58].

В 1739 г. направлен новый командир — боярский сын Колесов. Главная задача, поставленная перед ним, — заготовка в Нижнем и Верхнем камчатских острогах провианта для экспедиции капитан-командора Беринга: «Рыбы сухой 210 пуд. 24 фунт., да вместо масла коровьяго жиру рыбьяго 315 пуд. 36 ф., соли 253 пуд. 32 ф... Вина из сладкой травы накурить 336 ведер 96 чарок...» [18, с. 57]

Примерно такое же количество провианта необходимо было заготовить и для команды капитана М. П. Шпанберга. Особо предписывалось Шпанберга «до камчатских дел не допускать и смотреть того накрепко». Видимо, здорово он насолил главному командиру Охотского порта, что тот хотел отправить на Камчатку капрала Фридриха Плениснера, чтобы тот не допускал «его Шпанберга на Камчатке предерзостныя дела творить и богатица», но Беринг запретил брать на судно Плениснера.

«Того ради тебе Колесову во всей Камчатке, проведав, исследовать, не учинит ли капитан Шпанберг, будучи на Камчатке, каких обид и взятков себе с тамошних обывателей. Не брали ли также оных и посланные от капитана Беринга подпоручик Свистунов и подштурман Родичев и прочие люди его Шпанберговой команды...» [18, с. 58]. Речь идёт о геодезисте Свистунове и подштурмане Родичеве, посланных Шпанбергом для постановки вех (маяков) в Большерецкой, Нижнекамчатской и Авачинской гаванях.

Пётр Колесов, прибыв в 1740 г., избрал своим местопребыванием Большерецкий острог, который на сорок четыре года стал административным центром Камчатки. К этому времени, ещё в 1739 г., полуостров покинула походная розыскная канцелярия. Но две другие экспедиции оставались.

В бытность Колесова командиром Камчатки (до июня 1742 г.) главным событием явилось основание в 1740 г. Петропавловска и плавание Беринга и Чирикова к берегам Америки. Участие Колесова в этих событиях ограничивается заготовлением провианта для экспедиции. Из других событий следует отметить открытие первой школы на Камчатке в 1741 г. в Большерецке. Но сделано это было по приказу Девиера. Первым учителем стал ссыльный поручик Пражевский. В 1740 г. для занятия хлебопашеством прибыли двадцать четыре крестьянские семьи из Сибири. В 1741 г. они основали два русских селения в долине реки Камчатки — Мильковское и Ключевское. Но климат оказался для земледелия

сложным, и крестьяне вскоре стали рыбаками и охотниками. Позднее многие камчатские начальники пытались возродить хлебопашество, но все попытки заканчивались неудачей. Тем не менее, благодаря русским крестьянам-переселенцам появился крупный рогатый скот и лошади. Мелкий скот и птицеводство не прижились из-за огромного количества ездовых собак в селениях.

Кстати, первую пару крупного рогатого скота завёз на Камчатку в 1733 г. майор Д. И. Павлуцкий, а в 1734 г. была доставлена пара лошадей. Прежде казакам, обзаводившимся семьёй, запрещалось селиться в камчадальских острожках. С появлением крестьян стали возникать смешанные селения, появилась своеобразная культура, в которой сочетались русские и ительменские черты в образе жизни, занятиях, одежде, жилищах.

Говоря о правлении Колесова, следует отметить, что при нём продолжались традиции предшественников. Помощник Колесова, его брат Иван, за взятки и убийство в пьяном виде казака был отдан под суд.

В июне 1742 г. Колесова сменил Пётр Борисов. Напуганный сильным землетрясением, он обратился к Девиеру с просьбой об увольнении под предлогом, что при постоянных смутах на Камчатку следует назначать командирами офицеров. До решения этого вопроса временным командиром был прислан писарь Михаил Попов, который управлял Камчаткой с июня 1743 г. до своей смерти 5 февраля 1744 г., то есть всего семь месяцев. После него также недолго управлял капрал Уваровский, пока в октябре 1744 г. не прибыл новый командир — капитан Лебедев, направленный по распоряжению иркутской канцелярии.

Лебедев оставался на этом посту дольше, чем кто-либо до или после него — десять лет, до 1754 г. (Кстати, он женился в Якутске на вдове участника плавания А. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» астронома Делиль де-ля-Кройера, умершего в день возвращения из плавания в Америку и похороненного в Петропавловске.)

Время управления Камчаткой Лебедевым было одним из самых беспокойных. Ещё с 1737 г. начались беспрерывные волнения среди коряков, особенно по берегам Пенжинской губы. Одновременно с севера чукчи нападали на коряков и уводили у них оленей. В 1742 г. по предложению Девиера Сенат распорядился направить на усмирение чукчей в Анадырск Павлуцкого, как хорошо знакомого с краем. В 1747 г. Павлуцкий погиб в одном из многочисленных сражений с чукчами.

Для усмирения коряков построили ряд крепостей на севере: в 1742 г. Акланскую, в 1744 г. Тигильскую, в 1752 г. Гижигинскую и ряд укреплений (редутов) поменьше. В 1746 г. восставали, кроме чукчей и коряков, юкагиры и камчадалы на северных реках — Палане, Уке, Столбовой. В 1751 г. они сожгли Тигильскую крепость. Восставшие планировали уничтожить все русские остроги на Камчатке. Усмирить бунтовщиков удалось лишь в 1757 г.

В бытность Лебедева камчатским командиром началось освоение пушных запасов Командорских и Алеутских островов. Промышленники организовали туда более двадцати экспедиций.

На смену Лебедеву, снова по распоряжению иркутской провинциальной канцелярии, минуя охотского главного командира Зыбина, был направлен капитан Чередов из Якутска. Он вступил в управление территорией 31 октября 1754 г. и оставался командиром Камчатки до 13 февраля 1757 г. Чередов обнаружил недостачу денег и казённого имущества у Лебедева, которого отдали под суд. Следствие тянулось более пяти лет и, не дождавшись суда, Лебедев умер в Большерецке 3 февраля 1760 г. В ходе следствия выявились и другие его прегрешения: во время подавления корякского бунта он продавал корякских подростков в холопство в Охотск, пересылал в Якутск для продажи пушнину, его сын Алексей постоянно пил казённую водку без платежа.

Сам Чередов за два года управления Камчаткой тоже успел прославиться жестокостью и корыстолюбием. Он почти беспрестанно разъезжал по полуострову в сопровождении купцов с разными товарами, навязывая их камчадалам за пушнину. За два пуда табака, например, брал по шестьдесят бобров. При сборе ясака требовал такое же количество пушнины для себя. Непокорных наказывал как преступников: телесные наказания, перевод в другие селения без семьи. Во время его разъездов большерецкой канцелярией управлял его сын — сержант Фёдор Чередов, не отставший от отца в жестокости и корыстолюбии. Тем не менее, по возвращении в Якутск Фёдора назначили тамошним воеводой.

Чередова по доносу начальника камчатской духовной миссии Пахомия отозвали в Охотск, где следствие над ним длилось двенадцать лет и завершилось с его смертью в ноябре 1769 г. Сын Фёдор также лишился воеводской должности, и имущество его конфисковали.

13 февраля 1757 г. приступил к обязанностям командира поручик Кошкарёв. В его правление предпринималась ещё одна попытка

завести хлебопашество, но без успеха. Кошкарёва сместили в ноябре 1761 г. за злоупотребления.

Его сменил поручик Недозрелов, оказавшийся ещё хуже своих предшественников. Он руководил краем до 1764 г.

Вот так бесславно завершился и второй, тридцатилетний, период управления Камчаткой из Охотска. Ни один из командиров, назначенных из Охотска или Иркутска, не заслужил доброй памяти.

Иркутский период (1764—1785 гг.)

Камчатские командиры в эти годы назначались и из Охотска, и из Иркутска, и из Тобольска, и даже из Петербурга, но подчинялись они иркутскому губернатору. Появлялись и самозванцы.

Перечень камчатских командиров в 1764—1785 гг. приведён в табл. 3.

Таблица 3

Командир	Годы правления	Кто назначил
Плениснер Ф. Х., полковник	1764—1765	Сибирский губернатор Ф. И. Соймонов 28.12.1763
Извеков И. С., капитан	18.10.1764—19.05.1769	Екатерина II указом от 3.12.1763
Рахвалов, поручик	19.05.1769—5.09.1769	Охотский главный командир Ф. Х. Плениснер
Нилов Г. Г., капитан	5.09.1769—26.04.1771	Полковник Зубрицкий, следователь Иркутской губернской канцелярии
Беневский М.	27.04.1771—12.05.1771	Самозванец, в результате бунта
Хметевский В. А., капитан-лейтенант	5.09.1771—июль 1773	Охотский главный командир Ф. Х. Плениснер
Шмалев Т. И., капитан	июль 1773—15.10.1773	Иркутский губернатор А. И. Бриль 7.10.1771
Бем К. М., премьер-майор	15.10.1773—15.03.1779	Екатерина II указом от 30.04.1772
Шмалев В. И., капитан	15.03.1779—11.10.1780	Главный командир Камчатки К. М. Бем
Рейнеке Ф., коллежский асессор	12.10.1780—1786	Иркутский губернатор Ф. Н. Кличка

Кстати, следует отметить, что двое из них участвовали во Второй Камчатской экспедиции. В 1739 г. штурман Василий Хметевский был направлен Берингом вместе со штурманом Елагиным на Кам-

чатку для выбора места зимовки своих кораблей. Елагин исследовал Авачинскую губу. «А отправленный де от него, Елагина, штюрман Василей Хметевской устье реки Камчатки вымеривал, которое де явилось по ево мере глубиною семь с половиною фута, точию за таким маловодствием построющимися для нашего вояжа пакетботами во оное устье войтить неможно...» — сообщал Беринг в Сенат [22, с. 212].

В 1742 г. Хметевский участвовал в третьем, неудачном плавании Шпанберга к берегам Японии, а в 1743—1744 гг. по поручению Шпанберга он, командуя шлюпом «Большерецк», описывал западный берег Камчатки и юго-западное побережье Охотского моря. А капрал Фридрих Христианович Плениснер участвовал в плавании Беринга к берегам Америки на пакетботе «Св. Пётр», исполняя обязанности живописца, и зимовал на острове Беринга в 1741—1742 гг.

Два других командира — братья Тимофей и Василий Шмалевы, сыновья главного командира Анадырского острога в 1754—1758 гг. премьер-майора Ивана Степановича Шмалева — получили известность как исследователи Камчатки. Впоследствии В. И. Шмалев занимал должность командира Петропавловской гавани и умер здесь в 1799 г.

Это был период крайне противоречивый. В эти годы случилась величайшая трагедия в истории Камчатки, унёсшая жизни две трети её населения, — эпидемия оспы, знаменитый «Большерецкий бунт» 1771 г., посещение Камчатки экспедицией Дж. Кука и состоялось наиболее успешное в XVIII в. управление Камчаткой К. М. Бемом.

Как видно из приведённого списка камчатских командиров, период начался с двоевластия. В 1764—1765 гг. краем одновременно управляли двое: Плениснер и Извеков. Случилось это из-за несогласованности действий сибирских, охотских и столичных властей.

Ещё в 1753 г., когда Камчатка оставалась в составе Охотского управления, и командиры на полуостров направлялись оттуда, был утверждён указом Сената анадырским главным командиром и командиром Камчатки секунд-майор И. С. Шмалев. Перед ним стояла задача усмирения чукчей и коряков. В связи со сложным положением на севере Камчатки и на Анадыре ему не удавалось заняться камчатскими делами, где управлял Чередов.

14 октября 1755 г. вышел новый указ Сената, предписывавший «обретающимся в Анадырском остроге офицерам и нижним чинам в числе шестисот человек считаться камчатскою командою, и командиром над тамошними местами быть секунд-майору Шмалеву».

Но Шмалев заболел и 17 марта 1758 г. умер в Анадырске. Его сменил поручик Кекуров, а в 1760 г. по предложению сибирского губернатора Ф. И. Соймонова был утверждён Анадырским главным командиром подполковник Ф. Х. Плениснер, лично знакомый Соймонову по Охотску. Соймонов предписал Плениснеру, примирив чукчей и коряков, отправиться на Камчатку и принять дела у Недозрелова. Плениснеру приказали «озаботиться хлебопашеством в Камчатке», «осмотреть Курильские острова и стараться привести их в подданство. Разведывать также о тех островах, с которых привозятся морские звери», то есть об Алеутских, «послать лейтенанта Синдта... до американских берегов для осмотра».

Был в инструкции Соймонова шестой пункт, который впоследствии вызвал столкновение Плениснера с Извековым: «Во всей Камчатке с служилыми людьми, какого бы они чина не были, если они окажутся обидчиками и разорителями, поступать не отписываясь» (то есть на месте) [18, с. 82].

В 1764 г. Плениснер отправил Соймонову рапорт о бесполезности Анадырского острога, который с 1710 г. дал в казну от инородцев двадцать девять тысяч рублей, а расходы на его содержание составили почти один миллион девятьсот тысяч. Главным занятием команды вместо усмирения чукчей и коряков являлись поиски пропитания охотой и рыбной ловлей. Соймонов доложил об этом Екатерине II, и та 21 июня 1764 г. произвела Плениснера в полковники с тем, чтобы он остался в Анадырске до его уничтожения. Но Плениснер раньше получил новые указания Соймонова от декабря 1763 г. «переехать через Камчатку и, рассмотрев там все дела, следовать в Охотск, где исполнять должность главного командира».

Вот так Плениснер оказался осенью 1764 г. на Камчатке, где застал только что прибывшего из Петербурга по указу Сената Извекова, принявшего дела у поручика Недозрелова. Извекова направили сюда указом Сената от 3 декабря 1763 г. на пять лет «для содержания и охранения верноподданных народов и учреждения добрых порядков». Извеков действительно управлял полуостровом около пяти лет, до мая 1769 г. Но вместо «учреждения добрых порядков» прославился самодурством, жестокостью и безнравственностью. К счастью, он редко покидал Большерецк, а управление Верхнекамчатским и Нижнекамчатским острогами для наблюдения за хлебопашеством Плениснеру удалось поручить прибывшему с ним из Анадырска поручику Т. И. Шмалеву, отличавшемуся человеколюбием и вошедшему в историю как талант-

ливый исследователь нашего края. Кстати, в Нижнекамчатске Шмалев подружился с руководителем базировавшейся там секретной экспедиции, изучавшей Алеутские острова, П. К. Креницыным, по поручению которого отправился в 1768 г. в Петербург с рапортом о деятельности экспедиции.

В Петербурге он встречался с академиком Г. Ф. Миллером, с которым впоследствии вёл переписку, выполнял его научные поручения. Шмалев был принят Екатериной II, которая произвела его в капитаны.

До осени 1765 г. на Камчатке находился и давал свои распоряжения и Плениснер. Выполняя шестой пункт инструкции Соймонова и последующие указания сибирского губернатора, требовавшего в Камчатке «во всех местах вкоренившиеся в прежних командирах безпорядки истребить, как равно лихоимство, взятки, грабежи пресечь», он предписал большерецкой канцелярии не исполнять противозаконных приказаний Извекова. Покидая Камчатку, Плениснер велел поручикам Рахвалову, Норику и Попову в случае буйства Извекова сменить его и выслать в Охотск. Но 26 апреля 1767 г. вышел указ Сената, запрещавший Плениснеру сменять камчатского командира.

Между тем, Извеков, избавившись от Плениснера, наслаждался своей властью в Большерецке. А. С. Сгибнев пишет: «Набрав шайку подобных себе пьяниц, во главе которых стоял ссыльный Турчанинов... Извеков с этой бурной ватагой ходил ночью по семейным домам, отнимал жён и дочерей, а сопротивлявшихся заковывал в кандалы». Во время его прогулок «жители Большерецка не смели показываться на улицу, потому что малейшее невнимание к его личности или просто невесёлый вид приводил его в бешенство, и тогда, не разбирая ни пола, ни возраста, он бросался на свою жертву и чем попало бил её до изнеможения... Казённым имуществом и казёнными суммами он распоряжался как своей собственностью». Водки, провианта и других казённых продуктов за пять лет он употребил для себя на 68 259 руб. 84 коп. [18, с. 86]. Вот так камчатский командир «охранял верноподданные народы и учреждал добрые порядки».

Единственное, что было при нём исполнено из предписанного Сенатом, это требование «об изыскании незнакомых земель и островов». В 1768 г. большерецкий сотник Иван Чёрный впервые побывал на Южных Курильских островах, описал всю островную гряду и собрал ясак с жителей Итурупа и Кунашира, то есть фактически привёл их в российское подданство, и доказал утверждение

М. П. Шпанберга 1739 г., что эти острова «не под властью японского хана» [23, с. 140].

В мае 1769 г. терпение жителей Большерецка лопнуло. Гарнизон, жители и команда зимовавшего в Большерецке судна «Св. Павел» во главе с поручиком Рахваловым взяли штурмом канцелярию, арестовали Извекова и отправили его в Охотск, где его после суда разжаловали в рядовые. За командира до присылки нового остался поручик Рахвалов.

Поводом к восстанию послужила бездеятельность Извекова во время страшной эпидемии оспы, завезённой осенью 1768 г. из Охотска. Болезнь свирепствовала до весны 1769 г. Вымирали целые селения. По данным, собранным полковником Зубрицким, направленным из Иркутска ещё до эпидемии для разбирательства отношений между Плениснером и Извековым, оспа унесла жизни 5 767 камчадалов и 315 «заезжих людей», то есть русских. Из 2 573 плательщиков ясака в живых осталось лишь 856, то есть треть [18, с. 90].

Но и на этом беды камчадалов не закончились. В 1769 г. случился большой недоход рыбы, приведший к страшному голоду зимой 1769—1770 гг. среди оставшихся трёх тысяч камчадалов. В Иркутске даже появился проект пополнения населения Камчатки за счёт перевозки туда двухсот семейств якутов, переболевших оспой, но Сенат отклонил его.

Не повезло и с новым командиром. На смену Рахвалову Зубрицкий привёз капитана Нилова, бывшего прежде командиром Гижигинской крепости. Нилов вступил в должность 5 сентября 1769 г. и пробыл в ней немногим более полутора лет до своей гибели во время «Большерецкого бунта» 26 апреля 1771 г. Он оказался никчёмным командиром, добродушным и вечно пьяным.

Впоследствии иркутский губернатор Бриль спрашивал Зубрицкого, почему он назначил Нилова, «который, как всем известно, был офицер слабый и всегда нетрезвый».

Нилов оказался единственной жертвой бунта, организованного группой ссыльных офицеров во главе с бароном Морицем Августом Беневским. Целью заговорщиков являлся побег с Камчатки, который им удался. После убийства Нилова Беневский объявил себя командиром Камчатки и был им фактически две недели до отплытия с полуострова 12 мая 1771 г.

Беневскому удалось вовлечь в заговор значительную часть жителей Большерецка разных сословий. Кроме восьми ссыльных офицеров, с ним бежали более шестидесяти человек: матросы, крестьяне, казаки, промышленники, камчадалы. Учитывая, что в то время

в Большерецке проживали тридцать пять семейств обывателей, семьдесят человек гарнизона, да зимовали два судна: «Св. Екатерина» купца Холодилова и казённое — «Св. Пётр», это немало. На «Св. Петре» заговорщики и бежали, захватив казённую пушнину, продовольствие и оружие.

В Охотске стало известно о бунте лишь 9 июля, когда туда пришла «Св. Екатерина». Плениснер был обязан сообщить о происшествии в течение трёх дней, но почему-то отправил донесение в Иркутск лишь полтора месяца спустя, 27 августа, за что впоследствии был уволен со службы.

В сентябре 1771 г. для управления Камчаткой и проведения следствия о бунте направили капитан-лейтенанта В. А. Хметевского. По поводу этого назначения, сделанного Плениснером, Зубрицкий доносил в Иркутск, что «Хметевский, по старости лет, легкомыслию и привычке вмешиваться не в свои дела... не может оставаться на месте камчатского командира».

Поэтому губернатор Бриль 7 октября 1771 г. предложил вернувшемуся из Петербурга капитану Т. И. Шмалеву «немедленно отправиться в Охотск и оттуда на Камчатку командиром». Но из-за болезни Шмалев смог прибыть в Большерецк и сменить Хметевского лишь в июле 1773 г.

За это время поменялось руководство и в Охотске. 10 октября 1772 г. Плениснера сменил полковник Зубрицкий. Побег Беневского сильно обеспокоил власти. Полагая, что Беневский может вернуться на Камчатку с иноземными судами, Зубрицкий просил иркутского губернатора усилить гарнизоны острогов людьми, пушками и ружьями. Он пишет, что пушки «все старого манера и с раковинами», а у кого и есть ружья, то негодные. Во всех восьми острогах Охотского правления было шестьсот сорок девять солдат и казаков, более половины которых находилось в двух пунктах — Охотске и Гижигинской крепости [18, с. 96—97].

Лишь бунт Беневского заставил, наконец, обратить серьёзное внимание на Камчатку. Сама императрица проявила интерес к местным беспорядкам, предписав иркутскому губернатору усилить оборону территории, а 30 апреля 1772 г. подписала указ о назначении камчатским главным командиром лично ей известного премьер-майора Магнуса Карла фон Бема.

В Иркутске Бем получил от губернатора Бриля подробную инструкцию из двадцати девяти пунктов. В ней говорилось: «1) поручается вам в команду вся Камчатская земля и все живущие там лица, Большерецкий, Верхний и Нижний остроги, Тигильская крепость

и вновь построенная в Пенжинской губе в 1752 г. Ижигинская крепость, которая до сего состояла в ведении охотской канцелярии, а также принять в своё ведение Курильские и другие близ Камчатки лежащие острова и на них живущих ясашных инородцев... 4) вам же самим с камчатской большерецкой канцелярией состоять единственно под начальством иркутского губернатора и иркутской губернской канцелярии...» [19, с. 5—6].

Таким образом, камчатский командир стал именоваться главным, и Камчатка впервые официально была подчинена непосредственно губернатору, хотя и не была выделена в самостоятельную административную единицу. Расширялась и территория, управляемая камчатским командиром, за счёт земель Гижигинской крепости. Эта территория почти совпадает с границами современного Камчатского края.

Инструкция Бриля предписывала Бему заняться укреплением обороны Камчатки, развитием сельского хозяйства, завести железоделательный завод, продолжить исследование Южных Курил и стараться привести в российское подданство их жителей — «мохнатых курильцев».

Бем вступил в управление Камчаткой 15 октября 1773 г. и находился в должности до лета 1779 г. Это были наиболее благоприятные для края годы за весь XVIII в. Вот какую оценку его деятельности даёт А. С. Сгибнев: «По прибытию в Камчатку Бем, прежде чем приступить к каким-либо распоряжениям, счёл необходимым ознакомиться с условиями вверенного ему края и бытом его обывателей. Для этой цели он посетил многие селения инородцев, входил в мельчайшие подробности их жизни и как нежный отец не отказывал никому в добром совете и рассмотрении жалоб, хотя бы оне касались только семейной жизни. Примером своим он укротил наглость служилых, примирил их с туземцами и уничтожил, по возможности, взяточничество. Словом, его уму, честности, энергии и справедливости во всех действиях туземное население обязано своим освобождением от рабства и угнетения, тяготевших на нём более полувека» [19, с. 13].

Бем завёл в каждом селении общественные и частные огороды, посадки картофеля, были получены неплохие урожаи ржи, овса и ячменя. Он возродил железоделательный завод близ Верхнекамчатска, который при его преемниках был заброшен «за скудостью руды и непрочностию железа». Бем завёл казённый солеваренный завод, чем снизил цены на соль более чем в двадцать раз. Он стал назначать на каждое судно, отправлявшееся на промысел на Алеут-

ские острова, по два унтер-офицера для сбора ясака и для предотвращения грубого обращения промышленников с туземцами. Бем значительно увеличил доходы казны, содержа на эти средства всех служащих и тратя их на преобразование края. Военных в четырёх острогах и Петропавловской гавани при нём насчитывалось шестьсот девяносто два человека.

Много внимания Бем уделял развитию школ, построил первую на Камчатке больницу, в которой работал первый врач на полуострове — лекарь Робек.

Планы Бема шли гораздо дальше. Он намеревался открыть больницы во всех шести камчатских крепостях, учредить на навигацкую школу, перенести управление ближе к центру полуострова — в Тигильскую крепость и даже предлагал объединить управление Камчатки с Охотском для своевременного снабжения края всем необходимым. Но этим планам не суждено было сбыться из-за противодействия нового губернатора Ф. Г. Немцова, сменившего А. И. Бриля в 1776 г. Немцов подозрительно относился к Бему из-за его переписки с генерал-прокурором Сената князем А. А. Вяземским. Вяземский же переписывался с Бемом по требованию Екатерины II, интересовавшейся камчатскими делами после бунта Беневского. В конце концов, Немцов добился предания Бема суду по делу в связи с нападением чукчей на коряков, но того оправдали.

Выполняя инструкцию Бриля, Бем в 1775 г. отправил на Южные Курилы экспедицию И. М. Антипина — Д. Я. Шабалина, которая в 1778—1779 гг. собирала ясак не только там, но и на северо-восточном побережье Хоккайдо, обратив многих «мохнатых курильцев» в православную веру.

14 марта 1778 г. Бем сдал дела новому командиру капитану Василию Шмалеву, брату Тимофея Ивановича Шмалева. Но не успел Бем покинуть Камчатку, как пришло известие о том, что в Петропавловскую гавань зашли корабли Третьей кругосветной экспедиции Дж. Кука под командой Ч. Кларка. Бему, как старшему по чину, пришлось вернуться к делам и заняться организацией помощи англичанам. Он проявил себя как неплохой дипломат. Бем распорядился бесплатно снабдить англичан продовольствием и обещал к следующему их приходу (состоявшемуся осенью того же года) доставить из Охотска всё необходимое для ремонта.

Приход англичан вновь обратил внимание властей на необходимость усиления обороны Камчатки. А. А. Вяземский писал 10 декабря 1779 г. уже новому иркутскому губернатору Ф. Н. Кличке, что императрица по поводу донесения о приходе в Камчатку англичан

изволила указать, чтобы «Камчатку привести в оборонительный вид непременно, так как путь туда сделался уже известен иностранцам». А «оборонительный вид» Камчатки оставался плачевным. В. И. Шмалев писал, что «все ружья у казаков негодныя. Из Якутска и Охотска высылаются в Камчатку только те из них, которыя не могут быть употреблены там в дело. Хорошей артиллерии и канониров также нет. Все имеющиеся здесь пушки скорее сделают вред нашей прислуге, чем неприятелю, а канониры вовсе не знают своего дела, так что при пальбе в высокоторжественные дни редко обходится без несчастия. При отбытии англичан из Большерецка, служителя, заряжавшего пушку, совсем разбило» [19, с. 21].

Второй приход английской экспедиции состоялся уже после отъезда Бема. В. И. Шмалев принял участие в похоронах умершего перед заходом в Петропавловск руководителя экспедиции капитана Кларка.

Все необходимые англичанам припасы доставили при содействии Бема из Охотска, из Верхнекамчатска пригнали скот. Кстати, благодарные англичане подарили Шмалеву за содействие экспедиции настольные часы, принадлежавшие Куку. Бем впоследствии получил от английского правительства большую серебряную вазу с дарственной надписью, а английское Адмиралтейство назначило ему пенсию, от которой он отказался. Получил подарки и ссыльный П. М. Ивашкин, привезённый из Верхнекамчатска и выступавший в роли переводчика. Восемь лет спустя Шмалев и Ивашкин встречали в Петропавловской гавани ещё одну иностранную экспедицию — Лаперуза.

В. И. Шмалеву пришлось быть главным командиром Камчатки полтора года. Правда, ему снова пришлось возглавить Камчатку десять лет спустя, но уже не в должности главного командира, а исправника Нижнекамчатского уезда в составе Охотской области и в подчинении у охотского коменданта, а позднее его назначили командиром Петропавловской гавани.

11 сентября 1780 г. на смену Шмалеву прибыл новый главный командир — коллежский асессор Франц Рейнеке. Назначен он был по представлению другого Франца — иркутского губернатора Ф. Н. Клички. Шмалев стал командиром Тигильской крепости, где пробыл почти десять лет.

Рейнеке поручалось укрепить Петропавловскую гавань, обратить внимание на хлебопашество, огородничество и скотоводство. С хлебопашеством, как и у предшественников, вышла неудача, но огородничество поддерживалось и скотоводство развивалось. В 1781 г.

на Камчатке было сто тридцать восемь лошадей и двести семьдесят две головы крупного рогатого скота. Рейнеке поддерживал железоделательный завод, построив на нём две новые печи, но к этому времени привозное железо стало вдвое дешевле камчатского, и завод вскоре закрылся. В Мильковском селении устроили первую водяную мельницу, просуществовавшую почти пятьдесят лет.

Деятельность Рейнеке во многом напоминает стиль работы Бема. Он также собирался перевести управление в Тигиль, но, узнав, что в реке Тигиль наблюдается постоянный недолов рыбы, отказался от этой затеи.

Энергичный труд Рейнеке прервался новой административной реформой 1783 г. Сначала было создано Иркутское наместничество, а затем Иркутскую губернию разделили на четыре области, в том числе Охотскую, в которую Камчатка вошла тремя уездами: Нижнекамчатским, Акланским и Гижигинским. Рейнеке пришлось заниматься обустройством центров уездов, названных городами. 27 февраля 1785 г. он перенёс управление из Большерецка в Нижнекамчатск.

В том же году Рейнеке открыл управление в Гижигинске. А вот открытие третьего города задержало его на целый год. Акланский острог русские оставили ещё в 1746 г., а в 1748 г. его сожгли коряки. Рейнеке решил поставить город на реке Палане, но место оказалось безрыбным и безлесным. Пришлось временно устроить Акланское управление в Тигильской крепости. Только в 1786 г. нашли подходящее место на реке Аклан (Оклан), куда перевели управление из Тигиля, и Рейнеке смог покинуть Камчатку.

Так, бесславно начавшись с двоевластия Извекова и Плениснера, третий — иркутский — период так же бестолково и закончился многовластием главного командира, трёх исправников и трёх городничих. Но впереди Камчатку ждали ещё более трудные времена.

Нижнекамчатский период (1785—1812 гг.)

В эти годы в России сменились три императора, и все они проводили реформы управления по принципу незабвенного В. С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Совершенно непригодными для камчатских условий оказались реформы 1783 г., особенно проведённая по указу Екатерины II от 2 марта 1783 г. «О составлении Иркутской губернии из четырёх областей». Согласно этому указу появилась самостоятельная Охотская область, включавшая бывшее Охотское приморское управление

и Камчатку, на территории которой образовали три вышеупомянутых уезда.

Глава области стал называться комендантом, во главе уездов встали исправники, во главе городов — городничие. Камчатским исправником назначили Иоганна Штейнгеля, отца будущего известного декабриста В. И. Штейнгеля, городничим — иркутского чиновника коллежского асессора Орленкова. Полномочия их часто пересекались, они отдавали противоречивые приказания, между ними возник конфликт. Совершавший инспекционную поездку по Камчатке охотский областной комендант полковник Г. А. Козлов-Угренин сместил Штейнгеля и всю власть передал Орленкову. Кстати, до этого он также сместил исправников в Гижиге — Гауза и в Акланске — Беннера.

Но конфликты между руководителями не были главной бедой для населения Камчатки. Её наводнила масса чиновников, разъезжавших по своим делам, не платя проездов и отвлекая население от занятий промыслами. Самой большой бедой, приведшей к страшному голоду и другим бедам, стала «собачья оспа». Так камчадалы назвали поездку по краю Козлова-Угренина в 1787—1788 гг., когда погибли от голода и тяжёлой работы почти все собаки. Козлов-Угренин объяснял иркутскому губернатору, что вояж был предпринят «для заведения порядка и устройства чукоч и коряк, а также для того, чтобы ознакомиться с краем, ибо без того он был только начальником для вида и не мог бы следить за соблюдением там законов».

Эта забота обернулась тем, что в повозки огромной свиты коменданта зимой впрягались по четыреста, а то и пятьсот собак, а летом по рекам плоты с нею тянули, как бурлаки, сотни камчадалов. Зимой выгонялись жители селений, чтобы расчищать путь каравану, вырубая кустарник и деревья. Свита Козлова-Угренина скупала за безделушки меха у населения.

Во время этой поездки Камчатку посетила экспедиция Лаперуза, и часть свиты во главе с комендантом прибыла в Петропавловскую гавань, а после ухода французов продолжила «инспекцию». Два года городничие и чиновники были заняты обслуживанием Козлова-Угренина и его окружения, забросив все дела.

В 1790 г. Козлов-Угренин сместил и Орленкова и отдал его под суд. Городничим назначили секунд-майора В. И. Шмалева. Но на этот раз Шмалеву пришлось вскоре уступить власть прибывшему на зимовку в Петропавловск руководителю Северо-Восточной секретной экспедиции И. И. Биллингсу, который в 1779 г. уже бывал в Петро-

павловске как участник третьего плавания Кука. Указом Екатерины II от 9 января 1790 г. Биллингсу поручалось организовать оборону владений на Восточном океане от возможного нападения капитана Кокса на шведском военном корабле «Меркурий». Шмалева назначили командиром Петропавловской гавани для оказания содействия Биллингсу. Но укреплять гавань оказалось нечем, и только в 1796 г., когда были доставлены пушки из Охотска, удалось соорудить шесть батарей из двадцати семи орудий.

Не дождавшись нападения Кокса, летом 1791 г. Биллингс оставил Камчатку, и вновь власть перешла к Шмалеву. В декабре прибыл новый городничий — коллежский асессор Воеводский. Шмалев долго не хотел признавать его власть над собой, писал на него доносы в Иркутск, а Воеводский жаловался на Шмалева. Завершилось дело тем, что в 1794 г. обоих отдали под суд, Воеводского вызвали в Охотск, а Шмалев остался в Петропавловске, где и умер в декабре 1799 г.

На смену Воеводскому в 1794 г. прибыл губернский секретарь Крылов. Но он занимался перепиской с иркутским губернатором с жалобами на ужасный камчатский климат и бедность чиновников. Вот их типичный образец: «Камчатский край окружён со всех сторон, кроме северной, морем и изобилует во множестве горящими сопками, извергающими пламя совокупно с густейшим дымом, производящим грубый мрак, заражающий самый воздух, который, меняясь с морским влажным, составляет яд, расслабляющий человека, наводящий на него уныние, умаляющий силы, портящий кровь, умножающий болезненные припадки и даже влекущий за собою народныя бедствия; а потому вино и здоровая пища при таких климатических условиях необходимы для подкрепления здоровья. Но к этим-то предметам и нет приступу бедным чиновникам и обитателям здешняго края. Вино продаётся по сорок шесть рублей за ведро — цена неслыханная! Казне прибыток, а жителям отягощение!» [19, с. 35].

Могли ли чем-то способствовать развитию и процветанию края руководители с таким отношением к объекту своего управления! Целых три года руководил Камчаткой Крылов, ожидая разрешения на выезд. В 1797 г. его сменил нижнекамчатский чиновник Фролов, прославившийся ещё в 1790 г. тем, что после отъезда Орленкова не желал сдавать дела Шмалеву. Помогло лишь вмешательство Биллингса. Но в 1798 г. Фролов попал под суд за пьянство и плутовство, а приехавший ему на смену в 1799 г. Щеглов в том же году был отозван назад в связи с новыми преобразованиями

в управлении краем, получившими название «сомовского поветрия». Итак, реформа 1783 г. оказалась полностью провальной. Камчатка, которая при Беме и Рейнеке не только окупала себя, но и стала давать прибыль, снова начала приносить убытки.

В 1796 г. началась губернская реформа Павла I. В её рамках для усиления обороны Камчатки 3 октября 1798 г. было решено сформировать из батальона полковника А. А. Сомова полк и расположить его шефскую роту в Нижнекамчатске, по одной роте при штаб-офицерах — в Петропавловской гавани, Охотске и Удском остроге. На сформирование полка, его укомплектование и доставку потратили огромные суммы. Но они оказались несравнимы с несчастьями для населения Камчатки и убытками для казны, произошедшими после прихода полка и ставшими результатом его содержания там.

Солдаты сомовского полка завезли эпидемию горячки. Уже на переходе из Охотска умерли тридцать человек. Вместо Нижнекамчатска Сомов приказал направиться в Петропавловскую гавань, откуда в зиму 1799—1800 гг. началась перевозка роты с багажом на собачьих упряжках через всю Камчатку в Нижнекамчатск. Болезнь распространилась по полуострову и унесла жизни более двух тысяч человек, в том числе трёхсот пятидесяти русских [19, с. 36].

Вымерли целые селения. По масштабам это бедствие было сопоставимо с эпидемией оспы 1768—1769 гг. Ведь к этому времени население Камчатки едва превышало четыре тысячи человек. Перевозка самих солдат, продовольствия, прибывшего для них, опять лишила камчадалов половины собак. Были заброшены промыслы. Кроме того, чтобы солдаты не торговали казённым порохом, Сомов запретил продавать его частным лицам.

Привезённого провианта не хватало, Сомову пришлось урезать пайки вдвое, заменив вторую половину порсой (порошком из сушёной рыбы), а затем и вчетверо. Солдатам было негде жить. Многие из них завели собак и разъезжали по селениям для торговли.

И тогда у иркутских чиновников возникла идея перевести камчатский гарнизон на самообеспечение продовольствием. Иркутский военный губернатор Б. Б. Леццано вышел с предложением: «С одной стороны, по великим издержкам казны на доставку полку Сомова провианта и аммуниции, по изнурении якутов (перевозивших грузы из Якутска в Охотск. — *В. А.*) и по неверной, а нередко гибельной перевозке провианта чрез море на транспортных судах, а с другой, по удобству камчатского климата к размножению хлебопашества и скотоводства (эти неверные сведения Леццано получил от быв-

шего нижнекамчатского городничего Воеводского. — *В. А.*), весьма полезно было бы обратить гарнизонный Сомов полк по примеру бывших ландмилицких полков (военных поселений. — *В. А.*); от чего впоследствии вознаграждались бы все издержки казны, и не только одно войско тамошняго края вкушало бы хлеб от своего земледелия, но и все жители безбедно могли бы оным довольствоваться» [19, с. 38].

Вот таким мечтателем был военный губернатор, генерал от инфантерии Б. Б. Леццано. Он даже рассчитал выгоду от этого, которая обещала расходы лишь в первый год эксперимента в сорок одну тысячу рублей, в то время как трёхгодичная доставка провианта на Камчатку обошлась в двести двадцать пять тысяч, и дальше расходы оставались бы на том же уровне. Леццано предполагал занять хлебопашеством две трети солдат, а остальных оставить для несения караулов. Но чтобы солдаты-хлебопашцы не забыли службы, они должны были ежегодно проходить трёхнедельные военные сборы.

29 декабря 1801 г. предложения Леццано были утверждены указом Александра I. Сомов сообщил, что он намерен петропавловскую (сто один) и большерецкую (девяносто три человека) роты поселить в Верхнекамчатске, а из двух нижнекамчатских рот (двести девятнадцать человек) одну расположить близ Ключевского селения, другую — рядом с Машурой (недалеко от современной Долиновки Мильковского района). Штаб полка должен был размещаться в Верхнекамчатске.

Началось новое переселение. В августе 1802 г. Сомов запросил дополнительные средства, которые ему были отпущены. Но появились новые расходы на доставку из разных губерний солдатских и офицерских семей. Семена для посева 1803 г. были испорчены, новые высланы из Иркутска лишь в 1807 г., а прибыли на Камчатку в 1809 г. Скот, отправленный из Якутска своим ходом, почти весь погиб в пути от бескормицы. Новые расходы отдачи не давали, а старые не прекращались: всё это время провиант на Камчатку отправляли морем через Охотск. Вскоре всех переселенцев из Верхнекамчатска и Машур снова перевели в Петропавловскую гавань и Нижнекамчатск.

Охотская флотилия не справлялась с доставкой провианта для камчатского гарнизона, а в то же время на казённых судах возили преимущественно грузы РАК, торговавшей продовольствием на полуострове по баснословным ценам. Казённые суда в Охотске строились по три года, а для РАК — за год.

Вновь назначенный вместо уехавшего в 1802 г. по слабости здоровья Сомова генерал П. И. Кошелев угрожал командиру Охотского порта вице-адмиралу Фомину, что будет конфисковывать компанейские товары, присланные в ущерб казённым. Кошелев обратился к Александру I с предложением подчинить Охотск камчатскому коменданту. Был создан особый комитет из трёх министров — коммерции, военного и морского — и сибирского генерал-губернатора. Комитет постановил: «Охотский порт не подчинять камчатскому коменданту, а для управления Камчаткою учредить областное правление из судьи, исправника и двух заседателей под председательством коменданта, которому именоваться правителем Камчатской области... Ижигинский округ подчинить коменданту, а областное правление — иркутскому губернатору; по части же судной — иркутской уголовной палате. Камчатскому гарнизону состоять из пяти рот: четырём находиться в Камчатке и одной в Ижиге. Из четырёх камчатских рот две иметь на ландмилицком положении, а остальные на положении гарнизонном... Местопребыванием коменданта назначить Верхнекамчатск» [19, с. 41].

11 августа 1803 г. это постановление утвердил Александр I. Таким образом, Камчатка впервые получила статус самостоятельной области, в состав которой была включена территория трёх бывших уездов Охотской области: Нижнекамчатского, Акланского и Гижигинского. Города Акланск и Гижига (Ижига) были упразднены.

Кошелев вскрыл массу злоупотреблений своего предшественника и его офицеров. В частности, казённый порох продавался через магазины РАК. Кошелев конфисковал у компании весь порох, а её приказчика Хлебникова арестовал. Кошелев убедился, что хлебопашество на Камчатке невозможно, а скотоводство можно развивать в больших размерах и просил выслать сто семейств якутов со своим скотом. Он завёл ряд казённых солеваренных заводов, предложил ряд толковых проектов по развитию вверенного ему края, но они утонули в переписке с Иркутском.

Кошелев проявил себя как честный, умный, деятельный и образованный правитель. Высокую оценку его деятельности дал И. Ф. Крузенштерн, трижды посещавший Камчатку в 1804—1805 гг. Крутые меры, которыми Кошелев пытался наводить порядок в камчатском батальоне, привели к организации заговора против него во главе с полковником Сибиряковым. Тридцать семь заговорщиков арестовали. Следственное дело было направлено иркутскому губернатору Н. И. Трескину, который не переносил Кошелева за его честность и прямоту. Так, однажды Кошелев

резко отозвался о чиновниках из Иркутска, назначенных членами областного правления: «...чтобы избавиться от всех главнейших негодяев и пьяниц в Иркутске, или по каким-либо другим неизвестным для меня побуждениям, прислали их сюда членами областного правления, и потом требуете, чтобы я присутствовал, а, следовательно, и советовался с этою грязною компаниею свиней» [19, с. 46].

Трескин представил дело сибирскому генерал-губернатору И. Б. Пестелю в извращённом виде, и тот предписал Кошелеву освободить всех арестованных. На это Кошелев послал генерал-губернатору резкое донесение, обвинив его в пристрастности: «...подобного рода несправедливое решение могло произойти только оттого что Пестель — зять Биллингса, у которого полковник Сибиряков был вестовым и писарем, а потом возвышен в чинах за содействие Биллингсу красть и грабить всех в Камчатке. Поэтому вам не хочется обвинить Сибирякова, имеющего к тому же протекцию у всесильной Российско-Американской К°, будучи зятем правителя дел главного её правления Зеленина. Я, как человек честный, не боюсь вашего гнева и говорю вам правду, что вы самовольный властелин и пристрастны к моим противникам» [19, с. 47].

Силы были неравны. После такого обвинения Пестель добился отстранения Кошелева. Вместо него 14 ноября 1806 г. правителем Камчатской области был назначен генерал-майор Петровский, которому поручалось произвести строжайшее следствие над Кошелевым и задержать его на полуострове до особого распоряжения.

4 сентября 1807 г. генерал Петровский принял управление полуостровом. Более двух лет Кошелев провёл под следствием на Камчатке и в Иркутске и был отправлен в Петербург, где предан суду. Но до окончания суда он поступил в ополчение и за проявленную храбрость в Отечественной войне 1812 г. был освобождён.

Петровский управлял Камчаткой до конца 1812 г., когда над ним было начато следствие; а по прибытии в Иркутск его отдали под суд за множество злоупотреблений.

К этому времени власти и сами поняли, что с управлением Камчаткой надо что-то срочно делать. В 1809 г. Трескин вошёл с представлением к Пестелю, в котором предлагал для блага жителей полуострова и Якутского края, разорённого ежегодной транспортировкой провианта и разных батальонных грузов, вывести с полуострова бесполезные войска: «...край упал до того, что не скоро может поправиться». А доктор Шпер, посетивший Камчатку в 1808—1809 гг., писал: «Для чего был приведён баталион в Камчатку? Если для усмирения жителей, то это лишнее, потому что

загнанные и угнетённые камчадалы не в состоянии уже решиться на какую-либо отчаянную меру. Если для защиты гаваней, то бесполезно, потому что ни у одного солдата нет порядочного ружья, а гавани не имеют даже посредственных укреплений. Для того, отвечаем мы, чтобы истребить и жителей, и солдат!» [19, с. 54].

11 января 1811 г. начал действовать особый комитет под председательством И. Б. Пестеля, в который вошли вице-адмирал Г. А. Сарычев, капитан И. Ф. Крузенштерн, профессор Г. И. Лангсдорф и лейтенант Л. А. Гагемейстер — люди, хорошо знавшие камчатские сложности и неравнодушные к ним. Г. И. Лангсдорф, участник первого кругосветного плавания, писал о последствиях пребывания сомовского полка: «Грязные, ленивые, невежественные и совершенно незнакомые с сельским хозяйством, они уже с момента их прибытия на Камчатку стали приносить стране больше вреда, чем пользы. Они стали большой нагрузкой для камчадалов, ибо их жестоко эксплуатировали различными способами, заразили оспой, венерическими болезнями, распространили физические и моральные пороки. Так что если правительство не вмешается срочно, местные жители, число которых с десяти тысяч сократилось до трёх, вскоре полностью исчезнут» [13, с. 163].

У И. Ф. Крузенштерна в его «Путешествии вокруг света» есть целая глава «О нынешнем состоянии Камчатки», где он излагает свою программу преобразований. Он пишет: «Чрезмерное отдаление Камчатки от главных мест и благоустроенных стран России и настоящая её бедность суть виною, что о ней распространилась слишком худая слава. Даже самое имя Камчатки выговаривается со страхом и ужасом» [8, с. 267].

Крузенштерн сообщает о главных проблемах: нехватке хлеба и соли, отсутствии медицинской помощи, страшной дороговизне. «Доставление самых лёгких товаров возвышает цену на оные многими сотнями процентов», но «Камчатку можно было бы удобно снабжать всем с изобилием, если бы посылать туда ежегодно один корабль из какого-либо европейского российского порта. Цены всех нужных вещей понизились бы...» [8, с. 270].

О причинах нерадивости чиновников и офицеров он пишет: «Всякий, посылаемый в Камчатку, отправляется поневоле... а потому и посылались по большей части... офицеры обыкновенно худого поведения... Худой офицер, присланный в Камчатку на неограниченное время, не имея никакой надежды выехать оттуда, нимало не печётся себя исправить. Дурные его поступки причиняют беспрестанные неприятности начальнику, и слава всей нации мо-

жет в таких отдалённых местах страдать от таковых людей, несущих имя российского офицера» [8, с. 274].

О врачах он пишет, что их следует посылать на четыре года и назначать им достойное содержание. «Определяемых для Камчатки врачей надобно отправлять туда водою потому, чтобы можно было им удобно взять с собою всякое платье, мебель, книги, пособия, инструменты и другие... вещи» [8, с. 275].

Много разумных предложений даёт Крузенштерн о развитии сельского хозяйства и различных промыслов, о необходимости создания адмиралтейства в Петропавловске для постройки судов. Много говорит он о тяжёлом положении камчадалов: «...не могу я умолчать о сих честных людях, которые в доброте сердца, в верности, гостеприимстве, постоянстве, повиновении и преданности к начальникам не уступают многим самым просвещённым народам. Совершенное истребление камчадалов будет великою потерею для сей страны... После повальной болезни, похитившей в 1800 и 1801 г. более пяти тысяч камчадалов, осталось в острогах только по пятнадцать или двадцать человек, а во многих гораздо меньше... Теперь находится в Камчатке, кроме казаков, батальон солдат и около двадцати офицеров; число же камчадалов весьма уменьшилось. Итак, нетрудно заключить, что последние отвлекаются часто от работ своих, не получая за то никакого вознаграждения» [8, с. 285].

С подобными предложениями ранее обращался к Александру I и глава РАК Н. П. Резанов: «...Петропавловская гавань может быть средоточием всей торговли Российско-Американской компании, а особливо, когда торг с Японией открыт будет, и сделаться важным городом... Камчатка есть отнюдь не бедная земля и, напротив того, нахожу, что сама природа изобилием даров своих приглашает сюда людей к поселению... Я должен так же вашему императорскому величеству представить замечания мои о предметном здесь уменьшении народа: 1-е. Недостаток медицинских чинов, от которого оспа, жёлтые горячки и другие повальные болезни вырывают здесь людей селениями... Многие опустошены поголовно, и нет средств к прекращению таковых бедствий, сверх того свирепствует болезнь венерическая. 2-е. Недостаток хлеба. 3-е. Недостаток соли; при всем обилии рыбы бедные жители не имеют возможности запасать её... 4-е. Недостаток пороха останавливает также возможность пользоваться изобилующею здесь дичиною и дикими баранами. 5-е. ...недостаток женского пола. Здесь теперь более, нежели на тридцать человек по одной женщине... Горячие ключи

близ Малькинского селения дают способ устроить при них больницу» [13, с. 159—160].

Несомненно, что столь авторитетные мнения не могли быть не замечены властями. Крузенштерн сделал такой вывод: «В Камчатке можно было бы жить столь же хорошо или ещё лучше, нежели во многих других провинциях России. Надлежит только принять меры... до благоустроения и управления» [8, с. 269].

Петропавловский период (1813—1856 гг.)

И такие меры были приняты. Особый комитет под председательством И. Б. Пестеля составил план преобразований, получивший название «Новое положение о Камчатке» и утверждённый Александром I 9 апреля 1812 г. В положении содержались девяносто пунктов, детально регламентировавших основные преобразования. Областное управление ликвидировалось. Упразднялся и камчатский батальон. Вместо него создавалась флотская экипажная рота из ста двадцати двух человек, располагавшаяся в Петропавловской гавани, и казачья команда из пятидесяти пяти человек.

Управление Камчаткой поручалось начальнику из опытных морских офицеров, который был обязан прослужить в должности пять лет, будучи одновременно и командиром флотской экипажной роты. Местопребыванием начальника определялась Петропавловская гавань. Начальник Камчатки подчинялся непосредственно сибирскому генерал-губернатору. Одной из важных мер по облегчению положения населения, предложенных И. Ф. Крузенштерном, была отправка каждые два года транспортного судна и военного фрегата из Кронштадта в Петропавловск [19, с. 55—68].

Всего в период действия «Нового положения» в должности начальника Камчатки прослужили восемь морских офицеров. Не все они оказались идеальными руководителями, но одно преимущество перед начальниками прежних времен у них имелось: среди них мы не найдём откровенных самодуров, взяточников и казнокрадов. Все они в меру своих способностей заботились о развитии вверенного им края, хотя и медленно, но поднимавшегося из запустения и разрухи. В безрыбные годы начальники Камчатки принимали меры, чтобы не допустить голодного мора. Большую поддержку в снабжении края оказали кругосветные экспедиции.

Первым начальником Камчатки предполагалось назначить Петра Ивановича Рикорда. Но он был занят в это время вызволением из японского плена своего командира по второму кругосветному плава-

нию на шлюпе «Диана» В. М. Головнина. Утверждение Рикорда по разным причинам затягивалось, и иркутский губернатор Трескин поручил временно исполнять должность начальника лейтенанту И. Рудакову.

«Временное» исполнение обязанностей начальника Рудаковым длилось более четырёх лет. Он принял управление от генерал-майора Петровского 23 января 1813 г. и сдал его Рикорду в мае 1817 г. Рудакову в основном пришлось заниматься расформированием камчатского батальона, созданием флотской экипажной роты и устройством пожелавших остаться на поселении солдат.

Наибольшие преобразования на Камчатке происходили в период управления П. И. Рикорда с мая 1817 г. по ноябрь 1822 г. Ему пришлось принять энергичные меры по предотвращению голода из-за недолова рыбы в 1816—1818 гг. и в 1820 г. Большое количество казённого продовольствия было роздано камчадалам бесплатно или продано по умеренным ценам. У коряков приобретались стада оленей, которых распределяли по камчадальским селениям. Рикорд посетил их почти все, прекрасно знал нужды жителей. Он открыл больницы в Мильково и Тигиле на тридцать мест каждая. При нём состоялась перепись населения, по которой значилось камчадалов в сорока девяти селениях 2 758, 599 «сидячих» коряков и 67 курильцев, то есть всего 3 424 человека. Русских в тринадцати селениях проживало 1 346. В 1820—1821 гг. в районе Тигиля обосновались 349 оленных коряков, пришедших из-под Гижиги.

В 1817 г. П. И. Рикорд основал ремесленную школу и в 1820 г. духовное училище. Он привёз с собой шесть якутских ремесленников, а в 1822 г. новый сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский отправил на Камчатку ещё двадцать два мастеровых, которые обслуживали нужды населения и преподавали в ремесленной школе, где готовили столяров, плотников и слесарей.

Для укрепления обороны порта были построены три батареи, вооружённые тридцатью семью орудиями.

Рикорд пытался завести торговлю с иностранцами и организовать китобойный промысел. Но комитет министров отклонил его предложения, поручив заниматься этим РАК, которая не была заинтересована ни в том, ни в другом. В конце 1821 г. по настойчивой просьбе Рикорда Александр I разрешил поставку товаров иностранными торговцами, что оказалось значительно дешевле поставок РАК. Китобойный промысел у берегов Камчатки компания наладить так и не смогла, и его взяли в свои руки американцы:

в 1830—1850-е гг. у побережья Камчатки промышляли до пятисот китобойных судов.

П. И. Рикорд разработал проект преобразования Петропавловска в «настоящий порт», одобренный М. М. Сперанским и адмиралтейством, но не всё успел сделать из-за недостатка строительных материалов. Проект предусматривал возведение комплекса сооружений — мастерских, сараев для зимовки гребных судов, причалов. Был построен лазарет для экипажной роты.

П. И. Рикорд заботился о развитии огородничества и животноводства, выписывал из Москвы семена овощей и бесплатно раздавал их жителям. Чтобы стимулировать огородничество, устраивал выставки овощей и награждал лучших огородников подарками. Во многих селениях стали выращивать капусту, картофель, репу, морковь и другие овощи, а в Верхнекамчатске и огурцы. Московское общество сельского хозяйства избрало Рикорда членом-корреспондентом.

В октябре 1821 г. Рикорд организовал торжественное празднование в честь столетия «Морского устава», в котором приняли участие моряки нескольких судов, в том числе двух иностранных — португальского и с Сандвичевых (Гавайских) островов — и два русских шлюпа, совершавших кругосветное плавание: «Открытие» и «Благонамеренный». Моряки русских кораблей по предложению П. И. Рикорда организовали сбор средств на памятник основателю Петропавловска Витусу Берингу.

В 1822 г. по представлению Рикорда Петропавловск возведён в ранг города, а полуостров по реформе Сперанского от 22 июня 1822 г. под названием «Камчатское приморское управление» вошла в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства.

Результаты деятельности Рикорда видны из следующего описания, данного капитан-лейтенантом А. Лазаревым, командиром шлюпа «Ладога», совершившим кругосветное плавание и побывавшим в Петропавловске в 1823 г.: «Разных родов картофель, репу, морковь, огурцы, частию капусту и даже салат мы имели до самого отбытия. Скотоводство, состоящее в одном рогатом скоте, также довольно значительно, в гавани нет обывателя, который бы не имел хотя одной коровы... 1-го октября... я имел удовольствие видеть полезный обряд, установленный П. И. Рикордом: все женщины по совершенствованию молебствия приносят богатства своих огородов в дом... начальника, который угощает всех по здешнему обыкновению чаем, осведомляется о произведениях и различает успехи хозяйства, нерадивых исправляет, объясняя какой вред

происходит от лености, доказывает всю пользу, проистекающую от трудолюбия, которое тут же и при всех награждается выдачею разных подарков, как-то платков и других нужных для дома вещей, сие ободрение приметно умножило количество огородных овощей в Камчатке.

Несмотря на малочисленность работников и трудность доставления леса... строение Петропавловской гавани приумножено; ныне казённых домов девять... Всего же вообще... сто шестнадцать разных строений.

...Трёхгодичные труды духовного училища... утвердили начало просвещения... Ремесленная школа сообщением народу разных рукоделий, улучшив образ его жизни, извлекла из прежнего неведения о собственных выгодах» [13, с. 212—214].

Сам П. И. Рикорд так писал о своей деятельности: «В сих попечениях о благе несчастных жителей Камчатки я нахожу всё удовольствие, всю награду за то пожертвование, каковое делает европеец, переселяясь на край Северной Азии». Ещё в первое своё пребывание на Камчатке в 1809—1814 гг. Рикорд написал о ней замечательные слова: «Статься может, что сей край, прославленный в странноприимстве сопутниками бессмертного Кука и несчастного Лаперуза, со временем по выгодному своему для коммерции географическому положению сделается более известным соседственным азиатским народам и будет посещаем мореплавателями из отдалённых стран. Тогда, может быть, примерное бедствие наших соотечественников и чудесное избавление от оного займёт внимание просвещённого наблюдателя хода человеческих дел и несчастий» [15, с. 445].

Вот этому делу избавления соотечественников от бедствий он и служил на Камчатке, память о которой сохранял всю жизнь. Свой загородный дом в Петербурге он назвал «Камчатка», там часто собирались его друзья — мореплаватели, бывавшие на полуострове. «Он говорил, — пишет один из них, — что если умрёт в Петербурге, то завещает его сердце послать в Камчатку».

Незаурядность этого человека проявилась и в послекамчатский период его жизни. Он стал адмиралом, академиком Петербургской Академии наук, одним из основателей и первым вице-президентом Императорского Географического общества, членом многих научных обществ. В знак признания его заслуг в освобождении от турецкого ига греческие патриоты приглашали его стать президентом Греции.

В ноябре 1822 г. Рикорда сменил капитан 2-го ранга Станицкий, остававшийся в этой должности до 28 сентября 1828 г., то есть

почти шесть лет. Указом Николая I ему повелевалось «при управлении Камчаткою соображаться правилами флота капитана Рикорда и воздерживаться от всяких перемен». То есть, по мнению императора, Рикорд предусмотрел все нужды края, и его преемнику не требовалось вводить никаких новшеств.

28 сентября 1828 г. должность начальника Камчатского приморского управления принял капитан 2-го ранга Голенищев, некогда бывший помощником у Рикорда. Ему удалось добиться разрешения на постройку ещё трёх больниц, кроме Мильковской и Тигильской, и на проведение ряда мер, облегчивших положение камчадалов.

Голенищев пробыл в должности начальника более семи лет. 11 октября 1835 г. его сменил заносчивый и строптивый офицер — капитан 1-го ранга Шахов. Но по многочисленным жалобам его сменили, а временно исполнять обязанности начальника назначили капитан-лейтенанта Шишмарёва.

Через год, 7 октября 1840 г. последнего сменил капитан 2-го ранга Страннолюбский, много сделавший для развития на Камчатке огородничества и скотоводства. При нём поголовье скота достигло 1 564 голов, а лошадей — 289. Он ввёл обязательную прививку оспы всем детям, организовал доставку морем строевого леса из долины реки Камчатки в Петропавловск, так как постройки из местного тополя и ветлы оказались недолговечными.

21 августа 1845 г. прибыл последний начальник Камчатского приморского управления — капитан 2-го ранга Машин. Он добился устройства в Петропавловске маяка с настоящим осветительным аппаратом, доставленным из Кронштадта. Раньше маяками служили большие костры. Машин получил разрешение построить школы для детей камчадалов в нескольких селениях, но смог открыть её лишь в Мильковском селении, где в 1847 г. обучались двадцать три мальчика в возрасте от восьми до пятнадцати лет.

При Машине в августе 1849 г. Петропавловск посетил генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв. Он первым из иркутских губернаторов совершил такое дальнее путешествие, побывав в Охотске, Аяне и Петропавловске. В результате этой поездки было принято решение о переносе главного российского порта на Тихом океане из Охотска в Петропавловск.

Н. Н. Муравьёв писал: «Камчатка представляет все условия, необходимые для увеличения народонаселения и для распространения хлебопашества и скотоводства в такой степени, что и десять тысяч человек служащих будут иметь местное продовольствие,

а снабжение порта всеми потребностями будет продолжаться из Якутска без всяких новых расходов. Ижигинский округ может быть причислен к камчатскому управлению, но вместе с этими изменениями управление Камчаткой должно быть возвышено, и назначен туда военный губернатор из морских офицеров, подчинённый прямо генерал-губернатору, а не иркутскому губернатору, как ныне» [19, с. 105].

Это предложение Н. Н. Муравьёва легло в основу указа императора Николая I от 2 декабря 1849 г.: «1. Из частей, подведомственных Камчатскому приморскому управлению, и Ижигинского округа, состоящих в ведомстве Охотского приморского управления, образовать особую область, которой именоваться Камчатской областью. 2. Управление этой областью по всем вообще частям вверить военному губернатору, назначаемому из чинов морского ведомства, которого и подчинить непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири 3. ...находящийся же в Охотске окружной суд перевести в Камчатку» [13, с. 235].

15 февраля 1850 г. Николай I назначил камчатским военным губернатором и командиром Петропавловского порта капитана 1-го ранга В. С. Завойко, который по вступлении в должность был произведён в генерал-майоры, а потом переименован в контр-адмиралы.

В управление Камчатской областью В. С. Завойко вступил 5 августа 1850 г. В области имелись два округа: Петропавловский (в состав которого вошли Курильские острова) и Ижигинский. В селениях назначались волостные и сельские, а в кочевьях инородцев — родовые старшины.

Штат области составляли: помощник губернатора, правитель канцелярии, два чиновника особых поручений, инспектор по медицинской части, он же главный лекарь морского ведомства, и его помощник, землемер, горный чиновник и адъютант.

22 июня 1851 г. указом Николая I был утверждён герб Камчатской области: в серебряном поле щита изображены три вулкана, щит увенчан золотой императорской короной.

Первые два года основная деятельность В. С. Завойко была связана со строительством для принятия перевозимой из Охотска военной команды. Были возведены несколько казарм для солдат и флигелей для офицеров, склады для имущества, организована постройка судов в Петропавловске и устье реки Камчатки. На Камчатку прибывали военные суда из Кронштдта для крейсирования вдоль российского побережья на Тихом океане. В их числе

летом 1854 г. пришёл и фрегат «Аврора», сыгравший важнейшую роль в отражении англо-французского десанта в августе 1854 г.

В 1852 г. предпринималась попытка организации крупной экспедиции для исследования Камчатки, Чукотки, Курильских и Алеутских островов, но её отменили из-за трудностей снабжения. В 1851 г. на Камчатку был командирован горный чиновник К. Дитмар, который пробыл здесь четыре года и составил геологическую карту. Он обнаружил месторождения серы, меди, пемзы, угля.

В 1853 г., завершив основные работы по укреплению Петропавловского порта, Завойко объехал практически все селения Петропавловского и Гижигинского округов, много сделав для облегчения жизни коренного населения. Он уделял внимание развитию огородничества, хлебопашества, скотоводства. Учредил ярмарочную торговлю пушниной под надзором чиновников, дабы исключить обман аборигенов торговцами при меновой торговле, обязал каждую семью выращивать до десяти пудов картофеля, обратил внимание на развитие ремёсел, ввёл копчение заготовленной рыбы вместо простого вяления и многое другое. В 1853 г. на Камчатку были переселены двадцать пять семейств русских крестьян. В селениях открылись временные больницы, в которые посылались медики из Петропавловска. За два года они вылечили пятьсот шестьдесят больных.

Завойко основал в Петропавловске морское училище и вёл переписку с Иркутском об открытии общеобразовательной школы.

Его деятельность по обустройству жизни на полуострове была прервана нападением англо-французской эскадры в августе 1854 г. После его успешного отражения Завойко вновь начал укреплять порт. Но 3 марта 1855 г. прибыло распоряжение Н. Н. Муравьёва о переводе всех гражданских и военных учреждений в Николаевск-на-Амуре. 6 апреля 1855 г. эскадра из шести судов вышла из Авачинской губы.

Приморско-Камчатский период (1856—1917 гг.)

После эвакуации гарнизона и администрации в устье Амура развитие Камчатки замерло почти на полвека. Время до конца XIX в. принято называть «тихими годами».

31 октября 1856 г. Камчатскую область официально ликвидировали. Вместо неё был образован Петропавловский округ в составе вновь созданной Приморской области. Администрацию округа теперь составляли довольно часто менявшиеся исправник с по-

мощником и офицер, заведовавший портом. После бурного развития порта в 1850—1854 гг. и ожидания больших перемен в жизни края наступило затишье.

Камчатка оказалась на периферии российской жизни и в связи с продажей Русской Америки и передачей Курильских островов Японии. С открытием Суэцкого канала начал быстро расти Владивостокский порт. С 1881 г. началось регулярное пароходное сообщение Одессы с Владивостоком. Власти уделяли много внимания освоению и заселению Приморья и Приамурья, там росли города, развивалась промышленность, а в 1890-е гг. началось строительство железных дорог.

Из событий второй половины XIX в. на Камчатке заслуживает внимания деятельность Бенедикта Дыбовского, работавшего в 1879—1883 гг. окружным врачом в Петропавловске. Он объездил весь полуостров как врач и много сделал для облегчения положения коренного населения. Дыбовский за свой счёт купил у быстринских эвенов небольшое стадо оленей и доставил его на Командорские острова, где оно размножилось. Он изучал флору и фауну Камчатки, собрал богатую коллекцию предметов быта коренных жителей, сделал много ценных фотографий. После отъезда с Камчатки в 1883 г. он устроил выставки привезённых с Камчатки экспонатов в городах Европы, многие его коллекции и сейчас хранятся в ряде музеев.

В связи с началом строительства железных дорог на Дальнем Востоке правительство организовало ряд исследований природных богатств края. На Камчатке в 1895—1897 гг. работала Охотско-Камчатская горная экспедиция под руководством горного инженера К. И. Богдановича, проведшая комплексное исследование богатств Камчатки и перспектив их использования.

В 1896 г. на Камчатке зародилась рыбная промышленность. Но развивалась она очень медленно, в первую очередь из-за отсутствия свободных рабочих рук. В 1901 г. в Тарьинской бухте близ Петропавловска был построен первый рыбоконсервный завод. По переписи 1897 г. в Петропавловском округе проживало 8 365 человек. Местное население занималось своими промыслами, привлечь его к работе на рыбалках было невозможно, там трудились в основном японцы.

В мае 1897 г. в Петропавловске отмечалось двухсотлетие присоединения Камчатки к России. На торжество прибыл приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской. Но и после этого в жизни полуострова не произошло никаких перемен.

Они начались лишь после русско-японской войны 1904—1905 гг. Камчатку отделяли от японских владений лишь двенадцать километров Первого Курильского пролива. С 1880-х гг. японцы безнаказанно вели хищнический лов лосося в реках западного побережья полуострова. Во время войны они высадили на Камчатке десятки вооружённых десантов с целью захвата беззащитной русской окраины — здесь не было ни одного солдата. Жители создали добровольные боевые дружины и отразили нападение врага.

После войны, в соответствии с Портсмутским мирным договором, Россия и Япония подписали в 1907 г. рыболовную конвенцию. По ней японцы получили право арендовать на равных правах с русско-подданными рыболовные участки на российском побережье. В устье каждой камчатской речки появились японские рыбалки, тысячи японских рабочих с весны и до поздней осени работали на неводах, заготавливали и вывозили на своих пароходах камчатскую рыбу. Возникла угроза мирной аннексии Японией Камчатки, так как летом японцев на полуострове было больше, чем российских граждан. Этого не могли не видеть и власти.

Одним из первых стал бить тревогу приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, посещавший Камчатку в начале 1890-х гг., будучи ещё военным губернатором Приморской области. В марте 1908 г. он направил правительству секретный доклад «Ближайшие задачи в деле закрепления за нами Приамурского края». Там, в частности, говорилось: «Для ограждения северных окраин, на первой очереди Камчатки, от мирного захвата иностранцами, преимущественно японцами, необходимо настойчиво заняться заселением этих районов русскими... Теперь на Камчатку надвигается стихийно толпа японских рыбопромышленников... они входят в общение с местными жителями с целью подчинить их своему экономическому влиянию, последствием которого неминуемо окажется разорение богатств, служащих основой питания тех же жителей. При таких условиях оставлять эту окраину в зависимости от удалённого Владивостока нельзя, и её нужно выделить вместе с остальными северными уездами *в отдельную область с губернатором во главе*, обеспечив при этом областную администрацию как надёжными средствами надзора, так равно и передвижения. Без этого неминуемо чрез относительно короткий промежуток времени японцы сделаются хозяевами Камчатки... Вместе с тем необходимо связать наши северные округи телеграфом с центральными учреждениями края и прибегнуть к постройке беспроволочного телеграфа...» [14, с. 128].

Об этом же говорил 31 марта 1908 г. в Государственной Думе премьер-министр России П. А. Столыпин: «На нашей далёкой окраине — на Камчатке и на побережье Охотского моря уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. Для того чтобы обнять этот вопрос не только с технической, со стратегической точки зрения, но с более широкой общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение её» [14, с. 129].

Весной того же года на Камчатку отправился военный губернатор Приморской области В. Е. Флуг. Кстати, Флуг ещё в декабре 1906 г. первым поднял вопрос «о необходимости выделения северных уездов области в особую административную единицу с центром в Петропавловске». С этой целью он и прибыл на Камчатку в 1908 г.

Одновременно здесь начали работу две экспедиции: переселенческая и Русского Географического общества, организованная на средства известного миллионера-мецената П. Ф. Рябушинского. Обе имели сходную цель: определить возможности Камчатки в развитии экономики и масштабы переселения. Они действовали в 1908—1910 гг. Экспедицию Географического общества организовал и должен был возглавить знаменитый географ Ю. М. Шокальский, но болезнь не позволила ему принять участие в ней. В экспедиции трудились многие известные учёные: ботаник В. Л. Комаров (в 1936—1945 гг. — президент Академии наук СССР), зоологи П. Ю. Шмидт и В. Л. Бианки, геологи С. А. Конради, Н. П. Келль, Е. В. Круг, этнограф В. И. Иохельсон и другие. Она стала самой крупной и комплексной в истории Камчатки.

29 октября 1908 г. Министерство внутренних дел опубликовало проект «Об административном переустройстве Приморской области». 28 апреля 1909 г. Государственная Дума заслушала доклад комиссии по направлению законодательных предположений «Об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалин». В докладе говорилось: «Речь идёт собственно не об образовании Камчатской области, а о восстановлении некогда существовавшей особой административной единицы — Камчатской области... В настоящее время министр внутренних дел находит необходимым вновь восстановить Камчатскую область с губернским городом Петропавловском... В последнее время возникли такие чрезвычайные обстоятельства, что эта реформа представляется необходимой не только ради удобства управления... но ради соображений высшего порядка, высшего блага государства — незыблемости его границ, незыблемости его территории... Комиссия

признала необходимым... предоставить камчатскому губернатору права управляющего госимуществами на территории области и омывающих её водах... предоставить права попечителя учебного округа, права начальника почтово-телеграфного округа... право действовать в случаях чрезвычайных по своему усмотрению... Далее мы признаем необходимым устройство беспроволочного телеграфа между Николаевском и Петропавловском и далее до Чукотского полуострова... Мы говорим о принятии санитарных мер и об устройстве медицинской помощи в Камчатской области...» [13, с. 263—265].

17 июля 1909 г. было опубликовано «Временное положение об управлении Камчатской областью», в котором говорилось: «1. Камчатская область состоит из уездов: Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского, Чукотского и Командорских островов. 2. Камчатская область входит в состав Приамурского генерал-губернаторства... 3. Главное управление областью принадлежит приамурскому генерал-губернатору, а местное — губернатору. 4. Местопребывание губернатора есть город Петропавловск. 5. При губернаторе по областному управлению состоят: вице-губернатор, врачебный инспектор (он же старший врач Петропавловской лечебницы), ветеринарный инспектор, областной инженер, чиновники особых поручений и канцелярия по штату...» [13, с. 265—266].

Первым камчатским губернатором П. Ф. Унтербергер предложил назначить начальника своей канцелярии сорокатрёхлетнего Василия Власьевича Перфильева, потомка известного землепроходца — основателя Братского острога Максима Перфильева. В. В. Перфильев вошёл в историю Камчатки как один из самых энергичных её руководителей, талантливый администратор, буквально на пустом месте создавший областные учреждения. Он был выпускником Харьковского университета, кандидатом физико-математических наук, позднее окончил курсы при Военно-медицинской академии, где получил звание военного лекаря. В 1893 г. был направлен в Хабаровск, где прошёл путь от рядового врача до начальника больницы. Унтербергер взял его в свою канцелярию, которую он вскоре возглавил.

22 июля 1909 г. император Николай II назначил Перфильева, но не губернатором, а «исполняющим должность камчатского губернатора». Уже 16 августа Перфильев прибыл в Петропавловск. Здесь сразу же развернулось бурное строительство. С губернатором приехало много чиновников, которым требовались административные помещения и жильё. На строительстве трудились около трёхсот китайцев и корейцев. В первый же год сумели сделать

очень много. Двухклассное училище было преобразовано в четырёхклассное. Штат больницы пополнился фельдшерами и медсёстрами.

В 1910 г. инженер И. С. Багинов построил радиостанцию. В жизни полуострова произошла настоящая революция. Теперь новости поступали в тот же день. А ещё в 1904 г. весть о начавшейся войне с Японией пришла в Петропавловск только через три месяца. Началось строительство телеграфной линии на Большерецк и Тигиль, дороги до Большерецка, сооружались новые причалы, в городе появилось уличное освещение. В окрестностях Петропавловска заработала сельхозферма, из Владивостока завезли племенной скот, завели пчеловодство.

Прибывший в Петропавловск в 1910 г. П. Ф. Унтербергер остался доволен деятельностью В. В. Перфильева.

Перфильев побывал во многих селениях, организовал поездки известных врачей, сам, как врач, не отказывал в медицинской помощи и советах. Большую помощь Перфильеву в его деятельности оказывали: вице-губернатор Евгений Фёдорович фон Бодунген и областной инженер Константин Антонович Заранек. В обязанности областного инженера входил надзор за строительством в Петропавловске, за казёнными зданиями в северных уездах, производство дорожных работ. По проекту Заранека построены памятник «Часовня» на братской могиле павших в 1854 г. и здание театра. Горный инженер Сергей Дорофеевич Оводенко по поручению Перфильева собирал сведения о полезных ископаемых. Итогом его работы стала публикация в 1913 г. исследования «Горные богатства Камчатской области».

В 1910 г. местная интеллигенция положила начало областному научно-промышленному музею, разместившемуся в канцелярии губернатора (ныне Камчатский краевой объединённый музей. — *Ред.*). Началось сооружение первой сейсмической станции.

В 1911 г. прибыла паровая яхта «Адмирал Завойко», предназначенная для администрации области. «Судно для плавания во льдах имело укреплённый нос и утолщённую обшивку в носовой части... две мачты со вспомогательной наружностью, три гребных шлюпки, один моторный катер, был установлен беспроволочный телеграф, а также артиллерийское снаряжение — две 57-миллиметровые пушки и два пулемёта» [2, с. 186]. «Адмирал Завойко» вместе с канонерской лодкой «Манджур» и военным судном «Колыма» охранял побережья области, надзирал за рыбным, котиковым и бобровым промыслами.

Перфильеву пришлось создавать всё заново. О том, что представлял собой Петропавловск до него, можно судить по словам приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского, посетившего город в мае 1897 г. по случаю двухсотлетия присоединения Камчатки к России. Он писал: «Теперешний Петропавловск — небольшая группа потемневших, со следами разрушения домов, ничтожное число, менее четырёхсот жителей, живущих особою, до крайности суженною в своих интересах жизнью, — вот что осталось от областного центра и морского порта Петропавловска» [2, с. 170].

В годы правления Перфильева Петропавловск преобразился. В 1909—1912 гг. было построено двадцать два здания. Перфильев писал в своём отчёте: «Из них под квартиры областных чинов всех ведомств занято двенадцать домов, под почтово-телеграфные учреждения — два дома, затем под канцелярию губернатора с музеем, под казначейство со сберкассой, под арестное помещение, больницу, под интернат для учащихся городского училища и под квартиры учителей» [2, с. 175].

Представление о том, что представляла собой Камчатская область при губернаторе Перфильеве, можно получить из первой напечатанной на полуострове в типографии М. М. Пономарёва книги — «Обзор Камчатской области за 1912 г.». Вот выдержки из неё: «...ко времени составления настоящего обзора Камчатская область существует пятый год. Несмотря на это, обзора её до настоящего времени не составлялось...

Область делится на шесть уездов... Уезды подчинены начальникам уездов, в Петропавловском и Охотском уездах имеются приставы, в первом уезде — три и во втором — один...

В городе Петропавловске имеется прокурор, два товарища (заместителя. — *Ред.*) прокурора, четыре участковых мировых судьи, они же исполняют и обязанности судебных следователей...

Во всей Камчатской области имеется лишь одно казначейство в городе Петропавловске, в прочих же уездах учреждение это заменяют кассы специальных сборщиков, установленных в каждом уездном правлении, кроме Чукотского.

В городе Петропавловске находится камчатская пешая жандармская команда, подчинённая в полицейском отношении камчатскому губернатору, а в строевом, хозяйственном и инспекторском отношениях — начальнику жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги...

Население. Численность населения Камчатской области на 1 января 1913 г. определяется в 34 492 душ обоего пола... На одну

квадратную версту в ней всего 0,03 человека. В Петропавловске 1 690 жителей, из них 595 женщин.

Общественное благоустройство. Города Камчатской области Петропавловск и Охотск общественного самоуправления не имеют и по своему благоустройству стоят очень низко. Более или менее имеет вид небольшого городка Петропавловск, в котором, благодаря заботам областной администрации, появилось керосино-калильное освещение улиц, телефон между казёнными учреждениями и т. п. До этого же город Петропавловск, а Охотск в настоящее время, ничем не отличаются по своему виду от селений области...

В 1912 г. главные порты области посетило следующее количество пароходов: город Петропавловск — 61. Город Петропавловск и Гижига, и пост Ново-Мариинск Анадырского уезда сообщаются посредством беспроволочного телеграфа...

Медицинская часть. В городе Петропавловске врачей — двое, фельдшеров — двое, повивальных бабок — одна, сестёр милосердия — четверо...

Народное образование. В городе Петропавловске одно городское четырёхклассное учебное заведение... Кроме того, в отчётном году в Петропавловске были открыты педагогические двухгодичные курсы при городском училище...» [13, с. 272—274].

Интенсивная работа по управлению огромным краем подорвала здоровье В. В. Перфильева, в апреле 1912 г. подавшего прошение об отставке. В 1915 г. в возрасте сорока девяти лет он скончался в Подмосковье в городе Солнечногорске.

18 июня 1912 г. был назначен новый губернатор — саратовский помещик, до того бывший вице-губернатором Приморской области, а до 1910 г. — вологодским губернатором — Николай Владимирович Мономахов. Ему пришлось продолжать многое из того, что было задумано и начато его предшественником. При Мономахове продолжалось строительство, развивалась рыбная промышленность, начала работу первая типография, стала выходить первая газета — «Камчатский листок», прошли первые кинопоказы, было построено здание театра, где регулярно ставились любительские спектакли. В 1915 г. был достроен так называемый «Судейский городок» (ныне улица Красноармейская): здание Петропавловского окружного суда, квартиры служащих, арестная камера, квартиры для мировых судей.

Можно сказать, что с началом в 1914 г. Первой мировой войны развитие города и области замерло. Бурный рост города, имевший место при Перфильеве, прекратился, население даже сократилось.

Об этом можно судить по донесению Мономахова приамурскому генерал-губернатору Н. Л. Гондатти от 13 июня 1915 г.:

«По последней переписи в Петропавловске насчитывается около 1 189 человек жителей, из коих до четырёхсот человек составляют китайцы, корейцы и японцы и двести человек чиновников с их семействами. Коренное население весьма незначительное, так как таковое с новым укладом жизни, появившимся благодаря образованию губернаторства, учреждению окружного суда и приливу нового элемента людей, постепенно оставляет город Петропавловск и переселяется в ближайшие и дальние селения уезда. Занятия жителей составляет извозный промысел, торговля с уездом, рыболовство и ремесленный труд.

С апреля по ноябрь город Петропавловск имеет пароходное сообщение с городом Владивостоком и побережьем уезда посредством субсидируемых правительством пароходов Добровольного флота, предоставленного в 1915 г. в распоряжение парохода, а также приходящих для охраны побережья от хищников военных судов...

В городе имеется казённая больница, четырёхклассное высшее начальное училище, второклассная церковноприходская школа, окружный суд, мировой судья, местная пешая жандармская команда, часть камчатской казачьей команды и вольно-пожарное общество. Существует драматическое общество, владеющее казённым зданием... Гостиниц в городе нет...

На местное уездное полицейское управление возложена обязанность и городской полиции. Функции нижних чинов полиции выполняют городовые казаки камчатской местной команды, работа коих малопродуктивная...

Зданий в городе до двухсот, исключительно деревянных, улицы не замощены, тротуары из досок устроены только на главной улице. Освещается город довольно хорошо галкинскими фонарями, извозчиков в городе нет» [13, с. 282—283].

Так что по сравнению с 1912 г. в городе и области мало что изменилось. В таком состоянии Камчатская область встретила 1917 г. В ноябре 1916 г. губернатор Мономахов выехал «с последним пароходом в разрешённый министром внутренних дел шестимесячный отпуск. Пароход Добровольного флота “Индигирка”, как мы слышали, уходит из Петропавловска во Владивосток 20 ноября. Завтра в собрании драматического общества в семь часов вечера устраивается обед по случаю отъезда в отпуск его превосходительства камчатского губернатора» [24].

Теперь область возглавил вице-губернатор статский советник А. Г. Чаплинский. После Февральской революции его сместили, а руководство территорией перешло к выборному областному комитету. «Во вторник 4 июля ушёл из Петропавловска во Владивосток пароход Добровольного флота “Тверь”, на котором выехал в действующую армию бывший вице-губернатор А. Г. Чаплинский. С пароходом “Тверь” выехал бывший областной инженер И. С. Багинов» [25].

Началось «смутное время», когда власть до окончания гражданской войны на Дальнем Востоке менялась неоднократно, и развитие области вновь остановилось.

Тем не менее, восстановление Камчатской области и деятельность первых губернаторов оказали положительное влияние на развитие края. Был прерван длительный период застоя во всех сферах жизни. Петропавловск стал центром огромной территории площадью 1 млн 360 тыс. кв. км, что почти втрое больше современного Камчатского края. Перед Камчаткой открывались большие перспективы, она медленно поднималась из первобытного состояния. Появилась рыбная промышленность, развивался порт и морское транспортное обслуживание побережья Северо-Востока. Возникли первые признаки культурной жизни и технического прогресса.

Источники

1. *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. — Хабаровск, 1958.

2. *Витер И. В.* Петропавловск: начало века // Краеведческие записки. — Вып. 8. — Петропавловск-Камчатский, 1993.

3. *Головнин В. М.* Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку в 1807—1811 гг. — М., 1961.

4. Губернии Российской Империи. 1708—1917. — М., 2003.

5. Землепроходцы. — Петропавловск-Камчатский, 1994.

6. История Сибири с древнейших времён до наших дней. — Т. 2—3. — Л., 1968.

7. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — Т. 2. — Петропавловск-Камчатский, 1994.

8. *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». — Владивосток, 1976.

9. *Лазарев А. П.* Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренного» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819—1822 гг. — М., 1950.

10. *Маргаритов В.* Камчатка и её обитатели. — Хабаровск, 1899.

11. *Огрызко И. И.* Очерки сближения коренного и русского населения Камчатского края (конец XVII — начало XX века.). — Л., 1973.

12. *Окунь С. Б.* Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. — Л., 1935.

13. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994.

14. *Полевой Б. П.* Десять лет перед революцией. Из истории города Петропавловска-Камчатского // Камчатка. — Петропавловск-Камчатский, 1991.

15. *Рикорд П. И.* Записки флота капитана Рикорда // Головнин В. М. Записки флота капитана Головнина о приключении его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. — Хабаровск, 1972.

16. *Сафронов Ф. Г.* Охотско-Камчатский край (пути сообщения, население, снабжение и земледелие до революции). — Якутск, 1958.

17. *Сафронов Ф. Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII—XIX вв. — М., 1972.

18. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский, 2005.

19. Там же. Вып. 2. — Петропавловск-Камчатский, 2006.

20. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. В 2-х т. — СПб., 1900.

21. *Тюшов В. Н.* По западному берегу Камчатки. — СПб., 1906.

22. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сборник документов. — М., 1984.

23. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. — М., 1989.

24. Камчатский листок. — 1916. — 16 нояб.

25. Там же. 1917. — 7 июля.

РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О РЫБНЫХ БОГАТСТВАХ КАМЧАТКИ И ВОЗМОЖНОСТЯХ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Камчатка, окружённая морями и океаном, с множеством рек и озёр, издавна известна своими рыбными богатствами. В морях, омывающих полуостров, водится более пятисот видов рыб. В Беринговом их выявлено триста девяносто четыре вида, в Охотском — двести семьдесят, а сто двенадцать являются общими для обоих морей. В водах Тихого океана состав ещё разнообразнее [1]. Многие рыбы имеют промысловое значение. Из них, прежде всего, следует отметить все виды тихоокеанских лососей, сельдь, треску, минтай, навагу, камбалу, терпуг, корюшку, бычков, мойву, палтуса, морского окуня, макруруса и других.

Кажется, сама природа позаботилась о том, чтобы основой экономики Камчатки стало использование её рыбных богатств и вывоз

рыбопродукции в другие районы России и в зарубежные страны. Однако прошло два столетия, прежде чем созрели условия для зарождения на полуострове рыбной промышленности. Тысячелетия рыбные богатства использовались населением Камчатки только для собственных нужд. Как справедливо заметил исследователь природных ресурсов Дальнего Востока Н. В. Слюнин, у коренного населения «...для приготовления в запас... не было ни соли, ни посуды, ни умения посолки и копчения; приходилось довольствоваться или вялением рыбы на солнце или квашением в земле. Ясное дело, что о сбыте таких первобытных консервов не могло быть и речи...» [2]. Отсутствовали такие необходимые условия для возникновения рыбной промышленности, как наличие свободной рабочей силы, надёжных транспортных связей, отдалённость от внутренних районов России, изолированность, отсутствие интереса властей к судьбе Камчатки.

Зато с первых лет её освоения русскими людьми накапливались сведения о рыбных богатствах края, о видовом составе рыб, об их повадках и свойствах, об объёмах запасов, о возможностях их использования для поднятия благосостояния жителей полуострова. Интерес к рыбным богатствам края проявляли все его исследователи, землепроходцы, учёные, мореплаватели, начиная с В. Атласова, который в 1697 г. присоединил Камчатку к России.

Первые упоминания о камчатской рыбе встречаются во второй «скаске» Атласова, записанной в Москве 10 февраля 1701 г. «А рыба в тех реках в Камчатской земле морская, породою особая, походит одна на семгу, и летом красная, а величиною больше семги, а иноземцы её называют овечиной (речь идёт о чавыче, так как сидячие, то есть оседлые коряки называли чавычу «евочь». — *В. А.*). А иных рыб много — семь родов разных, а на русские рыбы не походят. И идёт той рыбы из моря по тем рекам гораздо много, и назад та рыба в море не возвращается, а помирает в тех реках и в заводях» [3].

Во время работы Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.) исследованием полуострова занимался академический отряд, в составе которого работали Степан Петрович Крашенинников (октябрь 1737 — июнь 1741 гг.), Георг Вильгельм Стеллер (сентябрь 1740 — август 1744 гг.), Алексей Петрович Горланов, Осип Аргунов и другие, собравшие энциклопедические сведения о природе Камчатки, хозяйстве и быте её коренных жителей. Крашенинников и Стеллер изложили собранные сведения в своих капитальных трудах под названием «Описание земли Камчатки».

Книга Крашенинникова вышла в Санкт-Петербурге в 1755 г., Стеллера — позднее в Германии.

К сожалению, труд Стеллера на русском языке до сих пор не издан (издан в Петропавловске в 1999 г. — *Ред.*) Напечатана его работа «Из Камчатки в Америку. Быт и нравы камчадалов в XVII веке», в которой имеется глава «Рыбная ловля и охота на Камчатке», где приводится краткая характеристика рыбных богатств полуострова. Крашенинников, который даёт основательное описание рыб полуострова, постоянно ссылается на Стеллера как более опытного исследователя. Хотя Стеллер занялся изучением Камчатки на три года позже Крашенинникова, начнём характеристику исследований рыбных богатств полуострова именно с него: «...во всём мире вряд ли можно указать страну с таким обилием великолепной и вкусной рыбы. Все рыбы Камчатки приплывают весной с моря и поднимаются вверх по течению рек в таком несметном количестве, что реки вздымаются и выступают из берегов... Если ударить копьём по воде, то редко не вытащишь рыбы. Медведи, собаки и другие животные пастью и лапами добывают рыбы больше, чем в других местах люди всеми своими рыболовными снарядами. Все эти рыбы принадлежат к семейству лососёвых, которые живут на Камчатке не более пяти-шести месяцев. Рыба зарождается и появляется на свет в реках, живёт в море и возвращается в реки, где и умирает. Они только раз мечут икру, зато в несметном количестве» [4].

Более полное описание рыбных богатств Камчатки даёт Крашенинников в «Описании земли Камчатки». В главе «О рыбах» подробно описаны все их основные виды, встречающиеся в камчатских водах. Крашенинников пишет: «Главное довольство камчатских жителей состоит в разных родах лососей... Все рыбы на Камчатке идут летом из моря в реки такими многочисленными рунами, что реки от того прибывают...

Все рыбы, которые там вверх по рекам ходят, лососья роду, и просто называются красными. Натура учинила в них такое различие, что на одной Камчатке почти не меньше родов находятся, сколько во всём свете описателями рыб примечено...

Во всех родах тамошних лососей сие достойно примечания, что они в реках и родятся и издыхают, а возрастают в море... Молодые весною всплывают в море, и, пробыв там... до совершенства своего возраста, на третий год в реки возвращаются для плодородия» [5].

«Каждый род рыбы ежегодно идёт по рекам в определённое время... так что камчадалы... месяцы свои теми именами назвали в которые, какую рыбу промышляют.

Чавыча, как большая и лучшая из всех тамошних рыб, так и первая идёт из моря... Величиною бывает аршина на полтора, а весом до полутретья пуда... Сия рыба идёт не во все реки... в одну Камчатку, да в Авачинскую губу... в Большую реку и в другие немногие... Затем идут красная (нярка), кета, горбуша, которой бывает несравненное против других рыб множество...» [6].

«Другая рыба называется красною, а по охотски нярка, величиною бывает в три четверти, а весом фунтов до пятнадцати... Из моря идёт во все реки как Восточного, так и Пенжинского моря превеликими рунами. Лов её бывает с начала июня до половины... Сия рыба идёт больше в те реки, которые из озёр текут...

Красная рыба в реках не живёт долго, но всеми мерами поспешает к озёрам; и медлит по глубоким местам до начала августа, потом к берегам их приближается, покушаясь войти в речки, которые текут в озёра, где их сетями, запорами и острогами промышляют.

Кета, или кайко, есть третий род рунной тамошней рыбы. Величиною побольше нярки... Она идёт во все реки, как из Пенжинского, так из Восточного моря. Начало лову её бывает в первых числах июля, а продолжается далее половины октября месяца...» [7].

«За кетою следует, а иногда и вместе с нею идёт горбуша, которой бывает несравненное против других рыб множество. Длиною она в полтора фута...

Последняя рыба, которая рунами идёт порядочно, называется белою (кижуч. — *В. А.*), для того, что она в воде серебряною кажется. Сия рыба величиною и видом от кеты мало разнствует... Она ходит токмо в те реки, которые из озёр текут, и для того около озёр и устьев впадающих в озёра речек до декабря промышляется...» [8].

«Семга рыба почитается за рунную же рыбу и поднимается вверх по рекам Компаковой и Брюмкиной, даже до Ичи...» [9].

«Есть ещё другие роды так называемой красной рыбы, которые идут в реки беспорядочно и, перезимовав в них, в море возвращаются. Господин Стеллер пишет, что они живут от четырёх до шести лет. Первый из помянутых родов... на Камчатке гольцами называется» [10].

«Другой род рыбы называется мыкызами (микижа. — *В. А.*). Величиною бывает она с нярку... До брусничнику так падка, что ежели оной растёт у берега, то она, выбрасываясь из воды, хватает и листья, и ягоды... Третий род называется кунжа. Длиной бывает она до трёх футов... В Камчатке её мало... чего ради и весьма высоко почитается.

Четвёртый род хариус... И о сих пишет господин Стеллер, что она идёт по рекам до их вскрытия...

Есть ещё малый род красной же рыбы...

Из мелких рыб принадлежат к камчатскому содержанию три рода корюхи, в том числе один род хагачь, другой инняха, а третий уйки называется. Хагачь есть здешняя настоящая корюха; инияха имеет от неё некоторую отмену и водится в озере Нерпичьем в превеликом множестве, которого, однако же, с уйками сравнить не можно, ибо их временем выкидывает из моря столько, что берега Восточного моря вёрст на сто в колено бывают ими покрыты» [11].

«Последняя рыба из касающихся до содержания тамошних жителей есть сельди, которые на Камчатке бельчучем и белою рыбкою называются. Они водятся в Восточном море... Из Восточного моря идут они в большие губы так густо, что из одной тони бочки четыре насолить можно. Видом они от голландских не разнствуют... В осень заходят они в великие озёра, и там плодятся и зимуют, а весною выплывают в море» [12].

Интересные сведения о сельди приводит другой участник Второй Камчатской экспедиции — лейтенант Свен Ваксель, который вместе со своим сыном Лоренцом плавал с Берингом на пакетботе «Св. Пётр» к берегам Америки, а в 1740—1741 гг. зимовал в Петропавловской гавани: «...самая первая рыба, которая приходит весной в громадных количествах, это сельдь. Как-то раз в Петропавловской гавани мы бросили сеть и не могли её вытащить обратно на берег. Пришлось подъехать на лодках и черпать из сети рыбу вёдрами. Я уверен, что за этот единственный завод сети, длиной приблизительно в двадцать пять сажен по обоим её крылам, мы выловили свыше пятисот бочек. По-видимому, это очень недурный сорт сельди, и я думаю, что если бы иметь на месте испанскую соль и засаливать ею эту сельдь, то она ничем не уступала бы голландской селёдке» [13].

С. П. Крашенинников подробно описывает все названные, а также и другие камчатские рыбы: акулы, скаты, угри, миноги, бычки, треску, рогатку, вахню, хахальму, морские налимы, терпуга, камбалу. «Но все помянутые рыбы или совсем презираются от жителей, или токмо в случаях нужды на пищу употребляются, или для собак запасаются» [14].

Таким образом, Крашенинников и его старший товарищ по академическому отряду Второй Камчатской экспедиции Стеллер дали обстоятельное описание рыбных богатств Камчатки. Лишь полтора столетия спустя мы находим подобное исследование рыбных

богатств полуострова в капитальных трудах Н. В. Слюнина «Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. Отчёт за 1892—1893 гг.», и «Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание», вышедших в Санкт-Петербурге в 1895 и 1900 г.

Ещё один участник Второй Камчатской экспедиции — сподвижник Беринга Алексей Иванович Чириков — уже после окончания экспедиции 18 июня 1746 г. подал рапорт в Адмиралтейств-коллегию, где пишет не столько о рыбных богатствах полуострова, сколько о рациональном их использовании: «...хотя в летнее время рыбы во всех камчатских реках гораздо много, и наловить её в короткое время можно многое число без всякого труда, но тамошние жители сберечь из неё для пропитания в зимние время довольного числа не умеют». А. И. Чириков предлагал учредить казённые рыбные промыслы в устьях рек Камчатки и Большой, присылать из Иркутска пеньку для изготовления прочных сетей и неводов (вместо крапивы), снабжать Камчатку солью из Охотска для засолки рыбы, а для длительного хранения вяленой, копчёной и солёной рыбы использовать ледники, «которых на Камчатке достаточно» [15].

В 1764—1770 гг. на Камчатке работала ещё одна крупная научная экспедиция — П. К. Креницына — М. Д. Левашова, но она собирала сведения о природе и жителях Алеутских островов и Аляски, хотя и базировалась в Нижнекамчатске.

В 1789—1791 гг. на Камчатке работал известный учёный, фактически руководитель Северо-Восточной секретной географической и астрономической экспедиции, будущий академик и адмирал Гавриил Андреевич Сарычев. В своём труде «Путешествие по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану» он приводит сведения о жизни и быте народов Камчатки, о рыбных богатствах и рыболовстве на полуострове. Г. А. Сарычев пишет о целесообразности промышленного использования рыбных богатств нашего края, о возможностях развития торговли с Китаем и Японией: «...изобилие рыбы в Камчатке может обращено быть... в немалую пользу сей торговле, ежели заготовлять рыбу надлежащим образом и отправлять её солёную и сушёную» [16].

В 1794—1796 гг. в ссылке на Камчатке находился участник польского восстания под руководством Т. Костюшко бригадный генерал Юзеф Копэть. Он в своём труде «Дневник путешествия Юзефа Копэтя через всю Азию» дал первое через полвека после С. П. Крашенинникова и Г. Стеллера капитальное описание природы

Камчатки, быта и хозяйства ительменов долины реки Камчатки, способов рыбной ловли и заготовки рыбы. Труд Ю. Копэтя на русском языке был издан в начале XIX в.

В 1804—1805 гг. на Камчатке бывал, изучал природу, жизнь и быт её обитателей руководитель первого русского кругосветного плавания Иван Фёдорович Крузенштерн. Он дал рекомендации по усовершенствованию управления краем и улучшению жизни его населения. Крузенштерн сообщает: «О рыбе и говорить нечего. Оной чрезвычайное изобилие. От мая до сентября не проходит почти ни одного месяца, чтобы не являлась рыба какого-либо нового рода. Форель и сельди вкусны отменно. Морских раков также весьма много» [17].

Свои заметки о богатствах полуострова, жизни и быте его населения оставил и второй кругосветный мореплаватель — Василий Михайлович Головнин, посещавший Камчатку в 1809—1814 гг. и в 1820 г.

В первой половине XIX в. на Камчатке побывали участники почти тридцати русских кругосветок, многие из которых характеризовали жизнь и быт местного населения, природные богатства края. Среди них П. И. Рикорд, О. Е. Коцебу, Ф. П. Литке, Ф. П. Врангель, Г. И. Невельской и другие.

В 1840-е гг. более двух лет на Камчатке проводил исследования препаратор Зоологического музея Академии наук Илья Гаврилович Вознесенский. Он описал некоторые породы камчатских рыб: красную, кижуча, горбушу, гольца, камбалу и прочие [18].

Интересные свидетельства оставили члены семьи губернатора Камчатки В. С. Завойко. В «Воспоминаниях о Камчатке и Амуре» его жена Юлия Завойко пишет о весне 1854 г.: «В эту весну улов селёдки был необыкновенный, вода в бухточке казалась серебристою от множества рыбы. Закинув невод, наполняли разом лодки две или три. Мелкая рыба, селёдка и корюшка — первая камчатская гостья; за ней из породы красной рыбы следует огромная и превосходная на вкус чавыча; потом несколько различных родов красной рыбы, схожей с лососиной и семгой, идут в необыкновенном количестве в продолжение всего лета, вплоть до осени» [19].

Сын В. С. Завойко Степан вспоминает: «В это озеро (Култучное. — *В. А.*) впадали несколько ручьёв, и мы с братом в них ловили форелей, по-камчатски “гольцы”... Ловили рукой, засучив рукава. Рыбы породы лососей в Камчатке было масса, ничего не стоили. В малой бухте под Никольской горой шла шириной сажени

четыре-пять низкая набережная из песка и мелкого камня. В этой набережной была заложена до воды большая яма, в которой и образовалось озерко... Каждый день утром матросы забрасывали невод и пойманных лососей бросали в это озерко, и кому нужна была рыба, тот приходил и брал её даром... Закинут невод и вытащат штук тысячу-поторы лососей, а если не поймают ни одной чавычи, говорят, не стоило ловить, а чавыча — это большая лососина аршина два длиной и более пуда весом» [20].

В 1851—1855 гг. по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьёва Камчатку изучал натуралист и геолог Карл Дитмар, который в своей книге «Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг.» привёл ценные сведения о хозяйстве и быте коренных жителей, природных богатствах края. Он обратил внимание на активность иностранных китобоев у берегов Камчатки, но лишь один китобой прибыл на Камчатку под русским флагом в 1852 г. — «Суоми», построенный в Финляндии акционерной компанией в городе Або (Турку). Дитмар предлагает «развить собственное судоходство, чтобы таким образом всё богатство северных морей не уходило в чуждые страны, а оставалось дома. Как легко было бы от доходов от китоловства, тюленьего боя и рыболовства привлекать на рынки Гонолулу, Шанхая и в Сан-Франсиско все необходимые для Камчатки товары и таким образом очень дёшево удовлетворять всевозможным потребностям населения...» [21].

В 1879—1883 гг. в должности окружного врача объехал полуостров и собрал сведения о природе, быте и хозяйственной деятельности населения Камчатки Бенедикт Дыбовский. Участник польского восстания 1863 г., он много лет провёл в ссылке в Сибири, где изучал местную флору и фауну. Работая на Камчатке, помимо выполнения прямых обязанностей, он вёл обширную научно-исследовательскую работу, в том числе изучал роль рыболовства в жизни коренного населения.

В 1892—1893 гг. природные богатства Камчатки и Командорских островов изучал Николай Васильевич Слюнин. Будучи врачом на военном транспорте «Якут», он по ходатайству Московского университета получил поручение Министерства государственных имуществ исследовать морскую фауну Берингова и Охотского морей. Н. В. Слюнин представил прекрасный отчёт о состоянии котикового, рыбного, китобойного и пушного промыслов, в котором отметил их исключительно хищнический характер и предложил установить за ними строгий надзор.

Он отмечал, что «ни в Камчатке, ни на Сахалине, ни в окрестностях Владивостока никакого организованного рыбного промысла нет, а есть только несметные богатства, которые или не эксплуатируются нами, или расхищаются иностранцами...» [22].

Н. В. Слюнин считал одним из условий экономического развития края изучение его богатств, но эксплуатация рыбных богатств Камчатки возможна уже при имеющихся о них сведениях. Требовались только энергичные и опытные предприниматели (которые появились в 1895 г. — году выхода книги Н. В. Слюнина). Пока же, пишет Слюнин, «для запасов рыбы, которой кишели все реки и речки Камчатки, он (камчадал. — *В. А.*) отправлялся на утлом, жалком бату, с сетью в три-четыре сажени в устье рек или просто перегораживал их узкое место кольями, таская крюком десятки тысяч жирных лососей в один день» [23].

В 1895—1898 гг. он снова изучал природные богатства Камчатки и Охотского края, будучи врачом Охотско-Камчатской горной экспедиции, организованной по инициативе министра финансов С. Ю. Витте в связи с началом строительства Транссибирской железной дороги. Руководил ей горный инженер К. И. Богданович, который писал, что Н. В. Слюнин был «в качестве врача и натуралиста экспедиции и в тоже время для изучения края в экономическом отношении по особому поручению от Министерства финансов» [24].

Итогом работы явился его энциклопедический двухтомный труд «Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание», включавший разнообразные сведения об истории и природе, занятиях местного населения и перспективах его развития. Проводя свои исследования, Н. В. Слюнин прошёл четыре с половиной тысячи вёрст по суше и три с половиной тысячи — морем. Особое внимание он уделил рыбным промыслам и рыбным богатствам Камчатки, дал свои предложения по их рациональному использованию. Слюнин описал распределение промысловых рыб в Беринговом и Охотском морях: «...лососёвые рыбы свойственны всему Охотско-Камчатскому побережью, хотя некоторые виды предпочитают те или другие реки... Уйки и корюха свойственны больше Охотскому морю, где их встречаются огромные массы; на восточном камчатском побережье их не промышляют; селёдочное руно проходит в... Авачинскую губу... Треска в Охотском море встречается на банках между селениями Явино и Большерецк, затем её много ловится около Командорских островов...» Далее Н. В. Слюнин рассматривает распределение других промысловых рыб [25].

Он даёт детальное описание сроков, способов и орудий лова камбалы, вахни, сельди, гольца, кунджи, хариуса, микижи, корюшки.

Настоящая рыбная страда, отмечает он, повсеместно открывается в начале июня с подходом лосося. «Из морских проходных рыб... встречаются... пять видов лососей, которые, зайдя в реки, после нерестования все погибают. Вот эти-то породы и служат главной основой пропитания: чавыча, красная, горбуша, хайко, или кета и кижуч. Главной промысловой рыбой южной Камчатки и реки Камчатки является чавыча... Заготовка её длится до начала июля... Не успела пройти чавыча, как показывается в конце мая на устьях красная; руном она идёт спустя две недели после чавычи и всегда от трёх до восьми дней... но зато постоянный ход продолжается до начала августа... Хайко и горбуша идут... вместе, с двадцатых чисел июня до конца августа; первая идёт только днём, останавливаясь на ночь... Немного позже показывается кижуч, и к 20 июля количество его достигает наибольшей цифры... Около начала сентября начинают возвращаться в реки гольцы... вместе с ними идут семга, кунджа и микижа. Ход этих рыб продолжается до наступления морозов» [26].

Н. В. Слюнин даёт некоторые практические рекомендации для будущих рыбопромышленников. «Здешняя морская фауна представляет много своеобразного и интересного в практическом отношении: 1) все лососёвые рыбы после нерестования погибают, и таким образом каждый экземпляр только раз в жизни мечет икру, 2) все они... быстро подвергаются порче на воздухе, отличаются нежным строением и очень чувствительны к реактивам разных солёных растворов. Последнее обстоятельство в особенности нужно иметь в виду при консервировании и посолке впрок. Наши четырёхлетние наблюдения показали, что европейские приёмы и способы приготовления консервов для здешней рыбы не годятся» [27].

Заслуги Н. В. Слюнина в исследование Камчатки можно сравнить лишь с вкладами С. П. Крашенинникова и Г. Стеллера. Их отметили при жизни: за работы 1892—1893 гг. его наградили орденом Св. Анны третьей степени, за экспедицию 1895—1898 гг. — орденом св. Станислава второй степени.

В эти же годы по Камчатке путешествовали окружной врач Владимир Николаевич Тюшов, В. Маргаритов, известный исследователь Северо-Востока, а затем начальник Петропавловского округа Антон Петрович Сильницкий. Они оставили интересные наблюдения о жизни и быте коренного населения: В. Н. Тюшов «По западному берегу Камчатки», В. Маргаритов «Камчатка и её

обитатели», А. П. Сильницкий «Поездка в Камчатку и на реку Анадырь», «Поездка в северные округи Приморской области».

В 1900—1901 гг. в составе Северо-Тихоокеанской экспедиции, организованной американскими учёными для сравнительного изучения культур коренного населения Северо-Восточной Сибири и северо-запада Северной Америки, на Камчатке работали учёные-этнографы Владимир Германович Богораз и Владимир Ильич Иохельсон.

В 1908—1909 гг. в экспедиции Русского географического общества, организованной Ф. П. Рябушинским, участвовал будущий президент Академии наук СССР биолог Владимир Леонтьевич Комаров, оставивший описание хозяйства, рыбного промысла, орудий и способов лова у коренных жителей полуострова в книге «Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг.».

В 1907 г. с исследовательской целью Камчатку посетил известный на Дальнем Востоке специалист рыбного хозяйства Г. А. Крамаренко. Он написал работу «Путешествие на Камчатку и обследование её в рыболовном отношении в 1907 г.».

Это далеко не полный перечень источников, дающих представление об исследовании рыбных богатств Камчатки на протяжении двухсот лет, которые привели к созданию ведущей отрасли экономики нашего края.

Источники

1. *Сметанин А. Н.* Природа Камчатки. — Владивосток, 1993. — С. 157.

2. *Слюнин Н. В.* Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. — СПб., 1895. — С. 2.

3. Землепроходцы. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 26.

4. *Стеллер Г. В.* Из Камчатки в Америку. Быт и нравы камчадалов в XVII в. — Л., 1927. — С. 26.

5. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — СПб. : Петропавловск-Камчатский, 1994. Т. 1. — С. 311—312.

6. Там же. С. 314—315.

7. Там же. С. 316—318.

8. Там же. С. 318—319.

9. Там же. С. 321.

10. Там же. С. 322—323.

11. Там же. С. 324—325.

12. Там же. С. 326.

13. *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. — М. : Л., 1940. — С. 111.

14. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — СПб. : Петропавловск-Камчатский, 1994. — Т. 1. — С. 307.

15. *Из рапорта А. И. Чирикова Адмиралтейств-коллегии.* Описание рыбных промыслов на Камчатке и предложения об улучшении жизни местного населения. 18 июня 1746 г. // Русская тихоокеанская эпопея. — Хабаровск, 1979.

16. *Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. — М., 1952. — С. 130.

17. *Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света... — Владивосток, 1976. — С. 279.

18. *Алексеев А. И.* Илья Гаврилович Вознесенский. — М., 1977. — С. 71.

19. *Завойко Ю.* Воспоминания о Камчатке и Амуре // Защитники отечества. — Петропавловск-Камчатский, 1989. — С. 101.

20. *Завойко В. С.* Воспоминания // Камчатка. — Петропавловск-Камчатский, 1993. — С. 108.

21. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. — Ч. 1. — СПб., 1901. — С. 192.

22. *Слюнин Н. В.* Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. Отчёт за 1892—1893 гг. — СПб., 1895. — С. 63.

23. Там же. С. 2.

24. *Алексеев А. И.* Сыны отважные России. — Магадан, 1970. — С. 279.

25. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. — СПб., 1900. — С. 335—338.

26. Там же. С. 543—545.

27. Там же. С. 340.

СПОСОБЫ ДОБЫЧИ И ОБРАБОТКИ РЫБЫ У КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАМЧАТКИ

Ко времени присоединения к России Камчатку населяли ительмены, жившие в центральной части полуострова, коряки — на севере, айны (курильцы) — на юге (впоследствии они покинули Камчатку).

У ительменов рыболовство составляло основную отрасль хозяйства, важную роль оно играло в хозяйстве коряков и курильцев. Первые исследователи жизни и быта коренного населения Камчатки отмечали, что основными объектами промысла являлись рыбы лососёвых пород. Об этом же говорят и данные археологов, исследовавших стоянку предков ительменов на Ушковском озере близ Козыревска. Они доказали, что место для стоянки было выбрано не случайно: на берегу нерестового озера, обильного рыбой и не замерзавшего зимой. Люди, жившие здесь, занимались рыболовством, охотой и собирательством. Найдены кости лососёвых и других рыб, а также изображение божества в виде рыбы.

Раскопки показывают, что у предков ительменов центральной Камчатки главным занятием было рыболовство, а у оседлых коряков на Севере полуострова — как морской зверобойный промысел, так и рыболовство. Способы рыбной ловли у оседлых коряков (нымылан) и у курильцев (айнов) сходны с ительменскими. Ительмены добывали рыбу сетями, сплетёнными из крапивных волокон, били её острогами, строили ловушки-запоры на реках. Каждая ительменская община жила на реке, владея рыболовными угодьями.

С. П. Крашенинников отмечал, что рыба у камчадалов «за хлеб их почесться может» [1]. Полтора века спустя В. Н. Тюшов также писал: «Главным занятием жителей... является рыболовство, так как рыба составляет существенную и единственную их пищу. Рыба у них поедается за завтраком, рыба идёт на обед, с рыбой пьётся чай, и рыба же составляет ужин» [2].

О роли рыбных промыслов для населения Камчатки Н. В. Слюнин пишет: «...для всего оседлого населения... лов рыбы служит единственным и исключительным источником существования. Рыбные промыслы жителей делятся на вспомогательные и основные; первые служат для временного продовольствия уже начинающего ранней весной голодать населения, а во время вторых всё внимание населения направлено к заготовке корма, как для себя, так и для собак» [3].

Рыболовный сезон имел свой календарь. С. П. Крашенинников отмечал, что камчадалы называли летние месяцы по породам рыб, шедших на нерест. Первым вылавливали гольца, когда в апреле-мае верховья рек очищались ото льда; в мае-июне — чавычу, в июне — корюшку, заходившую в реки; в июле начинался массовый лов горбуши; самые важные промысловые рыбы — кету и кижуч — ловили в августе-сентябре; в октябре-ноябре вновь заготавливали гольца. В некоторых местах, особенно у морского побережья, имел место и подлёдный лов.

Основными орудиями промысла лососёвых служили запоры и сети. Незначительное количество рыбы добывали острогой. В начале сезона, когда в реках ещё стояла большая вода, ительмены ловили рыбу сетями из крапивных нитей. В изготовлении сетей существовало разделение труда. Заготовкой и обработкой крапивы, скручиванием из её волокон нитей занимались женщины, а сети вязали пожилые мужчины. Инструментами при этом служили игла, мерка и вешалка, к которой прикрепляли сеть. Размеры иглы и мерки зависели от того, для какого вида рыбы изготовлялась сеть. Поплавки делали из дерева, а грузила — из камней.

В. Н. Тюшов так описывает процесс лова сетями: «В июне месяце... они по ночам промышляют рыбу — чавычу... которая первая поднимается из моря в вершины рек для метания икры... Ловят сетями, или, как они говорят, плавят рыбу, обыкновенно соединяясь в партии по четыре человека на два бота, и за одну ночь добывают (уплавляют) до двадцати — тридцати штук» [4].

Большую часть рыбы заготавливали с помощью запоров. Их устанавливали почти на каждой реке после спада большой воды и использовали с конца мая до поздней осени. Подготовка частей запора, их ремонт начинался обычно в апреле.

Ительмены строили несколько видов запоров, отличавшихся принципом действия, типом ловушки и объектом лова. Пользовались ими коллективно. В мелководье реку перекрывали изгородью, и от количества участников, строивших запор, зависело число устанавливаемых в центре ловушек. В одних видах запоров рыба, шедшая против течения, попадала в ловушку через оставленную щель, в других — сгонялась по течению неводом. В. Л. Комаров в начале XX в. встретил модернизированный тип запора, бытовавший только среди камчадалов и ставившийся на небольших реках: «Это — ящик во всю ширину реки, передняя и задняя стенки его закрыты решётками из прутьев, привязанными к поперечным брусьям, а по бокам устроено два помоста и около них паевые ящики. Рыба идёт по дну и, если нижняя решетка запора приподнята, подлезает под неё. Очутившись в запоре, рыба... останавливается, и когда её накопится много, то ловцы становятся на боковых площадках и крючками таскают рыбу из воды, бросая на помост, где её глушат и распределяют по паевым ящикам» [5].

Лов сельди или бельчучей, как её называли камчадалы, Крашенинников наблюдал на Вилючинском озере, отделявшемся от моря узкой косой и соединённым с ним протокой. Сельдь заходила в озеро осенью, штормы замывали протоку, которая вновь образовывалась в марте, когда от тающих снегов вода в озере начинала прибывать. «Сельди, желая тогда возвратиться в море, ежедневно приходят к истоку... и стоят тогда там до самого вечера... Камчадалы... делают в том месте прорубь и опускают невод, навешав в середине его сельдей несколько для приману, после того закрывают прорубь рогожами... а когда невод наполнится, вынимают невод с несказанным множеством рыбы, которую камчадалы, нанизав на лыка вязками, кладут на санки и отвозят в юрты» [6].

Летом сельдь ловили сетями на устьях рек и варили из неё жир, «который вареного из других рыб жиру несравненно лучше».

Из Нижнекамчатска такой жир развозили в другие камчадальские острожки, стоящие далеко от моря.

О способах заготовки рыбы впрок сообщают практически все исследователи Камчатки. Она производилась несколькими способами: вялением, квашением, замораживанием, солением и копчением. Эти способы практически не изменялись до начала XX в., и можно предположить, что они использовались и в глубокой древности.

Первые сведения о заготовке рыбы аборигенами Камчатки сообщает В. Атласов: «А питаются рыбой и зверем, а едят рыбу сырую, мёрзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землёю, эта рыба изноет, и тое рыбу, вынимая, кладут в колоды и наливают водою, и, разжегши каменья, кладут в те колоды, и воду нагревают, и ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадный дух, что русскому человеку по нужде терпеть мочно» [7].

Об этом же способе приготовления рыбы у курильцев упоминает и найденный Атласовым на Камчатке японец, который рассказал, что «товарищи-де ево два человека, живучи у курилов, померли, потому что они к их корму непривычны: кормятся де они, курилы, гнилою рыбою и кореньем» [8].

Г. В. Стеллер отмечал: «Самый обыкновенный, быстрейшим образом заготавливаемый и чаще всего встречающийся провиант, как для людей, так и для собак, состоит здесь из квашеной рыбы, называемой “кислой”» [9]. Для этого обычно в яму, обложенную травою, укладывали свежую рыбу. Сверху её накрывали слоем травы и затем засыпали землей. Квашеная рыба употреблялась в пищу вплоть до XX в., о чём сообщал В. Н. Тюшов. Позже она шла на корм собакам, а для себя приготавливали лишь квашеные рыбьи головы.

Крашенинников спустя сорок лет после Атласова пишет, что из лососей камчадалы делают «юколу, которую вместо хлеба употребляют, из них — порсу, из которой пекут пироги, оладьи, блины и караваи, из них жир варят, которым довольствуются вместо коровьего масла, из них делают клей на домовые нужды...» [10].

Юкола, то есть вяленая рыба, по словам Крашенинникова, «главная их пища, которую должно почесть за ржаной хлеб». Её «делают они из всех рыб лососья роду» [11]. Для приготовления юколы рыбу разделывали, отделяя мясистую часть от хребта. Затем её развешивали на сушила под открытым небом, через два-три дня вешали на жердях под крышей балагана на сквозняке, защитив от прямых солнечных лучей и дождя. Для отпугивания мух под

балаганом разводили костры-дымоходы. Более подробно описывает обработку лососёвых Крашенинников: «Каждую рыбу разнимают на шесть частей, бока с хвостов особливо вешают и сушат на воздухе, и сия сушёная рыба свойственно юколой называется; спинки и теши, или по их пупки, особливо готовят... Головы квасят в ямах, пока весь хрящ не покраснеет, и едят их... почитая за приятное кушанье, хотя вони от них терпеть почти не можно. Тело, которое по снятии боков остаётся на костях, особливо снимают и сушат вязками, которое в толчении употребляют, а кости на особливых же вязках сушат для содержания собак своих» [12].

Больше всего юколы готовили из кеты и кижуча. Чавыча, писал Крашенинников, «не столь густо идёт, как прочие, и для того нигде на Камчатке юколы из неё не делают, кроме самой реки Камчатки, однако и там чавычья юкола не ежедневно в пищу употребляется, но хранится по большей части для праздников и для угощения приятелей» [13].

Ительмены вялили мойву и корюшку, о чём сообщает Г. Стеллер. Мойву сушили под открытым небом прямо на песке или соломенных циновках. Крупную корюшку попарно вплетали в сухую траву и сушили в таких вязках. Поздней осенью и зимой рыбу замораживали.

Лососёвую икру ительмены приготовляли, как сообщает Крашенинников, тремя способами: «1) сушится на воздухе вязкой, 2) вынимается из перепонки... и наливается в стебли или дудки различных трав, а особливо сладкой травы (пучки. — *В. А.*), и у огня сушится, 3) делается прутьями, и в месте травяном сушится» [14]. Четвёртый способ приготовления икры встречался преимущественно у коряков: «Свежую икру кладут они в ямы, устланные травою и, закрыв травою и землею, квасят, и сия кислая икра почитается у них за такое же приятное кушанье, как у нас зернистая икра свежая. Но коряки квасят оную в мешках кожаных, а не в ямах» [15]. О применении сушёной икры Крашенинников пишет: «Никто не ходит на промысел или в дорогу без сухой икры как без надежного содержания. Буде у камчадала фунт икры, то он долго жить может без другой пищи...» [16].

Запасали ительмены и рыбий жир. Его вытапливали из рыб разных пород, вываривая в батах (лодках) с помощью раскалённых камней. Больше других ценился жир сельди.

С. П. Крашенинников описывает способ изготовления порсы, или чуприков: рыба разных пород высушивалась над очагом,

растиралась в порошок, сушилась на рогожах и укладывалась в плетёные из травы мешки [17].

Сто шестьдесят лет спустя после Крашенинникова подобный способ приготовления порсы описал Слюнин: «Порса есть порошок из рыбы, или рыбная мука. Она приготавливается или из юколы, которая, будучи высушена хорошо, растирается в порошок, и из варёной рыбы, которая потом подвяливается и окончательно в растёртом виде сушится на рогожах. В Камчатке рыба для порсы варится в солёной воде и не вполне и потом уже превращается в порошок. Хорошо просушенная, она долго сохраняется в оленьих сумках, изнутри обшитых березовой корой... и употребляется инородцами с примесью разных ягод, как-то: брусники, шикши, морошки, голубицы; всё это толкут в ступке и затем прибавляют какого-нибудь, чаще нерпичьего, жиру» [18].

Таким образом, на протяжении двухсот лет пребывания Камчатки в составе России примитивные способы добычи и обработки рыбы практически не менялись, едва позволяя местному населению заготавливать рыбу для собственных нужд. Только появление во второй половине XX в. в водах Камчатки иностранных браконьеров заставило российские власти обратить внимание на более рациональное использование рыбного богатства края.

Источники

1. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — СПб. : Петропавловск-Камчатский, 1994. — Т. 2. — С. 49.

2. История и культура ительменов: историко-этнографические очерки / Под ред. А. И. Крушанова. — Л., 1990. — С. 63—64.

3. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. — СПб., 1902. — С. 538.

4. История и культура ительменов... — Л., 1990. — С. 41.

5. *Комаров В. Л.* Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг. Избр. соч. — М. : Л., 1950. — Т. 6. — С. 416.

6. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — СПб. : Петропавловск-Камчатский, 1994. — Т. 1. — С. 327.

7. Землепроходцы. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 27.

8. Там же. С. 23.

9. История и культура ительменов... — Л., 1990. — С. 84.

10. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — СПб. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — Т. 1. — С. 310.

11. Там же. Т. 2. — С. 49.

12. Там же. С. 49—50.

13. Там же. С. 315.

14. Там же. С. 50.

15. Там же. С. 51.
16. Там же. С. 50.
17. Там же. С. 51.
18. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. — СПб., 1902. — С. 569.

ИНОСТРАННОЕ БРАКОНЬЕРСТВО В ВОДАХ КАМЧАТКИ в XIX— начале XX вв.

Русские землепроходцы, мореплаватели и исследователи в XVII—XVIII вв. открыли, изучили и описали богатства дальневосточных морей. С 1743 г. камчатские промышленники начали использовать их, ведя промысел морского зверя сначала на Командорских, затем на Алеутских и Курильских островах, островах Прибылова, Кадьяке и Ситке у берегов Аляски. Ко времени основания в 1799 г. РАК небольшие русские поселения существовали на многих из названных островов. Но это не решало проблемы охраны новых владений.

Императрица Екатерина II так и не дала согласия на прошение купцов Г. И. Шелихова и И. Л. Голикова предоставить их «Северо-Восточной компании» ряд привилегий и оказать ей военную помощь. «Торговать дело иное, завладевать дело другое» — писала Екатерина II, понимая сложность охраны этих далеких владений.

Впервые русские власти стали беспокоиться о судьбе своих тихоокеанских владений и необходимости их защиты ещё во время Второй Камчатской экспедиции. В одном из документов 1737 г. указывалось: «Единственно только нам и границам нашим на предыдущие времена необходимо потребную безопасность ищем и получить желаем, дабы не принужденными быть впредь на всякий час таки к оружию притекать, когда сим нашим беспокойным соседям охота придёт на наши границы нападение иметь» [1].

Интерес иностранных государств к русским открытиям на Тихом океане проявился сразу после Первой (1725—1730 гг.) и Второй (1733—1743 гг.) Камчатских экспедиций. Не случайно Екатерина II засекретила экспедиции П. К. Креницына — М. Д. Левашова (1764—1770 гг.) и И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева (1785—1793 гг.). Уже в 1735 г. в Париже вышла книга Ж. дю Альда о русских открытиях на северо-востоке Азии, воспроизводилась копия карты участника Первой Камчатской экспедиции П. Чаплина, составленной в 1729 г. На ней изображались Камчатка и Чукотка. В 1760-е гг. в Англии были опубликованы работы Г. Ф. Миллера об итогах Второй Камчатской экспедиции и книга Крашенинникова «Описание земли Камчатки».

После побега с Камчатки во Францию в 1771 г. М. Беневского русские власти стали опасаться нападения на полуостров французской эскадры, так как путь сюда стал известен иностранцам. Ещё более обеспокоили русские власти посещения российских тихоокеанских владений кораблями Дж. Кука в 1779 г. и Ж. Ф. Лаперуза в 1787 г.

В 1786 г. в Петропавловске появилось первое иностранное торговое судно — английский транспорт с товарами из Калькутты. Его заход был связан с тем, что участники экспедиции Кука смогли выгодно продать пушнину, приобретённую ими в северной части Тихого океана. Это вызвало интерес у других англичан, и в 1786 г. в Петропавловск отправилось коммерческое судно. Его посещал «отец» Русской Америки Г. И. Шелихов. Из Петропавловска это судно направилось на Командорские острова, рассчитывая на добычу котиков, и там разбилось.

Выгоды торговли пушниной пробудили интерес к ней у Джона Леонарда, участника экспедиции Кука. Он попытался организовать плавание к русским берегам на собственном судне, но оно оказалось непригодным. Тогда Леонард решил пробраться на Дальний Восток через Россию, достиг Якутска, но был задержан и выдворен из России по приказу Екатерины II.

В июне и июле 1789 г. в Петропавловске находилось английское торговое судно, принадлежащее Бароли. Но особенно сильную тревогу в Петропавловске вызвали слухи о готовящемся нападении на Камчатку английского пирата-капера Кокса, который во время русско-шведской войны 1790—1791 гг. поступил на шведскую службу и отправился в Тихий океан на судне «Меркурий». В связи с этим 28 февраля 1790 г. генерал-губернатор Восточной Сибири И. А. Пиль приказал командиру Петропавловского порта следить за тем, чтобы ни одно иностранное судно «не могло приставать к гавани до тех пор, покуда не изведается со стороны нашей, что сии иностранцы несут для нас». Для этого следовало высылать байдару, с коей «гораздо удобнее узнавать нашим служителям о состоянии их судов и о самых предприятиях оных». Пиль также приказывал «внимательно смотреть... на вид флагов... на себе имеющих, да самую национальность народа разбирать елико можно прилежнее, дабы иногда под видом почитаемых доброжелателей России не вкрались... незваные люди... которые давно уже силятся похищать сокровища, не им, но России принадлежащие». При попытке иностранцев действовать силой жители Петропавловска должны были оказывать отпор. Промышленным

людям следовало иметь при себе оружие, «дабы нигде капитану Коксу удачи не было, и чтоб надежда, которою он пытается в грабительстве, действительно не вмешалась по пределам, России подвластным» [2]. В Петропавловске возобновилось строительство земляных артиллерийских батарей. Позже решено было сформировать особый Камчатский полк, во главе которого был поставлен А. А. Сомов.

В 1807 г. Петропавловск посетил известный английский мореплаватель Арчибалд Кемпбелл.

В Европе внимательно следили за новыми русскими открытиями в Тихом океане. В 1774 г. там издали карту петербургского академика Я. Штелина, на которой были изображены открытые нашими промышленниками и мореходами Командорские, Курильские, Алеутские острова и побережье полуострова Аляски. Этой картой во время своего плавания в Арктику в 1778 г. пользовался Дж. Кук. При встрече на острове Уналашка в октябре 1778 г. с русским штурманом Г. Г. Измайловым Кук показал ему и его товарищам карту Штелина, на которой те указали ряд неточностей. Измайлов позволил Куку снять копии с двух своих карт. На первой были изображены Охотское море, Курильские острова и Камчатка, на второй — открытые русскими острова к востоку от Камчатки до Аляски [3].

В 1770-е гг. интерес к землям, открытым русскими на северо-западе Америки, стали проявлять испанцы, владевшие к тому времени Калифорнией.

Таким образом, о русских открытиях в северной части Тихого океана и о природных ресурсах тех мест иностранцам было хорошо известно к началу XIX в. К этому времени относятся и первые попытки браконьерского промысла китов и морского зверя в водах РАК. В 1811 г. поблизости от русских владений в устье реки Колумбия американский авантюрист Хант основал город Асторию (ныне штат Орегон), названный в честь американского мехоторговца Дж. Дж. Астора. Отсюда целые флотилии Ханта отправлялись на север для хищнического промысла. Уже в 1811—1813 гг. его суда били китов и морского зверя у острова Ситка в Аляскинском заливе и грозили взорвать столицу Русской Америки Ново-Архангельск [4].

Позднее, в 1818 г., американцы совместно с англичанами захватили побережье между 42° и 54°40' северной широты (побережье современной Канады и американского штата Вашингтон), вплотную приблизившись к русским владениям, что позволило

им впоследствии совершать активные набеги на российскую территорию.

Непосредственные попытки организации иностранного китобойного и рыбного промысла у берегов Камчатки связаны с именем американского коммерсанта Питера Добелла, впоследствии принявшего российское подданство и назначенного русским консулом в Манилу на Филиппинах. В августе 1812 г. Добелл привёл в Петропавловск два торговых судна, приобрёл здесь участок земли для строительства дома и склада для товаров. Добелл представил русским властям план развития торговых связей Камчатки со странами тихоокеанского бассейна. Он предлагал превратить Петропавловск в базу торговли пушниной на тихоокеанском севере и организовать здесь китобойный и рыбный промысел. Его план был поддержан русскими властями и одобрен императором Александром I.

Генерал-губернатор Восточной Сибири И. Б. Пестель писал, что лучшего места для китобойного промысла, чем Камчатка, нет. План Добелла горячо поддержал и начальник Камчатки в 1816—1822 гг. П. И. Рикорд: «Известно, что Камчатский полуостров чрезвычайно изобилует разного рода рыбою, которая могла бы служить продовольствием большому народонаселению, а не едва ныне обитаемой Камчатке. Такой большой избыток рыбы легко может быть обращён в меновой торг с Манилою, где на неё всегда бывает большое требование. Когда господин Добелл будет утверждён там консулом, тогда... станут приходить из Манилы суда для вымениваия на свои, полезные для жителей Камчатки произведения, рыбы; сверх того, около наших берегов находится множество китов, для ловли коих нет в Камчатке ни способов, ни людей. Для сей важной торговой отрасли господин Добелл... удобно может предложить... американским судам производить сию ловлю, а их обязать за это платить в казну известный по величине судна процент. Таким образом, без всяких со стороны нашего правительства пожертвований, Камчатка может по времени соделаться значущим торговым портом» [5].

Поначалу у плана Добелла не было противников. В 1815 г. по его приглашению в Петропавловск на китобойном бриге «Форстер» прибыл уже упоминавшийся крупнейший американский мехоторговец Дж. Дж. Астор. В 1818 г. пришли сразу три американских китобойных судна. Американцы намеревались создать здесь китоловную компанию. Это встревожило жившего в Петропавловске представителя РАК Николаева, доложившего о своих опасениях в Петербург. Правление РАК, поддержанное тогдаш-

ним генерал-губернатором Восточной Сибири М. М. Сперанским, добилось отклонения замысла американцев, учитывая невозможность надзора за деятельностью американской компании и возникшую возможность потерять Камчатку. Граф Я. О. Ламберт писал, что если бы мы утратили полуостров, то вскоре потеряли бы все земли к востоку от Байкала и Лены [6].

Вскоре, 4 (16) сентября 1821 г. был издан указ о введении «Правил плавания и приморских наших сношений вдоль берегов восточной Сибири, северо-западной Америки и островов Алеутских и Курильских и прочих». В этих правилах предусматривалось, что «производство торговли, китовой и рыбной ловли и всякой промышленности... предоставляется в пользование единственно русским подданным». В целях безопасности русских владений Петропавловск объявлялся портом, закрытым для иностранцев. Для борьбы с контрабандой и для защиты местного населения от грабежей и насилия американских пиратов решили ежегодно высылать в крейсерство один военный корабль [7]. Но крейсеры, нерегулярно посылаемые из Кронштадта, были слабо вооружены, не имели баз на побережье и не могли пресечь браконьерство в российских владениях.

Несмотря на запрет, иностранные торговые суда ежегодно посещали Петропавловск. В 1826 и 1827 г. сюда заходил английский военный шлюп «Блоссом» под командованием Фредерика Бичи. Англичане произвели гидрографическую съёмку Авачинской губы.

В 1837 г. Петропавловск посетил французский фрегат «Венус» капитана Дюптитуара. В 1833 г. начальник Камчатки капитан 1-го ранга Голенищев сообщал, что в Петропавловск зашла американская шхуна. Прибывший на ней Вильям Перс привёз прошение гражданина США Вильяма Френча об учреждении на Камчатке торговой конторы, имевшей право вывоза рыбы, которую он готов ловить и солить. Голенищев просил рассмотреть это предложение, так как со времени запрета иностранцам торговать и заниматься промыслами на Камчатке прошло более десяти лет. Прошение осталось без ответа [8].

Активность американских браконьеров у побережья Камчатки особенно усилилась в 40-е гг. XIX в. Начальник Камчатки капитан 2-го ранга Машин в 1847 г. доносил, что с 1845 г. Петропавловский порт стали посещать иностранные суда, которых в порту скапливалось одновременно до пятнадцати. Их команды выменивали у местных жителей ценные меха, вырубали леса, «заводя между собой драки и буйства», угрожали горожанам [9].

Одновременно китобои активизировались в Америке. Помимо хищнической охоты за китами, морским зверем и добычи рыбы, они грабили селенья, выменивали за спиртные напитки и безделушки дорогие меха, моржовую кость и другие ценности. Обычно проходили несколько китобойных шхун с тридцатью — тридцатью пятью членами экипажа. В 1847 г. начальник Камчатки Машин в целях безопасности населения вынужден был ввести новый порядок поведения иностранцев в Петропавловске [10].

О бесчинствах американских китобоев упоминают все русские мореплаватели и исследователи, посетившие в эти годы Камчатку (Невельский, Дитмар и другие). В 1849 г. в Петропавловск прибыл генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв. В письме министру внутренних дел Л. В. Петровскому он, в частности, отмечал: «Только два года, как китобои всею массою обратились в Охотское море, и ныне их там уже несколько сот судов, и будет ещё более в северной части этого моря. И таким образом в пять лет богатство это, нам принадлежащее, истребится без всякой пользы для России, доставив несколько сот миллионов предприимчивым людям всего света, исключая русских. (Всякое китобойное судно в Охотском море набирает на триста тысяч франков товару...) Я могу об этом судить по собственному моему взгляду на количество китов, здесь плавающих, а главное их гнездо в Пенжинской губе». Далее Муравьёв пишет, что нужно «Авачинскую губу укрепить, а без этого она будет игралищем самой незначительной враждебной эскадры. Там ныне уже были два английских военных судна в одно время, на них было двести человек экипажа (шлюп и шхуна, путешествующие под видом отыскивания Франклина). Лучшая карта этой губы составлена англичанином Бичем, я ею руководствовался в моих обозрениях и проверял её... Я много видел портов в России и Европе, но ничего подобного Авачинской губе не встречал; Англии стоит сделать умышленно двухнедельный разрыв с Россией, чтобы завладеть ею, и потом заключить мир, но уже Авачинской губы она нам не отдаст, и если б даже заплатила нам миллион фунтов за неё при заключении мира, то выручит его в самое которое время от китобойства в Охотском и Беринговом морях. Англия, разумеется, никого не пустит в эти моря бесплатно!» [11].

Рассуждения Н. Н. Муравьёва подтверждаются следующими цифрами. В 1849 г. в Охотском море под командой американского китобоя Ройса действовала флотилия из ста пятидесяти четырёх судов. Они добыли 206 850 бочек китового жира и 2 480 600 фунтов

китового уса. Только в Охотском море в тот год побывало двести пятьдесят иностранных китобойных судов, в 1850 г. — сто сорок четыре, в 1851 г. — сто сорок пять. Среднегодовой доход китобоев от охоты в русских водах составлял восемь миллионов долларов [12].

Китобои были вооружены до зубов. Например, шхуна «Марта» под командой Геджеса несла четыре шестифунтовых орудия, восьмифунтовую пушку и два фальконета. Команда имела солдатские ружья. В запасе у неё были карабины со штыками, пистонные винтовки, сабли и пики. Груз «Марты», предназначенный для торговли с чукчами, состоял из четырёх тысяч бутылок рома, двух тысяч четырёхсот фунтов табака и тысячи каменных свистулек [13]. Таким образом, они, помимо охоты за китами, собирались не только выгодно обменять эти товары, но и с помощью оружия грабить местное население. И это только одно судно из сотен.

Исследователь Камчатки Н. В. Слюнин писал: «С 1847 г. сразу начинается усиленный бой китов американскими шхунами. Целыми эскадрами они отправлялись из Нью-Бедфорда. По свидетельству американских арматоров, за четырнадцать лет (с 1847 до 1861 г.) ими вывезено китового жиру и уса на сто тридцать миллионов долларов... Это грандиозное хищничество сильно уменьшило количество китов, а частично и разогнало их» [14].

Несмотря на меры, предпринимавшиеся русскими властями по охране дальневосточных морей, положение не изменилось и в последующие годы. После некоторого спада китобойного промысла в 1870—1880-е гг. американцы возобновили его в 1888 г., добыв в русских водах Берингова и Охотского морей за год около двадцати тысяч баррелей китового жира и более трёхсот двадцати тысяч фунтов китового уса [15].

В 1870 г. русские власти заключили с американской компанией «Гутчисон, Коль и К°» договор сроком на двадцать лет на право промысла пушнины на Командорских островах и острове Тюленьем. За два десятилетия с 1871 по 1891 г. только на Командорских островах компания добыла 766 874 котика, 16 154 песца, 1 808 каланов (для сравнения: русские в середине XIX в. промышляли около четырёх тысяч котиков в год, то есть в десять раз меньше). Но помимо этой легальной добычи продолжалось и браконьерство. Например, в 1892 г. девяносто американских хищнических судов добыли в Беринговом море восемьдесят тысяч котиков, а в 1893 г. — сто две тысячи [16]. И это несмотря на то, что в Беринговом и Охотском морях в 1870—1890-е гг. несли дозорную службу

русские военные корабли: клиперы «Всадник», «Стрелок», «Разбойник», крейсеры «Африка», «Гайдамак» и другие.

Одновременно с хищническим истреблением китов и морского зверя с 1860 г. американцы, а после 1875 г., когда все Курильские острова перешли к Японии в обмен на Сахалин, и японцы начали расхищение рыбных богатств Камчатки.

Н. В. Слюнин приводит интересные сведения об американском промысле трески на Явинской банке на юго-западном побережье Камчатки. Он получил их от жителя селения Явино, уроженца Финляндии Северина Карлсона, который в прошлом сам рыбачил на американских шхунах. Явинские банки открыл в 1860 г. и первым освоил там лов трески капитан Тернер. Тогда же в Сан-Франциско были созданы три тресколовные компании — «Линдх-Хауф», «Бишард» и «Мак-Коллен». Компании ежегодно посылали десять — двенадцать судов, каждое из которых добывало за рейс от ста восьмидесяти до трёхсот пятидесяти тысяч штук трески. Её солили и топили из тресковой печени рыбий жир — до четырёхсот галлонов на шхуну. После того, как в 1882 г. русское правительство запретило иностранный промысел без разрешительного свидетельства, американцы стали осторожнее, и только компания «Мак-Коллен» продолжала посылать свои суда и в 1890-е гг.

Слюнин пишет, что в 1889 г. две шхуны этой компании — «Фримен» и «Фалькенберг» — добыли на Явинской банке триста десять тысяч штук трески, то есть примерно пятнадцать тысяч центнеров. Прибыль от этого превысила производственные издержки в три раза. По некоторым сведениям, браконьерский лов трески на Явинской банке американцы продолжали до 1909 г.

Вот как был организован этот лов по описанию Слюнина: «Американские шхуны обыкновенно имеют двадцать — двадцать пять человек команды, с отдельной шлюпкой для каждого рабочего, имеющего от четырёх до шести удочек, которыми он и ловит треску, опуская их всегда до дна. Лучшие места лова трески находятся напротив селения Явино и реки Итудиски, где, например, в тридцать семь дней пятнадцать рыбаков поймали сто восемьдесят тысяч штук... В течение дня обыкновенно вылавливают от шестисот до девятисот штук на каждого; сам рыбак вычищает внутренности и солит... отдельно собирая печени, которые идут на приготовление так называемого жира... Для приготовления жира на каждой шхуне есть паровая машинка, добыча жиру за полтора месяца лова равняется приблизительно десяти тысячам галлонов» [17].

Добыча трески приносила американцам немалые выгоды. Слюнин приводит следующие расчёты: «Шхуна плавает из Сан-Франциско и обратно пять месяцев; месячное содержание её с жалованием и содержанием служащих обходится около двух тысяч, или за пять месяцев десять тысяч долларов; задельная плата: первому штурману — тридцать пять долларов за тысячу, второму — тридцать долларов, третьему — двадцать семь долларов и рабочим — по двадцать пять долларов, или за всё количество 5 775 долларов. Всего расходов около шестнадцати тысяч долларов, а получается за продажу в сыром виде солёной трески сорок тысяч долларов, за жир, считая по полтора доллара за галлон, пятнадцать тысяч. Итого хозяину остается около тридцати девяти тысяч долларов, не считая, конечно, стоимости шхуны, её вооружения, расходов по документам, страховке и прочего. Иначе сказать, что одна только задельная плата служащим на шхуне почти равняется стоимости всего собольего промысла Южной Камчатки. Отсюда с очевидной ясностью вытекает вся важность трескового промысла и его экономическая роль в будущей жизни камчадалов, — промысла, который до сих пор для них пропадал даром» [18].

Продолжали американцы и хищнический промысел морского зверя. Так, в начале XX в. на камчатском побережье полностью были истреблены моржи, лежбища которых во времена Г. Стеллера были даже на мысе Лопатка, а в 90-е гг. XIX в. также возле устья реки Жупановой. Американские китобои не только сами уничтожали моржовые лежбища, но и заставляли это делать местных жителей. «По рассказу одного старика оказывается, что в 1865 и 1866 г. американские китоловы устраивали целые экспедиции на моржей, жители бросались на них с копьями и добывали свыше тысячи пар клыков. По словам этого же лица, принимавшего участие в этих экспедициях, Карагинский остров бывал сплошь покрыт телами моржей. Кожи и бивни американцы увозили, уплачивая жителям по два рубля за пару клыков» [19].

В 1900 г. американская зверобойная шхуна «Пай» во главе с капитаном Протом уничтожила моржовое лежбище на Семёновской косе острова Карагинского, истребив полторы тысячи моржей.

Подобная же судьба была и у каланов — морских бобров. К началу XX в. усилиями американских, а затем и японских браконьеров каланы почти полностью были уничтожены у побережья Камчатки и на Командорских островах.

В конце XIX — начале XX вв. японские браконьеры стали конкурировать с американскими и в добыче котиков у Командоров.

В 1881 г. на Лондонском пушном аукционе Япония представила восемь тысяч шкур морских котиков, половина которых, по оценкам специалистов, была добыта в командорских водах. С 1906 по 1911 г. японцы убили здесь более восьмидесяти тысяч котиков. Губернатор Камчатской области В. П. Перфильев в 1911 г. писал: «...японцы хищничают безнаказанно. Как велика их дерзость, видно из того, что даже и при этом слабом надзоре охранное военное судно захватило в трёхмильной зоне и в прошлом, и в текущем году по одной шхуне. С береговой же охраной, состоящей из местных жителей, перестрелки хищников происходят каждое лето. Так, в 1909 г. было двенадцать перестрелок и убито три японца; в 1910 г. было пятнадцать перестрелок с двумя убитыми и захвачено четыре шлюпки, один японец живой и два убитых» [20].

Только международное соглашение смогло предотвратить полное истребление котиков. В 1911 г. в Вашингтоне была заключена Международная конвенция о запрещении их морского промысла. Её подписали представители четырёх стран, ведших этот промысел — России, США, Англии (представлявшей интересы Канады) и Японии.

Настоящим бедствием для ресурсов Камчатки и угрозой потери полуострова для России стал переход к Японии по Санкт-Петербургскому договору 1875 г. всей Курильской гряды взамен притязаний на остров Сахалин. В 1897 г. в Японии был принят закон о поощрительных премиях за охоту и рыболовство в отдалённых морях. С начала 1880-х гг. японцы, создав базы на островах Парамушир и Шумшу (который от мыса Лопатки отделяет Первый Курильский пролив шириной двенадцать километров), начали браконьерский лов лососей в реках западного побережья Камчатки. Промышляли они и треску на Явинской банке. Особенно массовый характер хищнический лов лососей приобрёл в 1890-х гг., когда были практически полностью уничтожена рыба, нерестившаяся в реках острова Хоккайдо. Десятки японских шхун заходили в устья камчатских рек, перегораживали их русла сетями, чтобы взять всю проходящую рыбу. Это подрывало воспроизводство лососей и обрекало на полуголодное существование жителей камчатских селений, расположенных выше по течению. Так, летом 1900 г. к устьям рек Западной Камчатки подошли шестнадцать паровых и тридцать две парусных японских шхуны. В последующие годы их было в два-три раза больше. Таким способом ежегодно добывалось около ста тысяч центнеров лососей.

Ещё в 1882 г. русское правительство запретило иностранный промысел в территориальных водах России без разрешительных

рыболовных билетов. В 1901 г. вступили в силу «Временные правила для производства в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства морского промысла». Петропавловский округ, включавший территорию полуострова, был частью Приморской области, входившей в состав Приамурского генерал-губернаторства. Правила запрещали иностранный промысел в российских дальневосточных морях. Добыча и обработка рыбы разрешались только рабочим, имевшим русское подданство. Предприниматели, нарушившие это условие, подвергались штрафу в сто рублей за каждого иностранного рабочего, находившегося на их промысле или судне. Этот запрет был продиктован опасениями полного экономического, а затем и политического захвата Камчатки Японией.

«Северные округа находятся в величайшей опасности захвата иностранцами, если не прямо, то косвенно в виде нелегального промысла и в виде иностранных рабочих, что, в сущности, есть тот же иностранный промысел, но лишь в наиболее трудноуловимой форме, под русским флагом. Здесь надо твёрдо держаться принятого принципа — не допускать иностранного добывающего промысла; лучше иметь единицы русских промыслов, чем десятки иностранных», — докладывал на общем собрании членов Российского общества рыбоводства и рыболовства заведующий рыбными промыслами на Дальнем Востоке В. К. Бражников [21].

Но проконтролировать выполнение этих правил было невозможно. Воды Камчатки обычно охраняла одна канонерская лодка «Манджур», совершавшая редкие рейды у побережий полуострова и Командор. В 1903 г. она задержала двенадцать японских шхун, в том числе прямо в Авачинской губе — шхуну «Явата-Мару». Не изменилось положение с охраной рыбных запасов и с введением для западного побережья Камчатки должностей двух надзирателей за рыболовными промыслами. Первыми рыбинспекторами стали Максим Иванович Сотников (прообраз Михаила Сотенного — главного героя романа В. Пикуля «Богатство») и Македон Александрович Ворошилов. Их убили 18 июля 1906 г. в устье реки Воровской японские браконьеры. Вместе с ними погибли восемь камчадалов, жившие в селе Воровском (ныне Соболево), добровольно помогавшие инспекторам.

Во время русско-японской войны 1904—1905 гг., пользуясь отсутствием на Камчатке каких-либо военных сил, за исключением разбросанной по полуострову полусотни казаков, японцы предприняли высадку нескольких десятков десантов на западном и восточном

побережьях полуострова и на Командорских островах. Дружины добровольцев из местных жителей смогли дать им достойный отпор.

15 июля 1907 г. была подписана российско-японская рыболовная конвенция сроком на двенадцать лет. Согласно этому документу, японским рыбакам предоставлялось «право ловить, собирать и обрабатывать всякого рода рыбу и продукты моря, кроме котиков и морских бобров, вдоль побережий морей Японского, Охотского и Берингова, за исключением рек и бухт». Пошлина за вывоз рыбы из России с них не бралась.

В первый же год действия конвенции японцы арендовали семьдесят четыре морских рыболовных участка. В камчатских водах находились одиннадцать японских пароходов и девяносто три шхуны. В 1908 г. японцы арендовали на Камчатке уже сто девятнадцать рыболовных участков, которые обслуживали сто восемьдесят четыре промысловых судна; их добыча составила девяносто тысяч коку (коку — полтора центнера). В 1912 г. на западном побережье Камчатки из ста тридцати двух морских рыбопромысловых участков только три принадлежали русским, остальные — японцам.

В отчёте губернатора В. В. Перфильева приводятся сведения о соотношении добычи и обработки лососей японскими и русскими промышленниками: «...из тридцати восьми миллионов штук рыбы, пойманной в текущем 1911 г. в камчатских водах, японцами добыто около тридцати миллионов, а русскими в семнадцати реках и на двадцати морских участках только восемь миллионов штук, да из этого количества отправлено ими в Японию до двух миллионов рыб, и только шесть миллионов поступило на русские рынки... В Усть-Камчатске... в текущем году выпущено уже восемнадцать тысяч ящиков консервов (по сорок восемь банок). Главный сбыт их в Лондоне. Но японцы и тут не отстают, и там же, в Усть-Камчатске, устроили свой консервный завод, также доставляющий консервы в Лондон, но на два рубля за ящик дешевле. Впрочем, и качество консервов слабее» [22].

В 1914 г. было организовано японское монополистическое объединение по лову и переработке рыбы в русских конвенционных водах «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша», которое держало в своих руках 85—90 % всей добычи. Эта компания построила на острове Парамушир консервный завод для переработки крабов, добытых у западного побережья Камчатки.

В 1917 г. японцы арендовали на Камчатке двести восемнадцать рыболовных участков, вылов на которых составил четыреста пятьдесят тысяч коку. Рыбалки обслуживали триста пятьдесят

пять судов. Камчатскими рыбоконсервными заводами выпущено пятьсот десять тысяч ящиков консервов, из них двести тридцать девять тысяч — русскими рыбопромышленниками, остальные — японскими. На островах Шумшу и Парамушир работали уже четырнадцать крабоконсервных заводов [23].

Побывавший в те годы на Камчатке русский специалист-рыбовод И. С. Правдин отмечал: «Не будет преувеличением, если скажем, что японское влияние в Западно-Камчатском районе близко к девяноста девяти процентам на морских участках и к семидесяти семи процентам на рыбалках речных» [24].

По неполным данным, за двенадцать лет действия рыболовной конвенции в Японию с Камчатки было ввезено более пятидесяти миллионов пудов рыбы на сумму до семидесяти миллионов иен [25].

В 1918 г. закончился срок действия рыболовной конвенции 1907 г. В годы гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.), Япония объявила так называемое «свободное рыболовство», то есть расхищала рыбные богатства Камчатского бассейна, не считаясь ни с какими русскими охранными правилами и законодательством. Вот что сообщал 22 марта 1923 г. в своём докладе Дальневосточному революционному комитету о положении в Камчатской области уполномоченный Камчатского губревкома И. Е. Ларин: «Обрабатывающая промышленность выражена в двадцати трёх консервных заводах, из которых только два завода (под сомнением) принадлежат русскому промышленнику, остальные принадлежат японскому синдикату, соединённому из обществ: Русско-японское промышленное общество “Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша”, Северо-океанское рыбопромышленное общество “Хокуе Гио-Гио Кабусики Кайша”, куда входит и Демби. Два завода принадлежат фирмам “Кадама” и “Суда”, не вошедшим в синдикат. Ежегодный улов рыбы лососёвой породы достигает ста тридцати пяти миллионов штук, из которых местным населением вылавливается для собственного потребления и корма собак около десяти миллионов штук, а остальное количество добывается рыбопромышленниками. Доминирующую роль в этих промыслах Камчатки играют японцы. Так, например, в 1922 году восемьдесят три речных и двадцать шесть морских рыболовных участков, по документам рыбного управления, сданы восьмидесяти двум арендаторам, русским промышленникам. Фактически же эти лица играют подставную роль японцев. В том же году из четырёхсот девяноста морских участков, заарендованных ранее японцами, работало двести восемнадцать, принадлежащих девяноста арендаторам, входящим

в указанные синдикаты. По данным Дальрыбохоты, в 1922 г. выработано рыбных продуктов на речных и морских участках русскими промышленниками 1 656 178 пудов = 23 583 027 штук и японцами на морских участках 4 561 488 пудов = 91 306 778 штук. Подсчёт произведён неточный, в сторону уменьшения, и только на ста пятидесяти семи участках. На остальных работающих участках в силу политических обстоятельств подсчёт не производился. По сопоставлении с общим уловом можно считать до ста тридцати пяти миллионов штук, что соответствует официальным сведениям экономических органов Японии, где указано, что японцами ежегодно приготовляется рыбных продуктов около шести миллионов пудов. По тем же сведениям, японские рыбопромышленники имеют в Охотско-Камчатских водах приспособления и постройки для добычи и заготовки рыбных продуктов на сумму до сорока миллионов рублей. Консервов вырабатывается на Камчатке девятьсот тысяч ящиков. Из них двести тысяч ящиков вырабатывается на русских заводах Дембри и Грушецкого. Всего из лососины на Камчатке возможно выработать до семи миллионов ящиков. Америка вырабатывает шесть миллионов сто тысяч ящиков консервов из лососины. В ящик консервов входит сорок восемь банок. Стоимость ящика колеблется от шести до десяти американских долларов» [26].

Там же И. Е. Ларин сообщает, что на русских рыбалках в 1922 г. работали две тысячи иностранцев (японцев), а на японских — двадцать пять тысяч. И это при населении Петропавловского уезда (включавшего весь Камчатский полуостров) — чуть более одиннадцати тысяч человек, с учётом районов, удалённых от побережья.

В годы гражданского противостояния власть на Камчатке менялась многократно. Этим пользовались японцы, посылая на Камчатку ежегодно целые эскадры военных судов. В связи с миссией В. Вандерлипа, американского авантюриста, желавшего заполучить Камчатку в концессию, председатель Совнаркома В. И. Ленин неоднократно оправдывал своё решение пойти на уступки американцам. В декабре 1922 г. он писал: «Вопрос стоял таким образом: Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку её военные силы там распоряжаются... Мы даём сейчас Америке Камчатку, которая, по существу, всё равно не наша, ибо там находятся японские войска... Мы даём Америке такую территорию для экономической утилизации, где у нас абсолютно нет и куда мы не можем дать ни

морских, ни военных сил» [27]. «Кому принадлежит Камчатка, я не знаю, фактически она принадлежит японцам...» [28].

В 1919 г. камчатскими заводами было выпущено 743,9 тыс. ящиков консервов, из которых только 82,2 тыс. — на русских, а 661,7 — на японских. В 1921 г. произведено 710,9 тыс. ящиков, из них только 7535 — на русских заводах (то есть примерно один процент), остальные — на японских [29].

Политика «свободного рыболовства» подкреплялась военной силой. В июне 1920 г. в Петропавловск пришли японские военные суда — крейсер «Кошу-мару» и несколько миноносцев. Капитан 2-го ранга Хара заявил: «Императорское японское военное судно "Кошу" и 9-й отряд прибыли на Камчатку с единственной целью охраны рыбалок и японских подданных, проживающих на территории Камчатской области» [30].

Спустя несколько дней в Авачинскую губу вошли ещё шесть миноносцев и крейсер «Нийтака» под командой капитана 1-го ранга Арита. В телеграмме Камчатского облревкома В. И. Ленину о политическом и экономическом положении на Камчатке от 29 марта 1921 г. говорится: «Для защиты японских подданных в Петропавловском порту с июня прошлого года стоит крейсер и военный транспорт, летом — флотилия миноносцев, последняя на зиму ушла в Японию» [31].

20 мая 1921 г. на остров Беринга прибыл японский крейсер «Ивами», команда которого имела при себе спиртные напитки. К вечеру всё население острова было нетрезво. Японцы оставили девять пудов риса и старые вещи, заявив, что это подарки. Об этом сообщил уполномоченный ЦК РКП(б) на Командорских островах А. С. Якум [32].

Японцы не ограничивались «охраной рыбалок и японских подданных», но вмешивались в политические события на Камчатке. Когда 4 июля 1922 г. красные партизаны подошли к Петропавловску, японцы высадили в город десант с пулемётами, вследствие чего наступление было приостановлено.

Второй чрезвычайный Петропавловский уездный съезд, проходивший в апреле — мае 1922 г., отмечал, что, несмотря на окончание в 1918 г. конвенционного договора, японцы «продолжают незаконно пользоваться правами, предоставленными потерявшим силу конвенционным договором, и извлекать из этого выгоды в ущерб всему населению Камчатской области... Японские рыбопромышленники не вносят ту арендную плату за пользование рыболовными участками, которая по праву должна вноситься по соглашению

с центральным правительством Советской России... пользуясь присутствием своих военных судов, будто бы защищающих и охраняющих интересы японских подданных, они не желают подчиняться постановлениям и распоряжениям, издаваемым в отрасли рыбопромышленности центральной и областной народными властями... Присутствие здесь, на Камчатке, военных судов Японии... есть не что иное, как стремление Японии путём вооружённой силы воздействовать на население Камчатской области. Пользуясь этим положением, японские промышленники выкачивают последнее и единственное богатство Камчатки — рыбу... Съезд энергично протестует против нарушений Японией суверенных прав России, коим является пребывание беспрерывно в течение трёх лет японских военных судов в камчатских территориальных водах и требует их немедленного отозвания» [33].

Японские военные корабли ушли из Авачинской губы 1 ноября 1922 г., а 10 ноября в Петропавловск вошли партизанские отряды, и на Камчатке установилась советская власть. Но и после этого японские рыбопромышленники продолжали хозяйничать на полуострове. В 1924—1925 гг. на Дальнем Востоке были образованы две рыбодобывающие организации: Охотско-Камчатское акционерное рыбопромышленное общество (ОКАРО) и Дальгосрыбтрест, которые в декабре 1926 г. слились. Тем не менее, японский синдикат «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша» объединял на Камчатке двадцать два из двадцати четырёх рыбо и крабоконсервных заводов, на которых находилось до двадцати тысяч рабочих. По японским данным, из двухсот восьмидесями девяти тысяч ящиков консервов из крабов, произведённых на Камчатке, двести двадцать девять изготавливались на хищнических плавучих заводах.

В 1927 г. создаётся Акционерное Камчатское Общество (АКО), одной из главных задач которого являлась эксплуатация рыбных, пушных и других богатств края. Но и в годы деятельности АКО (1927—1945 гг.) японцы продолжали расхищать богатства камчатских морей. К 1928 г. на промысле крабов у западного побережья Камчатки работали двадцать девять японских крабоконсервных плавучих завода. Они произвели четыреста двадцать тысяч ящиков продукции, стоимость которых составила почти семнадцать миллионов золотых рублей. Было выловлено сетями более сорока четырёх миллионов крабов, а вместе с самками и молодью — восемьдесят семь миллионов [34].

В 1928 г. сроком на двенадцать лет была подписана новая советско-японская рыболовная конвенция. Она содержала доста-

точно жёсткие правила эксплуатации арендованных участков. Всю необходимую рабочую силу японцы должны были привозить с собой. Значительно повышалась арендная плата. Аренда участков на западном побережье стоила от шестидесяти до девяноста тысяч рублей в год при норме вылова до одной тысячи тонн. В Усть-Камчатском районе арендная плата была выше — до ста пятидесяти трёх рублей за тонну [35]. С 1940 г. срок действия конвенции ежегодно пролонгировался.

В середине 1930-х гг. японцы начали дрифтерный лов нерки на границе территориальных вод СССР. В 1939 г. на промысле камчатского лосося в море работали уже восемь японских плавбазматок с тремястами промысловыми судами. Среднегодовой их вылов составлял до тридцати тысяч тонн [36].

В послевоенные годы японцы освоили промысел лосося у берегов Америки. В 1952 г. США и Канада вынудили их подписать тройственную рыболовную конвенцию, по которой Япония «добровольно» брала на себя обязательства воздерживаться от добычи лососей, палтуса и сельди в северной части Тихого океана к востоку от 175° западной долготы. Японские суда стали перемещаться к западу, облавливая азиатское, в том числе и камчатское, стадо лососей. В 1955 г. японцы буквально обложили юг Камчатки, добывая лосося на границе территориальных вод СССР. В феврале 1956 г. СССР ввёл жёсткие ограничения на рыболовство в водах, омывающих Камчатку. Начались переговоры, в результате которых 14 мая 1956 г. была подписана новая советско-японская рыболовная конвенция сроком на десять лет. Она вступила в силу в декабре 1956 г. после восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией. Новая конвенция регулировала лишь промысел в открытом море лососёвых рыб и камчатского краба. Позднее в число объектов регулирования были включены также камбала западного побережья Камчатки, корфо-карагинская и гижигинская сельдь, краб-стригун. Но чрезмерно интенсивный японский промысел лососёвых в открытом море подорвал их запасы. С 1951 по 1958 г. уловы лососёвых рыб на Камчатке сократились в одиннадцать раз. В результате были закрыты двадцать три рыбокомбината, двадцать пять рыбоконсервных заводов, восемнадцать холодильников, тридцать шесть рыбоперерабатывающих береговых баз, семь моторно-рыболовных станций, тридцать рыболовецких колхозов [37].

Побережье Камчатки пришло в запустение. Рыбная промышленность полуострова с конца 1950-х гг. была вынуждена

переориентироваться на океанский промысел, осваивая новые объекты лова, и перестала быть рентабельной. К таким печальным последствиям привело то, что десятилетия морские ресурсы нашего края безжалостно расхищались многими странами, в основном Японией и США, принося им колоссальные доходы, которые явились одной из причин их нынешнего экономического процветания.

Источники

1. *Ефимов А. В.* Из истории великих географических открытий. — М., 1980. — С. 234.

2. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях (1740—1990). — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 65—68.

3. *Кук Дж.* Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. — М., 1971. — С. 389—396.

4. Дальний Восток. — 1970. — № 7. — С. 137.

5. Петропавловск-Камчатский. История города... — С. 203—204.

6. Там же. С. 185—187.

7. Дальний Восток. — 1970. — № 7. — С. 137.

8. Петропавловск-Камчатский. История города... — С. 225—227.

9. Дальний Восток. — 1970. — № 7. — С. 138.

10. Петропавловск-Камчатский. История города... — С. 229—230.

11. Там же. С. 233—234.

12. Дальний Восток. — 1970. — № 7. — С. 138.

13. Там же.

14. *Слюнин Н. В.* Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов. — СПб., 1895. — С. 94.

15. Там же. С. 95.

16. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. — СПб., 1906. — Т. 1. — С. 554.

18. Там же.

19. *Прозоров А. А.* Экономический обзор Охотско-Камчатского края. — СПб., 1902. — С. 210.

20. *Вахрин С. И.* Встреч солнцу. — Петропавловск-Камчатский, 1996. — С. 68—69.

21. Вопросы географии Камчатки. — 1963. — № 1. — С. 11—12.

22. Там же. С. 17.

23. *Вахрин С. И.* Встреч солнцу. — Петропавловск-Камчатский, 1996. — С. 15.

24. За власть Советов на Камчатке. 1917—1923 гг.: Сб. статей. — Петропавловск-Камчатский, 1957. — С. 6.

25. Там же.

26. За власть Советов. 1920—1922 гг.: Документы и материалы. — Владивосток, 1967. — С. 24—25.

27. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 93—95.

28. Там же. С. 170.
29. *Вахрин С. И.* Встреч солнцу. — Петропавловск-Камчатский, 1996. — С. 18.
30. За власть Советов на Камчатке. 1917—1923 гг.: Сб. статей. — Петропавловск-Камчатский, 1957. — С. 30.
31. За власть Советов на Камчатке. 1920—1922 гг.: Документы и материалы. — Владивосток, 1967. — С. 81.
32. Там же. С. 85.
33. Там же. С. 135—137.
34. *Вахрин С. И.* Встреч солнцу. — Петропавловск-Камчатский, 1996. — С. 23.
35. Там же. С. 24.
36. Там же. С. 29.
37. Там же. С. 35.

ИСТОРИЯ КАМЧАТКИ: СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

История Камчатки — часть истории России. Открытие, исследование и освоение нашего края богато событиями и именами выдающихся землепроходцев, мореплавателей, промышленников, учёных-исследователей, известных не только в России, но и за её пределами. Изучение прошлого способствует осознанию своего места в жизни, помогает понять и полюбить родной край, бережно хранить его уникальные природные богатства, с уважением относиться к коренным жителям полуострова, к их своеобразной культуре, к памяти о подвигах многих поколений русских людей, в неимоверно трудных условиях осваивавших эту суровую землю, защищавших её от посягательств иностранных держав.

История Камчатки даёт богатый материал для воспитания чувства гражданственности, патриотизма, гордости за свою землю и героические дела предков, то есть формирование исторического сознания, без которого невозможна подлинная культура.

1581

Отряд Ермака, перейдя Уральский хребет, покорил Сибирское ханство. Это явилось началом присоединения и освоения Россией Сибири, завершившимся менее чем через шестьдесят лет выходом к тихоокеанскому побережью.

1587

Основан город Тобольск, ставший на двести с лишним лет административным центром Сибири. В Тобольск стекались все сведения о вновь открытых землях, в том числе и о Камчатке.

1632

Основание Ленского (Якутского) острога, ставшего административным центром Северо-Востока России. Из Якутска Камчатка управлялась до 1731 г. и в 1764—1825 гг. Оттуда отправлялись отряды казаков для «прииску новых землиц», приведение в российское подданство инородцев и сбора ясака.

1639

Отряд Ивана Москвитина вышел к Ламскому (Охотскому) морю, основал Охотское зимовье в устье реки Охоты, где впоследствии возник Охотский острог, из которого в 1716 г. был открыт морской путь на Камчатку. В 1731—1764 гг. Камчатка подчинялась главному командиру Охотского приморского управления. В 1731—1849 гг. Охотск был главным портом России на Тихом океане.

1641

Отряд Михаила Стадухина достиг устья реки Колымы, где было основано зимовье, позднее Нижнеколымский острог. До 1716 г. через Нижнеколымский острог пролегал единственный путь на Камчатку из Якутска.

1645

Первые известия, полученные русскими казаками (М. Стадухин, И. Ерастов и другие), от колымских аборигенов — юкагиров о богатой лесами и пушным зверем реке Погыче, до которой можно добраться морем, плывя на восток.

1648

Совершено историческое плавание из устья реки Колымы вокруг чукотского полуострова С. И. Дежнева. По мнению многих историков, плавание завершилось в северной части нынешнего Камчатского края. В Беринговом море есть бухта Дежнёва.

1649

Основание С. И. Дежневым в среднем течении реки Анадырь Анадырского острога, сыгравшего важную роль в открытии и освоении русскими людьми Камчатки.

1651

5 апреля М. Стадухин, выйдя со своим отрядом из Анадырского острога, прибыл на р. Оклан — правый приток реки Пенжины на севере Камчатского края. Летом, построив два коча, он вышел из устья реки Пенжины и дошёл до реки Гижиги. Огибая мыс Тайгонос, Стадухин не мог не видеть побережья Камчатского полуострова.

1659—1661

По мнению известного исследователя якутских архивов XVII—XVIII вв. Б. П. Полевого, в эти годы на Камчатке мог побывать служивший на реке Гижиге в отряде Ф. Чюкичева Иван Иванов Камчатой, по имени которого, возможно, и была названа река Камчатка.

1661—1663

Иван Меркурьев Рубец доплыл на двух кочах из устья реки Лены до Анадырского устья, через четырнадцать лет повторив маршрут С. И. Дежнева. Из устья Анадыря Рубец добрался до реки Камчатки, где в среднем её течении (на притоке реке Николке) основал зимовье и провёл зиму 1662—1663 гг. Это дата первого достоверного пребывания русских людей на р. Камчатке. В 1660-е гг. на реке Воемля (Лесная) жил беглый колымский казак Леонтий Федотов («Федотово зимовье»).

1667

На общем чертеже Сибири впервые изображена река Камчатка, впадающая в океан.

1669

На реку Камчатку отправился, но не вернулся Иван Ермолин.

1690

На карте голландского картографа Николааса Витсена изображена река Камчатка.

1695—1696

Поход Луки Семёнова Мороско-Старицына из Анадырского острога на Камчатку («...а до Камчатки реки не доходил один день... за малолюдством служилых людей»).

1696, 14 декабря — 1699, 2 июля

Поход на Камчатку «обретателя Камчатки» (С. П. Крашенинников), «камчатского Ермака» (А. С. Пушкин) Владимира Владимировича Атласова, прошедшего полуостров с севера на юг до реки Озерной (Первая Курильская) и доставившего первые достоверные сведения о природе и обитателях полуострова. В поход с Атласовым отправились шестьдесят казаков, промышленных и торговых людей, вернулись в Анадырский острог пятнадцать.

1697, 13 июля

В. В. Атласов поставил памятный крест в устье реки Канучь (Крестовой), впадавшей в реку Камчатку. Надпись на кресте: «205 (1697) году июля 13-го дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарищи 55 человек» (записано С. П. Крашенинниковым сорок два года спустя). Эту дату принято считать днём вхождения Камчатки в состав России.

1697—1698

Казак Потап Серюков основал первое русское поселение на Камчатке — Верхнекамчатский острог, где прожил с четырнадцатью казаками и тринадцатью юкагирами три года до прибытия отряда Тимофея Кобелева.

На реке Нане вблизи реки Ича В. В. Атласов встретил у ительменов «полоненика», оказавшегося японцем Денбеем (Дэмбей Татэкава), уроженцем города Осаки. В январе 1702 г. в Москве с ним беседовал сам Пётр I, а в Сибирском приказе со слов Денбея была записана «скаска», в которой он сообщил много интересных сведений о Японии. По распоряжению Петра I Дэмбей преподавал японский язык в школе при Посольском приказе в Москве, а с 1705 г. — в Петербургской навигационной и математической школе.

1700

Из Якутска прибыл первый камчатский приказчик Тимофей Кобелев с отрядом, сменивший в Верхнекамчатском остроге людей П. Серюкова. Отряд Серюкова пропал в земле коряков, не дойдя до Анадырского острога.

3 июня в Якутске записана первая «скаска» В. В. Атласова о походе на Камчатку. Сведения в ней о природе Камчатки и её обитателях очень скудны.

5 июня — открытие русскими казаками острова Карагинского.

1701

10 февраля в Сибирском приказе в Москве записана вторая «скаска» В. Атласова, в которой содержатся ценные сведения о природе и аборигенах Камчатки.

1702

По поручению Петра I Сибирский приказ повелел Якутской воеводской канцелярии «проведывать острова близ Камчатки» и путь в Японию. Основанием явились «скаска» Дэмбея и упоминание Атласовым островов в море, которые он видел «против устья Первой Курильской реки» (то есть Озерной).

1703

Основаны Нижнекамчатский и Большерецкий остроги.

Осенью казаком Родионом Преснецовым открыты Авачинская губа и река Авача. На смену Т. Кобелеву прибыл приказчик Михайло Зиновьев.

1704

М. Зиновьевым составлена первая «ясачная книга» (список плательщиков ясака — мужчин в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет). В ней значилось 5 138 имён.

На смену М. Зиновьеву прибыл приказчик Василий Колесов.

1705

На реке Караге «немирными» коряками убит четвёртый приказчик, направлявшийся на смену В. Колесову — Василий Протопопов (Верхотуров) с семью казаками. В том же году погиб ещё один приказчик — Василий Шелковников с десятью казаками.

1706

Восставшие ительмены сожгли Большерецкий острог и перебили всех находившихся там казаков (острог восстановлен лишь в 1711 г.). В том же году авачинские ительмены уничтожили отряд сборщиков ясака.

На мысе Лопатка побывал сборщик ясака Михайло Наседкин. Он видел, что «в море за переливами земля (курильский остров Шумшу), а проведывать де той земли не на чем».

1707

На Камчатку вновь прибыл В. В. Атласов в качестве приказчика камчатских острогов.

Осенью он послал на усмирение авачинцев семьдесят казаков во главе с Иваном Тарутиным. Состоялось сражение, в котором казаки одержали верх над восемьюстами ительменами.

1709

На реке Олюторе (Вывенке) погиб приказчик Иван Панютин с десятью казаками.

1710

9 сентября якутский воевода Д. А. Траурнихт велел приказчикам Осипу Миронову Липину и Василию Севастьянову построить суда и послать для обследования острова против Камчадальского носа (мыс Лопатка), а его жителей привести в русское подданство, взять с них ясак, «и той земле учинить особый чертёж» (спустя год это сделали Д. Я. Анциферов и И. П. Козыревский).

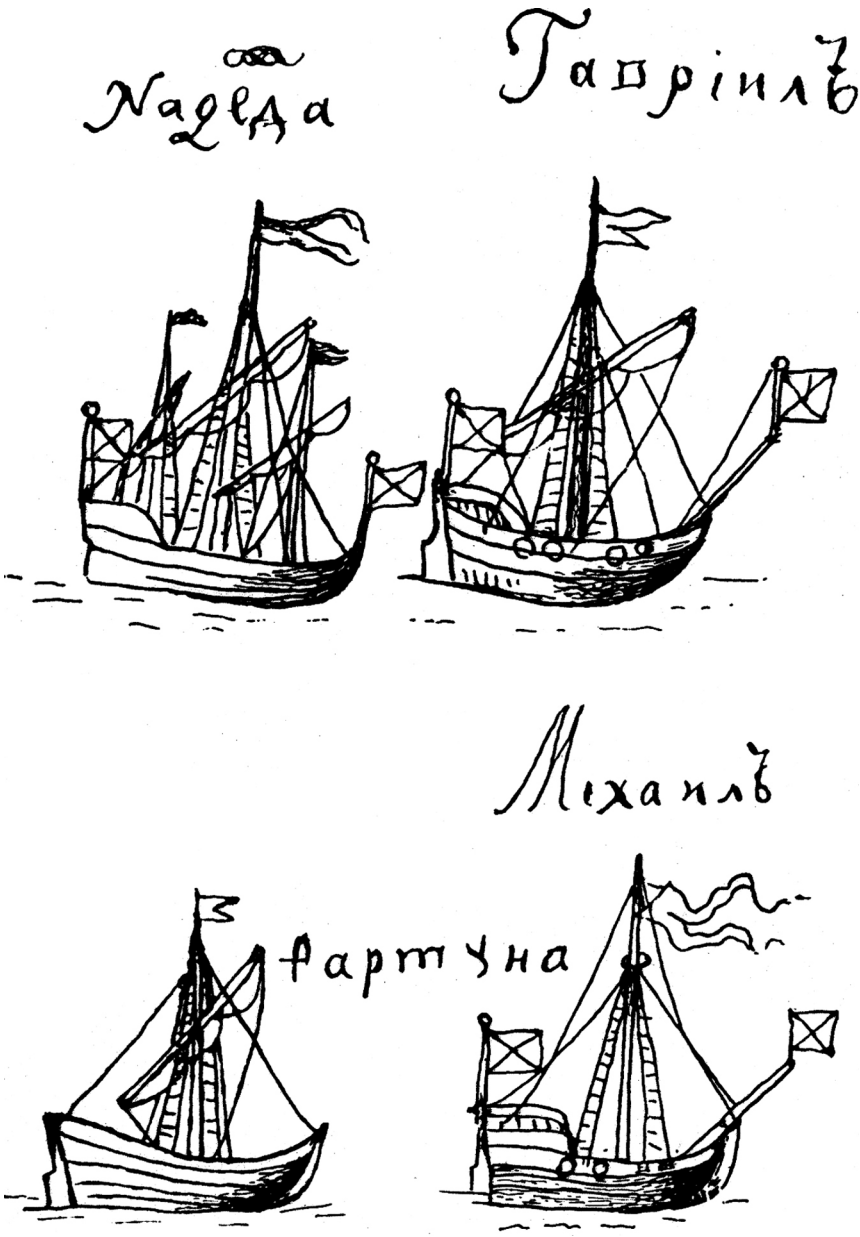
1711

В январе-феврале казаки убили трёх приказчиков: В. Атласова, О. Липина, П. Чирикова, избрали новым приказчиком Данилу Яковлевича Анциферова, есаулом — Ивана Петровича Козыревского.

Август-сентябрь — поход Анцифирова и Козыревского из восстановленного Большерецкого острога на северные Курильские острова, сбор ясака с местных жителей, описание и составление чертежа трёх островов: Алаида, Шумшу, Парамушира.

1712

В январе Д. Я. Анциферов и двадцать семь казаков были убиты на реке Аваче.

Суда экспедиции В. Й. Беринга «Надежда», «Св. Гавриил», «Фортуна», «Архангел Михаил» (из фондов ККОМ)

Первопроходцы. В. И. Шиляев, 2012 г.

Пакетбот «Св. Павел». В. И. Шиляев, 2012 г.

1713

Второе плавание И. П. Козыревского на северные Курильские острова. Составлен «Чертёж Камчадальского носу и морским островам» и описание восемнадцати островов (со слов жителя южного острова Итуруп Шитаная) и северной части Японии (со слов японского моряка Санимы). Чертёж был передан Козыревским В. Й. Берингу в 1726 г. в Якутске.

1714

В Окланском остроге на реке Пенжине погибли приказчики Иван Енисейский и Василий Колесов, сопровождавшие собранный за несколько лет ясак.

1715

И. П. Козыревский отправил из Авачинской губы на байдарах отряд Фёдора Балдакова для сбора ясака на Курильских островах. Это было первое морское плавание из Авачинской губы.

1716

Открытие морского пути на Камчатку. На построенном в Охотске судне «Восток» под командой Кузьмы Соколова и мореходов Никифора Трески, Якова Невейцына и Андрея Буша было совершено плавание из Охотска на Камчатку, положившее начало регулярному морскому сообщению полуострова с Охотском. Это в несколько раз сократило путь из Якутска на Камчатку.

1716—1719

«Большой Камчатский наряд»: 19 декабря 1716 г. тобольский губернатор князь Гагарин подписал «наказную память» якутскому воеводе Я. А. Елчину с требованием «исследовать Камчатку с землями чукоч, коряк, юкагир, иных туземцев и завести торговлю с окрестными жителями». Елчину удалось обобщить и систематизировать сведения о Камчатке и сопредельных землях.

1719—1722

Экспедиция геодезистов И. М. Евреинова и Ф. Ф. Лужина — первых выпускников Морской академии. В 1721 г. на судне «Охота» они совершили плавание из Большерецка вдоль Курильской гряды до острова Симушир. Была составлена карта южной части полуострова и четырнадцати курильских островов с обозначением их координат.

1725—1730

Первая Камчатская экспедиция, организованная Петром I для поисков Америки. Согласно инструкции, написанной императором 6 января 1725 г., следовало: «1. ...на Камчатке... сделать один или два бота с палубами. 2. На оных ботах (плыть) возле земли,

которая идёт на норд... 3. И для того искать, где оная сошлася с Америкою». Руководителем экспедиции был назначен Витус Беринг, его помощниками — Мартын Шпанберг и Алексей Чириков.

1727, 4 сентября — участники экспедиции на судне «Фортуна» прибыли в Большерецкий острог.

1727—1728, осень-зима — по рекам на батах и собачьих упряжках имущество экспедиции было переправлено в Нижнекамчатский острог.

1727—1746 — на Камчатке и Чукотке работала экспедиция, получившая название «А. Ф. Шестакова — Д. И. Павлуцкого». Она действовала с перерывами почти двадцать лет до гибели Павлуцкого в 1746 г. Целью экспедиции был поиск и освоение новых земель на северо-востоке, окончательное покорение коряков и чукчей.

1728, 6 июня — в Нижнекамчатск из Большерецка пришло судно «Фортуна» под командованием морехода К. Мошкова. Это было первое плавание морского судна вокруг Камчатского носа (мыса Лопатка).

1728, 9 июня — спущен на воду и окрещён бот «Св. Гавриил» — первое морское судно, построенное на Камчатке.

1728, 13 июля — 2 сентября — плавание «Св. Гавриила» вдоль азиатского берега в Чукотское море. Экипаж судна состоял из сорока четырёх человек. Хотя экспедиция и не нашла Америки, её значение оказалось велико. Были положены на карту основные объекты северо-восточного побережья Азии.

1729, июль — Беринг предпринял попытку найти землю, лежащую против устья реки Камчатки, о которой он узнал от местных жителей. Но бот прошёл мимо острова, названного впоследствии его именем, не заметив его из-за тумана.

Василий Шестаков на судне «Фортуна» плавал из Большерецка к Курильским островам, посетил пять ближних к Камчатке островов и собрал ясак с их жителей.

Пятидесятник Штинников напал на японское судно, потерпевшее кораблекрушение на юго-восточном побережье Камчатки. Были убиты пятнадцать японских моряков из семнадцати и захвачены японские товары. Двоих пленных японцев по приказу капитана Д. И. Павлуцкого отправили в Петербург, где они были крещены как Кузьма Шульц и Дамиан Поморцев. Поморцев впоследствии был назначен учителем в школу японского языка. По приговору Походной розыскной канцелярии в 1735 г. Штинников был повешен.

1730, 14 марта — чукчи в районе реки Пенжины напали на отряд руководителя экспедиции Шестакова — Павлуцкого казачьего головы Афанасия Шестакова. А. Ф. Шестаков погиб. Экспедицию возглавил Д. И. Павлуцкий.

Бот «Св. Гавриил» передан от Первой Камчатской экспедиции в распоряжение Шестакова и Павлуцкого. По приказу Павлуцкого он направлен «...к анадырскому устью для проведывания морских островов». Осенью бот под командой штурмана Якоба Генса прибыл в Большерецк, где зимовал.

1731

9 июля «Св. Гавриил» прибыл в устье реки Камчатки для подготовки к плаванию на север, намеченному на 20 июля.

20 июля началось восстание ительменов под предводительством «камчатского Разина» (А. С. Пушкин) — Фёдора Харчина. Восставшие захватили и сожгли Нижнекамчатский острог. Восстание было подавлено с большим трудом. В подавлении восстания приняли участие и моряки со «Св. Гавриила». Во время этих событий в 1731—1732 гг. погибли более восьмидесяти русских и более трёхсот ительменов.

В 1731—1764 гг. по предложению Беринга была проведена реформа управления Северо-Востоком. Камчатка стала подчиняться не якутскому воеводе, а главному командиру вновь созданного Охотского приморского управления и Охотского порта, который назначал камчатских командиров. К сожалению, ни один из командиров, присланных из Охотска или Иркутска, не заслужил доброй памяти местного населения. Немаловажную роль в бедах Камчатки сыграло то, что в 1730—1740-е гг. на Камчатке работали одновременно три экспедиции, предводители которых также претендовали на роль главных начальников Камчатки. Это были руководители экспедиции Шестакова — Павлуцкого; трёх отрядов Второй Камчатской экспедиции — сам Беринг, М. П. Шпанберг, С. П. Крашенинников, а затем Г. Стеллер; походной розыскной канцелярии — майор В. Мерлин.

1732

23 июля «Св. Гавриил» вышел из устья реки Камчатки в историческое плавание к берегам Аляски. Вместо больного Я. Генса, оставшегося на Камчатке, судном командовали подштурман Иван Фёдоров и геодезист М. С. Гвоздев.

21 августа первые европейцы (за девять лет до В. Беринга) достигли северо-западного побережья Америки. Это были моряки со «Св. Гавриила». М. С. Гвоздев сообщает об этом так:

«Августа де 21-го дня пополудни в третьем часу стал быть ветер пособной, и пошли к Большой земле, и пришли к оной земле и стали на якорь от земли в верстах четырёх». Участник плавания Иван Скурихин добавляет, что, подойдя к Большой земле (так называли Аляску), «...рассмотрели, что не остров, но земля великая, берег жёлтого песку, жилья юртами по берегу и народу, ходящего по той земли, множество; лес на той земле великий лиственничной, ельник и топольник. И пошли де подле ту землю в левую сторону. Шли дней с пять, однако ж до конца той земли не дошли».

Началась Вторая Камчатская экспедиция (завершилась в апреле 1743 г.). В её составе работали девять отрядов, из них на Камчатке: 1) морской во главе с В. Берингом для поиска пути из Камчатки в Америку, 2) морской во главе с М. П. Шпанбергом для поиска морского пути из Камчатки в Японию, 3) академический во главе с академиками А. Г. Гмелиным и Г. Ф. Миллером для всестороннего исследования полуострова.

1733

На боте «Св. Гавриил» прибыла походная розыскная канцелярия во главе с майорами Василием Мерлиным и Дмитрием Павлуцким для ведения следствия по делу о камчатском бунте 1731 г. В отряд В. Мерлина входили более сорока человек, включая «заплечного мастера» (палача). В 1735 г. вынесены и приведены в исполнение приговоры: в Нижнекамчатске, Большерецке и Верхнекамчатске были публично повешены трое русских и десять ительменов (двое умерли до вынесения приговора), телесным наказаниям подверглись шестьдесят три русских и сорок четыре ительмена. Походная канцелярия отбыла с Камчатки 5 октября 1739 г. на боте «Св. Гавриил».

1736

Под руководством В. Мерлина при впадении реки Радуги в реку Камчатку построен новый Нижнекамчатский острог.

1737

В октябре на Камчатку прибыл член академического отряда С. П. Крашенинников (работал на полуострове до июня 1741 г.). Итогом его исследований стал классический труд «Описание земли Камчатки», изданный в 1755 г.

Геодезистом И. Свистуновым и подштурманом Е. Родичевым сделано первое описание Авачинской губы, составлена её карта и выбрано место для пристани при устье реки Авачи.

1738

На Камчатку прибыл морской «японский» отряд М. П. Шпанберга в составе трёх кораблей, которые летом совершили плавание вдоль Курильской гряды до берегов о. Хоккайдо.

В устье реки Авачи по приказу М. П. Шпанберга началось строительство маяка, казарм и жилья для офицеров.

Зимой с 1738 на 1739 г. в Большерецке построено четвёртое судно для отряда М. П. Шпанберга — бот «Большерецк».

1739

Плавание отряда Шпанберга в Японию. На обратном пути были открыты и описаны Южные Курильские острова. Русские моряки впервые высаживались на японской территории (остров Хонсю), описали быт и обычаи Японии.

1740

10 июня в Авачинскую губу пришло первое морское судно — «Св. Гавриил» под командой штурмана И. Елагина. Беринг предписал ему обследовать Авачинскую губу: «в какой она глубине состоит и можно ль построенными для нашего вояжу пакетботами в тое губу с моря судами вхаживать... К тому ж при оной губе надлежит быть для жилья служителям строение, також и для клажи, провианта».

На Камчатку прибыли двадцать четыре семьи крестьян из Илимского уезда Сибири. В следующем, 1741 г. они основали первые русские земледельческие поселения в долине реки Камчатки — Мильково и Ключевское.

20 сентября штурман И. Елагин сообщал об итогах своей работы в Авачинской губе: «При которой губе построено камчатскими служилыми и ясашными иноземцами жилых покоев в одной связке пять, да казарм три, да три ж анбара в два апартамента. Також и в означенной губе глубину вымерял».

6 октября (17 октября по новому стилю) — основан Петропавловск, о чём Беринг сообщал в своём рапорте в Сенат 22 апреля 1741 г.: «А вышереченная гавань к отстою в зимнее время морских судов весьма способна, и для того прибыли в оную гавань в двух пакетботах со всею командою того 740-го году октября 6-го дня благополучно, где и зимовали. И оная гавань названа нами Святых апостол Петра и Павла».

1741

4 июня пакетботы «Св. Пётр» и «Св. Павел» под командой Беринга и Чирикова отправились на поиски Америки. 15 июля «Св. Павел», а 16 июля «Св. Пётр» достигли северо-западного

побережья Америки. «Св. Павел» вернулся в Авачинскую губу 11 октября 1741 г., потеряв двадцать четыре из семидесяти пяти членов экипажа. «Св. Пётр» 4 ноября подошёл к острову Беринга, где потерпел крушение и вынужден был зазимовать. 8 декабря 1741 г. скончался Беринг. Во время зимовки на острове умерли ещё тридцать человек. 26 августа 1742 г. сорок шесть оставшихся в живых членов экипажа вернулись в Петропавловскую гавань на вновь построенном гукоре «Св. Пётр». За открытие северо-западного побережья Америки русские моряки заплатили пятьюдесятью пятью жизнями из ста пятидесяти двух участников экспедиции.

1742

В Большерецке основана первая школа, в которой обучались двадцать четыре ученика. Учителем был назначен ссыльный поручик Пражевский.

1743—1799

Открытие и освоение русскими промышленниками и казаками Командорских, Алеутских островов, островов в Беринговом море и Аляскинском заливе, побережья северо-западной Америки. Начиная с первой экспедиции в 1743—1744 гг. на остров Беринга, организованной сержантом Нижнекамчатской команды Емельяном Басовым, и до образования РАК состоялось более девяноста плаваний. Были открыты все острова Алеутской гряды и другие, прилегающие к северо-западному побережью Америки. На многих островах созданы постоянные русские поселения (фактории). Дж. Кук, посетивший остров Уналашку в октябре 1778 г., свидетельствует: «Русские живут на всех главных островах между Уналашкой и Камчаткой... Я не спрашивал их, когда они впервые осели на Уналашке и соседних островах, но... можно предположить, что произошло это довольно давно». Штурман экспедиции Кука Т. Эдгар, посетивший русское селение, сообщает: «На острове Уналашка — шестьдесят русских и двадцать камчадалов, а на различных близлежащих островах — около пятисот русских и камчадалов». Хирург экспедиции Д. Самвелл добавляет, что у русских есть «фактории на всех островах Анадырского (Берингова) моря и во многих местах вдоль американского берега». Большинство промысловых экспедиций на Алеутские острова и Аляску отправлялись с Камчатки и на судах, построенных там. Многие промышленники и казаки не вернулись, погибнув во время частых кораблекрушений, стычек с аборигенами, от болезней.

У берегов России. В. Н. Ефимов, 1985 г. (из фондов ККОМ)

Утро в Петропавловской гавани. Пакетботы «Св. Пётр» и «Св. Павел». В. И. Шиляев, 2013 г.

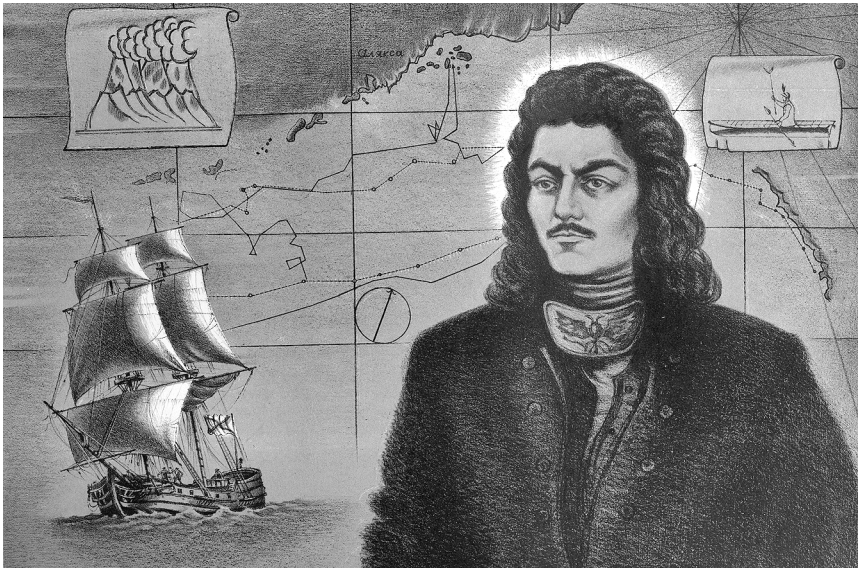
Гибель пакетбота «Св. Пётр». В. И. Шиляев, 2012 г.

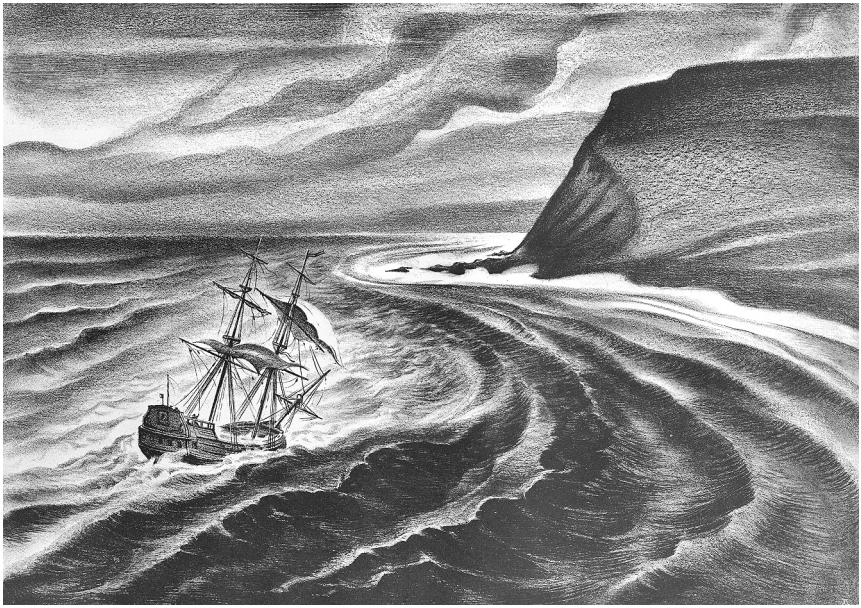
Гукор «Св. Пётр». Окончание Второй Камчатской экспедиции.
В. И. Шиляев, 2013 г.

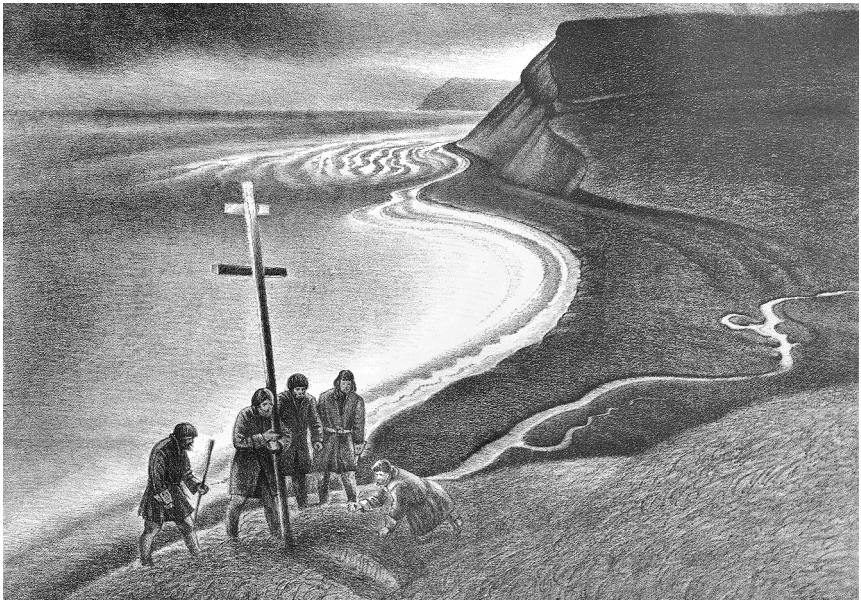
Витус Беринг. Начало пути. Е. Ф. Димура, 1991 г.
(из фондов ККОМ)

Алексей Чириков. Возвращение. Е. Ф. Димура, 1991 г.
(из фондов ККОМ)

Гибель пакетбота «Св. Пётр». Е. Ф. Димура, 1991 г.
(из фондов ККОМ)

Погребение командора. Е. Ф. Димура, 1991 г. (из фондов ККОМ)

1764—1771

Работала секретная правительственная экспедиция капитан-лейтенантов П. К. Креницына и М. Д. Левашова, посланная по указу Екатерины II от 4 мая 1764 г. для описания и освоения островов, открытых в Тихом океане. В октябре 1766 г. экспедиция отправилась из Охотска, но, потеряв у западного берега Камчатки два судна из четырёх, была вынуждена задержаться на два года в Нижнекамчатске. Лишь в июле 1768 г. она вышла с Камчатки к Аляске. Исследованы дальние Алеутские острова и полуостров Аляска. Моряки в 1768—1769 гг. зимовали на островах Уналашка и Унимак, где потеряли половину из ста восьмидесяти семи человек, отправившихся с Камчатки. В 1769—1770 гг. экспедиция зимовала в Нижнекамчатске, где погиб Креницын.

В 1764—1768 гг. — на северо-востоке работала экспедиция для описи чукотского и американского берегов под руководством лейтенанта И. Синдта. Все три зимовки она провела на Камчатке: на реке Хайрюзовой, Уке и в Нижнекамчатске.

1764—1785

Камчатские командиры стали подчиняться непосредственно иркутскому губернатору, но облегчения населению края это не принесло.

1765

Из Петропавловской гавани к южным Курильским островам плавал известный мореход Андреян Толстых. Возвращаясь на зимовку в Петропавловск после неудачного промысла у острова Кунашир, его судно разбилось у Шипунского мыса. Из шестидесяти трёх промышленников спаслись только трое.

1766

На Курилы для сбора ясака из Большерецка был послан сотник Иван Чёрный. Он составил описание девятнадцати островов, в том числе южных — Итурупа и Кунашира — и собрал ясак с их жителей.

1768—1770

Осенью 1768 г. из Охотска на полуостров завезена оспа. Эпидемия свирепствовала до весны 1769 г. Летом же этого года случился большой недоход рыбы, приведший к страшному голоду зимой 1769—1770 гг. Погибли более шести тысяч человек, то есть более двух третей населения полуострова.

1771

«Большерецкий» бунт, организованный группой ссыльных офицеров во главе с бароном Морицем Августом Беневским. В ночь на

26 апреля был убит командир Камчатки капитан Нилов. Командиром объявил себя Беневский. Помимо восьми ссыльных офицеров в заговор были вовлечены более шестидесяти местных жителей разных сословий: матросы, крестьяне, казаки, промышленники, камчадалы, в том числе семь женщин. 12 мая заговорщики покинули Камчатку на казённом судне «Св. Пётр», захватив собранную пушнину, продовольствие и оружие, которые продали вместе с судном в португальской колонии Макао. Из Макао на французских судах беглецы добрались до Франции. Дальнейшая их судьба сложилась по-разному. Беглецы с Камчатки были первыми русскими людьми, побывавшими в южном полушарии и дважды пересёкшими экватор, переплывшими через три океана.

1773—1779

Командиром Камчатки являлся премьер-майор Магнус Карл фон Бем, назначенный указом императрицы Екатерины II от 30 апреля 1772 г. Годы его управления были наиболее успешными в жизни Камчатки в XVIII в. Вот какую оценку деятельности Бема на Камчатке даёт историк Камчатки А. С. Сгибнев: «По прибытии в Камчатку Бем, прежде чем приступить к каким-либо распоряжениям, счёл необходимым ознакомиться с условиями вверенного ему края и бытом его обывателей. Для этой цели он посетил селения иноверцев, входил в мельчайшие подробности их жизни и как нежный отец не отказывал никому в добром совете и рассмотрении жалоб, хотя бы оне касались только семейной жизни. Примером своим он укротил наглость служилых, примирил их с туземцами и уничтожил, по возможности, взяточничество. Словом, его уму, честности, энергии и справедливости во всех действиях туземное население обязано своим освобождением от рабства и угнетения, тяготивших на нём более полувека». Бем завёл в каждом селении общественные и частные огороды, посадки картофеля, в первые годы были получены неплохие урожаи ржи, овса, ячменя. Он возродил железоделательный завод близ Верхнекамчаткска, завёл казённый солеваренный завод, чем снизил цены на соль более чем в двадцать раз. Он стал назначать на каждое судно, отправлявшееся на промысел на Алеутские острова, по два унтер-офицера для сбора ясака и предотвращения грубого обращения промышленников с туземцами. Бем значительно увеличил доходы казны, много внимания уделял развитию школ, построил первую на Камчатке больницу, в которой работал первый врач на полуострове — лекарь Робек. Бем в 1775 г. организовывал экспедицию на южные Курильские острова и лично вручил её руководителю И. М. Антипину

подробную инструкцию. В 1779 г., уже сдав дела своему приемнику капитану В. И. Шмалеву, Бем лично занимался организацией помощи экспедиции Дж. Кука, зашедшей 29 апреля 1779 г. в Петропавловскую гавань, показав себя настоящим дипломатом. В планах Бема было создание больниц во всех камчатских крепостях, перенос административного центра территории в Тигильскую крепость, учреждение на Камчатке навигацкой школы и прочее.

1775—1780

Иван Чёрный умер от оспы, не успев составить карты и оставив лишь черновой журнал с описанием девятнадцати Курильских островов. 3 марта 1775 г. вышел указ об организации новой экспедиции на Южные Курилы для их изучения, приведения жителей в русское подданство и установления торговых отношений с Японией. Её финансировали купцы П. С. Лебедев-Ласточкин и Г. И. Шелихов, её начальником назначен И. М. Антипин, изучавший японский язык в Иркутске. В июне 1775 г. экспедиция отправилась из Петропавловской гавани. Судно «Св. Николай» потерпело крушение у восемнадцатого острова (Уруп), где экспедиция и обосновалась. С приходом нового судна «Св. Наталья» новый начальник экспедиции Д. Я. Шабалин, штурманский ученик Ф. Путинцев и переводчик И. М. Антипин дважды встречались с японцами (в июне 1778 и в августе 1779 г.) в бухте Аккеси на северо-востоке о. Хоккайдо. Переговоры с японцами об установлении торговых отношений закончились безрезультатно.

Экспедиция 1775—1780 гг. имела важное значение. Во-первых, было установлено, что большая часть острова Хоккайдо не была под властью Японии (японцы начали освоение северного Хоккайдо лишь после 1785 г.). Во-вторых, в российское подданство были приведены полторы тысячи айнов («мохнатых курильцев»), большая часть которых жила на Хоккайдо. К сожалению, Россия не смогла закрепиться на этих территориях. Одной из причин этого явился указ Екатерины II от 30 апреля 1779 г., освобождавший население дальних Курильских островов от уплаты ясака. Поэтому камчатские казаки не имели повода посещать их, а русским промышленникам они были не интересны по причине бедности пушниной.

1779

Петропавловскую гавань дважды посетили корабли Третьей кругосветной экспедиции Дж. Кука — «Дискавери» и «Резолюшн»: с 29 апреля по 12 июня и с 24 августа по 8 октября. Моряки экспедиции оставили в опубликованных дневниках много инте-

ресных и важных сведений о Камчатке и её жителях. Целью экспедиции было открытие северо-западного прохода из Тихого в Атлантический океан вокруг Северной Америки. Если первая попытка будет неудачной, то, по инструкции Британского Адмиралтейства, Кук должен был перезимовать в Петропавловской гавани и повторить попытку. Но после встречи на острове Уналашке в октябре 1778 г. с русскими, Кук отказался от зимовки в Петропавловске: «Я потому не намерен заходить в гавань Св. Петра и Св. Павла на Камчатке и там проводить зиму, что крайне для меня нежелательно стоять в бездействии шесть или восемь месяцев...» Вскоре, 14 февраля 1779 г., Кук трагически погиб на Гавайских островах, и в Петропавловск корабли привёл его преемник — капитан Чарльз Кларк. Это были первые иностранные корабли, посетившие Камчатку. В Петропавловске они застали гарнизон из сорока человек во главе с сержантом Сургуцким и шестьдесят промышленников с зимовавшего здесь судна «Св. Николай» под командой Дмитрия Полутова, направлявшегося на остров Кадьяк. Англичан поразил суровый климат и малонаселенность Камчатки (десять лет назад по краю прокатились эпидемия оспы и голод). «Самая дикая и тоскливая страна земного шара», — такую характеристику дал Камчатке лейтенант Кинг, совершивший в мае 1779 г. поездку в Большерецк. Во время второго захода англичане похоронили руководителя экспедиции капитана Ч. Кларка, памятник-обелиск которому стоит ныне на улице Ленинской. 8 октября 1779 г. корабли экспедиции под командой капитана Джона Гора покинули Петропавловскую гавань. В дневниках участников экспедиции, опубликованных в 1780-е гг., английские моряки пишут много тёплых слов о гостеприимстве и доброжелательности жителей Камчатки, о бескорыстной помощи в снабжении продуктами, в которых русские сами испытывали недостаток, и в ремонте судов.

1785

27 февраля административный центр Камчатки перенесён из Большерецка, являвшегося им с 1740 г., в Нижнекамчатск. Это было связано с административно-территориальной реформой 1783 г., в результате которой в составе Иркутской губернии появилась Охотская область во главе с комендантом. В неё вошли три камчатских уезда — Гижигинский, Акланский и Нижнекамчатский. Центры уездов, в том числе Нижнекамчатск, стали городами. Во главе уездов стояли исправники. Нижнекамчатским исправником был назначен И. Штейнгель. Реформа привела к путанице

в полномочиях городничих и исправников, из-за чего между ними постоянно возникали конфликты.

1786

22 декабря Екатерина II издала указ о снаряжении первой русской кругосветной экспедиции под командованием капитана Г. И. Муловского в составе пяти кораблей. Экспедиция должна была доставить грузы на Камчатку и в Охотск, обеспечить охрану русских владений на Тихоокеанском побережье, искать и исследовать новые земли, а главное — обозначить принадлежность России открытых земель и островов, для чего были изготовлены двести чугунных гербов с надписью «Земля российского владения» и большое количество серебряных и медных медалей. К сожалению, отправку уже готовой к выходу эскадры, стоявшей на рейде в Кронштадте, пришлось отменить 28 октября 1787 г. в связи с начавшимися войнами со Швецией и Турцией. Лишь шестнадцать лет спустя состоялась первая русская кругосветная экспедиция под руководством И. Ф. Крузенштерна.

1787

С 25 августа по 19 сентября в Петропавловской гавани находились корабли кругосветной экспедиции Ж. Ф. Лаперуза — «Буссоль» и «Астролябия». Лаперуз оставил интересное описание Камчатки. Перед отбытием с Камчатки Лаперуз отправил с документами первого года плавания своего посланника, знавшего русский язык, — Ж. Б. Лессепса. Тот проехал всю Камчатку и Сибирь и подробно описал своё путешествие, сообщив много любопытных деталей о жизни Камчатки того времени.

1788

Шихтмейстер Д. Гауз совершил восхождение к кратеру Ключевского вулкана.

1789

5 октября на построенном в Охотске судне «Слава России» в Петропавловскую гавань прибыли участники Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции (1785—1794 гг.) под командованием И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева. В составе экспедиции были внук В. Й. Беринга Х. Беринг, капитан-лейтенант Р. Р. Галл, учёные И. Меин, К. Кребе, И. Эдворс, врачи — К. Г. Мерк и бывший лекарь большерецкой больницы М. Робек и другие. Исследования проводились на побережье Ледовитого океана к востоку от Колымы, на Чукотке, охотском и американском побережьях, на Алеутских и Курильских островах. На Камчатке экспедиция провела две зимовки и лето 1792 г. В Нижнекамчат-

ске был построен второй корабль — «Чёрный орел», которым командовал капитан-лейтенант Р. Р. Галл (впоследствии адмирал, командующий Черноморским флотом). Биллингсу фактически было поручено управление Камчаткой для отражения возможного нападения на Петропавловск английского капитана Кокса на шведском военном корабле «Меркурий». Летом 1790, 1791 и 1792 гг. экспедиция проводила исследования на дальних Алеутских (Лисьих) и Курильских островах и на северо-американском побережье. Во время зимовок в Петропавловске Г. А. Сарычев основательно исследовал Авачинскую губу и её окрестности. Экспедиция составила пятьдесят семь карт и планов Камчатки и русских владений на севере Тихого океана. Наибольшее научное значение из них имеет «Меркаторская карта северо-восточной части Сибири, Ледовитого моря, Восточного океана и северо-западных берегов Америки, с означением путеплавания на судах, бывших при исполнении экспедиции под начальством флота капитана Биллингса», составленная Сарычевым. Экспедиция собрала ценные материалы по этнографии Алеутских островов, Аляски и северо-восточной части Азии. Бывший камчатский лекарь М. Робек подготовил «Краткий словарь двенадцати наречий разных народов, обитающих в северо-восточной части Сибири и на Алеутских островах». Экспедиция И. И. Биллингса — Г. А. Сарычева подвела итог всему, что было достигнуто русскими мореплавателями в XVIII в., и значительно их дополнила. По масштабам исследований и их значению её можно сравнить со Второй Камчатской экспедицией 1732—1743 гг.

1798

3 октября в рамках губернской реформы Павла I от 1796 г. было принято решение для усиления обороны Камчатки сформировать из батальона полковника А. А. Сомова полк и расположить по одной его роте в Нижнекамчатске, Петропавловской гавани, Охотске и Удском остроге. Это решение привело к огромным убыткам для казны и большим несчастьям для населения Камчатки. Солдаты сомовского полка завезли эпидемию горячки. При перевозке из Охотска летом 1799 г. Нижнекамчатской шефской роты умерли тридцать солдат. Сомов приказал вместо Нижнекамчатска доставить роту в Петропавловскую гавань, откуда зимой на собачьих упряжках людей с багажом перевозили в Нижнекамчатск. Болезнь распространилась по всему полуострову и унесла жизни более двух тысяч человек, в том числе трёхсот пятидесяти русских. В это время на Камчатке проживало немногим более

четырёх тысяч человек. По масштабам это бедствие сравнимо с эпидемией оспы 1768—1769 гг.

1799

9 июля Павел I подписал указ о создании РАК. Ей представлялись особые «привилегии и правила», разрешалось пользоваться «всеми промыслами и заведениями, находящимися ныне на северовосточном берегу Америки от 55° до Берингова пролива и за оный, також на островах Алеутских, Курильских и других, по Северо-Восточному океану лежащих». РАК имела право открывать новые земли и к югу от 55° «естьли оные никакими другими державами не были заняты», а также «иметь торговлю со всеми около лежащими державами». РАК сыграла важную роль в истории Камчатки. Все земли, находившиеся в управлении РАК («Русская Америка»), были открыты экспедициями, отправлявшимися с полуострова. Последним главным правителем Русской Америки был герой обороны Петропавловска Д. М. Максутов.

Многие известные деятели Русской Америки оставили заметный след и в истории Камчатки: В. С. Завойко, епископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий (Вениаминов), начальник Камчатки в 1829—1835 гг. А. В. Голенищев, управляющий Камчатской факторией К. Т. Хлебников, первый камчатский агроном, уроженец Камчатки Егор Черных, служивший в 1836—1841 гг. в форте Росс в Калифорнии и другие.

Корабли, совершавшие кругосветные плавания, как правило, заходили и в Русскую Америку, и в Петропавловск. Контора РАК в Петропавловске занималась снабжением Камчатки продовольствием и различными товарами, имела магазины (склады) в Петропавловском порту. Часто зимовали в Петропавловске корабли РАК, в том числе «Юнона» и «Авось». РАК провела заселение необитаемых до 1820-х гг. Командорских островов алеутами с дальних Алеутских островов (Лисьих). В 1829 г. РАК создало алеутское селение Курилороссия на острове Уруп. После передачи Курильских островов Японии в 1875 г. жители Урупа были переселены на Камчатку.

1802

Нехватка продовольствия для сомовского полка, дороговизна и трудности его доставки из Сибири через Охотск привели к тому, что по предложению иркутского военного губернатора Б. Б. Леццано был издан указ Александра I от 29 декабря 1801 г., предписывавший занять две трети камчатских солдат хлебопашеством и скотоводством. В 1802 г. началось новое перемещение солдат по полу-

острову: из Большерецка в Нижнекамчатск, из Нижнекамчатска в селения Ключевское и Машура на реке Камчатке, из Петропавловска в Верхнекамчатск. Хлебопашество не состоялось из-за отсутствия семян, которые были доставлены из Иркутска только в 1809 г. Скот из Якутска (коров и лошадей) пришлось перегонять трижды, почти весь он был забит из-за бескормицы в пути. Солдат из Верхнекамчатска и Машуры снова перевели в Петропавловскую гавань и Нижнекамчатск. Затея Леццано и Сомова полностью провалилась.

1803

26 июля началась эпоха русских кругосветных плаваний. В этот день из Кронштадта вышли в историческое плавание два шлюпа: «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна и «Нева» под руководством Ю. Ф. Лисянского. Корабли обогнули Южную Америку и вместе дошли до Гавайских островов. Дальше их пути разошлись. «Нева» пошла в Русскую Америку, «Надежда» — на Камчатку. В задачу «Надежды» входили привоз грузов в Петропавловскую гавань и затем доставка первого русского посольства в Японию, а также исследование Сахалина. На обратном пути корабли должны были встретиться в Кантоне и, обогнув Африку, вернуться в Кронштадт.

Всего в плавании участвовали сто двадцать девять человек. Среди офицеров «Надежды» было немало опытных моряков, прославивших русский флот: будущие адмиралы Макар Иванович Ратманов и первооткрыватель Антарктиды Фаддей Фаддеевич Беллингеаузен, будущий руководитель двух кругосветных плаваний (в 1815—1818 и 1823—1826 гг.), тоже с заходами на Камчатку, Отто Евстафьевич Коцебу и его брат Мориц Коцебу, Фёдор Ромберг, Пётр Головачёв, Ермолай Левенштерн, Филипп Каменщиков, Василий Сполохов, артиллерийский офицер Алексей Раевский и другие. Кроме них в экипаж «Надежды» входили доктор Карл Эспенберг, его помощник Иван Сидгам, астроном И. К. Горнер, естествоиспытатели Вильгельм Тилизеус фон Тиленау, Георг Лангсдорф. В свиту камергера Н. П. Резанова входили майор Ермолай Фредерич, граф Фёдор Толстой, надворный советник Фёдор Фос, живописец Степан Курляндцев, медик и ботаник Бринкин. Всего на «Надежде» пребывали шестьдесят девять человек. Накануне отплытия Крузенштерна избрали членом-корреспондентом Академии наук. Видные учёные Академии приняли участие в разработке инструкции по различным отраслям научных исследований. Корабли были снабжены лучшими по тем временам

мореходными инструментами и пособиями для плавания, новейшими приборами.

11 августа Александр I утвердил новое положение об управлении Камчаткой. Оно было разработано особым комитетом из трёх министров — коммерции, военного и морского — и сибирского генерал-губернатора по представлению нового Камчатского командира — генерала П. И. Кошелева, сменившего в 1802 г. Сомова. В постановлении комитета, утверждённом императором, говорилось: «...для управления Камчаткою учредить областное правление из судьи, исправника и двух заседателей под председательством коменданта, которому именоваться правителем Камчатской области». Крутые меры по наведению в крае порядка, которые предпринял новый правитель Камчатской области, привели к созданию против него заговора офицеров и назначенных из Иркутска чиновников во главе с полковником Сибиряковым. Кошелева отстранил от должности по жалобе заговорщиков сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель. Более двух лет он провёл под следствием, был отдан под суд, но до его окончания вступил в ополчение и за проявленную в Отечественной войне 1812 г. храбрость был освобождён. 4 сентября 1807 г. управление Камчаткой принял генерал-майор Петровский, но и против него в 1812 г. начато следствие, и он тоже был отдан под суд за множество злоупотреблений.

1804

3 июля «Надежда» прибыла в Петропавловск. Всяческую помощь её морякам в разгрузке, ремонте судна и снабжении всем необходимым оказывали комендант Петропавловского порта майор Крупский и прибывший из Нижнекамчатска правитель области генерал-майор П. И. Кошелев. В общей сложности моряки «Надежды» провели в Петропавловске около четырёх месяцев, совершив три захода в Петропавловск в 1804 и 1805 г. Крузенштерн глубоко вникал во все стороны жизни полуострова. В своём труде «Путешествие вокруг света...» он посвятил ему целую главу «О нынешнем состоянии Камчатки», где не только обозначил сложности территории, но и изложил свою программу их решения. После возвращения в Петербург он стал одним из инициаторов преобразования управления краем. Так же близко к сердцу принимали неустройства далекой российской окраины моряки последующих кругосветных экспедиций, а из сорока таких плаваний более двадцати были совершены с заходом на Камчатку. Чувства, которые испытывали русские моряки, ступив на камчатскую землю после

годичной разлуки с родиной, хорошо передал В. М. Головнин — руководитель двух кругосветных плаваний: «В двенадцатом часу перед полуднем к всеобщей нашей радости увидели мы камчатский берег, берег, принадлежащий нашему отечеству! И хотя он от Санкт-Петербурга отдалён на тринадцать тысяч вёрст, но со всем тем составляет часть России: и по долговременному нашему отсутствию из оной, мы и Камчатку считали своим отечеством, единственно потому, что в ней есть русские, и что управляется она общими нам законами. Радость такую мы чувствовали при воззрении на сей грозный, дикий берег... могут только те понимать, кто бывал в подобном нашему положении... В третьем часу по полудни достигли мы прохода, соединяющего океан с Авачинской губой, а в пятом часу, прошед оным, вошли в губу; тогда открылись нам все берега, окружающие сию прекрасную в свете гавань. Мы тотчас бросились со зрительными трубами смотреть, где находилась Петропавловская гавань, прославленная посещением знаменитых мореплавателей Беринга, Чирикова, товарищей Кука, Лаперуза, Сарычева, Крузенштерна». А помощник и друг Головнина по плаванию на шлюпе «Диана», впоследствии начальник Камчатки в 1817—1822 гг., П. И. Рикорд выразил надежду всех русских мореплавателей: «Статься может, что сей край, прославленный в странноприимстве со спутниками бессмертного Кука и несчастного Лаперуза, со временем по выгодному своему для коммерции географическому положению соделается более известным соседственным азиатским народам и будет посещаем мореплавателями из отдалённых стран».

Среди кругосветных мореплавателей, побывавших на Камчатке до 1855 г., — О. Е. Коцебу (дважды), Л. А. Гагемейстер, А. П. Лазарев, М. Н. Станюкович, Ф. Д. Врангель, Ф. П. Литке, Г. И. Невельской и другие.

1806

13 сентября из Ново-Архангельска (Русская Америка) в Петропавловск на зимовку прибыло судно РАК «Ростислав». На нём вернулся из поездки с Н. П. Резановым в Русскую Америку учёный и путешественник Григорий Иванович Лангсдорф. Натуралист в экспедиции И. Ф. Крузенштерна, член российского посольства в Японии, исследователь Камчатки, Русской Америки, Калифорнии, позднее он был организатором и руководителем первой русской экспедиции в Бразилию, российским генеральным консулом в Рио-де-Жанейро. Г. И. Лангсрдорф известен и как автор проектов административно-хозяйственных преобразований. Он писал

о перспективах нашего полуострова в будущем: «Камчатка... заслуживает особенное внимание... Здесь могли бы быть произведены самые прекраснейшие и плодороднейшие долины... Естественных произведений здесь много, но несравненно более могло бы быть добыто чрез обрабатывание земли. Картофель и горох весьма хорошо здесь родятся... Щедрая в сие годовое время природа требует не иначе как многих и трудолюбивых земледелателей... Первая потребность для сей страны состоит в том, чтоб более заселить оную и иметь добрых землепашцев, ремесленников и промышленников... Весьма бы нужно завести здесь гончарную работу, кирпичные заводы, варение мыла и соли и иметь искусных людей в ловении китов и сушении рыбы и прочее. Также весьма полезно бы устроить мельницы, обсушить болотистые места и прочее. По изобилию различных физических предметов, здесь найденных, делаю я общее заключение, что земля сия способна к большему усовершенствованию и заслуживает особенное внимание». Зимой 1806—1807 гг. Лангсдорф совершил ещё несколько поездок по Камчатке и 14 мая 1807 г. покинул её на том же «Ростиславе», который доставил его в Охотск.

1806

2 октября в Петропавловск прибыли на зимовку суда РАК «Юнона» и «Авось» под командованием лейтенанта Г. И. Давыдова и мичмана Н. А. Хвостова. В сентябре этого года «Юнона» и «Авось» погромили японские военные посты на южном Сахалине в заливе Анива по распоряжению Н. П. Резанова. В 1807 г., после зимовки в Петропавловске, они плавали к Южным Курилам, где также уничтожили японские военные посты.

1812

19 апреля важным рубежом в жизни Камчатки стало утверждение Александром I «Нового положения о Камчатке» — плана преобразований, разработанного особым комитетом под председательством сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля. В комитет вошли люди, хорошо знавшие местные сложности, — вице-адмирал Г. А. Сарычев, капитан 1-го ранга И. Ф. Крузенштерн, лейтенант Л. А. Гагемейстер, профессор Г. И. Лангсдорф. «Новое положение о Камчатке» содержало девяносто пунктов, детально определявших основные преобразования в управлении полуостровом. Упразднялся камчатский батальон, вместо него создавалась флотская экипажная рота из ста двадцати двух человек, располагавшаяся в Петропавловской гавани, и команда из пятидесяти пяти казаков. Областное управление ликвидировалось. Управление

Камчаткой поручалось начальнику из опытных морских офицеров, который был обязан прослужить в должности пять лет, будучи одновременно и командиром флотской экипажной роты. Его местопребыванием определялась Петропавловская гавань. Начальник Камчатки подчинялся непосредственно сибирскому генерал-губернатору. Одной из важных мер по облегчению положения населения, предложенных И. Ф. Крузенштерном, была отправка каждые два года транспортного судна и военного фрегата из Кронштадта.

Всего в период действия «Нового положения» в должности начальника Камчатки прослужили восемь морских офицеров. Не все они были идеальными руководителями, но в отличие от прежних правителей края среди них не было откровенных самодуров, взяточников и казнокрадов. Первым предполагалось назначить П. И. Рикорда, но его утверждение по разным причинам затягивалось, и временно исполнять должность начальника было поручено лейтенанту И. Рудакову. Его «временное» руководство длилось более четырёх лет. Наибольшие преобразования в крае происходили в период управления П. И. Рикорда (май 1817 — ноябрь 1822 г.). П. И. Рикорд прибыл на Камчатку 25 сентября 1809 г. на шлюпе «Диана», летом 1810 г. совершил плавание в Русскую Америку, а 4 июля 1811 г., после пленения В. М. Головнина японцами на Кунашире, возглавил экипаж «Дианы». Так что до назначения на должность начальника Рикорд почти пять лет, с 1809 по 1814 г. с перерывами, провёл на Камчатке и прекрасно знал её. За пять с половиной лет в должности начальника Камчатки Рикорд сделал для края больше, чем все его предшественники.

Чтобы предотвратить голод из-за недолова рыбы в 1816—1818 и в 1820 гг. большое количество казённого продовольствия было роздано камчадалам бесплатно или продано по умеренным ценам. В Мильково и Тигиле открылись больницы на тридцать мест каждая. Прошла перепись населения, по которой камчадалов в сорока девяти селениях проживало 2 758, русских в тринадцати селениях — 1 346, имелось 599 «сидячих» коряков и 67 курильцев — всего 3 424 человек. Кроме того, в 1820—1821 гг. в районе Тигиля обосновались 349 оленных коряков, пришедших из-под Гижиги. В 1817 г. Рикорд основал в Петропавловске ремесленную школу, а в 1820 г. — духовное училище. Он привёз с собой шесть ремесленников, а сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский отправил на Камчатку ещё двадцать два мастеровых, которые обслуживали нужды населения и преподавали в школе (инструменты

для неё в 1818 г. на шлюпе «Камчатка» доставил В. И. Головнин. За первые десять лет своего существования школа выпустила двадцать шесть человек), где дети местных жителей обучались токарному, кузнечному и слесарному ремеслу. Рикорд разработал проект преобразования Петропавловска в «настоящий порт». Предусматривалось построить причалы, мастерские, сараи для зимовки гребных судов. Проект, одобренный М. М. Сперанским, не был полностью осуществлён из-за недостатка строительных материалов и средств. Построен был лишь лазарет для экипажной роты. Рикорд пытался завести торговлю с иностранцами и организовать китобойный промысел. Но комитет министров решил поручить это РАК, которая не была заинтересована ни в том, ни в другом. Много сделал Рикорд для развития огородничества и животноводства. Из Москвы выписывались семена овощей и бесплатно раздавались жителям. Каждый год осенью устраивались выставки овощей, и лучшие огородники награждались подарками. Во многих селениях стали выращивать капусту, картофель, репу, морковь, а в Верхнекамчатске и огурцы. Московское общество сельского хозяйства избрало Рикорда членом-корреспондентом. В 1822 г. по представлению Рикорда Петропавловск был возведён в ранг города, а Камчатка по реформе М. М. Сперанского от 22 июня 1822 г. вошла в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства под названием «Камчатское приморское управление».

П. И. Рикорд сохранил память о Камчатке на всю жизнь. Он завещал, что если умрёт в Петербурге, то «его сердце послать в Камчатку».

1820-е гг. — самая интенсивная эпоха русских кругосветок. Почти ежегодно в Петропавловский порт заходили корабли, совершавшие такие плавания, некоторые неоднократно. Они не только доставляли необходимые грузы, но и занимались исследованиями на полуострове и в сопредельных водах. Участники этих плаваний приобретали опыт, который не могли бы получить за все годы службы на Балтийском или Чёрном морях. Они сообщают любопытные сведения о жизни полуострова и его обитателей.

1820

4 июня — конец июня — пятое кругосветное плавание с заходом в Петропавловский порт совершил шлюп «Открытие» под командой капитан-лейтенанта М. Н. Васильева.

1821

8 сентября шлюп «Открытие» во второй раз посетил Петропавловский порт.

14 сентября на транспорте «Михаил» из Охотска прибыл английский путешественник Джон Дандас Кохрейн, проехавший через всю Сибирь. Здесь он влюбился и женился на воспитаннице П. И. Рикорда — сироте, дочери паратунского священника — и увез её в Лондон.

21 сентября из Русской Америки прибыл шлюп «Благонамеренный» под командой капитан-лейтенанта Г. С. Шишмарёва. Оба корабля одновременно — 4 июля 1819 г. — отправились из Кронштадта и вместе в середине октября 1821 г. вышли из Петропавловска и вместе вернулись в Кронштадт 8 августа 1822 г.

6 октября по инициативе П. И. Рикорда было торжественно отмечено столетие со времени издания петровского Морского устава. В праздновании приняли участие моряки шлюпов «Открытие» и «Благонамеренный», а также транспортного судна РАК «Михаил» и судна американского коммерсанта П. Добелла «Сан-Педро». Офицеры всех судов были приглашены на обед к начальнику Камчатки. Моряки по предложению Рикорда организовали сбор средств на памятник основателю Петропавловска В. Й. Берингу. Памятник был заказан в Петербурге и доставлен в Петропавловск в 1826 г.

1822

С 13 августа по 14 сентября в Петропавловске находилась кругосветная экспедиция на военном шлюпе «Аполлон» под командой лейтенанта С. П. Хрущова.

П. И. Рикорд выехал в Петербург, поручив временное исполнение должности начальника Камчатки своему помощнику капитан-лейтенанту А. П. Голенищеву.

18 сентября в должность начальника Камчатки вступил капитан 2-го ранга Фёдор Ефимович Станицкий.

26 ноября вышел правительственный указ об административном разделении Сибири на Восточную и Западную с центрами в Иркутске и Тобольске. На Камчатке образовано Приморское Камчатское управление в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства с сохранением прежнего штата во главе с морским офицером.

19 ноября из Нижнекамчатска в Петропавловск переведено Камчатское духовное управление.

1823

10 сентября прибыл военный шлюп «Ладога» под командой капитан-лейтенанта А. П. Лазарева.

1824

С 8 июня по 20 июля в Петропавловске находился военный шлюп «Предприятие» под командой капитан-лейтенанта О. Е. Коцебу,

направлявшийся в Русскую Америку и к Берингову проливу. Это было второе кругосветное плавание под руководством Коцебу. Первое он совершил в 1815— 1818 гг., в чине лейтенанта командуя бригом «Рюрик», и посетил Петропавловск в 1816 г. А первую свою кругосветку Отто Евстафьевич вместе с братом Морицем совершил с И. Ф. Крузенштерном на «Надежде» в 1803—1806 гг., будучи кадетом. «Надежда» трижды заходила в Петропавловск. На шлюпе «Предприятие» находился научный отряд, в который входили астроном В. Прейс, натуралисты И. И. Эшшольц, Г. Зивальд, Э. Гофман и Э. Ленц, ставший впоследствии известным российским физиком.

14 июля в Петропавловске наблюдали солнечное затмение. В тот же день Э. Ленц, Э. Гофман и Г. Зивальд совершили восхождение к кратеру Авачинского вулкана, доставив оттуда образцы серы.

1826

С 11 июня по 14 августа в Петропавловске стоял военный шлюп «Кроткий» под командой капитан-лейтенанта Ф. П. Врангеля.

С 18 по 24 июня в Петропавловском порту находился английский шлюп «Блоссом» под командованием капитана Ф. В. Бичи, проводившего географические исследования побережья Северной Америки. 23 июня 1828 г. «Блоссом» вторично зашёл в Петропавловск. Англичане произвели гидрографическую съёмку Авачинской губы. В 1831 г. в Лондоне вышла книга Ф. В. Бичи «Записки о путешествии в Тихий океан и к Берингову проливу», где содержатся любопытные сведения о Петропавловске: «Население города в начале зимы 1826 г. было не более 385 людей; за исключением государственной службы население занималось заготовкой рыбы для долгой зимы... Каждая семья имеет одну или две коровы, о которых тщательно заботятся во время зимы и... некоторые жители даже живут с коровами под одной крышей, с перегородкой лишь в виде занавески. В городе имеется несколько быков, и когда требуется больше, их приводят даже из Большерецка в девяноста милях отсюда, где пастбища более обильны. Мясо здесь, следовательно, роскошь и им редко наслаждаются. А овцы и козы здесь не могут существовать из-за дикости собак, которых здесь великое множество... Рыба составляет главную пищу жителей». «Блоссом» ушёл 18 июля 1828 г.

1827

13 июня прибыл военный шлюп «Моллер» под командой капитан-лейтенанта М. Н. Станюковича.

27 июня началось извержение Авачинского вулкана, продолжавшееся несколько дней. Его описание со слов очевидцев дал А. Постельс, участник кругосветного плавания на шлюпе «Севявин», прибывшем в Петропавловск в сентябре того же года.

13 сентября в Петропавловске прибыл шлюп «Сенявин» под командой капитан-лейтенанта Ф. П. Литке. Он пребывал в порту до 19 октября.

1828

11 апреля возвратившийся из Русской Америки шлюп «Моллер» вторично зашёл в Петропавловск. Он ушёл отсюда 27 апреля.

С 21 мая по 15 июня — второй заход шлюпа «Сенявин». В начале июня натуралисты экспедиции А. Постельс, Ф. Киттлиц и К. Мертенс поднялись на Авачинскую сопку.

С 15 июня по 26 сентября шлюп «Сенявин» производил гидрографические исследования северо-восточного побережья полуострова. На карте между островом Карагинским и Камчаткой появился пролив Литке.

3 августа в Петропавловск после исследования побережья Аляски и Алеутских островов вернулся шлюп «Моллер».

28 сентября начальник Камчатки Ф. Е. Станицкий сдал должность капитану 2-го ранга А. В. Голенищеву.

30 октября шлюпы «Моллер» и «Сенявин» покинули Петропавловск и направились в Кронштадт, куда прибыли в конце августа 1829 г.

1829

С 10 июня по 3 октября на Камчатке находился транспорт «Кроткий» под командой капитан-лейтенанта Л. А. Гагемейстера.

Летом на полуострове работал знаменитый немецкий физик и естествоиспытатель А. Эрман. До прибытия на Камчатку он проводил исследования в Сибири. Камчатская каменная берёза получила в честь него название «берёза Эрмана». Он восхищался галантным обхождением камчадалов с чужеземцами, писал: «Чувствую, как мной овладевает желание не быть забытым».

1830

По инициативе начальника Камчатки А. В. Голенищева в Петропавловске организована земледельческая компания, заложившая на реке Аваче хутор для посевов зерновых, но неудачно. Голенищев много сделал для облегчения положения коренных жителей. По переписи 1828 г. инородцев на Камчатке было мужчин: камчадалов, способных платить ясак — 744, дряхлых и увечных — 270; оленных коряк — 92, малолетних — 49, дряхлых — 33;

курильцев — 19, малолетних — 21. Ясак собирался с инородцев в возрасте от восемнадцати до пятидесяти пяти лет. Голенищев направил в Петербург две записки «О преобразовании Камчатского края» и «Об улучшении Петропавловского порта и положении служащих». Он предлагал кроме двух больниц с одним медиком построить ещё три, для которых были присланы четыре медика; предлагал организовать казённую библиотеку, увеличить флотский экипаж на шестьдесят пять человек, поселить около порта сорок семей, построить специальный транспорт для доставки леса из Нижнекамчатска. По его просьбе приехал агроном Иван Ридер для ознакомления камчадалов с огородничеством. В 1827 г. в Петропавловске имелось двести жителей, в 1833 г. — семьсот четырнадцать, число казённых домов выросло с семнадцати до восьмидесяти. Голенищев просил после отпуска в 1836 г. разрешить ему продолжить служить на Камчатке, но иркутский генерал-губернатор не рекомендовал его за «строптивость».

Летом по распоряжению А. В. Голенищева штабс-капитан корпуса флотских штурманов П. И. Ильин проводил на байдаре гидрографическую съёмку юго-восточного побережья от Авачинской губы до мыса Лопатка.

1831

Население Камчатки составило 4 451 человек, в том числе 2 523 мужчин и 1 923 женщин.

1832

С 14 июня по 13 сентября в Петропавловске находился совершавший кругосветное плавание военный транспорт «Америка» под командой капитан-лейтенанта В. С. Хромченко.

1835

27 июня в Петропавловск прибыл транспорт «Америка» под командой капитан-лейтенанта И. И. Шанца. В составе экипажа был двадцатипятилетний лейтенант В. С. Завойко — будущий военный губернатор Камчатской области.

11 октября Аркадий Васильевич Голенищев сдал должность начальника Камчатки капитану 1-го ранга Я. И. Шахову, который постоянно жаловался генерал-губернатору на злоупотребления своего предшественника.

1837

26 августа в Петропавловске находился французский шлюп «Венус» под командой капитана Дюптитуара. Французы намеревались установить памятник Лаперузу в ознаменование пятидесятилетия пребывания экспедиции Лаперуза в Авачинской губе.

Эскизы памятника были оставлены Шахову, предложившему изготовить и установить памятник на свои средства. Шахов был досрочно освобождён от должности «по расстройству умственных способностей».

1839

С 12 июля этого года по 7 октября 1840 г. должность начальника Камчатки исполнял капитан-лейтенант Н. С. Шишмарёв.

1840

7 октября должность начальника Камчатки принял капитан 2-го ранга Н. С. Страннолюбский. Он создал школу кантонистов — сыновей матросов и казаков от семи лет и старше. Таких было пятьдесят пять человек, их обучали грамоте, арифметике и фронтовой службе морские офицеры. Школа прекратила своё существование с отъездом Страннолюбского в 1845 г. и была восстановлена при губернаторе В. С. Завойко десять лет спустя. В 1840 г. гарнизонным врачом в Петропавловске служил Александр Семёнович Полонский, автор книг по истории Курильских и Алеутских островов.

1841

6 мая в Петропавловске случилось землетрясение, сопровождавшееся цунами. По свидетельствам очевидцев, оно «было так сильно, что самые древние старожилы не помнят на своем веку такого». Землетрясение продолжалось до октября.

В Петропавловск по поручению министра государственных имуществ П. Киселёва прибыл агроном Кегель для изучения возможностей развития на Камчатке сельского хозяйства.

С 20 сентября по 24 ноября в Петропавловске пребывал военный транспорт «Або» под командой капитан-лейтенанта А. Л. Юнкера. Старший лейтенант А. И. Бутаков (с 1868 г. контр-адмирал) так описывает город: «Из общественных и казённых зданий примечательнейшие — деревянный собор, крытый железом, новый дом начальника Камчатки».

1842

19 августа в Петропавловск прибыл епископ Камчатский, Алеутский и Курильский И. Вениаминов, совершавший поездку по полуострову. До этого он шестнадцать лет прожил на Алеутских островах и Аляске. Он — автор этнографического труда «Записки об островах Уналашкинского отдела» и статей о народах Русской Америки, составитель грамматики алеутского языка. Впоследствии он стал митрополитом Московским и Коломенским, с 1868 по 1879 г. при отсутствии упразднённого в 1721 г. патриаршества

являлся первым лицом Русской православной церкви — местоблюстителем патриаршьего престола.

1843

На перешейке между Сигнальной и Никольской сопками установлен памятник Ж. Ф. Лаперузу. Он представлял собой деревянную, обшитую железом колонну с надписью на французском языке: «Лаперузу». Перешеек поэтому долго именовали Лаперузовым.

1844

В связи с открытием семинарии в Ново-Архангельске (Русская Америка) упразднено Камчатское духовное училище в Петропавловске, основанное 1820 г. П. И. Рикордом.

1845

7 февраля начальником Камчатки назначен капитан 2-го ранга Ростислав Григорьевич Машин.

2 мая из Кронштадта прибыл военный транспорт «Иртыш» под командой капитана 1-го ранга И. В. Вонлярлярского. Корабль был предназначен для Сибирской флотилии, принимал участие в обороне Петропавловска в 1854 г.

При входе в Авачинскую губу потерпел крушение транспорт «Ижига».

1846—1848

На Камчатке работал препаратор Зоологического музея Академии наук Илья Гаврилович Вознесенский. Он также проводил исследования по этнографии, ботанике, занимался прививкой оспы, составлял карты, оставил много рисунков. До прибытия на Камчатку почти семь лет исследовал Аляску и Алеутские острова, работал на западном побережье Охотского моря, на Курильских и Командорских островах (на острове Беринга он провёл всего сорок восемь часов и нашёл целый череп морской коровы и позвоночный столб). В Петропавловске впервые он оказался 16 июля 1844 г., находился здесь девять дней, исследовал окрестности Петропавловска, составил «Записку о растениях», описал некоторые виды камчатских рыб.

Повторно прибыл на Камчатку 14 августа 1846 г. и работал до 13 сентября 1848 г. За это время дважды проехал по восточному побережью, всё западное побережье до реки Лесной на севере, долину реки Камчатки. Привёз в Петербург множество коллекций. В поездках по полуострову большую помощь ему оказал начальник Камчатки Р. Г. Машин, с которым они подружились ещё в Русской Америке.

1848

12 мая прибыл второй военный транспорт для Сибирской флотилии — «Байкал», он также участвовал в Петропавловской обороне.

31 мая «Байкал» отправился в море. Результатом его плавания стало открытие Татарского пролива и устья реки Амур, доказано островное положение Сахалина и начато освоение Россией Приамурья, Приморья и Сахалина.

В Петропавловске проживало триста семьдесят человек.

1849

В июле-августе Петропавловск посетил генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв. В результате этой поездки было принято решение о переносе главного российского порта на Тихом океане из Охотска в Петропавловск. Н. Н. Муравьёв писал: «Камчатка представляет все условия, необходимые для увеличения народонаселения и для распространения хлебопашества и скотоводства в такой степени, что и десять тысяч человек служащих будут иметь местное продовольствие, а снабжение порта всеми потребностями будет продолжаться из Якутска без всяких новых расходов. Ижигинский округ может быть причислен к Камчатскому управлению; но вместе с этими изменениями управление Камчаткой должно быть возвышено и назначен туда военный губернатор из морских офицеров, подчинённый прямо генерал-губернатору, а не иркутскому губернатору, как ныне».

2 декабря подписан указ императора Николая I, в основу которого легло предложение Н. Н. Муравьёва: «1. Из частей, подведомственных Камчатскому приморскому управлению, и Ижигинского округа, состоящих в ведомстве Охотского приморского управления, образовать особую область, которой именоваться Камчатской областью. 2. Управление этой области по всем вообще частям вверить военному губернатору, назначаемому из чинов морского ведомства, которого и подчинить непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири. 3. ...Находящийся в Охотске окружной суд перевести в Камчатку».

1850

15 февраля император назначил камчатским военным губернатором и командиром Петропавловского порта капитана 1-го ранга В. С. Завойко, который по вступлении в должность был произведён в генерал-майоры, а позднее переименован в контр-адмиралы.

5 августа В. С. Завойко вступил в управление областью. В ней имелись два округа: Петропавловский (в его состав входили и Курильские острова) и Ижигинский. В селениях назначались волостные

и сельские, а в кочевьях инородцев — родовые старшины. Штат области составляли: помощник губернатора, правитель канцелярии, два чиновника особых поручений, инспектор по медицинской части, он же главный лекарь морского ведомства, и его помощник, землемер, горный чиновник и адъютант.

1850—1855

В. С. Завойко энергично занялся строительством города и обустройством порта. Для размещения перевозимой из Охотска военной команды были построены несколько казарм для солдат и флигелей для офицеров, склады для имущества, госпиталь. За четыре года были сооружены пристань, верфь для постройки судов, литейные мастерские, налажен обжиг кирпичей из глины в бухте Тарья, проложена дорога до села Авача, устроена лечебница на Паратунских горячих ключах. В 1853 г. В. С. Завойко объехал практически все селения области, много сделал для облегчения жизни коренного населения. Он учредил ярмарочную торговлю пушниной под надзором чиновников, чтобы исключить обман торговцев при меновой торговле, обязал каждую семью выращивать до десяти пудов картофеля, способствовал развитию огородничества и скотоводства, обратил внимание на развитие ремёсел, ввёл копчение заготовленной рыбы вместо простого вяления. Население Петропавловска выросло до полутора тысяч человек. Завойко основал в Петропавловске морское училище и вёл переписку с Иркутском об открытии общеобразовательной школы. Была организована библиотека, в которой насчитывалось около тысячи восьмисот томов, выписывались «все лучшие русские газеты и журналы». Ещё двести сорок томов имелось в библиотеке Петропавловского морского училища.

В 1850 г. в Петропавловск переведено Охотское штурманское училище. Оно стало именоваться «Петропавловское морское училище». Завойко составил его штат и разработал «Положение о Петропавловском морском училище». Воспитанники носили на погонах и фуражках литеры «П.У.» (Петропавловское училище). Число воспитанников определялось в тридцать человек, но «сверх штатного числа дозволяется иметь пенсионеров, число их не ограничивается. Каждый пенсионер платит за своё содержание училищу по двести рублей серебром в год». Программа обучения предусматривала прохождение трёх последовательных курсов: приготовительного, общего и специального. На специальном курсе практиковалось обязательное изучение навигации, астрономии, морской практики, корабельной архитектуры и построения корабель-

ных чертежей, теории кораблестроения, теоретической и практической механики, теории пароходных машин, описи морских берегов, лоции, черчения планов и карт, фортификации, артиллерии, составления проектов, смет, пояснительных записок, технических и денежных отчётов. Полный срок обучения (включая морскую практику) предполагался в восемь лет. Его выпускники могли стать флотскими офицерами разных специальностей. В 1852 г. в училище обучались двадцать девять человек. Постоянных преподавателей не было, их роль выполняли морские офицеры с кораблей, стоявших в порту. Личный состав училища принимал участие в Петропавловской обороне 1854 г. В апреле 1855 г., в связи с эвакуацией порта в Николаевск-на-Амуре, туда же перевели и училище, которое долго сохраняло название «Петропавловское». В 1865 г. его окончил Степан Осипович Макаров, будущий вице-адмирал и известный учёный.

В том же 1850 г. В. С. Завойко организовал школу кантонистов — матросских сыновей. Завойко доносил генерал-губернатору Н. Н. Муравьёву, что «при 46-м флотском экипаже состоит кантонистов от семилетнего возраста до шестнадцатилетнего пятьдесят восемь человек, а до семи лет — тридцать девять человек, а всего девяносто семь... Образовав в Петропавловском порту школу кантонистов, можно надеяться, что со временем она в состоянии будет комплектовать экипаж хорошими матросами и мастеровыми, и не будет надобности высылать людей из России». Заведовал школой капитан-лейтенант Горновский. В штат школы входило девять человек: фельдфебель, пять унтер-офицеров для присмотра за кантонистами и для обучения их фронтовой службе, два повара и цирюльник. «Кантонисты содержатся в роте в самой строгой дисциплине — они должны быть всегда опрятно одеты и острижены по форме. Вообще стараться приучать их к тому образу жизни, какой обыкновенно ведут нижние воинские чины». Они имели такую же форму, как и воспитанники морского училища, но на погонах и на фуражках носили буквы «Р.К.», то есть «Рота кантонистов».

По завершении обучения кантонисты строевого отделения, достигшие восемнадцатилетнего возраста, определялись рядовыми в 46-й флотский экипаж или другие военные команды. Кантонисты нестроевого отделения отправлялись на службу писарями, подшкиперами, баталерами и ремесленными мастерами «с награждением унтер-офицерским чином». В 1852 г. в школе обучались пятьдесят четыре ученика. Воспитанники училища и школы проходили практику на кораблях Камчатской флотилии. Интересный

факт приводит писатель И. А. Гончаров, который в 1853 г. находился в японском порту Нагасаки на фрегате «Паллада». Сюда же зашёл корвет «Оливуца», в мае вышедший из Петропавловска и посетивший Гавайские острова. Гончаров пишет: «30-го августа, в Александров день, был завтрак у именинника барона Шлипенбаха на корвете. Было очень весело. Между различными развлечениями было одно, самое замечательное. На палубу явилось человек осьмнадцать мальчиков, от двенадцати до шестнадцати лет. Они стройно и согласно пели романсы, хоровые песни: у одного чистый, звучный сопрано, у другого прекрасный контральто. Наконец, двое самых маленьких плясали по-русски. Их заставляли говорить наизусть басни Крылова. У всех нерусские физиономии — кто бы это были? Камчадалы! Они учатся в школе, в Петропавловске, и готовятся в лоцманские и штурманские должности. Вот где зажглась искра просвещения и искусства! Все эти мальчики по праздникам ездили на фрегат и прекрасно хором пели обедню». Школа, как и училище, прекратила свою деятельность в 1855 г., их перевели в Николаевский пост на Амуре.

22 июня 1851 г. указом Николая I утверждён герб Камчатской области: в серебряном поле щита изображены три вулкана, щит увенчан золотой императорской короной.

16 сентября 1851 г. на Камчатку в качестве чиновника особых поручений по горной части при камчатском губернаторе прибыл Карл фон Дитмар, автор классического труда «Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг.». За пять лет Дитмар «объездил, изучил и успел полюбить» Камчатку. Он не только обнаружил месторождения многих полезных ископаемых — серы, меди, угля, пемзы, составил географическую карту, но и оставил красочные описания природы, этнографические заметки, обращался к истории края, который искренне любил до конца жизни.

В 1852 г. в Петропавловске проживали 1 593 человека. Почти все взрослые мужчины состояли на государственной службе, являлись офицерами, чиновниками, казаками, матросами.

1854

19 июня прибыл фрегат «Аврора» под командой капитан-лейтенанта И. Н. Изыльметьева. Он направлялся в залив Де-Кастри, но из-за тяжёлого состояния здоровья членов экипажа вынужден был идти на Камчатку.

14 июля, после получения известия от короля Сандвичевых (Гавайских) островов о возможном нападении англо-французской эскадры на Петропавловский порт, В. С. Завойко обратился к насе-

лению Камчатки с воззванием: «Англия и Франция соединились с врагами христиан, с притеснителями наших единоверцев; флоты их уже сражаются с нашими. Война может разгореться и в этих местах, ибо русские порты Восточного океана объявлены в осадном положении. Петропавловский порт должен быть всегда готов встретить неприятеля... При приближении неприятеля к порту быть готовыми отразить его и немедленно удалить из города женщин и детей в безопасное место... Как бы ни многочисленен был враг, сделать для защиты порта и чести русского оружия всё, что в силах человеческих возможностей, и драться до последней капли крови. Убеждён, что флаг Петропавловского порта во всяком случае будет свидетелем подвигов чести и русской доблести!» Началась спешная подготовка города и порта к обороне.

24 июля из залива Де-Кастри в Петропавловск прибыл транспорт «Двина» с воинским подразделением из Сибири для Петропавловского гарнизона численностью до трёхсот пятидесяти человек во главе с капитаном 1-го ранга А. П. Арбузовым.

10 августа из Гамбурга пришёл клипер «Св. Маргарита» с продовольствием.

17 августа в пределах видимости Петропавловского (Дальнего) маяка появилась англо-французская эскадра.

18 августа вражеский флот в составе шести кораблей: английских фрегатов «Президент» и «Пайк», парохода «Вираго», французских — фрегата «Ла Форт», корвета «Эвридика» и брига «Облигадо» — под командой контр-адмиралов Д. Прайса и Ф. де Пуанта вошёл в Авачинскую губу. На кораблях было двести двенадцать орудий и две тысячи двести пятьдесят матросов и солдат. Им противостояли девятьсот двадцать шесть защитников Петропавловского порта и шестьдесят восемь орудий. «При таком вооружении мы вполне надеялись победить русских и завладеть Петропавловским портом», — писал впоследствии французский офицер Эдмон дю-Айи.

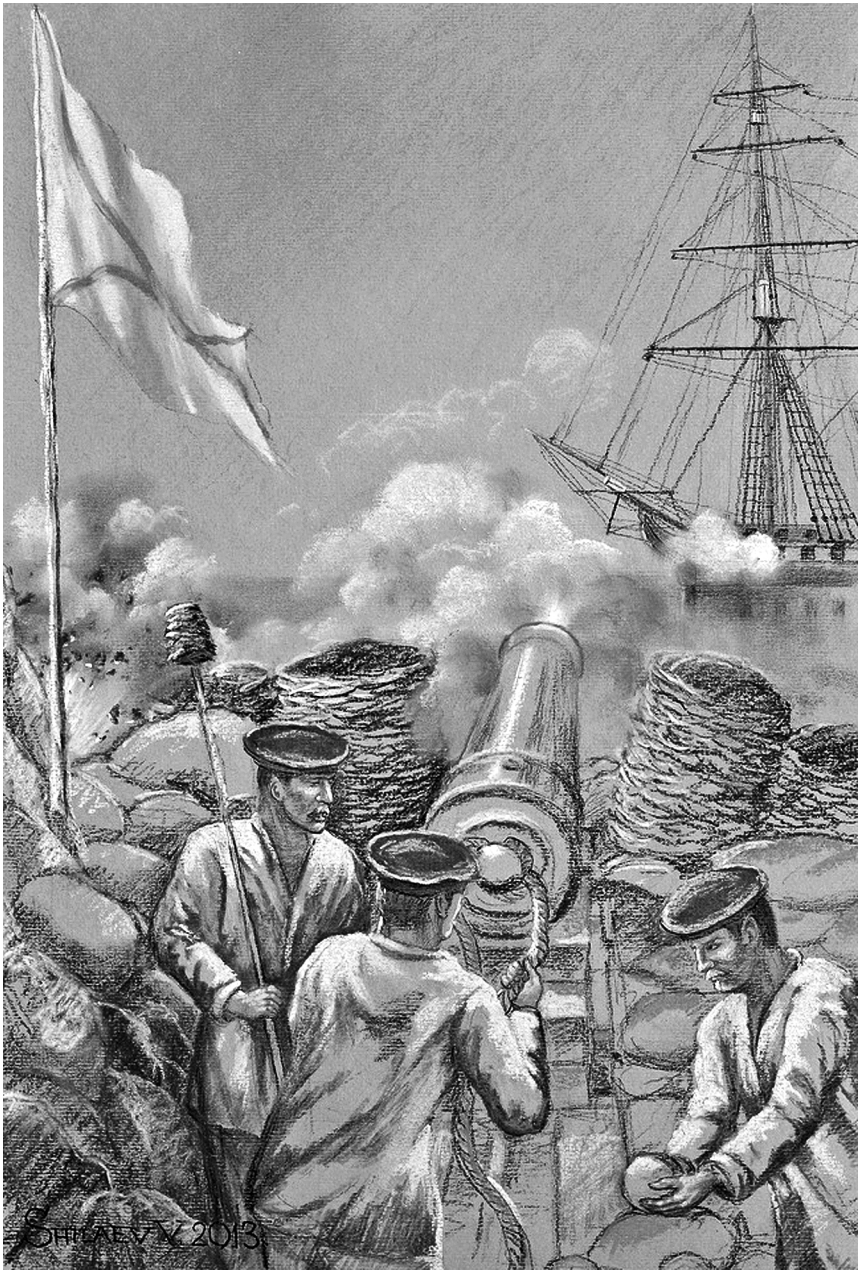
19 августа неприятель провёл боевую рекогносцировку, обстреляв Сигнальную и Никольскую сопки, не нанеся никакого вреда русским позициям. В этот день англо-французами взяли русских пленных: захватили бот, вёзший кирпичи из бухты Тарья в Петропавловск. На боте находились квартирмейстер Усов с женой и двумя малолетними детьми и пять матросов, среди которых был Семён Удалов. Усова с семьей и матроса Киселёва отпустили с письмом адмирала Де Пуанта, который заменил загадочно погибшего в этот день адмирала Д. Прайса, к В. С. Завойко. Четверо матросов провели в плену почти год.

20 августа состоялось первое сражение. Противнику удалось подавить батареи № 1 на Сигнальном мысе и № 4 на Красном Яру, куда был высажен десант из шестисот человек, который, захватив батарею, отступил, так как его по ошибке обстрелял английский пароход «Вираго». На двух русских батареях погибли шесть человек нижних чинов, был ранен командир батареи № 1 поручик Гаврилов.

24 августа состоялось второе и решающее сражение. Бой начался в шестом часу утра, когда огонь по вражеским кораблям открыла батарея № 3 с пятью пушками, находившаяся на перешейке между Никольской и Сигнальной сопками, под командой лейтенанта А. Максутова. Батарея приняла на себя главный удар. Её командир получил смертельное ранение. Немного дольше держалась батарея № 7, тоже с пятью пушками, под командой капитан-лейтенанта Кораллова. Подавив обе батареи, противник высадил десант в семьсот человек, которые заняли Никольскую сопку. Завойко смог направить против них около трёхсот стрелков и волонтеров, которым удалось выбить неприятеля с гребня сопки. Враг бежал, оставив тридцать восемь погибших, в том числе четырёх офицеров, среди которых был и командир десанта, знамя Гибралтарского пехотного полка, семь офицерских сабель и пятьдесят шесть ружей. По расчётам В. С. Завойко, потери неприятеля 24 августа составили не менее трёхсот, а всего за время обороны до трёхсот пятидесяти человек, похороненных в бухте Тарья (ныне микрорайон Рыбачий города Вилючинска), там же, где и адмирал Д. Прайс. Найденные на поле боя тридцать восемь погибших похоронены в братской могиле на склоне Никольской сопки (ныне это — слева от памятника «Часовня»). Взято в плен четыре человека из англо-французкого десанта, трое из которых были тяжёло ранены. В следующем году двоих выживших пленных обменяли на троих русских матросов, проведших год в плену сначала в Калифорнии, а затем на острове Таити. Со стороны защитников Петропавловска 24 августа погиб тридцать один «нижний чин», а вместе с павшими 20 августа — тридцать семь человек. Они похоронены в братской могиле у памятника «Часовня» с правой стороны. Умерший позднее от ран лейтенант Александр Максутов погребён на городском кладбище (на склоне от улицы Ленинской к Дому офицеров флота). Есть свидетельства, что во время перехода англо-французкой эскадры из Петропавловска в Сан-Франциско несколько десятков умерших от ран были похоронены по морскому обычаю — в море.

Петропавловский бой. Первый день обороны, 20 августа 1854 г. В. И. Шиляев, 2013 г.

Бой на Сигнальной горе. Батарея № 1. В. И. Шиляев, 2013 г.

Один из английских журналов писал о Петропавловской обороне: «Борт только одного русского фрегата и несколько батарей оказались непобедимыми перед объединённой морской силой Англии и Франции, и две величайшие державы земного шара были осилены и разбиты ничтожным русским поселением».

26 августа, похоронив погибших в Тарьинской бухте, англо-французская эскадра покинула Авачинскую губу и направилась в Сан-Франциско.

2 сентября в Петропавловск прибыл корвет «Оливуца» под командой капитан-лейтенанта Н. Н. Назимова.

14 сентября на американском бриге «Ноубл» в Охотск и далее в Иркутск и Петербург с рапортом В. С. Завойко о Петропавловском сражении отправился лейтенант Д. П. Максутов. 6 ноября он прибыл в Иркутск, где 7—8 ноября прошли пышные торжества по поводу победы в Петропавловске.

7 ноября генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв, понимая неизбежность нового нападения англо-французов на Петропавловск, пишет генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу, что Петропавловский порт необходимо срочно укреплять артиллерией: «...сухим путём доставлять очень дорого, но делать нечего... надо тотчас выслать хоть двадцать четыре бомбических орудия самого большого калибра с тремястами снарядами на каждое». Муравьёв также просит срочно направить на Камчатку зимним путём несколько опытных офицеров.

15 ноября Муравьёв направляет предписание Завойко, где подробно излагает свой план укрепления Петропавловского порта, а также сообщает о своих распоряжениях по доставке на Камчатку всего необходимого для его защиты на случай нападения неприятеля в будущем году.

На фоне неудач русской армии и флота в Крымской войне героическая оборона Петропавловска произвела в России огромное впечатление. Петропавловск стал символом героизма и стойкости русских людей. Ведь большинство защитников порта на Камчатку прибыли за месяц-полтора до прихода английской эскадры («Аврора» — 1 июля, «Двина» — 24 июля). Именем «Петропавловск» в разные годы назывались военные суда. В 1860-е гг. это имя получил винтовой фрегат, преобразованный позднее в один из первых русских батарейных броненосцев. В 1892 г. был построен эскадренный броненосец «Петропавловск», ставший позднее флагманом русского флота на Тихом океане. 31 марта 1904 г. он подорвался на японской мине при выходе из Порт-Артура. Погиб

командующий флотом вице-адмирал С. О. Макаров. В 1911 г. спущен на воду линкор «Петропавловск», который вместе с однотипным «Севастополем» был самым крупным кораблём русского флота и одним из флагманов Балтийского флота. В марте 1918 г. на «Петропавловске» находился штаб Кронштадтского восстания. В советское время в составе Балтийского Тихоокеанского флотов находились крейсер и большой противолодочный корабль «Петропавловск». Имя героического фрегата «Аврора» получил спущенный на воду в 1900 г. крейсер, участвовавший в 1905 г. в Цусимском сражении, в революционных событиях осени 1917 г. в Петрограде и в обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

17 ноября генерал-майор В. С. Завойко «переименован» в контр-адмиралы (чин генерал-майора ему был присвоен 25 июня 1853 г.).

26 ноября Д. П. Максутов прибыл в Петербург с донесением В. С. Завойко и письмом Н. Н. Муравьёва, в котором он предлагает эвакуировать Петропавловский порт и перевести его в устье Амура, где легче поддерживать связь с тылом.

3 декабря генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич пишет Н. Н. Муравьёву: «Не посылать на Камчатку военные силы, а, напротив, оттуда вывести оные, снабдив только жителей продовольствием, которое спрятать внутри, и затем безоружный город... оставить в гражданском управлении. Собственно порт и морские управления упразднить, суда и экипаж вывести, и все военные способы сосредоточить на Амуре».

Осенью и зимой 1854—1855 гг. в Петропавловске все были уверены, что неприятель не смирится с поражением и повторит нападение в следующем году. Поэтому шли работы по восстановлению и укреплению разрушенных батарей.

1855

3 марта на Камчатку прибыл адъютант Н. Н. Муравьёва есаул Николай Алексеевич Мартынов. Он привёз приказ о награждении отличившихся участников обороны порта, а также предписание генерал-губернатора «...перенести из Петропавловского порта все находящиеся здесь: военные способы, всю морскую команду и управления военные и гражданские — в Николаевский пост на устье реки Амура, оставив в Камчатке только земское управление». Срочно началась подготовка к эвакуации: снятие укреплений, ремонт и вооружение судов, погрузка на них имущества. В порту зимовали фрегат «Аврора», корвет «Оливуца», транспорты «Двина», «Иртыш», «Байкал» и бот № 1.

14 марта Завойко составил инструкцию есаулу Мартынову, назначенному командиром порта, в котором оставались лишь земское и почтовое управления и гражданское население. Мартынову предписывалось в случае нападения неприятеля принять командование над казаками и волонтёрами из камчадалов и наносить возможный вред неприятелю. В помощь Мартынову оставался поручик Губарев, командовавший казаками. Земское управление возглавил исправник Куклин, окружными врачами руководил врач Левицкий.

Мартынову были даны подробные инструкции. Предписывалось вести постоянное наблюдение за движением судов на побережьях. На восточном — маячнику Яблокову с двумя матросами приказано спрятать оборудование Дальнего (Петропавловского) маяка. На западном — в устье реки Большой создать караулы из казаков и волонтёров. Для быстрой связи между Большерецком и Петропавловском приказано выделить волонтёров и в каждом селении на этом пути иметь не менее шести лошадей. В случае нападения на Петропавловск предлагалось артиллерию вывезти в глубь полуострова или зарыть, караулам скрываться на сопках, жителям покинуть город. Через американских торговцев, живших в Петропавловске, предполагалось дезинформировать англо-французов, что войска и жители ушли внутрь Камчатки, а суда — в устье реки Анадырь, куда якобы доставлено продовольствие и боеприпасы из Сибири, а на Камчатку прибыло до пяти тысяч казаков. Казаков и волонтёров предлагалось разместить в Старом остроге (Елизово), Хуторе и Коряках. Скот угнать в безопасные места, вне города засеять огороды в больших размерах, заготавливать рыбу на зиму.

15 марта В. С. Завойко обратился к жителям Камчатки: «После пятилетних неусыпных забот о вас... я оставляю ныне Камчатку. Но как область остаётся под моим же управлением, то забота о вас и впредь на моей обязанности... Я оставляю вас под начальством благонадёжных лиц, которые станут поддерживать заведённый мною порядок... Англичан и французов бояться вам нечего, в Петропавловске остаются казаки и волонтеры из камчадал, которые далеко внутрь Камчатки неприятеля не допустят... Если бы же паче чаяния где-либо показался неприятель, то уходите в леса, уносите имущество и угоняйте скот, а между тем из скрытых мест наблюдайте за неприятелем и наносите ему вред, который будет возможен. Я стану постоянно наблюдать за всем, что делается в Камчатке... Прощайте!»

5 апреля эскадра из шести кораблей вышла из Петропавловска и направилась в залив Де-Кастри на побережье Татарского пролива (ныне — залив Чихачева). При выходе из порта фрегат «Аврора» отсалютовал семью выстрелами. На судах находились администрация области, гарнизон, курсанты морского училища, а так же двести тридцать шесть женщин и детей. В конце апреля-начале мая эскадра благополучно пришла в залив Де-Кастри. Вскоре сюда прибыл из Японии после посещения Петропавловска посол в Японию адмирал Путятин (на шхуне «Хеда») и командир фрегата «Диана», потерпевшего крушение у берегов Японии при землетрясении капитан-лейтенант Лесовский (на американском бриге «Уильям Пенн») с восемью офицерами и ста пятьюдесятью нижними чинами.

Произошла стычка с тремя английскими судами у залива Де-Кастри. В середине июня, преодолев льды и мелководье, камчатская эскадра прибыла в Николаевск-на-Амуре. В конце мая англофранцузы напали на Де-Кастри, но не найдя здесь русской эскадры, разграбили всё, что можно. Курсант Петропавловского морского училища Фёдор Алексеев писал в своем дневнике, что генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьёв прибыл в Мариинский пост 31 мая, построил казаков, оставленных защищать Де-Кастри, и защитников Петропавловска и сказал: «Здорово молодцы, камчатские герои!» Затем повернулся к казакам и сказал: «Смотрите, скоты, на матросов — они в Петропавловске сумели постоять за себя! Если бы вы не были скоты, неприятель не свёз бы десанта».

6 мая из Петропавловска вышел транспортный бот «Кадьяк» с провиантом для Тигиля и Гижиги. Заметив вражеские суда, бот до 15 мая скрывался в бухте Жировой, а затем перешёл в устье реки Большой. Вслед за «Кадьяком» должен был отправиться китобой «Аян», на котором по распоряжению В. С. Завойко в порт Аян надо было доставить три тысячи пудов муки и несколько семейств чиновников, в том числе и его. Но, узнав о появлении вражеских кораблей, капитан «Аяна» Эмберг отказался покинуть порт. Мартынов распорядился раздать муку с «Аяна» казакам и матросам, такелаж и паруса зарыть, судовой провиант сдать на сохранение американскому торговцу Чейзу. На судне остались одни голые мачты, его отвели в култук бухты Раковой, где его позднее обнаружили англичане и перед уходом из Петропавловска сожгли.

8 мая с Дальнего маяка пришло сообщение, что в Авачинском заливе показались два трёхмачтовых судна. 12 мая к ним присоединились ещё два. 19 мая в Авачинскую губу вошли шесть английских и один французский корабль. Позднее прибыли ещё пять.

12 июня прибыл самый крупный корабль — восьмидесятичетырёхпушечный «Монарх». Он же последним и ушёл — 18 июня. Всего на двенадцати кораблях (три французских и девять английских) было около трёхсот пушек, пять тысяч человек экипажа и морской пехоты (столько же, сколько и всё население Камчатки). Четыре корабля участвовали в сражениях августа 1854 г., в том числе флагманский (адмиральский) фрегат «Президент», на котором находился командующий эскадрой Фредерик Никольсон, участник прошлогодней кампании, сменивший погибшего адмирала Прайса. Серьёзного сопротивления несколько десятков казаков, волонтёров и матросов оказать неприятелю не могли, и Мартынов с Зубаревым перевели их в селение Авачу, где они и находились с 19 мая по 18 июня. Население также покинуло город. Семья Завойко пребывала в селении Хутор, где она провела и тревожные дни августа 1854 г.

Англо-французы вели себя в Петропавловске как хозяева. Они разрушили и сожгли всё, что оставалось от батарей, сожгли аптеку, склад РАК, пороховой погреб и китобоец «Аян». 8 июня большинство неприятельских судов покинули Авачинскую губу. В этот день на оставшемся в бухте английском корвете «Транкомалей» подняли парламентский флаг и через американца Чейза русским предложили размен пленными. Взамен трёх русских матросов с захваченного в августе 1854 г. плашкоута, шедшего из Тарьинской губы, были отданы англичанин и француз. О судьбе четвёртого русского пленного стало известно из рассказа освобождённых, а позднее из статьи французского офицера Э. дю-Айи «Тихоокеанская кампания, Петропавловская экспедиция», опубликованной в 1858 г. В том же году в «Морском сборнике» В. С. Завойко опубликовал рассказ бывших в плену матросов о подвиге Семёна Удалова. Матросы рассказывали, что после перехода с острова Таити, где их заставляли работать на строительстве крепости, в Авачинскую губу, Удалова поставили к пушке, а остальных — на подачу ядер к ней. Удалов отказался идти к пушке и в ответ на угрозу французского лейтенанта повесить его, взобрался на мачту и крикнул своим товарищам: «Ребята! Не поднимайте рук на своих, не сделайте сраму на сем свете и греха на том! Прощайте. Видите, я принимаю смерть!» С этими словами он бросился в море. Именем Семёна Удалова названа одна из улиц Петропавловска.

После бурного развитии Петропавловского порта в 1850—1854 гг. в жизни Камчатки наступило затишье, «тихие годы», как принято называть период 1856—1903 гг. Камчатка оказалась на периферии

российской жизни в связи с переносом главного порта России на Тихом океане в Николаевск-на-Амуре, продажей Аляски, передачей Японии Курильских островов. С открытием Суэцкого канала начал быстро расти Владивостокский порт (Владивосток основан в 1860 г.). С началом регулярного пароходного сообщения между Одессой и Владивостоком власти стали уделять много внимания освоению и заселению Приморья и Приамурья. Там росли города, развивалась промышленность, в 1894 г. началось строительство железных дорог. На Камчатке же перемены произошли лишь после русско-японской войны 1904—1905 гг.

1856

3 апреля камчатским военным губернатором и командиром Петропавловского порта назначен капитан 1-го ранга П. В. Казакевич, заменивший В. С. Завойко, с местопребыванием в Николаевске-на-Амуре.

31 октября вышло «Положение об управлении Приморской областью Восточной Сибири», по которому Камчатская область ликвидировалась и входила в качестве Петропавловского округа во вновь образованную Приморскую с центром в городе Николаевске-на-Амуре. Администрацию округа составляли исправник с помощником и офицер, заведовавший портом.

1858

7 февраля указом императора Александра II в Петропавловском порту был учреждён ежегодный крестный ход из собора на Никольскую сопку в память отражения англо-французского десанта в августе 1854 г.

1860

В Сан-Франциско созданы три тресколовные компании: «Линдх-Хауф», «Бишард» и «Мак-Коллен». Они вели промысел у юго-западного побережья Камчатки на Явинской банке (в районе нынешнего посёлка Озерновский). Ежегодно из Сан-Франциско приходили десять — двенадцать шхун, которые добывали до трёхсот шестидесяти тысяч штук трески. Продукция: солёная треска и рыбий жир из тресковой печени — до четырёхсот галлонов на шхуну.

1861

Летом на шхуне «Восток» из Николаевска-на-Амуре прибыл новый исправник Петропавловского округа капитан-лейтенант Н. К. Сутковой.

1863

Исправником Петропавловского округа назначен коллежский советник Ф. В. Хмелевский, до того в 1860—1863 гг. служивший

городничим Петропавловского порта. Затем, в 1869—1893 гг. исправниками (начальниками) Петропавловского округа были: Н. Журавель (1869—1870 гг.), Волков (1875 г.), Н. С. Попов (1875—1880 гг.), И. Серебрянников (1880—1882 гг.), С. А. Херсонский (1884—1885 гг.), П. А. Хомяков (1889—1893 гг.). Последующие начальники Петропавловского округа (позднее уезда Приморской области) более известны в связи с деятельностью ряда научных экспедиций, зарождения рыбной промышленности, русско-японской войны.

1866

В середине июня в Петропавловск прибыл корвет «Варяг» под командованием капитан-лейтенанта Р. А. Лунда. «Варяг» пришёл для содействия американской компании Коллина, проводившей работы по сооружению телеграфной линии между Америкой и Европой через Сибирь. Гидрограф К. С. Старицкий произвёл в Авачинской губе магнитные наблюдения, определил высоту сопок Авачинской, Корякской, Вилючинской. Он так описал Петропавловск: «...получает почту раз в год и... торгует соболями, ловит рыбу и изредка даёт убежище китоловам, благодаря своей превосходной гавани, которая навсегда упрочила за ним маленький достаток и некоторую долю благополучия, резко выдающегося при виде безделья Охотска и Гижиги, которых постигла одинаковая с ним участь при переносе администрации Приморского края в Николаевск-на-Амуре. Петропавловск — слава нашего флота, и достопамятная защита его против английской и французской эскадры живо сохранилась в памяти его обывателей. Они самым предупредительным образом водили нас по всем окрестностям и передавали подробности высадки неприятеля, рукопашной борьбы с ними и полного его поражения. Следы батарей на перешейке, косе и Сигнальном мысу, шпили, врытые в землю для вытаскивания тяжёлых орудий на обрывы, надписи на крестах и большие могилы над убитыми англичанами и французами, сложившими свои головы в Петропавловске, свидетельствовали о совершившихся делах».

На «Варяге» пребывал только что окончивший Николаевское (бывшее Петропавловское) морское училище будущий вице-адмирал, учёный и флотоводец Степан Осипович Макаров. Он написал об этом плавании большую статью в первую дальневосточную газету «Восточное Приморье», выходившую в Николаевске-на-Амуре, довольно подробно изложив посещение Петропавловска: «С приходом в Петропавловск у многих в руках показались статьи “Морского сборника” об атаке порта в 1854 г. На берегу мы обошли места, на

которых стояли наши маленькие батареи, которые, будучи разбиваемы в продолжение дня, к утру становились снова неприступными. При каждом удобном случае мы расспрашивали о военных действиях, здесь происходивших. Памятниками атаки Петропавловска остались две могилы у подножия Никольской горы. Над одной стоит большой крест с надписью: “Могила храбрых 47-го флотского экипажа, убитых 24 августа 1854 г.”; другой маленький деревянный крест с надписью: “Французы и англичане, убитые 24 августа 1854 г.”. Кроме того, есть могила храброму Максутову, убитому с фитилём в руке у пушки. Французы и англичане, отступая после неудачной атаки, забирали по возможности убитых с собой и похоронили их в Тарьинской губе. Место могилы до сих пор отыскать не могут. Есть ещё памятники Берингу, капитану Кларку, Лаперузу. Сам Петропавловск представляет развалины прежде большого города. Пришедшая в 1855 г. англо-французская эскадра, не найдя здесь ни одного человека, сожгла все казённые здания, оставивши только хаты обывателей. Город лежит у подножия горы, спускаясь своими домиками на маленькую бухточку. Со стороны залива он загорожен Никольской горой, а с нордовой (северной. — *В. А.*) прилегает к небольшому озерку. Вид со входа довольно хорош: крыши домов пестреют на отлогости, а дальше видна в ясную погоду дымящаяся Корякская сопка. Посередине города стоит церковь, в левую руку идут правильные дома служащих, вправо хатки обывателей, приспособленные к выдерживанию пург и непогод здешних мест. Всех жителей в городе двести шестьдесят три мужчины и двести восемь женщин; зданий сто двадцать одно, из них частных семьдесят девять и лавок восемь. Церковь одна и часовен две. Купцов 1-й гильдии четверо, 2-й гильдии — десять, прикащичьих свидетельств двадцать семь и одно на развозной торг. Собак ездовых четыреста восемь, лошадей восемь и прочего скота девяносто три головы. Привоз товаров простирается на сумму сто восемь тысяч рублей. Приход всех судов в продолжение навигации 1865 г. восемнадцать».

С. О. Макаров вторично посетил Петропавловск двадцать два года спустя, в июле 1888 г., командуя корветом «Витязь» в звании капитана 1-го ранга. Он погиб в 1904 г. на броненосце «Петропавловске», носящем имя нашего города.

Ещё один участник плавания на «Варяге» гардемарин Армфельт также даёт описание Петропавловска: «В нём считают до четырёхсот человек жителей, в том числе и матросы, которых до тридцати. Несколько порядочных деревянных домов, один с садом...

маленькая церковь, довольно богатая и очень старая. Остальная улица состоит из нескольких избушек, покрытых соломой... По улицам ходит скот, вследствие чего она не может похвастаться чистотой, через неё перекинуто несколько мостиков через ключи, многочисленно стекающих с гор и дающих великолепную воду».

1871

Командорские острова сданы в аренду на двадцать лет американской компании «Гутчинсон, Коль и К°». В 1879 г. на них, по данным Б. И. Дыбовского, проживало около пятисот человек, в том числе на острове Медном — сто алеутов, на Беринге — шестьдесят восемь чистокровных алеутов и двести пятьдесят креолов.

24 августа экипаж прибывшего в Петропавловск корвета «Боярин» принял участие в крестном ходе и торжествах, посвящённых разгрому англо-французов в августе 1854г.

14 октября из Владивостока пришло судно «Беринг» с оборудованием для камчатских маяков и мастеровой командой.

1877

25 января петропавловский окружной исправник Н. С. Попов сообщает статистические данные о состоянии Петропавловска: «Жителей в городе состоит четыреста дадцать один человек, в том числе иностранцев — одиннадцать мужского и восемь женского пола, чиновников — четыре и два, фельдшеров — один мужского пола, повивальная бабка — одна. Канцелярский служитель один, духовного ведомства — четырнадцать и четырнадцать, купцов — пять и два, почётный гражданин — один, почтового ведомства — один и один, матросов с семействами (в том числе служащих два) — тридцать восемь и пятьдесят два, казачьего звания — сорок восемь и сорок два, алеутов — три и шесть, камчадалов — один и пять, крестьян — семь и пятнадцать, мещан местных — шестьдесят девять и шестьдесят шесть, якутских — один и один, и читинских — один мужского; всего мужского пола двести шесть и женского пола двести пятнадцать... В окрестностях города находится поселений: два казачьих и одно крестьянское с населением в первых двух (казачьих) тридцать три и тридцать шесть и в последнем (крестьянском) — шестьдесять семь человек обоего пола... Имеется одна немощёная улица, проходящая через всю длину города, несколько переулков».

15 июня в Петропавловск прибыл клипер «Гайдамак» под командованием капитан-лейтенанта Тыртова. Пассажир «Гайдамака» учёный секретарь Сибирского отдела Русского Географического общества К. К. Нейман даёт любопытное описание Петропавловска:

«Прежде всего посетим церковь имени святых апостолов Петра и Павла. Эта церковь вся привезена из Америки и выстроена на счёт Американской компании... Рядом с нею находится старая церковь, которую начали строить в 1806 г. в бытность в Петропавловске первой кругосветной экспедиции под начальством Крузенштерна и в которой похоронен был известный спутник знаменитого Кука капитан Клерк... От старой же церкви, которую начали строить при Беринге в 1740 г., кроме камня, означающего место алтаря, ничего не осталось... В церковной ограде находится памятник нашему русскому Колумбу, несчастному Берингу... На другом берегу бухты воздвигнут памятник знаменитому французскому мореплавателю Лаперузу, он осквернён собственными его соотечественниками, которые в 1854 г., будем надеяться, что по ошибке, стреляли по нём картечью. Недалеко от Сигнального мыса, на котором стоит только что упомянутый памятник, мы увидели три креста над двумя большими могилами, над одной из них, более обширной, стоят два креста, под которыми лежат бренные останки убитых на этом месте в достопамятный для Петропавловска день 24 августа 1854 г. англичан и французов, а под другим холмом покоится прах героических защитников России... В этом году крест над французской могилой был возобновлён одним из Орлеанских принцев, герцогом Пантьерским, а над другими двумя — нами. На обратном пути в город, в самом конце бухты, мы замечаем остов древнего судна, от которого торчит лишь несколько рёбер. Это останки когда-то гордого судна, на которое возлагались большие надежды в учёном мире, на нём отправился на север для открытия северо-восточного прохода известный Биллингс... Оно называлось “Слава России”».

1878

24 августа в торжествах по случаю двадцать четвёртой годовщины Петропавловской обороны принял участие экипаж корвета «Баян» под командованием контр-адмирала О. Р. Штакельберга. В то время единственным напоминанием о героическом сражении был лишь некрополь с братскими могилами победителей и побеждённых, описанный в 1877 г. К. Нейманом. Среди офицеров «Баяна» родилась идея о сборе средств на сооружение достойного памятника во славу русского оружия. Это предложение было поддержано Морским министерством, которое заказало его проект. В 1881 г. памятник «Слава» был изготовлен, а в 1882 г. установлен.

1879

С 5 июля этого года по осень 1883 г. на Камчатке в должности окружного врача Петропавловского и Командорского округов

Приморской области работал известный учёный — зоолог, ботаник, орнитолог, эколог, препаратор, антрополог, этнограф и языковед — Бенедикт Дыбовский. До приезда на Камчатку он получил известность как исследователь фауны Байкала. В 1877 г. предложил Русскому Географическому обществу проект организации комплексной экспедиции для всестороннего исследования Камчатки силами ссыльных польских учёных. Сам Дыбовский в ссылке в Сибири провёл тринадцать лет за участие в польском восстании 1863 г. Получив отказ от Академии наук, Дыбовский решил организовать исследования на Камчатке самостоятельно, за свой счёт, сочетая их с работой окружного врача.

За четыре года пребывания на Камчатке Дыбовский пять раз объехал полуостров, преодолев пять тысяч вёрст по бездорожью на собачьих упряжках, лодках, верхом на лошадях, пешком, трижды побывал на Командорских островах. Он посетил все камчатские селения. Занимаясь врачебной деятельностью, боролся с эпидемиями тифа и оспы, основал больницы для больных проказой и сифилисом, сам готовил лекарства, бесплатно раздавал семена овощей и злаков, завёз на Камчатку за свой счёт кроликов, свиней, овец и коз, а на Командоры — оленей и лошадей. Он обращался к властям с проектами улучшения условий жизни коренных народов Камчатки. Всё свободное время отдавал научной деятельности: пополнял коллекцию фауны, собирал этнографические материалы — одежду, предметы быта, оружие, много фотографировал, изучал умирающие языки народов Камчатки. На собственные средства изготовил и установил в Петропавловске в 1881 г. новый памятник Лаперузу вместо старого, пострадавшего от ядер и бомб англо-французской эскадры.

О деятельности Б. Дыбовского на Камчатке можно судить по его трудам: «О Сибири и Камчатке», «Командорские острова», «Удачный опыт переселения северных оленей с Камчатки на остров Беринга», «Письма доктора Дыбовского из Петропавловска-на-Камчатке», которые публиковались в варшавском журнале «Вшехсвят» («Вселенная»), а также по этнографическим выставкам, организованным им в 1884 г. в Варшаве, Кракове, Львове и других городах (Дыбовский привёз с Камчатки одиннадцать тонн различных экспонатов). Многие экспонаты из коллекций Дыбовского хранятся в музеях Санкт-Петербурга, Варшавы, Вены, Львова. В Камчатском краевом объединённом музее имеется часть фотографий, сделанных им на Камчатке в те годы.

1881

22 июля из Владивостока в Петропавловск прибыл крейсер «Африка» под командой капитан-лейтенанта Е. И. Алексеева. Среди офицеров корабля был лейтенант В. Ф. Руднев — будущий командир легендарного крейсера «Варяг» в 1904 г. В 1882 г. крейсер «Африка» осуществлял контроль русских территориальных вод в Беринговом море, занимался гидрографическими работами. В честь корабля назван мыс Африка, лежащий к северу от Усть-Камчатска.

1882

На перешейке между Никольской и Сигнальной сопками поставлен новый памятник Лаперузу взамен повреждённого во время обстрела в 1854 г. Памятник был изготовлен по инициативе и на средства Б. Дыбовского и представлял собой высокий деревянный крест. На прикреплённой к нему овальной табличке была вырезана надпись по-французски: «Памяти Лаперуза. 1787».

В июле-августе в Петропавловске находились два военных корабля: клипер «Вестник» и крейсер «Африка». Силами их экипажей был смонтирован и установлен памятник «Слава». Об открытии памятника был составлен протокол и акт о его торжественном освящении. В акте говорилось: «1882 г. августа 24-го дня. Город Петропавловск Приморской области Восточной Сибири. Мы, нижеподписавшиеся: командир винтового клипера “Вестник” капитан 2-го ранга Ф. К. Авелан, командир крейсера “Африка” капитан-лейтенант Е. И. Алексеев, Петропавловский окружной исправник Серебренников, чиновник особых поручений Приморского областного управления Кишенский и офицеры клипера “Вестник” и крейсера “Африка” сим свидетельствуем, что сего 24 августа в одиннадцать часов дня в присутствии почётного караула с вышесказанных военных судов и городского населения торжественно освящён памятник памяти павших при отражении в Петропавловске англо-французского флота и десанта 20—24 августа 1854 г. воздвигнутом на “косе”, отделяющей Авачинскую бухту от Петропавловской, при которой расположен город. Памятник установлен в таком месте, которое ясно видно с города и с входа в маленькую бухту. Установка памятника на фундамент, сделанный средствами Петропавловского первой гильдии купца надворного советника Филиппеуса, из кирпича, положенного в три ряда и залитого цементом, вместе с окраской памятника в чёрный цвет, бронзированием венков и надписей, находящихся на нём, произведены командой клипера “Разбойник”. Дорога к памятнику от города по

косе шириной в восемь футов, устланная щебнем, а также цепная ограда округ памятника сделана командой крейсера “Африка”».

В открытии и освящении памятника активное участие принимал будущий командир легендарного «Варяга», а тогда лейтенант-артиллерист с «Африки», Всеволод Фёдорович Руднев. Он вспоминал: «24 августа, в годовщину Петропавловского боя, состоялось торжественное открытие памятника убитым воинам при защите города в 1854 г. Памятник поставлен на средства, собранные между офицерами Тихоокеанской эскадры, местоположение его на косе даёт возможность входящим на рейд судам любоваться издали его золоченой верхушкой. Для парада свезли на косу сводную роту под командой лейтенанта В.Ф.Р. (Руднева. — *В. А.*). К этому времени прибыло духовенство. Когда шествие установилось по данному церемониалу, двинулись вперёд на братскую могилу служить панихиду в присутствии оставшегося в живых участника боя солдата Карандашева. С кладбища процессия двинулась в собор, где служили обедню, и затем все прошли на косу к памятнику. При снятии завеса оба судна салютовали, после чего команда прошла церемониальным маршем».

На освящении памятника присутствовал не один ветеран Алексей Степанович Карандашев, а, как пишет в своём рапорте чиновник особых поручений областного правления Приморской области Кишенский, «восемнадцать ветеранов, участвовавших в славном Петропавловском бою: один хорунжий, одиннадцать казаков (из коих два пятидесятника и один урядник), один баталер и пять матросов».

Кишенский с сочувствием пишет о судьбе ветеранов: «Все они, за исключением хорунжего Савинского, заведывающего камчатской казачьей командой, в отставке. Один из пятидесятников, Алексей Карандашев — тяжело раненый в сражении в левую руку — кавалер знака Военного ордена. Хорунжий Савинский получает жалование двести рублей в год, имея жену и десять человек детей. Отставные матросы ничего не получают. При общей бедности жителей Камчатки — весьма близко граничащей с нищетой — все ветераны находятся также в бедности и, несмотря на свои преклонные лета, принуждены тяжёлым трудом зарабатывать своё пропитание (отставной пятидесятник Карандашев, например, семидесяти двух лет от роду, почти не владея левой рукой, ездит на шлюпке за пятнадцать вёрст из селения Авачинского в город Петропавловск, вдвоем с женою, чтобы продать ведро ягод за один рубль)».

Кроме ветеранов, присутствовавших на открытии памятника, Кишенский сообщает, что на Камчатке проживают ещё несколько человек в отдалённых селениях, среди них Василий Митюгов, Константин Краснояров и казак Прокопий Русанов. Он сообщает, что Карандашеву ещё двадцать два года назад была обещана пенсия как раненому, а матросы должны были получить пособие по сто тридцать рублей как оставшиеся на постоянное жительство в Приморской области.

1885

Летом на шхуне «Сибирь» из Владивостока к берегам Камчатки и Чукотки для промысла китового уса и моржовых клыков плавал шкипер Фридольф-Фабиан Кириллович Гек. В плавании участвовал командированный приамурским генерал-губернатором Н. А. Корфом штабс-капитан Александр Алексеевич Ресин. Ресин приводит статистические данные о Петропавловском округе: «Население — 6 509 человек, шестьдесят два селения с Петропавловском. В Петропавловске шестьдесят шесть домов. Округ обслуживал один врач (после отъезда Б. Дыбовского осенью 1883 г. эту должность занимал фельдшер Фёдоров. — *В. А.*). В округе работали пять школ, в которых обучались около ста учеников». По пути на Чукотку шхуна совершила около ста пятидесяти остановок, во время которых Ресин занимался сбором этнографических данных, лёгших в основу его труда «Очерк инородцев русского побережья Тихого океана». Гек составил карту побережья от бухты Караги до Чукотки, нанеся на неё много объектов, которым он дал названия. Ему повезло — в том году почти не было туманов, которые в своё время мешали Берингу, Синдту и другим мореплавателям.

1886

1 января общество «Добровольный флот» организовало грузопассажирские перевозки из Владивостока по Охотско-Камчатскому побережью с заходом в Петропавловск. На эту линию был поставлен пароход «Владивосток». Рейсы осуществлялись в летне-осенний период, их периодичность зависела от метеорологической и навигационной обстановки. Подобные перевозки с 1875 г. осуществлял на пароходе «Камчатка» известный дальневосточный предприниматель А. Ф. Филиппеус, заключивший десятилетний контракт с правительством на обслуживание побережий. Приняв грузы в Японии, «Камчатка» шла во Владивосток за пассажирами и товарами, затем следовала в Николаевск-на-Амуре, Аян и пункты западного и восточного побережий Камчатки с заходом в Петропавловск.

1888

24 июля в Петропавловск из Владивостока пришёл корвет «Витязь» под командованием капитана 1-го ранга Степана Осиповича Макарова, ставшего впоследствии выдающимся флотоводцем и изобретателем. «Витязь» прибыл на Дальний Восток для осуществления обширной программы океанографических исследований, принесших Макарову мировую известность.

1889

В августе из Владивостока в Петропавловск прибыл клипер «Разбойник» под командованием капитана 1-го ранга Вульфа. Клипер следовал к устью Анадыря с пассажирами и грузами для основания Ново-Мариинского поста (будущего Анадыря). Эту миссию возглавлял доктор Л. Ф. Гриневецкий, будущий начальник учреждавшегося Анадырского округа. В Петропавловске клипер принял на борт десять казацких семей, добровольно решивших переселиться на устье Анадыря. Экипаж «Разбойника» участвовал в торжествах, посвящённых тридцатипятилетию Петропавловской обороны. В них участвовали и три ветерана сражения с англо-французами — шестидесятилетний начальник казачьей команды сотник Давид Фёдорович Савинский и два отставных унтер-офицера.

1890

Население Петропавловска составило пятьсот шесть человек. У подножия Никольской сопки построена первая метеостанция. В 1894 г. её перенесли к Петропавловскому маяку.

1892

В Петропавловск прибыл крейсер «Забияка». Его экипаж соорудил новый памятник Лаперузу на прежнем месте. На сохранившееся от старого памятника каменное основание был установлен массивный тёмно-красного цвета гранит. Позднее он перенесён на улицу Ленинскую, где сохранился до наших дней примерно в том же виде.

В Петропавловске открылась «школа грамоты», где детей учил фельдшер Фёдоров.

1894

В апреле на Камчатку на должность окружного врача прибыл выпускник медицинского факультета Дерптского университета (ныне Тартуского в Эстонии) Владимир Николаевич Тюшов. За восемнадцать лет (до 1912 г.) он неоднократно объездил всю Камчатку. Особый интерес у него вызывали вулканы. В 1895 г. он поднялся на Авачинский, позднее работал на вулканах Ключевской

группы, Шивелуче, Жупановском, Ичинском. Он сотрудничал с экспедициями К. И. Богдановича (1895—1898 гг.), Ф. П. Рябушинского (1908—1910 гг.). Главный труд В. Н. Тюшова «По западному берегу Камчатки», изданный в 1906 г., сравнивают с трудами С. П. Крашенинникова и К. Дитмара.

7 мая в Петропавловске открылось двухклассное городское училище. Учителями были выпускник Петербургского учительского института Аполлон Лаврентьевич Соболев и его жена Олимпия Степановна. Начали обучаться двадцать три мальчика от восьми до шестнадцати лет: тринадцать — дети мещан, пять — казаков, двое — крестьян, двое — солдат, один — духовного сословия. С 1897 г. стали учиться одиннадцать девочек. Из двадцати трёх учеников, поступивших в 1894 г., пятилетний курс окончили лишь двое. Их направили на годичные педагогические курсы в Хабаровск. В 1900 г. они вернулись и были назначены учителями в Петропавловскую школу. Ныне — это школа № 4.

1895

Начальником Петропавловского округа был Пётр Александрович Ошурков, умерший в Петропавловске в 1903 г. В годы его управления на Камчатке произошли многие важные события: состоялись научные экспедиции, зародилась рыбная промышленность.

В 1895—1898 гг. работала Охотско-Камчатская горная экспедиция под руководством горного инженера Карла Ивановича Богдановича. В её состав вошли горный инженер С. П. Кишенский, астроном корпуса флотских штурманов штабс-капитан Н. Н. Лелякин, врач и естествоиспытатель, коллежский советник Н. В. Слюнин и два штейгера (горных мастера). Экспедиция организована в связи с начавшимся в 1894 г. строительством Транссибирской магистрали с целью изучения и оценки ресурсов Охотско-Камчатского края. В 1896—1897 гг. Н. В. Слюнин изучал рыбные промыслы. Результатом его работы явился монументальный труд в двух томах «Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание». В 1897—1898 гг. К. И. Богданович и Н. Н. Лелякин определили тридцать восемь астрономических пунктов, составили ряд карт. Экспедиция Богдановича стала началом планомерного изучения комплекса природных ресурсов Камчатки в преддверии её промышленного освоения. В 1920-е гг. К. И. Богданович был министром геологии Польши.

1896

Зарождение рыбной промышленности на Камчатке. Доверенный «Русского товарищества котиковых промыслов» П. М. Гринвальд

вместе с начальником Петропавловского округа П. А. Ошурковым на пароходе «Котик» прибыли к устью реки Камчатки, где товариществу был отведён рыболовный участок. Было засолено восемьдесят семь бочек чавычи весом 1 218 пудов. Засольщиком был вологодский крестьянин А. Зубков, впоследствии сам ставший рыбопромышленником. Ему помогали два казака. Бочки отправили в Санкт-Петербург через Сан-Франциско. Опыт оказался неудачным, вся партия рыбы испортилась, и её пришлось уничтожить.

1897

«Русское товарищество котиковых промыслов» реорганизовано в «Камчатское торгово-промышленное общество» (КТПО). Его цель — производство различных морских и речных водных промыслов (сельдяного, трескового, лососёвого) «в Охотском, Беринговом и Камчатском морях с заливами, проливами и реками, устройство и содержание заводов, торговля, добыча угля на Камчатке».

П. М. Гринвальд арендовал два рыболовных участка — в устьях рек Камчатки и Столбовой. Рыбу солили японским методом «бара» — сухим стоповым посолом. Заготовили восемь тысяч пудов, проданных в Японии по высокой цене.

По переписи 1897 г. в Петропавловском округе проживало 8 365 человек (оленные кочевые коряки учтены не все).

В мае в Петропавловске проходили торжества по случаю двухсотлетия присоединения Камчатки к России. В них участвовал приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской.

1 июня закончилось строительство новой чугунной башни Петропавловского маяка.

1898

16 февраля в селе Великая Мечетня Балтского уезда Подольской губернии (ныне Кривоозерский район Николаевской области) в возрасте восьмидесяти восьми лет скончался В. С. Завойко.

КТПО арендовало ещё два рыболовных участка (в устье реки Озерной-Восточной и бухте Тарья в Авачинской губе), заготовило и продало в Японию 30 831 пудов солёной рыбы. На побережьях Камчатки пребывало много японских шхун. Японские браконьеры появились здесь в начале 1880-х гг., после передачи Японии всех Курильских островов в 1875 г.

1899

КТПО приступило к строительству в бухте Тарья первого камчатского рыбоконсервного завода суточной производительностью 38 400 банок весом в один фунт и тукового завода. Строительный лес завозился из Америки, Японии и с Сахалина. Руководили

строительством инженеры из Америки, Норвегии, Швеции и Франции, их возглавлял американский инженер Смит (американцы уже эксплуатировали десять таких заводов на Аляске и Алеутских островах).

КТПО арендовало на Камчатке двадцать один рыболовный участок. Вылов составил сорок шесть тысяч пудов. Американский браконьер Прот на бриге «Пай» добыл полторы тысячи моржей на острове Карагинском. Этот хищник брал только клыки и шкуры, туши бросал. После этого моржи на острове исчезли.

Русские рыбопромышленники заготовили и вывезли с Камчатки 114 684 пуда рыбы.

1900

На севере Камчатки и на Чукотке работала (до 1902 г.) Северо-Тихоокеанская экспедиция для изучения народов Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Сибири, организованная американским учёным Ф. Боасом и М. Джезупом. В Сибирский отдел экспедиции вошли бывшие политические ссыльные этнографы В. И. Иохельсон и В. Г. Богораз и врач-антрополог Д. Л. Иохельсон-Бродская. Богораз исследовал чукчей и азиатских эскимосов в Анадырском округе, Иохельсоны прошли через корякские селения побережья Пенжинского залива. Целью экспедиции было выяснение взаимодействия и этнической общности рас и культур. Одним из главных её результатов явилась разработанная Богоразом и Иохельсоном «теория об азиатско-американской цепи индоидных племён, существовавших в эпоху Берингова перешейка». После окончания экспедиции в Нью-Йорке под эгидой Американского музея естественной истории вышло двенадцатитомное издание трудов ёе участников. В шестом-девятом томах опубликованы работы В. И. Иохельсона о коряках, камчадалах, юкагирах и тунгусах и В. Г. Богораза о чукчах и эскимосах Сибири. В 1930-е гг. вышли капитальные труды Богораза «Чукчи» и Иохельсона «Коряки».

1901

8 июля вступил в строй первый на Камчатке рыбоконсервный завод в бухте Тарья. Он проработал лишь один сезон, затем его решили перенести в Усть-Камчатск, так как в Авачинской губе предприятие невозможно было обеспечить сырьём. В больших объёмах вели браконьерский промысел японцы. Русские рыбопромышленники, арендовавшие промысловые участки, фактически являлись подставными лицами японских компаний. На них работали до двух тысяч японских рабочих. На двадцати семи участках КТПО трудились шестьсот японцев, на четырнадцати рыбалках

А. Зубкова — четыреста шестьдесят два, на девяти рыбалках Бринера — триста сорок восемь, на рыбалках Кахтина — доверенного лица компании «Тихоокеанское рыбопромышленное акционерное общество графа Кейзерлинга и К°» — сорок пять.

1903

Начальником Петропавловского уезда назначен Антон Петрович Сильницкий, до того — чиновник Приамурского генерал-губернаторства и редактор газеты «Приамурские ведомости», знаток истории Дальнего Востока. В 1901 г. А. П. Сильницкий посещал Камчатку, дал описание Петропавловска и Тарьинского рыбоконсервного завода.

9 июня началось извержение Авачинского вулкана.

Вступили в силу «Временные правила для производства в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства морского промысла», запрещавшие использовать рабочих, не имевших русского подданства. Поэтому КТПО арендовало лишь восемь рыболовных промыслов.

В связи с активизацией японского браконьерства введены должности двух надзирателей за рыболовными промыслами на западном побережье. Первыми рыбинспекторами полуострова стали Максим Иванович Сотников и Македон Александрович Ворошилов.

Русская канонерская лодка «Манджур» задержала за незаконный лов рыбы двенадцать японских шхун.

1904

В конце апреля до Петропавловска дошло известие о начавшейся 27 января русско-японской войне. На Камчатке не было ни одного солдата, лишь около пятидесяти казаков наблюдали за порядком. Но в Петропавловске хранились четыре тысячи винтовок-берданок и патроны к ним. Начальник уезда А. П. Сильницкий 22 апреля 1904 г. издал приказ: «Запасные нижние чины, льготные и отставные казаки, а равно все волонтеры от населения приглашаются к формированию дружины... Распоряжается воинской силой штабс-капитан Векентьев (помощник Сильницкого. — *В. А.*)». Командиром Петропавловской дружины был назначен отставной прапорщик Цезарь Жабо, начальником обороны западного побережья стал унтер-офицер М. И. Сотников. На западном побережье были образованы четыре пешие дружины — большерецкая, тигильская, ичинская, облуковинская и конная дружина для связи. Всего на западном побережье в ополчение записались около трёхсот, на восточном — четыреста семьдесят пять человек.

30 мая в устье реки Озерной высадился первый японский десант из ста пятидесяти человек с двумя пушками. 17 июля дружинники во главе с М. И. Сотниковым разгромили его. В 1904—1905 гг. противник высадил на западном и восточном побережье и на Командорских островах до тридцати десантов, все они были отражены. Несколько японских шхун были сожжены или потоплены, погибли три сотни японцев.

18 июля А. П. Сильницкий по навету недоброжелателей был объявлен сумасшедшим и отстранён от должности после четырнадцати месяцев управления уездом. Впоследствии его освидетельствовали в Иркутске, признали здоровым и восстановили в должности редактора «Приамурских ведомостей».

1905

2 января начальником Петропавловского уезда назначен надворный советник Станислав Матвеевич Лех. На этом посту он находился до марта 1917 г.

30 июля два японских крейсера обстреляли покинутый жителями Петропавловск, высадили десант, в течение трёх дней занимали город, перестреляли коров, разграбили казначейство. Петропавловская дружина находилась на западном побережье полуострова.

1906

В устье реки Воронской от рук японских браконьеров погиб М. И. Сотников.

1907

5 июля в Петропавловске отмечено землетрясение.

Подписана русско-японская рыболовная конвенция, разрешавшая японцам арендовать на равных правах с русско-подданными промысловые участки на российском побережье. В устьях каждой камчатской реки появились японские рыбалки, тысячи японских рабочих с весны и до поздней осени добывали, обрабатывали и вывозили на своих пароходах камчатскую рыбу. Появилась угроза мирной аннексии Камчатки Японией, так как летом японцев на Камчатке было больше, чем российских граждан. Эту угрозу не могли не видеть и власти.

1908

В марте приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер (будучи военным губернатором Приморской области, посещал Камчатку в начале 1890-х гг.) одним из первых стал бить тревогу по поводу японской экспансии. Он направил секретный доклад правительству «Ближайшие задачи в деле закрепления за нами Приамурского края». Там, в частности, говорилось: «Для ограничения се-

верных окраин, на первой очереди Камчатки, от мирного захвата иностранцами, преимущественно японцами, необходимо настойчиво заняться заселением этих районов русскими... Теперь на Камчатку надвигается стихийно толпа японских рыбопромышленников... Они входят в общение с местными жителями с целью подчинить их своему экономическому влиянию, последствием которого неминуемо окажется разорение богатств, служащих основой питания тех же жителей. При таких условиях оставлять эту окраину в зависимости от удалённого Владивостока нельзя, и её нужно выделить вместе с остальными северными уездами в отдельную область с губернатором во главе, обеспечив при этом областную администрацию как надёжными средствами надзора, так равно и передвижения. Без этого неминуемо чрез относительно короткий промежуток времени японцы сделаются хозяевами Камчатки... Вместе с тем необходимо связать наши северные округи телеграфом с центральными учреждениями края и прибегнуть к постройке беспроволочного телеграфа».

31 марта в Государственной Думе выступил премьер-министр П. А. Столыпин: «На нашей далёкой окраине — на Камчатке и на побережье Охотского моря уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. Для того чтобы обнять этот вопрос не только с технической, со стратегической точки зрения, но с более широкой общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение её».

Весной на Камчатку прибыл военный губернатор Приморской области В. Е. Флуг. Именно он ещё в декабре 1906 г. первым поднял вопрос «о необходимости выделения северных уездов области в особую административную единицу с центром в Петропавловске». С этой целью он и прибыл на Камчатку.

27 мая в Петропавловск прибыл пароход «Эйтин» с членами экспедиции Русского Географического общества, организованной на средства известного миллионера-мецената П. Ф. Рябушинского, во главе с В. Л. Комаровым (будущим президентом Академии наук СССР в 1936—1945 гг.). Это была самая крупная в истории Камчатки комплексная экспедиция. Одновременно с ней начала работу экспедиция переселенческого управления. Её цели: определить возможности Камчатки в развитии экономики и масштабы переселения. Обе экспедиции работали до 1910 г.

29 октября Министерство внутренних дел опубликовало проект «Об административном переустройстве Приморской области»,

в основу которого лёг доклад комиссии по направлению законодательных предположений «Об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалин», В докладе говорилось: «Речь идёт собственно не об образовании некогда существовавшей особой административной единицы — Камчатской области... В настоящее время министр внутренних дел находит необходимым вновь восстановить Камчатскую область с губернским городом Петропавловском... Далее мы признаём необходимым устройство беспроволочного телеграфа между Николаевском и Петропавловском и далее до Чукотского полуострова...»

1909

17 июля опубликовано «Временное положение об управлении Камчатской областью», в котором говорилось: «1. Камчатская область состоит из уездов: Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского, Чукотского и Командорских островов. 2. Камчатская область входит в состав Приамурского генерал-губернаторства... 3. Главное управление областью принадлежит приамурскому генерал-губернатору. 4. Местопребывание губернатора есть Петропавловск. 5. При губернаторе по областному управлению состоят: вице-губернатор, врачебный инспектор (он же старший врач Петропавловской лечебницы), ветеринарный инспектор, областной инженер, чиновники особых поручений и канцелярия по штату...»

22 июля по предложению П. Ф. Унтербергера император Николай II своим указом назначил «исполняющим должность камчатского губернатора» Василия Власьевича Перфильева — сорокатрёхлетнего начальника губернской канцелярии, потомка основателя Братского острога в 1630 г. Максима Перфильева. В. В. Перфильев был выпускником Харьковского университета, кандидатом физико-математических наук. Позднее он окончил курсы при Военно-медицинской академии, был направлен в Хабаровск, где прошёл путь от рядового врача до начальника больницы. Унтербергер взял его в свою канцелярию, которую Перфильев вскоре возглавил.

16 августа В. В. Перфильев прибыл в Петропавловск. С ним приехало много чиновников, которым требовались административные помещения и жильё. Развернулось бурное строительство, в котором было занято около трёхсот рабочих — китайцев и корейцев.

1910

Началось строительство телеграфной линии из Петропавловска на Большерецк и Тигиль, дороги на Большерецк, в порту соору-

жался новый причал, в городе появилось уличное освещение. В окрестностях Петропавловска создана сельхозферма, из Владивостока завезён племенной скот, заведено пчеловодство. Прибывший в Петропавловск 8 августа 1910 г. П. Ф. Унтербергер остался доволен деятельностью В. В. Перфильева.

Местная интеллигенция положила начало областному научно-промышленному музею, который разместился в здании канцелярии губернатора. Началось сооружение сейсмической станции.

10 ноября инженер И. С. Багинов завершил строительство радиостанции. Теперь новости с материка поступали в Петропавловск в тот же день.

В 1910—1914 гг. в Петропавловск ежегодно заходили ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач», осваивавшие Северный морской путь.

1911

Население Петропавловска насчитывало девятьсот двадцать четыре человека.

В Петропавловск прибыл пароход (яхта) «Адмирал Завойко», предназначенный для администрации Камчатской области. «Судно для плавания во льдах имело укрепленный нос и утолщённую обшивку в носовой части... две мачты со вспомогательной наружностью, три гребных шлюпки, один моторный катер, был установлен беспроволочный телеграф, а также артиллерийское снаряжение — две 57-миллиметровые пушки и два пулемёта». «Адмирал Завойко» вместе с канонерской лодкой «Манджур» и военным транспортом «Колыма» охранял побережья области, надзирал за рыбным, котиковым и бобровым промыслами.

1912

В Петропавловске имелось триста шестнадцать зданий, из них сто тридцать пять нежилых, две церкви, часовня. На центральной улице (Большой) появилось керосинокалильное освещение и телефонная связь.

В. В. Перфильев побывал во многих селениях полуострова, организовал поездки известных врачей, сам не отказывал в медицинской помощи и советах. Большую помощь Перфильеву в его деятельности оказывали вице-губернатор Евгений Фёдорович фон Бодунген и областной инженер Константин Антонович Заранек, в обязанности которого входили надзор за строительством в Петропавловске, за казёнными зданиями в северных уездах, производство дорожных работ. Горный инженер Сергей Дорофеевич Оводенко занимался сбором сведений о полезных ископаемых.

За годы управления В. В. Перфильева (1909—1912 гг.) было построено двадцать два здания. «Из них под квартиры областных чинов всех ведомств занято двенадцать домов, под почтово-телеграфные учреждения — два дома, затем под канцелярию губернатора с музеем, под казначейство со сберкассой, под арестное помещение, больницу, под интернат для учащихся городского училища и под квартиры учителей», — сообщал Перфильев.

18 июня вместо подавшего 12 апреля в отставку по состоянию здоровья В. В. Перфильева был назначен новый губернатор — саратовский помещик, до того служивший вице-губернатором Приморской области, а до 1910 г. — вологодским губернатором — Николай Владимирович Мономахов. Он продолжил многое из того, что было задумано В. В. Перфильевым. Начала работу первая типография, стала выходить первая газета — «Камчатский листок», состоялись первые кинопоказы, было построено здание театра, где регулярно ставились любительские спектакли.

24 августа торжественно освящена часовня на братской могиле павших в августе 1854 г., построенная по проекту областного инженера К. А. Заранека. Прежняя деревянная часовня, построенная в 1885 г. на средства купца А. Ф. Филиппеуса, была повреждена в 1905 г. во время обстрела города японскими крейсерами «Сума» и «Идзума».

1913

Опубликована работа С. Д. Оводенко «Горные богатства Камчатской области».

В типографии М. М. Пономарёва напечатана первая на полуострове книга — «Обзор Камчатской области за 1912 г.». В ней говорится: «Область делится на шесть уездов... Уезды подчинены начальникам уездов, в Петропавловском и Охотском уездах имеются приставы, в первом уезде — три, а во втором — один... В городе Петропавловске имеется прокурор, два товарища (заместителя. — *В. А.*) прокурора, четыре участковых мировых судьи, они же исполняют и обязанности судебных следователей... Во всей Камчатской области имеется лишь одно казначейство в городе Петропавловске, в прочих же уездах учреждение это заменяют кассы специальных сборщиков, установленных в каждом уездном правлении, кроме Чукотского. В Петропавловске находится камчатская пешая жандармская команда... Численность населения Камчатской области на 1 января 1913 г. определяется в 34 492 душ обоего пола... В Петропавловске 1 690 жителей, из них 595 женщин... Города Камчатской области — Петропавловск и Охотск — обще-

ственного самоуправления не имеют и по своему благоустройству стоят очень низко... В 1912 г. главные порты области посетило следующее количество пароходов: город Петропавловск — 61... В городе Петропавловске врачей — два, фельдшеров — два, повивальных бабок — одна, сестёр милосердия — четыре... В городе Петропавловске одно городское четырёхклассное учебное заведение... Кроме того, в отчётном году в Петропавловске были открыты педагогические двухгодичные курсы при городском училище...»

1914

На крейсере «Ньюкасл» в Петропавловск прибыла делегация Британского Адмиралтейства для установки обелиска на могиле Ч. Кларка.

17 августа открылся синематограф (электротеатр «Иллюзион»).

1915

Построен «Судебный городок» (ныне улица Красноармейская): здание Петропавловского окружного суда, квартиры служащих, арестная камера, квартиры для мировых судей.

13 июня Н. В. Мономахов сообщает приамурскому генерал-губернатору Н. Л. Годдатти: «По последней переписи в Петропавловске насчитывается около 1 189 человек жителей, из которых до четырёхсот человек составляют китайцы, корейцы и японцы и двести человек чиновников с их семействами. Коренное население весьма незначительное, так как таковое с новым укладом жизни, появившимся благодаря образованию губернаторства, учреждению окружного суда и приливу нового элемента людей, постепенно оставляет город Петропавловск и переселяется в ближайшие и дальние селения уезда. Занятия жителей составляет извозный промысел, торговля с уездом, рыболовство и ремесленный труд. С апреля по ноябрь Петропавловск имеет пароходное сообщение с городом Владивостоком и побережьем уезда посредством субсидируемых правительством пароходов Добровольного флота, предоставленного в 1915 г. в распоряжение парохода, а также приходящих для охраны побережья от хищников военных судов... В городе имеется казённая больница, четырёхклассная церковноприходская школа, окружной суд, мировой судья, местная пешая жандармская команда, часть камчатской казачьей команды и вольно-пожарное общество. Существует драматическое общество, владеющее казённым зданием... Гостиниц в городе нет... На местное уездное полицейское управление возложена обязанность и городской полиции. Функции нижних чинов полиции выполняют городовые казаки камчатской местной команды... Зданий в городе до двухсот, исключительно

деревянных, улицы не замощены, тротуары из досок устроены только на главной улице. Освещается город довольно хорошо галкинскими фонарями, извозчиков в городе нет».

1916

В Петропавловске открылось японское консульство.

1 мая в электротеатре «Иллюзион» был показан фильм, снятый американцами, где наряду с Аляской и Чукоткой демонстрировались виды Камчатки и Петропавловска.

20 ноября губернатор Мономахов на пароходе «Индигирка» отправился в шестимесячный отпуск. На Камчатку в связи с революционными событиями 1917 г. он уже не вернулся. Область возглавил вице-губернатор Александр Гаврилович Чаплинский, руководивший ею до конца марта 1917 г.

1917

1 марта до Петропавловска дошли первые известия о февральской революции в Петрограде.

4 марта после молебна в Петропавловском соборе исполняющий дела губернатора области А. Г. Чаплинский обратился с призывом объединиться вокруг Временного правительства и помочь ему материальными средствами. Население горячо откликнулось на этот призыв — несли деньги, золото, серебро, пушнину и прочее.

8 марта избран областной комитет общественной безопасности. В конце марта А. Г. Чаплинский вышел в отставку. Областным комиссаром избран бывший член окружного суда К. А. Емельянов, помощником — областной агроном И. Д. Добровольский, председателем комитета общественной безопасности — А. А. Пурин, заведующий сейсмической и радиотелеграфной станциями.

С 20 июля по 8 августа в Петропавловске проходил первый Камчатский областной съезд, на котором присутствовали сорок шесть представителей от населения области. Съезд избрал новым областным комиссаром заведующего статистико-экономическими обследованиями пушных промыслов, члена партии эсеров Константина Прокопьевича Лаврова, его помощником — бывшего члена второй Государственной Думы от социал-демократической фракции Ивана Фёдоровича Голованова. Председателем областного комитета общественной безопасности был избран Александр Антонович Пурин.

В 1917 г. Камчатская область занимала огромную территорию — 1 360 тысяч квадратных километров с населением всего тридцать четыре с половиной тысячи человек. В Петропавловске проживали тысяча двести человек.

10 сентября прошли выборы в первую Петропавловскую городскую Думу (ПГД). Число гласных (депутатов) было определено в двадцать человек. Избирательную комиссию из девяти человек возглавил агент Добровольного флота Н. Д. Голубецкий. В неё входили представители разных сословий, в том числе солдат Иван Емельянович Ларин, который во время службы во Владивостоке вступил в РСДРП(б) и был единственным большевиком на Камчатке. Было зарегистрировано пятьсот пятьдесят два избирателя старше двадцати лет. Итоги выборов по протесту областного комиссара К. П. Лаврова были отменены.

17 сентября в Петропавловске создан профессиональный рабочий союз.

26 октября получено известие о свержении в столице Временного правительства.

5 ноября состоялись повторные выборы в Петропавловскую городскую думу (ПГД). Её председателем стал Александр Яковлевич Эггенберг, недавно приехавший на Камчатку — податной (налоговый) инспектор. Городским головой избрали Николая Дмитриевича Голубецкого.

11 ноября из Владивостока прибыли сто солдат для службы в местной воинской команде. В их числе находился и большевик А. С. Олейник (Топорков).

9 декабря председателем комитета Камчатской воинской команды стал А. С. Олейник, секретарём — И. Е. Ларин.

10 декабря организован городской Совет солдатских и рабочих депутатов во главе с И. Е. Лариным.

1918

1 января состоялся митинг сторонников Совета солдатских и рабочих депутатов. Совет объявил себя высшей политической властью в городе и заявил, что будет неуклонно проводить в жизнь декреты и постановления советской власти. В Петропавловске установилось двоевластие.

В январе из Петрограда пришла телеграмма от члена Учредительного собрания от Камчатской области К. П. Лаврова о разгоне собрания большевиками, где он высказался против заключения сепаратного мира большевиков с Германией.

28 февраля вышел первый номер газеты «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов города Петропавловска» с призывом: «Товарищи рабочие и крестьяне! Встаньте под знаменем Советов!» Фактически власть в городе перешла к Совету.

В марте в селении Завойко (ныне Елизово) состоялся волостной съезд с участием представителей областного комитета и ПГД, потребовавший роспуска совдепа и закрытия его газеты. Это едва не привело к вооруженному столкновению.

5 марта часть членов областного комитета общественной безопасности провозгласила в селе Сероглазка автономию Камчатской области. Заговор «автономистов» был ликвидирован. Проведены перевыборы областного Совета (бывшего облкома). Его руководителями избраны И. Е. Ларин, И. Ф. Голованов, П. И. Дудко, сторонники РСДРП(б).

24 марта ПГД объявила о самороспуске. Наступило единовластие Советов, длившееся до июльского переворота.

30 апреля Петропавловский горсовет принял решение о создании городской милицейской команды (незадолго до этого была упразднена местная воинская команда — главная опора городского Совета).

24 мая областной Совет принял решение об организации народного суда.

11—12 июля в Петропавловске произошёл контрреволюционный переворот. Члены областного и городского Советов были арестованы и высланы во Владивосток. К власти вернулись ПГД и городская управа. Высшей властью в области стал областной комитет общественной безопасности, избранный вторым областным съездом. Его возглавил А. А. Пурин.

1 сентября состоялись выборы во вторую ПГД.

15 сентября председателем ПГД избран учитель Павел Яковлевич Сусляк, его заместителем — врач Пётр Петрович Рубецкий. В рабочий орган Думы — городскую управу — вошли городской голова Н. Д. Голубецкий, его заместитель Мечислав Константинович Станчиковский и гласный Думы В. И. Артюхин.

1919

В январе ПГД принимает важные решения по благоустройству города, упорядочению рыбного промысла в Авачинской губе, строительстве колесной дороги в Сероглазку и Авачу, о заготовке дров, санитарном состоянии города и другие.

В феврале Сибирское правительство адмирала Колчака распустило Камчатский облком и назначило своего управляющего Камчатской областью.

31 мая в Петропавловск прибыл управляющий областью Николай Николаевич Червлянский, бывший в 1912—1917 гг. главой канцелярии губернатора Н. В. Мономахова. Червлянский

управлял до падения колчаковской власти на Камчатке, то есть до 10 января 1920 г.

19 августа состоялись выборы в третью ПГД. Из трёхсот шестидесяти пяти зарегистрированных избирателей приняли участие девяносто два.

7 сентября избрано руководство новой ПГД. Председателем стал Иннокентий Дмитриевич Добровольский — областной агроном, его помощником — учитель Прокопий Трифонович Новограбленов. Городским головой снова выбран Н. Д. Голубецкий.

В октябре в Петропавловске создан подпольный временный военно-революционный комитет во главе с коммунистом-анархистом П. С. Маловечкиным.

1920

10 января временный военно-революционный комитет объявил, что власть передана ему «восставшими крестьянами, рабочими, инородцами и солдатами». Ряд руководителей города и области оказались под домашним арестом. Облком и ПГД продолжали действовать наряду с областным Советом, а затем облисполкомом во главе с П. С. Маловечкиным.

5 февраля местная воинская команда переименована в Камчатский отряд Красной Армии. В феврале оформилась Петропавловская организация Российской коммунистической партии (большевиков).

12 марта в Петропавловске открылся первый чрезвычайный уездный съезд Советов. Избран областной Совет трудового народа.

7 июня председателем облисполкома избран И. Е. Ларин.

20 июня состоялись выборы в четвёртую ПГД. Победу одержал «Трудовой союз служащих и рабочих», созданный Камчатским областным Советом.

25 июня в Петропавловск прибыла японская эскадра во главе с капитаном 2-го ранга К. Накамурой.

5 июля председателем ПГД вновь избран И. Д. Добровольский, секретарём — Анатолий Дмитриевич Батурин, городским головой — врач Чеслав Куприянович Щипчинский. Из тридцати восьми гласных (депутатов и кандидатов ПДГ) только десять являлись сторонниками советской власти. ПГД приняла резолюцию, вручённую японскому консулу. В ней обращалось внимание консула на отдельные случаи продажи спирта матросами японских судов, из-за чего «может развиться усиленное пьянство малосознательных граждан города».

13 июля вступил в силу антиалкогольный закон, запрещавший в городе продажу спирта и появление граждан в пьяном виде на улицах и в других общественных местах. Нарушителям грозило тюремное заключение от двух месяцев до полутора лет.

14 июля в городской управе принимали командиров японских крейсеров «Ниитака» и «Кошу» в сопровождении группы офицеров. Ч. К. Щипчинский сделал ответный визит.

21 июля в Петропавловск прибыл уполномоченный Временного правительства Дальнего Востока по Камчатской области Н. В. Кочергин.

29 июля ПГД приняла отставку Ч. К. Щипчинского, избрав городским головой секретаря облисполкома, основателя коммунистической организации в Петропавловске А. И. Бабкина-Байкалова. Вскоре его отстранили от должности, городским головой стал Е. А. Колмаков.

В начале августа ПГД избирает своим представителем при уполномоченном правительства Дальнего Востока по Камчатской области И. Е. Ларина.

В начале сентября депутатами в Народное собрание Дальнего Востока были избраны А. Д. Батурин, бывший уполномоченный военно-революционного комитета во Владивостоке, коммунист М. П. Воловников и И. Д. Добровольский; кандидатами — И. Д. Голубецкий, И. Е. Ларин и П. Т. Новограбленов.

22 сентября уполномоченный Временного правительства Дальнего Востока Н. В. Кочергин отправился в ознакомительную поездку по восточному побережью Камчатки.

В 1920 г. на Камчатку прибыла комплексная шведская научная экспедиция, работавшая на полуострове до 1922 г.

1921

23 марта Учредительное собрание Дальневосточной республики (ДВР) в Чите утвердило договор о границах между ДВР и РСФСР, по которому Камчатская область входила в состав РСФСР.

25 марта Политбюро ЦК РКП(б) постановило выделить для Камчатки миллион золотых рублей и отправить на полуостров товарную экспедицию.

4 мая из Владивостока прибыл пароход «Адмирал Завойко» с уполномоченным ЦК РКП(б) А. С. Якумом.

26—27 мая во Владивостоке произошёл переворот. К власти пришло Временное Приамурское правительство братьев Меркуловых.

В июне произошла попытка контрреволюционного переворота с целью отторжения Камчатки от РСФСР и выделения её в само-

стоятельную государственную единицу под протекторатом Японии. Инициатором был вернувшийся из Владивостока глава областной делегации И. И. Гапанович, которого поддержал А. И. Бабкин-Байкалов. В их поддержку выступали жители сёл Завойко, Паратунка и Микижа. Японское консульство отказалось поддержать заговорщиков, и они были высланы с Камчатки.

В начале октября облнарревком получил известие, что на Камчатку направляется Северный экспедиционный отряд во главе с есаулом Бочкарёвым. Принято решение уйти из города и оказать отряду сопротивление партизанскими методами. Кстати, Бочкарёв на Камчатку не прибыл, а остался в Наяхане (север Магаданской области).

28 октября облнарревком со своими сторонниками, всего двадцать пять человек, — двенадцать коммунистов и тринадцать беспартийных — покинули город. В Авачинской губе уже стоял пароход «Свирь» на котором находился начальник штаба Северного экспедиционного отряда генерал-майор Н. А. Поляков с воинскими силами.

11 ноября в Петропавловск прибыл особоуполномоченный Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае Хрисанф Платонович Бирич с правами дореволюционного губернатора.

1922

15 января состоялись выборы пятой ПГД. В них приняли участие двести четыре избирателя.

6 февраля в Петропавловске прошли выборы в Приамурское Народное собрание.

7 февраля председателем новой ПГД избран Ч. К. Щипчинский, его заместителем — П. Т. Новограбленов, городским головой — Е. А. Колмаков. В городскую управу избраны также В. И. Румянцев и И. Т. Новограбленов. Депутатом Приамурского Народного собрания стал В. И. Артюхин.

16 февраля Х. П. Бирич объявил в Петропавловске и окрестностях военное положение в связи с появлением в районах селений Колыгерь, Завойко, Паратунка и Авача каких-то «партий вооружённых людей». В начале февраля красными партизанами в районе реки Крутоберегово по дороге в Завойко (Елизово) был захвачен и убит полковник Лукомский. В ответ белые (полагая, что Лукомский в плену) арестовали жён Ларина и начальника красной милиции Фролова, надеясь обменять их на Лукомского. Партизаны вывели из строя телеграфную линию, соединявшую Петропавловск с материком.

18 февраля в Петропавловск прибыло судно «Охотск» с продовольствием.

1 марта И. Е. Ларин подписал приказ штабу соединённых отрядов облнарревкома: «Занять боевые позиции около города. Установить секретные посты по тракту, ведущему по направлению к селению Завойко». Для согласования работы штаба с комитетом при штабе назначен уполномоченный облнарревкома М. И. Савченко-Славский (председатель Петропавловского уездного комитета РКП(б)), без одобрения которого штаб не мог решать ни одного вопроса.

25 апреля в селении Завойко открылся созванный облнарревкомом второй чрезвычайный Петропавловский уездный съезд. Его председателем избран делегат от Хайрюзовской волости И. В. Рябиков. Съезд призвал население Камчатки вступать в партизанскую борьбу с белыми. 10 мая съезд решил направить в Петропавловск делегацию во главе с Рябиковым для предъявления ультиматума Х. П. Биричу о добровольном оставлении Петропавловска, а японскому консулу — о выводе японских кораблей из Авачинской губы. Парламентёры Рябиков, Попов и Яковлев были арестованы по распоряжению начальника политического розыска канцелярии Бирича П. Д. Пояркова. Спустя четыре месяца Рябиков был убит. Подпоручик Поярков был вскоре застрелен партизанами. Бирича в феврале 1923 г. расстреляли во Владивостоке по решению ревтрибунала.

31 мая партизаны передали через заведующего сельхозфермой И. Ф. Голованова ультиматум ПГД и японскому консулу: если И. В. Рябикова не освободят, то они «откроют военные действия».

2 июня посланный на сельхозферму для получения ответа на ультиматум отряд партизан был застигнут врасплох казаками. В завязавшемся бою погибли партизаны Бохняк, Войцешек, Давыдов, Тушканов.

1 августа в бою с белыми погиб командир паратунского партизанского отряда Г. М. Елизов.

3 сентября начальник Петропавловского гарнизона капитан 1-го ранга Б. П. Ильин направил сторожевое охранение на городские покосы и рыбалки.

6 сентября в Петропавловске состоялись торжества, посвящённые шестьдесят восьмой годовщине обороны города от англо-французов. Начальник гарнизона Б. П. Ильин устроил банкет. В конце сентября он стал временно исполняющим обязанности начальника Камчатской области.

25 октября из Владивостока прибыли новый начальник Камчатской области генерал-майор П. И. Иванов-Мумжиев и правитель его канцелярии А. А. Пурин. Именно в этот день во Владивосток вошли части красной Народно-Революционной армии.

26 октября Авачинскую губу покинули японские корабли, находившиеся здесь с 1918 г. под предлогом защиты японских граждан.

2 ноября, погрузив на пароход «Сишан» и канонерскую лодку «Магнит» казённое имущество и продовольствие, в том числе принадлежавшие органам городского самоуправления, белые во главе с Ивановым-Мумжиевым и Ильиным покинули Петропавловск.

10 ноября в Петропавловск вошли партизанские отряды. В ноябре облнарревком принял решение об упразднении ПГД. Руководители Думы и городской управы были арестованы. Позднее арестовали почти всех членов пятой ПГД (двадцать четыре из тридцати одного).

21 декабря из Владивостока прибыл экспедиционный отряд Красной Армии (войск Охотско-Камчатского края). Командир отряда — М. П. Вольский, комиссар — В. М. Кручина.

1923

1 января вышел первый номер газеты «Полярная звезда» — органа губбюро РКП(б). Создано губернское ГПУ (Главное политическое управление), которое занялось «Думским делом» — по обвинению членов пятой ПГД в сотрудничестве с белыми.

6 января создано Камчатское губбрюро РКП(б), ответственный секретарь В. М. Кручина (Толкачёв), члены — М. П. Вольский (Мышкин) и М. И. Савченко-Славский.

3 февраля во Владивостоке революционный трибунал рассмотрел дело «Камчатской экспедиции» и приговорил её руководителя, особоуполномоченного меркуловского правительства Х. П. Бирича к расстрелу.

В мае на пароходе «Томск» из Владивостока приехала группа врачей и учителей.

6 мая состоялась перепись населения в Петропавловске. Её результаты: всего в городе жили 1 193 человека, в том числе 705 мужчин и 488 женщин (для сравнения, в 1914 г. — 1 189, а в 1920 г. — 1 027), то есть численность населения за десять лет почти не изменилась. Коренных жителей в 1923 г. было всего 121, остальные — приезжие из других районов России и из-за рубежа (в числе последних 119 китайцев, 85 корейцев, 30 японцев и 36 европейцев и американцев). В городе насчитывалось 489 хозяйств, в них: 36 лошадей, 148 голов крупного рогатого скота, 84 свиньи и 322 собаки.

Строений в городе — двести восемьдесят, в том числе сто семьдесят семь жилых.

21 мая в Авачинскую губу пришёл японский транспорт «Канто» в сопровождении отряда миноносцев. Предлог — контроль состояния японских рыбалок на Камчатке, а также осмотр погибшего в районе Озерной крейсера «Ниитака».

8 июля на общем собрании молодёжи Петропавловска создана городская организация РКСМ (Российского коммунистического Союза молодёжи) во главе с В. Соловьёвым.

23 июля выездная сессия Приморского губернского суда рассмотрела «Думское дело», девятнадцать думцев были оправданы. Суд признал вину четверых: Ч. К. Щипчинского («препятствовал вывозу муки облнарревкомом в сопки при оставлении Петропавловска»), Е. А. Колмакова («выступал активно против революционного комитета»), П. Т. Новограбленова («настаивал на принятии репрессивных мер против власти трудящихся, называя коммунистов-большевиков шайкой разбойников»), В. И. Артюхина («будучи членом меркуловского Народного собрания, информировал о положении меркуловской власти»). Приговор: «поразить в правах сроком на пять лет... подвергнуть условному наказанию сроком на пять лет с конфискацией имущества... В ознаменование пятой годовщины Октябрьской революции срок наказания сократить наполовину». Другие камчатские парламентарии были репрессированы в 1930-е гг.: по три года лишения свободы получили: А. Д. Брагин, Н. В. Савин и П. К. Шерстенников, «высылку» — Н. И. Болтенко и Е. В. Хабаров, один год «гласного контроля» — Н. И. Селиванов. Умерли под следствием Д. А. Шигаев и Н. В. Флетчер. К десяти годам лишения свободы с конфискацией имущества был приговорён В. Е. Лунёв. Такой же срок лишения свободы тройка ОГПУ Дальневосточного края определила председателю первой ПГД А. Я. Эггенбергу, который к тому времени заведовал кафедрой общей зоотехники Благовещенского сельхозинститута. В январе 1934 г. по делу «Автономная Камчатка» были расстреляны девять бывших парламентариев: Е. А. Колмаков, братья И. Т. и П. Т. Новограбленовы, И. М. Бадах, А. А. Ворошилов, И. Ф. Голованов, С. В. Ганцев, И. Д. Козырев, И. П. Корякин. В 1938 г. высшую меру с конфискацией имущества получил И. Я. Иванов. В 1953 г. в Харбине (Китай) был арестован А. А. Пурин, который умер под следствием в Хабаровске. Все думцы были реабилитированы в 1950—1990-х гг. Генерал Н. А. Поляков, В. И. Бочкарёв и многие офицеры погибли в Гижиге в апреле 1923 г. во время нападения отряда Г. И. Чубарова.

27 июля из Петропавловска во Владивосток отбыл экспедиционный отряд 5-й Краснознамённой армии.

5 августа восхождение на Авачинский вулкан совершили известный исследователь Дальнего Востока и писатель В. К. Арсеньев и камчатский краевед П. Т. Новограбленов.

1924

18 февраля опубликовано постановление Президиума ВЦИК РСФСР о присвоении центру Камчатской губернии наименования «Петропавловск-Камчатский».

26 мая принято постановление Дальревкома об организации Охотско-Камчатского рыбопромышленного общества (ОКАРО).

7 сентября вышел первый номер газеты «Камчатский ленинец» (позднее — «Камчатский комсомолец»).

5 ноября умер В. М. Кручина.

1926

4 января Камчатский округ с районами — Петропавловским, Тигильским, Пенжинским, Анадырским, Чукотским — включены в Дальневосточный край с центром в Хабаровске.

1926—1927

Проведена Приполярная перепись северных окраин Дальневосточного края. Некоторые её результаты по национальному составу: камчадалы-ительмены, сохранившие свой язык и культуру (в девяти селениях на западном побережье), — около восьмисот человек; камчадалы со смешанной культурой и особым диалектом русского языка (на юге западного побережья, в бассейнах рек Большой и Камчатки, в районе Авачинской губы — 4 207; русские в южной части Камчатского округа (без населения Петропавловска) — более четырёх тысяч; русские в северных районах Камчатского округа — 1 850.

1927

4 июня образовано Акционерное Камчатское общество (АКО), сыгравшее огромную роль в комплексном развитии экономики Камчатки. Акционерами АКО являлись исключительно государственные организации. В договоре о создании общества говорилось: «В целях развития экономической жизни и рационального использования естественных богатств Камчатского округа и Охотского и Ольского районов Дальневосточного края, островов, находящихся в Охотском и Беринговом морях, и острова Врангель в Ледовитом океане — учреждается Акционерное общество под названием “АКО”». В течение восемнадцати лет АКО решало задачи комплексного развития производительных сил края, освоения всех

природных ресурсов Камчатки. Были построены десятки рыбокомбинатов, созданы рыбодобывающий и транспортный флот, судоремонтные предприятия, жестянобаночная фабрика. Получили развитие обслуживающие производства: лесная и деревообрабатывающая промышленность, строительство, энергетика, транспорт, сельское хозяйство, горная промышленность, геологоразведка. В десятки раз выросло население края. АКО явилось целой эпохой в жизни Камчатки, в корне изменило её облик. В силу ряда причин развитие получили в основном рыбная промышленность и обслуживающие её производства. Это вылилось в моноспециализацию Камчатского края, которая стала причиной многих сложностей, переживаемых им до сих пор. В 1930-е гг., не меняя название «акционерное общество», АКО превратилось в обычное государственное предприятие, а в 1945 г. было преобразовано в Камчатский государственный рыбопромышленный трест.

Вступил в строй первый государственный рыбоконсервный завод — РКЗ-1 в Усть-Камчатске, на месте разрушенного цунами в 1923 г. завода промышленника А. Г. Дембри.

1928

В марте в Петропавловске вошла в строй первая коммунальная городская электростанция, располагавшаяся на улице Советской.

Вступили в строй РКЗ-2 в Усть-Камчатске и РКЗ-3 в Озерной. АКО закупило первые транспортные суда в США, положившие начало морскому транспортному флоту АКО — АКОфлоту.

21—30 августа в Петропавловске состоялся первый Камчатский окружной съезд Советов.

1928—1933

На Камчатке появилась лесная промышленность. Созданы пять леспромхозов и Ключевской лесопромышленный комбинат, который обеспечивал потребности области в пиломатериалах для строительства, бочкотаре и в строительстве кавасаки (судов для перевозки рыбы с неводов).

1929

На базе сельхозфермы, созданной в 1916 г. на берегу Фермерского ручья (ныне Совхозного, что в районе остановки Камчатскоммунпроект), был создан первый на Камчатке совхоз «Камчатский пионер» (впоследствии Ближний совхоз).

18 сентября в Авачинской губе приводнился самолёт АНТ-4 «Страна Советов», совершавший сверхдальний агитационный перелёт по маршруту: Москва — Камчатка — Нью-Йорк. Экипажу самолёта жители города устроили торжественную встречу.

В селении Сероглазка создан рыболовецкий колхоз имени С. Лазо, в Петропавловске — «Амурский партизан», в Аваче — «Красная связь», в старой Тарье — имени Сталина, в бухте Саранной — «Вилюй». Позднее они объединились в рыболовецкий колхоз имени В. И. Ленина.

1930

В январе главная контора АКО переехала из Владивостока в Петропавловск. Это вызвало рост промышленного и коммунального строительства в городе. На северном берегу Култучного озера по склону Мишенной сопки вырос посёлок сотрудников АКО — АКОград. Это нынешние улицы Ленинградская, Ключевская, Чукотская, Вилюйская, Фрунзе, Осипенко и другие. С центральной частью города его связывала дорога, проложенная по Озерновской косе, на которой были построены в ноябре 1931 г. лесопильный завод и механические мастерские АКО.

В Петропавловске открылся педагогический техникум.

10 декабря образованы Корякский и Чукотский национальные округа.

1931

В Петропавловске приземлился американский лётчик Чарльз Линдберг, совершавший кругосветный перелёт.

1932

11 мая открылась пассажирская авиалиния по маршруту Петропавловск — Николаевск-на-Амуре.

27 мая в Петропавловске организована станция Тихоокеанского института рыбного хозяйства (ТИРХ), ныне — КамчатНИРО.

16 октября состоялась торжественная встреча ледокольного парохода «Сибиряков», впервые прошедшего Северным морским путём в одну навигацию из Архангельска в Петропавловск.

20 октября Дальневосточный край разделён на Приморский и Хабаровский. Камчатская область включена в состав Хабаровского края.

1933

21 апреля в Петропавловске открыт профессиональный драматический театр.

7 октября прибыл самолёт С-55, прилетевший из Владивостока через Николаевск-на-Амуре, Аян, Хайрюзово. Пилотировал его знаменитый лётчик А. О. Демченко.

1934

Впервые без посадки совершил перелёт из Александровска-на-Сахалине в Петропавловск лётчик А. Иванов.

Создан авиаотряд, состоявший из шести самолётов У-2.

29 мая на пароходе «Смоленск» и ледоколе «Красин» в Петропавловск прибыли спасённые челюскинцы. Вместе с ними — лётчики-спасатели — первые Герои Советского Союза Ляпидевский, Леваневский, Каманин, Водопьянов, Молоков.

1935

В марте в Петропавловск прилетел Герой Советского Союза Водопьянов, совершавший авиационный рейс по маршруту Москва — мыс Шмидта — Москва.

11 апреля в Петропавловске открылся звуковой кинотеатр «Полярная звезда» с залом на триста сорок зрителей.

В бухте Раковой началось строительство Петропавловской судоверфи (ПСРВ).

1936

19 января АКО приняло решение о создании базы активного опытного лова (БАОЛ) на базе Карагинского рыбокомбината. БАОЛ положила начало активного рыбного промысла в открытом море на Камчатке.

22 июля над Петропавловском пролетели и сбросили вымпел с поздравлением жителям Камчатки совершавшие на самолёте АНТ-25 беспосадочный перелёт по маршруту Москва — Петропавловск — остров Удд знаменитые лётчики Чкалов, Байдуков и Беляков.

1 августа в Петропавловск прилетел ещё один из спасателей челюскинцев — Герой Советского Союза В. С. Молоков.

1 ноября на берегу Халатырского озера построен первый стационарный аэропорт на Камчатке и создано первое подразделение гражданской авиации.

6 ноября пущена в эксплуатацию первая очередь ПСРВ. Посёлок работников СРВ получил название «Индустриальный».

17 ноября в Петропавловске открылось медицинское училище.

1938

БАОЛ преобразована в Базу морского лова (Морлов).

1939

Рыбаки Камчатки впервые добыли более миллиона центнеров рыбы.

Вступила в строй Петропавловская жестянобаночная фабрика.

По переписи населения на полуострове проживало 132 799 человек, из них в Петропавловске — 35 400.

1941

25 июня в Петропавловске состоялся митинг трудящихся по случаю начала Великой Отечественной войны. В его резолюции

говорилось: «Трудящиеся Камчатки готовы отдать все свои силы, знания и жизнь за родину, за честь, за свободу!»

26 июня в черту Петропавловска включены: посёлок Индустриальный, село Авача, Сероглазка и совхоз «Петропавловский» (бывшая сельхозферма на Четвёртом километре).

1942

Открылся Петропавловск-Камчатский морской рыбопромышленный техникум с четырьмя отделениями и четырёхгодичным сроком обучения.

1943—1945

В годы войны Камчатка (Авачинская губа и бухта Ахомтен-Русская) стали опорными базами для советских и иностранных судов, следовавших из портов США и Канады с грузами союзнической помощи (по программе ленд-лиза).

1943

16 октября Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление № 4344 о строительстве в Петропавловске морского торгового порта. Для этого была создана специальная организация — «Камчатморстрой», начальником которой назначен Алексей Николаевич Виноградов.

15 декабря началось строительство порта. На земляные работы были привлечены в основном военнослужащие. В конце декабря стройку посетил уполномоченный ГКО известный полярник И. Д. Папанин.

1945

1 января население Петропавловска составило 23 230, а вместе с окрестными посёлками — Индустриальным, Сероглазкой, Авачей, Моховой, совхозом имени Сталина, Халактыркой — 35 433 человека.

9 августа на территории Камчатки введено военное положение.

17 августа из Петропавловска к острову Шумшу вышел отряд кораблей с десантом для освобождения Курильских островов («Курильский десант»).

8 сентября в Петропавловске состоялась торжественная встреча воинов Курильского десанта.

5 октября ликвидировано АКО, на его базе образован Камчатский госрыбтрест. От расформированного АКО к нему перешли сорок рыбокомбинатов, сорок пять рыбоконсервных заводов, ПСРВ, Морлов, АКОфлот в составе четырнадцати крупнотоннажных пароходов. Предприятия других отраслей хозяйства АКО были переданы соответствующим ведомствам.

1946

В июле состоялся первый выпуск специалистов Петропавловск-Камчатского морского рыбопромышленного техникума.

1949

17 мая создано Камчатско-Чукотское государственное морское пароходство. Его задача — обеспечить завоз товаров народного потребления в районы Камчатской области и вывоз оттуда рыбопродукции и древесины.

1952

Петропавловск-Камчатский морской рыбопромышленный техникум преобразован в Петропавловск-Камчатское мореходное училище. Студены стали курсантами, началась их военно-морская подготовка.

1954

4—5 сентября состоялось празднование столетия Петропавловской обороны. Открыт памятник героям батареи № 3, которой командовал лейтенант А. П. Максутов.

1956

23 января Камчатская область выведена из Хабаровского края и стала самостоятельной.

В ноябре в Петропавловске открыт многозальный кинотеатр «Камчатка».

1957

Создан учебно-консультационный пункт (УКП) Всесоюзного заочного института рыбной промышленности. В 1958 г. он преобразован в УКП Дальневосточного технического института рыбной промышленности и хозяйства (Дальрыбвтуз).

30 октября в черту Петропавловска включены районы с 6-го по 10-й километр Елизовского шоссе и село Халактырка.

1958

В мае открылись широкоэкранный кинотеатр «Октябрь» на улице Ленинградской (ныне школа единоборств) и кинотеатр «Маяк» на улице Рябиковской.

31 августа заработал Камчатский государственный педагогический институт (ныне — КамГУ имени В. Й. Беринга).

1 сентября открылся Петропавловский торгово-кооперативный техникум.

1959

В мае Управление активного морского рыболовства — УМАР (бывший Морлов) преобразовано в Управление тралового и рефрижераторного флота (УТРФ).

В августе открылся второй морской рыбопромышленный техникум, ныне — Камчатский политехникум.

1960

На базе трёх колхозов, расположенных на берегах Авачинской губы, создан городской рыболовецкий колхоз имени В. И. Ленина, ставший крупнейшим хозяйством в СССР.

13 мая открылось Камчатское областное музыкальное училище — ныне колледж искусств.

1961

18 октября вступил в строй телецентр в Петропавловске.

В конце декабря УТРФ прибыл первый большой морозильный рыболовный траулер (БМРТ) «Браслав».

1962

5 октября вновь открылось (было закрыто в 1958 г. в связи с образованием пединститута) Петропавловское педагогическое училище.

1964

БМРТ УТРФ «Николай Островский» установил всесоюзный рекорд вылова рыбы — сто пятьдесят тысяч центнеров.

1967

Из состава УТРФ выделен морской транспортный флот (Камчатрыбфлот) и Петропавловский морской рыбный порт.

1968

1 апреля из УТРФ выделена группа больших морозильных траулеров, на основе которой сорганизована еще одна самостоятельная флотская организация — Управление океанического рыболовства (УОР).

10 октября начались занятия на дневном отделении Камчатского филиала Дальрыбвтуза (ныне — КамчатГТУ).

1975

Создан объединённый промысловый флот рыболовецких колхозов из среднетоннажных судов. В него из колхозов области перешли 1 558 колхозников. С 1978 г. — УПФ КМПО, с 1992 г. — акционерное общество «АКРОС».

1976

В июне Петропавловск впервые посетил глава иностранного государства — президент Финляндии Урхо Калева Кекконен.

1977

1 января — Камчатрыбфлот преобразован в «Рыбхолодфлот».

Образовано производственное объединение «Камчатрыбпром».

5 марта начались беспосадочные полёты самолёта Ту-154 по маршруту Петропавловск — Москва.

1978

16 июня воздушный лайнер Ил-62М открыл трассу беспосадочного перелёта по маршруту Петропавловск-Камчатский — Москва.

В Океанрыбфлот (бывший УОР) начали поступать суда типа БАТМ (большие автономные траулеры-морозильщики). За десять лет их пришло двадцать единиц.

1980

15 апреля на Камчатке открыт второй профессиональный театр — областной театр кукол.

1986

21 ноября принято постановление Совета Министров СССР об организации Петропавловск-Камчатского высшего инженерного морского училища (ПКВИМУ) на базе Камчатского филиала Дальрыбвтуза.

1989

ПКВИМУ преобразовано в ПКВМУ в результате слияния с Петропавловск-Камчатским мореходным училищем (ПКМУ) с правом подготовки специалистов по двухступенчатой системе.

1990

В октябре торжественно отмечен двухсотпятидесятилетний юбилей Петропавловска-Камчатского.

1995

В апреле Камчатское отделение Тихоокеанского института рыбного хозяйства и океанографии стало самостоятельным институтом «КамчатНИРО».

1997

3 апреля ПКВМУ преобразовано в Камчатскую государственную академию рыбопромыслового флота (КГАРФ).

В июле отмечено трёхсотлетие вхождения Камчатки в состав России.

1999

7 декабря КГАРФ переименована в Камчатский государственный технический университет (КамчатГТУ).

2007

1 июля создан новый субъект Российской Федерации — Камчатский край.

Содержание

Предисловие 3
Камчатка и русские мореплаватели 17
Патриарх камчатского мореходства 40
Курилороссия 68
Камчатка и исследование русскими Южных Курильских островов в XVIII в. 92
«Камчатские» японцы 125
Камчатка и русские глазами спутников Джеймса Кука 152
«Лиша чинов... сослать в Камчатку» 180
Камчатка и первое русское кругосветное плавание 204
В. С. Завойко — исследователь Русской Америки и Дальнего Востока 233
Б. Дыбовский — камчатский этнограф и языковед 242
Административно-территориальное управление Камчатским краем (1697—1917 гг.) 253
Русские исследователи о рыбных богатствах Камчатки и возможностях их использования 310
Способы добычи и обработки рыбы у коренных народов Камчатки 321
Иностранное браконьерство в водах Камчатки в XIX — начале XX вв. 327
История Камчатки: события и люди 345

Библиотека «Вопросов истории Камчатки»

Валерий Николаевич АРОВ

«О КАМЧАТСКОЙ ЗЕМЛЕ НАПИСАНО...»

Редактор-составитель С. В. Гаврилов
Верстка и макет С. В. Гаврилова
Корректор А. А. Пересыпкина
Дизайн переплета О. И. Набутовской

Подписано в печать 10.02.2018. Формат 60x84/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,15.
Тираж 500. Заказ 226

ООО «Холдинговая компания "Новая книга"».
683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 60.
Тел./факс 8(4152) 41-12-60

Отпечатано в ОАО «ИПК "Дальпресс"»
690950, г. Владивосток, пр-т Красного знамени, 10